

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Hw RRN2 2

893.105

V92

Columbia University ¹⁵
in the City of New York 1895

THE LIBRARIES

Env. - mart

GIVEN BY

Mrs. R. Lukashok

WITHDRAWN

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ. $\frac{7}{VI}$ 40

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Январь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1865.

Mrs. Rebecca Kufner
5/28/40

Δ
K S F 458 ($\frac{1895}{\text{Jan - Mar.}}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 23 1950

Nov 4

ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА.

I.

Мейеровичъ еще спалъ, когда корридорный, дѣлая видъ, что ступаетъ осторожно, но на самомъ дѣлѣ немилосердно стуча высокими подборами своихъ полуразвалившихся ботинокъ, съ шумомъ поставилъ на столъ чайный приборъ, притомъ такъ неловко, что крышка чайника скатилась и упала на блюдо. Какъ ни крѣпко спалъ молодой человѣкъ, но этотъ стукъ, скрипъ и трезвонъ заставили его въ испугѣ привскочить и открыть глаза.

— Что такое? Что случилось?—спросилъ онъ въ недоумѣнн, озираясь кругомъ.

— Ничего, баринъ. Проклятая крышка... который разъ она уже падаетъ... хоть бы разбилась, поганая.

— Что, повдно?

— Пятый уже разъ самоваръ раздуваю.

Молодой человѣкъ потянулся и сладко вѣвнулъ.

— Ну, хорошо, я встаю. Пусть самоваръ стоитъ. Я самъ заварю.

— А булки прикажете?

— Вчерашняя куда же дѣвалась?

— Съѣли стало быть. Я не бралъ.

Мейеровичъ былъ человѣкъ расчетливый и пріѣхалъ въ К. не ватѣмъ, чтобы давать буфетчику наживаться на его счетъ. Поэтому онъ собирался уже произвести формальное разслѣдованіе относительно оставшейся съ вечера булки, но корридорный, чувствуя, повидимому, грѣхъ на своей душѣ, вдругъ сказалъ:

— Тамъ господинъ какой-то васъ спрашиваетъ.

— Меня, господинъ?.. Гдѣ же онъ?

— Въ буфетѣ чай пьютъ. Велѣли о себѣ доложить, когда вы встанете.

Мейеровичъ не ждалъ къ себѣ никакого господина, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ въ городѣ никого не зналъ и во время своего двухнедѣльнаго пребыванія здѣсь успѣлъ только познакомиться съ аптекаремъ, съ которымъ велъ переговоры объ арендованіи у этого послѣдняго аптеки. Не аптекаръ ли это явился къ нему? Но зачѣмъ? Вчера они условились встрѣтиться сегодня въ 12 часовъ въ аптекѣ, для продолжанія переговоровъ; слѣдовательно, это не аптекаръ. Но кто же? А можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ аптекаръ и пришелъ онъ ему сказать, что раздумалъ, что аптеки онъ ему въ аренду не отдастъ. При этой мысли Мейеровичъ даже поблѣднѣлъ и сапогъ, который онъ держалъ въ рукахъ, со стукомъ упалъ на полъ. Такъ какъ корридорнаго уже не было въ номерѣ, а Мейеровичъ сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе узнать, кто этотъ господинъ, который его спрашиваетъ, и что ему нужно, то онъ изъ всѣхъ силъ дернулъ грязную сонетку, висѣвшую у дверей; но, не удовлетворившись этимъ, онъ полуоткрылъ дверь и громко крикнулъ:

— Корридорный!

Потомъ онъ сталъ быстро одѣваться. На ходу онъ всыпалъ щепотку чаю въ чайникъ, заварилъ его кипяткомъ и поставилъ на канфорку, на ходу же открылъ верхній ящикъ стараго комода и, убѣдившись, что тарелка, на которой лежалъ оставленный имъ вчера хлѣбъ пуста, въ досадѣ двинулъ ящикъ обратно. Случайно брошенный имъ взглядъ въ зеркало нѣсколько успокоилъ его. Тщательно расчесанные и напомаженные волосы, надушенные усы и модная жакетка—придавали молодому человѣку совсѣмъ щеголеватый видъ и онъ не даромъ остался доволенъ собой.

— Ничего,—проговорилъ онъ вслухъ,—постоймъ за себя!

Относилась ли эта, случайно сорвавшаяся, фраза къ кому

нибудь въ частности, или это просто было выраженіемъ его внутренняго настроенія, это поза оставалось тайной, потому что вниманіе его было отвлечено легкимъ скрипомъ дверей. Хотя дверь и полуоткрылась, но никто не показывался, и Мейеровичъ, вспомнивъ, что лакей, котораго онъ звалъ, еще не явился, совершенно машинально крикнуть:

— Корридорный!

На этотъ разъ дверь открылась уже смѣлѣе и вмѣсто корридорнаго въ ней показался почтеннаго вида господинъ, съ серьезнымъ лицомъ и съ улыбающимися и нѣсколько заискивающими глазами.

— Это не аптекарь, — мысленно промывнесь Мейеровичъ и испуганное лицо его мгновенно преобразилось и приняло непринужденное и даже нѣсколько надменное выраженіе чловѣка, къ которому «господа приходятъ по дѣлу».

— Надѣюсь, я вамъ не помѣшалъ? — довольно чисто, хотя и съ неизмѣннымъ акцентомъ, проговорилъ вошедшій.

— О, нисколько... прошу васъ. Чѣмъ могу служить?

Сказавъ это, Мейеровичъ придвинулъ гостю стулъ, а самъ сѣлъ на диванъ, принявъ позу чловѣка, готоваго слушать.

— Вы, кажется, собираетесь чай пить. Пожалуйста, не стѣсняйтесь, пейте. Мое дѣло такое, что можно пить и слушать.

— Можетъ быть и вы выпьете. Ради компаніи, говорятъ, и жидъ повѣсилса.

Мейеровичъ, когда былъ въ духѣ, любилъ острить, а теперь онъ былъ въ духѣ, чувствуя, что этотъ приличнаго вида господинъ, съ окладистой бородой, собирается ему сказать что-то пріятное.

— Ха, ха!.. Хорошо сказано, — съ сдержаннымъ смѣхомъ замвилъ гость. — Какъ разъ въ самую суть попали. Однимъ словомъ охарактеризовали наше положеніе. Вы, конечно, слѣдите за событіями.

Мейеровичъ, который почему-то считалъ, что онъ не похожъ на еврея, а скорѣе на грека, или въ худшемъ случаѣ

на армянина, какъ то даже обидѣлся и хотѣлъ было уже оборвать своего гостя, но послѣдній вкрадчиво замѣтилъ:

— Конечно вамъ, людямъ привилегированнымъ, это не такъ чувствительно, можно сказать, даже совѣмъ не чувствительно. А позвольте спросить, какъ идутъ ваши переговоры съ аптекаремъ Шмычковичемъ?

— Ничего, хорошо. Мы уже кончили, — выпалилъ Мейеровичъ, самъ не отдавая себѣ отчета, почему онъ совралъ.

— Кончили? Ну, слава Богу. Дѣло хорошее, а въ рукахъ такого молодого человека, какъ вы... Только знаете, что нужно, чтобы это дѣло поставить на надлежащую ногу, такъ, чтобы всѣ вамъ позавидовали?

— Что же именно? — полюбопытствовалъ Мейеровичъ.

— Денегъ, побольше денегъ.

«Вотъ дуракъ!» подумалъ Мейеровичъ и болѣе подозрительно взглянулъ на сидѣвшаго предъ нимъ господина.

— Ну, за этимъ дѣло не станетъ, — проговорилъ онъ. — Но позвольте васъ спросить, по какому собственно дѣлу...

— Сейчасъ, сейчасъ. Дѣло не убѣжить, — наставительно произнесъ незнакомецъ и вкрадчиво улыбнулся. — А вы долго еще намѣрены погостить у насъ?

— Нѣтъ, завтра же думаю уѣхать, — проговорилъ Мейеровичъ, начиная уже терять терпѣніе.

— Завтра? Зачѣмъ такъ скоро? Вы должны погостить у насъ. Здѣсь, право, уже не такъ скверно.

— Я сюда пріѣхалъ не веселиться, — въ сердцахъ проговорилъ Мейеровичъ и, вынувъ часы, демонстративно раскрылъ ихъ, желая этимъ напомнить назойливому посѣтителю, что онъ не намѣренъ попусту тратить время.

А посѣтитель, какъ будто ничего не замѣчая, продолжалъ:

— Зачѣмъ веселиться. Развѣ получить круленькую сумму, въ нѣсколько тысячъ, для расширенія дѣла, не серьезное дѣло?

— Я васъ не понимаю.

— А вотъ сейчасъ поймете, — невозмутимо и по през-

нему вкрадчиво улыбаясь, проговорилъ незнакомый господинъ. — Вы, какъ изволили сказать, заключили уже контрактъ съ господиномъ Шмычковичемъ. Теперь уже не господинъ Шмычковичъ аптекаръ, а вы — господинъ Мейеровичъ. Господинъ Шмычковичъ, положимъ, всегда нуждался въ деньгахъ.

— А я не нуждаюсь, — оборвалъ его Мейеровичъ. — Что же вы думаете, что я, подобно господину Шмычковичу, буду заскивать у разныхъ ростовщиковъ и вохерниковъ?

— Ни-ни, Боже мой... Какъ я могу думать о васъ такъ дурно, господинъ Мейеровичъ. Мы съ вами найдемъ лучший способъ для добыванія денегъ.

— Ну?..

— Что бы вы сказали, еслибъ вамъ предложили благородную невѣсту, съ приличнымъ приданымъ?

— Кто же?

— Хоть бы и я.

— Вы?

И Мейеровичъ во всё глаза посмотрѣлъ на своего посетителя, который по наружному виду такъ мало былъ похожъ на заправскаго свата. Сморще онъ напоминалъ солиднаго купца, торговца сукнами, арендатора винокуренного завода, крупнаго фактора наконецъ, но не свата.

— Такъ вы шадкенъ? — невольно вырвалось у Мейеровича.

— Что вы, что вы! Бентовины никогда не были шадкенами, а я Бентовичъ, — съ сознаниемъ собственного достоинства произнесъ незнакомецъ.

Хотя фамилія Бентовичъ ничего не говорила сама по себѣ, и Мейеровичъ ничего не слышалъ объ ней, тѣмъ не менѣе, онъ проникся нѣкоторымъ уваженіемъ къ человѣку, который умѣетъ держать себя съ такимъ достоинствомъ.

— Простите, — извинился онъ совершенно искренно. — Но какъ мнѣ понять васъ?

— Очень просто. Хотя я и не свать по ремеслу, но я предлагаю вамъ очень выгодную партію.

— Но я не думаю еще жениться.

— И дурно дѣлаете. Не упускайте счастливаго случая.

— Такихъ счастливыхъ случаевъ, полагаю, много.

— Ага! — какъ бы встрепенувшись, промывчалъ Вентонинъ: — такъ вамъ уже предлагали? Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такой славный молодой человѣкъ, какъ вы, не останется долго безъ невѣсты.

Мейеровичъ, которому дѣйствительно со всѣхъ сторонъ предлагали выгодныя партіи, былъ воля на себя, зачѣмъ онъ, хотя бы намекомъ, проболтался этому хитрому (онъ такъ называлъ его въ умѣ) человѣку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разъ затронутое въ немъ любопытство росло все больше и больше и, несмотря на его явный протестъ и пренебрежительное отношеніе къ предложенію Вентовина, онъ жаждалъ узнать въ чемъ дѣло.

— Не скрою отъ васъ, мнѣ предлагаютъ много партій и очень выгодныхъ, — съ особеннымъ удареніемъ проговорилъ Мейеровичъ, который теперь уже не сомнѣвался, что предъ нимъ такой же заправскій шадхенъ, только болѣе шлифованный и потому болѣе опасный, чѣмъ тѣ, которые его въ послѣднее время такъ осаждали. — Да, очень выгодныхъ, — повторилъ онъ. — Только я рѣшилъ не спѣшить и во всякомъ случаѣ прежде обзавестись собственнымъ дѣломъ.

— Чего вы теперь достигли, — лукаво подмигнувъ ему, проговорилъ Вентонинъ.

— Да, достигъ, — слегка краснѣя и волнуясь, отвѣтилъ Мейеровичъ.

— Въ такомъ случаѣ примите мои услуги. Могу васъ увѣрить, какъ бы выгодны ни были тѣ предложенія, которыя вамъ дѣлали разные «шадхены», выгоды моего предложенія вы не найдете. Я знаю цѣну людямъ и чего каждый заслуживаетъ. Еще скажу вамъ: не вѣрьте вы шадхенамъ, — они часто вадуваютъ.

Мейеровичъ это зналъ и безъ него, но искренній тонъ Вентовина, его благородная осанка, приличный во всѣхъ отноше-

нѣхъ видѣ подкупили молодого человѣка. Но все-таки онъ счелъ нужнымъ показать и себя.

— Ну, меня-то не легко надуть.

Бентовинъ не отвѣчалъ и только бросилъ испытующій взглядъ на молодого аптекаря.

Наступила короткая пауза.

Мейеровичъ допивалъ свой чай, дѣлая большіе промежутки между глотками и стараясь придать себѣ видѣ равнодушнаго человѣка. Но въ душѣ онъ воливался и продолжительное молчаніе Бентовина начинало его тревожить. Не раздумалъ ли онъ, не нашелъ ли онъ его неподходящимъ для его «счастливаго случая».

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Что же собственно вы мнѣ предлагаете?

Бентовинъ медленно поднималъ на него глаза, какъ бы продолжая свои наблюденія, и не безъ нѣкотораго задора сказывалъ:

— То, что я имѣю вамъ предложить, безъ сомнѣнія, вамъ понравится. Но прежде чѣмъ посвятить васъ въ подробности, я позволю себѣ спросить, — сколько приданаго вамъ предлагали другіе?

Мейеровичъ не ожидалъ такого прямого вопроса и видимо смутился. То, что ему предлагали, было весьма неопредѣленно и колебалось въ такихъ широкихъ границахъ, главное, такъ мало удовлетворяло его, что онъ рѣшительно не зналъ, что отвѣчать. Ему, конечно, хотѣлось получить какъ можно больше, но онъ отлично зналъ тотъ минимумъ и максимумъ, изъ предѣловъ которыхъ ему нельзя было выйти иначе, какъ рискуя быть уличеннымъ во лжи и хвастовствѣ.

— Буду съ вами вполне откровененъ, — сказалъ онъ наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья. — Мнѣ теперь сватаютъ невѣсту съ шестью тысячами.

— Можете, слѣдовательно, рассчитывать на половину, то есть на три тысячи, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ и, глядя прямо въ глаза молодому аптекарю, отвѣтилъ Бентовинъ.

— Почему же? — вспыхнула Мейеровичъ.

— Почему? Потому, что когда говорятъ, что такой-то имѣеть сто тысячъ капитала, то, будьте увѣрены, что у него едва наберется двадцать пять, а если общають жениху шесть тысячъ и то черезъ шадхена, то въ лучшемъ случаѣ даютъ только три. А я предлагаю вамъ восемь и вотъ этой головой — причеъ онъ энергично ткнулъ себя кулакомъ въ голову — ручаюсь, что всѣ восемь тысячъ, до единой копѣйки и съ процентами со дня помолвки, будутъ вамъ вручены въ руки. Что вы на это скажете, а?

Мейеровичъ ничего не отвѣчалъ, такъ какъ въ его умѣ творилось нѣчто необыкновенное. Сознаваясь *откровенно* Бентовину, что ему предлагають шесть тысячъ, онъ солгалъ на цѣлую тысячу, а если, какъ онъ самъ опасался, его еще надуютъ на половину, то въ сущности приданое, на которое онъ могъ рассчитывать, сводилось къ очень небольшой суммѣ. А тутъ цѣлое богатство, даже въ томъ случаѣ, еслибы его вздумали надуть.

— Докторское приданое, не правда ли? — подзадоривалъ его Бентовинъ, отлично понимая, что творится въ душѣ молодого человѣка.

— Я согласенъ съ вами, — проговорилъ наконецъ Мейеровичъ. — Только если вы мнѣ поручитесь...

— Что васъ не надуютъ?.. Вотъ этой головой, а если вамъ этого мало, то чекомъ на государственный банкъ.

— Это послѣднее, пожалуй, будетъ вѣрнѣе.

— Такъ вы согласны?

Мейеровичъ замаялся.

— Пожалуй, только...

И онъ бросилъ тревожный взглядъ на Бентовина.

— Будьте увѣрены, что я поведу дѣло тонко. Хотя я не шадхенъ по ремеслу, но какъ вы сами позволите видѣть, я понимаю, гдѣ, что и какъ... У меня самого...

И онъ почему-то не докончилъ, замѣнивъ недосказанную мысль глубокимъ вздохомъ.

— Так я сегодня же начну переговоры,—сказал онъ послѣ минутной паузы,—но видя, что молодой человекъ все еще колеблется, прибавилъ:—Вы, можетъ быть, сомнѣваетесь на счетъ красоты невѣсты?

— Я во всякомъ случаѣ хотѣлъ бы знать...

— Положитесь на мой вкусъ. А что у Бентовина на этотъ счетъ есть вкусъ, это вамъ всякій въ городѣ скажетъ.

Мейеровичу ничего не оставалось, какъ повѣрить Бентовину на слово, тѣмъ болѣе, что вопросъ о наружности будущей невѣсты его меньше всего занималъ.

II.

Какъ только Бентовинъ удалился, Мейеровичъ послѣдно переодѣлся, досталъ нѣкоторыя нужныя бумаги и вышелъ на улицу.

Хотя еще не было 12-ти часовъ, но въ виду такъ неожиданно сложившихся для него обстоятельствъ, онъ рѣшилъ теперь же отправиться къ аптекарю Шмычковичу.

Переговоры относительно арендованія у послѣдняго аптеки, начатыя два дня тому назадъ, мало подвинулись впередъ. Причиной этого были съ одной стороны неговорчивость Шмычковича, съ другой—нѣкоторыя случайно замѣченныя Мейеровичемъ неточности въ редактурныхъ книгахъ. Число отпускаемыхъ номеровъ, сообразно которому обыкновенно устанавливается арендная плата, показалось Мейеровичу дутымъ, и онъ имѣлъ полное основаніе быть осторожнымъ при заключеніи контракта. Поэтому онъ и медленнѣ окончательнымъ рѣшеніемъ, желая своими ежедневными визитами въ аптеку и окольными разспросами убѣдиться, въ какомъ состояніи находятся дѣла г. Шмычковича. Мейеровича трудно было провести, такъ какъ онъ отлично зналъ всѣ закулисныя тайны аптекарскаго дѣла и самъ въ качествѣ служащаго не разъ принималъ участіе въ невинныхъ продѣлкахъ

своихъ патроновъ. Кромѣ того сами обстоятельства заставляли его быть крайне осторожнымъ.

Въ рѣшеніи сдѣлаться самому хозяиномъ собственнаго дѣла руководили имъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе мотивы: во 1-хъ, трудность отыскать мѣсто въ виду не только конкуренціи, но главнымъ образомъ вслѣдствіе отказа большинства аптекеровъ принимать на службу фармацевтовъ съ ветхозавѣтными именами, во 2-хъ, умъ г. Мейеровича уже очень рано уразумѣлъ ту истину, что лучше работать на себя, чѣмъ на хозяевъ, даже самыхъ идеальныхъ, а въ 3-хъ, или вѣрнѣе результатами этихъ двухъ столь сильныхъ аргументовъ, явилось непреодолимое стремленіе раздобыть необходимые для дѣла капиталы, что на языкѣ г. Мейеровича означало жениться. Но жениться, не имѣя собственнаго дѣла, была афера далеко не выгодная, и будущій тестъ Мейеровича навѣрное бы воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы купить жениха по дешевле. Мейеровичъ хотѣлъ миновать и эту опасность и составилъ планъ, который былъ одобренъ всѣми друзьями и который дальновидный и мудрый Бентовинъ мысленно называлъ геніальнымъ. Собравъ всѣ свои наличныя средства, которыхъ къ слову сказать было очень немного, и заручившись обѣщаніемъ небольшого кредита, въ случаѣ, если онъ найдетъ выгодное дѣло (съ условіемъ, однако, чтобы онъ непременно взялъ приличное приданое), Мейеровичъ не долго думая отправился въ К. къ аптекарю Шмыгчевичу, который въ это время пустилъ публикацію о сдачѣ аптеки въ аренду на *опредѣленныхъ условіяхъ*.

— Сдѣлаюсь аптекаремъ, заставлю ихъ таки попрыгать — не безъ внутренняго самодовольства думалъ Мейеровичъ, представляя, какъ надхвоя наперерывъ гоняются за нимъ, а онъ имъ говорить: не забывайте, что я теперь аптекарь. Тогда была одна цѣна, а теперь другая. Неожиданное появленіе Бентовина съ его блестящимъ предложеніемъ еще болѣе убѣдило Мейеровича въ геніальности его плана и до того вскружило ему голову, что онъ забылъ о тѣхъ намерзахъ, которыя

стайнѣ готовилъ ему. благородный панъ Шмычкевичъ и рѣшилъ во что бы то ни стало сегодня же заключить условіе.

— Всякое дѣло требуетъ риска, — утѣшалъ себя Мейеровичъ. А рискъ, которому онъ подвергался, закрывая глаза на нѣкоторыя плутни Шмычкевича, былъ въ сущности ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ рискомъ, который грозилъ ему, въ случаѣ если онъ не сдѣлается сегодня же аптекаремъ. «Alea jacta est», сказалъ себѣ Мейеровичъ, поднимаясь по узенькимъ и грязнымъ ступенькамъ, ведущимъ въ аптеку г. Шмычкевича. Послѣдній стоялъ за стойкой, углубленный въ какую то работу. У другого конца стойки стоялъ аптекарскій ученикъ съ косматой и густо намазанной шевелюрой и усердно растиралъ что то въ фарфоровой ступкѣ. Въ аптекѣ, кромѣ старухи еврейки, съ помурнымъ видомъ стоявшей въ углу, никого не было. Аптека имѣла чистый и нарядный видъ. Съ полокъ глядѣли ряды разнаго вида стеклянокъ съ крупными и внушительными надписями. Отдѣльный шкафчикъ съ таинственной надписью «Venena» блисталъ и переливался, точно его только за часъ передъ тѣмъ отполировали. Въ витринахъ подъ стекломъ красовались разные инструменты и другія принадлежности ручной продажи въ такомъ полномъ порядкѣ, что можно было предположить, что ихъ давно не касалась рука человѣческая. На шкафахъ и подоконникахъ стояли пресловутые разноцвѣтные шары и выпуклыя зеркала, такіе замаячивые надали и такіе неприглядные вблизи. Однимъ словомъ, въ аптекѣ г. Шмычкевича господствовали полный порядокъ и все было *lege artis*, не исключая и специфическихъ запаховъ, столь неприятныхъ для непривычнаго обонянія.

Глухое дребезжаніе звонка надъ дверью заставило почтеннаго аптекаря поднять голову и поправить очки на носу.

— А, любезный коллега, это вы, — проговорилъ онъ, пристально взглядываясь въ молодого человѣка. — Никакъ не ожидалъ васъ такъ рано... Тѣмъ пріятнѣе... Вы застаете насъ, такъ сказать, *in statu nascendi*...

— Простите — сконфузился Мейеровичъ. — Я зашелъ, соб-

ственно, чтобы взять порошок хинина. Меня подъ утро немножко знобило...

— Ахъ, бѣдненькій!—участливымъ голосомъ прокричалъ г. Шмычковичъ, причемя на бритомъ морщинистомъ лицѣ его съ длинными отвисшими усами появилась неподдѣльная тревога. — Панъ Стась, пане Стасю—обратился онъ къ ученику, — скорѣе приготовьте г. аптекарю порошок chin. purifici. И сильно васъ знобило, вы говорите, бѣдненькій?

— Не сильно, но все же... пожалуйста, не хлопчите. Я, кажется, васъ оторвалъ отъ работы?

— Ничего, пустяки... рецептикъ такси роваль.

Въ это время вновь раздалось дребезжаніе звонка и въ аптеку вошелъ какой то парень и подавъ аптекарю рецептъ.

— Хорошо, черезъ часъ будетъ готово,—дѣловымъ тономъ проговорилъ аптекаръ и, обратившись къ Мейеровичу, съ улыбкой прибавилъ:

— Славный рецептикъ, неправда ли, коллега?

Мейеровичъ съ видомъ знатока взглянулъ на рецептъ и на его лицѣ тоже заиграла улыбка.

— Неправда-ли? Три, четыре такихъ рецептика въ день и жить можно.

И, нагнувшись къ самому уху Мейеровича, онъ конфиденціально шепнулъ ему:—Этотъ всегда такіе рецепты пишетъ. И думаете изъ расчета?.. Ни, ни, по дружбѣ... Совѣтую и вамъ съ нимъ подружиться. Онъ одинъ въ состояніи завалить аптеку работой.

— Постараюсь, съ вашей помощью.

— О, конечно, я всегда радъ услужить коллегѣ. Стась, пане Стасю, что же вы хининъ для г. аптекаря... Простите, я буду заниматься пока дѣломъ.—И аптекаръ снова шмыгнувъ за стойку, какъ будто совершенно забывъ, что пора приступить къ переговорамъ.

Въ аптекѣ; между тѣмъ, звонокъ не переставалъ дребезжать, и рецепты накопились на конторкѣ, у которой теперь работалъ г. Шмычковичъ. Работа была въ полномъ ходу, и

аптекарскій ученикъ, панъ Стась, пыхтѣлъ отъ непрестанной бѣготни изъ аптеки въ лабораторію и обратно.

— Опять рецептикъ, славненькій рецептикъ,—отрываясь на минуту отъ конторки и дружелюбно поглядывая черезъ очки на Мейеровича, повторялъ аптекарь.

Мейеровичъ былъ внутренно доволенъ этой бойкой работой и приливомъ такого множества дорогихъ рецептовъ.— Вотъ это рецептъ, такъ рецептъ,—воскликнулъ онъ мысленно.—Но неужели это все только по дружбѣ?... Быть не можетъ.. Старый плуть.. Онъ навѣрное платитъ докторамъ проценты! Впрочемъ, я ничего противъ этого не имѣю...

Если онъ вступить въ управленіе аптекой, онъ, пожалуй, для привлеченія работы, даже повыситъ процентъ. Дружба, безъ сомнѣній, хорошая вещь, но гораздо пріятнѣе, когда доктора будутъ заинтересованы обѣщаніемъ приличнаго процента. Одно только смущало Мейеровича: слишкомъ ничтожная ручная продажа въ сравненіи съ приливомъ дорогихъ рецептовъ. Въ каждомъ налаженомъ дѣлѣ, какъ въ хорошо устроенной машинѣ, существуетъ извѣстное соотвѣтствіе, гармонія. Когда одно колесо вертится, то непремѣнно должны вращаться и другія колеса. Мейеровичъ отлично зналъ, что нерѣдко аптекаря, подобно издателямъ газетъ, прибѣгаютъ къ дутымъ нумерамъ. Не совершается ли предъ нимъ нѣчто подобное? Но при всей своей проворливости онъ не могъ замѣтить ничего подозрительнаго, кромѣ развѣ того обстоятельства, что заказчики лѣкарствъ долго не приходили, а панъ Шмычекевичъ не особенно торопился ихъ готовить, хотя и суетился не въ мѣру. Но и это не остановило на себѣ долго вниманія Мейеровича, который всецѣло былъ занятъ обдумываніемъ нѣкоторыхъ самыхъ главныхъ статей договора. Наконецъ, видя, что аптекарь и не думаетъ приступить къ переговорамъ, онъ рѣшилъ напомнить ему объ этомъ.

— Вы знаете, какъ я дорожу временемъ...—началъ онъ.

— О, да, конечно... Стась, пане Стасю, что же хининъ г. аптекарю?

— Я не о хининѣ говорю.

— Не о хининѣ? Такъ вы уже приняли? Я былъ такъ занятъ, простите.

— Это успѣется, — сказалъ Мейеровичъ, мысленно посылая предупредительнаго аптекаря къ чорту. — А вотъ намъ нужно о дѣлѣ поговорить.

— Ахъ, да, виновать, дорогой коллега. Совсѣмъ эта работа меня измучила. Старъ становлюсь, а для такого дѣла нужны молодыя силы. Такъ вы хотите о дѣлѣ побесѣдовать?

— Желалъ бы.

— Такъ не угодно-ли вамъ пройти въ мой кабинетъ? Стась, пане Стасю, я удаляюсь съ паномъ аптекаремъ, а вы тѣмъ временемъ отпустите лѣкарства по рецептамъ, когда придутъ за ними...

И панъ Шмычковичъ въ прыжку направился въ боковую дверь, а за нимъ послѣдовалъ Мейеровичъ.

III.

Г-нъ Берковичъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣльцовъ въ городѣ. Спеціальнаго дѣла, какъ у большинства К*** обывателей, у него не было, но онъ брался за все, не брезгалъ ничѣмъ и повсюду преуспѣвалъ. Съ утра до вечера онъ былъ занятъ, бѣгалъ по конторамъ, на пристань, кричалъ, суетился. Онъ былъ въ одно и то же время и хлѣбнымъ торговцемъ, и агентомъ страхового общества, и комиссіонеромъ сахарнаго завода, не брезгалъ посредничествомъ при покупкѣ и продажѣ имѣній, лѣса, брался за подряды и пр. Въ его кабинетѣ можно было найти различныя пробы зерна, шерсти, сушеной сливы. Онъ велъ обширную корреспонденцію, и когда бывалъ дома, масса мелкихъ факторовъ обивала его пороги. Домъ свой Берковичъ велъ на широкую ногу и совершенно по европейски. Изъ его многочисленнаго семейства непристроенной осталась только одна дочь. Три старшія дочери были уже замужемъ, — одна за докторомъ, другая за адвокатомъ, третья за коммерсантомъ; два сына учились за границей, такъ какъ не могли

попасть въ университетъ благодаря новымъ правиламъ. Вообще Берковича была на хорошемъ счету въ городѣ, хотя о самомъ Берковичѣ и его дѣятельности отзывались равно. Одни считали его богатымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, другіе же легкомысленнымъ, увлекающимся, а главное бѣднякомъ, который и держится благодаря запутаннымъ дѣламъ. Известно было, что онъ двухъ своихъ зятьевъ надулъ, не давъ имъ обещаннаго приданого, а съ третьимъ велъ вмѣстѣ дѣла, причемъ не совсѣмъ добросовѣстно рассчитывался съ нимъ. Но именно благодаря этой разбросанности, этой массѣ дѣлъ и оборотовъ, этой лихорадочной дѣятельности, которая такъ мало подходила къ небольшой пузатой фигуркѣ Берковича съ хитрыми заплывшими жиромъ глазками, трудно было узнать что нибудь достовѣрное о финансовомъ положеніи этого «дѣльца на всѣ руки», какъ его называли. «Или у Берковича очень много денегъ, или онъ банкротъ; во всякомъ случаѣ это продувная бестія и умная башка»—говорили про него. Бентовинъ былъ близкій знакомый и другъ Берковича. Когда то и онъ вращалъ дѣлами не на одинъ десятокъ тысячъ, хотя собственнаго капитала никогда не имѣлъ. Но онъ не былъ такъ ловокъ и изворотливъ, какъ Берковичъ, и когда счастливые дни наживы и разныхъ дутыхъ предпріятій миновали, и наступили другія времена, Бентовинъ не могъ удержаться на высотѣ своего положенія и сталъ быстро спускаться, подобно лопнувшему шару. Вначалѣ онъ еще боролся съ обстоятельствами, присасываясь то къ тому, то къ другому дѣлу. Потомъ ему перестали давать дѣла, а только коммисіи, а затѣмъ онъ остался только при званіи коммисіонера, т. е. просто посредника или фактора, причемъ онъ не брезгалъ никакимъ порученіемъ, будь это покупка пшеницы, продажа дома или пріисканіе жениха для перервѣлой невѣсты. Последній родъ дѣятельности все болѣе и болѣе привлекалъ Бентовина, такъ какъ для нея у него были всѣ данныя: и благородная внѣшность, и умніе внушительно говорить, и обаяніе прежняго величія, и кой какія уцѣлѣвшія связи, благодаря которымъ у

него былъ доступъ въ порядочные дома. Никто его не называлъ шадхеномъ, а тѣмъ болѣе онъ самъ. Но всѣ знали, что Бентовинъ занимается сватовствомъ и несомнѣнно неудачно. Всѣ три дочери Берковича были пристроены благодаря лишь неусыпнымъ заботамъ и умѣнью Бентовина. Конечно и послѣднюю, любимую дочь Берковича, могъ пристроить лишь Бентовинъ. Никому другому этой чести Берковичъ не сдѣлалъ бы. Въ интимныхъ бесѣдахъ Берковичъ и Бентовинъ пришли къ заключенію, что не стануть гнаться за учеными, такъ какъ отъ нихъ, кромѣ хлопотъ и неприятностей, ничего не дождешься. Кромѣ того, выдавать въ настоящее время дочь за какого нибудь доктора или адвоката, прямо не выгодно. Врачи сидятъ безъ практики, на службу ихъ не принимаютъ; адвокаты, чтобы получить возможность заниматься дѣлами, должны оставить еврейство и т. п., коммерсанты... Но во 1-хъ коммерсантъ долженъ быть непременно богатъ, иначе онъ гроша мѣднаго не стоитъ, въ особенности въ настоящее время, когда ни въ Москву, ни въ Нижній, ни въ Казань нельзя двинуться. Еще аптекаря куда ни шло... Въ ихъ лицѣ коммерція соединяется съ ученостью и правомъ жительства внѣ черты... А Розочка умерла бы съ горя и стыда, еслибы ей пришлось выйти за человѣка, не имѣющаго, по крайней мѣрѣ, права жительства во всей имперіи. Все это отлично знали Бентовинъ и уже около трехъ лѣтъ, т. е. со дня окончанія Розочкой гимназическаго курса съ восьмымъ классомъ включительно, и неудачной попытки поступить на высшіе курсы, онъ присматривался къ разнымъ женихамъ, въ надеждѣ найти подходящаго для этой во всѣхъ отношеніяхъ достойной дѣвушки.

Въ то утро, когда Бентовинъ такъ неожиданно явился съ визитомъ къ Мейеровичу, Берковичъ былъ особенно занятъ. Двери его кабинета почти не запирались. Одни приходили, другіе уходили. На его письменномъ столѣ, на подоконникахъ, на полу валялись мѣшечки съ разными пробами зерна, кипы вонючей шерсти, головы сахара, даже боченокъ съ сельдями. Берковичъ метался по комнатамъ какъ угорѣлый, и его пуза-

тенькая фигурка издали была похожа на большой резиновый мячъ, который подпрыгиваетъ отъ даннаго ему толчка. Давно уже дѣла не шли у него такъ дурно, какъ въ послѣднее время, а неудачи сегодняшняго дня просто приводили его въ ярость. Дѣла были въ застоѣ, никто ничего не предпринималъ, покупателей не было, продавцы сидѣли какъ собаки на своихъ мѣшкахъ и не отпускали безъ наличныхъ. О кредитѣ и думать было нечего. Хоть топись. Даже столь изобрѣтательный умъ Берковича ничего путнаго не могъ придумать, и его глаза въ досадѣ останавливались на этихъ никому не нужныхъ ворохахъ, которые только мѣсто даромъ занимаютъ. И въ эту то минуту, когда отчаяніе Берковича достигло своего апогея, въ комнату вошелъ своей вольной походкой Бентовинъ.

— Чего ты мечешься, точно мышь отъ кошки?—проговорилъ онъ входя.

— Еще не такъ будешь метаться, когда десять «сроковъ» въ одинъ день выйдуть, а въ кассѣ пусто.

— Слава Богу, что я теперь дѣлами не занимаюсь. Пакостное время.

— Ну, для тебя оно всегда было пакостное—желчно проговорилъ Берковичъ.

— Положимъ, и я помню хорошія времена.

— Когда всякій дуракъ наживался.

— Ты сердисься, а я пришелъ къ тебѣ по очень важному дѣлу.

— Ну тебя съ дѣлами. Сходи-ка лучше въ контору Хайкина вотъ съ этой просьбой. Можетъ быть тебѣ удастся уговорить его взять эту партію. Пусть хоть половину дасть наличными. Мнѣ бы только оборотиться.

— Сходить то можно. Но дѣло, по которому я пришелъ, пожалуй, поважнѣе твоей пшеницы.

Берковичъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Бентовина.

— Ну, говори въ чемъ дѣло.

— Жениха нашель для твоей дочери,—лаконически заявилъ Бентовинъ.

— Ты въ своемъ ли умѣ? До жениховъ ли мнѣ теперь? Сегодня срокъ векселямъ. Всѣ партіи пшеницы гниютъ въ амбарахъ. Ни одной не успѣлъ еще сдать. Даже эти вонючія селедки не находятъ себѣ покупателей. А ты вдругъ жениха суешь мнѣ подъ носъ.

— Не горячись только, — спокойно замѣтилъ Бентовинъ. Ничто такъ не вредитъ дѣловому человѣку, какъ гнѣвъ. Возьми примѣръ съ меня.

— И сдѣлаться шадхеномъ?.. Благодарю покорно!.. Я лучше предпочитаю сдѣлаться банкротомъ.

— Это успѣется, а женихъ можетъ ускользнуть, въ особенности такой, какого я нашелъ.

— Кто же онъ?—уже значительно спокойнѣе спросилъ Берковичъ.

— Аптекарь.

— Т. е. провизоръ, который ищетъ приданого, чтобы пріобрѣсти аптеку?

— Нѣтъ, аптекарь—съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Бентовинъ.

— Гдѣ же у него аптека?

— Здѣсь, въ нашемъ городѣ.

Берковичъ задумался на нѣсколько минутъ, потомъ сердито сказалъ:

— Ты, кажется, вздумалъ меня дурачить. Я всѣхъ здѣшнихъ аптекарей знаю. Или у когонибудь изъ нихъ жена касторкой отравилась?

— Нѣтъ, у этого нѣтъ жены и арендовалъ онъ аптеку Шмычкевича.

— Вотъ какъ!..—и у Берковича глаза какъ то особенно заблистѣли. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потомъ сѣлъ въ кресло противъ Бентовина и долго смотрѣлъ на него, какъ бы что то соображая.

Наконецъ онъ спросилъ:

— Онъ вдовецъ?

— Ни, ни... молодой, статный и хорошей семьи.

— И онъ ищетъ невѣсту?

— Т. е. не столько онъ, сколько я... для него, разумѣется.

— Разумѣется, не для тебя, — тебѣ бы я кухарки своей не отдавалъ.

— Потому что самъ въ ней нуждаешься. — Оба пріятели засмѣялись.

— Такъ онъ ищетъ невѣсту? — повторилъ Берковичъ.

— Да.

— Съ приданымъ, разумѣется?

— Само собой понятно.

— Сколько, примѣрно?

— Я ему обѣщала восемь тысячъ.

— Почему не пятнадцать? — усмѣхнулся Берковичъ.

— Потому что ему предлагали шесть тысячъ еще до того, какъ онъ заключилъ контрактъ съ аптекаремъ Шмычковичемъ. Нужно же было хоть чѣмъ нибудь польстять.

— Нѣтъ, это слишкомъ много.

— Насколько я помню, ты два года тому назадъ намѣревался столько дать за своей дочерью.

— То было два года тому назадъ.

— Къ тому же ты и старшимъ дочерямъ своимъ далъ по восьми, даже по десяти тысячъ.

— Далъ! *Такъ* я могу дать и Розочкѣ.

— Ну, обѣщала.

— Обѣщать то я могу, да что толку. Аптекаря не то, что эти ученые. Они народъ практичный. Потребуется до свадьбы.

— Ну, какъ нибудь...

— Что значитъ, какъ нибудь?

— Ну, понимаешь, ты обѣщай восемь тысячъ, а дашь четыре, скажемъ.

— Ну, а остальные четыре?

— На остальные четыре тысячи ты дашь ему вексель или что нибудь въ этомъ родѣ, если онъ ужъ такъ заупрямится.

— Дуракъ! — разсердился Берковичъ. — Я всегда думалъ, что Богъ тебя обидѣлъ вогъ этимъ, — (онъ ткнулъ себя паль-

цемъ въ лобъ), — а теперь я въ этомъ убѣдился. Да пойми, что первыхъ то четырехъ тысячъ у меня нѣтъ.

— Ну, это совѣмъ плохо — неидущимъ къ его солидной наружности тономъ капризнаго мальчика проговорилъ Бентовинъ.

— Тебѣ не нравится—ехидно замѣтилъ Берковичъ — а каково мнѣ? Вѣдь дочь то моя...

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ... плаксивымъ тономъ началъ было Бентовинъ.

Но Берковичъ сердито прикрикнулъ на него.

— Молчи!.. дай подумать...

Бентовинъ притихъ. Въ кабинетъ водворилась тишина, прерываемая лишь тяжелымъ сопѣніемъ Берковича.

Бентовинъ слѣдилъ за выраженіемъ лица своего друга, стараясь уловить то, что происходило въ мозгу этого маленькаго, но полного неукротимой энергіи и находчивости человека. У Берковича въ жизни не разъ бывали тяжелые и даже черные дни, но онъ всегда ловко выворачивался и начиналъ съизнова, не смущаясь и не падая духомъ. Это былъ истинный представитель своего народа, который на своемъ историческомъ пути безпрестанно терпитъ крушенія, но никогда не падаетъ и вѣчно стремится все впередъ и впередъ.

Наконецъ, Берковичъ поднялъ голову и весело посмотрѣлъ на Бентовина.

— Такъ ты говоришь, что онъ уже заключилъ контрактъ съ аптекаремъ Шмычковичемъ?

— Конечно.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ?

— Такъ же какъ и въ томъ, что ты придумалъ удачную комбинацію.

Берковичъ былъ польщенъ.

— Само собой понятно. Не выпустить же въ самомъ дѣлѣ изъ за какихъ нибудь восьми тысячъ выгоднаго жениха изъ рукъ. А моя Ровочка достойна хорошаго жениха...

— А ты думаешь я даромъ хлопочу?

— Не безпокойся. Не будь я Берковичъ, если ты свои проценты не получишь копѣйка въ копѣйку.

— Пусть только дѣло выгоритъ, а тамъ посмотримъ...

— Почему бы ему не выгорѣть—задорно проговорилъ Берковичъ.—Я требуемое приданое даю.

Это послѣднее было сказано съ такой убѣдительностью, сопровождалось такимъ внушительнымъ жестомъ, что нельзя было не повѣрить этому маленькому человѣку, въ заплывшихъ жиромъ глазкахъ котораго горѣлъ такой вызывающій огонекъ.

На обросшемъ бородою степенномъ лицѣ Бентовина заиграла широкая улыбка.

— Ну, слава Богу, теперь дѣло въ шляпѣ. Не сомнѣваюсь, что ты скоро будешь тестемъ аптекаря.

— Не отравилъ бы онъ только меня послѣ свадьбы.

— Зачѣмъ же?—И Бентовинъ взялся за шляпу.

— Постой, куда же ты уходишь — остановилъ его уже совсѣмъ повеселѣвшій Берковичъ. —Вѣдь о самомъ главномъ мы еще не поговорили... Нужно Розочку предупредить.

— Я полагаю, что ты это самъ можешь сдѣлать.

— Нѣтъ, уволь. Въ этихъ дѣлахъ я не мастеръ. Да и некогда мнѣ. Поговори ты съ ней и условься, какъ и что... Она дѣвушка умная и сразу пойметъ...

IV.

— Роза, Розочка, гдѣ ты? Бентовинъ хочетъ съ тобой о чемъ то поговорить. Ну, скорѣй же... Мнѣ некогда...

Берковичъ стоялъ въ дверяхъ гостиной въ пальто и шляпѣ, надвинутой на затылокъ. Въ рукахъ у него было нѣсколько мѣшечковъ съ пробамн зерна, а подъ мышкой небольшой свертокъ, изъ котораго торчала клочковатая шерсть. Онъ топтался на мѣстѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи и что то ворчалъ себѣ подъ носъ. Возлѣ него стоялъ Бентовинъ, спокойный, сосредоточенный, держа въ одной рукѣ свою лоснящуюся не столько отъ времени, сколько отъ слишкомъ усердной чистки

шляпу, онъ другой слегка поглаживалъ свою окладистую съ сильной просѣдью бороду. Въ сравненіи съ маленькимъ нечѣстоплотнымъ Берковичемъ онъ казался гигантомъ и щеголемъ. Волосы его были гладко причесаны, воротнички его манишки чисты и старательно повязаны шелковымъ бантомъ, а черный сюртюкъ, несмотря на то, что былъ мѣстами потертъ, — безукоризненно чистъ и вполне приличенъ.

Глядя на этихъ двухъ, стоявшихъ другъ возлѣ друга людей, никто бы не призналъ въ Берковичѣ настоящаго хозяина дома, а въ Бентовинѣ только мелкаго фактора и свата.

Въ сосѣдней съ гостиной комнатѣ между тѣмъ раздался глухой шумъ, какъ бы отъ топанья маленькихъ ножекъ, затѣмъ послышалось шуршаніе платья, наконецъ хлопнула дверь и на порогъ показалась невысокая стройная фигурка молодой дѣвушки, если и не похожей на розу, то во всякомъ случаѣ не уступающей ей въ обилии красокъ, которыми пестрѣлъ ея утренній костюмъ. Матросская рубашка изъ полосатой въ цвѣтахъ прозрачной матеріи позволяла видѣть не совсѣмъ лилейную бѣлизну ея тонкой шеи и нѣсколько плоской, какъ у мальчика груди; широкій квадратный воротникъ изъ темнаго кретона съ красными звѣздами съ избыткомъ прикрывалъ ея узенькія плечи, а золотой мишурный поясъ змѣйкой тѣсно обхватывалъ ея тонкую талію. Узкая полосатая юбка тоже съ красными звѣздами оканчивалась кружевной оборкой, изъ подъ которой виднѣлись острые носки желтыхъ туфельекъ съ круглыми мохнатыми помпончиками. Вся эта вольность туалета не гармонировала однако съ серьезнымъ выраженіемъ овальнаго личика дѣвушки, которое могло бы казаться очень симпатичнымъ и даже красивымъ, еслибы не классическая горбинка на носу, которая у Розочки по какому то капризу судьбы разрослась больше, чѣмъ это позволяютъ законы эстетики. Впрочемъ, все это выкупалось густой массой роскошныхъ черныхъ волосъ, обрамлявшихъ нѣсколько не въ мѣру большую голову молодой дѣвушки и черными большими глазами, если и не глубокими, какъ бездонное море, то все таки достаточно

глубокими для того, чтобы при помощи восьми тысяч баласта въ нихъ могъ утонуть молодой аптекарь Мейеровичъ.

— Чего ты кричишь на весь домъ, папа; я вѣдь не глухая,—звонкимъ, хотя и не серебрянымъ голосомъ сказала Ровочка.

— Я не кричалъ, а только звалъ,—оправдывался Берковичъ, которому вмѣстѣ съ любовью Ровочка внушала какой то благоговѣйный страхъ.—Я вовсе не кричалъ,—повторилъ онъ.—Но мнѣ некогда. А вотъ Бентовинъ хочетъ поговорить съ тобой. Дѣло серьезное... Обсудите вмѣстѣ... А мнѣ некогда. Что это за книжка у тебя въ рукахъ?

— Не про васъ писана, папочка,—не безъ отгѣнка нѣкотораго кокетства, котораго у Ровочки былъ таки порядочный запасъ, въ особенности когда ее созерцали посторонніе мужчины, проговорила молодая дѣвушка.

— Не про меня, такъ не про меня... Каковы нынѣшнія дѣти, а? Такъ я уѣзжаю...

И съ этими словами Берковичъ въ припрыжку выбѣжалъ изъ комнаты.

Ровочка и Бентовинъ остались въ гостиной. Это была довольно большая и свѣтлая комната, уставленная мягкой модной мебелью подъ бѣлоснѣжными чехлами. Большой французскій коверъ, разостланный на полу, зеркала и канделябры и красивый кабинетный рояль дополняли обстановку. Въ общемъ комната представлялась довольно уютной, хотя съ нѣкоторою претензіей на строгій вкусъ.

Ровочка сѣла на диванъ, а Бентовинъ помѣстился въ креслѣ. Онъ спокойно поглаживалъ свою бороду, отъ времени до времени поглядывая на молодую дѣвушку, какъ бы отыскивая подходящій мотивъ для начала разговора. Ровочка отлично знала, о чемъ хочетъ говорить съ нею Бентовинъ, но сдѣлала видъ, что ни о чемъ не догадывается и придала своему личику такое наивное выраженіе, что Бентовину даже сдѣлалось досадно.

«Чего ты корчишь изъ себя дуру?»—чуть было не ска-

заль онъ громко, но воздержался, такъ какъ считаль себя свѣтскимъ человѣкомъ и умѣль поддерживать разговоръ съ дамами.

— Вы знаете, что я вамъ другъ и желаю вамъ добра,— началъ онъ, нѣсколько разъ откашлявшись.

— О, я это отлично знаю...

— Въ такомъ случаѣ я могу рассчитывать на довѣріе ко мнѣ съ вашей стороны?

— Вполнѣ.

— Вотъ видите, тутъ у насъ дѣло такое.... Впрочемъ, скажу вамъ прямо. Хотя вы еще молоды (мысленно прибавилъ: 25 съ хвостикомъ), но вы отлично понимаете, что вѣчно сидѣть на шеѣ у отца тоже не годится...—Бентовинъ остановился на мгновеніе, какъ бы ожидая протеста со стороны молодой дѣвушки, но такъ какъ Розочка не сдѣлала попытки остановить его, то онъ продолжалъ уже смѣлѣе:—Единственное же средство выйти изъ этого положенія...

— Это выйти замужъ,—подсказала ему Розочка и громко засмѣялась.

Бентовинъ не ожидалъ такого оборота и, сбитый съ позиціи дерзкой выходкой молодой дѣвушки, смѣшался и не зналъ что сказать.

— Такъ вы хотите меня выдать замужъ? За кого же?

— За очень порядочнаго молодого человѣка.

— Что касается меня,—сказала она, потупивъ свои бархатные глазки,—то я, конечно, никогда бы не вышла замужъ. Но мнѣ жаль папа, и я не желаю его огорчать.

— Тѣмъ болѣе, что онъ для васъ такъ старается,—съ живостью подхватилъ Бентовинъ, чувствуя, что онъ, наконецъ, выбрался на настоящую дорогу.—Вы знаете, сколько онъ приданаго вамъ назначилъ?

Розочка наострила свои розовыя, хотя не совсѣмъ малянькія уши.

— Восемь тысячъ... разумѣется, помимо гардероба и прочаго,—прибавилъ Бентовинъ.

— Бѣдный папа!—вырвалось у дѣвушки.—Кто же мой женихъ?

— Аптекарь...

— Т. е. провизоръ?

— Нѣтъ, аптекарь...

Роза стала внимательнѣе и даже придвинулась слегка къ Бентовину.

— Гдѣ же у него аптека?

— Здѣсь, въ городѣ.

— Папа, говорите вы, даетъ за мной восемь тысячъ?

— Да.

Роза замолчала и задумалась.

Спустя минуту она спросила:

— А онъ знаетъ, что у меня такое приданое?

— Откуда же ему знать?—не моргнувъ глазомъ совралъ

Бентовинъ.

— Но какъ же ему пришло въ голову сватать меня?

— Онъ васъ видѣлъ,—вторично совралъ Бентовинъ.

— Ну?

— И явился ко мнѣ съ просьбой познакомить меня съ вами.

— Знакомству я буду очень рада. Пусть приходитъ.

Последнія слова молодая дѣвушка выговорила съ большимъ достоинствомъ; которое даже удивило Бентовина.

— Ну, ужъ дѣвица,—подумалъ онъ, очутившись на улицѣ.—Думаетъ, что меня провела. Шалишь...

И довольный такимъ счастливымъ началомъ, которое онъ всецѣло приписалъ своему свѣтскому тавту и умѣнью обходиться съ дамами, онъ не спѣша направился въ гостинницу, гдѣ остановился Мейеровичъ.

С. Ярошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЧЬ ФИЛОСОФА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Это было въ пятницу вечеромъ. Послѣ молитвы въ синагогѣ знаменитый берлинскій философъ, Моисей Мендельсонъ, возвращался домой на «Sraudaueg Strasse». Дорогой присоединился къ нему богатый и весьма уважаемый банкиръ Фейтъ, считавшій за честь быть въ обществѣ ученаго единовѣрца. Вначалѣ разговоръ ихъ вертѣлся на еврейскомъ обществѣ и научныхъ предметахъ, пока онъ постепенно не принялъ личный оборотъ. Ободренный ласковымъ и дружескимъ обращеніемъ своего спутника-философа, господинъ Фейтъ приступилъ къ дѣлу, уже давно лежавшему у него на сердцѣ. Послѣ нѣсколько нерѣшительнаго вступленія, онъ, по принятому тогда обычаю, сталъ просить для своего сына руки старшей дочери Мендельсона, Доротен. Мендельсонъ былъ не мало удивленъ этимъ, хотя вполне сознавалъ всю выгоду такой блестящей партіи. Ему самому пришлось пройти суровую школу нужды, прежде чѣмъ онъ достигъ нѣкотораго благосостоянія. Философъ не уступалъ въ практичности купцу и несовсѣмъ презиралъ вещественныя блага жизни. Какъ всякій добрый отецъ, онъ заботился о счастьи своихъ дѣтей и старался избавить ихъ отъ труднаго пути, который ему самому пришлось пройти. Поэтому онъ рѣшилъ не упускать изъ виду лестнаго предложенія богатаго банкира. Къ тому же и сынъ банкира былъ лицо извѣстнѣе философу, такъ какъ онъ посѣщалъ по временамъ гостепріимный домъ Мендельсона, гдѣ благодаря своему благодущію, приобрѣлъ расположеніе философа.

— Я хочу,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія,— прежде обсудить ваше предложеніе съ моей женой и испытать сердце моей дочери. Если она расположена къ вашему сыну, то я ровно ничего противъ этого не имѣю, хотя не хочу умолчать, что я не въ состояннй дать моей дочери приданное, соотвѣтственное вашему состоянію.

— Что вы говорите,—сказалъ банкиръ, обрадованный этимъ возраженіемъ:— слава Богу, мой сынъ не нуждается въ деньгахъ. Любовь и образованіе—вотъ единственно, что онъ ищетъ въ своей будущей подругѣ, и гдѣ же можетъ онъ это найти, какъ не въ дочери уважаемаго Мендельсона. Одна надежда—вступить въ родственннй союзъ съ такимъ человѣкомъ, дѣлаетъ меня столь счастливымъ, что я даже и выразить не могу, и я съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего благосклоннаго отвѣта.

— Я, какъ только переговорю съ моей женой и дочерью, тотчасъ же буду къ вашимъ услугамъ. Завтра утромъ я надѣюсь васъ увидѣть въ синагогѣ и дать вамъ уже отвѣтъ. Какое бы онъ ни былъ,—я вѣдь не стану принуждать моей дочери,—но желалъ бы, чтобы мы остались по прежнему друзьями.

— Конечно,—подтвердилъ банкиръ. При этомъ онъ схватилъ поданную философомъ руку и сердечно съ нимъ простился.

Когда Мендельсонъ возвратился домой, на накрытомъ столѣ горѣлъ уже семисвѣчникъ, ярко освѣщавшій комнату. Заботливая хозяйка, также какъ и ея дѣти, въ виду наступленія субботы, была одѣта въ праздничную одежду и вышла къ самому порогу встрѣчать горячо любимаго и уважаемаго главу семейства. Поцѣловавъ жену, онъ, по древнему обычаю, котораго такъ строго придерживался, распростеръ свои руки надъ собравшимся семействомъ и на древнееврейскомъ языкѣ призывалъ благословеніе Божіе надъ каждымъ отдѣльно. Доротея принесла ему черную бархатную ермолку, которую онъ надѣлъ вмѣсто треугольной шляпы, и удалилась на кухню позаботиться объ ужинѣ. Когда остальные дѣти по знаку отца

оставили комнату, Мендельсонъ сообщилъ женѣ о предложеніи банкира. Она приняла его въ высшей степени радостно: она видѣла въ этомъ выгодномъ союзѣ истинное счастье своей дочери. Мендельсонъ съ трудомъ удержалъ свою жену, которая хотѣла тотчасъ же поспѣшить на кухню и тамъ сообщить Доротеѣ о предстоящей ей блестящей партіи.

Впрочемъ, объ этомъ стало извѣстно Доротеѣ въ тотъ же вечеръ, послѣ того, какъ она уложила спать своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ, а друзья, имѣвшіе обыкновеніе каждую пятницу проводить вечеръ у Мендельсона, разошлись по домамъ.

Все, что въ Берлинѣ имѣло право на образованіе и ученость, все встрѣчало здѣсь радушный и дружественный приемъ; здѣсь царилъ добрый духъ терпимости и гуманности, тонкой обходительности, одинаково далекой какъ отъ ученой педантичности, такъ и отъ виѣшней фривольности.

Самый глубокой философскій разговоръ смѣнялся здѣсь веселой шуткой, къ чему большей частью давалъ поводъ самъ Мендельсонъ. Новѣйшія литературныя произведенія тотчасъ же подвергались здѣсь всестороннему обсужденію людьми, которые сами принимали большое участіе въ созданіи и возрожденіи новой литературы. Все это общество собиралось, чтобы доставить себѣ высшее наслажденіе, и обращало жилище еврейскаго философа въ блестящій центръ всей столицы. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что Берлинъ въ тѣ времена своимъ названіемъ «умственнаго центра» главнымъ образомъ обязанъ былъ дому Мендельсона и его друзьямъ.

Окруженная такимъ обществомъ, вблизи такого отца и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ выросла Доротея. Ее нельзя было назвать красавицей, но ея интересное лицо и особенно ея темные, чудные, лучистые глаза обнаруживали необыкновенную силу воли. Съ ранней юности принимала она живѣйшее участіе въ литературныхъ преніяхъ и ученыхъ бѣсѣдахъ своего отца съ его друзьями. Сколько разъ знаменитый Лессингъ радовался любовнательности рано развившейся

дѣвочки и хвалили ея остроуміе. Она съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивалась къ его словамъ и они глубоко врѣзывались въ ея воспримчивую душу, также какъ и рѣчи и случайныя замѣчанія другихъ поэтовъ и ученыхъ, которые вращались въ обществѣ ея отца. Не это ли самое возбудило въ ней стремленія къ высшему образованію и къ саморазвитію? Для нея и ея брата написалъ Лессингъ свои «Morgenstunden». Знаніе и наука казались ей высшимъ благомъ жизни, гений и талантъ — вотъ что было единственнымъ божествомъ молодой дѣвушки. Ея живая фантазія воспламенялась при чтеніи всякаго выдающагося литературнаго произведенія, причемъ она все прочитанное усваивала съ неизмѣрною быстротой. Новая нѣмецкая литература нашла тутъ столь дѣвственную почву, душевную чистоту и воспримчивость, каковую давно уже не знала наша пресыщенная культура. Къ тому же Доротея была еврейка и въ ней особенно обнаружились тѣ душевныя силы, которыя столько столѣтій были неустанно и съ такимъ бурнымъ натискомъ подавляемы въ еврейскомъ народѣ. До тѣхъ поръ исключительно ограниченный Талмудомъ, религіозными толкованіями и тѣснымъ всѣми способами народъ, вдругъ, въ XVIII столѣтіи, обнаружилъ, наконецъ, сильное стремленіе къ образованію, до того задержанному по собственной и чужой винѣ. Съ страстной поспѣшностью обогащали себя прерарфинный еврей, — тратившій до тѣхъ поръ по пустому время только на добываніе денегъ, — духовнымъ оружіемъ, благодаря которому онъ надѣялся приобрести себѣ уваженіе и извѣстность. Послѣдствія не замедлили обнаружиться: до тѣхъ поръ державшійся предрасудокъ исчезъ, и тотчасъ же можно было видѣть самыхъ образованныхъ и высокопоставленныхъ христіанъ, вошедшихъ въ общеніе съ притѣсненными евреями. Сама молодежь входила теперь въ дома евреевъ не только какъ прежде, ради денегъ, добываемыхъ подъ залогъ или вексель, но побуждаемая лучшими, высшими стремленіями. До тѣхъ поръ чуждые и противоположные элементы стали стремиться другъ къ другу. Красивыя и духовно одаренныя еврейки снискали

себѣ вниманіе христіанскаго общества, въ то время, какъ сами онѣ учились цѣнить въ христіанахъ тѣ качества, которыхъ не находили въ своихъ единовѣрцахъ. Этому могучему потоку не могла противиться и Доротея. Всѣ желанія и мечты цвѣтущей дѣвушки наполнены были стремленіемъ, присущимъ всей націи, къ образованію и просвѣщенію.

Когда Мендельсонъ сообщилъ дочери о предложеніи банкира, она испугалась, хотя и не могла ничего имѣть противъ предлагаемаго ей жениха; она знала только его матеріальную обеспеченность, а умственную ограниченность молодого Фейта она приписывала его мало образованности.

— Ты знаешь, — предупредилъ ее отецъ, — что никто больше меня не можетъ цѣнить духовныя и умственные качества человѣка, но однако все это вмѣстѣ въ изобиліи не можетъ еще обезпечить счастье человѣческой жизни. Для этого еще необходимо доброе сердце и благородный характеръ; только это въ супружеской жизни даетъ лучшую и прочную гарантію. Духовныя способности равняются только праздничной пищѣ человѣка, тогда какъ сердце — насущному хлѣбу, который его питаетъ и поддерживаетъ ежедневно. Этимъ состояніемъ владѣетъ молодой Фейтъ въ высшей степени, поэтому я, не колеблясь, вѣрю ему твою судьбу. Кромѣ того, я не могу согласиться съ тобой, чтобы онъ былъ такъ неразвитъ. Нѣтъ надобности непременно быть ученымъ, чтобы заключать въ себѣ источникъ радости. Онъ владѣетъ сильнымъ желаніемъ и особеннымъ стремленіемъ къ развитію. Умная жена сумеетъ усовершенствовать эти стремленія и развить благородный зародышъ. Будь онъ только сынъ богатаго человѣка, я бы не замолвилъ ни слова въ его пользу. Поэтому испытай твое сердце, прежде чѣмъ ты поспѣшишь отказать человѣку. Малѣйшій изъ нихъ имѣетъ право на твое вниманіе.

Рѣчь такого отца должна была произвести большое дѣйствіе. Доротея привыкла съ ранней юности внимать каждому его слову, какъ божественной молитвѣ. Тогда царилъ еще древній патріархальный строй еврейства, преждее безпреко-

словное послушаніе родителямъ. Но Мендельсонъ не требовалъ такой жертвы, хотя вѣскость его доводовъ поддерживалась семьей, а его отцовскій авторитетъ былъ такъ великъ, что всякое возраженіе предъ нимъ ступшевывалось. Только въ умѣ Доротей возникла тихая борьба между идеалами и мечтами ея романтической натуры и дѣйствительностью съ ея горькими требованіями.

Одаренная практическимъ умомъ ея мать также не совѣтовала полагаться только на увлеченія; при этомъ она указывала на значительное состояніе банкира и вытекающія изъ этого брака выгоды. Несмотря на всю свою романтичность, Доротея была на столько умна, что могла по достоинству оцѣнить эти земныя блага. Хотя этотъ бракъ былъ весьма желателенъ родителямъ Доротей, они все-таки предоставили ей самой окончательное рѣшеніе. Она же, давая съ покорностью свое согласіе, какъ истая дочь своего народа, хотѣла оставаться въ полномъ повиновеніи родителямъ. Но затѣмъ, когда Доротея осталась сама съ собой въ своей комнатѣ, внутренней голосъ заговорилъ въ ней съ такой силой, что, наконецъ, излился бурнымъ потокомъ слезъ. Она плакала о любви, которой не знала, о наслажденіяхъ ея, о которыхъ она имѣла только смутное предчувствіе. Но когда она думала, что ей придется повиноваться чужому человѣку, то невольный ужасъ охватывалъ ее. Она хотѣла уже бѣжать со своего ложа и броситься къ ногамъ отца, на столько же нѣжнаго, какъ и умнаго. Она знала, что достаточно одного ея слова, чтобы онъ освободилъ ее отъ даннаго согласія. Но развѣ она должна была, какъ неразумное дитя, отказаться отъ того, что избрала безъ всякаго принужденія, развѣ могла она уничтожить такъ ясно выраженную радость своей матери? И развѣ ея отецъ, хотя и спокойный, но настойчивый, не спроситъ о причинѣ такой быстрой перемѣны мыслей? Что же она ему отвѣтитъ? Его чистый разумъ не удовлетворится мечтами и фантазіями дѣвичьяго воображенія. Его гуманность и человѣколюбіе ничего общаго не имѣютъ съ наслажденіями жизни и любовью, о которыхъ она сама имѣла лишь

фантастическое представленіе изъ романовъ. Она имѣла силы противостоять насмѣшкамъ всего свѣта, но только не отца, который ея дѣтскія мечты останавливалъ приемами Сократа и, несмотря на свою нѣжность, не особенно цѣнилъ ихъ. Доротея, воспитанная подъ руководствомъ отца, изъ боязни обнаружить предъ нимъ свое колебаніе, старалась побороть возникшія сомнѣнія и несозрѣвшія чувства и все болѣе и болѣе подавляла ихъ въ своей душѣ, какъ недостойную слабость. Равнумъ снова овладѣлъ ея взволнованнымъ сердцемъ и такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ мужчина еще не возбуждалъ въ ней истинной любви, не будилъ эту дѣвственную душу, полную смутныхъ предчувствій, то ей не такъ трудно было поспешно примириться съ своей судьбой.

Когда на слѣдующее утро Доротея проснулась, она окончательно рѣшила выйти замужъ за молодого банкира.

Молодой Фейтъ явился изъ синагоги въ сопровожденіи своего отца, чтобы повторить свое предложеніе. Черты его лица были не выразительны, даже не особенно красивы. Но когда онъ улыбался, что впрочемъ случалось рѣдко, то лицо его принимало выраженіе сердечной доброты. Вся наружность его была чрезвычайно скромная; немного застѣнчивый, онъ былъ далекъ отъ тѣхъ манеръ, которыя такъ присущи сыновьямъ богатыхъ отцовъ. Даже во внѣшности онъ былъ простъ: онъ носилъ черныя сюртуки изъ тонкаго сукна, но безъ всякихъ украшеній; пріятное блѣдное лицо, темные волосы, низко подстриженные и связанные пучкомъ вмѣсто причудливыхъ локоновъ, завиваемыхъ на ночь, какъ требовала мода того времени. Съ треугольной шляпой въ рукахъ приблизился онъ къ желанной дѣвушкѣ, почтительно поднося ея руку къ своимъ губамъ, по обычаю того времени. Если Доротея ожидала страстнаго и нѣжнаго объясненія въ любви, то она ошиблась. Въ выразительныхъ, но безъ всякаго любовнаго бреда, словахъ просилъ онъ ея руки, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь торговомъ предпріятіи; но это прозаическое предложеніе сопровождалось взглядомъ его темныхъ чистосердечныхъ глазъ, полныхъ надежды, въ которомъ для

внимательнаго наблюдателя было бы очевидно сокровище истинной любви. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ кажущимся равнодушными натурамъ, въ которыхъ подъ холодной наружностью бьется горячее сердце, подобно тому, какъ подъ свѣжнымъ покровомъ таится внутренняя теплота, хранящая молодые весенніе зародыши. Когда Доротея изъ уваженія къ желанію ея родителей дала ему ожидаемый отвѣтъ, онъ, какъ прежде, остался спокоенъ, не выдавая своего внутренняго волненія ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Радость сдѣлала его нѣмымъ, счастье похитило у него языкъ. Онъ вообще не былъ разговорчивъ, подобно другимъ мужчинамъ, которые бываютъ тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ сердце ихъ меньше чувствуетъ. Его любовь сдерживалась еще безпредѣльнымъ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ уму необыкновенной дѣвушки; онъ относился къ ней, какъ къ неземному видѣнію, и эти чувства парализовали всякое проявленіе его внутренняго волненія.

Все больше и больше привязывалась Доротея къ молчаливому влюбленному. Она изучила его душевную доброту и еще многія другія превосходныя качества, чтобы узнать этого скромнаго человѣка, и въ глубинѣ своей души отдавала справедливость своему отцу, который по своей дальновидности все это предвидѣлъ. Она надѣялась быть счастливой съ Фейтомъ, что было весьма возможно при ея уступчивомъ характерѣ. Но въ глубинѣ своей души она мечтала о другой любви, о другомъ счастіи. Все, что она чувствовала къ своему жениху, было не много болѣе любви сестры. Она чувствовала признательность за его безграничную преданность, которая переходила почти въ прямое благоговѣніе передъ ней. Она была тронута при видѣ его готовности исполнить всякое ея желаніе, при видѣ того, какъ онъ самъ наслаждался, потворствуя всякимъ ея прихотямъ. Развѣ не изъ любви къ ней нанялъ онъ учителей для усовершенствованія во французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ? Развѣ онъ не тотчасъ же былъ готовъ по ея желанію принимать участіе въ начинавшимся тогда вечернихъ чтеніяхъ съ розданными ролями, изъ за

чего даже маневрировалъ конторой? Съ какой благодарностью и наслажденіемъ переносилъ онъ ея выговоры за неудовлетворительное чтеніе. Подобно Демосеену, совершенствовался онъ подъ ея руководствомъ, пока не достигъ ея одобренія. Только однажды онъ заснулъ за чтеніемъ, что произошло не отъ скуки, а отъ усталости, потому что передъ этимъ онъ провелъ цѣлую ночь надъ просмотромъ конторскихъ книгъ и надъ сведеніемъ баланса. Съ отяжелѣвшей головой пришелъ онъ на чтеніе «Кадруса». Это не такъ скоро забыла ему Доротей. Развѣ не изъ угодливости къ ней, подавивъ свою застѣчивость, выступилъ онъ на любительскомъ спектаклѣ въ роли, которую никто не желалъ исполнить, лишь бы не испортить удовольствія своей невѣсты? Какой выговоръ пришлось ему выслушать за это отъ своего отца, который, какъ религіозный еврей и солидный купецъ, сдѣлалъ первое увѣщеваніе сыну за такое двойное прегрѣшеніе! Сколько жертвъ было съ его стороны, чтобы усилить увѣренность Доротей въ счастливой будущности, и если не любовь, то онъ надѣялся по крайней мѣрѣ возбудить въ ней чувство дружбы и признательности.

Такимъ образомъ, она безъ боязни смотрѣла на приближающійся день, въ который она должна будетъ оставить отцовскій домъ, чтобы навсегда принадлежать Фейту. Только въ ту минуту, когда она въ торжественное утро стояла подъ балдахиномъ во дворѣ синагоги и когда ей надѣли обручальное кольцо со словами: «этимъ кольцомъ ты посвящаешься мнѣ», она почувствовала легкій страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ. При тогдашнемъ, строго исполняемомъ обрядѣ еврейскаго вѣнчанія она испытывала непріятное чувство. Она должна была срѣзать свои длинные черные волосы въ знакъ того, что отнынѣ она уже не можетъ нравиться никакому мужчинѣ, кромѣ мужа. Не менѣе оскорбилъ ее и тотъ моментъ, когда молодой, по предписанному обычаю, разбилъ стаканъ въ знакъ того, что отнынѣ власть надъ семьей принадлежитъ ему одному и что онъ, подобно этому стеклу, уничтожить всякое противорѣчіе его волѣ. Но всего тяжелѣе было прощаніе съ родной

семьей, съ почитаемымъ отцомъ, любящей матерью, съ кругомъ своихъ друзей, къ которымъ она была столь привязана. Съ плачемъ вырвалась она изъ рукъ своихъ родныхъ. Она плакала о друзьяхъ и домашнихъ, о той жизни, въ которой она до сихъ поръ находила всѣ радости и которую она оставяла, чтобы вступить въ новую, не соответствующую ея привычкамъ и наклонностямъ. Старый отецъ еще разъ поцѣловалъ любимую дочь и благословилъ ее отъ глубины своего сердца.

— Не плачь, — утѣшалъ онъ взволнованную дочь: — ты будешь счастлива!..

Такъ думалъ мудрый Мендельсонъ въ счастливой увѣренности и спокойствіи за судьбу любимаго дѣтища. Философъ рассчиталъ и взвѣсилъ все съ мудрой дальновидностью; только одинъ пунктъ онъ упустилъ изъ виду — сердце женщины.

II.

Въ тѣ времена среди большинства счастливымъ еврейскимъ бракомъ считался тотъ, въ которомъ супруги заботились больше о матеріальномъ благосостояніи семьи, чѣмъ о духовномъ ея развитіи. Мужъ, занятый своими дѣлами, пріобрѣтаетъ и работаетъ съ рѣдкимъ усердіемъ о своей семьѣ. Жена, съ своей стороны, помогаетъ ему своими совѣтами и бдительно оберегаетъ пріобрѣтенное. Вспыльчивость, грубость и нетрезвое поведеніе со стороны мужа, также какъ невѣрность жены, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко между большинствомъ евреевъ. Рожденіе дѣтей еще больше скрѣпляетъ супружескій союзъ, такъ что трезвость и любовь еврея къ своей семьѣ по справедливости вошла въ поговорку.

Конечно, есть сердца, которыя за минуты восторга готовы перенести годы тяжелаго горя, которыя предпочитаютъ тихому обыденному счастью всеокрущающую бурю глубокихъ страданій. Такимъ сердцемъ обладала Доротея Мендельсонъ, обреченная на величайшую жертву.

Что же печалитъ ее теперь въ богатствѣ, которымъ она обладаетъ? Она готова бы лучше голодать, только бы встрѣтить человѣка, котораго могла бы искренно полюбить. Съ грустной улыбкой смотрѣла она на дорогія украшенія, подаренныя ей Фейтомъ къ послѣдному дню ея рожденія. Видъ блестящихъ брилліантовъ не могъ замѣнить ей неизвѣданнаго счастья, красивые рубины не утѣшали ея, а блѣдный жемчугъ напоминалъ ей ея тайныя слезы. Всѣ эти сокровища, которыми награждалъ ее любящій супругъ, не могли разсѣять ея тихой печали, хотя она сознавала, что въ сущности не имѣетъ причины жаловаться. Развѣ былъ на свѣтѣ мужъ лучше, чѣмъ ей послала судьба? Его доброта граничила почти со слабостью. Онъ такъ гордился ея обладаніемъ, былъ такъ счастливъ вблизи ея, что никакой страхъ за будущее не омрачалъ его супружеской жизни.

Но съ каждымъ днемъ все увеличивалась та пропасть, которая должна была рано или поздно разъединить супруговъ. Имъ обоимъ недоставало истиннаго пониманія другъ друга, внутреннаго влеченія душъ, равныхъ или по крайней мѣрѣ сходныхъ воззрѣній на жизнь, что составляетъ необходимое условіе въ бракѣ. Доротея отдавала полную справедливость достоинствамъ своего мужа и, сознавая его невиновность во всемъ этомъ, тѣмъ не менѣе чувствовала себя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оскорбленной. Даже самое стремленіе его къ образованію было только новой причиной, чтобы ихъ взаимное несоотвѣтствіе еще ярче обозначилось: Фейтъ обладалъ ясностью пониманья, присущей его націи, поэтому онъ старался пріобрѣтать реальныя знанія: описаніе путешествій, физика — были его любимымъ чтеніемъ, тогда какъ Доротея углублялась въ изученіе новѣйшихъ поэтовъ. Если книга не нравилась ему, то въ этомъ случаѣ онъ полагался на: ея вкусъ. Такъ поступилъ онъ съ тѣмъ что появившимся «Вертеромъ» Гете, который возбуждалъ тогда всеобщее почтеніе и вызывалъ слезы въ чувствительныхъ читателяхъ. Онъ критиковалъ это сантиментальное произведеніе своего времени

и свои доводы подкрѣплялъ авторитетомъ Николаи и Лессинга, который оставался для него единственнымъ величайшимъ писателемъ всей Германіи. Уважая знаменитѣйшаго друга своего отца, Доротея была однако уже такъ предана новому движенію въ литературѣ, что отставала его съ полной самоувѣренностью, особенно Гёте она защищала отъ педантичнаго Николаи. Она выступила такой его горячей защитницей, что Фейтъ совсѣмъ растерялся и долженъ былъ замолчать.

Подобныя споры и несогласія отозвались и на религиозномъ возрѣніи. Воспитанный въ религиозныхъ преданіяхъ отцовъ, молодой Фейтъ былъ преданъ іудейству, которое по простотѣ и ясности своего ученія было вполне доступно его пониманію. И хотя многіе церемоніи и обряды іудейства уже устарѣли и были тягостны, но онъ никакъ не могъ разстаться съ сроднившимися привычками. Противъ своихъ убѣжденій должна была молодая женщина съ величайшей строгостью соблюдать часто для нея непріятныя и мелочныя обрядности, которыя по ея мнѣнію уже давно потеряли всякій смыслъ. Чрезвычайно уступчивый во всѣхъ другихъ случаяхъ, Фейтъ въ этомъ одномъ пунктѣ выказывалъ необыкновенную твердость и непреклонность. Съ подобными возрѣніями на религію Доротея не могла примириться; даже возвышенныя понятія ея отца-философа и облагороженныя реформы не удовлетворяли ея страстныхъ ожиданій. Всѣ эти философствованія были ею болѣе предчувствуемы, чѣмъ ясно и отчетливо сознаваемы, увеличивая, такимъ образомъ, несогласія между супругами и отдѣляющую ихъ пропасть. Даже рожденіе дѣтей—двухъ мальчиковъ—не могло возстановить порванныхъ отношеній. Нѣжнѣйшія матери—не всегда счастливыѣйшія жены, и чѣмъ сильнѣе Доротея любила этихъ дѣтей, тѣмъ равнодушнѣе была она къ мужу. Всю свою нѣжность обращала она на обоихъ мальчиковъ, такъ что бѣдному Фейту ничего не оставалось. Этотъ послѣдній былъ такъ углубленъ въ свои дѣла, что ему совершенно не было времени обращать

вниманіе на (внутреннюю, душевную борьбу своей жены. Онъ, какъ и всѣ, считалъ свое супружество вполне счастливымъ. Это заблужденіе было поддерживаемо самой Доротеей, ея поступками. Она рѣшилась, пока живъ былъ ея отецъ, подавить въ себѣ всѣ терзанія и муки души, чтобы философъ не обманулся, въ своихъ расчетахъ и предсказаніяхъ. Ни одной жалобы: она не высказывала, принуждая себя улыбаться и шутить, чтобы умный Мендельсонъ не замѣтилъ своей ошибки. Онъ умеръ въ полной увѣренности, что обезпечилъ свою дочь во всѣхъ отношеніяхъ. Со смертью отца хотя и исчезло его значеніе въ ея судьбѣ, но сила привычки имѣла на Доротеею удивительное вліяніе. Она приготовилась покориться своей судьбѣ и страдать въ тиши по неизвѣданномъ счастьѣ.

Повидимому довольная и прославляемая многими женами изъ ея знакомыхъ, жила она, безропотная, терпѣливая, какъ и многія женщины, чьихъ сокровенныхъ страданій свѣтъ и не подозреваетъ. Только одна преданная подруга, Генриета Герцъ, которая была не столько умна, сколько хороша, знала горе Доротее. Она находилась въ подобномъ же положеніи, такъ какъ она, по желанію родителей, была отдана замужъ за человѣка вдвое ея старше, но, конечно, гофратъ Герцъ принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ врачамъ Берлина, къ умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ столицы. Вокругъ молодой женщины собиралось самое избранное общество, обожавшее ее, не возбуждая ревности мужа, который питалъ безграничное довѣріе къ добродѣтели своей жены. За неизвѣданную любовь красавица Герцъ вознаграждала себя ухаживаніемъ большинства друзей и знакомыхъ, дружбой братьевъ Гумбольдтовъ и знаменитаго Шлейэрмахера.

У этой подруги Доротея встрѣтила однажды человѣка, который долженъ былъ нарушить ея обманчивое спокойствіе, ея наружную сдержанность. Генриета представила ей рекомендованнаго Шлейэрмахеромъ Фридриха Шлегеля, чье имя было уже извѣстно Доротееѣ по его сочиненіямъ.

Шлегель соединялъ тогда въ себѣ пріятную наружность съ несомнѣннымъ, всѣми признаннымъ, тонкимъ умомъ, рѣдкой наблюдательностью, душевнымъ пыломъ и чарующей общительностью. Онъ принадлежалъ къ тогдашнимъ возвышеннѣйшимъ умамъ, безпредѣльная геніальность которыхъ поставила ихъ выше вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ и которые блестящимъ оружіемъ своего остроумія побѣдили нѣмецкое филистерство. Онъ вполне постигъ чистое знаніе, но ему недоставало той чистой нравственности и той любви къ истинѣ, которой обладалъ Лессингъ. Рѣчь Шлегеля была убѣдительна, блестяща, чему содѣйствовала его пламенная, ненасытная фантазія, въ которую онъ облакалъ слабый часто полетъ мысли, словно какъ въ цвѣточную гирлянду, и, такимъ образомъ, очаровывалъ взглядъ изслѣдователя. Послѣ предшествующей эпохи тревости этотъ вакхическій восторгъ долженъ былъ все увлечь: смѣлость молодого критика подкупала даже лучшіе умы, которые видѣли въ немъ новаго величайшаго реформатора своего времени, обновляющаго міръ, литературнаго Діонисія.

Даже такіе люди, какъ Шлейэрмахеръ, были увлечены этой новой необыкновенной силой, и такая погруженная въ себя женщина, какъ Доротея Фейтъ, увидѣла въ немъ свой идеаль внезапно осуществившимся. Что общаго могло быть между счедами и дѣлами влюбленнаго банкира и этимъ потомъ съ его возвышеннѣйшими идеями, пренебрегавшимъ всѣми границами и открывшимъ новый міръ могучему генію и безпредѣльную свободу избраннымъ? Даже его упопительная чувственность, очевидная для всѣхъ, не внушала Доротеѣ недовѣрія, но имѣла для нея новую прелесть; какъ искусный ораторъ, онъ своей поэзіей покоряетъ Шлейэрмахера съ его матеріальными возврѣніями. Полный необыкновенныхъ думъ и идей, онъ обладалъ одновременно греческой красотой мысли, католическимъ мистицизмомъ, классическимъ образованіемъ, романтической поэзіей; все это удивительно сливалось въ немъ и доставило ему мировую извѣстность. То онъ говоритъ

напыщенными дифирамбами Пиндара, а вслѣдъ затѣмъ—со святою кротостью христіанскаго апостола. Обаяніе его личности на слушателей дѣлало для нихъ незамѣтнымъ, что его намѣренія превышали его силы, что умъ его отличался болѣе воспріимчивостью женщины, чѣмъ творчествомъ мужчины и что ему недоставало терпѣнія и устойчивости, чтобы основать новое ученіе, новую эпоху. Еслибы Фридрихъ Шлегель, несмотря на свою одаренность, былъ только мимолетнымъ талантомъ и не такимъ дивнымъ гениемъ, то все-таки его вліяніе на литературу не могло бы быть отрицаемо. Эти блестящія качества соединились съ подвижнымъ, легко воспламеняющимся темпераментомъ, быстрое пламя котораго не имѣло, однако, ни внутренней теплоты, ни постоянства. Его живая широкая фантазія обманывала его самого и другихъ. Въ любви, какъ и въ дружбѣ, онъ поддавался минутному влеченію, ничуть не заботясь о будущемъ. Непостоянные мужчины всегда опаснѣе для женщинъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ умнѣе онѣ сами. Доротея, не любившая до сихъ поръ никого, тотчасъ же увлеклась этимъ игравшимъ сотнями красокъ талантомъ. Наконецъ, она увидала, что нашла цѣль своихъ страстныхъ ожиданій, идеаль дѣвичьихъ грезъ. Вблизи его она забывала все: добро, но малозначащаго для нея мужа, своихъ дѣтей, даже самое себя и весь міръ. Она съ тихимъ благоговѣніемъ прислушивалась къ его словамъ, звучавшимъ ей какъ откровеніе; она выказывала глубочайшее пониманіе его мыслей и, несмотря на свой тонкій умъ, съ восхищеніемъ принимала его смѣлые парадоксы. Все это не могло пройти для него незамѣченнымъ и льстило его самолюбію. Шлегель также чувствовалъ влеченіе къ этой умной, развитой еврейкѣ, въ чьемъ взглядѣ просвѣчивало такъ много необыкновеннаго ума и глубокаго благоговѣнія къ нему. Въ этотъ вечеръ оба они облизались и души ихъ на всегда заключили тайный союзъ.

Въ то время представители только что разцвѣтшей литературы образовали свободный кружокъ единомышленниковъ. Члены этого кружка, безразлично мужчины или женщины, были тѣсно

сплочены между собою, пренебрегали всякими стѣсненіями обыденной жизни и обыкновенными предрассудками, а равно и прежними филистерскими формами приличія. Всѣ участвующіе свободно обмѣнивались своими взаимными чувствами; прекрасныя души сходились, не ограничивая своихъ чувственныхъ влеченій, и если послѣдствіемъ этой встрѣчи было сильное страданіе или простая дружба, то остальные члены кружка не только не возмущались этимъ, но всегда относились съ глубочайшимъ участіемъ. Случается часто, что подобный романъ въ обыденной жизни преслѣдуютъ, осуждаютъ, тогда какъ друзья поощряютъ его, даже если это не согласуется съ обычной моралью. Извѣстно, что истинная любовь прощаетъ, а мнимая все обвиняетъ. Въ то время достаточно было одной субъективной антипатіи, простого чувства неудовольствія, чтобы уничтожить всякій союзъ, потому-то разлученіе супруговъ было модой дня.

Доротея также не избѣжала осужденія за свободныя взрѣнія на свои обязанности, но тогда всѣ члены дружескаго кружка, къ которому она принадлежала, искренно защищали ее. Съ того памятнаго для нея вечера, она все чаще встрѣчалась съ Шлегелемъ и, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, между ними установились взаимныя страстныя отношенія.

Она была слишкомъ благородна, чтобы все это скрывать отъ своего мужа; даже въ своихъ заблужденіяхъ она была глубоко искренна. Она видѣла необходимость разлуки, но ей не доставало мужества сообщить свое рѣшеніе ничего не предчувствующему Фейту. Тогда подруга ея, Герцъ, повѣренная ея любви, взяла на себя трудъ сдѣлать этотъ необходимый шагъ. Добрѣйшаго мужа поразило это, какъ молніей; онъ никакъ не могъ ожидать этого. Его горе было столь же глубоко, какъ и искренно, но въ эти печальныя минуты онъ выказалъ такое величіе души, что всякій геній позавидовалъ бы ему въ этомъ. Ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго обвиненія не сорвалось съ его устъ, только едва сдерживаемыя

Восходъ.

слезы выдавали его сердце, пораженное столь тяжкимъ ударомъ. Еслибы Доротея видѣла въ эти минуты его блѣдное лицо, его дрожащія отъ отчаянія руки, она, можетъ быть, вернулась бы къ своимъ обязанностямъ. Послѣ первыхъ минутъ, столь глубоко поразившихъ его, онъ собрался съ духомъ и, выслушавъ спокойно всѣ доводы Генриеты о необходимости разлуки съ женой, глубоко вздохнувъ, далъ свое согласіе.

Доротея была свободна, но эту свободу она купила дорогою цѣною: дѣтей она должна была оставить отцу и сердце ея обливалось кровью; оно готово было разорваться при разлукѣ съ ними; она чувствовала себя близкой къ обмороку.

— Увижу ли я моихъ дѣтей? — спрашивала она, обливаясь потоками слезъ.

— Ты должна ихъ видѣть, — утѣшалъ ее благородный мужъ, — я тебѣ ихъ пошлю.

— А ты?.. Простишь-ли ты меня?

— Я прощаю. Будь счастлива... Счастливыѣ, чѣмъ со мной.

Потрясенная, протянула она ему руку, и онъ не оттолкнулъ ея. Его невольныя слезы говорили ей объ его прощеніи больше, чѣмъ всякія слова.

Простившись съ родными, она наняла отдѣльную квартиру въ малолюдной тогда улицѣ «Ziegelstrasse». Жена богатаго банкира должна была довольствоваться комнатами въ *Chambre-Garnie*, въ заброшенной мѣстности, среди скудной обстановки, такъ какъ отъ прежняго мужа она взяла только самое необходимое изъ ея отцовскаго приданнаго. вмѣсто прежней роскоши ея имущество теперь составляло: мытые занавѣсы, поломанная мебель; прислуживала ей одна только старая женщина, приходившая по утрамъ для исполненія необходимыхъ домашнихъ надобностей. Привыкшая къ роскошной жизни въ богатой семьѣ, она должна была чувствовать себя вдвойнѣ несчастной среди этой нужды и студенческой жизни, но, благодаря своей душевной стойкости, она не обращала вниманія на окружающую бѣдность и даже сама иногда смѣялась

надъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Гораздо глубже затрагивало ее то обстоятельство, что прежніе ея знакомые и друзья удалялись и избѣгали ее.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, люди, знавшіе раньше объ ея отношеніяхъ къ Шлегелю и даже втихомолку одобравшіе ихъ, какъ интересное приключеніе, теперь громко и открыто осуждали ея поведеніе. Они навѣрное не вмѣнили бы ей въ вину маленькое любовное похиженіе, но то, что она промѣняла на любовь свое блестящее положеніе, свое богатство—этого большинство не могло простить ей. Теперь они кричали о безнравственности, о распущенности и изливали цѣлые потоки морали. Даже лучшіе изъ этого общества порвали съ ней всякія сношенія, потому что невозможно же было продолжать знакомство съ ушедшей отъ мужа женой, да еще живущей въ *Chambre-Gagnée* со своимъ возлюбленнымъ. Только Генріета Герцъ и Шлейэрмахеръ сочувствовали ей и посѣщали своего друга въ одиночествѣ. Время, проведенное ею въ дружескомъ обществѣ, вблизи Шлегеля, столь порицаемое во мнѣніи свѣта, навсегда сохранилось въ ея памяти. Въ то время, когда Доротея съ помощью Генріеты приготавлила чай, мужчины увлекались интереснымъ разговоромъ, вели оживленную бесѣду, которая едва-ли когда повторится. Упоенный восторгами любви, Шлегель развѣтывалъ свой богатый талантъ и увлекалъ за собой задумчиваго Шлейэрмахера. То онъ, какъ могучій волшебникъ, воскрешалъ умы Платона и Софокла, минувшій вѣкъ красоты и поэзіи, то увлекалъ слушателей вдохновенной рѣчью о средне-вѣковомъ романтизмѣ, воздвигалъ передъ ихъ глазами храмы, воскрешалъ могучія видѣнія Нибелунговъ съ ихъ органами звуками и увлекательными миннезингерами. Съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушивались дамы къ мужской бесѣдѣ и вставляли въ нее свои милые вопросы и замѣчанія, какъ цвѣты, брошенные въ быстрое теченіе рѣки.

Теперь для любящей Доротей наступила новая жизнь и рукою дорогого человѣка горизонтъ для нея раздвинулся и

открылось обширное неистощимое богатство знаній. Она была такъ счастлива, что большаго не желала: всё ея страстные ожиданія осуществились. Она чувствовала себя такъ, какъ будто она вновь родилась и вновь познавала себя. Какъ подъ вліяніемъ живительнаго солнца, раздвигались въ ея душѣ тысячи невѣдомыхъ зародышей, такъ что даже ея друзья были поражены этимъ внезапнымъ перерожденіемъ ея гениальной природы. Случалось часто въ это время, что она, словно въ магнетическомъ свѣтѣ, разрѣшала однимъ вѣскимъ словомъ труднѣйшіе и возвышеннѣйшіе вопросы. Казалось въ ней воскресъ древній пророческій духъ ея народа и, сидя съ блестящими глазами, съ пылающими щеками, она напоминала собой восточную Сивиллу.

Даже окружающая бѣдность не нарушала этого впечатлѣнія, — она только служила залогомъ рѣдкаго союза между вдохновеніемъ и красотой, мужского знанія и женской прелести въ этой пустынной *Ziegelstrasse*, въ этомъ суровомъ Берлинѣ.

За прелестью первой страсти, безъ сомнѣнія, для Доротеи слѣдовало время горькаго опыта и полнаго разочарованія. Такъ какъ Шлегель не имѣлъ ни состоянія, ни положенія, то и Доротеѣ онъ не могъ дать опредѣленнаго положенія въ жизни. Поэтому союзъ ихъ длился только до тѣхъ поръ, пока она не вынуждена была порвать это двухмысленное положеніе. Самъ же онъ надсмѣхался, благодаря своему гениальному образу мыслей, надъ, по его мнѣнію, филистерскимъ раздуміемъ своей возлюбленной, которая не въ состояніи была такъ легко отнестись къ святости морали. Въ этомъ же духѣ писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій и это приносило Доротеѣ новое страданіе. Какъ многіе поэты того времени, Шлегель также старался возвысить свое «я» до уровня поэзіи и въ пережитыхъ имъ сокровеннѣйшихъ моментахъ черпать матеріалъ для своихъ стиховъ. Это былъ періодъ «самопознаванія», въ чемъ знаменитый Руссо въ своихъ «*Confessions*» сдѣлалъ первое начало. Все испытанное и перечувствованное, что до тѣхъ поръ такъ заботливо скрывали отъ

свѣта и что даже боялись вслухъ высказывать, теперь без-
нощадно подвергали оцѣнкѣ. Съ какой удивительной смѣлостью
и откровенностью расписывали они свое обнаружившееся по-
ложеніе. Правда и красота были обыкновеннымъ ловуномъ,
но только голая правда и чистая красота безъ всякихъ при-
красъ. Люди, несогласные съ этими вѣяніями, считались не-
исправимыми филистерами и были осмѣяны такъ называемыми
передовыми людьми.

Слѣдствіемъ такого субъективнаго направленія того вре-
мени явился извѣстный романъ Шлегеля «Lucinde», который,
при своемъ первомъ появленіи въ свѣтъ, обратилъ на себя
всеобщее вниманіе и вызвалъ самую противоположную кри-
тику. Еще ни одинъ поэтъ до тѣхъ поръ не осмѣливался
посвящать подобныя дифирамбы чувственности и воспѣвать
физическія наслажденія столь вдохновенными словами. Вся
книга казалась однимъ гимномъ сладострастію и однимъ про-
славленіемъ тайнъ, предшествующихъ любви. Въ то время,
когда поклонники Шлегеля превозносили его смѣлость, его
блестящій стиль, пылъ его фантазіи и восхищались упитель-
нымъ очарованіемъ «Lucind'ы», противники возстали противъ
автора и громко обвиняли его въ величайшей безнравствен-
ности, въ попраніи прежнихъ моральныхъ традицій и всего
святого. Слѣдствіемъ такого общественнаго волненія было то,
что другъ его, Шлейермахеръ, вынужденъ былъ въ своихъ
извѣстныхъ «Urbild der Lucinde», написанныхъ частью
имъ, а частью одной дамой, успокоить взволнованные умы
своимъ вмѣнательствомъ. Весьма понятно, что часть этихъ
обвиненій пала на Доротею, такъ какъ многіе въ этихъ
скандальныхъ исторіяхъ, въ «Urbild der Lucinde», въ этомъ
безнравственнѣйшемъ романѣ, — видѣли лишь изображеніе
нечестныхъ отношеній Шлегеля къ Доротей. Она краснѣла при
одной только мысли объ этомъ, несмотря на то, что чувство-
вала себя невинной, краснѣла не только за себя, но за своихъ
дѣтей и своего уважаемаго мужа, имя котораго она еще но-
сила. Не взирая на свой умъ, она все-таки не могла воз-

выситься, подобно Шлегелю, до того, чтобы презирать злословіе и насмѣшки его противниковъ. Напрасно звать онъ ее въ Грецію съ ея изображеніями боговъ, звать насладиться очаровательными красками кисти Корреджіо, рисовавшаго, подобно ему, исторію любви. Но Доротея не соглашалась, не давая увлечь себя его ослѣпительной софистикой. Ея женственность, ея природный еврейскій умъ, ея нравственное достоинство удерживали ее отъ обнаруженія сокровенныхъ тайнъ любви.

— Знаешь-ли ты,—говорила она съ горькой улыбкой,— что свѣтъ выворачиваетъ все для насъ самое сокровенное!

Болѣе чѣмъ когда-либо наставляла она теперь на бракъ, такъ какъ настоящія отношенія Шлегеля ни отъ чего не гарантировали ее; она готова была лучше вести съ нимъ нужду и горе, но только бы прекратить дурные толки свѣта.

Новобрачные тотчасъ же предприняли путешествіе: сначала въ Вѣну, гдѣ у Шлегеля жилъ братъ его, Августъ-Вильгельмъ, располагавшій скромными средствами. Но новые родственники Доротеи со стороны ея мужа не способны были разсвѣять первыя тучи на горизонтѣ ея любви. Ея невѣстка, дочь извѣстнаго профессора Михаэля, съ надменностью смотрѣла на «крещеную еврейку» и всячески давала ей чувствовать свое мнимое превосходство. Вообще, супружество ея девера также нельзя было назвать счастливымъ; между супругами уже тогда существовалъ разладъ, приведшій ихъ брачный союзъ къ скорой развязкѣ. Братъ ея мужа былъ также поэтъ и причислялъ себя, какъ и Фридрихъ, къ выдающимся умамъ того времени, тѣмъ не менѣе жена его чувствовала себя глубоко несчастной, хотя она не знала за собой ни малѣйшей вины. Доротея была свидѣтельницей въ высшей степени оскорбительныхъ и совсѣмъ не поэтическихъ сценъ между обоими супругами. Она сравнивала про себя любовь и терпѣніе прозаическихъ купцовъ и банкировъ изъ ея прежнихъ знакомыхъ, оказывавшихъ въ подобномъ положеніи и

все глубже убѣждалась, что не возвышенный умъ, а только сердце мужчины въ состояніи обезпечить счастье женщины.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, Доротея и Шлегель продолжали свое путешествіе дальше, но только они не знали куда, потому что въ Берлинѣ Шлегель не могъ имѣть для своей дѣятельности удобной почвы. Съ этого времени начинается для обоихъ неопредѣленное скитаніе по чужбинѣ—то въ Дрезденъ, то въ Парижъ, и, наконецъ, въ Кельнѣ Фридрихъ намѣревался остаться, но нигдѣ не находили они настоящей родины, гдѣ бы могли вполне основаться. Много горя испытала Доротея въ это время, но она переносила это безропотно. Бывали моменты матеріальныхъ лишеній, причемъ и она, и Шлегель нуждались даже въ необходимомъ, такъ какъ, по случаю войны, его литературнаго заработка не хватало даже на пищу.

При этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Доротея время отъ времени получала значительныя суммы; она угадывала благороднаго, неизвѣстнаго благодѣтеля, но у нея недоставало мужества возвращать его помощь, хотя его имя она тщательно скрывала отъ Шлегеля. Только передъ Генріетой Герцъ, ея подругой, изливала она свое обремененное заботами сердце; при этомъ она писала ей, что долше она не въ силахъ принимать это удручающее доказательство любви. Въ то же время она высказывала ей въ своихъ письмахъ горячее желаніе свидѣться со своими дѣтьми, образъ которыхъ постоянно носился передъ ней. И вотъ, наконецъ, она была обрадована отвѣтомъ, писаннымъ рукою этого рѣдкаго человѣка. Фейтъ, не забываяшій ее ни на одну минуту и слѣдившій съ любящимъ участіемъ за ея судьбой, осчастливилъ ее предложеніемъ — продолжать дальнѣйшее воспитаніе старшаго сына, который рано обнаружилъ необыкновенный талантъ къ живописи. Одновременно онъ великодушно выслалъ на содержаніе сына такую значительную сумму, на которую могла вполне жить цѣлая семья. Доротея была поражена такимъ великодушнымъ предложеніемъ и проливая горя-

чія слезы о человѣкѣ, становившимся тѣмъ выше въ ея глазахъ, чѣмъ больше тщеславный Шлегель терялъ въ ея мнѣніи при ихъ совмѣстной жизни. Она не могла больше таить, что этотъ постъ былъ въ глубинѣ своей души величайшимъ эгоистомъ, питавшимъ одну склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, и что прежде всего ему не доставало той твердости характера, которую каждая женщина, подобная ей, ищетъ въ своемъ избранникѣ. Въ то время какъ Доротея обладала почти мужскимъ умомъ, Шлегель, напротивъ, обнаруживалъ все болѣе и болѣе чрезмѣрную женственность, что объяснялось его чрезвычайно гнѣжной организаціей. Эти обратныя отношенія, чувствительно коснувшіяся ее только уже впоследствии, въ новомъ союзѣ, и всѣ слабости Шлегеля Доротея переносила съ материнскимъ самопожертвованіемъ. Чѣмъ эгоистичнѣе былъ онъ, тѣмъ больше жертвовала она собой для него и вся ея жизнь была однимъ прекраснымъ примѣромъ.

Въ Кельнѣ, гдѣ они теперь жили, Шлегель перешелъ въ католичество и она охотно послѣдовала за нимъ, чѣмъ еще дальше оттолкнула отъ себя своихъ прежнихъ друзей. Подобный поступокъ у Шлегеля, какъ и у большинства ренегатовъ того времени, былъ только естественнымъ послѣдствіемъ его непостоянства. Чѣмъ крѣпче и непоколебимѣе стояла религія, тѣмъ больше стремились къ ней слабыя души. Въ мистическомъ, подкрѣпленномъ очарованіемъ искусства католическомъ культѣ находило себѣ удовлетвореніе ихъ не совсѣмъ погасшее сознание и эстетическое чувство. Къ этому еще присоединялась надежда на силу и уваженіе, которыя католическая церковь готова была изливать на обращенныхъ грѣшниковъ.

III.

Были вечерніе сумерки. Двѣ дамы прохаживались по развалинамъ Колизея. Вокругъ нихъ царило глубокое молчаніе. Шумъ вѣчнаго Рима не достигалъ сюда. Пыль и пепелъ тысячелѣтій подъ ихъ ногами. Подземныя стѣны древнихъ зданій, разбитые камни, одѣтые мохомъ и освѣщенные двойнымъ

тусклымъ свѣтомъ, — все это такъ чудесно гармонировало съ ихъ тихой бесѣдой, которая, быть можетъ, изъ страха передъ этимъ погибшимъ величіемъ, велась почти шепотомъ. Послѣ долголѣтней разлуки подруги встрѣтились вновь въ Римѣ. Это были Генріета и Доротея. Время прошло для обѣихъ не безслѣдно, но красивая Герцъ все еще носила слѣды прежней чудной привлекательности, тогда какъ Доротея напоминала римскую матрону. Ея волосы посѣдѣли, блескъ ея чудныхъ глазъ потухъ, горе и печаль оставили глубокія морщины на ея нѣкогда цвѣтущемъ лицѣ, а выраженіе ея душевной чистоты окружало ее, какъ мягкій лунный свѣтъ руинъ, среди которыхъ онѣ гуляли. Чѣмъ только онѣ не дѣлились въ этой бесѣдѣ! Смерть въ ихъ жизни такъ много унесла, но зато, какъ могучій примиритель, также разрѣшила и много житейскихъ вопросовъ.

— Тотчасъ какъ Герцъ, — продолжала его вдова свое повѣствованіе, — умеръ, я почувствовала все, что я въ немъ потеряла. Я думала, что я его только уважала, а теперь мнѣ стало ясно, что я его любила, какъ только вообще могла любить. Природа или благосклонная судьба не наградила меня той страстью, которая приноситъ нашему полу и высшее счастье, и величайшее страданіе. Мои чувства къ Герцу были другого рода: тихое, но глубокое довѣріе, почти дѣтское благоговѣніе передъ столь умнымъ человѣкомъ. Онъ же меня велъ въ жизни, какъ заботливый отецъ, нѣжнѣйшей рукою, и всѣ искушенія, которымъ я, благодаря своей красивой наружности, подвергалась, незамѣтно отстранялъ отъ меня. За это я ему, даже умершему, благодарна.

— Я бы могла тебѣ похвастоваться въ этомъ, — возразила Доротея съ тихимъ вздохомъ. — Небо пощадило тебя отъ жизненныхъ бурь... Видала ли ты Фейта передъ его кончиной? — вдругъ прервала она воспоминанія своей подруги.

— Я навѣщала его по его желанію, когда уже доктора отказались отъ него. Спокойно и готовый предвидѣль онъ свой конецъ; смерть казалась ему желанной.

Подруга почувствовала тихое рыданіе Доротей, которое она тщетно старалась подавить.

— Дальше, — умоляла она. — Не щади меня: я хочу все слышать, пусть это будетъ мнѣ наказаніемъ.

— Твои сыновья, — продолжала Герцъ, — теперь вмѣстѣ.

— Я ихъ послала ему при первомъ извѣстїи, что есть опасность. Какъ охотно бы я вернулась сама, но у меня не хватало мужества.

— Ихъ присутствіе, казалось, радовало его, хотя порежидъ ихъ въ католичество, въ чемъ они послѣдовали тебѣ, приносили ему глубокія страданія. При всей терпимости благороднаго человѣка, онъ не въ силахъ былъ преодолѣть своей печали объ этомъ шагѣ своихъ дѣтей. Ему стоило нечеловѣческихъ усилій, чтобы оставаться спокойнымъ.

— Я знаю это и клянусь тебѣ, что они оба перемѣнили религію своихъ отцовъ совсѣмъ безъ моего старанія.

— Фейтъ жаловался мнѣ въ особенности на религіозную настойчивость, съ которою твой Филиппъ омрачалъ его послѣднія минуты. Онъ требовалъ отъ умирающаго, столь преданнаго іудейству отца, чтобы отъ принялъ католическую вѣру.

— Это было, конечно, изъ любви, — оправдывала Доротей, — изъ заботливости о спасеніи его души. Я согласна съ тобой, что Филиппъ слишкомъ далеко зашелъ. Вся вина падаетъ на меня. О! зачѣмъ я должна была столько горя принести лучшему человѣку въ мірѣ! Ужасно! Сынъ и отецъ въ послѣднюю минуту своей жизни должны были такъ встрѣтиться!..

Доротей закрыла обѣими руками свое блѣдное лицо, и обильныя слезы потекли по ея щекамъ, но она тотчасъ же овладѣла собой и просила подругу продолжать.

— Съ возвышеннымъ спокойствіемъ, — рассказывала Герцъ, — отклонилъ Фейтъ старанія сына. Онъ оставался вѣренъ себѣ до послѣдней минуты. Я застала его окруженнымъ единовѣрцами, съ которыми онъ громко молился: «Слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ, Богъ Единный». — Когда онъ кончилъ мо-

литву, то, замѣтивъ меця, подовзалъ къ своей постели. Онъ говорилъ о тебѣ и его послѣдняя мысль была о тебѣ.

— О, онъ любилъ меня больше, чѣмъ я этого заслужила. Въ невзрачной оболочкѣ билось возвышенное сердце.

— А Шлегель?—спросила подруга, чтобы отвѣчь Доротейю отъ тяжелыхъ воспоминаній.

— Онъ также умеръ,—сказала со вздохомъ Доротейя.—Передъ его смертью въ немъ воспламенились еще разъ съ обыкновеннымъ блескомъ его лучшія душевныя силы. Здѣсь я потеряла благороднѣйшее сердце, тамъ—возвышенную душу.

— Жизнь тяжелѣе смерти,—сказала со вздохомъ Герцъ, охваченная тѣмъ меланхолическимъ настроеніемъ, которое насъ переполняетъ при воспоминаніи прошлаго и близкихъ друзей.

— А я вѣрю въ свиданіе,—какъ бы угадывая мысли подруги, замѣтила Доротейя.—Перенесемъ же съ мужествомъ все, что бы намъ небо ни посылало въ испытаніе. Оно ведетъ своихъ дѣтей дивной дорогой къ желанной цѣли. Счастье, видимо, не процвѣтаетъ въ этомъ мірѣ.

— Гдѣ намъ найти наше счастье?

— Тамъ!—воскликнула Доротейя, поднявъ свои блестящія глаза на звѣздную небесную твердь.—Въ огнѣ испытаній очищается наше сердце. Мы должны страдать, чтобы познать истину. Пойдемъ же! Уже поздно. Ночной воздухъ слишкомъ прохладенъ въ этихъ развалинахъ.

Обѣ подруги глубже закутались и пустились въ обратный путь. Такъ молча проходили онѣ по улицамъ вѣчнаго города, погруженные въ глубокія думы и горестныя воспоминанія.

Максъ Рингъ.

Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи.

(ПАМЯТИ ОТЦА МОЕГО ПОСВЯЩАЮ).

La rencontre de ce peuple m'étonne et me semble digne d'une extrême attention, par quantité de choses admirables et singulières qui y paraissent... La loi par laquelle ce peuple est gouverné est tout ensemble la plus ancienne loi du monde, la plus parfaite, et la seule qui ait toujours été gardée sans interruption dans un État... Mais cette loi est en même temps la plus sévère et la plus rigoureuse de toutes, obligeant ce peuple, pour le tenir dans son devoir, à mille observations particulières et pénible, sur peine de la vie. De sort que c'est une chose étonnante qu'elle se soit toujours conservée, durant tant de siècles, parmi un peuple rebelle et impatient comme celui-ci; pendant que tous les autres État ont changé de temps en temps leurs loi, quoique tout autrement faciles à observer.

Pensées de Blaise Pascal.

I.

Настоящая статья имѣетъ двоякую цѣль: во первыхъ, показать, что вопросъ о реформѣ въ области еврейской религіи самый насущный для насъ вопросъ, требующій, если не безотлагательнаго рѣшенія въ томъ, или другомъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ базотлагательнаго обсужденія; во вторыхъ, освѣтить тотъ единственный путь, идя по которому мы съумѣемъ достигъ желанной цѣли. Никонимъ образомъ не имѣемъ мы въ виду дать *программу* реформы, и честолюбіе наше не простирается такъ далеко, чтобы мы позволили себѣ играть роль еврейскаго Лютера, или Кальвина; но мы думаемъ, что наша статья послужитъ выраженіемъ чувствъ огромнаго большинства еврейской интеллигенціи, близко принимающей къ сердцу

интересы іудайзма. Эти святыя интересы нашего народа съ тѣхъ поръ, какъ рабби Іохананъ бенъ Закаей покинулъ погибавшій Іерусалимъ и основалъ школу, никогда не требовали такого участія и вниманія съ нашей стороны, какъ въ настоящее время. Какъ для всѣхъ народовъ, такъ и для насъ, евреевъ, прошелъ періодъ младенчества, когда вѣра наполняла всю душу человѣка и все остальное должно было считаться побочной вещью. Это время прошло безвозвратно и напрасно будемъ мы горевать объ этомъ. Слепое повиновенію закону у насъ смѣняется разумнымъ, добровольнымъ; тогда мы были защищены отъ какихъ бы то ни было искушеній, тогда мы оградили себя каменной стѣной, охранявшей насъ отъ посторонняго, внѣшняго вліянія; теперь же сразу хлынулъ въ наше гетто потокъ европейской цивилизаціи и быстро уноситъ насъ за собой, въ то же время проникая во всѣ поры народнаго организма. Но какъ въ христіанскомъ мірѣ Западной Европы, такъ и у насъ, самое опасное время прошло, прошла мода бахвалиться атеизмомъ, вольнодумствомъ и т. п. теоріями, сочинявшимися такими людьми, которые сами въ томъ ничего не понимали. И человѣкъ сталъ въ концѣ нашего вѣка гораздо скромнѣе: всѣ усилія людей, начиная съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ, ничуть не дали возможности сорвать завѣсу, скрывающую отъ насъ тайну жизни, и никогда, повидимому, это удастся не можетъ. «Дайте уму свободно развернуться, но не на счетъ сердца, пусть наука дѣлаетъ свое дѣло, но сердце ваше да наполнится свѣтомъ истинной вѣры»—вотъ лозунгъ новѣйшаго времени. Изъ тяжелой борьбы съ скептицизмомъ и всякими другими измами—религія вышла побѣдительницей. Но, Боже мой, какъ она измѣнилась! Та ли это самая, что много, много вѣковъ сопровождала насъ, что давала силу отцамъ нашимъ умирать на полѣ брани въ борьбѣ съ могучимъ Римомъ, что неудержимо влекла ихъ на ярко-пылавшіе костры, щедрой рукой разложенные въ Испаніи, Германіи, Франціи и Италіи, что утѣшала въ горѣ и облегчала имъ тяжелую жизненную ношу? Да, она и есть: внѣшность измѣнилась, но внутреннее содержаніе осталось то же; для насъ, евреевъ, какъ было раньше и какъ безъ сомнѣнія всегда и будетъ,—единственно возможной религіей останется іудайзмъ. Однако, надо сознаться,

что съ каждымъ днемъ увеличивается число тѣхъ, которые никакъ не могутъ болѣе довольствоваться старинной формой, въ которой іудаизмъ продержался такъ много вѣковъ. Это было бы, пожалуй, не опасно, если бы каждый имѣлъ столько времени и охоты посвятить вопросамъ религіи, чтобы изучить ее досконально, но бѣда именно въ томъ и состоитъ, что, не зная историческаго развитія іудаизма, абсолютно невозможно составить себѣ о немъ болѣе или менѣе вѣрное сужденіе, не попавъ въ просакъ. А это требуетъ много терпѣнія, труда и времени! Какъ выдѣлить изъ еврейской религіи все то, что въ теченіе тысячелѣтій, вслѣдствіе разныхъ, подчасъ случайныхъ причинъ, къ ней пристало, заслонило собой истинную религію? Вотъ тутъ честному, мыслящему, искренно-преданному дѣлу еврейства человѣку приходится переживать самыя тяжелыя минуты. Странствуя въ лабиринтѣ, невольно идешь наугадъ и получается довольно печальная картина. Все меньше и меньше становится такихъ людей, которые соблюдали бы всѣ религіозныя обряды, какъ то было въ доброе старое время; наоборотъ, съ каждымъ днемъ увеличивается число тѣхъ, что равномъ сбрасываютъ съ себя все: «сразу по крайней мѣрѣ покончили, да и баста; лучше разъ выстрадать, чѣмъ терзать себя ежедневно, ежеминутно». Но еще больше такихъ, что перестаютъ соблюдать одинъ, или нѣсколько обрядовъ, или цѣлую группу ихъ; варіаціи тутъ разнообразны и нѣсть имъ числа. При этомъ не поступаютъ по опредѣленному плану, а такъ, какъ Богъ на душу положитъ: и темпераментъ, и воспитаніе, и возрастъ, въ которомъ совершается переломъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, и степень образованія, и общество, въ которомъ приходится вращаться,—все это играетъ болѣе или менѣе важную роль. Очевидно, что такой порядокъ, или вѣрнѣе безпорядокъ, могъ бы привести къ полному религіозному банкротству, если бы мы, евреи, не были народомъ, уже видавшимъ виды. За іудаизмъ намъ, къ счастью, бояться нечего: онъ такъ же бессмертенъ, какъ бессмертенъ Израиль, но отсюда не слѣдуетъ, что мы правдо, сложа руки, должны смотрѣть на совершающіяся событія. Напротивъ, мы обязаны выяснить себѣ настоящее положеніе и спросить—куда же это насъ приведетъ? Нашъ народъ не пойдетъ за Прилукерами, Рабиновичами,

Португаловыми и прочей братіей,—настолько у него есть еще здраваго смысла, настолько у него еще свѣжи идеалы, за которые онъ уже тысячи лѣтъ борется; но одно несомнѣнно, что недалеко то будущее, когда ему придется сдѣлать крутой поворотъ влѣво. Странствовать въ потемкахъ въ области религіи, значить подрывать основы религіи. Реформы въ области религіи неизбежны,—болѣе того, необходимы, и потому необходимо выдвинуть вопросъ этотъ на сцену. Само собой разумѣется, что путь сюда долженъ быть загражденъ тѣмъ, которые ухватятся за эту мысль съ особой радостью для того, чтобы подорвать іудаизмъ въ корнѣ, ибо у насъ не мало такихъ, что готовы всякое средство пустить въ ходъ, лишь бы отдѣлаться отъ іудаизма; для нихъ все равно чѣмъ ни дѣйствовать—крестомъ ли, мечемъ ли (à la Португаловъ), или реформой! Нѣтъ, такіе господа пусть спокойно продолжаютъ бранить евреевъ и еврейство, проклинать инквизицію за то, что она совсѣмъ не извела ихъ, или плакать надъ тѣмъ, почему ихъ отцы не вышли изъ лона іудейской религіи для того, чтобы избавить птенцовъ отъ многихъ непріятностей и неудобствъ. Нѣтъ, мы призываемъ всѣхъ тѣхъ, кто убѣжденъ въ *необходимости существованія іудаизма*, кого событія послѣдняго вѣка научили вѣрить въ вѣчность Израиля, для кого религія не пустой звукъ, для кого идеалы іудаизма означаютъ идеалы добра и правды. Только проникшись тѣми вѣчными истинами, носителемъ которыхъ іудаизмъ для насъ былъ въ теченіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, и *ради такого іудаизма*, мы приобретаемъ право принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ. Для сохраненія іудаизма, для сохраненія истинной вѣры, сопровождающей еврея отъ колыбели до могилы, для упроченія тѣхъ высокихъ идеаловъ, носителями которыхъ были наши великіе пророки и потомъ учителя синагоги, тѣхъ идеаловъ, что насъ заставляли жертвовать временными благами ради благъ вѣчныхъ, для сохраненія *этихъ* идеаловъ стоитъ потрудиться: съ ними тѣсно связана судьба нашего народа. Да и достойно ли народа, столько вѣковъ страдавшаго за свою религію, выбросить ее, безъ всякаго достаточнаго основанія, за бортъ, какъ ненужный хламъ? Въ душѣ мыслящаго еврея послѣ такой операціи непремѣнно останется пустое, ничѣмъ не заполнимое мѣсто. Вѣрно лишь

то, что къ іудайзму въ теченіе вѣковъ пристало много такого, что не только изъ іудайзма не вытекаетъ, но прямо ему противорѣчить. Вотъ отъ этого «посторонняго» и надо, необходимо отдѣлаться. Но какъ приступить къ этой операціи и какимъ образомъ ее совершить? На послѣдній вопросъ читатель найдетъ отвѣтъ въ концѣ нашей статьи, а первый постараемся сейчасъ же разобрать. Желательно было бы, конечно, подвергнуть всю обрядовую сторону еврейской религіи основательному пересмотру и, если бы возможно было у насъ созвать синадріонъ изъ духовныхъ раввиновъ, то, быть можетъ, мы отъ него добились бы извѣстныхъ уступокъ, а это было бы важнымъ шагомъ къ разрѣшенію нашей задачи. Такой синадріонъ, согласно ученію Талмуда, имѣетъ право произвести необходимыя въ интересахъ іудайзма реформы и право это ничѣмъ не ограничено. Къ несчастію, надо думать, раввины наши вовсе не видятъ, или не хотятъ видѣть того, что вокругъ нихъ совершается, и въ то время, когда многіе обряды перестаютъ вовсе соблюдаться, они пишутъ сто первый комментарий къ закону, который давно не исполняется. Трудно думать, чтобы попытка въ этомъ направленіи привела къ чему нибудь существенному, хотя это вовсе не значитъ, что мы должны на томъ успокоиться. Важность предмета говорить въ пользу того, что пренебрегать ею не слѣдуетъ. Что же остается? Жизнь не ждетъ, а нарождающееся новое поколѣніе все болѣе и болѣе удаляется отъ іудайзма. Его справедливое требованіе, чтобы и религія не отставала отъ вѣка *должно* быть нами удовлетворено! Такъ же поступить ли намъ, какъ Декартъ въ области философіи? Но, во первыхъ, надо же родиться Декартомъ, а такихъ что то не видать на нашемъ горизонтѣ, а во вторыхъ, не безродные же мы, не съ неба мы только что упали, чтобы быть въ состояніи отдѣлаться сразу отъ всего прошлаго. Въ нашемъ народѣ глубоко пустило свои корни великое сознаніе, что мы за собой имѣемъ болѣе чѣмъ 33-хъ вѣковой путь, а этого нельзя будетъ никогда вычеркнуть, и слава Богу, что нельзя. Единственный путь, по которому мы должны будемъ идти, чтобы хотя медленно, но вѣрно подвигаться къ цѣли, это путь историческаго развитія. Тогда мы и поймемъ, почему Прилукары и вся прочая братія, не исключая еврейскихъ реформаторовъ на Западѣ,

не имѣли никакого успѣха и никогда его имѣть не будутъ. Чтобы уяснить себѣ духъ іудаязма и тѣ цѣли, которыя преслѣдовали учителя синагоги, мы должны прилежно проштудировать Библию и Талмудъ, окунуться въ «море» Талмуда, какъ выражаются евреи. Пусть читатель не слишкомъ пугается бурныхъ волнъ талмудическаго моря: оно, правда, очень глубоко и намъ придется опуститься на самое дно его, но оно не страшно, его воды чисты какъ горный хрусталь, его поверхность отражаетъ всю нашу исторію, мы выйдемъ изъ него бодрыми, съ запасомъ новыхъ силъ и легче начнемъ дышать подъ жгучимъ припекомъ житейскаго солнца. Какъ всякое море, оно поглотило въ себѣ много ненужнаго, но это ничуть не помѣшаетъ намъ видѣть его сокровенныя тайны. Мы должны узнать прежде всего, что руководило талмудистами, когда они всѣ помыслы свои направили на то, чтобы заковать жизнь еврея въ «цѣпи» религіи. Зачѣмъ они дѣлали это? Чего добивались? Въ чемъ видѣли они идеаль іудаязма? На самомъ ли дѣлѣ они были темные фанатики, считавшіе, что Богъ будетъ съчъ на томъ свѣтѣ за то, что забудешь разъ совершить тотъ или другой обрядъ? Въ самомъ ли дѣлѣ они видѣли въ однихъ обрядахъ суть религіи? Безъ обрядовъ ни одна религія немислима: обряды суть внѣшнее выраженіе, казовая сторона религіи, но они имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда дѣйствительно отражаютъ въ себѣ истины религіи. Какъ призма, преломляя лучъ солнца, являетъ намъ прелестныя цвѣта радуги, такъ въ обрядахъ на равные манеры и лады проглядываетъ сіяніе вѣры. Но если призма потускнѣла, такъ значить ли это, что лучъ солнца угасъ? Если обрядъ больше не затрогиваетъ струнь души нашей, такъ значить ли это, что вѣра потеряла смыслъ? Замѣните призму другой и снова въ ней лучъ солнца заиграетъ и, быть можетъ, ярче прежняго. Мы отлично знаемъ, что еще сильнѣе, чѣмъ въ иновѣрческомъ лагерѣ, проложило себѣ путь въ сердца нашихъ единовѣрцевъ не только предубѣжденіе, но прямо ненависть къ талмудической литературѣ вообще и къ Талмуду въ особенности. Но это именно предубѣжденіе, ни на чемъ не основанное мнѣніе можно искоренить лишь тѣмъ, если дать этимъ господамъ возможность самимъ заглянуть въ тайники Талмуда—задача не легкая, но не неис-

полная. И вотъ, когда мы узнаемъ и поймемъ тѣ идеалы, которымъ служили учителя синагоги, тогда проникнемся глубоко уваженіемъ къ тѣмъ людямъ, которые умѣли не только приказывать, но и повиноваться, которые умѣли отстаивать свои убѣжденія, жертвуя достояніе, покой и самую жизнь во имя блага Израиля, во имя тѣхъ великихъ истинъ, которыя не перестанутъ быть истинами, пока человечество будетъ стремиться къ правдѣ, добру и красотѣ. Не будетъ мѣста и вопросу «что дѣлать?». Служить истинѣ, какъ и они ей служили, но дѣлать это осмысленно, съ полнымъ сознаниемъ всей важности задачи. Въ самомъ Талмудѣ достаточно такихъ элементовъ, которыхъ слишкомъ хватитъ на обновленіе іудаизма. Такимъ образомъ мы останемся на почвѣ исторіи, на почвѣ традиціи, такимъ образомъ не съумѣетъ никто сказать, что мы чужое растеніе насаждаемъ въ нашемъ саду: въ іудаизмѣ еще такъ много внутренней силы, еще такъ великъ запасъ вѣчныхъ истинъ въ нашей религіи, что нѣтъ нужды занимать на сторонѣ.

II.

Нѣсколько словъ о литературныхъ источникахъ, которыми мы пользовались. Кто хоть отчасти читалъ Талмудъ, тотъ знаетъ что очень многіе изъ талмудистовъ отлично были знакомы не только съ греческой философіей и ученіемъ Зороастра, но также и съ Евангеліемъ, что ничуть не помѣшало имъ остаться глубоко преданными ученію іудаизма. Мы слѣдуемъ ихъ примѣру: вѣдь прошло то время, когда чтеніе какой бы то ни было книги на чужомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, считалось преступленіемъ противъ вѣры. Исторія доказала намъ, что тотъ, кто проникся истиннымъ свѣтамъ іудаизма безнаказанно можетъ подняться въ тѣ сферы, гдѣ господствуетъ нееврейскій духъ: іудаизмъ въ данномъ случаѣ послужитъ ему непроницаемой броней. Вотъ почему мы широко воспользовались духовной протестантской литературой, и не видимъ причины къ раскаянію. Кто знаетъ одинъ языкъ, не знаетъ ни одного, кто знаетъ одну вѣру, не знаетъ ни одной — замѣчено кѣмъ то весьма справедливо. И пусть при этомъ подымется цѣлый рой сомнѣній: въ концѣ концовъ мы все таки приходимъ къ твердому убѣжденію, что въ іудаизмѣ наше спасеніе. *Выстрадать* надо въ нашъ вѣкъ

религіозныя убѣжденія: это тяжело, но разъ вы это продѣлали — и тогда нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ борьбы, и смѣло и бодро подвигаетесь вы впередъ къ желанной цѣли.

А) Источники.

- 1) Das alte Testament.
- 2) Mischna, 6 Bände, Warschau, 1867.
- 3) Der Babylonische Talmud, 11 Bände, ed. Amsterdam, 1644—1648.
- 4) Der Jerusalemische Talmud, 4 Bände, ed. Schitomir, 1860.
- 5) Tosefta, ed. Zuckermannel, Trier, 1880, mit dem Supplement, 1882.
- 6) Mechilta, ed. Weiss, Wilno, 1865.
- 7) Sifra, ed. Amsterdam 1545.
- 8) Sifre, ed. Venedig, 1546.
- 9) Pesikta von Rab Kahana, ed. S. Buber, Lyck, 1868.
- 10) Pesikta Zutratha, Venedig, 1546.
- 11—20) Zehn Midraschim: 5 zum Pentateuch und 5 zu den Megilloth, als «Midrasch Rabba», ed. Venedig, 1545.

В) Литература.

- +
- 1) E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, 2 Auflage, Leipzig, 1890, Band I und 1886—Band II.
  - 2) A. Geiger, Urschrift. Breslau. 1857.
  - 3) M. Jacobson, Versuch einer Psychologie des Talmuds. Halle, 1878.
  - 4) J. H. Weiss, Geschichte der jüdischen Tradition (hebr. Titel; «Dor dor w'dorschaw»), Band I, Wien. 1871; B. II—1876; B. III—1883.
  - 5) Z. Frankel, Introductia in Mischnam. Lipsiae 1859 (hebr. geschrieben).
  - 6) N. Brüll. Die Entstehungsgeschichte des babylonischen Talmuds (Jahrbücher für Geschichte und Litteratur. 1876).
  - 7) Derenbourg. Histoire de la Palestine depuis Cyrus jusqu' à Adrien. Paris. 1867.

- + 8) J. Wellhausen, Die Pharisäer und Sadducäer. Greifswald, 1874.
- + 9) Durdent, Artikel «Akiba» (Biographie universelle ancienne et moderne, Tome I, Paris. 1843).
- 10) L. Lazarus, Zur Charakteristik der talmudischen Ethik. Breslau. 1877.
- 11) J. S. Bloch. Einblicke in die Geschichte der Entstehung der talmudischen Litteratur, Wien, 1884.
- + 12) A. Harnak, Lehrbuch der Dogmengeschichte, 2 Aufl. Freiburg in B. 1888, B. I.
- + 13) A. Kuenen, Volksreligion und Weltreligion. Berlin, 1883.
- + 14) Steiner, Psalmen (Artikel in Schenkels Bibel-Lexicon, Band V, 1875).
- + 15) Fr. E. König, Die Hauptprobleme der altisraelitischen Religionsgeschichte. Leipzig. 1884.
- 16) M. Joel. Blicke in die Religionsgeschichte zu Anfang des zweiten christlichen Jahrhunderts B. I, Breslau und Leipzig 1870; B. II—1884.
- 17) J. Gastfreund. Biographie des Tanaiten Rabbi Akiba Lemberg. 1871. (Hebräisch geschrieben, höchst unkritisch).
- 18) J. Fürst, Der Kanon des Alten Testament. Leipzig, 1868.
- + 19) Th. Nöldeke, Die Alttestamentliche Litteratur. Leipzig 1868.
- + 20) F. Weber, System der Altsynagogalen Palästinischen Theologie, herausgegeben von Franz Delitzsch, Leipzig 1880.
- + 21) H. L. Strack, Einleitung in den Thalmud. Leipzig 1887 (Separatabdruck aus Herzog's Real-Encyclopädie für protestantische Theologie, B. XVIII, 2 Aufl.).
- 22) Z. Frankel, Beiträge zu einer Einleitung in den Talmud (Monatsschrift für Gesch. und Wissenschaft des Judenthums. 1861).
- + 23) Edmond Stapfer, Les idées religieuses en Palestine à l'époque de Jésus-Christ. Paris. 1878.
- + 24) O. Pfleiderer. Das Urchristenthum. Berlin. 1887.
- 25) S. R. Hirsch, Ueber die Beziehungen des Talmuds zum Judenthum und zu der sozialen Stellung seiner Bekenner. Frankfurt a/M. 1884.

- + 26) H. L. Strack. «Schriftgelehrte» (in Herzog's R. E., 2-te Aufl, B. XIII).
- 27) I. Hamburger. Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud. Strelitz, 1883. Band I.—Вслѣдствіе многихъ ошибокъ, надо употреблять этотъ трудъ съ крайней осторожностью; о другихъ его крупныхъ недостаткахъ см. приведенный нами выше Strack, Einleitung in den Thalmud, въ отдѣлѣ библиографіи.

Остальное указано въ самомъ текстѣ и въ примѣчаніяхъ.

NB. Предъ названіемъ книгъ, принадлежащихъ авторамъ-нееврейцамъ, поставленъ знакъ †. Такая отмѣтка необходима, ибо она не только покажетъ, какъ насъ, евреевъ, опередила протестантская наука въ изслѣдованіи еврейской исторіи и еврейскаго богословія, что не можетъ не заставить насъ сильно краснѣть, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что безпристрастная критика иновѣрцевъ, не слишкомъ противъ насъ предубѣжденныхъ, въ очень многихъ случаяхъ пришла къ такимъ выводамъ, которые только способны поддержать наше убѣжденіе, что мы боремся за правое дѣло. Что касается сокращеній, то они не представляютъ большого затрудненія. Названія отдѣльныхъ книгъ Ветхаго Заветъ мы оставили латинскія, какъ это принято въ богословской наукѣ на западѣ. Лишь мѣстами употреблено нами для краткости нѣмецкое названіе. Перечисляемъ книги въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ во всякомъ изданіи Библии на древнееврейскомъ языкѣ, съ начала до конца: Genesis, Exodus, Leviticus, Numeri, Deuteronomium, Josua, Judicum (=Richter), Samuelis, Regum (=Könige). Jesaia, Jeremia, Ezechiel, Hosea, Joel, Amos, Obadia (=Obedja), Jona, Micha, Nahum (=Nachum), Habakuk, Zephania, Haggai, Zacharia, Malachia, Psalmi (=Psalmen), Proverbia, Iob (=Hiob), Cantic. Cantic. (=das Hohelied-das Hohe Lied), Ruth, Threni, Ecclesiastes (Koheleth), Esther, Daniel, Ezra, Nehemia, Chronica. За исключеніемъ двухъ, трехъ мѣстъ, гдѣ это оказалось необходимымъ, мы нигдѣ не цитируемъ цѣлый стихъ изъ Библии, а указываемъ на главу (Cap.) и стихъ (V.=Vers), ибо въ каждомъ домѣ найдется Библия, и кого вопросъ, затрогиваемый нами, интересуеетъ, тотъ не побѣдится найти указываемый стихъ. «Страницу» мы отмѣчаемъ буквой S (=Seite);

передъ трактатами изъ Іерусалимскаго Талмуда мы поставили знакъ <jer.> ; Н=Halacha, также укавана для облегченія читателю страница jer. Talm. (изд. Житомирское, наиб. распространенное въ Россіи). Остальныя сокращенія понятны.

III.

במשכנים הושבנו כמתי. עולם, א"ד י"מיה
זה תלמודא של בבל.
(פנתרון 24א)

„Das Neue Testament, an das ich mich hier mit gutem Bedacht gehalten habe, lässt natürlich die Eigenschaften an den Pharisäern hervortreten, gegen welche die Opposition des Christenthums gerichtet war. Man darf nun aber nicht vergessen, dass die Gegensätze artverwandt sind. „Trachtet vor Allem nach der Gerechtigkeit Gottes“ gilt für die Cristen so wohl wie für die Pharisäer. Wichtiger noch ist, dass die allgemeine Weltanschauung, welche für diese Forderung das Motiv ist, bei beiden im Grunde dieselbe ist“.

7. Wellhausen. Die Pharisäer etc. S. 21.

Если сравнимъ Пятикнижіе Моисея съ ученіемъ пророковъ, то увидимъ, что главная задача пророковъ заключалась въ томъ, чтобы показать Израилю глубокую разницу, существующую между формальнымъ исполненіемъ законовъ и дѣйствительнымъ, осмысленнымъ. Много страницъ занято въ Пятикнижїи законами о жертвоприношеніяхъ и вотъ пророки въ нѣсколькихъ словахъ совершенно ихъ упраздняютъ. Не жертвы нужны Богу, а добрыя дѣла, не жертвы, а справедливость. Въ прекрасныхъ словахъ изложено это, напримѣръ, въ первой главѣ книги пророка Исаи. Строгое исполненіе обрядовъ, подчасъ даже чрезмѣрное въ томъ усердіе, уживалось въ одномъ и томъ же лицѣ съ безпрестаннымъ нарушеніемъ законовъ любви къ ближнему и вообще этическихъ правилъ, что очень часто встрѣчается еще и въ наши дни. Такимъ образомъ пророки должны были поднять вопросъ, о которомъ раньше мало думали, вопросъ о томъ—«что такое религія? что значить служить Богу? какъ ему надо служить?» и т. д. Мало по малу успѣли они совершенно подкопать основы обрядности въ религіи, и

особенно въ послѣднихъ главахъ (40 — 66) Jезаіа видно, что стремленіемъ пророка было сдѣлать еврейскую религію универсальной. Но то, что было подѣ силу ему, не могло быть пригоднымъ для массы: для купцовъ, крестьянъ и ремесленниковъ, не имѣющихъ времени и возможности отдаваться теоретическимъ размышленіямъ, требующихъ, чтобы религія выражена была нагляднымъ образомъ, чтобы она сильно дѣйствовала на чувство. И если наши учителя Синагоги ставятъ *Ezra* на одну линію съ Моисеемъ, то они вполне правы. Откройте книги *Ezra* и *Nehemia* и вы убѣдитесь, какія мѣры надо было принять, чтобы заставить массу уважать законъ. Однако теоретическое разсужденіе пророковъ не могло пройти безъ слѣда: ему мы обязаны книгами *Job* и *Koheleth*, ему мы обязаны сохраненіемъ въ Талмудѣ и талмудической литературѣ безчисленнаго множества сентенцій, которыя вовсе не вяжутся съ господствующими воззрѣніями учителей Синагоги. Странное что то происходило въ умахъ и сердцахъ тѣхъ, кого мы обыкновенно называемъ талмудистами. Одной рукой они разрушали то, что другой совидали; разрушали, сами того не замѣчая, безсознательно, и часто въ одинъ моментъ падало зданіе, создавшееся годами. Повинуясь долгу, они задались цѣлью во что бы то ни было сохранить іуданизмъ и достичь этого они, по ихъ мнѣнію, могли лишь тогда надѣяться, когда обряды будутъ держать человѣка въ тискахъ, а съ другой стороны мы видимъ, что человѣческая натура порой не выдерживала желѣзныхъ оковъ, рвала ихъ безпощадно и неудержимо высказывались сокровенныя тайны души. Лучшіе представители талмудизма жили, какъ мы и ниже увидимъ, двойной жизнью: одна была отдана исполненію долга и открыта для всѣхъ, другую они тщательно охраняли отъ любопытства толпы. Нашей задачей будетъ показать, какими были они у себя дома, и, къ счастью, въ Талмудѣ сохранилось такъ много матеріала, что намъ придется ограничиться лишь частью его. Это первая попытка въ данномъ направленіи и для того, чтобы исчерпать вопросъ, надо ждать, пока талмудическая литература будетъ лучше разработана. Итакъ, нашей задачей будетъ показать, что въ самомъ Талмудѣ сохранилось много изреченій учителей Синагоги такого характера, что мы только можемъ дивиться, какъ могли они туда

попасть. Они всё плод обдуманной критики и потому мы для краткости будем их называть «критическими идеями», «критицизмомъ». Съ Галахой онѣ ничего общаго не имѣютъ, юридическихъ тонкостей онѣ не знаютъ, ихъ область—философія религіи, онѣ касаются фундамента вѣры. Но изъ сказаннаго выше уже видно, что обстоятельства совсѣмъ не благоприятствовали ихъ развитію, почему мы тщетно будемъ искать тутъ системы ¹. И не безъинтереснымъ будетъ отмѣтить весьма характерную для талмудическаго іудаизма черту, что вопросы, касавшіеся основныхъ началъ религіи, мало или почти вовсе не вызывали споровъ, тогда какъ какой нибудь незначительный обрядъ составлялъ учителей по цѣлымъ днямъ, а можетъ и мѣсяцамъ разсуждать о немъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ отъ него зависѣла участь іудаизма. Не малымъ затрудненіемъ для насъ будетъ и то, что Талмудъ выражается кратко и, какъ Z. Frankel говоритъ ², «введеніями и лексикономъ тутъ дѣлу не поможетъ: міръ идей Талмуда долженъ быть при посредствѣ самого Талмуда и понять. Мысль часто лишь намѣчена и выводъ предоставляется сдѣлать читателю; часто короткая фраза заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ мыслей». Изучая Талмудъ, мы находимъ въ немъ матеріаль самаго разнообразнаго качества: нѣкоторыя мысли кажутся намъ такого рода, что невольно спрашиваемъ себя, имѣемъ ли мы дѣло съ людьми, у которыхъ умъ въ порядкѣ ³, а рядомъ—тонкая діалектика, глубокое знаніе человѣческой души ⁴, умѣніе понимать мельчайшіе отгѣнки рѣчи и удивительно строгая послѣдовательность въ мышленіи ⁵.

¹ Потому и необходимо быть особенно осторожнымъ при пользованіи книгой Вебера: „System der palästin. Theologie“. „Система“ эта ввела въ заблужденіе даже такихъ ученыхъ какъ O. Pfeiderer

² „Beiträge zu einer Einleitung in d. Talmud“ (Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums, 1861). s. 186.

³ Напримѣръ: Chullin 139b; Schabbath 12b; Sota 33a.

⁴ S. R. Hirsch, Ueber die Beziehung des Talm. etc. s. 33.

⁵ A. Geiger, Urschrift, s. 13; J. H. Weiss, Geschichte der jüd. Tradition (-dor dor w'dorschow) I Aufl. B. III, s. 135 und 139; Quiduschin 30a; Sifre s. 235; Bekhoroth 4a; Thamid 61a; Pesiqta zutr. 53b; Thaanith 10a; Tosefta, ed. Zuckermandel s. 437; 'Arakhin 32a; Mechilta ed. Weiss, s. 65b; Pesiqta zutr. s. 60a; Sifre, Columna 98; Numeri Rabba, Cap. 3, S. 141a; Menachoth 87a; Sanhedrin 43b; Horajoth 10b; Bekhoroth 4a; Nazir 33a; Pe-

Вотъ отчего Талмудъ имѣеть много друзей ⁶ и еще больше враговъ ⁷. Въ послѣднее время разработкой Талмуда и талмудической литературы занялось довольно много протестантскихъ ученыхъ, но они, за весьма малыми исключеніями, приступаютъ къ работѣ съ готовыми, предвзятыми сужденіями и смотрятъ на Талмудъ сквозь свои протестантско-миссіонерскія очки. Впрочемъ такихъ, что читаютъ Талмудъ въ оригиналѣ, и до сихъ поръ можно по пальцамъ перечестъ, и примѣръ ихъ безпристрастности читатель найдетъ въ статьѣ Н. Z. Strack—«Schriftgelehrte» (Herzog's R. E. 2 Aufl., B. XIII, S. 696 ff.). «Негѣпымъ будетъ выдавать слова *одного* талмудиста за ученіе Талмуда»—говоритъ Strack въ другомъ мѣстѣ ⁸, а между тѣмъ самымъ вопіющимъ образомъ обращается съ Талмудомъ, и въ трехъ строкахъ хочетъ передать, какъ учителя Синагоги толковали Библию. Отсылаемъ читателя къ любопытной главѣ Strack'a. Онъ разбираетъ изреченіе Раббанъ-Гамліеля, учителя Апостола Павла ⁹, о воскресеніи мертвыхъ, и сравниваетъ его слова съ 32 стихомъ 22 главы Евангелія отъ Маттея, «Вотъ какъ знаменитѣйшіе раввины толковали Библию!» восклицаетъ Strack. Но тутъ какъ разъ судьба надъ нимъ подшутила: *на той же самой страницѣ Талмуда* ¹⁰, гдѣ Strack вычиталъ изреченіе Раббанъ-Гамліеля, мы находимъ, что другіе два талмудиста, ссылаясь на Numeri 18, 28-b и Exodus 6, 3, 4, точь въ точь приводятъ тѣ же доказательства, какъ и Евангелистъ Матей. Да это и неудивительно. Не только въ первые вѣка христіанской эры, но, пожалуй, еще въ 7-мъ, 8-мъ вѣкѣ въ способѣ толкованія Библии было очень много общаго между евреями и христіанами, что теперь протестантскими учеными считается

siqta zutr. s. 38a; Berakhoth 4a; Genes. Rabba, Cap. 46, s. 30b; Pesiqta zutr. s. 85b; Schirha-Schirim R. 25b; Sifre C. 45; Schir ha-Sch. R. s. 11a; Genes. Rabba Cap. 78, s. 50a; Aboth d'Rabbi Nathan (im Bd. IX, ed. Amst. 1644 ff. s. 9a, и т. д.

⁶ Strack, „Einleitung in den Talmud“, Leipzig 1887, s. 61 u. 62; S. R. Hirsch a. a. O. s. 4, 5 u. 37; Jacobson, Versuch einer Psychologie d. Talmud, Halle, 1878, s. 6.

⁷ Strack. Ibid.

⁸ Ibid. s. 63.

⁹ Ibid. s. 54.

¹⁰ Sanhedrin 90a.

безспорно доказаннымъ ¹¹. Набожные евреи вѣрятъ, что Моисей получилъ отъ Бога не одну только Тору, но и Талмудъ, чуть ли не даже со всѣми комментаріями, которые къ нему написаны уже и которые еще имѣютъ быть написаны. Съ другой стороны утверждаютъ нѣкоторые ученые, какъ напр. тотъ же Strack, что о существованіи какихъ бы то ни было устныхъ законовъ параллельно съ Торой въ древнее время и рѣчи быть ое можетъ ¹². Какъ мнѣніе евреевъ-ортодоксовъ, такъ и проф-Strack'a, страдаютъ большой односторонностью. Противъ первыхъ было бы излишнимъ приводить какіе либо доводы: стоитъ прослѣдить Талмудъ и не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, какая масса новыхъ постановленій прибывала съ каждымъ новымъ столѣтіемъ. Съ другой стороны, думать, что Талмудъ какъ бы съ неба упалъ въ то время, когда евреи были въ Вавилонѣ, или когда они возвратились изъ плѣна—значитъ вдаться въ другую крайность. [«Устная Тора», какъ евреи называютъ Талмудъ въ противоположность къ «писанной Торѣ», т. е. Библии, вѣроятно начинается вмѣстѣ съ самимъ Израилемъ. Проф. F. E. Kö nig ¹³ говоритъ, что въ иудаизмѣ мы можемъ найти доказательство того, что у евреевъ съ древнихъ временъ преданія переходили отъ одного поколѣнія къ другому, сохра-

¹¹ Otto Pfeiderer, Das Urchristentum etc. s. 30, 154 ff. und s. 176; A. Harnak, Lehrbuch der Dogmengeschichte B. I, s. 86 ff.; E. Schürer, Geschichte d. jüdischen Volkes, B. II, s. 282, 286 und daselbst Anm. 117; s. 687; Steiner, Artikel „Psalmen“ (in Sehenskel's Bibel-Lex. B. V), s. 8, Nöldeke, die Alttest. Litteratur, s. 136; J. Wellhausen, Die Phariseer etc.; s. 21; Edmond Stapfer, Les idées religieuses en Palestine à l'époque de Jésus-Christ, Paris 1878, s. 17 ff. Изъ еврейскихъ/ученыхъ укажемъ здѣсь: M. Joël, Blicke etc. B. II, s. 49 u. 174 Anm. 3; J. H. Weiss, Die Gesch. d. jud. Trad. B. III, s. 123 ff.; 127 u. 129.

Примѣровъ такъ много, что, пожалуй, излишне и цитировать ихъ. Иногда отдѣльные малкіе факты Ветхаго завѣта, служили темой для цѣлаго разсказа. Такъ наприм. это не узнатьъ Ezechiel 2, 10а въ слѣдующихъ словахъ біографа знаменитаго писателя IV вѣка послѣ Р. X., Ефрема Сирина (умеръ въ 373 г.): (Vitaе S. Ephraem compendicium et Anonymo Syro, въ замѣчательномъ трудѣ J. S. Assemaus, Bibliotheca Orientalis etc. Romae, 1719, Tomus primus,seite 26). Типичнымъ интерпретомъ является самъ Ефремъ Сиринъ: въ этомъ искусствѣ онъ, пожалуй, превзошелъ даже нѣкоторыхъ талмудистовъ. Сравни наприм. его комментарий къ книгѣ пророка Даниила.

¹² Strack, Einleit. in d. Th. s. 38.

¹³ Die Hauptproblemen der altisraelit. Religionsgeschichte, s. 21.

няя всю свою свѣжесть ¹⁴, О томъ, что наравнѣ съ предписаніями Торы, не малую роль у евреевъ уже издавна играли устные законы, врядъ ли можно сомнѣваться ¹⁵. Никогда, конечно, при этомъ не надобно забывать, что мы уже выше замѣтили, что законы, сохранившіеся въ преданіи, не сразу появились на свѣтъ Божій и мало по малу, выдѣляя тѣ, что принадлежать къ сравнительно новому періоду, мы доберемся до такихъ, которымъ основаніе было положено въ древнѣйшія времена. Правда, при этомъ окажется, что послѣдняго рода законовъ будетъ немного, что и неудивительно: количество законовъ «устной Торы» росло въ небывалой прогрессіи. Если пойдемъ дальше, то придется сказать, что и тотъ небольшой остатокъ устныхъ законовъ, которые по нашему мнѣнію относятся къ глубокой старинѣ, первоначально не имѣлъ характера закона, но исключительно — обычая, какъ и значительная часть библейскихъ законовъ представляетъ собою не что иное какъ узаконенные обычая. Въ самомъ Талмудѣ ¹⁶ мы находимъ не мало тому примѣровъ, какъ учителя Синагоги давали сильно распространившемуся обычаю санкцію закона и не рѣдко видимъ, какъ споръ рѣшался тѣмъ, что говорили: «посмотримъ, какъ народъ поступаетъ», т. е. разберемъ, каковы обычая народа въ данномъ случаѣ. «Обычай выше закона», обычай «управдываетъ» законъ — положенія принятія во всей послѣдталмудической литературѣ, и въ настоящее еще время они живы въ народномъ сознаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рекомендуется соблюдать извѣстный обрядъ, причемъ прямо говорится, что это не законъ, а обычай, и прибавляется: «евреи

¹⁴ Vgl. J. H. Weiss, B. I, s. 2, 5 u. 6; D. Joël, der Aberglaube etc. B. I, s. 42; D. Hoffmann, Die erste Mischna, s. 3 (bei Strack, Einl. in d Th. s. 38 Anm); N. Brüll, Die Entstehungsgesch. des bab. Th., s. 2 u. 4.

¹⁵ Чтобы показать „*бестристрастіе*“ Strack'a, съ которымъ онъ высказываетъ свои сужденія о Талмудѣ, достаточно привести *одни примѣры вместо многих*. Strack. Ср. ст. „Schriftgelehrte“ in Herzog's R. E, 2 Aufl. B. XIII, s. 698 со словами знаменитаго галичскаго ученаго А. Kuenen, „Volksreligion und Weltreligion“, s. 207 u 209; также Geiger, Urschrift s. 127; Derenbourg, Histoire de la Palestine s. 115 u. 452.

¹⁶ J. H. Weiss, B. I, 1, 159; N. Brüll, Die Entstehungsgesch. etc. s. 3 jer. Tha'anith Cap. I, Halaxha 6, s. 12.

должны уважать обычаи отцовъ». Впрочемъ на языкѣ Талмуда назывались письменнымъ закономъ лишь пять книгъ Моисея, все же остальное, включая сюда книги пророковъ и Ketubim, причислялось къ устному Закону¹⁷. Теперь очень трудно выдѣлить всё тѣ законы изъ Талмуда, которые первоначально были обычаемъ и были лишь возведены на степень закона учителями Талмуда¹⁸. Во многихъ случаяхъ это абсолютно невозможно, ибо цѣлая масса законовъ была установлена такъ называемой Великой Синагогой. Къ несчастію, у насъ почти совсѣмъ нѣтъ матеріаловъ, относящихся къ той эпохѣ, изъ которыхъ мы могли бы черпать какія бы то ни было историческія данныя и мы, повидимому, всегда должны будемъ довольствоваться догадками. Въ Талмудѣ приписывается мужамъ Великой Синагоги введеніе многихъ новыхъ законовъ. Они были продолжателями дѣла Езга и вѣроятно не безъ борьбы удалось провести много законовъ, а также возвести обычаи на степень закона. Можно полагать, что въ позднѣйшее время слѣдовали примѣру Великой Синагоги: одни обычаи приписывали славнымъ мужамъ древняго времени, о другихъ говорили, что —это «законы», данныя Моисею на горѣ Синаѣ. И такъ какъ впоследствии стремились къ тому, чтобы законы охватили всю жизнь еврей, то и неудивительно, что талмудисты охотно готовы были зачесть въ разрядъ законовъ всякій обычай, развѣ онъ только не стоялъ въ яркомъ противорѣчій къ принципамъ іудаизма¹⁹. Несомнѣнно, что сначала тѣмъ и ограничились, что опредѣленное, можетъ быть даже очень большое число обычаевъ возвели на степень закона, ибо навязать народу цѣлый рядъ новыхъ, теоретически выработанныхъ законовъ—вещь немислимая и неисполнимая. Но много позже, когда народъ находился въ сильной зависимости отъ ученаго сословія, послѣднее не замедлило воспользоваться благопріятными условіями и весь строй жизни понемногу передѣлать на свой ладъ.

¹⁷ M. Joël, Blicke etc. B. I, s. 57.

¹⁸ jer. Baba mezia, Cap. 7, Hal. 1, s. 44. J. H. Weiss, B. I, s. 155. Ср. также Daniel 1, 8—15.

¹⁹ jer. Tha'anith, Cap. 1, Hal. 6, s. 12; N. Brüll, Die Entstehungsgeschichte etc. s. 3.

Разумѣется, что ничего подобнаго народъ не могъ ожидать въ то время, когда онъ добровольно призналъ надъ собою власть ученаго сословія²⁰⁾, а впоследствии привыкъ къ безусловному повиновенію и сдѣлался игрушкой въ рукахъ талмудистовъ. Великая Синагога существовала въ эпоху, когда іудаизму грозила сильная опасность совершенно ступеваться и сойти съ мировой сцены. Языческіе обряды проникли сильно и быстро въ еврейскую среду, что намъ свидѣтельствуется Езга; евреи себя прекрасно, повидимому, чувствовали на чужбинѣ, если весьма незначительная часть рѣшилась покинуть Вавилонъ и вернуться въ Палестину. Мало было надежды на достиженіе политической самостоятельности, да въ политикѣ евреи никогда не были доками; казалось, евреи были охвачены языческимъ міромъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, и понемногу должны были исчезнуть, смѣшаться съ другими народностями, какъ это часто бывало въ древнее время. И вотъ тогда, надо думать, и произошло собраніе мужей Великой Синагоги. Чтобы спасти евреевъ, какъ народъ, отъ неминуемой гибели, надобно было постепенно придать жизни народа такую форму, которая его бы отличала отъ другихъ народовъ. Ничего лучшаго они не могли придумать, какъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ, — существовавшими обычаями. Извѣстные обычаи были выдѣлены и признаны законами, имѣющими одинаковую силу съ тѣми, что изложены въ Библии. Ясно, что такіе законы, благодаря той важности, какую имъ придали, понемногу вытѣснили остальные, не пользовавшіеся этимъ преимуществомъ, и мало по малу внѣшняя жизнь евреевъ стала рѣзко отличаться отъ жизни языческаго міра. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мужами Великой Синагоги руководили мотивы чисто національнаго и политическаго характера, какъ то мы видѣли у Езга и Nehemia, чему и надо приписать успѣхъ, который это собраніе имѣло. Однако, не всѣ могли быть довольны подобными мѣрами. Нашлось не мало такихъ, что были противъ смѣшенія народныхъ обычаевъ съ законами Торы и они не имѣли никакого желанія безпрекословно принять за законъ то, что освящено обычаемъ. Приверженцы нововведе-

²⁰ E. Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes, B. II, s. 416.

ній видѣли себя вынужденными доказать, что *новые* законы *давно уже таковыми введены Торой*, и если это прямо изъ нея вычитать нельзя было, то они старались доказать, что изъ того или другого мѣста Пятикнижія то или другое слѣдуетъ. Противники нововведеній съ своей стороны доказывали, что ничего подобнаго изъ Пятикнижія заключить нельзя. Такимъ образомъ обѣ стороны, сами быть можетъ того не замѣчая, согласились въ томъ, что Пятикнижіе есть основаніе іудаизма и что только то, что изъ Торы слѣдуетъ, надобно считать равносильнымъ закону, ясно изложенному въ самой Торѣ ²¹. Этого только новаторамъ и надо было. Разъ интерпретація имѣла рѣшающее значеніе, то созданію новыхъ законовъ ничто не могло больше препятствовать ²². Такъ было положено начало раввинизму. Уже до Маккавеевъ, приблизительно около 200 л. до Р. Х., раввинизмъ является силой, съ которой надобно было считаться. Къ этому времени совершенно утасло въ народѣ сознаніе того, что много изъ соблюдаемыхъ имъ законовъ суть не болѣе, какъ обычай праотцевъ: твердо за то вѣрилъ онъ, что всѣ законы даны Богомъ и исключительно въ исполненіи ихъ состоитъ задача правовѣрнаго еврея. Не дремало лишь ученое сословіе, понемногу увеличивая съ одной стороны число тѣхъ законовъ, что устно якобы даны были Моисею на горѣ Синая, а съ другой, стараясь окружить ореоломъ величія людей Великой Синагоги. Мы уже сказали, что матеріалы историческіе, относящіеся къ эпохѣ Великой Синагогѣ, такъ скудны, что мы вынуждены удовольствоваться почти одніми гипотезами. Здѣсь будетъ интереснымъ отмѣтить, что въ послѣднее время нѣкоторыми учеными выражено мнѣніе, что на самомъ дѣлѣ это «Великое Собраніе», или «Великая Синагога» никогда не существовала ²³. Однако, надобно считать такое мнѣніе слишкомъ послѣднимъ и вѣрнѣе будетъ признать, что вопросъ этотъ ждетъ еще своего разрѣшенія. Дальнѣйшее развитіе законовъ шло своимъ порядкомъ и характеръ новыхъ людей особенно ярко обрисовывается въ эпоху

²¹ J. H. Weiss, B. I, s. 146.

²² Ibid. B. I, s. 69; B. II, s. 53; Schürer, Gesch. etc. B. II, s. 254; Geiger, Urschrift s. 426.

²³ J. Schürer, Geschichte etc. B. II, s. 291 ff.

Маккаевъ. Движеніемъ противъ Эпиеанія вполне завладѣли приверженцы раввинизма: о національныхъ интересахъ тутъ и рѣчи не было и быть не могло²⁴. Всякое національное чувство исчезло; казалось, евреи перестали совсѣмъ понимать, что оно собой представляетъ, но за то до грандіозныхъ размѣровъ развилось сознаніе, что вѣра составляетъ для еврея все: за вѣру, а не за національные интересы жертвовали тогда евреи охотно жизнь и достояніе²⁵. Езга и его послѣдователи стремились развить въ евреяхъ національное самосознаніе, но исторія показываетъ, какъ евреи пошли совсѣмъ другимъ путемъ и, потерявъ свою политическую самостоятельность, благодаря сильной привязанности къ религіи, совершили трудный 18 вѣковъ путь, выдерживая борьбу со всѣмъ міромъ. Какъ только Маккаеямъ удалось добиться религіозной свободы для еврейскаго народа, они почувствовали, что евреи считали борьбу оконченной. Дѣйствительно, мы видимъ, что народъ вовсе не интересовался тѣмъ—кто будетъ управлять его судьбой и кому онъ будетъ платить подати: это для него было рѣшительно все равно. Разумѣется, побѣда, одержанная евреями надъ могущественнымъ непріателемъ, должна была подѣйствовать на многихъ опыняющимъ образомъ, но народъ еп *masse* стоялъ на очень далекомъ разстояніи отъ какихъ бы то ни было политическихъ замысловъ. Религія завладѣла всѣмъ существомъ еврея: въ обрядахъ заключалась вся религія, въ религіи общеніе человѣка съ Богомъ. Такое увлеченіе религіей достигло послѣ побѣдъ, одержанныхъ евреями подъ предводительствомъ Маккаевъ, небывалыхъ размѣровъ и тутъ какъ будто сразу выступаютъ на сцену фарисеи и саддукеи. На самомъ же дѣлѣ, раздѣленіе народа на двѣ части, изъ которыхъ на одной сторонѣ масса съ учеными, продолжавшими якобы дѣло Езга и мужей Великой Синагоги, а на другой сторонѣ—родовая и денежная аристократія, не пожелавшая наложить на себя ярма «устной Торы» и сѣмѣвшая, оставшись вѣрной «письменной Торѣ», проникнуться идеями греческой философіи,—такое раздѣленіе произошло вовсе не въ половинѣ вто-

²⁴ J. Wellhausen. Die Phariseer etc. s. 94 u. 95. Derenbourg, Histoire etc., Preface s. III.

²⁵ Derenbourg, a. a. O. s. 56 u. 65.

рого вѣка до Р. Х., а много, много раньше. Но чѣмъ дальше и больше развивалась «устная Тора», тѣмъ различіе между фарисеями и саддукеями становилось все больше: до Маккавеевъ мы видимъ лишь глухую борьбу, послѣ побѣды Маккавеевъ фарисеи почувствовали себя настолько сильными, что открыто выступили противъ враговъ «устной Торы». Къ сожалѣнію, сохранилось въ Талмудѣ очень мало касающагося этого вопроса: фарисеи умѣли жить и довольствоваться своей жизнью, не интересуясь другими ученіями, или по крайней мѣрѣ весьма мало ими интересуясь. О спорахъ съ саддукеями рѣдко упоминается. Но изъ приведенныхъ въ Талмудѣ мѣстъ видно уже, что фарисеи чувствовали себя непомѣрно сильными въ интерпретаціи Библии и благодаря искусной интерпретаціи имъ удалось создать неимовѣрное число новыхъ законовъ. Разбирая подробно родъ толкованія Библии фарисейской школой, мы придемъ къ убѣжденію, что они мало интересовались изложеніемъ дѣйствительнаго смысла библейскихъ стиховъ, а употребляли интерпретацію какъ средство провести тѣ законы, которые они считали необходимыми для укрѣпленія іудаизма²⁶. Наступилъ періодъ «фабрикаціи» законовъ²⁷. Однако, до разрушенія храма дѣло велось въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ, ибо, во первыхъ, что тамъ ни говорите, а регулировать жизнь цѣлаго народа такъ, чтобы каждое отдѣльное лицо обратилось въ часть правильно дѣйствующей машины, не на столько легко, чтобы можно было того добиться въ короткое время, а во вторыхъ, до тѣхъ поръ, пока храмъ существовалъ, саддукеи играли весьма важную роль, занимая высшія государственныя должности, и большая часть ихъ принадлежала или находилась въ родствѣ съ вліятельными людьми господствующаго класса²⁸. Однако, въ первомъ вѣкѣ христіанской эры и, пожалуй, уже въ послѣдней четверти перваго столѣтія до Р. Х. саддукеи бывали часто вынуждены идти на уступки и, не признавая правильности выводовъ, которые фарисеи дѣлали при помощи интерпретаціи изъ постановленій Библии, должны были въ дѣйствительности, на практикѣ принимать тотъ или другой за-

²⁶ Jer. Schabi'ith, Cap. 10, Hal. 2, s. 62.

²⁷ J. H. Weiss, B. II, s. 42 u. 58.

²⁸ E. Schürer, B. II, s. 348.

конъ, сфабрикованный фарисеями. И чѣмъ страннѣе намъ кажется какой либо законъ, вновь изданный фарисеями, чѣмъ меньше онъ вяжется съ мѣстомъ Библии, который якобы служить обоснованію его, тѣмъ скорѣе должны мы въ этомъ законѣ видѣть намѣреніе совершенно опредѣленнаго характера, намѣреніе провести извѣстную идею въ народъ ²⁹, идею, ничего, конечно, общаго не имѣющую съ даннымъ словомъ Библии, но за то всецѣло связанную со всѣмъ направленіемъ фарисеевъ ³⁰. Примѣровъ тому такъ много въ Талмудѣ, что можно было бы списать цѣлые томы. Ограничимся потому лишь указаніемъ на рабби Акибу. Рабби Акиба—самый знаменитый между талмудистами ³¹). Онъ не только былъ великимъ ученымъ, но очень много занимался политикой ³². Какъ интерпретаторъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго: Библия ему давала отвѣтъ на всѣ вопросы, какіе вообще человекъ можетъ поставить ³³, и тамъ гдѣ его товарищи тщетно искали объясненія, ихъ всегда выручалъ рабби Акиба ³⁴. Его политическая пропаганда, которую онъ велъ съ большимъ умѣньемъ и съ большей еще энергіей, не только не вязалась съ принципами фарисейской школы, но стояла въ рѣзкомъ съ ними противорѣчій, однако онъ и тутъ сѣумѣлъ до извѣстной степени оправдать себя. Чтобы убѣдить массу въ томъ, что Баръ-Кохба въ дѣйствительности тотъ самый, котораго Провидѣніе избрало, чтобы наказать римлянъ за сожженіе храма, и который долженъ возстановить царство Израиля, р. Акиба опять прибѣгъ къ интерпротаци ³⁵. Въ Num. 24,17 онъ нашелъ надлежащее указа-

²⁹ Weiss, B. I, s. 114; Jacobson, Versuch einer Psychologie etc. s. 9.

³⁰ Weiss, Vorwort zu der Mechilta, Wien, s. XIX; Weiss. Geschichte etc. B. I, s. 81, B. II, s. 263.

³¹ Gegen M. Joël, Blicke etc. B. I, s. 50.

³² Для характеристики р. Акибы см. J. Gastfreund, Biographie des R. Akiba, s. 17b. Wellhausen, Die Pharissäer etc. s. 23 ff.; Sifre, Col. 40 u. 148; Abóth d'R. Nathan (1 — 13 B., ed. Amsterd. 1644 ff.) 8a; Pesikta d'R. Kahana, Cap. IV, s. 36b; Menachot 29b; Mo'ed qatan 20a; Jebamoth 62b; jer. Tha'anith Cap. 3, Hal. 4, s. 26; Ibid. Makkoth C. 1, Hal. 8, s. 5; Schürer, B. I, s. 571; Durdent „Akiba“, s. 290; Schürer B. II, s. 310.

³³ Weiss, B. II, s. 112 ff.; Derenbourg, Histoire etc. s. 5 u. 286 ff.

³⁴ Z. Frankel, Introductia in Mischnam, Lipsiae, 1859, s. 117.

³⁵ Midrasch Threni 59b.

ніе ³⁶. Пророчество не оправдалось: евреи потерпѣли страшное пораженіе, послѣ котораго они никогда уже оправиться не могли; самъ р. Акиба погибъ мученической смертью, но вліяніе его на современниковъ было такъ велико, что мало кто помнитъ о томъ ударѣ, который онъ, главнымъ образомъ, нанесъ еврейскому народу. Помнятъ лишь его заслуги на пользу укрѣпленія вѣры, помнятъ его мученическую смерть, помнятъ его колоссальное знаніе, его умѣніе фабриковать не только изъ cadaго стиха, не только изъ cadaго слова, но изъ буквы, изъ черточки, что букву украшаетъ, цѣлыя горы законовъ. Не онъ изобрѣлъ такой способъ интерпретаціи, но никто какъ онъ не владѣлъ способностью дѣлать изъ Библіи все, что заблагоразсудится ³⁷. Онъ указалъ путь своимъ преемникамъ: идите по моимъ стопамъ, и вы всегда съумѣете заставить Израиль жить такъ, какъ вы того захотите ³⁸). Правда, еще при жизни рабби Акибы нашлось не мало талмудистовъ ³⁹, которые громко протестовали противъ такого насилія надъ Библіей; укажемъ, напр., на р. Измаила, да и послѣ смерти его многіе не считали нужнымъ скрывать свое недовольство, однако вліяніе этой могучей личности было такъ велико, что его методъ сталъ господствующимъ ⁴⁰. Въ особенности въ Вавилонѣ находились ярые поклонники метода рабби Акибы; кто не хотѣлъ идти по его стопамъ, долженъ былъ покинуть вавилонскую школу и отправиться въ школы, существовавшія въ Палестинѣ, гдѣ интерпретаціей не такъ злоупотребляли ⁴¹. Чѣмъ меньше становилась надежда на возстановленіе храма, тѣмъ больше и больше евреи стали сознать себя религіозной общиной и тѣмъ сильнѣе стало вліяніе ученыхъ, охранителей религіи ⁴². Не надо при этомъ также упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что цѣлыя годы требовались для основатель-

³⁶ Koshba, собственно Kokhav значитъ по еврейски „Звѣзда“.

³⁷ J. S. Bloch, Einblicke in Gesch. etc. s. 22.

³⁸ Ibid. s. 25.

³⁹ Weiss, B. II, s. 94, 103, 106 ff., 150 ff., B. III, s. 100 ff. Sanhedrin 24a; Menachoth 52a; Weiss B. I, 168.

⁴⁰ Weiss, B. III, s. 229.

⁴¹ Ibid. s. 107.

⁴² Schürer, B. I, s. 587; Harnak, Dogmengeschichte s. 94.

наго изученія «устной Торы», которая была въ буквальномъ смыслѣ устной, и что такимъ образомъ простому смертному, не причислявшемуся къ ученому сословію, оставалось только повиноваться. Въ наши дни можно взять нигу, справиться; тогда же, кромѣ того, что книги вообще были дороги, устную Тору запрещено было письменнo излагать, а лишь сохранять въ памяти. Одного этого достаточно было, чтобы дать просторъ и фантазіи и произволу: все основывалось на традиціи, каждый долженъ былъ передавать лишь то, что слышалъ отъ своихъ учителей; но разъ весь запасъ знаній сохранялся исключительно въ памяти, то понятно, что часть матеріала терялась безвозвратно, зато бессознательно передавалъ каждый отъ имени своихъ учителей то, что послѣднимъ и не снилось. Иногда дѣлалось это и намѣренно, что и въ Талмудѣ изрѣдка упоминается. Прибавимъ къ этому интерпретацію Библии, какъ она велась у талмудистовъ, и тогда поймемъ, какъ каждый изъ нихъ легко могъ проводить свои идеи, выдавая ихъ за непреложныя истины Торы. Только ограниченные люди чувствовали себя какъ въ клеткѣ,—для людей умныхъ, все равно держались ли они ортодоксальнаго или, наоборотъ, самаго свободного образа мыслей на религію, для нихъ—«устная Тора» была превосходнымъ орудіемъ для проведенія любыхъ законовъ. «Устная Тора» сдѣлалась обоюдоострымъ оружіемъ, и потому не удивительно, что мы въ Талмудѣ встрѣчаемъ выраженія крайняго свободомыслія ⁴³, не мало такого, что не вя-

⁴³ Schäfer, В. II, s. 285 говоритъ слѣдующее:

„Въ то время, когда въ изложеніи религіозныхъ законовъ и ихъ дальнѣйшемъ развитіи держались сравнительно строгихъ правилъ, на попріищъ теоретическаго умствованія господствовалъ безграничный произволъ. О правилахъ и методѣ въ послѣднемъ случаѣ почти и рѣчи быть не можетъ. Недоставало одного именно, что дѣлало развитіе закона постояннымъ, логическимъ,—недоставало традиціонныхъ принциповъ. Кто занимался разработкой этическихъ религіозныхъ вопросовъ не обязанъ былъ, какъ напр. истолкователь законовъ, строго держаться традиціи. Полный просторъ и свободу могъ онъ дать своей фантазіи, лишь бы она не выходила за предѣлы іудаизма. Въ извѣстныхъ смыслѣ была и тутъ своего рода „традиція“, но она не была обязательной. Религіозныя воззрѣнія (т. е. въ теоріи) высказывались довольно свободно, но за то все строже и строже становится „законъ“ (т. е. исполненіе его въ жизни). Единственное правило, котораго держался обыкновенно каждый (изъ занимавшихся

жется даже совсѣмъ съ ученіемъ Моисея ⁴⁴. Только благодаря такому положенію вещей, мы въ состояніи заглянуть въ сокровенныя тайны Талмуда и видѣть истинныя причины, которыми талмудисты руководились, издавая тотъ или другой законъ. Напрасно было бы при этомъ думать, что въ Талмудѣ нѣтъ никакого метода для изслѣдованія Торы, — наоборотъ, выработаны были весьма строгія правила, которыхъ держались сравнительно крѣпко, но... положеніе дѣла отъ этого ничуть не измѣняется. Невольно возникаетъ вопросъ: отчего же талмудисты не высказывали открыто своего мнѣнія? зачѣмъ прятаться подъ извѣстнаго рода маской? Покойный *Hupfeld* говорить: «Ветхій Заветъ не хочетъ дать намъ теоретическаго понятія о религіи, но стремится выработать въ человѣкѣ опредѣленный строй мыслей и побудить его къ примѣненію ихъ на практикѣ» ⁴⁵. То же самое примѣнимо и къ талмудистамъ ⁴⁶.

разработкой этически-религіозныхъ вопросовъ), состояло въ томъ, что онъ считалъ себя вправѣ каждое мѣсто Св. Писанія толковать такъ, какъ ему остроуміе и разумъ подсказывали.

⁴⁴ Schürer, B. II, s. 287.

⁴⁵ Die Psalmen, 2 Aufl., Gotha 1867, s. 74.

⁴⁶ Schürer, B. II, s. 754 говорить: „Еврейская философія преслѣдуетъ главнымъ образомъ практическую цѣль: сдѣлать каждого истинно-нравственнымъ и благочестивымъ человѣкомъ.“ — Позволяемъ себѣ привести здѣсь слѣдующее замѣчательное мѣсто изъ М. Joël (*Blicke in die Relig.*) B. II, s. 101, Anmerk. 1:

„Сенека былъ слишкомъ слабъ, чтобы устроить свою жизнь согласно своей философіи, но въ то же время онъ былъ настолько серьезенъ, что несомнѣнно видѣлъ, какъ великъ разладъ между его мнѣніемъ чѣмъ чистой живнью, и его философіей: это сознаніе вызывало въ немъ чувство смиренія. Все, что ему Тацитъ ставитъ въ упрекъ, можно, пожалуй, немного смягчить, частью же надо считать безобразнымъ преувеличеніемъ его враговъ. Но при всемъ томъ остается еще такъ много, что мы вполне имѣемъ право сказать: „сей мужъ, про котораго самъ ненавидящій его Діо говоритъ, что онъ всѣхъ римлянъ своего времени и многихъ другихъ людей превзошелъ мудростью, сей мужъ, говоримъ мы, потому именно и представляетъ собой одинъ изъ поучительнѣйшихъ типовъ для этической оцѣнки извѣстнаго сорта теоретическаго благородства. Только та теорія, которая не есть продуктъ начитанности, подражанія или таланта, но которая вытекаетъ изъ оригинальной глубины индивидуума или народной души, только та будетъ вполне совпадать съ дѣйствительною жизнью. Эклектикъ Сенека представлялъ собой великій талантъ и серьезно смотрѣлъ на жизнь, но прекрасныя мысли, которыя онъ высказываетъ, не

Они были проникнуты сознаниемъ, что ихъ задача состоитъ въ такомъ воспитаніи народа, которое бы ручалось за неизмѣнное сохраненіе іудаизма на вѣчныя времена. Для этого надо было, какъ думали они, устроить такъ, чтобы еврей, раньше чѣмъ двинуть пальцемъ, непременно бы спросилъ: «какъ мнѣ это сдѣлать, не нарушивъ закона?». Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Каждое новое положеніе вызывало собою десятокъ, сотню въ свою очередь новыхъ законовъ, которые изъ перваго какъ бы сами вытекали, и разъ принять былъ первый законъ, то, волей неволей, приходилось принимать и сотню изъ него вытекающихъ. Неминуемо зашли наши ученые въ такую чащу, изъ которой они и сами выбраться не могутъ. Насколько же идея, руководившая ими, вѣрна или нѣтъ, насколько возможнымъ представляется осуществить на практикѣ то, къ чему они стремились, это вопросъ, который занима-

---

вышли изъ глубины его римской души, а ему навѣяны извѣи, и потому онъ и не произвелъ на него того необходимаго дѣйствія, которое производитъ оригинальная мудрость, будь она выражена даже не въ такой красивой формѣ. Кто это понимаетъ и знаетъ также, почему Сократъ жилъ именно такъ, какъ училъ, и почему Сенека такъ сдѣлать не могъ, тотъ также пойметъ, почему мудрость еврейскихъ пророковъ и учителей, выраженная въ сравнительно-небольшомъ количествѣ положеній, вполнѣ овладѣла всѣмъ народнымъ организмомъ, чего никоимъ образомъ нельзя сказать о римской философій и блестящихъ сентенціяхъ и фразахъ римской риторики. Внутренняя пустота послѣднихъ и донынѣ, благодаря блестящей формѣ, вводить въ обманъ многихъ, и донынѣ многие не могутъ понять, какъ можно ставить еврейскую мудрость выше римской. Были несомнѣнно и дурные евреи, какъ были и дурные римляне, но въ то время, какъ нѣтъ ничего легче представить себѣ римлянина Нерона, сочиняющаго трактатъ „о гуманизмѣ“,—еврея такого сорта себѣ представить невозможно. Язычникъ умѣлъ всегда принимать такую позу, которая вводила въ заблужденіе. Титъ, „радостью человечества“, празднуетъ день рожденія своего брата Домиціана въ Цезарей, и по случаю этого должны погибнуть двѣ съ половиною тысячи побѣжденныхъ имъ евреевъ: часть они отданы на сѣдненіе звѣрямъ, часть убиты другимъ образомъ, и это однако не помѣшало остаться ему „радостью человечества“, не помѣшало ему краснорѣчиво говорить о добродѣтели. Такіе господа могли лишь понимать значеніе превосходства физическаго сильнаго надъ слабымъ, но имъ недоставало самосознанія людей нравственно стоящихъ неизмѣримо выше погрязшихъ въ пороки людей. Это самосознаніе было, напротивъ того, на сторонѣ евреевъ и оно не мало содѣйствовало увеличенію къ нимъ ненависти чужихъ“. —Такъ говорить Іозель. Сравни также Lazarus a. a. O. s. 18.

еть многихъ не только въ наше время, но и тогда еще вызывалъ самые горячіе споры. Они держались положенія: «вѣра безъ дѣлъ—мертва есть!» Но чтобы всякій человѣкъ, не имѣющій возможности самъ изучить настолько законъ, чтобы знать, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, шель по пути истины, надо было, по ихъ мнѣнію, воспитать его такъ, чтобы онъ *механически* исполнялъ тѣ или другія предписанія, которыя изданы для достиженія этой цѣли. *Воспитать* надо человѣка *такъ*, чтобы исполненіе тѣхъ или другихъ обрядовъ сдѣлалось для него необходимымъ, второй натурой. Дѣйствительно, если кто либо захочетъ строго слѣдовать предписаніямъ талмудистовъ, да еще тому безконечному числу законовъ, которые появились послѣ заключенія Талмуда, то не только не останется свободнаго времени для того, чтобы *жить*, но и некогда будетъ умереть. Обрядъ встрѣчаетъ еврея при рожденіи, обрядъ сопровождаетъ его въ могилу; *одной* жизни мало ухлопать на исполненіе *всѣхъ* обрядовъ: трехъ жизней не хватитъ для этого. Ясно, что при такихъ условіяхъ не остается времени не только для совершенія грѣха, но и для помысловъ грѣховныхъ. Что человѣческая натура не можетъ вынести подобнаго ига—болѣе чѣмъ понятно. Въ древнее время ярымъ врагомъ такой системы явился апостоль Павелъ, вышедшій самъ изъ школы фарисеевъ. Исполненіе закона было необходимымъ условіемъ, по мнѣнію фарисеевъ, для того, чтобы стать благочестивымъ, богоугоднымъ человѣкомъ; вѣра — по ученію апостола Павла. На этомъ зиждется все ученіе Павла. «Такъ Авраамъ повѣрилъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность», говоритъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ⁴⁷; дальше:—«А что закономъ никто не оправдывается предъ Богомъ, это ясно, потому что праведный вѣрою живъ будетъ»⁴⁸; затѣмъ — «ибо законъ ничего не довелъ до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредствомъ которой мы приближаемся къ Богу»⁴⁹. и особенно интересно въ данномъ отношеніи «Посланіе къ Евреямъ», глава одиннадцатая. Мы знаемъ также, что идеи

⁴⁷ Посланіе къ Галатамъ 3, 6. (Цитируемъ по 12-му изданію Нового Завѣта, С.-Петербургъ, 1893, Синодальная типографія).

⁴⁸ Ibid. 3, 11.

⁴⁹ Посланіе къ Евреямъ 7, 19.

Павла не сдѣлались господствующими и не могли сдѣлаться, ибо надо было ввобратъ на такую идеальную высоту, на которой находился апостолъ Павелъ, чтобы, чувствуя себя эмансипированнымъ отъ всякихъ законовъ, сохранить чистоту души въ такой средѣ, въ которой Павелъ жилъ⁵⁰. Между фарисеями было не мало такихъ, что основывали все на «*твр*», но никто изъ нихъ не полагалъ, что всѣ люди, или даже огромное большинство ихъ способно спастись одной вѣрой. Исторія показала, что фарисеи не ошиблись въ своихъ расчетахъ. Двадцать слишкомъ вѣковъ тому назадъ фарисеи начали свою дѣятельность и имъ обязанъ иудаизмъ своимъ существованіемъ. Можетъ быть, многіе имъ за то не особенно благодарны, но они на благодарность и не рассчитывали. Однако, всему бываетъ конецъ. Новое время требуетъ новыхъ средствъ, настала пора, когда мы должны воспользоваться другою частью богатствъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдство фарисеями. Мы подразумѣваемъ ихъ свободорелигіозныя сужденія, разсѣяныя по всему Талмуду и талмудической литературѣ. Старый корень даетъ часто новый ростокъ, изъ котораго выходить могучее дерево, болѣе прочное, болѣе красивое, чѣмъ прежнее. Мы займемся сперва разборомъ взглядовъ нашихъ учителей на Библию и библейскія событія, разумѣется только тѣхъ, что отступаютъ отъ сдѣлавшихся въ еврействѣ господствующими; однимъ словомъ, посмотримъ, каковыми были талмудисты у себя дома.

А. Брагинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁵⁰ Напримѣръ, O. Pfeiderer, Urchristenthum, 8, 209, говоритъ слѣдующее: „Церковь Христова приняла Ветхій Заветъ какъ источникъ Откровенія и какъ назидательное средство, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоила себѣ и оптимистическій взглядъ его автора на значеніе закона. Такимъ образомъ пессимистическому взгляду апостола Павла не было тамъ мѣста. Антиномизмъ правда не опасенъ тамъ, гдѣ онъ связанъ съ столь высокими и чистыми религіозными воодушевленіемъ, какъ это имѣло мѣсто у Павла и весьма немногочисленнаго кружка сродныхъ ему по духу людей; для подавляющаго же числа членовъ какой либо церковной общины антиномизмъ заключаетъ въ себѣ величайшую въ нравственномъ отношеніи опасность. Церковь испытала это уже въ первые вѣка нашей эры и лютеранская церковь тоже можетъ тутъ кое что рассказать. Уже практическое проведеніе нравственныхъ принциповъ въ жизнь заставило церковь замѣнить теорію Павла о „законѣ“ болѣе подходящей: того требовали жизненные интересы церкви“.

ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАВІЯ ОСНОВАНІЙ И МОТИВОВЪ
ЭТОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПАМЯТНИКА.

(На основаніи источниковъ).

Первымъ памятникомъ законодательной дѣятельности русской государственной власти, опредѣляющемъ не тѣ или инныя, случайно затронутыя стороны еврейской жизни, а юридическое положеніе евреевъ среди другихъ сословій російскаго государства, ихъ права и обязанности какъ цѣлаго сословія и какъ отдѣльныхъ лицъ, первый актъ, которымъ правительство поставило своей политикѣ по отношенію къ евреямъ совершенно ясныя и опредѣленныя задачи, является несомнѣнно *«Положеніе о евреяхъ 1804 г.»*.

Несмотря на то, что многія изъ основныхъ началъ этого «Положенія» не потеряли исполнѣ своего значенія и по настоящее время, несмотря на то, что для уразумѣнія нѣкоторыхъ постановленій нашего законодательства о евреяхъ и теперь приходится обращаться къ этому памятнику, мы и доселѣ не имѣемъ надлежащихъ свѣдѣній о томъ, какова внутренняя его исторія, каковы были воззрѣнія авторовъ законопроекта на существо самаго дѣла, какими матеріалами они пользовались и т. д. Исторія возникновенія этого законодательнаго памятника во многомъ представляется темною.

Несомнѣнно, что «Положеніе» далеко перешагнуло тѣ цѣли, которыя были первоначально намѣчены императоромъ Павломъ I въ рескриптѣ Державину отъ 1788 г.; съ другой стороны содержаніе памятника не исполнѣ согласуется со введеніемъ къ самому «Положенію», которое мы находимъ въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ.

Во введеніи къ «Положенію» императоръ Александръ I гово-

рить: «По жалобамъ многократно къ Намъ и въ Правительствующій Сенатъ доходившимъ на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящія, признали Мы нужнымъ, указомъ, въ 9 день ноября 1802 г. Правительствующему Сенату даннымъ, составить особый комитетъ для рассмотрѣнія дѣлъ къ сему относящихся и для избранія средствъ къ исправленію настоящаго евреевъ положенія».

Если первоначальная мысль къ составленію «Положенія» дана была порученіемъ императора Павла I сенатору Г. Р. Державину представить мнѣніе «объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатковъ хлѣбнаго и обузданіи корыстныхъ промысловъ евреевъ такимъ образомъ, чтобы они, снискивая себѣ пропитаніе собственными руками, были болѣе чѣмъ нынѣ благу общему полезными»¹, то изслѣдованіе Державина далеко шагнуло за границы такого порученія. Съ дальновидностью государственнаго челоуѣка онъ въ своемъ «Мнѣніи» коснулся самого существа дѣла. Не находя возможнымъ ограничиться однѣми временными и преходящими мѣрами, онъ попытался отвѣтить, какимъ образомъ измѣнить то неестественное положеніе въ которомъ находились евреи въ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда старые польскіе и литовскіе законы, опредѣлявшіе ихъ юридическое и общественное положеніе, большею частью оказались отмѣненными, а русскіе законы относительно евреевъ на каждомъ шагу представляли пробѣлы и недоразумѣнія.— Мы можемъ относиться отрицательно къ многимъ сторонамъ «Мнѣнія» Державина, но не можемъ отрицать, что комитету, учрежденному въ 1802 г. для разработки положенія о евреяхъ, нельзя было не считаться съ этимъ мнѣніемъ.

Сравнивая «Мнѣніе» Державина съ Положеніемъ о евреяхъ 1804 года нельзя не признать, что нѣкоторыя изъ статей этого Положенія сложились подъ сильнымъ вліяніемъ «Мнѣнія» Державина, хотя, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи и положилъ въ основаніе многихъ изъ статей «Положенія» источники иного происхожденія.

¹ Изъ введенія къ „Мнѣнію“ Державина о Бѣлоруссіи и евреяхъ. Пол. Собр. соч. Державина, т. VII, втор. изд. 1878 г., 261.

Несмотря на это, комитетъ идетъ по пути, указанному Державинимъ: онъ нѣсколько съ нимъ расходится касательно мѣръ, которыя должны быть приняты по отношенію къ евреямъ, однако вмѣстѣ съ нимъ полагаетъ, что для разрѣшенія такого серьезнаго вопроса недостаточно однихъ отрицательныхъ мѣръ воспрещеній и ограниченій, а необходимы и мѣры положительныя: помощь, содѣйствіе со стороны законодателя.

На основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, мы можемъ отчасти возстановить содержаніе какъ тѣхъ матеріаловъ, которые находились въ распоряженіи Державина, такъ и тѣхъ, которыми Державинъ не имѣлъ возможности воспользоваться, хотя они по времени своего появленія предшествовали его труду. Равнымъ образомъ мы можемъ возстановить содержаніе значительной части тѣхъ матеріаловъ, которые находились въ распоряженіи «Коммитета 1802 г.».

Въ виду всѣхъ указанныхъ выше обстоятельствъ, а равнымъ образомъ и въ виду того, что «Положеніе о евреяхъ 1804 г.» до настоящаго времени не было изслѣдовано съ этой стороны, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, имѣется лишь единственная статья П. Г. Оршанскаго, въ которой «Мнѣніе» Державина сопоставлено съ «Положеніемъ о евреяхъ 1804 г.»¹. Въ виду, однако того, что «Мнѣніе» Державина было напечатано въ то время въ «Архивѣ» Н. В. Калачева (кн. IV, Спб. 1862 г.) далеко не въ полномъ видѣ, а равнымъ образомъ въ виду того, что иные источники «Положенія» не могли быть приняты авторомъ во вниманіе, эта статья, несмотря на свои достоинства, не можетъ считаться удовлетворяющею современному положенію вопроса.

Сознаніе необходимости реформъ въ юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ возникло задолго до появленія Державинскаго мнѣнія. Назрѣло оно именно тамъ, гдѣ евреи, будучи старинными обывателями государства, тѣмъ не менѣе не признавались его гражданами, тамъ, гдѣ положеніе ихъ опредѣлялось не столько общегосударственными законами, сколько королевскими привилегіями, т. е. прежде всего въ Польско-

¹ Еврейская Библіотека, т. II, Спб. 1872 г.

Литовскомъ государствѣ. Поэтому мы видимъ, что съ начала XVII в. появляются различныя предложенія относительно реформы ихъ положенія. Въ особенности плодovitъ на различныя законопроекты XVIII в.

Эти польскіе законопроекты не остались безъ вліянія и на «Положеніе 1804 г.».

Если обратимся къ сличенію «Положенія» съ различными законопроектами, выработанными польскими государственными людьми конца XVIII вѣка, то не будетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, какъ мы покажемъ ниже, что значительная часть статей «Положенія» представляетъ отчасти дословный, отчасти, съ небольшими исключеніями, переводъ весьма многихъ статей изъ этихъ, дошедшихъ къ намъ, законопроектовъ.

Основаніемъ для такого заимствованія служило отчасти то обстоятельство, что нѣкоторые изъ этихъ проектовъ опирались на старинныя польскія законоположенія о евреяхъ, какъ напр. проектъ Замойскаго, другіе отличались историческимъ обоснованіемъ особенностей еврейскаго вѣроученія, правъ, общественнаго устройства евреевъ и т. д. не только въ Литвѣ и Польшѣ, но и въ другихъ странахъ, обоснованіемъ гораздо болѣе научнымъ и широкимъ, чѣмъ мнѣніе Державина—таковъ напр. проектъ Чацкаго,—наконецъ, нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что двое членовъ комитета о евреяхъ, Потоцкій и Чарторижскій, были поляками, а двое, т. е. министръ юстиціи Кочубей и гр. Зубовъ, находились подъ вліяніемъ своихъ товарищей.

Поэтому то мы ниже приведемъ эти законопроекты, такъ какъ внимательное ихъ сличеніе съ «Положеніемъ» дастъ намъ полную возможность сказать, какая преобладающая тенденція руководила воззрѣніями комитета и какого рода идеи преслѣдовалъ онъ, вводя въ статьи *русскою* «Положенія» опредѣленія заимствованныя изъ *польскихъ* источниковъ.

Перейдемъ теперь къ историческому обзору тѣхъ причинъ, которыя вывалили къ жизни записку Державина, а затѣмъ и самое «Положеніе» 1804 г.

Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что первоначальная тенденція нашего законодательства по отношенію

къ евреямъ, по присоединеніи къ Россіи различныхъ частей бывшаго Польскаго государства, заключалась въ стремленіи приурочить евреевъ, сообразно ихъ занятіямъ, къ прочимъ сословіямъ въ присоединенныхъ провинціяхъ, на которыя было распространено дѣйствіе общихъ російскихъ законовъ, тѣмъ не менѣе уже къ концу царствованія императрицы Екатерины II наше законодательство относительно Западнаго края подчиняется поднимающемуся вліянію мѣстнаго дворянства, насквозь проникнутаго узко-сословными шляхетскими тенденціями.

Опираясь на русскую государственную власть, западно-русскіе помѣщики успѣваютъ къ концу XVIII ст. занять такое положеніе въ краѣ, какимъ они, пожалуй, не обладали и во времена Речи Посполитой!

Правда, они перестали обладать политическими правами, но вся судебная и административная власть оставалась по прежнему въ ихъ рукахъ, съ тою разницею, что исполнительная власть не была инертною и безсильною представительницею идеи исполненія, а дѣйствовала энергично, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе касалось интересовъ дворянскаго сословія. По отношенію къ крестьянамъ помѣщики лишились стараго права жизни и смерти, но за то для крестьянъ ограничилась та возможность уйти отъ помѣщичьяго произвола, которая давалась слабостью польской исполнительной власти.

Мнѣнія и возвращенія ополченнаго дворянства по мѣстнымъ вопросамъ становятся въ значительной мѣрѣ и на долгое время руководящими началами для мѣропріятій русской государственной власти.

Это сказывается и на законахъ о евреяхъ.

Первымъ поводомъ къ появленію вопроса о необходимости изданія особаго положенія о евреяхъ было слѣдующее обстоятельство: императоръ Павелъ I, получивъ свѣдѣнія о существованіи голода въ Минской губерніи, предписалъ указомъ 8 мая 1797 г. Минскому губернатору Карнѣеву, по предварительномъ выслушаніи мнѣній предводителей дворянства, доставить «изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго, также о наблюденіи дѣсовъ отъ

опустошенія и учиненію оныхъ угодиѣйшими къ употребленію»¹.

Въ силу этого указа, предводители дворянства, собравъ по предложенію губернатора предварительно по уѣздамъ мнѣнія дворянства и съѣхавшись затѣмъ въ губернскомъ гор. Минскѣ, представили слѣдующее объясненіе»: ²

«Въ разсужденіи крестьянъ».

«Злощастнымъ жребіемъ сего края крестьяне малое обрѣтая знаніе въ земледѣліи, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства. Потому не познавая о несущественной съ хлѣбопашества пользы и проживая безъ старательства, не могутъ достигнуть хорошаго состоянія. За всѣмъ тѣмъ однакожь при какомъ бы то ни было знаніи могли бы довольствоваться приобрѣтаемымъ ими, если бы случающіяся изъ разныхъ обстоятельствъ другія тягости не прерывали ихъ упражненія и не ввергали въ отчаяніе придти къ хорошему состоянію. Перемѣны и революціи въ краѣ, постоян и переходы войскъ и все то требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ обезпечивающихъ доброе состояніе. Неурожай во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, ежегодно случающійся, а къ тому и падежь скота истребляетъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію. Неспособность во многихъ мѣстахъ къ торговлѣ, а въ нѣкоторыхъ трудное сухимъ путемъ доставленіе продуктовъ, не усугубляютъ помощи крестьянамъ къ исправленію ихъ состоянія.

При сихъ несовершенствахъ *вѣдшею еще причиною суть евреи*³ на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые, въ противность повелѣній отъ начальства, предназначающихъ имъ

¹ Мнѣніе маршаловъ Минской губер. Перегодъ съ польскаго.

² Хотя это мнѣніе маршаловъ и было уже напечатано въ Новомъ Времени за 1892 г., но съ такими произвольными пропусками, искажающими истинный смыслъ этого важнаго документа, что мы считаемъ безусловно нужнымъ возстановить его въ первоначальномъ видѣ.

³ Курсивъ въ текстѣ принадлежитъ намъ.

жительство по городамъ, которые, безъ собственнаго труда проживая съ немалыми семействами въ селеніяхъ, и послѣднее съ крестьянъ разными свѣдомыми имъ средствами высасываютъ, а именно: дачею вина крестьянамъ въ долгъ, приводящаго ихъ и къ пьянству, ложными напастями и разными поступками, чѣмъ крестьянъ приводятъ въ убожество и неспособными дѣлають къ хозяйствованію.

А притомъ нѣкоторые *всякаго исповѣданія священники излишними за крещеніе, стѣчаніе и погребеніе вымогательствами приводятъ крестьянъ къ бѣдности.*

Чего ради и нужно:

1-е. Какъ всякъ изъ помѣщиковъ въ нынѣшнемъ сладчайшемъ Его Императорскаго Величества царствованія знать долженъ, что крестьяне кромѣ государственныхъ податей и помѣщичьихъ повинностей никакимъ другимъ тягостямъ подвержены быть не должны, то, внушая имъ сіе, удостовѣрять можетъ, что во всѣхъ злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, кѣмъ бы они причиняемы ни были, самъ собою помѣщикъ или чрезъ повѣреннаго прибѣгая съ жалобою въ таковыхъ случаяхъ къ земскому начальству, справедливое получить удовлетвореніе.

2-е. Касательно деревенскихъ шинковъ, въ коихъ ничье иное, какъ только самихъ помѣщиковъ горячее вино продаваемо быть должно съ платежемъ шинкарю положенныхъ по уговору денегъ. Винокуреніе-жь, поелику однимъ только помѣщикамъ дозволено, а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запрещено, то и впредь о семъ да будетъ подтверждено. Равномѣрно предостережъ надлежитъ, чтобъ всякій продавающій вино не осмѣливался крестьянамъ вѣрить онаго въ долгъ, какъ токмо по условію съ помѣщикомъ, коими паче подъ закладъ платя, скота, хлѣба и прочаго. Въ противномъ случаѣ дающій въ долгъ, теряя свое, вещь въ закладъ данную возвратитъ повиненъ и отыскивать оный права не имѣетъ, если же бы и искать похотѣлъ, то ему въ томъ отказано быть должно. Въ прочемъ дѣлая крестьянамъ облегченіе, нужно имъ дозволить конопляное сѣмя, пеньку и другіе продукты, куда они пожелаютъ вывезти и по угодной имъ цѣнѣ продавать, не держась прежде бывшаго неистоваго обыкновенія продажи одному собственно арендарю.

3 е. Не дозволять священникамъ всякаго исповѣданія требовать отъ крестьянъ излишнихъ доходовъ за крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, а соблюдать Высочайшимъ Именнымъ 1765 г., апрѣля 5 дня, состоявшимся указомъ предписанное, чтобы оныя священники не болѣе въ доходъ себѣ требовали, какъ отъ молитвы 2 копѣйки, за крестины 3 коп., за обвѣнчаніе 10 коп., за погребеніе совершенныхъ лѣтъ 10 копѣекъ, малолѣтняго 3 копѣйки, а за исповѣданія и причастія чтобъ ничего не брали.

Какое постановленіе опубликовать посредствомъ земской полиціи во всѣхъ селеніяхъ, чтобъ всякій, вѣдая свое право, при случающемся отъ кого угнетеніи и обидахъ могъ онымъ защититься.

Между обстоятельствами хорошее хозяйствованіе истребляющими, первенствующими состоятъ въ пушаніи фольварковъ въ закладныя владѣнія, либо арендовныя одностороннія, безъ описанія въ правѣ нужныхъ касательно неотягощенія крестьянъ и прочихъ обезпеченій, къ чему обыкновенно надобность берущаго, а прибыль дающаго деньги бываютъ преградою, ибо содержатель временной, не надѣясь болѣе года хозяйствовать, занимается только симъ, чтобъ собственныя деньги съ прибылью выискать, не уважая въ какомъ состояніи оставитъ земледѣльца и хозяйство, наиболѣе потому, что путь судопроизводства въ отвѣтствіи за опустошеніе имѣнія весьма долгій; ежегодно-же выдаваемые властителемъ о выкупѣ имѣнія извѣщенія всегда заставляютъ содержателей приуготовляться къ переезду въ другія мѣста и тѣмъ какъ свое, такъ и помѣстное хозяйство приводить въ опустошеніе.

Въ такомъ случаѣ нужно распоряженіе правительства: 1-е., чтобъ права, отъ сихъ временъ выдаваемыя, имѣли срокъ сколь возможно отдаленнѣйшій, потому что чѣмъ больше будетъ для содержателя предназначено времени, тѣмъ лучше побудится онъ къ исканію прибыли отъ земледѣлія, а тѣмъ самымъ сохранить хорошее хозяйствованіе. 2-е. Для скорѣйшаго достиженія истины и рѣшенія въ спорахъ между владѣльцемъ и временнымъ содержателемъ отъ владѣнія имѣніемъ происходитъ могущихъ, въ тѣхъ же выдаваемыхъ правахъ ознаменовывать третейскій судъ съ избраніемъ къ возстановленію онаго людей, который обоюдныя претензіи безъ

провоочки разобратъ долженъ и обиженному доставить удовольствіе и засимъ тотъ, который прежде освѣдомить принявшаго въ закладъ имѣніе владѣльца о взносѣ имъ въ срокъ денегъ и тѣмъ содержателя принудить къ отыскиванію другаго имѣнія, а напоследокъ въ срокъ подлежащихъ временному владѣльцу денегъ не уплатить и таковою по данному объявленію къ выкупу неустойкою причинить оному препятствіе и убытокъ, то въ семъ случаѣ нужно, чтобы повѣтовымъ судомъ, въ вѣдомствѣ коего имѣніе оное состоитъ, былъ наказанъ возвращеніемъ по сему поводу издержекъ и понесенныхъ убытковъ».

«Касательно лѣсовъ».

«Въ учиненіи совершеннаго береженія лѣсовъ купно съ выгодною жителей и владѣльца, безъ лишенія притомъ властителя или имѣющаго въ закладѣ владѣльца пользы, подается слѣдующее средство: Чтѣбъ увѣдныи предводитель отзывомъ къ обывателямъ предварилъ ихъ и склонилъ, дабы всякій властитель назначилъ крестьянамъ своимъ такую часть лѣсу, которая бѣ на годъ для разработки на землешество и домашнія надобности достаточною была, товарный же лѣсъ ежегодно властителю рубить не воспрепятъ, ибо состарѣвшійся подлежитъ гнили и ни къ чему послѣ годнымъ быть не можетъ. Для береженія же отъ огня, яко всевреднѣйшаго, обязанъ властитель отдѣлать людей по всѣмъ частямъ лѣсу. Въ случаѣ-жъ пожара и сосѣдственные по увѣдомленіи обязаны подъ законнымъ отвѣтствіемъ чинить вспомошествованіе, буде же бы кто оказался виновнымъ въ учиненіи пожара, хотя бы и чрезъ неосторожность, долженъ быть наказанъ на основаніи права статутаго, артикула 17-го, съ раздѣла 10 и конституціи 1723, назначающаго по 10-ти гривенъ платежемъ».

Подлинный подписанъ маршалами.

(1 іюля 1797 г.)

Это мѣніе въ оригиналъ, т. е. на польскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, было представлено Минскимъ губернаторомъ Карнѣевымъ императору Павлу I при всеподданнѣйшемъ рапортѣ 13 іюля 1797 г.

На основаніи этихъ документовъ 28 іюля 1797 г. состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Генераль-Прокуроръ Князь Курakinъ.

Полученный Мною отъ Минскаго Губернатора Карнѣева рапортъ, съ приложеніемъ мнѣнія тамошняго дворянства относительно сбереженія дѣсовъ и вообще учрежденія хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи, препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналѣ, соизволяя, чтобъ вы предложили все то на разсмотрѣніе и уваженіе Сенату; а между тѣмъ предписалъ Я помянутому Губернатору, чтобы онъ по должности своей принималъ мѣры сходныя съ расположеніемъ Маршаловъ дворянства объ ограниченіи права евреевъ, разоряющихъ крестьянъ, и духовенства, притѣсняющую ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Въ Павловскомъ
Іюля 28
1797 года.

Слушанъ въ Общемъ Сената Собраніи 31 Іюля 1797.—Слушанъ въ 3 Департаментѣ Августа 3-го 1797 года.

3 Августа 1797 г. Правительствующій Сенатъ, выслушавъ это Высочайшее повелѣніе постановилъ: «Какъ уже Высочайшимъ Его Императорскаго Величества именнымъ указомъ, повелѣно Минскому Губернатору, господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и кавалеру Карнѣеву, дабы онъ принималъ мѣры, сходныя съ расположеніемъ Маршаловъ дворянства, объ ограниченіи права евреевъ, разоряющихъ крестьянъ, и духовенства, притѣсняющаго ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ, то и предписать ему господину Губернатору, чтобъ онъ донесъ Сенату, какое имъ учинено исполненіе въ разсужденіи изображенныхъ трехъ предметовъ, относящихся до евреевъ, духовенства и аренда. А по полученіи сихъ свѣдѣній, Сенатъ предоставляетъ себѣ сдѣлать тогда на все расположеніе, Маршалами учиненное,

свои примѣчанія, и потомъ всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству рапортомъ».

Въ 1797 г., августа 24, въ отвѣтъ на посланный ему сенатскій указъ, губернаторъ Карнѣвъ предоставилъ два предложенія, данныя имъ Минскому губернскому правленію вслѣдъ за полученіемъ мнѣнія маршаловъ, одно отъ 15 іюля 1797 г., а другое отъ 19 августа того же года, съ копіями журнальных постановленій, учиненныхъ въ Минскомъ губернскомъ правленіи на основаніи этихъ предложеній.

Выслушавъ эти бумаги, Сенатъ постановилъ: «Въ виду того, что по разсмотрѣніи рапорта Минскаго Губернатора Карнѣва, и данныхъ имъ Минскому Губернскому Правленію предложеній и мнѣнія тамошняго дворянства открылось: 1 е, Минской губерніи *поселане находятся въ крайней бѣдности не столько отъ ежечастныхъ тамъ неурожаевъ, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ*, которые дачею крестьянамъ въ долгъ вина подъ закладъ необходимо нужныхъ имъ вещей, приводятъ ихъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію: то какъ въ указѣ 1795 года Мая 3-го дня, данномъ бывшему Минскому Губернатору повелѣно: *евреевъ подчинять Магистратамъ и стараться переселять въ уездные города*, дабы сіи люди не скитались во вредъ обществу», господинъ-же Губернаторъ Карнѣвъ, вслѣдствіе даннаго ему Высочайшаго повелѣнія, далъ Минскому Губернскому Правленію предложеніе о учиненіи публикаціи, дабы строго наблюдаемо было, чтобы евреи и прочіе, не имѣющіе права винокуренія, отнюдь производить онаго, въ противность указа 1755 года Марта 31-го дня, не отваживались и потому Сенатъ полагаетъ сдѣлать предписаніе о непремѣнномъ исполненіи вышеписанныхъ о евреяхъ указовъ и предписаній тамошняго Губернатора.

Но какъ Минское дворянство въ мнѣніи своемъ предполагаютъ полезнымъ къ поправленію крестьянъ своихъ и то, чтобы фольварки отдавать въ аренду болѣе годичнаго времени для того, что арендаторъ, зная толь недолгое владѣніе свое таковыми арендами, старается только собрать въ превосходствѣ съ крестьянъ откупную сумму, считая ни во что упадокъ ихъ земледѣльства; равнымъ образомъ стѣсняется крестъ-

янство и тѣмъ, что по корыстолюбію нѣкоторыхъ помѣщиковъ не имѣеть власти продавать въ уѣздѣ продуктовъ своихъ иному кромѣ арендатора, то Сенать, находя сіе мнѣніе Минскаго дворянства совершенно полезнымъ для поправленія хозяйства ихъ крестьянъ, и основываясь на узаконеніи Таможеннаго Устава 1755 г., Декабря 1-го, предписывающемъ накрѣпко смотрѣть и наблюдать, дабы крестьянину въ продажѣ привознаго хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ помѣшательства или какихъ стѣсненій чинено не было, во всемъ оное мнѣніе утверждаетъ, тѣмъ болѣе, что о такомъ заключеніи трехъ-лѣтнихъ контрактовъ и Высочайшая воля Его Императорскаго Величества въ предписаніи къ Минскому Губернатору Карнѣеву послѣдовала».

«2-е. *Священники*, опредѣленные къ сельскимъ приходамъ, взимають съ крестьянъ за исправленія случающихся церковныхъ требъ необыкновенный поборъ и тѣмъ ихъ раззоряють, а какъ сіе обстоятельство указомъ 1765 года Апрѣля 18 дня сдѣлано опредѣлительнымъ, ибо тамъ именно назначено, что брать священнику за молитву, крещеніе, свадьбу и погребеніе, вслѣдствіе коею указа Минское Губернское Правленіе сдѣлало, по предложенію господина Губернатора Карнѣева, повѣщеніе, чтобы во всей Минской губеніи въ разсужденіи сего побора, поступаемо было согласно вышеписанному указу 1765 года, то Сенать оставляя сію статью въ настоящемъ ея дѣйствіи, полагаетъ сдѣлать предписаніе *Епископамъ Римско-католическому и Уніатскому* о неослабномъ наблюденіи за священниками, въ вѣдомствѣ ихъ состоящими, дабы они предписанное въ томъ указѣ исполняли въ точности».

«3-е. *Помѣщики* просятъ, чтобы въ случающихся между ними и временными ихъ владѣльцами или арендаторами по хозяйственнымъ расчетамъ дѣлахъ былъ назначенъ *медиаторскій судъ*. Сенать сіе обстоятельство находитъ достойнымъ уваженія, потому что разбирательство таковыхъ дѣлъ медиаторскимъ судомъ сдѣлаетъ нѣкоторое облегченіе земскимъ правительствомъ, которые въ то время могутъ заниматься другими дѣлами».

«4-е. Они же просятъ постановить, дабы помѣщикъ отдающій на аренду или въ заставу имѣніе, и увѣдомляющій кредитора о выкупѣ, а потомъ недержащій слова, и тѣмъ при-

нудившій перваго входить въ убытокъ, и искать другаго имѣнія, наказываемъ былъ наградою издержекъ, въ такомъ случаѣ Сенатъ полагаетъ: ежели чрезъ таковую неустойку причинится кому убытокъ и то по суду окажется, тогда съ виновниковъ взыскивать безотлагательно»,

«Относительно же сбереженія лѣсовъ купно съ выгодною жителей и владѣльца, дворянство полагаетъ, чтобъ Уѣздный Предводитель отзываетъ къ обывателямъ предварилъ ихъ и склонилъ, дабы всякій властитель назначилъ крестьянамъ своимъ такую часть лѣса, которая-бъ на годъ для разработки на земледѣльство и домашнія надобности достаточною была; товарный же лѣсъ ежегодно властителю рубить не воспрещать, а для обереженія отъ огня, обязанъ властитель отдѣлать людей по всѣмъ частямъ лѣса; то хотя отъ Губернскаго Правленія по сей части и приняты мѣры, но за всѣмъ тѣмъ Правленію слѣдуетъ имѣть чрезъ посредство Земской Полиціи и собственное надзираніе за сбереженіемъ лѣсовъ отъ пожаровъ, и чтобъ помѣщики тщетно его не искореняли; о чемъ Его Императорскому Величеству донести всеподданнѣйшимъ рапортомъ. А дабы учрежденіе хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи послѣдовало и въ прочихъ губерніяхъ отъ Польши приобрѣтенныхъ, то и представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе, не благоудно ли будетъ повелѣть предписать управляющимъ губерніями: Литовскою, господину Генералъ-Фельдмаршалу и кавалеру Князю Репину,—Минскою, Волынскою и Подольскою, Генералу отъ инфантеріи и кавалеру Веклешову, дабы они, истребовавъ мнѣніе отъ Маршаловъ дворянства сообразно мѣстному положенію и правамъ тамешняго края, представили въ непродолжительномъ времени съ мнѣніемъ своимъ Сенату».

Съ Высочайшаго соизволенія, предписанія Сената были обращены къ упомянутымъ лицамъ и вслѣдъ за этими предписаніями въ началѣ 1798 г. начинаютъ поступать мнѣнія маршаловъ и мѣстнаго дворянства, сопровождаемыя замѣчаніями губернаторовъ.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ эти мнѣнія сохранились.

Приводимъ наиболѣе характерное изъ нихъ, а именно мнѣніе дворянъ Подольской губерніи.

«Мы, Маршалы Подольской губерніи и дворяне, по созыву господина Иосифа Витославскаго, правящаго должность Губернскаго Маршала, мая 25-го дня, въ губернскій городъ Каменецъ съѣхавшись, вслѣдствіе Сенатскаго указа апрѣля отъ 8-го дня сего 1798 года, по силѣ Именнаго указа Его Императорскаго Величества послѣдовавшаго, а намъ его превосходительствомъ господиномъ Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Петромъ Николаевичемъ Яновымъ къ исполненію предложеннаго, слѣдующее сдѣлали мнѣніе для представленія онаго Правительствующему Сенату:

«Состояніе упражняющагося въ земледѣліи народа пріемля за единое благосостояніе края, всегда было главнѣйшимъ предметомъ попеченій дворянства, дабы оныхъ избавить отъ послѣдствій, приносящихъ ему убытокъ, и посему дворяне Подольской губерніи, *защищая народъ отъ рабительства евреевъ*, которыя отъ содержанія арендъ произойти могли, въ своихъ имѣніяхъ, главную часть губерніи составляющихъ, ввели *свою* пропинацію (корчемный доходъ), удаляя евреевъ отъ винокуренія, тѣмъ болѣе чувствуютъ нынѣ удовольствіе, когда видятъ попеченіе Правительства о общей пользѣ.

Ежели когда, то въ сіе время должны мы благодарить тронъ за то Высочайшее добро, что оставляется при насъ собственность пропинаціи по силѣ прежнихъ правъ намъ принадлежащей, а купно за приглашеніе насъ къ открытію общихъ желаній въ отношеніи предмета толь важнаго хозяйственнаго управленія, и Монаршее попеченіе и счастье народа въ себѣ объемлющее; а посему дворянство Подольской губерніи желало-бъ повсюду видѣть введеніе пропинаціи во всей своей обширности такъ, чтобы ни винокуреніе, ниже аренда пропинаціи въ каждомъ мѣстечкѣ и селеніи не только евреямъ, но и христіанамъ на откупъ отдаваема не была, но таковыя пропинаціи, дабы дворяне въ своихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ чрезъ наслѣдство или заставнымъ контрактомъ, либо другимъ какимъ правомъ во владѣніи состоящихъ, сами удерживали и никому оныхъ въ аренду не отдавали, оставляя только вольность для тѣхъ же дворянъ употребить каковаго либо состоянія людей къ шинкамъ; напротивъ же того, буде-бы кто въ имѣніяхъ своихъ въ мѣстечкѣ, либо селеніи противъ настоящаго сего положенія сверхъ правъ такимъ

образомъ пропинаціи и винокурениі кому либо заарендовалъ, таковыя подвергнутся строгости законовъ и нижеописанной пенѣ.

Крестьяне, живущіе въ Подольской губерніи, неурожаемъ хлѣба, народною моровою язвою и падежемъ скота, единственно въ сей губерніи дѣйствующими, въ крайнее пришли неимущество. Попеченіе Правительства, ласковое обхожденіе и снабженіе въ ихъ нуждахъ отъ дворянства, не суть въ возможности удержать ихъ отъ ежедневныхъ побѣговъ за границу; но за всѣмъ тѣмъ, ежели вольно будетъ для нихъ вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами вывозить за границу краевые продукты, трудами ихъ приобретенные, съ малою заплаатою пошлинъ, и ежели чрезъ промѣнъ продуктовъ, вывозимыхъ ими изъ края, наберутъ соли, которая есть первою надобностію, то въ то время завѣрить можно, что состояніе земледѣльцевъ не только придетъ въ лучшее положеніе по ховяйству, но и лучшимъ образомъ возспособствуетъ къ оплачиванію государственныхъ податей, и чрезъ таковое доброе ховяевъ благосостояніе умножится и число народа.

Что касается *до евреевъ*, поелику большею частію въ промыслѣ и рукахъ сего народа состоитъ коммерція и чрезъ нихъ только знатный вывозъ краевыхъ продуктовъ производится, откуда коммерческій прибытокъ чрезъ нихъ удерживаемый къ земледѣльцамъ и дворянству переходитъ, а затѣмъ все, что только изъ края къ вывозу нынѣ есть и можетъ быть позволеннымъ, какъ-то: водка, медъ, воскъ, сало и прочіе продукты, все то ежели и впредь имъ вывозить за границу будетъ представлено, то поддержать ихъ состояніе и послужить пользою къ общимъ краевымъ прибыткамъ. Изъ тѣхъ-же евреевъ, которые по мѣстечкамъ и селеніямъ жительствова съ однихъ тамъ шинковъ себя содержать, а купческаго промыслу ни внутри края, ни за границею не имѣютъ, одну часть для замѣны поселянъ, дабы оныхъ чрезъ шинки отъ хлѣбопашества не отвлечь, оставить можно у помѣщиковъ при тѣхъ шинкахъ; а послѣднее число, не имѣющихъ пропитанія, къ земледѣлію и ремесламъ слѣдовало-бы принудить, которые упражнясь въ хлѣбопашествѣ и ремеслахъ въ имѣніяхъ казенныхъ и владѣльческихъ, могли-бы содѣлаться для общества полезнѣйшими, а тѣмъ самымъ количество народа, въ сей губерніи обитающаго, будучи удалено отъ

случая обмана чернаго народа умножило-бъ промыслы, коммерцію и хлѣбопашество.

Касательно-же *духовенства* разнаго исповѣданія, поелику Высокомонаршее попеченіе относительно народа Всемиловитивѣ-ними указами прихотямъ и вымогательству положило предѣль, разъ чрезъ назначеніе каждому настоящаго положенія, и во вторыхъ чрезъ предписаніе по сколько священники за свои труды получать должны отъ прихожанъ своихъ, и таковыя благодѣтельныя милости, по Минской губерніи распространеныя, да обращены будутъ и на губернію Подольскую, и да приведутся какъ наискорѣе въ дѣйствіе съ тѣмъ, чтобы не менѣе 250 дворовъ составляли одну парафію или приходъ, а въ оной въ сходство вышеписаннаго указа означено было-бъ и положеніе священническихъ доходовъ.

Относительно управленія лѣсовъ, то Подольской губерніи дворянство во всемъ согласно съ положеніемъ Минской губерніи и таковой предметъ лѣснаго хозяйства всегда имѣло въ своемъ видѣ; въ отношеніи-жъ прибыли изъ оныхъ лѣсовъ, поелику къ сплаванію способныхъ рѣкъ въ границахъ своихъ не имѣеть, а только старый и негодный лѣсъ могъ-бы употребиться съ нѣкоторою для владѣльцевъ пользою на винокуреніе, когда-бы вывозъ горячаго вина былъ позволенъ, а потому продажа сего продукта единою-бы только послужила для всѣхъ Подольской губерніи ощутительною пользою.

Чтожъ принадлежитъ до распоряженія арендныхъ и заставныхъ посессоровъ введеннаго въ губерніи Минской съ ограниченіемъ: дабы въ контрактахъ заставныхъ и арендованныхъ комприссы или полюбовные суды для рассмотрѣнія грунтовыхъ взаимныхъ претензій при означеніи нѣсколькихъ особъ на суперъарбитра записывано было въ намѣреніи, дабы повѣтовые суды таковыми дѣлами не занимались; когда и въ Подольской губерніи установлено будетъ, то удовлетворить правамъ польскимъ, обоюднымъ интересамъ и взаимному спокойствію.

А дабы сіе только важное дѣло относительно установленія пропинаціи или корчемнаго дохода какъ наискорѣе приведено было въ содѣйствіе, должно, дабы господа повѣтовые маршалы каждый въ своемъ повѣтѣ, назначивъ по два обывателя, исполненіе сей Высокомонаршей воли имъ вѣрили съ таковымъ

предписаніемъ, чтобы отъ 1-го числа апрѣля мѣсяца 1799 года, который день за послѣдній срокъ назначается, всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ и дворянъ, которые-бы не выполняли сего постановленія за позовами въ повѣтовые суды, и таковыя дѣла, истекающія или по сдѣланному согласію съ евреями объ арендахъ и корчмахъ, или по неисполненію настоящаго сего постановленія, должны повѣтовые суды разсматривая налагать пеню на ослушниковъ въ дворянскую повѣтовую казну по 400 рублей, которые на надобности сего повѣта обращены быть имѣютъ, и таковыя дѣла на первомъ засѣданіи рѣшены быть должны; а буде кто не оправдится чрезъ свидѣтелей, то по выполненіи имъ присяги имѣть быть отъ таковыхъ донесеній уволеннымъ.

Такое Подольской губерніи мнѣніе Высочайшему Престолу Его Императорскаго Величества представляя, всепокорнѣйше и всеподданнѣйше просимъ, дабы именнымъ указомъ повелѣно было и въ Подольской губерніи оное привести въ дѣйствіе.

«Дано на собраніи въ Каменецъ-Подольскомъ. Іюня 2-го дня 1798 года».

Вице-губернаторъ Алексѣй Юзѣфовичъ, управлявшій губерніей за смертію губернатора Янова, представляя при рапортѣ отъ 21 іюля 1798 г. это мнѣніе дворянства на благоусмотрѣніе сената, находитъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія возраженія:

«Я мню, — говоритъ онъ, — 1-е, что вывозъ краевыхъ продуктовъ за границу неинаково здѣшнимъ помѣщикамъ и поселянамъ долженъ быть позволенъ, какъ по предписанному на здѣшній край установленію за дозволеніемъ начальства и по даннымъ паспортамъ съ означеніемъ количества продуктовъ и срока на возвращеніе изъ заграницы, съ привозимою оттуда солью или иными дозволенными вещами и со взятіемъ пошлинъ по таможенному тарифу установленныхъ. 2-е. Положеніе Маршаловъ съ дворянствомъ при дозволеніи нѣкоторымъ немущимъ евреямъ шинковой продажи горячаго вина по мѣстечкамъ и селеніямъ, о употребленіи прочихъ къ хлѣбопашеству въ имѣніяхъ казенныхъ и помѣщичьихъ нахожу я несогласнымъ съ указомъ 1795 года Мая 3 дня состоявшимся, которымъ повелѣно: евреевъ подчинить магистратамъ и стараться переселять въ уѣздные города, дабы сіи люди не

скитались во вредъ обществу; и для того, по мнѣнію моему сходственнѣе немущимъ евреямъ ремесленникамъ позволить ремесло по способности ихъ жительства съ платежемъ мѣщанскихъ податей по вѣдомству, куда они приписаны, съ внутреннѣмъ имъ лучшей ихъ пользы на переселеніе въ уѣздные города; а что лежитъ до евреевъ неремесленныхъ, то они употреблены быть могутъ по постановленію въ мнѣніи маршаловъ къ шинковой продажѣ горячаго вина по мѣстечкамъ и селеніямъ у тѣхъ помѣщиковъ, кои бы находили въ томъ лучшую пользу, нежели отъ пропинаціи, но съ тѣмъ предостереженіемъ, чтобы они не осмѣливались отнюдь крестьянамъ вѣрить онаго въ долгъ и наипаче подѣ закладъ платья, скота, хлѣба и прочаго, подѣ потеряннѣмъ данной въ закладъ вещи, безъ заплаты; а къ пресѣченію тѣмъ евреямъ всѣхъ способовъ къ пронырствамъ, служащимъ въ тягость поселянъ, помѣщики должны ихъ въ томъ обязывать, опредѣляя имъ по договору за плату, а притомъ старались бы тѣ-жъ помѣщики безъ принужденія пріохочивать сихъ евреевъ къ земледѣлію, ибо по непривычкѣ ихъ къ тому способомъ только пріохочиванія успѣть иногда можно и не вдругъ но современемъ. 3-е. Относительно *евреевъ капиталистовъ*, по мнѣнію моему, при дозволеніи имъ не только внутренней, но даже и заграничной торговли не должны они притомъ изъяты быть и отъ казенныхъ подрядовъ и откуповъ, еслии усмотрѣна въ томъ казенная польза и еслии будутъ имѣть довѣріе и представлять надежные залого по указаніямъ, и въ семъ случаѣ къ торгамъ и къ контрактамъ допускаемы быть должны.

Мнѣніе маршаловъ и дворянствъ Волынской губерніи не сохранилось, но о содержаніи его мы можемъ судить изъ слѣдующаго извлеченія въ рапортѣ сенату генерала отъ инфантеріи, военнаго губернатора Каменецъ-Подольскаго, управляющаго губерніями: Минскою, Волынскою и Подольскою, графа Гудовича, отъ 25 марта 1799 г.

«Объ сіи губерніи, Волынская и Подольская, составленныя изъ прежде именовавшихся областей Волыніи и Подоліи и части Польской Украины, по мѣстоположенію своему имѣютъ грунтъ земли довольно хлѣбородный, и, исключая нѣкоторую часть Волынской губерніи, именуемую Волынскимъ Полѣсьемъ, ко-

торая не такъ хлѣбородна, подобно Минской губерни, всѣ прочія мѣста обѣихъ губерній во всякое время, кромѣ случающагося иногда, какъ и въ прошедшіе два года въ Подольской губерни неурожая и несчастія отъ бывшей по мѣстамъ заразной болѣзни, не нуждаются въ хлѣбѣ, но имѣютъ онаго съ избыткомъ, который и употребляютъ въ продажу. Равнымъ образомъ, имѣютъ обитатели обѣихъ сихъ губерній довольно хорошее скотоводство, которымъ и торгъ производятъ; недостаточны же токмо обѣ сіи губерни, а особливо Подольская, лѣсами. Хотя же поселяне сихъ губерній при всѣхъ таковыхъ, самою природою дарованныхъ имъ, выгодахъ и приходятъ иногда въ оскудѣніе, а равнымъ образомъ и лѣса, весьма здѣсь къ сбереженію нужны, частію истреблялись прежде бесполезно, то причины сему усматриваются слѣдующія:

1-е. Недѣланіе владѣльцами, отдававшими винную или питейную продажу на аренду *евреямъ*, ограниченія въ контрактахъ, до какой суммы должны они вѣрить поселянамъ своимъ въ долгъ, съ раздѣленіемъ порознь избыточныхъ, среднихъ и самыхъ бѣдныхъ, и незапрещеніемъ давать напитки подъ закладъ скота и другого крестьянскаго имущества, также вѣрить крестьянскимъ женамъ, имѣющимъ своихъ мужьевъ; чрезъ что имѣли евреи, по склонности ихъ къ корысти, излишнимъ довѣріемъ поселянамъ вовлекать ихъ въ пьянство и тѣмъ самымъ приводить ихъ въ раззореніе, отбирая у нихъ за забранныя пия, гдѣ обыкновенно бываютъ у нихъ и приписки излишняго, скотъ и другое нужное для крестьянскаго хозяйства и земледѣлія имущество. Равнымъ образомъ, чрезъ отдачу помѣщикамъ или посессорами евреямъ въ аренду винокурень и права винокуренія, вовсе состоянію ихъ несвойственнаго, а дозволеннаго однимъ помѣщикомъ, истребляются ими крайне лѣса, къ селеніямъ принадлежащія, поелику евреи, имѣя по контракту дозволеніе брать на винокуреніе дрова изъ владѣльческихъ лѣсовъ, не щадя оныхъ, яко не свою собственность, и не стараясь находить въ лѣсу валежники, или подсохлыя дерева, рубятъ тутъ, гдѣ имъ способнѣе и къ вывозкѣ легче, а притомъ и употребляютъ на винокуреніе безъ всякой экономіи, а съ большимъ противу помѣщиковъ излишествомъ, а владѣльцы, не внемля тутъ собственной своей отъ истребленія евреями лѣ-

совъ потери, почитаютъ тутъ только своею пользою то, что получаютъ отъ жида вдругъ арендную сумму, которая, когда испытаетъ владѣлецъ, точно далеко не составитъ того, на сколько еврей истребилъ его лѣсу.

2 е. Отъ отдачи дѣдичными или наслѣдственными владѣльцами селеній своихъ въ арендовную посессію на короткое время, яко то на одинъ токмо годъ, къ тому-же безъ описанія въ контрактѣ, относительно неотягощенія крестьянъ и другихъ обезпеченій, поелику поссесоръ видя, что ему должно имѣть въ рукахъ своихъ ваятое въ аренду селеніе одногодичный токмо срокъ, ни о чемъ болѣе не печется и не мыслить, какъ токмо, чтобы выбрать и съ приращеніемъ, данныя имъ владѣльцу арендныя деньги, всякими и безъ сомнѣнія для крестьянъ отяготительными средствами, не имѣя вовсе старанія о лучшемъ воздѣлываніи и размноженіи хлѣбопашества на будущее время, такъ какъ предъидущее совсѣмъ до него не касается, и собственности его въ томъ никакой нѣтъ; отдавая-же на должайшій терминъ и не менѣе по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ, поставленъ будетъ самъ поссесоръ въ необходимость для собственной своей прибыли болѣе пецись о лучшемъ устроеніи, или по крайней мѣрѣ о недопущеніи до упадка владѣльческаго земледѣлія и отъ наглаго притѣсненія поселянъ, зная, что когда приведетъ ихъ въ одинъ годъ въ истощаніе, не будетъ имѣть на другой уже годъ полезными для себя хлѣбопашцами.

3-е. Отягощаются поселяне нѣкоторыми помѣщиками, а наипаче поссесорами не позволеніемъ продавать какіе-либо продукты свои иначе, какъ еврею, право сіе вмѣстѣ съ винною арендою откупившему.

По всѣмъ симъ причинамъ полагаю мнѣніе мое: Во первыхъ, запретить право винокуренія евреямъ и другимъ состояніямъ, не имѣющимъ къ тому права, а предоставить оное однимъ помѣщикамъ; а посему винокурень въ аренду имъ не отдавать, а позволить только отдавать одну аренду на продажу вина не иначе, какъ покупнаго у владѣльцевъ, то есть, естълибы не имѣлъ онаго въ заготовленіи владѣлецъ самого того селенія, то хотя у другихъ помѣщиковъ, не дѣлая однакожь евреямъ воспрещенія брать у помѣщиковъ въ свой откупъ винную и другую питейную продажу, и словомъ всякую аренду, а чтобъ

только наниматься имъ у владѣльцевъ продавать ихъ вино изъ заплаты по мѣрѣ того количества вина, какое будетъ выпродано, ибо безъ сего могутъ совершенно стѣснены быть евреи, которыхъ въ двухъ сихъ губерніяхъ числится по ревизіи болѣе 46,000 душъ мужескаго пола, и которые большою частію, за исключеніемъ незнатнаго числа капиталистовъ и производящихъ торговую коммерцію, имѣютъ промыселъ и получаютъ содержаніе свое донинѣ единственно отъ питейныхъ и другихъ арендъ, да и аренды сіи отъ помѣщиковъ отдаются евреямъ не однѣ токмо винныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ мельницы, рыбные ставы или пруды, и другія тому подобныя экономическія или хозяйственныя заведенія, слѣдовательно естли лишить евреевъ вообще арендъ, или откуповъ, то по многолюдству ихъ и по совершенной несклонности къ хлѣбопашеству, наипаче-же въ разсужденіи того, что они платятъ въ казну подати вдвое противъ гражданъ христіанскаго закона, неминуемо подвергнутся они крайнему неимуществу и невозможности платить бездоимочно государственныя подати, тѣмъ паче, что однимъ наймомъ ихъ у помѣщиковъ въ винныя шинкари не можетъ пропитаться ни двадцатая изъ нихъ часть, да и сему числу тотъ наемъ не принесетъ насущнаго съ семействами ихъ пропитанія, поелику по здѣшнему обыкновенію шинкарю платится изъ прибыли отъ продажи вина самая превосходная часть десятая, а по большей части пятнадцатая; впрочемъ зависитъ сіе отъ собственной воли помѣщиковъ, отдавать-ли въ аренду винную продажу, или самому отъ себя производить оную, запрещеніе жъ такое во все отдачи всякихъ откуповъ, а по здѣшнему наименованію арендъ, гражданскому состоянію не согласно будетъ съ Высочайше дарованными гражданамъ выгодами и преимуществами въ городскомъ положеніи предначертанными, которыя распространены и на сіи губерніи, да и такового воспрещенія отдавать евреямъ всякія аренды, или откупа не предположено и во мнѣніи маршаловъ Минской губерніи, удостоенномъ Всевысочайшей аппробации, поелику и нѣтъ въ томъ какой либо общей и особенной для поселянъ пользы; ибо для пресѣченія всѣхъ поводовъ, каковыя донинѣ имѣли евреи къ здрству съ крестьянъ, нужно равномѣрно какъ для нанимающихся шинкарей, такъ и для арендаторовъ единое ограниченіе въ ясныхъ и точныхъ условіяхъ,

помѣщиками съ ними на шинкованіе, или на аренду заключаемыхъ: Дабы во первыхъ, евреи отнюдь не давали крестьянамъ въ долгъ вина, но за наличныя деньги, подъ потерю въ противномъ случаѣ даннаго сверхъ постановленій излишества, и, во вторыхъ, чтобъ не имѣли евреи права давать питей подъ закладъ скота и другого какого либо крестьянскаго имущества, подъ равномерною потерю евреемъ даннаго подъ закладъ, который тотчасъ возьмется и отдастся обратно поселянину. На семъ основаніи будетъ одинакова продажа евреями вина, шинкарями-ль будутъ они, или арендаторами, а главное наблюдать, чтобъ евреи не курили своего вина.

Впрочемъ, касательно возможнаго береженія лѣсовъ отъ излишней вырубкы и отъ пожара, запрещенія отдавать имѣнія въ посессию на одогодичный срокъ, а чтобы дѣлать сію отдачу отнюдь не менѣе трехлѣтняго термина, и при томъ съ точнымъ описаніемъ въ контрактѣ обезпеченій отъ разворенія посессоромъ поселянъ, о истребленіи вовсе отдаваемого нѣкоторыми помѣщиками или посессорами для корысти своей права, чтобъ поселяне не продавали продуктовъ своихъ иначе какъ арендующему шинкарю, но о предоставленіи крестьянамъ полной свободы продавать произрастенія свои, гдѣ они за выгодное для себя признавать будутъ, равно о назначеніи въ контрактахъ по посессіямъ, чтобъ при выступленіи при посессіи расчетъ дѣлать не иначе, какъ третейскимъ судомъ, о полаганіи взысканія на тѣхъ, кои, предваря о возвратѣ взятаго капитала на заставу имѣнія въ срокъ, не устоятъ въ томъ и не заплатятъ, и напоследокъ о ограниченіи взиманія священниками всѣхъ религій съ поселянъ за требы церковныя по указу 1765 года, какъ все оное есть сообразно съ Высочайшимъ намѣреніемъ и попеченіемъ о благѣ общемъ и о лучшемъ устроеніи въ новомъ семъ краю, сколько можно жребія поселянъ, соглашаюсь съ постановленіемъ въ сихъ случаяхъ по Минской губерніи сдѣланнымъ.

С. Бершадскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАДУЛЬФЪ И БЕРНАРДЪ.

Изъ хроникъ XII вѣка.

— „Это было время скорби и бѣдствій для дома
Иакова... Будь восхвалень, спасшій и освободившій
Израиля!“...

Бени-Тошуа-бени-Мейеръ

(современникъ Берн. Клервосскаго).

I.

Радульфъ — звался одинъ изъ нихъ,
Германецъ былъ происхожденьемъ,
Хотя — южанинъ вдохновенъемъ
Рѣчей горячихъ, громовыхъ...
Не признавалъ онъ никогда
Ни милосердья, ни пощады;
Въ святой любви не зналъ отрады
Аскетъ лишенья и труда...
Суровъ, какъ истинный тевтонъ,
Онъ сѣялъ пламя жгучимъ взглядомъ;
Монаха голосъ — въ сердце ядомъ
Лился, собою упоень...
Скиталецъ вѣчный — онъ бродилъ
Изъ края въ край, высокъ и блѣденъ,
Какъ нищій — хлѣбомъ, сердцемъ бѣденъ,
Богатъ размахомъ бурныхъ силъ...

И знали, знали всё о немъ
 Не только вдоль по Рейну—дома,—
 Радульфа проповѣдь знакома
 Была за дальнимъ рубежомъ...

II.

Другой проповѣдникъ—
 Французскій аббатъ—
 Былъ славенъ любовью,
 Смиреньемъ богатъ.
 Бернардъ-сердцевѣдецъ
 Прославилъ свой вѣкъ,
 Вѣкъ мести кровавой,—
 Онъ былъ человекъ!
 „Свобода и право—
 „Для міра всего!..“—
 Звучало изъ келій
 Аббатства Клерво.
 Въ смиренномъ аббатствѣ
 Таилася власть—
 Смирять злую волю
 И гордость, и страсть.
 Онъ могъ бы назваться
 Вождемъ всѣхъ вождей,
 Апостоломъ мира,
 Судьей королей...

III.

„Смерть евреямъ! Смерть евреямъ!..“—
 Крестоносцы выкликали;

По кварталамъ іудейскимъ
 Всюду зарева пылали...
 „Чѣмъ идти намъ въ Палестину—
 „На враговъ Христа походомъ,
 „Истребимъ ихъ раньше дома!“—
 Прогремѣло надъ народомъ...
 „Смерть евреямъ!..“ — Такъ взывая,
 Майнцомъ, Страсбургомъ и Кельномъ
 Шель Радульфъ съ толпой несмѣтной
 Въ фанатизмъ безпредѣльномъ...
 На призывъ къ „святому дѣлу“
 Поднимались отовсюду
 Сотни, тысячи отъ злобы
 Обезумѣвшаго люда...
 Кровь лилась рѣкой подъ возгласъ
 Проповѣдника: „Развѣемъ
 „Въ прахъ гнѣздо враговъ Христовыхъ!
 „Смерть презрѣннымъ!.. Смерть евреямъ!..“

IV.

...Случилось такъ, что путь одинъ
 Лежалъ Бернарду съ тѣмъ пожаромъ,
 Что шель, подъ знаменемъ креста,
 Предтечей грознымъ—Божьимъ карамъ...
 Сошлись въ Страсбургѣ они;
 И самъ аббатъ пошелъ навстрѣчу,—
 Туда, гдѣ праздновалъ Радульфъ
 Свою „спасительную“ сѣчу...
 Передъ безумными людьми,

Среди несчастныхъ жертвъ погрома,
 Раздалась проповѣдь съ крыльца
 Полуразрушеннаго дома...
 И кончилъ онъ:—„Позоръ тебѣ,
 „Толпа жестокая и злая!
 Слѣпцы! Вы—гоните Христа,
 „Его завѣты распиная!..“
 Замолкъ... И вдругъ—у ногъ его
 Лежить Радульфъ, обрызганъ кровью;
 И—слышать всѣ: „Бернардъ, Бернардъ!
 „Ты побѣдилъ меня любовью!..“

...Радульфъ вернулся въ монастырь;
 Бернардъ—смирилъ толпы волненья;
 Погромъ затихъ... Такъ былъ спасень
 Израиль весь отъ истребленья...
 Гремѣли грозы и потомъ;
 Да только не было аббата,
 Который также бы призналъ
 Въ евреѣ чловѣка-брата!..
 Во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка
 Гонимыхъ вопли раздавались;
 Радульфы были, сколько разъ!
 Бернарды—вновь не повторялись...

Аполлозь Коринтскій.

СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ.

РОМАНЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Переводъ съ рукописи.

VIII¹.

Роза послѣдовала совѣту маршалека и оставила Сендера одного. Почти цѣлый часъ до нея не долетало ни звука изъ его комнаты. Наконецъ онъ вышелъ, молча кивнуль ей головою и побрѣлъ по дорогѣ въ поле. Печально посмотрѣла она ему вслѣдъ. Онъ былъ такъ блѣденъ, что сердце у нея невольно сжалось. „Онъ мнѣ не родной сынъ, — думала она, — но такой же человѣкъ, какъ и я. Тяжело ему все дается, даже счастье“.

И она не ошибалась. Тяжело было на душѣ у Сендера. Хотя рѣшеніе его было уже принято въ то время, какъ онъ шагаль безцѣльно по сжатому полю и затѣмъ, удаляясь все дальше отъ дома; хотя оно было принято уже во время разговора съ маршалекомъ, однако душевнаго спокойствія онъ не находилъ. Конечно, онъ долженъ просить руки Малки, не потому только, что совѣсть ему это приказывала и что мысль о взаимности съ ея стороны просто оупьяняла его, но и потому также, что онъ безъ нея жить не могъ. Но виѣсть съ тѣмъ его цѣль, его завѣтная цѣль, къ которой онъ стремился всѣми силами своей души, отдалилась на неопредѣленное время. Правда, совершенно отказаться отъ нея ему не придется, — маршалекъ навелъ его на эту утѣшительную мысль, хотя она, впрочемъ, и раньше возникала въ его умѣ: вѣдь есть

---

¹ См. «Восходъ» 1894 г., кн. XII. *Новымъ* подписчикамъ на 1895 годъ начало этого романа разсмѣляется бесплатно, согласно объявленіямъ въ „Хромикъ“.

же и женатые актеры, какъ, напримѣръ, самъ Надлеръ! Его невольно охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что изъ-за Малки ему пришлось бы отказаться отъ своего призванія. „Кто знаетъ, что тогда бы со мною стало, — думалъ онъ: — быть можетъ, я бы этого не перенесъ“. И такъ ему было уже невыносимо тяжело при мысли, что придется ждать цѣлый годъ до осуществленія завѣтной мечты: пельза же уѣхать тотчасъ послѣ свадьбы...

Но чѣмъ болѣе онъ углублялся въ пустынь, поросшую верескомъ и залитую красноватыми лучами осенняго солнца, тѣмъ свѣтлѣе становилось у него на душѣ. „Быть можетъ, — думалось ему, — мнѣ не придется ждать цѣлый годъ. Вѣдь Малка не заурядная дѣвушка; она пойметъ его стремленія и навѣрно не только не будетъ препятствовать его цѣли, а, напротивъ, будетъ поощрять его. Можетъ быть, и у нея обнаружится талантъ“... Но нѣтъ; эту мысль онъ отгонялъ отъ себя: его жена, прекрасная, горячо любимая жена не должна появляться передъ толпой. Это его дѣло, а она будетъ его путеводной звѣздой, ея одобреніе послужитъ ему лучшей наградой, а его успѣхъ будетъ счастьемъ ея жизни...

Онъ бросился на землю и закрылъ глаза, чтобы свободнѣе помечтать о будущемъ. Въ головѣ его возникали картины счастья, и блаженная улыбка озаряла его лицо. Любовь, пока онъ ея не зналъ, казалась ему со стороны „глупостью“, на которую онъ считалъ себя совершенно неспособнымъ; онъ никакъ не могъ даже вообразить себя въ роли любовника. Затѣмъ, когда она вдругъ на него налетѣла, она принесла съ собою только тревогу, смятеніе, болѣзненное чувство, но не счастье. Теперь же она охватывала его съ каждымъ мгновениемъ все сильнѣе и наполняла его почти нестерпимымъ чувствомъ блаженства. „О, какъ хорошо... какъ хорошо!“ — шепталъ онъ и потомъ произносилъ ея имя. Дыханіе у него сперлось. Онъ приподнялся и глубоко вздохнулъ. „Какъ хорошо, какъ хорошо!“ — и вдругъ слезы брызнули у него изъ глазъ.

„Ахъ, я дуракъ, — произнесъ онъ наконецъ съ улыбкой, осушая слезы. — Лежу я себѣ тутъ, вмѣсто того, чтобы отправиться къ

невѣстѣ и порадоваться вмѣстѣ съ нею“. Онъ поглядѣлъ вокругъ. Степь все еще была освѣщена мягкимъ осеннимъ свѣтомъ, но солнце уже заходило, и на востокѣ показался свѣтлый серпъ луны.

Сендеръ вскочилъ и поспѣшно направился къ городу. Но мало-по-малу онъ сталъ замедлять шаги. „Стой!—подумалъ онъ:—невѣстой моей будетъ она только завтра. Сегодня я увижусь съ ней еще какъ будто невзначай. Но теперь, когда я знаю... мы конечно будемъ говорить другъ съ другомъ иначе“.

Онъ улыбнулся. „А какъ она ловко притворялась. Всякое ласковое слово сердило ее. Ахъ, ужъ эти дѣвушки!“ Но сомнѣнiе закралось въ его душу при воспоминанiи о томъ, какъ она встрѣтила его замѣчанiе о ея именахъ. Однако скоро это сомнѣнiе разсѣялось. „Вздоръ,—подумалъ онъ.—Теперь, когда она призналась Таубе...“ Тѣмъ не менѣе шаги его все замедлялись, и когда вдаль мелькнулъ огонекъ, фонарь у сторожки, только что зажженный матерью, Сендеръ въ нерѣшительности остановился. „Сказать ли матушкѣ объ этомъ сегодня же?“—пробормоталъ онъ. Однако, онъ рѣшилъ отложить разговоръ. „Прежде всего надо получить согласiе р. Гирша. Маршалекъ въ его согласiи не сомнѣвается, а еслибы старикъ и заартачился, то мы съ Малкой сдумѣемъ его уломать. Но матушку не слѣдуетъ оставлять въ сомнѣнiи. Пусть она спитъ сегодня спокойно, а завтра за то вдвойнѣ порадуется“.

Онъ пошелъ дальше по направленiю къ площади, но все замедлялъ шаги. Наступили сумерки, бульваръ, который онъ долженъ былъ миновать, былъ озаренъ блѣднымъ свѣтомъ молодого мѣсяца. „Онѣ съ Таубе теперь, конечно, уже на улицѣ. Какъ заговорю я съ ней?—подумалъ онъ.—Сначала, конечно, скажу: Добрый вечеръ,—засмѣялся онъ,—а потомъ разговоръ самъ собою завяжется“.

Тѣмъ не менѣе онъ теперь уже едва, едва передвигалъ ноги, а сердце его билось все усиленнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ площади. Наконецъ онъ былъ уже у дома старшины. О, Господи, ея не было на обычномъ мѣстѣ! Однако она тотчасъ же появилась въ дверяхъ вмѣстѣ съ Таубе.

Онъ приблизился къ нимъ и поклонился. Малка отвѣтила, по обыкновенію, привѣтливо, хотя не такъ нумно, какъ Таубе, которая протянула ему руку. Онъ горячо пожалъ ее и съ своей стороны протянулъ руку Малкѣ. Это случилось съ нимъ въ первый разъ и она взглянула на него съ недоумѣніемъ. Затѣмъ она слегка коснулась его руки своими тонкими, бѣлыми пальцами.

Это болѣе удивило, чѣмъ опечалило его. „Хорошо,—подумалъ онъ:—будь по твоему; сегодня мы останемся въ прежнихъ отношеніяхъ“. Затѣмъ онъ, какъ всегда, пошелъ возлѣ Таубе.

— Ну-съ?—заговорила веселая толстенная женщина:—съ чѣмъ явилась сегодня барновская газета?—Такъ называла она его.

Онъ отвѣтилъ не тотчасъ.

— Что Довидль собирается лопнуть, вы это, конечно, ужъ знаете,—сказалъ онъ. — Однако, постойте,—новость я могу вамъ дѣйствительно сообщить. Настоятель монастыря заказалъ новую икону для церкви одной львовской художницѣ. Женщина, рисующая, да къ тому же иконы для монастыря,—не смѣшно ли это?

— Почему?—возразила Малка.—Моя кузина Викторина Зальменфельдъ, старшая дочь дяди Франца, рисуетъ также иконы и очень хорошо. Она составила себѣ имя своими работами въ Вѣнѣ и, какъ кажется, она столь же мила, какъ и талантлива. Къ сожалѣнію, я съ ней лично не знакома.

— Къ сожалѣнію?—воскликнула Таубе.—Ты должна благодарить за это Бога.

— Почему? Потому что она христіанка? Но вѣдь она все-таки остается моею родственницей?

— Малка!—воскликнула Таубе съ неподдѣльнымъ ужасомъ.

Слова Малки произвели и на Сендера тягостное впечатлѣніе. Онъ былъ убѣжденъ, что переходъ въ христіанство порывалъ всякіе родственные узъ.—Такъ вы, пожалуй, этому сочувствуете?—спросилъ онъ съ тревогою.

— Крещенію? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Изъ десяти тысячъ случаевъ найдется, быть можетъ, одинъ, который можно

оправдать, потому что, кажется, никто не дѣлаетъ этого по убѣжденію. Однако, бывають случаи, когда надо скорѣе пожалѣть, а не порицать человѣка. Прииѣромъ можетъ служить хоть мой дядя Францъ. Но у насъ къ такимъ людямъ относятся несправедливо. Мой дѣдъ Натанъ Зальменфельдъ былъ довольно несносный человѣкъ, но это не мѣшало оставаться ему строго правовѣрнымъ евреемъ. Своимъ сыновьямъ онъ чуть ли не съ пеленокъ опредѣлялъ ихъ профессію: старшій, Фроимъ, долженъ былъ сдѣлаться врачомъ, средній, Манассе—адвокатомъ, а третій, Гиршъ, мой отецъ—трактирщикомъ. Но всѣ должны были оставаться такими же фанатиками, какъ и самъ старикъ. Фроимъ долженъ былъ и въ гимназію—то ходить въ кафтанѣ, а посѣщая университетъ въ Пештѣ, жить у хасидовъ. Жизнь его была адская. Христіане поднимали его на смѣхъ, а евреи все-таки перестали его считать правовѣрнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что онъ возненавидѣлъ свою вѣру? Его сдѣлали христіаниномъ хасиды.

— О, ты христіанка! — воскликнула Таубе, но больше не привычѣ.

Но Сендеръ возразилъ:—Мнѣ кажется, вы оправдываете его больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Кто изъ насъ не страдалъ отъ хасидовъ? Если изъ-за этого всякій переходилъ бы...

— Конечно,—прервала она его,—болѣе возвышенная и благородная натура выдержитъ испытаніе; прииѣромъ можетъ служить другой мой дядя, Максъ, состоящій адвокатомъ въ Черновцахъ. Онъ прошелъ черезъ тѣ же мытарства и въ концѣ концовъ стряхнулъ съ себя только формальныя стѣсненія, а не вѣру.

И она съ восторгомъ принялась расхваливать дядю, выступающаго защитникомъ правъ своихъ единовѣрцевъ, но также и поборникомъ ихъ нравственнаго совершенствованія, ихъ эмансипаціи.

— Скоро и онъ перейдетъ въ христіанство,—замѣтила Таубе своимъ обычнымъ тономъ, въ то время какъ Сендеръ спросилъ:

— Долго вы жили въ его домѣ?

— Шесть лѣтъ. Когда мнѣ было семь лѣтъ, я лишилась ма-

тери. Это самое большое несчастіе, какое можетъ только постигнуть ребенка. Но въ результатѣ это горе сопровождалось для меня и счастьемъ: я попала въ домъ моего дяди. Онъ и его жена заимѣли мнѣ родителей; ихъ дѣти были мнѣ родными братьями и сестрами. А лучшаго учителя, чѣмъ мой кузенъ Вернгардъ, я не могу себѣ и представить.

Опять этотъ Вернгардъ. Но Сендеръ тотчасъ же успокоился, когда она продолжала:

— Правда, онъ могъ учить меня только во время каникулъ: онъ былъ въ то время студентомъ въ Вѣнѣ.

— Такъ ему теперь пожалуй тридцать лѣтъ?—спросилъ онъ съ нѣкоторою развязностью.

— Тридцать два. Онъ теперь состоитъ помощникомъ у своего отца, но въ скоромъ времени надѣется самъ получить званіе адвоката. Какъ въ данную минуту обстоятъ его дѣла, я въ точности не знаю,—прибавила она со вздохомъ.—Я узнаю все, что касается семьи дяди, позже другихъ, потому что отецъ мой съ каждымъ годомъ становится все набожнѣе и въ послѣдніе годы разошелся съ своимъ братомъ Максимъ.

— Но вѣдь ты два года тому назадъ еще гостила въ Черновицахъ?—замѣтила Таубе.

— Всего нѣсколько недѣль. Отецъ разрѣшилъ это въ видѣ исключенія.

— Вамъ тяжело было лишиться всего этого,—произнесъ Сендеръ съ чувствомъ и взглянулъ на нея съ выраженіемъ участія.

— Очень тяжело,—отвѣтила она:—вы меня понимаете.

— Но скоро все измѣнится къ лучшему,—продолжалъ онъ сверкнувъ глазами, ободренный ея отвѣтомъ.

Она съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— Что вы этимъ хотите сказать?

Онъ покраснѣлъ.—Это... это вы скоро узнаете,—пробормоталъ онъ, заикаясь и сисясь улыбнуться.

Онъ очень обрадовался, увидавъ приближавшуюся къ нимъ

жену старшины, которая тотчасъ начала рассказывать о новости дня, объ отцѣ-экономѣ и пани Путковской, „барновской ехиднѣ“.

Скоро подошелъ и Иосифъ Грюнъ.

— А что, Сендеръ,—сказалъ онъ:—надѣюсь, что рѣшеніе уѣзднаго правленія не особенно огорчитъ твою мать?

— Какое рѣшеніе?

— Развѣ оно ей еще не доставлено? Вольчинскій увѣрилъ меня, что оно уже отправлено. Ей отказано въ продленіи аренды. Негодяй добился-таки своего, а она не захотѣла послѣдовать моему совѣту и не умилоствовала его.

— Это было невозможно,—отвѣтилъ Сендеръ.— Однако, я думаю, что она не станетъ особенно горевать объ этомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не было никакого основанія принимать это извѣстіе особенно къ сердцу. На свой заработокъ и часть приданаго Малки онъ могъ обезпечить ея будущность.

Старшина съ женою ушли, но подходили другіе знакомые. Малку спрашивали о днѣ ея отъѣзда.

— Не знаю,—отвѣчала она.— Это будетъ зависѣть отъ моего отца. „Какъ это, однако, нехорошо,—подумалъ Сендеръ,— что ей не говорятъ ничего объ его пріѣздѣ“,—и вполголоса онъ сообщилъ ей, что отецъ ея пріѣдетъ завтра. Слова его произвели совершенно неожиданное дѣйствіе. Она поблѣднѣла и взглянула на него широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Ради Бога,—прошталъ онъ,—что съ вами?

— Что со мной?—отвѣтила она съ горечью, даже презрительно.—Я, конечно, должна еще радоваться, что объ этомъ знаете вы, а не я? Вамъ сказалъ, разумѣется, маршалець?

— Да,—признался онъ.—Но... Тутъ, однако, ему пришло въ голову, что она, вѣроятно, воображаетъ, что отецъ ея пріѣзжаетъ для того, чтобы обручить ее съ Моше Грюномъ.

— Теперь я понимаю,—сказалъ онъ, смѣясь. Ему собственно неудобно было говорить объ этомъ въ присутствіи Таубе; однако, ему удалось улучить минуту, когда вниманіе подружки было от-

влечено: — вы полагаете, что онъ прїѣдетъ, чтобы покончить... съ дѣломъ, которое поручилъ маршалуку? Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ, съ которымъ велись переговоры, увидалъ, что дѣло для него неподходящее и отретировался.

— Какъ? — воскликнула она, почти не помня себя отъ радости. — Таеъ ли я васъ понимаю?

Она засмѣялась, схватила его руку и крѣпко пожала ее.

Кровь хлынула ему въ лицо. — Милая Малка, — прошепталъ онъ. — Успокойтесь. Никто не станетъ васъ принуждать. Вы... выйдете замужъ за... избранника вашего сердца.

Его охватило ощущение безконечнаго счастья, мѣшавшее ему выразаться ясно, но она все-таки поняла его.

— Сендеръ, милый Сендеръ! — воскликнула она, вся раскраснѣвшись и по прежнему горячо пожимая его руку. — Вы — благородный человѣкъ. Богъ вознаградитъ васъ за это... счастьемъ и славой на томъ поприщѣ, которое вы себѣ избрали. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Вы знаете мою тайну, но и я знаю вашу. Мы оба угадали, не правда ли?. Но я не могу сегодня... Голось у нея оборвался, и, помолчавъ немного, она прибавила: — Завтра я еще разъ поблагодарю васъ... До гробовой доски я этого не забуду. — И она бросилась въ дождь.

— Что такое случилось? — спросила Таубе въ изумленіи.

Онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ онъ проговорилъ: — Спокойной ночи! — и поспѣшно удалился. Онъ шелъ машинально куда глаза глядятъ и остановился только тогда, когда слухъ его поразилъ шумъ рѣки. Онъ очутился на берегу Серета. Поравнявшись съ ближайшей скамейкой, онъ опустился на нее.

— Что это такое было? — проговорилъ онъ, наконецъ, вслухъ. — Я думаю... помолвка. — И онъ закрылъ глаза, какъ давеча, лежа на верескѣ, и блаженная улыбка снова озарила его лицо.

Холодный осенній вѣтеръ пробѣгалъ по обнаженнымъ вѣтвямъ и шумъ рѣки раздавался во мракѣ ночной тиши, которая прерывалась только боемъ башенныхъ часовъ... Но Сендеръ ничего не

слыхалъ; въ его душѣ раздавался только нѣжный, мягкій голосъ: „Сендеръ... милый Сендеръ“. Долго, долго сидѣлъ онъ такъ. Никогда впослѣдствіи онъ не могъ забыть этихъ блаженныхъ часовъ, никогда, несмотря на все, что за ними послѣдовало; даже умирая, онъ помнилъ, какъ счастливъ онъ былъ въ эту ночь...

На разсвѣтѣ поднялся рѣзкій порывъ восточнаго вѣтра, и съ деревьевъ на него посыпались желтые листья. Тогда только онъ всталъ и направился домой.

По ту сторону рѣки среди полумрака занимающагося утра возвышались развалины замка. „Туда я сведу ее когда нибудь,— подумалъ онъ.— Тамъ началось мое счастье. Если бы бѣдняжка Вильдъ дожидъ до этого дня!..“

Онъ не подозрѣвалъ, что его ожидало тамъ, въ развалинахъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда онъ легъ въ постель. Но черезъ два часа онъ былъ уже на ногахъ и читалъ молитву. „Благодарю Тебя, Всевышній, за исполненіе желанія моего сердца“. Съ того достопамятнаго апрѣльского утра, когда у него хлынула кровь, онъ еще ни разу не молился съ такимъ усердіемъ.

Когда онъ вошелъ въ общую комнату, мать встрѣтила его съ озабоченнымъ видомъ.

— Ты, должно быть, очень поздно вернулся сегодня ночью,— сказала она. — Я до двѣнадцати часовъ ждала тебя. Вчера мнѣ принесли это извѣщеніе изъ уѣзднаго присутствія.

Она подала ему запечатанный пакетъ.

— Не будемъ пока еще распечатывать этой гадкой бумаги, матушка,— сказалъ онъ со слезами на глазахъ.— Ты часто говоришь: „Господь отнимаетъ, но Онъ же даетъ больше, чѣмъ отнимаетъ“. Въ бумагѣ говорится, что ты аренды не получишь. Но, несмотря на это, будемъ веселы: сегодня я обручусь съ Малкой.

Съ крикомъ радости старушка бросилась въ его объятія. Долго стояли они такъ, не произнося ни слова.— Слава Богу,— воскликнула она наконецъ и принялась расхваливать дѣвушку. — Но, —

прибавила она,—ея портретъ ты увидалъ не по моей винѣ. Я этого не подстроивала. Это была простая случайность.

— И очень счастливая случайность,—весело возразилъ онъ,— иначе я бы не такъ скоро влюбился въ нее.

Наконецъ Роза вспомнила о бумагахъ.—Все-таки прочитай ее. Онъ исполнилъ ея желаніе.—Такъ и есть, матушка.

— Но что со мною будетъ?—жалобно произнесла она.

— Ты будешь нѣжной бабушкой,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ:—у тебя найдется побольше дѣла, чѣмъ тутъ у заставы. И эта обязанность будетъ, пожалуй, пріятнѣе, не правда ли?

Когда онъ явился въ контору, Моргенштернъ сидѣлъ уже за столомъ и разговаривалъ съ посѣтителями. Но, странное дѣло, Довидль не вышелъ изъ себя, увидавъ его, и ни слова не сказалъ о вчерашнемъ его отсутствіи, а когда Сендеръ сталъ извиняться, только замѣтилъ:—Мнѣ вѣдь извѣстно, что теперь происходитъ... Если ты и сегодня послѣ обѣда хочешь быть свободенъ, то предупреди меня только объ этомъ.

Неохотно уступилъ онъ ему свое мѣсто за столомъ. Онъ, видимо, боялся, что сегодня Сендеръ натворитъ еще больше бѣдъ, чѣмъ вчера. Но молодой человѣкъ, несмотря на бессонно проведенную ночь и событіе, ожидавшее его, былъ совершенно спокоенъ, въ головѣ у него было ясно, онъ былъ весь охваченъ настроеніемъ безмятежнаго счастья. Несмотря на то, что посѣтителей приходило много, онъ аккуратно исполнилъ все, что касалось лотерей, и затѣмъ даже нашелъ время переписать дѣло Фрагенцейхена-Риттерштольца. Справившись со всѣмъ этимъ, онъ все-таки отказался отъ предложенія не приходиться послѣ обѣда.

Когда онъ возвращался домой къ обѣду, ему навстрѣчу попалось нѣсколько извозчиковъ. „Странно было бы, если бы мимо меня проѣхалъ мой будущій тесть,—подумалъ онъ.—Я его въ лицо вѣдь еще не знаю“. Увидавъ издали на козлахъ одной тележки хоростковскаго извозчика, стараго своего товарища, онъ на минуту съ любопытствомъ оглядѣлъ фуру и подумалъ: „Это, мо-

жетъ бытъ, дѣйствительно ребѣ Гиршъ". Но, увидавъ женскую фигуру, онъ уже больше не обращалъ на извозчиковъ вниманія.

Однако, его вдругъ кто-то окликнулъ. Онъ оглянулся и увидалъ кругленькое свѣжее лицо Ютты.—Здравствуйте!—воскликнулъ онъ радостно.—Какой попутный вѣтеръ занесъ васъ сюда? Но развѣ съ вами нѣтъ Гирша?

— Онъ пріѣдетъ завтра,—сказала она нервнито и посмотрѣла на него своими черными глазами, обыкновенно столь веселыми, почти боязливо.—Какъ поживаете, Сендеръ?

— Благодарствуйте, — отвѣтилъ онъ весело, — лучше чѣмъ когда либо. Вашъ отецъ объяснитъ вамъ, почему.

— Да?—сказала она съ замѣшательствомъ и глубоко вздохнувъ.—А какъ поживаетъ...—она запнулась.—Но я не стану васъ задерживать.

— А вы тѣмъ временемъ научились вдыхать, — замѣтилъ онъ со смѣхомъ.—Такъ ребѣ Гиршъ навѣрное завтра пріѣдетъ?

— Навѣрное... если понадобится,—отвѣтила она грустно.

— Въ такомъ случаѣ онъ пріѣдетъ,—засмѣялся Сендеръ:—это въ высшей степени необходимо. До свиданія. Передайте мой поклонъ Малкѣ. Я приду вечеромъ, если не раньше.

— До свиданія!—отвѣтила она печально.

Сендеръ не останавливался на мысли о переиѣнѣ въ обращеніи дѣвушки. Но когда онъ пришелъ домой, онъ все-таки рассказалъ о ней матери. Она засмѣялась и сказала:—Замѣть, Сендеръ, всякая бѣдная дѣвушка всегда вдыхаетъ, когда узнаетъ о томъ, что ея богатая пріятельница выходитъ замужъ. Это, конечно, не мѣшаетъ Юттѣ желать вамъ счастья.

Онъ весело подтвердилъ ея мнѣніе. Тихонько посвистывая, пошелъ онъ послѣ обѣда въ контору. Пока онъ тутъ объяснялъ пани Путковской ея сонъ—на этотъ разъ ей снилось не розовое шелковое платье, какъ раньше, а плетка, № 85 — какъ вдругъ въ контору влетѣлъ Моше Грюнъ. Положивъ передъ Сендеромъ письмо, онъ поспѣшно удалился.

Съ сильно бьющимся сердцемъ взглянулъ Сендеръ на конвертъ. На немъ написано было: „Его высокоблагородію господину Сендеру Курлендеру: По оказіи“. Какой тонкій и красивый почеркъ у нея! Вотъ что она писала:

„Дорогой другъ. Мнѣ необходимо съ вами поговорить. Приходите сегодня въ четыре часа пополудни къ развалинамъ. Я буду ждать васъ тамъ съ моею подругой Юттой.

Съ сердечнымъ привѣтомъ. Преданная вамъ
Регина Зальменфельдъ“.

Не помня себя отъ радости, смотрѣлъ Сендеръ на письмо. Дорогая дѣвушка понимала, какъ страстно желалъ онъ ее видѣть и сама назначала ему свиданіе только для того, чтобы его поблагодарить. Боже великій! „Его поблагодарить“. Барновская еврейка не сдѣлала бы этого. Но ему выпало счастье имѣть „образованную“ невѣсту. Ютта, пишетъ она, будетъ съ нею, но вѣдь дворъ замка большой...

Было половина четвертаго. — Мнѣ нужно отлучиться, — сказалъ онъ Довидлю; тотъ его не удерживалъ.

„Я долженъ быть тамъ раньше ихъ“, — подумалъ онъ, ускоря шагъ. Онъ миновалъ Серетскій мостъ, сталъ подниматься къ замку и вступилъ въ пустынный дворъ. На нѣкоторомъ разстояніи онъ увидалъ севозъ обнаженныхъ вѣтви женскую фигуру.

Это была Ютта. Она сидѣла возлѣ заспаннаго колодца, и съ поникшею головою, но вскочила, когда онъ приблизился.

— Вы... вы одѣтъ? — воскликнулъ онъ испуганно, замѣтивъ, что она блѣдна и что глаза у нея красны отъ слезъ. — Что?... Что такое случилось?

Кровь хлынула ей въ лицо. — Ничего, — прошептала она: — Малка здорова, но она не придетъ... Она хотѣла придти... но это... было бы... Это было бы ей не подъ силу... Бѣдняжка, сколько тревогъ выпало на ея долю за послѣднее время! Но и

ради васъ я отговорила ея отъ этого шага, Сендеръ... О такихъ вещахъ легче услышать отъ посторонняго человѣка.

— Ради меня?.. Онъ пошатнулся и схватился рукою за каменную стѣну колодца.—Что вы говорите?..

— Выслушайте меня,—сказала она, сложивъ руки съ мольбой.—Выслушайте меня спокойно. Вамъ будетъ очень тяжело, я это знаю.—Ея глаза наполнились слезами.— Но тутъ никто не виноватъ... Быть можетъ, мой отецъ, но и у него были хорошія намѣренія.—Голосъ ея прервался отъ слезъ.

— Говорите!—пробормоталъ онъ.

Она кивнула головой.—Я буду краткой. Изъ вашего сватовства ничего не выйдетъ. Малка уже съ дѣтскихъ лѣтъ любить двоюроднаго брата Бернгарда. Два года тому назадъ она съ нимъ обручилась. Ребъ Гиршъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ: „нѣмецъ“, который ѣстъ свинину... вы понимаете? Въ домѣ были страшныя сцены; да и мачиха была противъ,—а она вѣдь очень злая женщина. У нихъ рѣшено было выдать Малку за настоящаго еврея, хотя бы противъ ея воли. Мой отецъ сваталъ ее многимъ, но... у нихъ въ семьѣ есть вѣкрестъ,—и изъ этого ничего не вышло. Вотъ почему ребъ Гиршъ, наконецъ, удовольствовался вами, хотя и вы знаете по-нѣмецки. Но тутъ явилось другое препятствіе: вы сами не хотѣли жениться, такъ какъ у васъ были другіе планы. Вѣдь вы хотите сдѣлаться актеромъ...

Онъ сидѣлъ неподвижно и слушалъ ее, блѣдный, какъ мертвецъ. Но при послѣднихъ словахъ, лицо у него перадернулось.

— Не пугайтесь,—поспѣшила она прибавить.—Я нанала на эту мысль первая, а Малка убѣдилась въ этомъ изъ вашихъ разговоровъ. Но ни она, ни я не выдадимъ вашей тайны.

— Продолжайте,—произнесъ онъ беззвучно.

— А тутъ мой отецъ придумалъ свой планъ. Онъ, моль, полу-нѣмецъ и долженъ соответственно и жениться. Я должна была прѣхать сюда съ Малкой, познакомить васъ другъ съ другомъ и уговорить васъ обоихъ. Но я рѣшительно отказалась. Мой

отецъ посѣтовалъ на меня, р. Гиршъ грозилъ выгнать изъ дома, но я твердо стояла на своемъ.—Глаза ея сверкнули.—Роль посредницы между хорошими людьми я не хотѣла принять на себя...

— Но для нея нашлись другіе,—произнесъ онъ:—старшина, и Таубе, и весь городъ. А теперь,—прибавилъ онъ злобно,—я сдѣлался для всѣхъ ихъ посмѣшищемъ...

— Кромѣ ихъ двоихъ никто этого не зналъ,—возразила она робко.—Посмѣшищемъ, говорите вы? Но кто можетъ поднять васъ на смѣхъ? Вы честно...

— Стало быть, — мрачно прервалъ онъ ее, — и исторія съ Моше была ложь?

— Да,— отвѣтила она.

Онъ поникъ головой. Теперь все для него стало ясно. Онъ закрылъ лицо руками; ему было такъ тяжело, такъ больно, какъ никогда прежде. Ему казалось, что у него вырвали сердце и растоптали его... Онъ тихо простоналъ и не только отъ душевной боли, но и отъ физической. Въ груди у него опять закололо. Что за бѣда, если я теперь умру?—подумалъ онъ.

Но потомъ онъ вдругъ выпрямился.—Хорошо,—сказалъ онъ,—отнимая руки отъ лица.—Уходите, Ютта.

Она взглянула ему въ лицо и въ ужасѣ всплеснула руками: какъ оно исказилось и какъ сразу постарѣло!..

— Сендеръ,—воскликнула она рыдая:—неужели вы ее такъ любите? Я васъ понимаю; она вѣдь такъ хороша и такъ образована. Но подумайте, развѣ вы были бы счастливы? Она вѣдь любить другого и только о немъ и думаетъ...

— Потому-то она и пріѣхала сюда,—замѣтилъ онъ съ горечью.—Стоить-ли церемониться съ паяцомъ! Онъ съ молоду долженъ привыкать къ комедіи.

— Вы этому сами не вѣрите.—воскликнула она.— Правда, у нея есть свои недостатки, какъ и у всякаго человѣка, и какъ я ея ни люблю, я вижу эти недостатки. Она совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ вы, можетъ быть и... можетъ быть, какъ и я...

У васъ все идетъ отъ сердца, а у нея во всемъ разсудокъ. И поэтому, — она покрасѣла до корней волосъ, — я это говорю не въ утѣшеніе вамъ, я дѣйствительно такъ думаю... оно и лучше, что между вами ничего не вышло, даже еслибы этого доктора вовсе не было... Она очень образована, но она это знаетъ, и если видитъ, что человекъ хоть чуточку меньше ея знаетъ, то онъ въ ея глазахъ ничего не стоитъ, хотя бы у него было самое лучшее, самое преданное сердце... — Ютта все ускорила рѣчь. — Она прочла сотню книгъ, а можетъ быть, и больше, но думаете-ли вы, что она въ состояніи сварить тарелку супу для больного? Или шить и вышивать? Только читаетъ и думаетъ о Бернгардѣ. Онъ былъ ея учителемъ и знаетъ больше, чѣмъ она, а когда она выйдетъ за него замужъ, то сдѣлается барыней и будетъ жить въ большомъ городѣ... Однако, что я такъ разболталась? — и лицо ея снова покрылось густымъ румянцемъ. — Я только хотѣла сказать, что вы не должны претендовать на нее за то, что она сюда прѣѣхала. Для нея отцовскій домъ — адъ; отца она боится и думаетъ такъ: На твоей сторонѣ сила, а на моей умъ. Она покорилась только съ виду. Быть можетъ, и я тутъ отчасти виновата. Я сказала ей: У этого Сендера совсѣмъ иное на умѣ и жениться онъ не хочетъ. Вотъ она и прѣѣхала сюда, заранѣе рѣшивъ своимъ обращеніемъ оттолкнуть васъ отъ себя. На бѣду вы сами же объявили ей въ первый вечеръ, что жениться не намѣрены...

— Недоразумѣніе, — сказалъ онъ. — И вчера вечеромъ также произошло недоразумѣніе. Я говорилъ о Моше, а она разумѣла меня. Ха-ха-ха! — Напряженіе было слишкомъ сильно: нервы не выдержали, и онъ судорожно разошѣлся.

— Сендеръ, — воскликнула она въ испугѣ, — плачьте, если вамъ такъ тяжело, но, ради Бога, не смѣйтесь. Мнѣ такъ страшно, я такъ васъ жалѣю, а между тѣмъ я ничѣмъ не могу помочь вамъ. — Она, рыдая, протянула къ нему руки. — Успокойтесь!

Онъ умолкъ. Ему самому слишкомъ тяжело стало отъ этого смѣха. Ея участіе однако тронуло его. — Благодарю васъ, Ютта.

Но теперь... извините...—Его блѣдныя губы сложились въ принужденную улыбку.—Все это отряслось такъ неожиданно.

— Вы хотите остаться одни. Но намъ надо условиться, какъ покончить все это дѣло...

— Оно кончено. Она меня отвергаетъ, а я не стану принуждать ее.

— Но что мы скажемъ ей отцу и моему? — спросила она бояливо. Вѣроятно оба они не подозрѣваютъ, что и я тутъ замѣшана... Вы можете себѣ представить, что меня ожидаетъ, если они объ этомъ узнаютъ. Но вы не должны этимъ смущаться.— Разстроенное маленькое ея личико внезапно приняло энергическое выраженіе и глаза ея сверкнули.— Если человѣкъ считаетъ свой поступокъ правымъ, то долженъ нести и его послѣдствія. Поэтому не о себѣ хлопочу я. Но дѣло въ томъ, что вчера, когда получена была телеграмма отъ моего отца, р. Гиршъ сказалъ мнѣ: Завтра у меня важное дѣло, поэтому повѣжай ты и уговори ее. Скажи, что я ее не пощажу, если она будетъ упрямиться, и можетъ быть, дѣло обойдется безъ меня, потому что при помолвкѣ меня можетъ замѣнить и Гиршъ. Если безъ меня дѣло не обойдется, то пусть твой отецъ мнѣ телеграфируетъ, и я приѣду послѣзавтра. До вечера мнѣ надо дать какой-нибудь отвѣтъ моему отцу. Разумеетсяъ, отвѣтъ отрицательный. Въ такомъ случаѣ завтра приѣдетъ р. Гиршъ... и произойдетъ нѣчто ужасное. Итакъ...

— Долженъ-ли я сказать вашему отцу, что я передумалъ?

— Да... Малка умоляетъ васъ поступить такъ. Я должна, говорить она, просить и за себя, а это мнѣ не подъ силу. Увѣрять васъ, что такъ было бы для васъ обоихъ лучше, также нечестно. Правда, въ глазахъ людей вы не теряете ничего, но вашу матушку вы жестоко огорчите. Ради Малки... да, я могу васъ просить объ этомъ, и дѣлаю это отъ всего сердца...— И она снова протянула къ нему руки съ мольбой.— Ее вы спасете отъ большой бѣды. Вы не знаете р. Гирша и его жены, но я ихъ знаю... а вѣдь Малка вамъ также дорога...— Она покраснѣла.— Вы ее

полюбили... Я не знакома съ этимъ чувствомъ, но это должно быть нѣчто возвышенное... Сендеръ, если бы вы могли видѣть, подобно мнѣ, какъ она испугалась, когда я пришла отъ отца и рассказала ей все. Ея чудные голубые глаза широко раскрылись отъ ужаса... Сендеръ, она бѣдное существо, и... такъ какъ она была вамъ такъ дорога... и такъ какъ вы хорошій человѣкъ...

— Хорошо, я это сдѣлаю, — пробормоталъ онъ. — Положитесь на меня.. Сегодня же я скажу вашему отцу...

— Сендеръ, — воскликнула она: — этого никто бы не сдѣлалъ... Къ тому же вы вѣдь такъ любите вашу матушку. Что у васъ за сердце. Богъ васъ наградитъ... любящей женою, и счастьемъ, и успѣхомъ въ томъ, что вы задумали..

— Можетъ быть, мои намѣренія исполнятся, — отвѣтилъ онъ и губы у него дрогнули, — Но на счетъ жены... я никогда не женюсь...—Онъ отвернулся и быстро скрылся въ развалинахъ.

Она опустила голову.—Я не хочу видѣть его слезъ,—прошептала она. Но, возвращаясь въ городъ, она сама, не переставая, плакала всю дорогу.

К. Французъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ ¹.

№ 12. Жертвы ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Лещицѣ въ 1636—39 г.

Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III (1587—1632) замѣчается особенно сильный приливъ юдофобскихъ чувствъ въ польскомъ обществѣ. Злокачественная религиозная нетерпимость, которая въ теченіе этого царствованія усердно прививалась народу вождями «католической реакціи», начинаетъ оказывать свое пагубное дѣйствіе. Она проникаетъ во всѣ слои общества и постепенно извращаетъ религиозное сознаніе средняго человѣка и простолюдина ². Жертвою ея дѣлается иновѣрецъ: протестантъ, православный, еврей. Съ послѣднимъ, конечно, менѣе всего церемонятся. Тутъ нетерпимость ревнителя церкви вступаетъ въ тѣсный союзъ съ враждою католика-горожанина къ еврею, какъ сопернику экономическому.

Это сочетаніе мрачнаго фанатизма церковника съ житейскою завистью и овлобленіемъ мірянина ярко отражается въ катехизисѣ юдофобіи того времени—въ «Зерцалѣ короны польской» *Себастіана Мичинскаго*, обнародованномъ въ 1618 г. ³. Обвиняя евреевъ во всевозможныхъ преступленіяхъ—въ смертоубійствѣ, колдовствѣ, богохульствѣ, политической измѣнѣ, грабежѣ и об-

¹ См. „Восходъ“, кн. XII, за 1894 г.

² Однимъ изъ пагубныхъ направленій (конца царствованія Сигизмунда III) была *нетерпимость*... Ее теперь взяли въ свои руки необразованныя и фанатическія *массы*... Иновѣрцы и диссиденты утратили поддержку *сверху* въ глазахъ черни и воспитывавшейся въ этомъ (іезуитскомъ) направленіи школьной молодежи». (*Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши, рус. перев. Спб. 1891, т. II, стр. 108—81).

³ О юдофобской агитаціи Мичинскаго и его книгѣ „Zwierciadło Korony Polskiej“ мы вскорѣ поговоримъ въ особой статьѣ.

манѣ, авторъ все это окрашиваетъ особеннымъ мрачнымъ религиознымъ колоритомъ. Обвиненія въ религиозномъ дѣтубійствѣ, оскорбленіи христіанскихъ святынь и въ «чародѣйствѣ» стоятъ на первомъ планѣ. Питомецъ іезуитовъ, магистръ философіи Краковской академіи, Мичинскій весь проникнутъ господствовавшимъ тогда въ духовенствѣ настроеніемъ. Въ его болѣзненной, изувѣрской фантазіи есть что-то заразительное — и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его юдофобская проповѣдь произвела такое сильное впечатлѣніе на депутатовъ генеральнаго варшавскаго сейма 1618 года¹.—Такимъ же духомъ отличаются и книги другого ожесточеннаго юдофоба того времени, врача *Слешковскаго*. Въ своемъ сочиненіи «О врачахъ жидовскихъ» (1623 г.) онъ доказываетъ, что еврей-лѣкари систематически отравляютъ и изводятъ добрыхъ христіанъ; а въ своей книгѣ «О моровомъ повѣтріи», изданной въ Калишѣ въ томъ же году, онъ развиваетъ мысль, что чума есть кара Божія, ниспосланная на Польшу за «покровительство евреямъ»²).

Такимъ образомъ, съ церковнаго амвона, со школьной кафедры и въ литературѣ слышались однѣ и тѣ же страстные, зажигательныя рѣчи противъ евреевъ. Но однѣми рѣчами не ограничивались. Дикимъ суевѣріямъ и выдумкамъ старались придавать «наглядность», ихъ распространяли посредствомъ внушительныхъ церковныхъ демонстрацій. Такъ, въ Познани, въ 1620 г., католическое духовенство откуда-то откопало ветхій столикъ съ вырѣзанными на доскѣ его отверстіями и стало увѣрять народъ, что это тотъ самый столикъ, на которомъ богохульные евреи нѣкогда (въ 1399 г.) кололи и рѣзали святые дары, похищенные изъ мѣстнаго костела. Мнимая реликвія была внесена, при торжественной процессіи, въ Кармелитскую церковь, въ присутствіи епископа Познанскаго и всего духовенства³. Около того же времени, краковскій епископъ Мацейовскій отыскалъ мощи «замученнаго евреями» въ селѣ Свиначовѣ, въ 1598 г., христіанскаго младенца и «съ великою помпою», въ сопровожденіи другихъ епископовъ и

¹ *Czacki*, O Żydach, str. 53, wyd. 1860.

² *Ibidem*, примѣч. 8 и 9.

³ *Perles*. Gesch. d. Juden in Posen. Frankl's Monatschrift 1863, стр. 240.

священниковъ перенесъ это «драгоценное сокровище» (skarb drogi) въ костелъ отцовъ іезуитовъ въ Люблинѣ, для храненія на вѣчныя времена ¹. Подобныя сцены должны были разжигать воображеніе вѣрующаго католика и окончательно укоренить въ народѣ убѣжденіе въ справедливости всѣхъ вводимыхъ на евреевъ гнусныхъ обвиненій.

И вотъ во второй половинѣ 1630-хъ годовъ выступаютъ сразу, въ трехъ различныхъ пунктахъ Польши, три уголовныхъ процесса съ извѣстною религіозною, или точнѣе церковною подкладкою—и десять новыхъ именъ вносятся въ безконечный списокъ еврейскихъ мучениковъ.

1. Люблинскій процессъ 1636 г.

На ветхомъ листѣ пергамента, въ старинномъ рукописномъ молитвенникѣ, сохранившемся въ синагогѣ города Пинчова ², можно прочесть слѣдующую заупокойную молитву на древне-еврейскомъ языкѣ съ надписью: «*О мученикахъ на землѣ, въ 1. Люблинѣ въ (5) 396 году.*»

«*О Боже, полный милосердія, Живущій въ небесахъ! Доставъ дѣйствительное успокоеніе подъ крыльями святаго духа, въ рядяхъ святыхъ и чистыхъ, пожертвовавшихъ собою во имя Божіе, —душѣ святаго (мученика), ученаго *рабби Мордохая сына святаго рабби Меира.* Пусть душа его почіетъ въ мирѣ и сіяетъ во свѣтѣ жизни, ибо онъ претерпѣлъ муки горькія и жестокія—нечь, погибаль и всесожденіе. Частою вышла душа его (изъ тѣла) за единство Имени святаго и великаго. О земля, не скрой въ своихъ нѣдрахъ его крови, и да не будетъ мѣста его вопляхъ, пока Богъ-ревнитель не воздастъ за него. Богъ милосердный да упокоитъ его подъ сѣнью своихъ крыльевъ вмѣстѣ съ (другими) усопшими, да свяжетъ его душу въ узлѣ жизни съ душами праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова и да воздастъ отищеніе мучителямъ его; а его заслуги да вѣнчаются намъ и всему его потомству!»*

О комъ плачеть Синагога въ этой молитвѣ? Чья невинно загубленная жизнь вопіетъ здѣсь къ небесному возмездію? Синагога передаетъ намъ только имя мученика (Мордохай), да еще мѣсто и годъ событія (Люблинѣ, 5396, т. е. 1636 г.), но она совершенно умалчиваетъ о подробностяхъ, о причинахъ и обста-

¹ X. St. Zuchowski. Process Kriminalny o niewinne dziecię okrutnie od żydow zamordowane etc. R. 1713 (sine loco) № 148.

² Содержаніе этого присланнаго мнѣ манускрипта уже отмѣчено вкратцѣ въ „Историческихъ сообщеніяхъ“ № 11, въ концѣ (отдѣл „Указаній“ etc.).

новкѣ всей этой трагической исторіи. Она бесѣдуетъ со всевѣдущимъ Богомъ—и ей незначѣмъ рассказывать о случившемся; она только ходатайствуетъ о зачисленіи новой жертвы «въ ряды святыхъ и чистыхъ, отдавшихъ жизнь за имя Божіе»... Но какъ же намъ, не всевѣдущимъ, узнать объ этомъ событіи хоть настолько, чтобы можно было зачислить его въ ряды историческихъ фактовъ? Попробуемъ обратиться къ католической Церкви, вѣроятной виновницѣ всей этой катастрофы. Можетъ быть она, воинствующая, торжествующая, расскажетъ намъ то, о чемъ умолчала плачущая, убитая горемъ еврейская Синагога...

Да, мы не ошиблись въ расчетѣ. Благочестивые католическіе священники дѣйствительно позаботились о томъ, чтобы подвигъ еврейскаго мученика не былъ преданъ забвенію.

Чацкій въ своемъ сочиненіи «O litewskich i polskich Prawach» (Wars. 1800) упоминаетъ въ одномъ примѣчаніи о *декретѣ Люблинскаго Трибунала отъ 1636 г., осудившемъ на смертную казнь еврея Марка за мнимое дѣтоубійство*. Къ этому онъ присовокупляетъ, что «кармелитскіе священники, печатая этотъ декретъ, не пожалѣли язвительныхъ словъ по адресу израильскаго племени»¹. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ о названіи книги, обнародованной кармелитами по поводу этого Люблинскаго процесса 1636 года. Она напечатана въ томъ же году въ Краковѣ подъ заглавіемъ: *Processus causae inter instigatorem judicii Tribunalis regni et perfidium Marcum judaeum agitatae* (Процессъ по дѣлу между инстигаторомъ Трибунальнаго суда королевства и вѣроломнымъ іудеемъ Маркомъ)². Очевидно, что этотъ еврей *Маркъ*, герой уголовного процесса, разбиравшагося въ Люблинскомъ Трибуналѣ въ 1636 г., есть тотъ самый мученикъ, погибшій въ Люблинѣ въ томъ же году, котораго синагогальная молитва именуетъ *Мордохаемъ*. Книжка, напечатанная отцами кармелитами, могла бы намъ, конечно, рассказать всѣ подробности этого печальнаго процесса; но она составляетъ въ настоящее время такую библиографическую рѣдкость, что намъ при всѣхъ стараніяхъ не удалось до сихъ поръ достать ее. Въ этомъ затру-

¹ Назв. соч., изданіе Туровскаго, Краковъ 1861, т. I, стр. 106—107.

² Сокращенное заглавіе этой книжки у *Эстрейхера Bibliografia Polska XVII w.* (т. 8, стр. 217, изд. 1882); срав. также библиографическія свидѣнія, приводимыя въ *Ges. d. Juden in Polen Штернберга*, 2-е изд. 1878 г., стр. 32—36.

длительномъ положеніи приходитъ къ намъ на помощь другой ревностный священникъ, позаботившійся сохранить для потомства извлеченіе изъ декрета люблинскаго трибунала по дѣлу 1636 г. Это—ксендзь *Стефанъ Жуховскій*, «докторъ обоихъ правъ, архиіакоунъ, официалъ и плебанъ Сендомірскій», усердно работавшій въ концѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка надъ пропагандою своей *idée fixe* объ употребленіи евреями христіанской крови и не разъ даже выступавшій на судѣ въ качествѣ обвинителя-истца (actor) по такимъ дѣламъ. Въ 1698 и 1710 г. онъ является однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ въ двухъ такихъ громкихъ процессахъ, возникшихъ въ Сендомірѣ. Не довольствуясь устной проповѣдью, онъ печатаетъ и обширныя книги, въ которыхъ старается во что бы то ни стало доказать виновность евреевъ въ религіозномъ дѣтубійствѣ. Одна изъ этихъ книгъ, изобилующая вообще грубѣйшей ложью и дикими суевѣріями, содержитъ въ себѣ однако и рядъ официальныхъ актовъ, а именно декреты разныхъ польскихъ судовъ по прежнимъ однороднымъ дѣламъ¹. Въ числѣ этихъ прецедентовъ занимаетъ важное мѣсто и Люблинскій процессъ 1636 года. Вотъ что рассказываетъ Жуховскій объ этомъ дѣлѣ, повидимому со словъ вышеупомянутаго судебного отчета кармелитовъ.

Весною 1636 года, вслѣдствіе исчезновенія христіанскаго ребенка *Матіашка* въ Люблинѣ, на евреевъ пало подозрѣніе въ томъ, что они его «замучили». Трибуналъ, разобравъ дѣло и не найдя никакихъ уликъ, заставилъ оговоренныхъ евреевъ подтвердить свою невинность подъ присягою и затѣмъ освобо-

¹ Вотъ длинный заголовокъ этой нынѣ очень рѣдкой книги: *Process Criminalny o niewinne dziecię Jerzego Krasnowskiego, ju 2 to trzecie roku 1710 dnia 18 Sierpnia w Sandomirzui o krutnie od żydow zamordowane. Dla odkrycia iawnych kriminalow żydowskich, dla przykadu sprawiedliwosci potomnym wiekom. Od x. Stefana Zuchowskiego, obojga prawa doktora, archidyakona, officiala y plebana Sandomierskiego, jako roku 1698 o drugie, tak roki tegoż 1710 o trzecie zabite w Sandomirzu sieroty aktora etc.* Напечатана, безъ обозначенія мѣста, въ 1713 г., in 4°. Ксендзь Жуховскій написалъ еще двѣ книги на подобныя темы: одну о Сендомірскомъ процессѣ 1698 года, а другую—о всѣхъ процессахъ по обвиненію евреевъ въ религіозномъ дѣтубійствѣ и другихъ преступленіяхъ, подъ заглавіемъ: *Odglos processow kriminalnych na żydach o różne excessy, także morderstwo dzieci etc.* 1700 г.; перепечатано въ 1720 г.

диль ихъ отъ суда. Но едва только успѣли покончить съ этимъ дѣломъ, какъ въ городѣ возникло другое, болѣе серьезное дѣло съ такой же подкладкою. Монахъ кармелитскаго ордена, послушникъ (*laik*) *Павелъ* сдѣлалъ признаніе, что еврей заманили его въ «каменицу» (каменный домъ или синагога) и произвели надъ нимъ странную операцію кровопусканія. Какой-то нѣмецъ «хирургъ» выцѣдилъ будто-бы изъ него, монаха, кровь, а еврей, по имени *Маркъ*, собралъ эту кровь въ два сосуда, нашептывая при этомъ какія-то таинственныя заклинанія. На этотъ разъ Трибуналъ велѣлъ уже предать оговореннаго еврея пыткѣ, а вскорѣ, декретомъ отъ начала августа 1636 г., еврей *Маркъ* былъ подвергнутъ страшной казни черезъ четверованіе ¹.

Таковъ остовъ этого дѣла. Выслушаемъ теперь нѣкоторыя подробности въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ихъ офиціальныи судебныи декретъ.

«Въ 1636 г., въ пятую седмицу передъ праздникомъ св. Лаврентія-мученика ², еврей заманили къ себѣ о. *послушника кармелитскаго*, и одинъ лютеранинъ (*Luter*), нанятый для этого, по имени *Смитъ*, разрѣзалъ ему бритвой самую складку тѣла близъ мужскаго органа (*prope virilitatem*). Хирургической желѣзной палочкой онъ (операторъ) поднялъ сходящіяся въ томъ мѣстѣ кровеносныя жилы и, захвативъ ихъ желѣзнымъ инструментомъ, вытянулъ ихъ изъ тѣла на разстояніе одной ладони, причиняя тѣмъ паціенту нестерпимое мученье. И въ такомъ положеніи онъ долго держалъ надрѣзанныя ланцетомъ жилы. Иудей же *Маркъ* принималъ вытекавшую широкой струей кровь въ два мѣдныхъ таза, причеиъ бормоталъ оскверненными устами какой-то чародѣйскій стихъ, ему одному понятный. О. послушника они (еврей и лютеранинъ?) обявали тутъ же присягой, чтобы онъ ихъ не выдалъ; но тотъ въ дорогѣ, будучи близокъ къ смерти, подробно изложилъ своему начальству все это злодѣйство. Когда ихъ (евреевъ) позвали въ судъ, они предъявили отводъ по неподсудности (*exсерсе Fore et actionis zakladali*). Два раза принимались допрашивать ихъ. Наконецъ обвиненныи

¹ *Process Kriminalny* etc. гл. XII; также № 140 (нумерація страницъ отъ сущствуетъ).

² День св. Лаврентія въ римско-католическомъ календарѣ приходится на 10-е августа н. с.

еврей *подъ пыткой* сознался. И когда самъ послушникъ подтвердилъ (это показаніе), еврей былъ четвертованъ»¹.

Къ этому краткому изложенію процесса Жуховскій отъ себя прибавляетъ: «Привожу означенный декретъ въ доказательство того, что именно еврей выточили невинную кровь изъ послушка. Еще и на то слѣдуетъ обратить вниманіе, что они это учинили только черезъ нѣсколько недѣль послѣ ложной присяги своей, данной въ Трибуналѣ, въ шестую седмицу послѣ торжественнаго праздника Пятидесятницы того же 1636 года»². Тогда шло дѣло объ убіеніи ребенка Матіашка, пяти лѣтъ, сына люблинской жительницы нѣкоей Агнешки Рѣзниковой (или: вдовы рѣзника), тѣло котораго, покрытое ранами на жилахъ и вискахъ, еврей бросилъ въ болото недалеко отъ своихъ домовъ. И хотя тѣло звѣрски убитаго младенца было принесено и представлено въ судъ, а общая молва гласила, что такое безбожное преступленіе могли совершить только іудеи,—тѣмъ не менѣе еврей нашелъ себѣ защиту противъ жалобъ несчастной матери... И вотъ судъ, предоставивъ всемогущему Богу отмстить за такое преступленіе—ибо въ сомнительныхъ случаяхъ челоувѣколюбіе склоняетъ къ снисхожденію,—дозволилъ евреямъ очиститься присягою. Они же успѣшили исправиться тѣмъ, что упомянутаго послушника замучили»³.—Относительно дѣла объ убійствѣ Матіашка, авторъ сообщаетъ въ другомъ мѣстѣ дополнительные свѣдѣнія, а именно: что Трибуналъ, убѣдившись изъ послѣдующаго дѣла кармелитовъ въ справедливости вводимаго на евреевъ обвиненія, *отменилъ* (rokassował) свой предыдущій декретъ по дѣлу Матіашка. Тѣло убитаго ребенка лежало въ костелѣ отцовъ Бернардиновъ въ Люблинѣ, и еще въ 1653 г. «многіе почтенные люди» видѣли тамъ эти нетлѣнные мощи,⁴.

Таковы показанія «другой стороны»—представителей обвиняющей и осуждающей Церкви. Нетрудно, конечно, разглядѣть подъ этими грубо намалеванными чертами «кровожаднаго» еврея, Марка, образъ невинно пострадавшаго праведника Мордохая, павшаго жертвою гнуснаго обвиненія. Гораздо труднѣе воспита-

¹ *Process etc.*, № 149.

² Въ текстѣ: 1536, что очевидно составляетъ опечатку.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*.

новить, на основаніи этихъ пристрастныхъ показаній слѣпыхъ изувѣровъ, весь фактический ходъ дѣла, свѣпленіе причинъ и слѣдствій, приведшихъ къ печальному концу. Возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: какая связь существовала между упомянутыми двумя процессами о младенцѣ Матіашкѣ и о послушникѣ Павлѣ? Почему въ первомъ послѣдовалъ оправдательный приговоръ, а во второмъ—обвинительный? Причемъ тутъ былиотцы кармелиты? Наконецъ, какъ это вдругъ является на сцену, въ качествѣ «еврейской жертвы», не ребенокъ, какъ это обыкновенно бывало, а взрослый человѣкъ и вдобавокъ—кармелитскій монахъ? Почему его не убиваютъ, а только выцѣживаютъ изъ него часть крови, а затѣмъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны, какъ будто для того, чтобы дать ему возможность рассказать о совершенной надъ нимъ операціи «своему начальству»? Причемъ тутъ былъ хирургъ—нѣмецъ Смитъ, и что означаетъ вся эта странная полу-медицинская, полу-каннибальская операція?—Всѣ эти вопросы по своему характеру скрываютъ, однако, уже въ себѣ и нѣкоторые отвѣты, которые при внимательномъ изслѣдованіи дѣла сами напрашиваются на языкъ. Завѣса, опущенная отцами кармелитами и бернардинцами надъ всей этой мрачной исторіей, оказывается съ большими прорѣхами—и сквозь нихъ можноразглядѣть лица и дѣла въ очертаніяхъ, болѣе приближающихся къ дѣйствительности. Надо только внимкнуть въ подробности дѣла, надо вооружиться психологическими очками, дающими возможность заглянуть въ скрытыя пружины поступковъ—и многое, если не все, станетъ для насъ яснымъ—и вотъ въ какомъ видѣ предстанетъ передъ нами тогда настоящее дѣло.

Весною (повидимому о Пасхѣ) 1636 г. въ Люблинѣ исчезаетъ христіанскій мальчикъ, сынъ мѣстной вдовы Рѣзниковой (мясничихи?)—и вскорѣ, по извѣстному церемонаіу, тѣло его съ «узаконенными» порѣзами и ранами находятъ въ болотѣ близъ еврейскихъ домовъ, куда оно, конечно, было подброшено. «Общая молва» гласитъ, что это дѣло рукъ «безбожныхъ евреевъ»—и мѣстное духовенство, въ особенности кармелиты усердно поддерживаютъ эти слухи въ народѣ. Не безъ ихъ участія, повидимому, дѣло переходитъ въ судъ. Подозрѣваемыхъ евреевъ допрашиваютъ, производятъ слѣдствіе, но послѣднее

не обнаруживаетъ ровно никакихъ уликъ, на которыхъ можно было-бы утвердить обвиненіе и которыя давали-бы право судьямъ прибѣгнуть къ *ultimae rationi* тогдашняго судопроизводства—къ пыткѣ. Трибуналь долженъ позволить подозрѣваемымъ «очиститься присягою»—и прекращаетъ дѣло. Этому исходу содѣйствуютъ въ судѣ или въ администраціи тѣ, которыхъ обвиняющая сторона злобно называетъ «жидовскими покровителями», («*fautori zydowskie*»—у Жуховскаго). Стало быть, были кромѣ «покровителей» и преслѣдователи, обличители—преимущественно изъ среды духовенства, кармелитовъ или тѣхъ бернардиновъ, которые не преминули воспользоваться трупомъ несчастнаго ребенка и превратить его въ доходную статью—въ «ветлѣнную мощи».

Эти преслѣдователи были, конечно, возмущены оправдательнымъ приговоромъ въ дѣлѣ, въ которомъ они такъ много потрудились и во время суда, и задолго до суда...¹ Они, можетъ быть, поняли свою оплошность: они не *подготовили* достаточнаго количества уликъ—и потому провалились, а ихъ враги, евреи и «еврейскіе покровители», восторжествовали. Какъ же быть? Улики нужны во что бы то ни стало; если ихъ нѣтъ, надо ихъ изобрѣсти. И почтенные отцы кармелиты изобрѣли.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ объявленія оправдательнаго приговора (послѣ Пятидесятницы), одинъ изъ кармелитской братіи, послушникъ Павелъ, очутился вдругъ въ роли пациента, въ распоряженіи нѣмца-хирурга, который дѣлаетъ ему кровопусканіе. Кровопусканіе, какъ терапевтическое средство, было въ то время въ большомъ ходу—и тутъ конечно не было ничего необыкновеннаго. Несомнѣнно только одно: что въ данномъ случаѣ кармелитскій монахъ нуждался въ кровопусканіи не вслѣдствіе одного только физическаго недомоганія, а еще (или даже исключительно) для чего то другого... Устроилось такъ, что операція производилась въ «каменицѣ», гдѣ были евреи. Къ этимъ неоспоримымъ фактамъ прибавились еще слѣдующіе... уже не факты, а голословныя показанія самого «пострадавшаго»

¹ Это возмущеніе прорывается еще, спустя 60 лѣтъ, въ разсказѣ ихъ единомышленника, тоже „специалиста“ по такимъ дѣламъ, ксендза Жуховскаго *rosses Kriminalny*, въ вышеприведенныхъ мѣстахъ).

монаха, будто тутъ же, возлѣ хирурга, причинявшаго нестерпимыя боли пациенту «вытягиваніемъ изъ него жилъ», стоялъ еврей Маркъ и усердно собиралъ въ тазики стекающую кровь, произнося при этомъ никому не понятныя «чародѣйскіе стихи». Затѣмъ— тутъ опять начинается Wahrheit, и самая страшная — отецъ послушникъ удаляется (съ вытянутыми жилами?) и, «будучи близокъ къ смерти» (которая однако не послѣдовала), рассказываетъ «своему духовному начальству» обо всемъ случившемся, т. е. не только обо *всемъ*, но и о многомъ такомъ, чего вовсе не было. Монахъ является то въ образѣ бѣдной жертвы, «заманенной» евреями, то въ видѣ кающагося грѣшника, запродавшаго душу дьяволу и «давшаго клятву» евреямъ—ничего никому не сказать... Эта мнимая «жертва», гнусное оружіе кармелитскаго замысла, жаждетъ только одного—дѣйствительныхъ уже, а не мнимыхъ жертвъ изъ среды евреевъ. И цѣль коварной монашеской братіи достигается. Трибуналъ съ ужасомъ внимаешь разказу «пострадавшаго» кармелита, съумѣвшаго превратить актъ простого фельдшерскаго кровопусканія въ потрясающую картину человѣческаго жертвоприношенія и кровопійства. Оговореннаго еврея, Марка, берутъ уже не просто къ допросу, а къ «пыткѣ» (на tortury), отъ него требуютъ признанія, подтвержденія словъ кармелита, и подкрѣпляютъ это требованіе пыточными операціями пострадавшаго тѣхъ, которыя выдумалъ изобрѣтательный монахъ. Не выдержало хилое еврейское тѣло, захотѣлось скорѣйшей смерти, успокоенія «въ рядахъ святыхъ и чистыхъ», погибшихъ за вѣру. И несчастный, замученный до потери сознанія Маркъ, или Мордохай, признается въ небывальщинѣ; онъ исполняетъ желаніе суда и объявляетъ себя преступникомъ. Слѣдуетъ лютая казнь черезъ четвертованіе. Кармелиты ликуютъ; Церковь славословитъ «отомстившаго Бога», а Синагога судорожно рыдаетъ и вопіетъ о мщеніи за невинно пролитую кровь.

Еслибы Синагога умѣла не только плакать и молиться, но и толково рассказывать, она безъ сомнѣнія рассказала бы намъ всю эту потрясающую исторію въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее сейчасъ изложили. Теперь же намъ пришлось, чтобы добиться истины о ходѣ дѣла, идти окольными путями и прибѣгнуть къ показаніямъ Церкви. Въ этихъ завѣдомо пристрастныхъ

показаніяхъ намъ пришлось вычитать между строками нѣчто прямо противорѣчащее тому, что написано въ строкахъ. Въ такого рода «кровавыхъ процессахъ» ложь повторяется въ такихъ обычныхъ, можно сказать—классическихъ формахъ, что исследователь безъ особеннаго труда можетъ разоблачить настоящую ея подкладку¹.

Мы должны еще присовокупить, что, кромѣ вышеприведенной заупокойной молитвы, имя люблинскаго мученика упоминается еще разъ въ Пинчовской синагогальной хартіи, а именно въ общей молитвѣ «о святыхъ, пожертвовавшихъ жизнью за святость Имени Всемогущаго и *погибшихъ по ложнымъ обвиненіямъ*» (פֿֿרשׁ לַחַיִּימוֹת וְנַחֲמָם). Въ этой молитвѣ, среди длиннаго перечня именъ мучениковъ-евреевъ въ Польшѣ, мы находимъ и имя *Мардохая бенъ Меира*, alias «жида Марка». Причисленіе послѣдняго къ «погибшимъ по ложнымъ обвиненіямъ» весьма существенно восполняетъ то, чего недостаетъ въ посвященной памяти Мордохая специальной молитвѣ, гдѣ причина его смерти прямо не указана².

Переходимъ теперь къ краковскому процессу.

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Нѣкоторыя дополненія см. ниже, въ postscriptum'ѣ въ концѣ статьи.

² У *Перлса*, въ „Geschichte der Juden in Posen“ (Frank. Monatschrift 1864, p. 409) приводятся изъ памятной книги Познанской синагоги имена двухъ мучениковъ, погибшихъ также въ Люблинѣ въ 1636 г.: *Веніаминъ-Бендентъ-бонъ-Песахъ* и *Нахманъ-бенъ-Яковъ*. Кто такіе эти новые мученики и какую связь имѣютъ они съ процессомъ Мордохая, происходившимъ въ томъ же году и въ томъ же городѣ? Не были ли они прикосновенны къ дѣлу объ убіеніи младенца Матіашка? Впрочемъ, о второмъ изъ этихъ мучениковъ, *Нахманъ-бенъ-Яковъ*, мы находимъ нѣкоторыя свидѣнія и въ нашемъ Пинчовскомъ манускриптѣ. Здѣсь имѣется особая молитва за упокой души „святого р. Нахмана бенъ Якова, который во имя Божіе предалъ свою душу и свое тѣло, вынесъ горькія и жестокія муки, былъ растянута на столбѣ, гдѣ ему переломали всѣ члены и кости“. Кромѣ того имя р. Нахмана упоминается еще въ общей молитвѣ за „погибшихъ по ложнымъ обвиненіямъ“. См. Postscriptum въ концѣ настоящей статьи (въ слѣдующ. книгѣ „Восхода“).

В Е Т - А Л М И Н .

(Эпитафия).

---

*... Земли невольный житель—
Я посещать люблю порой
Отживших мирную обитель.
Вспоминаний смутный рой
Среди могильных камней рветъ
И въ душу сумрачную вьетъ
Глубокой, светлой тишиной.
Безплотнымъ сонмомъ предо мной
Встаютъ, какъ сны въ тиши полночной,
Ряды когда-то милыхъ лицъ—
Изъ книги жизни, въ день урочный,
Могилой вырванныхъ страницъ...*

I.

«Б а б у ш к а».

Подъ печальной старой ивой
Мхомъ поросшая плита.
Трудъ руки неприхотливой—
Надпись грустная проста,

Какъ вся жизнь старушки милой,
 Чьимъ останкамъ данъ покой
 Этой бѣдною могилой,
 Этой сѣрою плитой...

... Съ теплымъ словомъ, съ горстью «мѣдныхъ»,
 За троихъ трудясь одна,
 Замужь пять сиротокъ бѣдныхъ

Выдала она;

Отъ грошоваго избытка
 Два большихъ, нарядныхъ свитка
 Въ домъ Господень принесла;
 „Arba-Kanfoss'ы“ кроила,
 Супъ родильницамъ варила,
 Халу имъ пекла;

Повивала, пеленала,—

И мѣстечко все

Съ уваженьемъ называло

„Бабушкой“ ее...

Вотъ и все... О, для старушки
 Изъ убогой той избушки,
 Гдѣ вела изъ года въ годъ
 Жизнь труда, любви, смиренья,
 Въ эти мрачныя селенья
 Былъ не страшень переходъ...

И пѣвцы ее не славятъ;

Чужды лавры ей:

Слава лишь герою ставитъ.

Пышный мавзолей...

Подъ плитою-же печальной
Дорога мечта лишь ей,
Чтобъ въ молитвѣ поминальной
Разъ въ году потомокъ дальній
Вспоминаль о ней...

С. Г. Фругъ.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Заманчиво звенять бокалы и стаканы,
Вездѣ веселіе, всѣ пьютъ за Новый годъ...
Печалень и угрюмъ лишь ты, родной народъ,—
Веселье бередить твои больныя раны.
Несчастный пасынокъ безжалостной судьбы,
Ты созданъ для того, чтобъ слушать укоризны,
Чтобъ не найти нигдѣ ни крова, ни отчизны,
Чтобы изнемогать подъ бременемъ борьбы.
Въ то время, какъ другимъ желанная надежды,
Лазурныя мечты приносить Новый годъ,
Ты только, ты одинъ заплаканныя вѣжды
Смыкаешь передъ нимъ, боясь глядѣть впередъ.
И можетъ быть ты правъ! Что ждетъ тебя въ грядущемъ?—
Опять страданія, опять потоки слезъ,
Ночь безразсвѣтная со сумракомъ гнетущимъ,
Слѣпая ненависть и тысячи угрозъ...
О, безысходное израильское горе,
Пойметъ ли кто его, бездонное какъ море,
Когда Небесный Царь въ часъ гнѣва своего,
Чтобы месть Свою явить, Самъ породилъ его?
Но если только Онъ былъ властепъ надъ тобою,

Но если только Онъ могъ быть твоимъ судьбою,—
Утѣшься, мой народъ,—слезамъ придетъ конецъ,—
Съ тебя Онъ сниметъ Самъ страдальческій вѣнецъ.
Я свято вѣрую, что близокъ мигъ чудесный.
Утѣшься, мой народъ,—не вѣченъ гнѣвъ небесный,—
Вѣдь испытанья дни давно уже прошли!..
Взгляни внимательно на зорю золотую,
Что такъ заманчиво алѣетъ тамъ вдали,—
Ты знаешь ли ее, красавицу младую?
Вгляни на ликъ ея,—какъ много жизни въ немъ!
Неправдаль—онъ горитъ божественнымъ огнемъ?
Вотъ это чудное небесное знаменье
Борцы твои зовутъ—зарю возрожденья.

Х. Зингеръ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВОЛОЖИНСКАГО ЕШИБОТА.

(ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ).

I.

Старый извозчикъ Берка стоялъ на дебаркадерѣ небольшой желѣзнодорожной станціи, закинувъ назадъ руки и жадно устремивъ свои маленькіе влажные глаза туда, гдѣ на поворотѣ линіи изъ-за густого куста орѣшника, за которымъ рѣзко обрисовывался красный сигнальный дискъ, показался первый дымокъ приближающагося поѣзда. Его короткій на ватѣ кафтанъ, перехваченный какимъ-то потемнѣвшимъ кушакомъ, потертый и испачканный дегтемъ, носилъ, однако-же, на себѣ явные слѣды хозяйской заботливой руки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности на локтяхъ и около кармановъ, былъ неоднократно покрываемъ многими разноцвѣтными заплатами. Отвислый правый карманъ его непомерно широкихъ брюкъ предательски обнаруживалъ край четырехграннаго полустюфа съ на-бокъ наклонившимся, заткнутымъ старой газетной бумагой, горлышкомъ, а измятая засаленная фуражка нетерпѣливо ушла на самый затылокъ въ ожиданіи, что вотъ-вотъ покажется какой нибудь знакомый баринъ — и ей придется, по привычѣ, моментально соскочить. Берка обладалъ замѣчательной способностью сразу, по одному только взгляду, опредѣлять своихъ будущихъ пассажировъ, которыхъ называлъ не иначе, какъ, «персонами», и какъ только мы вышли изъ вагона, онъ направился прямо къ намъ, какъ будто онъ зналъ насъ уже давно. Это былъ, повидимому, старый, опытный и при томъ видавшій виды «балагула». Ничто, казалось, его не смущало: ни темная, осенняя

ночь, ни дальность разстоянія, ни адская, пересѣкаемая непроходимыми болотами, дорога, ни даже ярко сверкавшая на чиновничьей съ синимъ околышемъ фуражкѣ моего случайнаго попутчика коварда. Послѣднее обстоятельство только заставило его слегка прищурить свои маленькіе глазки и какъ-то страннымъ образомъ улынуться: «дескать, видали мы и не этакихъ»...

— Да—высказалъ онъ уже громко—на прошлой недѣлѣ я два раза «мирового» отвозилъ на станцію и еще сегодня двухъ «паненокъ» изъ мѣстечка къ поѣзду доставилъ!

И, доказавъ намъ, такимъ образомъ, свои несомнѣнныя вощичьи дарованія, онъ торжественно указалъ намъ на свой стоявшій невдалекѣ экипажъ.

Высокій, длинный и узкій фургонъ, въ который мы усьлись, на половину закрытый посинѣвшимъ отъ осенней сырости полотномъ, запряженный парю исхудавшихъ съ подведенными животами и понурими головами лошадей, рѣзко выдѣлялся изъ среды прочихъ собравшихся около третьестепенной маленькой желѣзнодорожной станціи экипажей.

Во всемъ: и въ тряской тѣсной будѣ, и въ длинномъ кнутѣ Берки, и въ особенности, въ этой убогой замученной парѣ—отражалось что-то свое, особенное, еврейское. Видно было, что она не любила ухарствовать, гремѣть и мчаться, забрасывая пылью и грязью всякаго прохожаго, знакомаго или незнакомаго, а наоборотъ: чинно и мѣрно, вполне сознавая свое положеніе, покорно плелась себѣ по «особой» проселочной дорогѣ, никого не затрагивая и то и дѣло опасаясь, какъ бы не налетѣла на стоящую «русская тройка» и не заставила бы ее «считать версты»... Да и откуда намъ, въ самомъ дѣлѣ, знать настоящую русскую тройку, ту тройку, которая съ неумѣренной страстью мчится по всей «ровнымъ гладнемъ разметнувшейся на полсвѣта матушкѣ-Россіи?» Богъ съ ней: еще сядешь на нее—да того и гляди, съ разбѣгу однимъ колесомъ (оборони Господи!) за «черту» попадешь! Ударишь назадъ,—а тутъ тебѣ «пятидесятиверстная черта» зарыбѣла въ очи: «ворота, молю, назадъ—держи около!»... Есть-ли тутъ просторъ, есть-ли тутъ ширь да гладь, гдѣ бы можно было развернуться настоящей-то русской тройкѣ во всю свою богатырскую мощь, такъ, чтобы ни дикій звѣрь, ни лютый человѣкъ не угнался-бъ за нею!...

Сырая, темная ночь уже давно спустилась надъ землею, на небесахъ не видно было ни одной звѣздочки; холодный, сырой вѣтеръ пронималъ насквозь. Я сидѣлъ, согнувшись, въ темномъ углу фургона. Жесткія, выгншія, вѣроятно, отъ холоду и голоду, ребра кузова не давали мнѣ покою. Мой унылый попутчикъ ничѣмъ не могъ меня развлечь. На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ однимъ только упорнымъ молчаніемъ и все время забитился только о томъ, какъ бы не помять въ тѣсной будѣ свою новую фуражку. Между тѣмъ, холодъ и сырость становились все сильнѣе и сильнѣе. Съ обѣихъ сторонъ дороги на безпредѣльномъ ровномъ пространствѣ начали обрисовываться какія-то моря, темныя глыбы земли, какъ это бываетъ тогда, когда по безконечному ровному полю въ первый разъ пройдетъ соха, а вслѣдъ за тѣмъ ливень размоетъ свѣжія, только-что вспаханныя глыбы и превратитъ ихъ въ одну грязную массу. Это были безконечныя кочковатыя болота—«гребли».

Гдѣ-то довольно далеко впереди туманъ казался бѣлѣе и длинной полосой пересѣкалъ дорогу, уходя направо и налево до конца горизонта. Лошади остановились, и я замѣтилъ, что мы находимся на берегу небольшой рѣки. Густой, голубовато-грязный туманъ поднимался вверхъ плотной массой. За нимъ, на противоположномъ берегу ничего нельзя было различить. Черной стѣной подымался вверхъ откосъ довольно крутого берега и извилистой, волнистой линіей граничился съ грязновато-свинцовымъ небомъ. На противоположной сторонѣ у самаго спуска къ рѣкѣ чернѣла какая-то избушка, въ которой, вѣроятно, крѣпкимъ сномъ спалъ перевозчикъ. Я невольно пожалѣлъ его: въ такой глухой часъ осенней темной ночи онъ долженъ былъ прервать свой пріятный сонъ и перетаскать насъ на другой берегъ. Между тѣмъ Берка, какъ-бы нехотя, слѣвъ съ козелъ и, собравшись съ духомъ, крикнулъ во все горло:

— Подай паро-о-о-мъ!

— «О-о-омъ!» — только послышался глухой протяжный отвѣтъ—и снова все смолкло въ этотъ мертвый часъ мертвой ночи; снова лошади фыркнули, заднее колесо скрипнуло, рыбка плеснулась гдѣ-то въ серединѣ рѣки да слабая волна тихо ударила въ столбы подмостковъ, ведущихъ къ парому.

— Давай паро-о-омъ!—еще громче и протяжнѣе крикнулъ

Берка и началъ нетерпѣливо разглядывать противоположный берегъ; но въ отвѣтъ только послышался глухой заунывный отголосокъ.

— Давай паро-о-омъ!—отчаянно кричалъ онъ уже въ десятый разъ, но въ отвѣтъ получилъ то же самое.

— Ничего, видно, не выйдетъ—обратился къ намъ Берка, взбираясь на козлы,—тамъ спитъ глухой старикъ; мы тутъ, вѣроятно, до утра простоямъ! И онъ усѣлся такъ, что, видимо, отказался отъ всякой попытки переправить насъ на другой берегъ. Онъ уже съ успокоеннымъ сердцемъ готовъ былъ сладко заснуть, оставляя насъ на произволъ судьбы, когда я началъ его убѣждать въ невозможности нашего положенія на пустынномъ берегу среди глухой ночи. Но всѣ мои доводы не привели ни къ какимъ результатамъ и нисколько не нарушили невозмутимаго спокойствія Берки, который уже не дремалъ, а храпѣлъ. Перспектива оставаться здѣсь до утра навела на всѣхъ сильное уныніе. Но вскорѣ, къ счастью, вниманіе наше было привлечено какими-то послышавшимися за рѣкою голосами. Я нѣсколько оживился и началъ внимательно разглядывать темноту. Какіе-то странные силуэты задвигались на противоположномъ берегу. Послышался скрипъ и слабый плескъ воды. Черная четырехугольная масса отдѣлилась отъ того берега и медленно приближалась къ намъ. Вскорѣ я увидѣлъ двухъ рослыхъ крестьянъ; они дружно направили на перекинутую черезъ рѣку веревку и съ усиленіемъ подталкивали небольшой паромъ по направленію къ намъ. Я сталъ мысленно благодарить передъ этими вѣчными труженниками, для которыхъ нѣтъ ничего непосильнаго, ничего неисполнимаго. Въ такую глухую полночь, когда, кажется, ни одно живое существо не могло находиться подъ открытымъ свинцовымъ небомъ, когда холодная сырость по рукамъ и ногамъ сковывала путника,—эти два мужичка въ полутора верстахъ отъ берега стерегли или, можетъ быть, выгоняли куда то скотъ. Услышавъ нашъ призывъ, они поспѣшили къ рѣкѣ, лаконически кого-то обругали и беззвучно причалили къ нашему берегу. Переправа совершилась легко и быстро, мужички были щедро вознаграждены, — и мы поѣхали дальше. Дорога пошла лучше, лошади тронули веселѣе, и колымага начала подсакивать все чаще и энергичнѣе. Спать при такихъ условіяхъ уже не было никакой возможности, и только снотвор-

ные рассказы моего собесѣдника и его отрывочныя воспоминанія о столицѣ, въ которой онъ когда-то провелъ три съ половиною недѣли, рѣшительно превозмогли всё неудобства, и я сладко задремалъ. Проснувшись, я уже увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ дороги густой лѣсъ; утро слабо брезжилось; что-то необъятное свѣтлосѣрое выплывало изъ за лѣса и незамѣтно разливалось и разсѣивалось въ безконечномъ пространствѣ. Это было утро безъ зари. Густой, непроницаемый мракъ покрывалъ еще все впереди, — и среди этой безконечной темноты одинъ только блѣдный огонекъ ласково мигалъ намъ издали, какъ-бы маня и приглашая усталую душу къ свѣту, теплу и покою...

II.

Верка объявилъ намъ, что до мѣстечка осталось доѣхать не болѣе двухъ верстъ. При этомъ онъ намъ пояснилъ, что огонекъ, который мы замѣтили издали, свѣтится въ ешиботѣ, въ которомъ двери никогда ни на минуту не закрывались, никогда не иссякалъ источникъ свѣта и не замолвалъ голосъ святого ученія. Довольно частый трубный дымъ и множество крышъ показались въ высокой, «нагорной» части мѣстечка. Красная желѣзная крыша ешибота привѣтливо выглянула изъ за старшихъ, почернѣвшихъ и частью развалившихся домиковъ, которыми былъ усыпанъ весь подъемъ на гору. Вслѣдъ за тѣмъ показалось и самое зданіе ешибота, высокое, стройное и красивое, еще издали сверкавшее блюю, вѣроятно, свѣжею краскою. Мы подъѣзжали къ мѣстечку «снизу». Маленькій ручеекъ, какъ змѣйка, извивался и разъ восемь пересѣкалъ намъ дорогу. Каждый разъ, когда намъ приходилось переѣзжать черезъ ручей, когда колеса фургона до половины погружались въ воду и брыжи фантаномъ поднимались вверхъ, — мой попутчикъ, очевидно, ни на минуту не разстававшійся со своими петербургскими воспоминаніями, громко называлъ какой нибудь изъ извѣстныхъ ему мостовъ.

— Литейный! — крикнулъ онъ, когда лошади передними ногами впервые вступили въ пересѣкавшій намъ путь ручей-лужу. — Николаевскій! — крикнулъ онъ, когда мы черезъ нѣсколько времени снова вѣхали въ ручей. — Египетскій! — прокричалъ онъ все тѣмъ же тономъ, когда мы въ третій разъ переѣзжали черезъ

тотъ же ручей шаговъ на сто отъ «Николаевскаго моста», гдѣ по обѣимъ сторонамъ стояло нѣсколько тощихъ веровъ. Всѣхъ «мостовъ» было насчитано около девяти. За послѣднимъ мостомъ начиналась уже не вода, а суша, т. е. и не суша, а нѣчто среднее между сушей и водою: какая то гнилая грязь, которой было покрытъ весь почти подъемъ на гору—глинистую, изрытую дождями и весенними разливами. По сторонамъ подымались какіе-то обрывы желто-красною каменистою стѣною. По этимъ-то обрывамъ съ обѣихъ сторонъ улицы дѣлились маленькіе полуразвалившіеся домики. Передъ каждымъ почти изъ этихъ домиковъ красовалось нѣчто въ родѣ веранды самой разнообразной и затѣливой архитектуры: это были «кущи», которыя, какъ извѣстно, строятся каждымъ обитателемъ по своему собственному вкусу, при чемъ строительнымъ матеріаломъ служить рѣшительно все, что только попадетъ подъ руку. Колонны изъ суковатыхъ бурныхъ колебъ, которыми украшались эти «кущи», вѣроятно, были временно позаимствованы изъ упраздненныхъ, по случаю поздняго осенняго времени, изгородей, почему и длина этихъ «колоннъ», и ихъ внѣшній видъ остались совершенно неприкосновенными. Стѣны въ большинствѣ случаевъ состояли изъ обломковъ дверей и ставень, изъ перегорѣвшихъ печныхъ заслонокъ, дырчатыхъ корытъ, отставныхъ курныхъ насѣстовъ и т. под. Все это служило преобладающимъ матеріаломъ въ этихъ чудныхъ, по своей архитектурѣ, зданіяхъ. Покрытія сверху свѣжей соломою, а изрѣдка и зеленымъ ельникомъ,—они представляли издали поистинѣ величественное зрѣлище. Какой-то козелъ, вѣроятно, истинный богатырь, пытался взять одно изъ этихъ зданій приступомъ. Поднявшись на заднія ноги, онъ, подобно древнему Самсону—разрушителю капища Дагона, передними ногами уперся въ суковатія колонны зданія и все норовилъ, какъ-бы завладѣть самой крышей. Но подоспѣвшей во время защитѣ въ лицѣ вооруженной кочергой хозяйки, удалось смять непріятеля и опрокинуть его. Со стыдомъ отступившій козелъ, въ довершенію своего пораженія, еще имѣлъ неосторожность подвернуться подъ внѣз Берки, который тутъ же вытянулъ его раза два по всей спицѣ. Около одного изъ низенькихъ полуразвалившихся домиковъ Берка остановилъ свою пару. Изъ домика вышла какая то старуха, вѣроятно, жена извозчика. Она сухо обмѣнялась съ мужемъ двумя-

тремя словами, получила отъ него какой то пустой мѣшокъ и ушла обратно въ домъ. Мы выѣхали на площадь. На обширномъ пространствѣ огромной четырехугольной базарной площади не видно было почти ни одного живого существа. Только въ самой серединѣ ея спиной къ намъ стоялъ какой то человекъ. Вытянувшись во весь ростъ и откинувъ назадъ голову, онъ приподнялъ оба локтя, обѣими ладонями заткнулъ себѣ уши, какъ бы боясь своего собственнаго голоса, и громко на все мѣстечко врещалъ:

— И-и-нѣ шуль ар-р-р...

— Здравія желаю!—вдругъ оборвалъ онъ, по военному обернувшись къ намъ и адресуя главнымъ образомъ свое привѣтствіе моему попутчику въ кокардѣ. Это былъ мѣстечковный оберъ-шамесь Гирша, изъ кантонистовъ. Сорокъ лѣтъ николаевской службы оставили на немъ, повидимому, глубокой слѣдъ, и онъ даже теперь, на старости лѣтъ, еще вполне сохранилъ свою обычную выправку и молодцоватость. Густая, слегка сѣдѣющая борода виѣсть съ косматыми пейсами окаймляли его постарѣвшее, но еще сохранившее нѣкоторую свѣжесть лицо. Изъ-подъ нависшихъ бровей сверкали бойкіе, живые глаза. Торопливымъ бодрымъ шагомъ онъ пошелъ дальше. На перекресткѣ онъ остановился и все въ той же позѣ и въ томъ же тонѣ снова крикнулъ:

— И-и-нѣ шуль ар-р-райнѣ!

И въ отвѣтъ на его призывъ изъ разныхъ сторонъ потянулись обыватели со своими обывательски-озабоченными лицами: многіе изъ нихъ бережно несли въ рукахъ свои покачивающіеся зеленовато-желтые «луковимъ». Показались и дѣти съ пучками вербъ въ рукахъ (день былъ праздничный—«гошайно рабо»), и всѣ они направлялись въ главную, стоящую рядомъ съ ешиботомъ, синагогу.

Я расстался со своимъ попутникомъ и заѣхалъ въ «гостиницу». Утомленный и разбитый отъ дороги и бессонной ночи я еле пребрался въ отведенную для меня довольно просторную съ весьма низенькимъ потолокомъ комнату, которая обоими своими окнами выходила на главную улицу, и бросился на первую ставшую возлѣ стѣны кушетку, чтобы немножко отдохнуть и успокоиться; но прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ я могъ придти въ себя. Раздался слабый стукъ въ дверь; я встрепенулся; было

уже около полудня. На столѣ стоялъ совершенно остывшій самоваръ, а возлѣ него на подносѣ низенькій чайникъ, весь испещренный тоненькими, черными жилами, съ привѣшвенной сбоку на тоненькомъ шнурочкѣ крышкою; стаканъ съ обгрызанной и пожелтѣвшей по краямъ ложечкой и блюдечко съ синими цвѣточками въ серединѣ и красными разводами по бокамъ. Въ комнату вошли двое молодыхъ людей. Сухія, вытянутыя лица, серьезный, почти строгій взглядъ и сдержанная снисходительная улыбка, съ которою они, люди, уже вкусившіе отъ «древа жизни» (эмблема ешибота), обращались ко мнѣ—обмысловенному простому смертному, — ясно доказывали, что это воспитанники ешибота. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ небольшую жестяную кружку съ пробуравленной въ крышкѣ ея продолговатою щелью; другой держалъ подъ мышкой какую то книгу.

— Миръ вамъ! — съ поклономъ обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ потряхивая кружкой. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ ударились въ крышку и, тяжело звякнувъ, опустились на дно.

— И вамъ миръ!

— Извините, что мы васъ такъ рано беспокоимъ; что-жъ дѣлать: «если не мы сами за себя, то кто же за насъ и, если не теперь, — то когда-же?»—прибавилъ онъ, присѣвъ на ближайшій стулъ. Сегодня единственный день въ году, когда мы собираемъ пожертвованія въ пользу нашего «общества поддержки Торы» — Хевры шасъ, и вотъ мы забрели къ вамъ, не соблаговолили и вы, какъ пріѣзжій, дать намъ свою посильную лепту.

Я удовлетворилъ ихъ какъ могъ; они поклонились.

— О, если-бы вы знали, какое вы доброе дѣло сдѣлали, — продолжалъ все тотъ-же, между тѣмъ какъ товарищъ его отыскивалъ въ книгѣ чистый листъ, вѣроятно, для внесенія туда моего имени, — если-бы вы знали, какъ и чѣмъ тутъ живутъ многіе изъ нашихъ товарищей-ешиботниковъ! Тотъ, кто получаетъ изъ ешибота еженедѣльно 75 коп. «вохеру», уже почитаетъ себя счастливымъ, а можно-ли жить на 75 коп. въ недѣлю? Притомъ-же, вѣдь, многіе даже и этого не получаютъ! Между тѣмъ, это все люди, собравшіеся сюда единственно съ цѣлю посвятить себя изученію Торы. Можно-ли допустить, чтобы эти люди терпѣли лишенія и голодъ! И вотъ у насъ уже давно, лѣтъ десять

тому назадъ, организовалось особое общество, которое оказываетъ пособіе наиболѣе нуждающимся ешиботникамъ.

— И это у васъ, вѣроятно, не единственное учрежденіе съ такими благотворительными цѣлями? — полюбопытствовалъ я.

— У насъ еще существуетъ недавно организованная касса «безпроцентной ссуды — гамахъ». Касса эта оказываетъ нашимъ соотечественникамъ огромныя услуги, ссужая каждого подъ какой нибудь залогъ необходимой суммой безъ всякихъ процентовъ. Въ распоряженіи кассы уже имѣются теперь суммы въ нѣсколько сотъ рублей, изъ которыхъ больше половины постоянно находится на рукахъ у ссужаемыхъ. Единственное, что у насъ еще не устроено и нуждается въ правильной организаціи — это «бюжуръ-хойлимъ» — дѣчбинца для заболѣвающихъ ешиботниковъ.

— А развѣ заболѣвающіе остаются совершенно безпомощными?

— Этого, собственно, нельзя сказать, потому что ешиботникамъ въ случаяхъ заболѣванія отпускаются иногда лѣкарства изъ ешибота, но настоящаго-то дѣла въ сущности нѣтъ: ни доктора, ни больничнаго помѣщенія, ни аптечки, и заболѣвающій по большей части все-таки предоставляется на произволъ судьбы.

— Чѣмъ-же это можно объяснить?

— А объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что всякая инициатива, зарождающаяся въ средѣ нашихъ сотоварищей, не встрѣчаетъ никакого сочувствія и одобренія со стороны руководящихъ нами лицъ, усматривающихъ въ подобныхъ дѣлахъ послабленіе въ изученіи Торы, которая одна только должна, по ихъ мнѣнію, всецѣло занимать и наполнять наши досуги. Кромѣ того, со времени основанія ешибота въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ въ средѣ воспитанниковъ еще не было — слава Богу! — ни одного смертнаго случая. Наконецъ, многое въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, зависитъ отъ нашей всемогущей «ребецинъ»...

Онъ всталъ. — Намъ пора! — сказалъ онъ и направился къ выходу.

— Откуда вы? — обратился ко мнѣ тотъ, который держалъ въ рукахъ книгу.

— Изъ N—ска.

Онъ записалъ мое имя; оба откланялись и вышли.

III.

На слѣдующій день, часовъ около 8 утра, ко мнѣ въ комнату зашелъ хозяинъ квартиры, пожилой еврей высокаго роста, довольно внушительной наружности, съ сѣватою тщательно расчесанной бородой, коротко подстриженными приглаженными пейсами и сѣрыми, хитрыми глазами. Длинный черный сюртукъ, неменѣе длинное темное пальто въ накидку и новая шляпа придавали ему торжественно-праздничный видъ. Подъ мышкой онъ держалъ сложенный въ маленькомъ бѣломъ чехлѣ молитвенный плащъ — «сталисъ».

— Вы не слышали,—обратился онъ ко мнѣ съ улыбкою,—какая тутъ ночью была свалка?

— Нѣтъ, я ничего не слышалъ.

— Помилуйте, да вѣдь все мѣстечко кипитъ какъ котелъ!

— Что-же случилось?—нетерпѣливо спросилъ я.

— На улицѣ была ужасная драка: ешиботники дрались съ мясниками.

— За что?

— За «коробку».

— За какую коробку?

— Какъ, вы развѣ еще не знаете, что тутъ у насъ установлена особая сверхштатная коробка на мясо? Мы всѣ безъ исключенія платимъ, а ешиботники вдругъ сговорились и «сдѣлали одну руку», чтобы не платить больше за мясо столько, сколько мы всѣ. Что они говорятъ? Они говорятъ, что они не здѣшніе,—такъ имъ, будто, нечего подчиняться здѣшнимъ порядкамъ. А откуда же намъ брать на устройство «миквы», на починку бани, отдѣлку синагоги и проч.?

— Но позвольте, ребъ Мендель,—попробовалъ было я вступиться за ешиботниковъ:— у нихъ вѣдь тоже имѣются свои нужды, которыя требуютъ удовлетворенія, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ ваши. Вмѣсто того, чтобы отдавать вамъ свои послѣднія крохи на ваши миквы и т. под., они бы лучше употребили эти суммы на «биккуръ-хойлимъ»—лѣчебницу для своихъ-же заболѣвающихъ товарищей, которые, какъ мнѣ вчера рассказывали, остаются почти совершенно безпомощными и не имѣютъ гдѣ и чѣмъ лѣчиться.

— А развѣ они пріѣхали сюда лѣчиться? Они, вѣдь, пріѣхали сюда учиться! Да и притомъ уже извѣстно, что кто только изъ нихъ занимается общественными дѣлами, тотъ учиться не хочетъ. Вчера они во время свалки ребецинъ въ окна камни бросали, а одинъ изъ нихъ — Поплаверъ — даже въ глаза ее «хуфой» называлъ!

— Ребецинъ—«хуфой»!...

— Да, да—ребецинъ!.. Да что и говорить! Развѣ можетъ выйти чтонибудь путное изъ того, что эти молокососы бунтовать вздумали? Пусть они себѣ не кладутъ птичекъ за пазуху: они ничего не добьются! А выйдеть только то, что ихъ теперь здорово приберутъ къ рукамъ: вѣдь вонъ же теперь ни одинъ ешиботникъ не смѣетъ уже селиться на «низу» подѣ страхомъ самаго строгаго отлученія—«херима»; а раньше, бывало, тамъ въ каждой камерѣ по 5—6 человѣкъ: тамъ имъ было вольготнѣе—подальше отъ глазъ! Теперь они должны всѣ жить обязательно тутъ гдѣнибудь поблизости къ ешиботу, чтобы за ними можно было лучше присматривать!... Впрочемъ, что же это я заговорился,—прибавилъ онъ вдругъ, подходя къ окну,—всѣ уже молеться идутъ!

И онъ засуетился и заторопился, очевидно, рассчитавъ время такъ, чтобы попасть въ синагогу не слишкомъ рано для солиднаго, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго и даже мѣтющаго въ синагогальные старосты—«габоимъ» хозяина «балабоса»—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слишкомъ поздно для благонамѣреннаго честнаго еврея. На улицѣ къ нему присоединилось еще нѣсколько евреевъ, также, какъ и онъ, одѣтыхъ по праздничному и также направлявшихся въ синагогу. Они усердно размахивали руками, указывая то по направленію къ ешиботу, то на какой-то глухой переулокъ, гдѣ, очевидно, происходило ночью взволновавшее всѣхъ событіе, и что-то горячо рассказывали другъ другу. Раза два донеслось до моего слуха громко провознесенное имя: «Поплаверъ, Поплаверъ!»—и я понималъ, что они говорятъ о главной злобѣ дня.

Мендель возвращался изъ синагоги сильно не въ духѣ. Низко опустивъ голову, онъ еле примѣчалъ адресуемыя ему со всѣхъ сторонъ привѣтствія и даже рѣдко удостоивалъ ихъ отвѣта. Онъ шелъ рядомъ со мною, но не отвѣчалъ на мои вопросы и, очевидно, думалъ о другомъ. Онъ былъ огорченъ. Совершенно простой на видъ случай его такъ сильно расстроилъ. Дѣло въ

тѣмъ, что сегодня совершалъ въ синагогѣ молитву о дождѣ—
«гешемъ» не онъ, а кто то другой! Ужъ онъ, очевидно, пересталъ
быть единственнымъ въ своемъ родѣ канторомъ-любителемъ, ко-
торый, кромѣ ежегодной «службы»—Авойдо—и «важнѣтельной»—
Неилы,—могъ отъ времени до времени угощать публику какой ни-
будь необыкновенной «прибавочной» субботней молитвой—Муса-
фомъ,—которой онъ каждый разъ приводилъ толпу въ восторгъ
и заставлялъ ее благоговѣть передъ его искусствомъ. Онъ одинъ
украшалъ до сихъ поръ въ синагогѣ весь парадный «мизрахъ»
своей внушительной крупной фигурой, и никто не рѣшался по-
мѣяться съ нимъ силами и попытаться отнять у него пальму
первенства въ канторскомъ талантѣ! Какъ вдругъ, въ темномъ
заброшенномъ углу сѣверовосточной стѣны, объявился какой-то
маленькій, плгавенькій человѣчекъ, который, въ качествѣ «шел-
коваго» во всѣхъ отношеніяхъ «балабесила», не прочь былъ и
самъ угостить публику такимъ «Мусафомъ», чтобы и самого Мен-
деля заткнуть за поясъ! Мендель, съ своей стороны, уже давно
искалъ случая, какъ бы погубить своего соперника,—и вотъ онъ
лучшаго средства не нашелъ, какъ предоставить ему «гешемъ»:
ужъ на этомъ онъ навѣрное свои зубы поломаешь! А вышло не
такъ: маленький, рижій «балабесилъ» смѣло подошелъ въ амвону,
закрывъ глаза, чтобы не замѣчать насмѣшливыхъ взоровъ, издали
бросаемыхъ на него Менделемъ, понатужился я, хотя началъ пи-
скливой фистулой, но такъ мило откаталъ весь «гешемъ», что не
только молодая супруга его, но и толстая дородная теща и съ
нею вся женская половина—пришли въ неописанный восторгъ.
Мендель все это видѣлъ и чувствовалъ,—и теперь возвращался
изъ синагоги какимъ-то развѣнчаннымъ кумиромъ.

Когда я вошелъ въ свою комнату, кто-то быстро поднялся
мнѣ на встрѣчу и тотчасъ-же снова опустился на стулъ. Это былъ
молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, высокій и тонкій, съ до-
вольно симпатичнымъ, смуглымъ лицомъ и темными, сверкавшими
лихорадочнымъ блескомъ глазами. Онъ сидѣлъ въ пальто, плотно
застегнутомъ на всѣ пуговицы, круглая поярковая шляпа надви-
нута была почти на самыя брови. Салоги съ засученными въ го-
ленища панталонами не носили на себѣ никакихъ слѣдовъ мѣ-
стечковой грязи, которой даже и въ калошахъ трудно было из-
бѣжать въ эту пору. Когда я приблизился къ нему, онъ какъ-то

странно передвинулся на стулъ и бросилъ на меня усталый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умоляющій взглядъ, какъ бы прося меня оставить его въ покоѣ и не гнать вонъ изъ комнаты.

— Я пришелъ сюда немного успокоиться и отдохнуть—робко проговорилъ онъ,—я сижу уже тутъ два часа и все жду васъ; вы еще тутъ человѣкъ новый, не раздѣляете еще общей ко мнѣ ненависти и, можетъ быть, не будете меня гнать изъ дому.

— Кого я имѣю... случай видѣть?

Онъ замаялся.

— Я... я... Поп... Поплаверъ!—рѣшительно вымолвилъ онъ наконецъ и тотчасъ-же посмотрѣлъ на меня, чтобы убѣдиться, какое произвела на меня впечатлѣніе эта неожиданная встрѣча.

Я съ любопытствомъ протянулъ ему руку. Онъ ее крѣпко пожалъ и съ благодарностью посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я пришелъ къ вамъ,—продолжалъ онъ,—потому что мнѣ уже рѣшительно некуда больше идти. Когда я возвращался къ себѣ на квартиру, я только нашелъ запертыя двери, а на порогѣ—свою подушку, одѣяло и прочія пожитки. Въ другую квартиру меня не пускаютъ, потому что сегодня-же объявленъ былъ «херемъ» тому, кто осмѣлится дать мнѣ какой нибудь пріютъ. Въ «вохерѣ» мнѣ еще и раньше было отказано, и такимъ образомъ, я лишенъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Наконецъ, сегодня-же сдѣлано было распоряженіе, чтобы урядникъ выселилъ меня изъ мѣстечка... Куда мнѣ теперь дѣваться?

— Чѣмъ же вы вызвали на себя такіа гоненія?

— Рѣшительно ничѣмъ! Началось съ того, что меня почему-то на истекшія семестры не внесли въ ешиботскій журналъ: напильвъ, молъ, слишкомъ большой,—и какъ разъ я оказался лишнимъ. Но я насильно оставался здѣсь и продолжалъ посѣщать ешиботъ, какъ вольный слушатель. «Имъ» донесли, что я по вечерамъ занимаюсь изученіемъ языковъ. Они написали моему отцу, что я совершенно сбился съ пути и бросилъ «ученіе». Отецъ пересталъ присылать мнѣ на пропитаніе. Тогда я написалъ отцу пространное объясненіе, въ которомъ описалъ ихъ пристрастное ко мнѣ отношеніе; письмо мое было перехвачено и доставлено въ руки ешиботской администраціи. Меня обрекли на изгнаніе. Я пробовалъ было просить снисхожденія, но меня вытолкали за дверь. Тогда я вышелъ изъ терпѣнія. Мнѣ все какъ-то не хотѣлось вѣрить,

чтобы самъ ропъ-ешива былъ причастенъ ко всѣмъ воздвигнутымъ противъ меня гоненіямъ, чтобы онъ лично вступалъ въ мелочные расчеты о томъ, слѣдуетъ-ли мнѣ выдавать еженедѣльную стипендію въ какія нибудь 60 коп. или нѣтъ, а я, не безъ основанія, во всемъ винилъ «ребецинъ»; и вотъ я вчера, во время свалки въ толпѣ недовольныхъ, дѣйствительно позволилъ себѣ оскорбить ее нѣкоторыми рѣзкими словами. Послѣ этого я, правда, ожидалъ себѣ строгой кары, но быть преданнымъ въ руки урядника и насильно выселеннымъ изъ мѣстечка—этого я не ожидалъ!..

И онъ низко опустилъ голову и усиленно заморгалъ глазами, а на кончикахъ его длинныхъ, темныхъ рѣсницъ показались крупныя слезы. Наконецъ, онъ всталъ и быстро зашагалъ по комнатѣ. Долго онъ ходилъ взадъ и впередъ съ понурой головой и опущенными въ карманы пальто руками, съжившись и какъ бы защищаясь отъ холода. Видно было, что онъ много выстрадалъ за послѣдніе дни. Состояніе его безпомощности произвело на меня удручающее впечатлѣніе.

Между тѣмъ, на дворѣ уже начало смеркаться. Овна противоположныхъ и сосѣднихъ домиковъ засвѣтились множествомъ огоньковъ. Народъ высыпалъ на улицу и толпами направлялся въ синагогу. Тутъ были и старики, и молодыя дѣвушки, которымъ въ этотъ единственный вечеръ не возбранялось проникнуть и въ мужскую половину синагоги, и маленькія дѣтки съ возбужденными личиками и бумажными флагами въ рукахъ. Всѣ они торопились отпраздновать великую «радость о Торѣ». Мы отправились въ ешиботъ. Красивое, бѣлое зданіе еще издали сверкало множествомъ огней, которыми ярко освѣтились высокія окна, настежь отворенныя входныя двери и парадное крыльцо ешибота. Ешиботники съ оживленными веселыми лицами толпились на ступенькахъ крыльца, быстро перегоня и подталкивая другъ друга. Мы еле протолкались черезъ раскрытыя двери въ ешиботъ. Въ огромной на все зданіе залѣ въ 16 оконъ съ четырьмя каменными колоннами въ центрѣ, которыми поддерживалась середина потолка, стоялъ одинъ несмолаемый гамъ. Густое облаво пыли поднималось кверху и клубами разносилось въ разныя стороны. Длинные крашенныя столы поставлены были одинъ на другой и отодвинуты въ задней стѣнѣ для того, чтобы дать ешиботникамъ больше простору по своему справлять этотъ единственный въ своемъ родѣ

годовой праздникъ. Старые, бородатые, исхудалые и изможденные «мученики науки» вдругъ переродились въ маленькихъ, шаловливыхъ и рѣзвыхъ дѣтей. Одни прыгали, другіе плясали, третьи пѣли и кричали, наперерывъ заглушая и не слушая другъ друга.

Въ глубинѣ залы стоялъ самъ рошъ-ешива. Изъ подъ круглой бархатной шапки, опушенной дорогимъ мѣхомъ, по обѣимъ сторонамъ открытаго симпатичнаго лица выдѣлялись два довольно длинныхъ завитыхъ локона. Длинный до пять черный сюртукъ перекинутъ былъ дорогимъ шелковымъ поясомъ. Въ рукахъ онъ держалъ свитокъ Торы въ малиновомъ съ золотымъ шитьемъ чехлѣ и такъ крѣпко, любовно прижималъ его къ себѣ, что видно было, что только она, эта единственная Тора,—служила и всегда будетъ ему служить лучшей утѣшительницей отъ всякихъ невгодъ и скорбей. Усталымъ, изъ подъ наполовину опущенныхъ, какъ будто отяжелѣвшихъ вѣкъ взглядомъ онъ смотрѣлъ на группу окружавшихъ его ешиботниковъ. Привѣтливая улыбка оваряла его патриаршее, окаймленное бѣлою бородою, лицо. Одинъ изъ молодыхъ ешиботниковъ, покачиваясь и тыкая указательнымъ пальцемъ чуть-ли не прямо въ лицо рошъ-ешивы, что-то пѣлъ съ энтузіазмомъ.

„Да сокроетъ насъ подъ сѣню,
Подъ крылами Божества!“

Тихо и торжественно провзнесъ рошъ-ешива, вѣжно прижимая къ себѣ свитокъ торы,—и всѣ дружно подхватывали хоромъ:

„Подъ крылами Божества!“

Мощными, звонкими перекатами раздавалась пѣснь ешиботниковъ, оглашая своды ешибота и переливаясь отъ одного конца до другого. Всѣхъ ихъ охватило одно чувство, всѣхъ объединила одна, доходившая до изступленія радость.

А вдали, прислонившись спиною къ одной изъ колоннъ, съ опущенными въ карманы пальто руками, съ повурой головой и плотно надвинутой на самыя брови шляпой, стоялъ Поппаверъ. Глаза его сверкали, губы дрожали. Онъ думалъ мрачную думу.

М. Рывкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ.

Исторія ересеѣ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѡ. Шукурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5).

Редакція московскаго историческаго журнала «Русскій Архивъ» усвоила себѣ совершенно своеобразный взглядъ на задачу и назначеніе своего изданія. Г. Вартеневъ и его сотрудники считаютъ себя призванными содѣйствовать не столько *сохраненію*, сколько *охраненію* старины... По понятіямъ людей здравомыслящихъ, цѣль историческаго изданія должна состоять въ томъ, чтобы расширять кругозоръ народа относительно его прошедшаго, сохранять для потомства дѣянія прежнихъ поколѣній, не только какъ пригѣры, достойные подражанія, но весьма часто также какъ пригѣры устрашающіе, какъ строгія предостереженія настоящему и будущему. Исторія не должна льстить народному самолюбію; она должна часто и порицать, изобличать ошибки и дурныя свойства, обусловливаемыя или народнымъ характеромъ, или даннымъ состояніемъ его развитія, или же извѣстными виѣшнимъ режимиомъ. Въ этомъ смыслѣ исторія дѣйствительно является просвѣтительницей и способствуетъ усиленію самосознанія въ народѣ. Совершенно иначе думаетъ и поступаетъ редакція «Русскаго Архива». Для нея воспоминанія прошлаго служатъ не средствомъ пробужденія мысли, а средствомъ усиленія мысли. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь не самосознаніе, а патриотизмъ—самый узкій, исключительный. Русская старина подѣ перомъ сотрудниковъ «Архива» воскрешается лишь для того, чтобы передъ нею умилялись. И освѣщеніе историческаго матеріала, и даже самый подборъ фактовъ строго подчинены здѣсь одной господствующей, всеподавляющей «охранительной», или точнѣе—ретроградной тенденціи.

Г. Вартеневъ, впрочемъ, и самъ довольно откровенно излагаетъ свою программу. По поводу вступленія «Русскаго Архива» въ истекшемъ году въ 32-й годъ своего существованія, издатель указываетъ на свои заслуги и общается «по прежнему, по мѣрѣ силъ, расчищать ниву отечественной исторіографіи, отыскивая новыя повѣствованія о *забытой старинѣ*»

(неужели старина всегда бывает «забытая»?). «Историческое освѣщеніе именуемаго—забываетъ онъ далѣе—получило въ нашъ вѣкъ великую важность. Оно сказывается даже при самомъ простомъ подборѣ матеріаловъ, и отъ того, какъ издатель смотритъ на свою работу, зависитъ содержаніе его книжечекъ. Наша дѣятельность протекала между двумя направленіями московской печати: связанные пріязнью съ И. С. Аксаковымъ, мы въ то же время сохраняли неизмѣнное уваженіе къ трудамъ М. Н. Каткова, нашего профессора и наставника. Но историческія занятія страхуютъ отъ одностороннихъ увлеченій. Незамѣненнымъ свѣточемъ былъ и остается для насъ А. С. Хомяковъ, а припрятанъ усердія къ благому просвѣщенію и къ пріуславію родины—М. П. Погодинъ».

Мы уже знаемъ, во что выродились въ послѣднее время доктрины названныхъ сейчасъ столповъ московскаго консерватизма и славянофильства, ученикомъ кончъ признаеть себя издатель «Русскаго Архива». Стоитъ только вспомнить, что изъ же учениками и продолжателями признають себя также представители современной охранительной печати—всѣ эти гг. Меццерскіе, Суворины, Иловайскіе, Розановы и Тихомировы. Преповѣдь этой разнузданной литературной клики слишкомъ хорошо извѣста. Подавленіе индивидуальной и общественной свободы, ожесточеніе противъ всего инороднаго, иновернаго, «некороннаго», дикое глумленіе надъ простѣйшими заповѣдами нравственности и справедливости, публичное отрицаніе такихъ элементарныхъ началъ, какъ напр. вѣротерпимость—вотъ что дала намъ quasi-«охранительная» печать за время своего процвѣтанія. Злобное отношеніе къ евреямъ составляло только частный выводъ изъ этихъ общихъ положеній. По этой наклонной плоскости «охранительства» пошелъ и г. Вартеневъ, «связанный пріязнью» съ И. С. Аксаковымъ и однородными съ нимъ публицистами¹. «Русскій Архивъ» сталъ въ своей области орудіемъ той же темной пропаганды, какую вели единомышленники г. Вартенева въ своихъ газетахъ и журналахъ. «Исторія» и «улица» въ печати подали другу другу руку. «Забытая старина» въ самыхъ непривлекательныхъ ея проявленіяхъ выставляется источникомъ высокихъ идеаловъ. Все искусство почтеннаго издателя сводится только къ «простому подбору матеріаловъ», и «содержаніе его книжечекъ» дѣйствительно «зависитъ (какъ заявляетъ самъ г. Вартеневъ) отъ того, какъ смотритъ издатель на свою работу». Въ этомъ гнѣздѣ иракобѣсія наша себѣ въ послѣднее время пріютъ и

¹ О взглядахъ Аксакова на еврейскій вопросъ мы уже въ свое время говорили. См. статью «Аксаковъ и еврей», «Восходъ», 1887 г., кн. II.

юдофобія, въ самой возмутительной своей формѣ. «Простей подборъ матеріаловъ» и тутъ оказавъ неоцѣнимую услугу г. Бартезову и его сподвижникамъ. Исторія сдѣлалась ареною травли евреевъ, причемъ содержаніе этой «исторіи», конечно, также вполнѣ «зависѣло отъ того, какъ издатель смотрѣлъ на свою работу». Для юдофобской «работы» понадобились и юдофобская исторія...

Ровно годъ тому назадъ разбирали мы, на этомъ же мѣстѣ, неиздѣнную въ «Русскомъ Архивѣ» обширную статью «Къ исторіи еврейства», составленную на основаніи ходячихъ юдофобскихъ книгъ и газетъ совітникомъ калишскаго губернскаго правленія г-номъ Граве. Въ нынѣшнемъ году видное мѣсто на страницахъ «Архива» занимаетъ еще болѣе пространныя статья подъ многообъясняющимъ заглавіемъ «Исторія евреевъ въ Россіи», написанная нѣкимъ *Шугуровымъ*¹. Эта «Исторія евреевъ въ Россіи» есть въ сущности только изложеніе извѣстныхъ и многократно обсужденныхъ въ публицистикѣ фактовъ по части законодательства о евреяхъ въ Россіи въ XVIII и началѣ XIX в., съ небольшою прибавкою новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ,—изложеніе, снабженное весьма обстоятельными и многословными юдофобскими комментаріями. И подумашъ только, съ какой легкостью пишутся у насъ историческіе трактаты! Одинъ прочелъ нѣсколько ходячихъ антисемитическихъ памфлетовъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ внимательно слушалъ лекціи въ аудиторіи «Новаго Времени»—и онъ уже пишетъ «Къ исторіи еврейства». Другой проштудировалъ касающіяся евреевъ статьи изъ «Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи»—и на этомъ основаніи считаетъ себя уже вправѣ сочинить «Исторію евреевъ въ Россіи»! Мы, бѣдные русско-еврейскіе писатели, сколько уже лѣтъ взываемъ о необходимости *собиранія матеріаловъ* для исторіи евреевъ въ Россіи и по мѣрѣ силъ собираемъ такіе матеріалы, трудимся, роемся въ архивахъ и древнихъ рукописяхъ, допрашиваемъ многолѣтнюю литературу, разыскиваемъ ото-

¹ Въ предисловіи къ этому труду сообщаются біографическія свѣдѣнія о его авторѣ, недавно скончавшемся. М. Ф. Шугуровъ, товарищъ г. Бартезова по московскому университету, состоялъ долгое время на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія. Онъ былъ учителемъ въ кишиневской и одесской гимназіяхъ, инспекторомъ института благородныхъ дѣвицъ въ Одессѣ, а въ 1870-хъ годахъ—директоромъ учительскаго института въ Феодосіи. По выслуженіи полной пенсіи, онъ уволился изъ службы и послѣдніе десять лѣтъ жизни провелъ въ Одессѣ. Заболѣвъ въ 1890 г., онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и умеръ въ Бернѣ въ 1891 г. Сочиненіе его «Исторія евреевъ въ Россіи» написана, повидному, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, въ Одессѣ.

всюду свидѣнія и документы,—словомъ, готовимъ только песокъ и глину для научно-исторической постройки, и были бы счастливы, если бы эта постройка могла быть готова хоть вторичъ черезъ два-три десятилѣтїя. А вотъ является человекъ совсѣмъ со стороны и сразу проводитъ намъ, въ пяти книжкахъ «Русскаго Архива», всю эту исконую «исторїю евреевъ въ Россїи»!.. Не завидно ли, въ самомъ дѣлѣ?

Профанъ выдаетъ себя обыкновенно съ первыхъ словъ. Почтенный русскій педагогъ Шугуровъ, принявшись писать «исторїю евреевъ», не выяснилъ себѣ даже того простаго факта, что извѣстныя правительственныя иѣропрїятїя составляютъ только одинъ рядъ явленїй въ жизни русскїхъ евреевъ, что эта жизнь богата еще множествомъ другихъ, не менѣе существенныхъ явленїй, и что, слѣдовательно, исторїю еврейскаго вопроса нельзя еще назвать «исторїей евреевъ». Это—часть исторїи, а не вся исторїя, подобно тому, какъ лѣстница или корридоръ—части дома, но не домъ. Авторъ, можетъ быть, имѣлъ представленїе о евреяхъ, какъ о цыганской ордѣ, въ жизни которой полицейскїя распоряженїя о выселенїи изъ какого либо мѣста составляютъ единственный видъ «историческїхъ» явленїй. Онъ не зналъ, или въ своемъ ослѣпленїи не хотѣлъ знать, что имѣеть дѣло съ типичнымъ историческимъ народомъ, обладающимъ самобытною культурой, самостоятельнымъ общественнымъ и духовнымъ строемъ; что этотъ народъ въ гораздо большей степени самъ дѣлалъ свою исторїю, чѣмъ ее дѣлали за него другїе. Внутренняя жизнь евреевъ складывалась подъ влїяніемъ многихъ отдаленныхъ и близкихъ причинъ, и только *между прочимъ*—подъ влїяніемъ законодательныхъ иѣръ правительства. Слѣдовательно, для полной оцѣнки этого послѣдняго вѣшняго фактора необходимо разсматривать его въ связи со всѣми остальными историческими силами, дѣйствовавшими вѣстѣ съ нимъ на складъ жизни данной части еврейства. Авторъ разбирасяго нами труда всѣхъ этихъ силъ не зналъ, или имѣлъ о нихъ превратное понятїе—и отсюда главный источникъ его заблужденїй.

Изъ всей древней исторїи еврейскаго народа Шугуровъ твердо знаетъ только одинъ «фактъ», который и служить ему точкою опоры во всѣхъ его теоретическїхъ разсужденїяхъ. Это—библейское сказанїе о томъ, что предъ исходомъ изъ Египта евреи захватили въ свои руки много серебра и золота и вышли изъ поработившей ихъ страны «съ великимъ богатствомъ». По глубокому убѣжденїю автора (взятому впрочемъ на-прокатъ у Вольтера и Дюринга), въ этомъ сказанїи заключается весь смыслъ еврейской исторїи. Оказывается, что историческимъ призванїемъ «народа Виблїи»

было во всё времена и во всёхъ странахъ только одно: грабить и обирать другіе народы. (*Рус. Архивъ* 1894, кн. I, стр. 82; кн. II, стр. 180). Таково основное положеніе «философій исторій» Шугурова. Оно, какъ видите, переноситъ насъ сразу въ области высшихъ идеаловъ, связанныхъ въ нашихъ представленіяхъ съ широкимъ призваніемъ еврейства, въ область дѣяній, наказуемыхъ въ силу законовъ о грабежѣ и пошеничествѣ... Опасный скачокъ, неправда-ли? Но пойдѣмъ за авторомъ и посмотримъ, какъ онъ принимаетъ это скорѣе *криминальное*, чѣмъ философское положеніе къ тому, что на его языкѣ называется «исторіей евреевъ въ Россіи».

Въ первыхъ вступительныхъ главахъ авторъ приводитъ обычныя скудныя свѣдѣнія о евреяхъ въ Россіи до XVIII вѣка. Начинаетъ онъ съ еврейскаго посольства, явившагося къ князю Владимиру предлагать свою вѣру; приводитъ лѣтописное извѣстіе о разграбленіи евреевъ въ Кіевѣ въ 1118 г., послѣ смерти Святополка, сопровождая это извѣстіе весьма сомнительнымъ рассказомъ Татищева о послѣдовавшемъ тогда изгнаніи всёхъ евреевъ изъ Руси, по рѣшенію совѣта князей и Владимира Мономаха въ Выдубычѣ. Новое «усиліе еврейства» въ городахъ югозападной Руси авторъ относитъ ко второй половинѣ XIII вѣка, когда галицкій князь, знаменитый Давидъ Романовичъ, населилъ свои разоренныя татарами владѣнія выходцами изъ разныхъ земель и въ томъ числѣ евреями. Съ XIV в. югозападные русскія княжества теряютъ свою независимость и переходятъ подъ власть Польши,—вслѣдствіе чего автору приходится коснуться исторіи польскихъ евреевъ. Но тутъ онъ оказывается совершенно безпомощнымъ: будучи вовсе незнакомъ, повидному, съ польскими историческими источниками, онъ и здѣсь вынужденъ ограничиться только тѣми обрывками свѣдѣній, которыя случайно попадаютъ у Каранзива и Соловьева. Такимъ образомъ изъ всей исторіи польскихъ (т. е. нинѣшнихъ русскихъ) евреевъ ему извѣстно только слѣдующее: статутъ Витовта 1388 г., ограничительныя для евреевъ постановленія перваго и втораго Литовскихъ Статутовъ 1530 и 1566 гг. (второй Статутъ авторъ дважды ошибочно относитъ къ 1556 году; кн. I, стр. 61 и 63), да, наконецъ, враждебный отзывъ о евреяхъ въ XVI в. Миаила Литвина. Полагаемъ, что такое невѣжество непростительно даже и при бѣгломъ ретроспективномъ обзорѣ... Обращаясь далѣе къ Московскому государству, Шугуровъ ссылается на извѣстные факты, характеризующіе отношенія этого государства къ евреямъ въ XVI и XVII в. Не безъ удовольствія цитируетъ онъ слова Дмитрія Герасимова, посла великаго князя Московскаго Василія Ивановича,

сказанныя нѣтъ въ 1526 году Павлу Ювію въ Ригѣ: «Мы гнушаемся евреями и не дозволяемъ нѣтъ въѣзжать въ Россію». Радуетъ сердце нашего автора и отказъ Іоанна Грознаго допустить еврейскихъ купцовъ въ Московію, по просьбѣ корля польскаго (въ 1550 г.), и образцовое поведеніе того же Іоанна въ 1563 г. при взятіи Полоцка, гдѣ евреевъ съ ихъ семьями «князь великій велѣлъ въ рѣчную воду вытати и утопити» (кн. I, стр. 63). Рвеніе царя Алексѣя Михайловича въ войнахъ за Малороссію авторъ объясняетъ, между прочимъ, и исконною ненавистью московскихъ людей къ евреямъ, пользовавшимся покровительствомъ Польши. Но вѣдь такую же ненависть питали русскіе люди XVII в. и ко всѣмъ «бусурманамъ», т. е. ко всему не-русскому, и даже къ тѣмъ изъ своей среды, которые увлекались «чернокниженіемъ», т. е. образованіемъ въ формѣ элементарной грамоты. Сообразилъ-ли авторъ, что еслибы онъ самъ, директоръ учительскаго института Шугуровъ, могъ какія нибудь чудомъ появиться среди русскихъ людей временъ Алексѣя Михайловича, то его, какъ «чернокнижника», разорвали бы въ куски? Если же автору нравятся отношенія тогдашней полудикой и грубой массы къ евреямъ, то ему заодно слѣдовало бы восторгаться и «самобытными» взглядами этой массы на образованіе, на Европу, и вообще всѣмъ стихійнымъ «міросозерцаніемъ» тогдашняго русскаго человѣка...

Въ Петровскую эпоху нѣкоторая часть русскаго общества, хотя и искусственнымъ путемъ, избавилась отъ многихъ дикихъ, анти-культурныхъ предрассудковъ предыдущаго московскаго періода; однако, даже въ высшихъ слояхъ общества этихъ предрассудковъ осталось еще слишкомъ достаточно для того, чтобы евреи могли разсчитывать на терпимость въ Россіи. Взглядъ самого Петра Великаго на евреевъ подвергался колебаніямъ: это—смѣсь старо-русскихъ и европейскихъ воззрѣній. Во всякомъ случаѣ, нерасположеніе его къ евреямъ и нежеланіе допустить ихъ въ Россію объяснились скорѣе экономическими опасеніями, чѣмъ религіозною нетерпимостью; вѣроятноже всего то, что въ данномъ случаѣ Петръ вынужденъ былъ также считаться съ предубѣжденіями своего народа противъ евреевъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ современника Шерера. Когда Петръ былъ въ Голландіи (въ 1698 г.), евреи просили Николая Витсена, бургомистра Амстердамскаго, похотѣтайствовать за нихъ передъ Царемъ. Петръ, выслушавъ убѣдительную просьбу Витсена, котораго онъ очень любилъ, отвѣчалъ: «Милый мой Витсенъ, вы знаете евреевъ, ихъ характеръ и нравы; вы знаете также русскихъ. Я знаю тѣхъ и другихъ, и вѣрете нѣтъ: не настало еще время соединить обѣ

народности. Передайте евреямъ, что я признателенъ за ихъ предложенія и понимаю, какъ выгодно было бы ими воспользоваться, но что мнѣ пришлось бы чувствовать къ нимъ состраданіе, еслибы они были посреди русскихъ; ибо какъ ни искусны евреи въ торговлѣ и мошенничествѣ, но, ниѣя дѣло съ русскими, боюсь, что останутся они въ накладѣ» (стр. 67). Эти слова ниѣютъ нѣсколько игривый, анекдотическій характеръ; но если они вѣрны, то они обличаютъ въ Петрѣ не вражду, а скорѣе недоувѣріе къ евреямъ, которыхъ онъ, вопреки своему увѣренію, не зналъ, да и не могъ знать. Доля исторической истины, безъ сомнѣнія, заключается въ подчеркнутомъ нами выраженіи Петра: если бы евреи и могли въ то время поселиться среди русскихъ, то ихъ положеніе дѣйствительно заслуживало бы «состраданія», ибо укоренившееся вѣками враждебное чувство къ евреямъ нелегко было бы на первыхъ порахъ искоренить. Русскій человекъ въ своей національной замкнутости вовсе не зналъ еврея, поэтому считалъ его, согласно темнымъ преданіямъ, какимъ-то чудовищемъ, воплощеніемъ Иуды Искаріота, или безсовѣстнымъ хищникомъ. Прежде чѣмъ русскій человекъ успѣлъ бы узвать еврея и оцѣнить въ немъ человека духовнаго и полезнаго члена общества, много-много пришлось бы настрадаться послѣднему. И провидительный Петръ былъ, пожалуй, правъ, хотъ и не по своему, когда сказалъ, что «не настало еще время соединить обѣ народности»... Русское общество нуждалось еще въ коренномъ перевоспитаніи, которое при Петрѣ только началось, но не кончилось еще и до сихъ поръ. Если въ самомъ концѣ XIX вѣка найдется еще на Руси «книжные люди», утверждающіе, будто вѣротерпимость несовѣстима съ истинною вѣрою въ духѣ православной церкви ¹, то что же должны были думать темные русскіе люди начала XVIII вѣка?

Не покровительствуя евреямъ, Петръ однако не воздвигалъ на нихъ гоненій. Самъ авторъ полагаетъ, что «Петръ не изгонялъ евреевъ изъ присоединенныхъ отъ Польши при отцѣ его древне-русскихъ областей (гдѣ, прибавить, ихъ было очень мало); но выходъ изъ этихъ областей внутрь Россіи оставался для нихъ по прежнему закрытымъ» (стр. 69). Но вотъ по смерти Петра наступаетъ общественная реакція—и въ мартѣ 1727 г. выходитъ уже указъ Екатерины I, конимъ воспрещается отдавать въ откупъ евреямъ таможенные и кабацкіе сборы, а нѣкоторыхъ евреевъ, занимавшихся этииъ раньше съ разрѣшенія правительства, повелѣвается вы-

¹ Вспомните хотя бы боевыя статьи г. Розанова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ прошлаго года, вызвавшія противъ себя сильныя возраженія Вл. Соловьева.

слать немедленно въ Россію. Спустя мѣсяць, новымъ указомъ отъ 26 апрѣля, всѣ евреи, безъ различія промысла, изгоняются изъ Украины и «другихъ россійскихъ городовъ», гдѣ они жили еще до присоединенія Малорусскаго края къ Россіи. Нашему автору эти драконовскія мѣры очень по сердцу; поздѣйшія же смягченія ихъ при Петрѣ II (въ 1728 г. дозволено было евреямъ прѣбывать въ Малую Россію на ярмарки) и при Антѣ Іоанновѣ (пропускъ евреевъ въ Смоленскъ «для купечества» въ 1731 г.) причисляютъ ему душевное огорченіе. Исторія «совращенія въ іудейство», въ Смоленскомъ уѣздѣ, капитана Возницына (въ 1738 г.), вызываетъ, какъ извѣстно, репрессивныя мѣры противъ евреевъ. Такія мѣры продолжаютъ во все послѣдующее царствованіе Елисаветы Петровны, причѣмъ *мотивы строгостовѣдныя* играютъ почти исключительную роль. Это всего лучше доказываетъ самъ Шугуровъ приведенными имъ прикѣрами объ отношеніяхъ Елисаветы къ *иноверцамъ вообще*. Такъ, въ 1742 г. (въ томъ году, когда послѣдовалъ рѣшительный указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи), синодъ объявилъ военной коллегіи вѣнней указъ объ «усердномъ» обращеніи въ православіе всѣхъ восточныхъ народовцевъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые «превращены въ магометанскій законъ, ежели они по призыванію и добровольному увѣщанію креститься не пожелаютъ, чинить штрафъ по указамъ». Въ то же время послѣдовало повелѣніе о разрушеніи новопостроенныхъ мечетей, вслѣдствіе чего въ одной Казанской губерніи въ 1743 г. изъ 536 мечетей сломано было 418. Изъ Астраханской же губерніи доносили, что ломать мечети опасно: магометане, старые подданные, могутъ разбрестись, а у другихъ охота къ выходу въ Россію отнимется. 13-го апрѣля 1744 г., по поводу просьбы Казанскихъ татаръ о позволеніи возобновить сломанныя мечети, въ общемъ засѣданіи сената и синода было рѣшено: мечети ломать и вновь не строить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить русскіе и новокрещены, чтобъ имъ соблазна не было, а иновѣрцевъ изъ тѣхъ деревень перевести въ другія, гдѣ одни магометане живутъ. Если же (всѣ) мечети сломать, то опасно чтобъ не дошелъ слухъ въ тѣ государства, гдѣ между магометанами живутъ люди греческаго исповѣданія и построены святыя церкви: не произошло бы тамъ переквалъ какого утѣшенія, — и потому велѣть строить мечети въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ одни татары, нѣтъ русскихъ и новокрещеновъ, и гдѣ жителей отъ 200 до 300 человекъ; а если по этому разсчету останутся лишнія мечети, то сломать немедленно (стр. 79; цитировано изъ Полнаго Собранія законовъ рос. имп., №№ 8540 и 8664).

Мы привели всѣ эти, повидимому, не относящіяся къ дѣлу факты,

потому что они категорически и лучше всяких публицистических комментариевъ опредѣляютъ отношенія правительства Елисаветы къ иновѣрцамъ вообще, — и здѣсь-то именно найдемъ мы ключъ къ пониманію тогдашнихъ отношеній къ евреямъ. Принимая это во вниманіе, мы убѣдимся, что пресловутая резолюція императрицы «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли» — не пустая фраза, а выраженіе опредѣленнаго міросозерцанія, совершенно средневѣковаго по своему типу. Возврънія Елисаветы Петровны на евреевъ ничѣмъ не отличалась отъ возвращеній Изабеллы Кастильской, — набожной испанской королевы конца XV вѣка. Не слѣдуетъ еще забывать, что въ 1740-хъ годахъ велась энергичная борьба на почвѣ церковной не только противъ евреевъ и магометанъ, но и противъ иѣицевъ, которыхъ особенно не любило русское духовенство. Съ евреями, конечно, меньше всего церемонились, такъ какъ въ данномъ случаѣ не было тѣхъ опасеній («какъ бы не произошло церквамъ утѣсненія» въ другихъ странахъ), какія указывались въ вышеприведенномъ рѣшеніи относительно магометанъ... И послѣ всѣхъ этихъ данныхъ, на которыя ссылается и Шугуровъ, не злоумно ли вроніей звучать слѣдующія его слова: «Изъ всѣхъ иновѣрцевъ, съ которыми сталкивались русскіе люди, евреи казались ей (императрицѣ Елисаветѣ) самыми вредными, именно *по религиозной нетерпимости, составляющей природное свойство избраннаго племени*, въ ряду съ враждебностію, даже ненавистію его къ другимъ народамъ, въ которыхъ они видятъ не болѣе, какъ предметы для своей нужды». Этими, какъ далѣе рассуждаетъ авторъ, и объясняются главнымъ образомъ отношенія Елисаветы къ евреямъ (стр. 81—83). Вотъ превосходное логическое объясненіе! Выходитъ, что люди, пропитанные страстною религиозною нетерпимостію до того, что велѣтъ ловить святыхъ иновѣрцевъ или изгонять послѣднихъ изъ государства, — что эти люди ненавидятъ иновѣрцевъ только за ихъ «религиозную нетерпимость»? Премудрый нашъ психологъ не сообразилъ той простой истины, что религиозная нетерпимость означаетъ враждебное отношеніе къ тѣмъ, которые не вѣруютъ въ то, во что мы вѣруемъ, независимо отъ терпимости или нетерпимости противной стороны. Еретики и евреи въ средніе вѣка жгли не за ихъ нетерпимость, а за то, что они не признавали догматовъ господствующей церкви, т. е. вслѣдствіе нетерпимости церкви. Другой вопросъ — какія чувства въ преслѣдуемыхъ должны были возникнуть подъ вліяніемъ этихъ гоненій: ненависть, конечно, порождаетъ ненависть и нетерпимость вызываетъ нетерпимость; но надо понять, что

нетерпимость преслѣдователей есть причина, а нетерпимость преслѣдуемыхъ — только слѣдствіе, но отнюдь не наоборотъ.

Извѣстный инцидентъ съ докторомъ Саншесомъ можетъ служить наилучшимъ объясненіемъ тогдашняго настроенія относительно евреевъ. Старый и заслуженный лейбъ-медикъ, снискавшій себѣ любовь и уваженіе всѣхъ знавшихъ его, ученый, обогатившій русскую медицину многими замѣчательными трудами, вдругъ, въ 1748 г., поворно изгоняется изъ Академіи наукъ, гдѣ онъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ, — и почему? «Ея императорское величество, моя всемилостивѣйшая государыня, — пишетъ канцлеръ Вестужевъ къ президенту Академіи, графу Разумовскому, — отиѣнно уважаетъ ученыхъ и въ высшей степени покровительствуетъ искусствамъ и наукамъ; но видѣвъ съ тѣмъ она желаетъ, чтобы служащіе (!) у нея въ Академіи были и добрыми христіанами, а ей донесли, что докторъ Саншесъ не изъ числа таковыхъ. Итакъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ лишился мѣста по милости своего іудейства (judaïsme); политика тутъ ни при чемъ». Самъ президентъ Академіи пишетъ Саншесу: ... «Сколько я знаю, вы ничѣмъ не погрѣшили ни противъ нея лично, ни противъ ея интересовъ, чтобы прогнѣвить ее; но она находитъ противнымъ своей совѣсти терпѣть въ Академіи человѣка, который, понизивъ знамя Іисуса Христа, сталъ въ ряды бойцовъ подъ знаменемъ Моисея и ветхозавѣтныхъ пророковъ». Неудивительно поэтому, что такое «первобытное» отношеніе къ представителю науки произвело тяжелое впечатлѣніе въ ученыхъ кругахъ Западной Европы. Знаменитый математикъ Эйлеръ, какъ ни былъ остороженъ въ выраженіи своихъ осужденій, узнавъ о случившемся съ Саншесомъ, не могъ удержаться, чтобы не написать изъ Берлина: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобныя удивительныя поступки могли содѣйствовать къ распространенію славы Академіи наукъ» (стр. 91—92). И послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, сообщаемыхъ самимъ Шугуровымъ, имѣетъ ли смыслъ его указаніе на «религіозную нетерпимость евреевъ»? Какую возмутительною ложью звучать послѣ этого общіе выводы, дѣлаемые авторомъ въ слѣдующей главѣ (№ 2, стр. 130—31): «Всегда и вездѣ оставались евреи вѣрны кореннымъ началамъ своего узкаго правительственнаго кодекса. Отсюда нерасположеніе къ нимъ и русскаго народа (который, прибавимъ, ихъ почти не зналъ), красною нитью проходящее черезъ всю его исторію, начиная съ перваго записаннаго лѣтописью разгрома ихъ въ 1113 году и кончая послѣднимъ, происходившимъ уже на нашихъ глазахъ, въ 1881 году. Въ томъ и другомъ случаѣ религія была ни при чемъ. Равнымъ образомъ не религіозная нетерпимость императрицы

Елисаветы была причиною высылки евреевъ изъ Россіи, а ихъ собственная религіозная нетерпимость, въ которой она видѣла источникъ того вреда, какой они приносили и впредь могли принести ея народу». И такіе абсурды говоритъ авторъ послѣ того, какъ онъ самъ *документально* установилъ фактъ крайней религіозной нетерпимости на сторонѣ, преслѣдовавшей евреевъ! Чтобы такъ открыто противорѣчить самому себѣ надо быть или слѣпымъ, или недобросовѣстнымъ.

Вся бѣда въ томъ, что авторъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о еврейской исторіи и рабски держится отжившихъ мнѣній, вычитавныхъ имъ изъ двухъ-трехъ книжекъ. Авторитетными источниками по еврейской исторіи являются для него Вольтеръ въ XVIII вѣкѣ и Дюрингъ — въ XXIX. Вслѣдъ за первымъ онъ повторяетъ всѣ неглупыя и смѣшныя въ настоящее время положенія, будто евреи еще «со временъ Магомета (?) перестали составлять націю» и представляютъ собою нечто въ родѣ цыганской орды, проникнутой вдобавокъ враждою ко всему роду человѣческому, и т. п. У Вольтера же онъ заимствуетъ свой основной историко-криминальный тезисъ о коренной «заповѣди» еврейства—обирать другіе народы, подобно тому, какъ израильтяне нѣкогда обобрали египтянъ. Непосвященный авторъ не понимаетъ истинной подкладки нападокъ Вольтера на евреевъ,—нападокъ, имѣвшихъ цѣлью скомпрометировать народъ *Библии*, ненавистной Вольтеру, и представить избранниковъ, удостоившихся великаго откровенія у подножія Синая, въ видѣ шайки бѣглыхъ воровъ (une horde de voleurs). Безобразный тезисъ, установленный врагомъ церкви и Библии въ то время, какъ еврейская исторія еще совсѣмъ не была изслѣдована, легъ сауста сто лѣтъ въ основаніе нѣвѣстной брошюры злобавога юдофоба Дюринга («Die Judenfrage, 1880). Послѣдній уже зналъ, или могъ знать еврейскую исторію, но предпочелъ основывать свои воззрѣнія на личной ненависти, чѣмъ на фактической правдѣ, сходясь и въ этомъ отношеніи съ Вольтеромъ. Такини-то «авторитетами» руководится нашъ авторъ въ своей исторической оцѣнкѣ. Гдѣ только ему приходится установить какое нибудь общее положеніе, онъ приводитъ забористую цитату изъ Дюринга—и довольно: *magister dixit!*.. Порою кажется, что вся-то статья Шугурова написана только для того, чтобы подтвердить вѣрность взглядовъ Дюринга фактами изъ исторіи законодательства о евреяхъ въ Россіи, или же оправдать это законодательство принципами больного и озлобленнаго нѣмецкаго юдофоба. Какъ ни благодарна въ данномъ случаѣ такая задача—привинить нѣмецкую теорію съ русской практикой, но и здѣсь автору приходится вступать въ борьбу съ фактами и здравымъ смысломъ

для того, чтобы все уладить, какъ слѣдуетъ. Этими объясняются его вопиющія противорѣчія, на которыя мы уже указали выше и еще укажемъ въ дальнѣйшемъ обзорѣ.

Нарушеніе гармоніи между своей излюбленной теоріей и законодательной практикой всегда причиняетъ автору душевное огорченіе. Воплотивъ удовлетворенный политикомъ Елисаветы Петровны относительно евреевъ, онъ скорбитъ о томъ, что эта политика не продолжалась и въ слѣдующее царствованіе Екатерины II. Ученица Вольтера, Екатерина, не хотѣла, однако, прини́мать выводовъ своего учителя къ законодательству о евреяхъ. Здравомыслящая императрица была, очевидно, чужда и *церковной нетерпимости* Елисаветы, и *нетерпимости къ церкви* Вольтера, — этихъ двухъ крайностей, сходящихся въ враждебномъ отношеніи къ евреямъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина, по собственному ея признанію, очень желала удовлетворить ходатайство о дозволеніи евреямъ въѣзжать въ Россію, но отложила это на время только изъ дипломатическихъ соображеній. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи евреи вступаютъ въ русское подданство при торжественномъ обѣщаніи правительства, «что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, кони они нынѣ въ разсужденіи закона и ниществъ своихъ пользуются» (плакатъ генераль-губернатора Чернышева отъ сентября 1772 г.). Шугурову, конечно, не нравится это обѣщаніе правительства: зачѣмъ, молъ, церемониться съ евреями и съ ихъ старинными «свободами»? Надо было или изгнать ихъ, или всѣхъ перекрестить. Какое смутное понятіе имѣетъ авторъ о тогдашнемъ бытѣ бѣлорусскихъ евреевъ, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующая частность. «Кромѣ евреевъ Моисеева закона, — говоритъ онъ, — въ Бѣлоруссіи оказались еще евреи христіанскаго закона (?). По всей вѣроятности, это были евреи, принявшіе католичество. Таковыхъ въ Польшѣ было довольно. Подобно испанскимъ и португальскимъ новохристіанамъ, они съ теченіемъ времени совершенно сѣшивались съ туземнымъ населеніемъ, проникая во всѣ его слои». Изъ дальнѣйшихъ словъ оказывается, что авторъ подразумеваетъ подъ этими «новохристіанами» въ Бѣлоруссіи... франкистовъ (стр. 147). Нужно, однако, обладать большимъ историческимъ невѣжествомъ, чтобы допустить возможность существованія въ 1770-хъ годахъ въ *Бѣлоруссіи* тѣхъ сектантовъ-франкистовъ, которые въ 1750-хъ годахъ появились только въ Подоліи и Галиціи и о которыхъ въ такой отдаленной окраинѣ, какъ Бѣлоруссія, даже и не знали. Всю эту басню о «евреяхъ христіанскаго закона» въ Бѣло-

русси сочинилъ авторъ только на основаніи распоряженія сената отъ 1776 г. объ освобожденіи отъ поголовной подати евреевъ, «принявшихъ христіанскій законъ»,—распоряженія, имѣвшаго цѣлью *поощрять* переходъ евреевъ въ христіанство предоставленіемъ разныхъ льготъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлалось даже въ либеральнѣйшія времена русскаго законодательства.

Авторъ очень много и съ большимъ удовольствіемъ распространяется объ извѣстной запискѣ, поданной въ 1773 г. генераль-поручикомъ Каховскимъ бѣлорусскому намѣстнику графу Чернышеву. Рѣзкая характеристика евреевъ въ этой курьезной запискѣ («Еврей—народъ хотя и трезвый, но лѣнивый, обманчивый, сонливый» (?) etc), обличеніе «плутней» еврейскихъ купцовъ, «политико-экономическое» вычисленіе, доказывающее, что торговля и промышленность живутъ на счетъ земледѣлія, и что еврей кормится не своимъ трудомъ, а крестьянскимъ,—все это кажется нашему автору образцомъ государственной мудрости. Онъ очень жалѣетъ, что этой мудростью не прониклось тогдашнее русское правительство, и что либеральный графъ Чернышевъ не вынулъ призыву Каховскаго объ «обузданіи евреевъ» (стр. 154). Еще болѣе огорчаетъ его извѣстный сенатскій указъ отъ 7 мая 1786 г., въ которомъ помѣщены знаменательныя слова Екатерины II (слова, къ несчастью, весьма рѣдко принятіяшіяся на дѣлѣ): «Когда означенныя еврейскаго закона люди вошли уже въ состояніе равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, что всякъ по званію и состоянію своимъ долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа». Оставляя въ сторонѣ lamentaцію автора по этому поводу, мы здѣсь должны, однако, выдѣлить ему въ заслугу одно обстоятельство. Въ связи съ упомянутымъ указомъ онъ приводитъ одинъ замѣчательный, доселѣ не обнародованный документъ, найденный имъ въ современномъ спискѣ, хранящемся въ архивѣ князя Воронцова, въ Одессѣ. Это—*прошеніе бѣлорусскихъ евреевъ*, о которомъ неоднократно упоминаетъ сенатскій указъ 1786 г. и которымъ главнымъ образомъ и вызванъ былъ этотъ указъ. Челобитная евреевъ въ свою очередь вызвана была притѣсненіями со стороны мѣстной администраціи вопреки торжественному обѣщанію правительства (въ плакатѣ гр. Чернышева 1772 г.), что еврей присоединенной Бѣлоруссіи «будутъ оставлены при всѣхъ тѣхъ свободахъ», кои они раньше пользовались.

Прошеніе это подано было императрицѣ Екатеринѣ, повидимому, еще въ 1784 году, а въ началѣ 1785 г. передано было генераль-прокурору Вяземскому для рассмотрѣнія въ правительствующемъ сенатѣ. Вотъ содер-

жаніе этого любопытнаго документа въ изложеніи сената. (Сохранившійся списокъ заимствованъ, повидимому, изъ сенатскаго журнала):

«1. Нѣкоторые изъ нихъ (Вѣлорусскихъ евреевъ), живущихъ по городамъ, пользовались купечествомъ, а наиболѣе винокурениемъ, пиво и медоварениемъ и продажою оныхъ оптомъ и въ розницу, каковыя выгоды позволены имъ были и по присоединеніи Вѣлорусскаго края къ Россіи. Почему, упражняющіеся въ тѣхъ промыслахъ, *все свое стязжаніе употребляли на постройку домовъ въ городахъ, способныхъ къ тому промыслу и винокуренныхъ заводовъ*; а равно и послѣ присоединенія Вѣлорусскаго края къ Россійской имперіи по нѣкоторымъ городамъ, на основаніи того способа, евреи построились вновь по плану, съ болышнимъ коштомъ. Почему высочайшій монаршіи плакатъ ¹ осмѣливаетъ ихъ ² просить со слезами извѣстной монаршей милости.

«2. По древности же помѣщика, при строеніи новыхъ мѣстечекъ, сзывали евреевъ на жительство, давая имъ льготу, на нѣсколько лѣтъ, на всегдашнюю вольность винокуренія, пиво- и медоваренія и продажу напитковъ; почему евреи также дома и винокуренные заводы съ немалымъ коштомъ выстроили; а помѣщики въ деревняхъ ихъ, по желаніямъ своимъ, отдавали евреямъ на откупъ корчмы съ свободнымъ винокурениемъ и продажою напитковъ, отчего хозяинъ съ своимъ семействомъ и прочіи бѣдные пользовались и подати оплачивали, какъ-то и нынѣ высочайшимъ ея императорскаго величества прошлаго 783 года мая 3-го указомъ помѣщикамъ въ ихъ мѣстечкахъ и деревняхъ въ пользу ихъ оставлено. *Нынѣ же запрещается помѣщикамъ чрезъ повелѣніе господина Вѣлорусскаго генералъ-губернатора отдавать винокуреніе въ ихъ имѣніяхъ на откупъ евреямъ, хотя бы того помѣщики и желали*; отчего бѣдные евреи, кои выстроили въ мѣстечкахъ дома и способствовали къ сему промыслу, равно и винокуренные заводы, лишась оныхъ, приведены будутъ въ крайнюю бѣдность, а купечество еврейское, къ конечному разоренію еврейскаго народа, почувствуетъ равное утѣсненіе, какъ и сіи бѣдные по уѣздамъ живущіе, покояку законъ ихъ обязываетъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ вспомоцествовать. А потому и просятъ высочайше повелѣть, буде помѣщикъ пожелаетъ отдавать по уѣздамъ винокуреніе на откупъ евреямъ, то бы ему невозбранно было по прежнему.

«3. Хотя высокомонаршимъ ея величества соизволеніемъ и допущены евреи къ выбору въ должности ³, въ сходственность высочайшаго учрежденія о управленіи губерній, но какъ къ оному требуется меньшее число голосовъ еврейскихъ противъ прочихъ, то и *не можетъ евреинъ никогда вступити въ должность*; чрезъ что евреинъ, пе имѣя въ судахъ по себѣ заступника, ненадежныхъ состоитъ; за страхомъ и незнаніемъ рос-

¹ Вышеупомянутый плакатъ, обнародованный гр. Чернышевымъ въ 1772 г.

² Т. е. даетъ имъ смѣлость.

³ Подразумѣваются должности выборныхъ засѣдателей въ городскихъ судахъ и гласныхъ въ магистратахъ, ратушахъ etc.

сійскаго языка, отъ несчастія, хотя и за несодѣянное виѣ. Въ такомъ случаѣ въ довершенію вѣхъ благъ, излянныхъ на нихъ, дерзають просить, *чтобъ къ выбору требованы были выборщики изъ евреевъ въ равномъ числѣ противу прочихъ, а по крайней мѣрѣ въ случающихся дѣлахъ евреина съ людьми другого рода, вмѣстѣ съ подсудимыми евреями даваны были отъ ихъ общества застѣатели въ судъ, равно и при допросѣ евреина, какъ бы въ правѣ голоса равносильны были съ прочими присутствующими. Дѣла же между одними евреями, кромѣ векселя и облиговъ, ничѣмъ бы не приняты были къ производству, какъ только въ Еврейскихъ судахъ, понеже евреин дѣлають между собою обязательства, условія и всякія сдѣлки на еврейскомъ языкѣ, по обряду и закону еврейскому, о конѣ прочіе суды неизвѣстны. Также преступникъ ихъ законовъ и обрядовъ судимъ бы былъ въ Еврейскихъ судахъ.* Равно охранить ихъ при цѣлости ихъ обрядовъ и праздниковъ по духовенству вѣры ихъ, какъ то и плакатомъ милостиво увѣрены.

«4. Въ городахъ и во время заведенія мѣстечекъ евреин, сзыванные (помѣщиками) на жительство, выстроили на ихъ земляхъ дома съ немалымъ коштомъ, съ заплатою поземельнаго, по договору, сдѣланному въ то время съ помѣщиками. Нынѣ же нѣкоторые изъ нихъ вымогають изъ евреевъ, сверхъ договору, необыкновенный платежъ поземельной по ихъ прихоти, и другія тягости причиняють, чрезъ что принуждены евреин лишиться своихъ домовъ. Почему сія нужды заставляютъ ихъ просить матерней милости, не совзведено-ль будетъ оставить евреевъ на основаніи прежняго обыкновенія и договора; а по крайней мѣрѣ дана бѣ была на нѣсколько лѣтъ свободная отсрочка, пока евреинъ для своего спокойства прійметъ другое мѣсто, дабы не могли чрезъ скорныя понужденія лишиться своей собственности.

«5. По нѣкоторымъ городамъ слонаны дома хозяевъ для очищенія площади и для постройки по плану, и отобраны земли подъ казенныя строенія, безъ малѣйшаго награжденія; почему и просать, чтобъ за сія земли и за сложку милостиво награждено было. А наконецъ —

«6. Просать монаршей милости, чтобъ евреин, записавшіеся въ купечество и мѣщанство, живущіе по паспортамъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, не были никогда отъ магистратовъ принуждаемы строиться въ городахъ; ибо чрезъ то въ крайнюю бѣдность приведены быть могутъ и, употребя свой капиталъ на постройку, не будутъ имѣть капитала, чѣмъ производить купечество» (стр. 157—59).

По выслушаніи этого прошенія сенатъ приказалъ вытребовать черезъ бѣлорускаго генералъ-губернатора Пассека объясненія отъ евреевъ на пункты, изложенные въ ихъ прошеніи. Приказъ былъ посланъ 4 апрѣля 1785 г. Какія объясненія дали по этому поводу евреин черезъ генералъ-губернатора, неизвѣстно. Черезъ годъ вышелъ извѣстный указъ (7 мая 1786 г.), по которому: въ первомъ пунктѣ просьбы евреевъ (о разрѣше-

ни имъ свободнаго винокурения *въ городахъ*) отказано; по второму пункту—относительно запрещенія помѣщикамъ отдавать *въ деревняхъ* ихъ винокурение и корчмы евреямъ на откупъ — рѣшено отиѣнить это запрещеніе, въ интересахъ, впрочемъ, не евреевъ, а помѣщиковъ; по 3-му пункту удовлетворено ходатайство евреевъ о «допущеніи ихъ къ выборамъ въ судейскія и прочія изъ купечества и мѣщанства должности», также объ участіи ихъ въ магистратахъ, ратушахъ и городскихъ думахъ, согласно закону 21 апрѣля 1785 г., но въ просьбѣ объ учрежденіи особыхъ еврейскихъ судовъ для разбора дѣлъ между евреями отказано, за исключеніемъ дѣлъ религіозныхъ, оставленныхъ въ юрисдикціи духовенства и кагаловъ; удовлетвореніе претензій по пп. 4 и 5 (о вынотельствѣ помѣщиковъ и о сломкѣ домовъ) предоставлено усмотрѣнію мѣстныхъ властей; по 6 пункту просьба удовлетворена ¹.

Шугуровъ, конечно, негодуетъ на всѣ эти «ослабленія» правительства, на это уваженіе къ «правамъ и свободамъ» евреевъ и т. д. Мы рѣшительно не видимъ здѣсь никакихъ особенныхъ попеченій о благѣ евреевъ, но мы готовы согласиться съ авторомъ въ одномъ: преобладаніе евреевъ въ сельскомъ винокуреніи, оставленное правительствомъ *in statu quo*, было не желательно не только въ интересахъ сельскаго населенія, но и въ интересахъ самихъ евреевъ, которыхъ этотъ промыселъ принижалъ нравственно и на которыхъ въслѣдствіи навлекъ не мало бѣдъ. Еврейское винокурение на помѣщичьихъ земляхъ было выгодно больше всего помѣщикамъ, пользовавшимся такъ широко правомъ пропинаціи; евреи же являлись въ сущности сидѣльцами въ помѣщичьихъ кабакахъ—а это было положеніе не завидное. Еслибы правительство временъ Екатерины истинно желало блага евреевъ, оно старалось бы отвлечь ихъ отъ этого исключительнаго занятія ихъ въ селахъ и дать имъ возможность заниматься болѣе полезными отраслями торговли. Евреи, въ особенности бѣлорусскіе, могли бы быть отличными посредниками между промышленностью «дремлющаго востока» Россіи и западно-русскою; для этого нужно было открыть имъ внутренніе великорусскіе рынки и вообще предоставить больше простору ихъ правильнымъ торговымъ операціямъ. Но узкое пониманіе экономическихъ интересовъ страны не допускало такихъ отношеній. Тяжелое на подъемъ и неспособное къ широкой, правильной промышленности великорусское купечество и сто лѣтъ назадъ, какъ и въ наше время, полагало, что правительство обязано оберегать его отъ всякой конкуренціи, и тѣмъ

¹ Леванда. Сборникъ законовъ etc., № 39, стр. 31—34.

болѣе отъ конкуренціи еврейской. Едва появились евреи въ Москвѣ, какъ иѣстное русское купечество завопило о подрывѣ, о томъ, что евреи, удешевляя товары, привозимые ими изъ заграницы, «вредятъ торговлѣ» (т. е. будучи полезными тысячамъ потребителей, заставляють единичныхъ купцовъ уменьшать свои барыши) и т. и. Въ архивѣ князя Веронцова, въ Одессѣ, сохранилось написанное въ этомъ духѣ прошеніе московскихъ купцовъ, поданное московскому главнокомандующему въ февралѣ 1790 г. Оно весьма характерно для занимающаго насъ вопроса, и Шугуровъ опять таки очень хорошо сдѣлалъ, что обнаружилъ этотъ неизвѣстный раньше документъ который, несмотря на свой слишкомъ столѣтній возрастъ, весь проникнутъ духомъ новѣйшаго времени...

Московскіе купцы, желавшіе избавиться отъ невыгодной еврейской конкуренціи, прежде всего обращаются къ «патріотическому» чувству московскаго главнокомандующаго Еропкина, къ покровительству котораго они прибѣгаютъ въ виду «предусмотрѣнной ими всѣмъ нашимъ (купеческимъ) обществомъ крайней опасности». Ссылаясь на рядъ репрессивныхъ мѣръ относительно евреевъ въ предыдущія царствованія въ доказательство, что «законъ всегда былъ противъ допущенія евреевъ въ Россію», купцы, наконецъ, указываютъ, въ чемъ заключается предусмотрѣнная ими «крайняя опасность»:

«...Въ здѣшнемъ столичномъ городѣ съ недавняго времени появилось выѣзжихъ изъ заграницы и Вѣлорусскихъ губерній жидовъ весьма число немалое, которые, живучи въ наемныхъ или постоялыхъ дворахъ, *производятъ въ оныхъ, и разнося по обывательскимъ домамъ не иначе, какъ потаенно, розничную торговлю вывозимыми самими ими изъ заграницы иностранными товарами, съ уменьшеніемъ противъ настоящихъ цѣнъ, чѣмъ самими здѣшней всеобщей торговлѣ причиняють весьма чувствительный вредъ и пошнѣтельство. И сія ихъ противъ всѣхъ російскихъ купцовъ дешевая товаровъ продажа ясно доказываетъ не иное что, какъ тайной черезъ границы провозъ и совершенную утайку пошлинъ. ...Почти въ цѣломъ свѣтѣ за достовѣрное признано, что переходящая черезъ ихъ руки всякая золотая и серебряная монета, а особливо голландскіе червонцы, не возвращаются уже отъ нихъ въ цѣлости, но за всегда обрѣзанными и оскобленными ¹. А по сему самымъ ихъ поступкамъ во*

¹ Кстати, по поводу этого обвиненія въ обрѣзываніи монетъ, которое и авторъ съ особеннымъ негодованіемъ бросаетъ въ лицо евреямъ, считаемъ нужнымъ сообщить слѣдующій фактъ. Въ 1756 г. объявленъ былъ соборомъ польскихъ раввиновъ строжайшій херемъ (исключеніе изъ общества) противъ всякаго, кто осмѣлится «обрѣзывать золотые червонцы» (см. *шуръ чю Я. Эдмса*, Амстердамъ, 1758, л. 2). Стало быть, представители еврейства боролись съ

многихъ благоустроенныхъ обществъ они совѣтъ и не терпимы. Почему и настоятъ главная опасность, чтобъ не произошло вреда и неопозволеннаго истребленія государственной золотой и серебряной монеты отъ снѣгъ сляновныхъ ко всякимъ вреднымъ предпріятіямъ евреевъ. А что сіе въ нихъ давно уже пріятно, то въ доказательство сему довольно можетъ послужить именной 1727 года апрѣля 26-го дня указъ, кониъ при высылкѣ ихъ изъ государства на границахъ предписано точно крайнее имѣть смотрѣніе о невывозѣ ими за границу золота и серебра...

«Изъ тѣхъ пріѣзжихъ жидовъ—жалуются далѣе купцы—нѣкоторые отважились, скрывъ отъ правительства настоящій свой родъ, а именовавъ только себя выѣзжими изъ Кенигсберга и нѣкоторые изъ Бѣлоруссіи Могилевскими купцами, и подъ сими просто купеческими названіями потаенно записались на время въ здѣшнее Московское купечество, каковая ихъ подложная записка одна явно уже обнаруживаетъ хитрые ихъ во всемъ вымысли и предпримчивости, ибо чрезъ оную, получа ни мало ихъ не принадлежащее право здѣшняго купечества, не только сами производятъ въ разныхъ частяхъ здѣшняго города таковыми жъ иностранными товарами гуртовую и розничную продажу, но и прочимъ всѣмъ своимъ единоплеменникамъ, какъ бы вообще помѣщеннымъ съ ними въ здѣшнее жъ гражданство, содержа ихъ подъ своимъ руководствомъ и привѣщеніемъ, доставляютъ свободный путь къ незаконной розничной торговлѣ.

«Мы удерживаемся далѣе описывать вашему высокопревосходительству о точности производимой сими вредными государству и коммерціи евреями; ...а только итѣмъ теперь донести, что сіи выѣзжіе изъ заграницы, а особливо *Польскіе и Бѣлорусскіе евреи большею частію люди самобытнѣшаго состоянія* и развращенныхъ нравовъ, производящие всѣ свои торговли и прочія дѣла на лжеобманахъ и всякихъ неопозволенныхъ средствахъ, и въ состояніи предпринять изъ интереса всѣ запрещенные законами способы, что не только изъ записки ихъ потаенно въ здѣшнее купечество предусмотрѣть можно, но и самымъ дѣломъ настоящая отъ нихъ опасность уже предъ сими открылась.

«По таковымъ явно-ощутительнымъ отъ снѣгъ вкравшихся въ здѣшнюю столицу толь всему обществу вредныхъ жидовъ опасностямъ, а отнюдь не изъ какого-либо къ нимъ, въ разсужденіи ихъ религіи, отвращенія и ненависти, здѣшнее купеческое общество, *единственно предохраняя себя, чтобъ впродъ*, по умноженію ихъ время отъ времени и по хитрымъ ихъ во всемъ предпримчивостямъ и извѣстнымъ всему свѣту сроднымъ имъ лжамъ и обманамъ, *не могли понести отъ нихъ всеобщаю здѣшнія торговли разстрошенія* и совершенно упадка, принужденными себя находить прибѣгнуть къ вашему высокопревосходительству, какъ избранному отъ всемілостивѣйшія нашей самодержицы, изданныхъ ея узаконеніемъ (sic!) и общественной пользы оберегателю и заступнику, покорнѣйше

этимъ проступкомъ единичныхъ личностей—и ставить его въ вину всему еврейскому обществу, по меньшей мѣрѣ, недобросовѣстно.

испрашивая: *сблаговодите, милостивый государь, по вѣренному вамъ отъ Ея Императорскаго Величества верховному началству, повелѣть кому слѣдуетъ, изыскавъ вѣсѣхъ нынѣ находящихся здѣсь въ Москвѣ жидовъ, не только производимую ими незаконную розничную по домамъ торговлю пресѣчь, но чтобъ они, запретительными узаконеніями, здѣсь и въ жителствѣ болѣе не оставались, а равно сему и о исключеніи записавшихся потаенно въ здѣшнее купечество приказать учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе, на основаніи всевысочайше изданныхъ о томъ узаконеніевъ (sic), а тѣмъ самымъ ваше высокопревосходительство предохраните цѣлое общество здѣшнихъ гражданъ отъ неминуемаго угрожаемаго (угрожающаго?) бѣдствія» (стр. 163—167).*

Человѣкъ непредубѣжденный и вдобавокъ сколько-нибудь знаковый съ старую политикой «всероссійскаго купечества», вѣчно хлопочущаго передъ правительствомъ объ устраненіи конкуренціи путей протекціонизма, внѣшняго и даже внутренняго, — такой человѣкъ хорошо, конечно, понялъ-бы истинную подкладку этого московскаго прошенія. Совершенно ясно, что раздраженные еврейскою конкуренціей московскіе купцы приписывали обычное удешевленіе евреями своихъ товаровъ безоппашинному и «потаенному» ввозу; держась сами отечественнаго принципа «не обманешь — не продашь», они обвиняютъ евреевъ во всякихъ «лжахъ и обманахъ»; зная, что императрица Екатерина не любила ссылокъ на вѣроисповѣдныя мотивы по отношенію къ евреямъ, они дѣлаютъ хитроумную оговорку, что они чужды религіозной ненависти, а хлопочутъ «единственно предохраняя себя» отъ «разстроенія торговли», причѣмъ свои личныя купеческія выгоды отождествляютъ съ интересами всего населенія, которому дѣйствительно грозила такая «крайняя опасность», какъ уменьшеніе дороговизны на товары и обузданіе аппетитовъ алчныхъ коренныхъ купцовъ... Все это прочелъ-бы между строками пронацательный вслѣдователь; но вышъ авторъ, Шугуровъ, простодушно вѣритъ всѣмъ этимъ наговорамъ озабоченныхъ конкурентовъ и на ихъ основаніи позволяетъ себѣ дѣлать ужасѣйшую характеристику еврейской торговли. Такъ-то уиѣтъ онъ пользоваться документами! Возражая еврейскимъ публицистамъ, въ родѣ Оршанскаго, усматривающимъ въ ограниченіяхъ правъ евреевъ религіозныя мотивы, авторъ ссылается на вышеприведенное мѣсто московскаго прошенія, гдѣ эти мотивы отрицаются и прибавляетъ: «Единственнымъ мотивомъ такой просьбы было естественное чувство самозащиты, то самое чувство, которое побуждало средневѣковые народы обращать жившихъ между ними евреевъ въ рабство. Это была дѣйствительно нетерпимость, но нетерпимость не къ религии, а къ племени» (стр. 168). Мы рѣшительно не понимаемъ, почему нетерпимость племенная негѣе предсудит-

тельна, тѣмъ нетерпимость религиозная; не понимаятъ также, какъ является эта «племенная» нетерпимость съ простыми «чувствомъ самозащиты», т. е. желаніемъ оберегать свои личные экономическіе интересы отъ посягательства «чужаки», которые могли-бы оказаться и не-евреями. Проще и правдивѣе надо было-бы сказать: это была нетерпимость лавочника къ лавочнику, осѣдлаго купца-кулака къ пришлому конкуренту, ищавшему ему выгодно пользоваться своей монополіей на счетъ всего населенія¹.

Пятилѣтнему царствованію императора Павла I авторъ посвящаетъ цѣлыхъ шесть главъ своей статьи (гл. XV—XXI), причѣмъ особенно долго останавливается на ревизіи Бѣлоруссіи и знаменитомъ «Мяѣніи» Державина (1800—1801 г.). Нечего говорить, что отзывы и проекты Державина кажутся ему выраженіями высшей политической мудрости; онъ комментируетъ ихъ съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какими благочестивые люди комментируютъ св. Писаніе. Намъ, признаться, такъ уже опротивѣли всѣ эти избытки сужденія за и противъ Державина, успѣвшія набить оскомину еще со временъ Оршанскаго, что мы предпочитаемъ совсѣмъ пройти молчаніемъ этотъ отдѣлъ сочиненія Шугурова. Только мимоходомъ мы позволимъ себѣ установить нѣсколько общихъ положеній, которыя, по нашему крайнему разумію, могутъ хоть отчасти уравновѣсить противоположные взгляды на пресловутое «Мяѣніе о Бѣлоруссіи». Справедливость требуетъ признать, что въ запискѣ Державина, наряду съ массою нелѣпныхъ свѣдѣній, слѣхотворныхъ обобщеній и явно ложныхъ выводовъ, протекавшихъ отъ незнанія внутреннего еврейскаго быта, есть много и правдивыхъ наблюденій, хотя и весьма прискорбныхъ для еврейскаго сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что ревизоръ Державинъ нѣгль право возмущаться, видя, что еврей въ голодный годъ, когда крестьяне массами умирали съ голоду, употребляли на выкуреніе тѣ запасы хлѣба, которыми можно было-бы спасти не одну сотню жизней; но обвиняя евреевъ, онъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что послѣдніе реализовали только право пропинаціи помѣщиковъ, у коихъ они брали на откупъ питейное дѣло, и что они въ сущности были сидѣльцами въ помѣщичьихъ кабакахъ, какъ мы уже извѣстали выше. Если у христіанскаго дворянства не хватило человѣколюбія и патріотизма, чтобы приотставить виновный промыселъ на время голода,

¹ Прибавимъ, что просьба московскихъ купцовъ, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалась успѣхомъ. Рѣшеніемъ государственнаго совѣта отъ 7 октября 1790 г., а также именнымъ указомъ императрицы отъ 23 декабря 1791 года евреямъ было запрещено записываться въ московское купечество (*Оршанскій*, Рус. законод. о евреяхъ, 183; *Леванда*, Сбор. № 42).

то что-же могли дѣлать сельскіе евреи, которыхъ, вдобавокъ, этотъ несчастный промыселъ давалъ единственныя скудныя средства къ жизни? Обращаясь къ проекту устройства евреевъ, поданному Державиннѣ, мы также находимъ въ немъ, помимо недѣлностей, свойственныхъ профаву, и нѣкоторыя здравыя начала, какъ напр. мнѣнія о преобразованіи кагаловъ, объ учрежденіи еврейскихъ консисторій, низшихъ и высшихъ (или, какъ онъ ихъ называлъ «духовныхъ судовъ» и «сендариновъ», т. е. сиведріоновъ) и вообще мысль «устроить евреевъ политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ». Но проектъ Державина страдалъ однимъ общимъ и существеннымъ недостаткомъ: онъ стремился къ чрезмѣрной регламентаціи еврейскаго быта, къ введенію казенщины во внутренніе порядки общинъ, къ подавленію лучшихъ сторонъ еврейской самобытности. Крѣпостникъ и бюрократъ стараго закала, Державинъ не принималъ во вниманіе начала *свободнаго развитія* народности, — начала, положеннаго въ основу позднѣйшихъ проектовъ его противника Сперанскаго. Осуществленіе Державинскаго проекта привело-бы только къ своего рода арачьеващину въ еврейскомъ быту... Но довольно объ этомъ.

Первые годы царствованія Александра I не совѣтъ благопріятствовали мнѣніямъ въ родѣ Державинскихъ. Въ правительственныя сферы проникли «новыя вѣянія». Но ошибочно было-бы думать, что такія же вѣянія проникли и въ высшіе слои населенія въ провинціи: тамъ атмосфера все еще была спертая и удушлива, какъ прежде; нетерпимость, религіозная и «племенная», все еще господствовала въ отношеніяхъ разнородныхъ частей населенія и особенно — въ отношеніяхъ къ евреямъ. Въ этомъ можетъ убѣдить насъ одинъ весьма краснорѣчивый документъ, нынѣ впервые изданный. Мы говоримъ о *прошеніи* на высочайшее имя, поданномъ представителемъ *Вилenskaго городскаго христіанскаго общества*, 1-го февраля 1803 года. Прошеніе вызвано было сенатскимъ указомъ отъ 9-го декабря 1802 г. *о допущеніи къ выбору въ общественныя должности этого города третьей части обывателей-евреевъ*, — указомъ, сильно смутившимъ обывателей христіанъ, которые вмѣстѣ съ прошеніемъ на имя императора препроводили копию съ него къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову при письмѣ, прося его «объ исходатайствованіи, у престола резолюціи, которою подтверждены были-бы вновь городу всѣ прежнія его права и привилегіи». Вотъ это прошеніе:

¹ Этотъ третій по счету (и послѣдній) документъ, обнаруженіемъ котораго мы обязаны автору рассматриваемыхъ статей, также взятъ изъ Одесскаго архива князя Воронцова.

«Бабка вашего императорскаго величества, Екатерина II, принявъ подъ скипетръ свой Литовскій край, высочайшимъ манифестомъ, опубликованнымъ во всей Литвѣ 30 октября 1794 года покойнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинимъ, возвращая всемирнолюбяще польскому народу древнія его права и его привилегіи, предоставила оному на основаніи снѣзъ коренныхъ правъ и судъ, и расправу. Въ Божѣ почивающій родитель в. импер. величества, государь императоръ Павелъ I, подтвердилъ равновѣрно всѣ прежнія Литовскія права съ привилегіями, по силѣ которыхъ учрежденныя присутственныя мѣста и отправляли своимъ обязанности. Ваше императорское величество именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему Сенату 9-го сентабря 1801 г., равновѣрно соблагволили оставить Литовскую губернію при собственныхъ ея законахъ» etc.

«Сіи высочайшія дарованныя Литвѣ во всей ненарушимости права *воспринимаютъ евреи и дружимъ иностранцамъ занимать уряды* (должности), постановляя: «Узаконяемъ и отъ сего времени желаніе наше есть, чтобы еврей, татаринъ и всякій язычникъ не былъ ни отъ насъ самихъ, ни отъ совѣта нашего возводимъ въ достоинство начальника или на какой-либо урядъ и чтобы христіанъ въ подданствѣ у себя не нѣлъ» (статутоваго права 9-ый артикулъ изъ 12-го раздѣла). — «Евреи не должны нѣтъ никакого уряда, чрезъ который надъ христіанами могли-бы господствовать» (Магдебурскаго права 1-ой части 31-й листъ). — «Евреи ни для сбора пошлинъ, на въ другія должности опредѣляемы быть не могутъ» (Конституція 1538 года, въ книгѣ 1-ой на 524-й страницѣ).

«Но въ противность тому, послѣдовавшій изъ правительствующаго Сената, по представленію Волинскаго и Подольскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи и кавалера Розенберга, отъ 9-го декабря 1802 года, указъ, назначающъ, чтобы третья часть евреевъ избираема была для засѣданія въ магистраты, распространилъ дѣйствіе сего положенія и на Литовскія губерніи—Вилenskую и Гродненскую,—тѣмъ права ваши, вашниѣ императорскіи величествомъ и всепресвѣтѣйшими предками подтвержденныя и оставленныя во всей силѣ, отиѣняются; а съ снѣзъ виѣстѣ городъ Вильна, который считался въ Литвѣ изъ первыхъ, который за вѣрность свою къ престолу снабженъ многими королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ привилегіями и достигъ на верхъ чести и славы, какъ то свидѣтельствуотъ привилегіи (слѣдуетъ исчисленіе двадцати четырехъ привилегій отъ 1387 по 1699 г.),—*городъ Вильна, яко бывшая королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, чрезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ терялъ-бы свои права, свободу и прерогативы, и гражданне его, христіане, принуждени были-бы со временемъ подпасть подъ разныя свои-ственные еврейскыя происки, такъ что сіи могли-бы взять надъ ними и верхъ...*

«Сія мысль тѣмъ разительнѣе, что еврейный народъ, хотя въ существовавшей Польшѣ и былъ водворенъ, однако бывъ многими правами и конституціями ограниченъ въ разсужденіи своего и мѣстопробыванія, и

образа жизни, не имѣлъ со стороны закона никакого надъ христіанами преимущества, тѣмъ паче Статутовнѣмъ правомъ (76-мъ артикуломъ изъ 34го раздѣла и 14-мъ арт. изъ 9-го раздѣла) возбраняется еврею быть свидѣтелемъ: ибо евреи во время несчастій и замѣшательствъ, удручавшихъ городъ, натиснувшись въ Вильну сперва въ маломъ, а потомъ въ болѣе-шемъ количествѣ, заселили собою въ немъ нѣкоторые уголки, и тѣмъ умножили свое число, но малѣйшаго не получили права на уряды здѣшніе, а только рѣшеніемъ бывшей Литовской ассесоріи, въ 1783 году состоявшагося, дано имъ для жительства нѣсколько улицъ³... Евреи, живущіе въ Вильнѣ въ знатномъ числѣ, упражненіе имѣютъ отчасти перекупною събѣстныхъ припасовъ, отчасти факторуютъ, чрезъ что не только суть немалую тягостью для города относительно дороговизны во всѣхъ вещахъ, но по случаю врожденной своей неопратности бывають причиною нечистоты въ городѣ между стѣсненными жильемъ, а нерѣдко причиною и общей заразы. Къ тому же не имѣютъ они никакой идеи о морали (?), и образъ ихъ внутренняго воспитанія не пріуготовляетъ ихъ къ званію судьи, а вообще содержатъ себя сей народъ посредствомъ однихъ просковъ, не имѣя впрочемъ положительнаго и непремѣняемаго для себя состоянія.. Напротивъ того у христіанъ отнята вовсе охота къ принятію публичнаго служенія тогда, когда евреямъ дана воля возрастать надъ христіанами, а особливо если ихъ начальствованіе сколько унижаетъ уваженіе къ судилищу, въ которомъ православная религія имѣетъ наиболѣе вліянія и есть нерушимымъ основаніемъ для каждаго судья служить вѣрно престолу, блюсти законы и исполнять обязанности, столько содѣлается слѣдствіемъ, что пришельцы изъ-за границы, желающіе водвориться въ Вильнѣ, видя евреевъ въ урядахъ, въ магистратахъ, чего ни въ одномъ заграничномъ городѣ нѣтъ (?), теряють конечно охоту селиться въ Вильнѣ, и черезъ то городъ, лишась гражданъ, наполненъ будетъ одними евреями (?). Волѣ же всего довѣріе публичное и довѣріе къ людямъ, правосудіе наблюдающимъ, падутъ, послушаніе черни обратится въ поруганіе, когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, освященное обрѣтетъ еврея и въ немъ своего начальника (?) и судью, которому подчинену быть несвойственно ни по состоянію, ни по религіи.

«Августѣйшій монархъ! Граждане Виленскіе, почттая святость своихъ правъ и привилегій, высочайше имъ дарованныхъ, у подножія престола вашего императорскаго величества всепокорнѣйше просятъ о всемило-стивѣйшемъ пріостановленіи исполненія по указу правитель-ствующаго Сената, дозволяющаго евреямъ—третьей части—

³ Явное искаженіе фактовъ. Евреи еще въ началѣ XVII вѣка имѣли въ Вильнѣ свои особыя улицы, гдѣ имъ разрѣшалось жить и торговать, наприм. Жидовская и Ятковая улицы (по рѣшенію короля Владислава IV въ 1638 г. etc.; см. „Акты Виленской Археографической Комиссіи“, т. 20-й, предисловіе, стр. 89—99).

быть избираемыми къ заступанію въ магистратъ и о утвержденіи собственныхъ ихъ законовъ и привилегій, конии столько вѣковъ городъ Вильна, благословляя всегда царствованіе своихъ государей, былъ управляемъ, особливо что и ваше императорское величество высочайшимъ указомъ отъ 13-го іюля 1802 г., въ предметъ устройства города Вильны, всемілостивѣйше назначили особую комиссію (стр. 345—348).

Нужны-ли объясненія къ этому милому документу? Отъ него вѣтъ такихъ «наивныхъ» средневѣковыхъ духовъ, такую неподдѣльную, патриархальною нетерпимостью, что остается только любоваться цѣльностью натуры виленскихъ горожанъ, сохранившіеся даже въ критическіе годы начала XIX вѣка. Участіе евреевъ, составлявшихъ значительную часть виленскаго населенія, въ обсужденіи городскихъ дѣлъ, въ магистратъ и судъ, кажется авторамъ прошенія опаснымъ покушеніемъ на основы государства и церкви. На ихъ языкѣ это называется «начальствованіемъ еврея надъ христіаномъ»—и они пугаютъ правительство самыми ужасными послѣдствіями отъ такой вольности: всякій христіанинъ будетъ избѣгать селиться въ городъ, гдѣ въ числѣ гласныхъ думы находится еврей, гласные христіане откажутся отъ своихъ должностей—и Вильна превратится въ еврейское царство. Нашъ авторъ отъ души сочувствуетъ виленскимъ ходатаямъ—и не удивительно: онъ тоже сынъ своего времени... Очень прискорбно, что онъ не дожилъ до торжества своей идеи: новѣйшія отношенія къ участію евреевъ въ городскомъ управленіи вѣдь такъ хорошо гармонируютъ съ стремленіями виленскихъ горожанъ и ихъ защитника, автора разсматриваемой статьи. Для опредѣленія колебательнаго движенія нашего гражданскаго прогресса весьма поучительно то обстоятельство, что требованія виленскихъ мѣщанъ, которыя въ 1803 г. шли въ разрѣзъ съ гуманными навіреніями правительства, нашли себѣ полное удовлетвореніе, и въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, спустя 89 лѣтъ, т. е. послѣ того какъ многолѣтній опытъ доказалъ, что участіе евреевъ въ городскомъ управленіи не привело ни къ какому «начальствованію надъ христіанами», что послѣдніе не разбѣжались изъ думъ и магистратовъ и что города отнюдь не подпали подъ самодержавіе евреевъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія у правительства были благія навіренія, а въ обществѣ господствовали старые предрасудки и «жестокіе нравы». Достопамятное «Положеніе 1804 г.» пошло по линіи равнодѣйствующей между этими двумя направленіями. Въ немъ были и гуманныя, поощрительныя мѣры (относительно образованія, фабричной промышленности, земледѣлія etc.), хотя и теоретическаго свойства, и мѣры строго-принудительныя (какъ напр. о выселеніи евреевъ изъ деревень).

Подробѣйшій, но крайне тенденціозный разборъ «Положенія» приводитъ Шугурова къ осужденію первыхъ и одобренію вторыхъ (стр. 478—488). Мы и здѣсь опять таки обойдемъ молчаніемъ это «общее мѣсто» публицистики, еврейской и юдофобской, и обратимся къ тѣмъ пунктамъ, которые еще не успѣли въ такой степени ополниться пересудами и всякаго рода полемикой.

Къ этимъ пунктамъ относится обсужденіе обнародованной сравнительно недавно записки министра коммерціи, графа Н. П. Румянцева, относящейся ко времени засѣданія перваго Комитета по еврейскому вопросу (1802—1804 года)¹. Эта коротенькая записка состоитъ изъ нѣсколькихъ рѣзкихъ отымовъ о вредныхъ особенностяхъ евреевъ, въ Державинскомъ духѣ, и изъ нѣсколькихъ практическихъ совѣтовъ, высказанныхъ въ болѣе умѣренномъ и приличномъ тонѣ. Конечный выводъ «записки» состоитъ въ томъ, что «благоразумная осмотрительность и обстоятельства государства нерѣдко требуютъ справедливыхъ ограниченій». На эту «записку», которую скорѣе можно было-бы назвать «казенной отпиской», опирается нашъ авторъ, пытаясь доказать, что не одинъ Державинъ, но и другіе «лучшіе люди» высказывались тогда противъ евреевъ (стр. 466 и 468). Охотно соглашаемся съ этимъ фактомъ, хотя и позволяемъ себѣ расходиться съ авторомъ въ мнѣніи о томъ, кого изъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей можно причислить къ разряду «лучшихъ людей». Авторъ, напримѣръ, старается окружить лучезарный ореолъ Державина и всю его партію «охранителей» и всячески чернить память великаго преобразователя Сперанскаго, приписывая ему всевозможные пороки. Мы же полагаемъ, что безпристрастный судъ исторіи давно уже постановилъ свое рѣшеніе по этому вопросу—и всякое противорѣчіе этому нелицеприятному рѣшенію можетъ только быть плодомъ невѣжества или обскурантизма. Ссылаясь на дѣятельность Сперанскаго въ «Еврейскихъ Комитетахъ» 1802—1812 г. и на его гуманное отношеніе къ евреямъ, Шугуровъ, вслѣдъ за старыми «охранителями» и юдофобами, объясняетъ это тѣмъ, что евреи подкупили Сперанскаго. Этотъ враждебный навѣтъ, давно опровергнутый биографомъ Сперанскаго, барономъ Корфомъ, могъ-бы имѣть еще историческое значеніе, еслибы взгляды Сперанскаго на евреевъ не гармонировали съ его общими воззрѣніями на внутреннюю политику Россіи; тогда пришлось-бы искать побочныхъ мотивовъ для объясненія поведенія Сперанскаго въ еврейскомъ

¹ Записка эта, кажется, впервые сообщена была г. Колодницкимъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1881 г., ноябрь, стр. 675—676.

вопросъ. Но вѣдь всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что отношеніе великаго государственнаго человѣка къ еврейскому вопросу непосредственно вытекало изъ тѣхъ гуманныхъ и освободительныхъ принциповъ, которые онъ проводилъ во всей своей реформаторской дѣятельности, въ качествѣ верховнаго, послѣ государя, руководителя внутреннихъ управленій въ Россіи. Будучи послѣдователемъ и вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, Сперанскій не могъ иначе относиться къ евреямъ, какъ гуманно. Зачѣмъ-же, спрашивается, приписывать побочныя и добавокъ низкія побужденія человѣку, дѣйствія котораго объясняются самими его характеромъ, его міросозерцаніемъ? Развѣ что-либо другое, кромя искренняго убѣжденія, могло подсказать Сперанскому эти знаменательныя слова въ докладѣ Комитета государю въ 1803 году: «Преобразованія, производимыя властію правительства, вообще не прочны и особенно въ тѣхъ случаяхъ неблагонадѣжны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними привычками, съ закоренѣлыми заблужденіями. *Поэтому лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, открывая только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзираая издалека за движеніями ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совертитъ ихъ можетъ*, не употребляя, впрочемъ, никакой власти, не назначая никакихъ особенныхъ заведеній, *не дѣйствуя вмѣсто нихъ, но раскрывая только собственную ихъ дѣятельность. Сколь можно менѣе запрещенія, сколько можно болѣе свободы*—вотъ простыя стѣхи всякаго устройства въ обществѣ». Шугуровъ сообщаетъ, что въ нѣвшемся у него докладѣ императору Александру I отъ одного изъ послѣдующихъ еврейскихъ Комитетовъ, гдѣ приводится это нѣніе, послѣдняя фраза оказалась подчеркнутою рукою самого государя съ отиѣткою на полѣ NB (стр. 476). Не трудно догадаться, что означала эта помѣтка надъ перомъ благороднѣйшаго и гуманнаго Александра I въ началѣ его царствованія. Нашъ авторъ тоже сопровождаетъ вышеприведенныя слова комитетскаго доклада (по всей справедливости приписываемыя Сперанскому) своимъ Nota-bene, но уже совсѣмъ иного характера. Онъ не жалѣетъ язвительныхъ словъ по адресу «молодого семинариста» и его принципа *laissez faire* etc. Онъ не хочетъ понять, что это не *laissez faire*, а просто отвращеніе къ регламентаціи внутренняго народнаго быта сломо полицейскихъ мѣръ. Правительство должно *общими мѣрами* направлять ходъ жизни данной группы людей въ интересахъ общества и государства, но не должно опутывать эту жизнь и всякій шагъ въ ней сѣтью дисциплинарныхъ мѣръ. Оно должно «раскрывать только собственную ихъ (евреевъ) дѣятельность, но не дѣйствовать вмѣсто нихъ», какъ выражаются авторы

доклада. Еслибы правительство дѣйствительно пошло по этому пути, то еврейскій вопросъ въ Россіи избѣгъ-бы очень многихъ печальныхъ перипетій и неудачныхъ попытокъ и можетъ быть давно пересталъ-бы быть вопросомъ. Но историческій фатумъ повернулъ дѣло иначе: Сперанскій палъ какъ разъ наканунѣ войны 1812 г.; война отвлекла вниманіе правительства отъ внутреннихъ вопросовъ, а когда оно вновь къ нимъ обратилось, наступилъ уже другой режимъ. Заимчательный докладъ Еврейскаго Комитета отъ 16-го марта 1812 г., написанный горячо и сильно и иѣстами напоминающій рѣчи Марабо объ эмансипаціи евреевъ во французскомъ Національномъ Собраніи,—этотъ прекрасный докладъ былъ положенъ подъ сукно—и навсегда. Больше уже не слышалось такихъ гуманныхъ рѣчей ни въ одномъ официальномъ законопроектѣ вплоть до царствованія Александра II.

На этомъ моментѣ—на 1812 году—Шугуровъ обрываетъ свой историческій обзоръ законодательства о евреяхъ. Въ послѣднихъ главахъ онъ очень много наговорилъ о приимѣненіи «Положенія 1804 года» и о вызванныхъ имъ затрудненіяхъ (о выселеніи въ деревни, о неудачѣ первыхъ земледѣльческихъ колоній, о ходатайствахъ кагаловъ и т. п.). Все это слишкомъ извѣстно, а для характеристики изложенія автора достаточно сказать, что это—все то, что говорилъ Оршанскій, только вывернутое на изнанку и представленное въ юдофобскомъ свѣтѣ, значительно искажающемъ фзіононію событій.

Прежде чѣмъ разстаться съ своими читателями, авторъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи сослаться еще на одну юдофобскую достопримѣчательность—на записку извѣстнаго польскаго писателя *Сташица* (а не Сташича, какъ пишетъ авторъ), относящуюся къ 1815 году. Даровитый польскій писатель, выдвинувшійся именно благодаря рѣзкому тону своихъ политическихъ памфлетовъ, Сташиць, увлекшись юдофобскою агитаціей, не пожалѣлъ, конечно, рѣзкихъ словъ по адресу евреевъ. Его записка о евреяхъ преисполнена только грубыхъ ругательствъ («Жиды вездѣ были внутренней заразой», они «грязнятъ весь народъ, мараютъ цѣлый край, обращая его въ край жидовскій» и т. п.), вполне достойныхъ агитатора—панслависта, какими сдѣлался Сташиць подъ конецъ жизни¹. Шугуровъ, ссылаясь на эту записку и не упоминая о другихъ польскихъ произведеніяхъ того времени по еврейскому вопросу, очевидно, твердо

¹ См. *Спасовичъ*: Исторія польской литературы, въ Ист. Слав. Литер. т. II, стр. 586 (2-е изд.).

придерживается правила своего товарища, г. Бартевева, относительно «историческаго освѣщенія черезъ подборъ матеріаловъ». Изъ его указаній можно было-бы вывести, что все польское общество было въ началѣ нынѣшняго вѣка противъ евреевъ. А между тѣмъ стоило упомянуть хотя-бы только о классическомъ трудѣ того времени—о книгѣ *Суровецкаго* «Упадокъ промышленности и городовъ въ Польшѣ» (O upadku przemyслу i miast w Polsce, Warsz. 1810), чтобы убѣдиться въ невѣрности такого заключенія. Суровецкій тоже далеко не дружелюбно относится къ евреямъ, отмѣчаетъ даже ихъ недостатки, и тѣмъ не менѣе указываетъ на ихъ великія экономическія заслуги въ прошедшемъ и на важное значеніе ихъ въ будущемъ при нормальномъ гражданскомъ устройствѣ. Конечно, публицистъ, который вывелъ-бы отсюда заключеніе, что все польское общество было тогда за евреевъ, сдѣлалъ-бы такую-же ошибку, какъ нашъ авторъ, который на основанія записки Сташица доказываетъ, что всѣ поляки были тогда проникнуты ненавистью къ евреямъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ выйдетъ тенденціозная ложь.

Подобные приемы не желательны даже въ публицистикѣ и полемикѣ; въ историческомъ-же трудѣ они прямо предосудительны. Добросовѣстный историкъ долженъ упоминать обо всемъ, а не выбирать тѣ явленія, которыя ему нужны для доказательства излюбленной мысли. «Историческое освѣщеніе черезъ простой *подборъ* матеріаловъ» (принципъ издателя «Русскаго Архива») — начало безусловно нечестное и противонаучное, хотя-бы оно и имѣло цѣлью охраненіе «завѣтной старины». Историческое изданіе, задающее цѣлью не столько *сохранять*, сколько *охранять* старину, дѣлаетъ изъ исторіи только средство для достиженія постороннихъ цѣлей. Такимъ именно средствомъ для юдофобской пропаганды, но отнюдь не историческимъ произведеніемъ, является въ данномъ случаѣ сочиненіе покойнаго Шугурова.

Критикусь.

[С. М. Дубнов]

БИБЛІОГРАФІЯ.

תור ד"ר זמ. *Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «Поэтъ и Купецъ» Б. Ауэрбаха, содѣланный И. Х. Тавьевымъ. Изданіе «Ахисафъ», въ 2-хъ частяхъ. Варшава, 1893—94. (288 стр. in 32°).*

Въ свои молодые годы (въ 1830 годахъ) Вертольдъ Ауэрбахъ написалъ два историко-біографическихкія романа или, точнѣе, двѣ романтическія біографіи: «Спиноза» и «Поэтъ и Купецъ». Въ послѣднемъ произведеніи онъ изобразилъ личность несчастнаго поэта Эфраима Ку и весь тогдашній кружокъ просвѣщенныхъ берлинскихъ евреевъ, группировавшихся около Мендельсона. Эти двѣ книги въ свое время не были достаточно оценены еврейскою критикою, а впоследствии ступевались передъ «Шварцавальдскими разсказами» и другими общенѣмецкими романами того же автора. Однако, перечитывая ихъ вновь, убѣждаешься, что именно здѣсь-то, въ этихъ *еврейскихъ* романахъ, глубже всего проявилось поэтическое творчество Ауэрбаха и лучшія стороны его міросозерцанія. Здѣсь непосредственно вылилась благородная душа, стремящаяся къ свѣту, рвущаяся изъ дужныхъ закоулковъ гетто на просторъ міра, къ широкой общечеловѣческой дѣятельности. Сильное идеалистическое настроеніе проникаетъ собою оба произведенія, хотя оно сказывается не одинаковымъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ. Юношеская повѣсть Ауэрбаха «Спиноза» проникнута всецѣло *философскимъ* идеализмомъ, стоящимъ выше условій мѣста и времени; Это—гимнъ могучему свободному духу, преодолевающему всѣ преграды и ведущему къ конечному торжеству истины. Въ позднѣйшемъ же разсказѣ «Поэтъ и Купецъ» идеализмъ автора проявляется въ гораздо болѣе сложной формѣ: это—не столько философскій, сколько психологическій и общественный романъ. Чрезвычайно сложная личность Эфраима Ку, богато одаренная, но раздвоенная, какъ бы оглушенная внезапнымъ переходомъ отъ стараго къ новому и потерявшая равновѣсіе въ водоворотѣ тогдашней

умственной жизни,—эта личность изображена Ауэрбахомъ такъ правдиво, съ такою глубиною душевнаго анализа, что порою намъ кажется, будто передъ нами современный психологическій романъ, а не произведеніе, появившееся въ разгаръ романтизма 30-хъ годовъ. Съ другой стороны, рельефное изображеніе двухъ противоположныхъ слоевъ тогдашняго нѣмецкаго еврейства — стараго, въ лицѣ патриархальнаго Моше Даниеля Ку, и новаго—въ лицѣ его сыновей и кружка Мендельсона, вводитъ насъ прямо въ центръ общественнаго и умственнаго движенія среди евреевъ второй половины XVIII вѣка. Здѣсь Ауэрбаху удалось совершенно ясно наметить начало двойственнаго направленія еврейско-нѣмецкой интеллигенціи: представители самоотреченія и полнаго слиявія съ нѣмцами, доходящіе до изгнѣны своей религіи и своему народу (Натанъ и Ханнъ Ку, Таубхенъ и др.), чередуются съ представителями животворнаго направленія, созданнаго кружкомъ Мендельсона и клонившагося не къ упраздненію, а къ преобразованію еврейства. (Впоследствии оба эти противоположныя направленія были нацѣлены Мендельсону и навлекли нареканія на его великую тѣнь со стороны нѣкоторыхъ слишкомъ несдержанныхъ публицистовъ; сторонникамъ послѣднихъ не нѣшало бы, для отрезвленія, снова перечитать хотя бы старую повѣсть Ауэрбаха).

Всѣ эти особенности «романической біографіи», написанной Ауэрбахомъ, дѣлаютъ ее чрезвычайно интересной и поучительной даже нынѣ, спустя полвѣка слишкомъ послѣ ея появленія въ свѣтъ. Впрочемъ, переведенная нынѣ г. Тавлевичемъ на древнееврейскій языкъ, эта замѣчательная книга явится совершенною новинкою для большинства той публики, для которой настоящій переводъ предназначенъ. Для типичнаго читателя нашей черты осѣдлости чтеніе «Эфраима Ку» можетъ имѣть весьма важное значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, оно познакомитъ его въ поэтической, но вѣдѣть съ тѣмъ правдивой формѣ съ идейными теченіями эпохи Мендельсона, столь оклеветанной въ новѣйшей еврейской печати; во вторыхъ, оно вызоветъ въ его душѣ много плодотворныхъ идей и чувствъ и дастъ ему обильный матеріалъ для сравненія описываемой въ романѣ среды съ тою, въ которой онъ, читатель, самъ находится. Разстояніе между этими двумя сферами, несмотря на отдаленность времени и пространства, совсѣмъ не такъ велико, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Типы нынѣшняго русско-еврейскаго и давнишняго нѣмецко-еврейскаго гетто находятся въ тѣсномъ родствѣ между собою, и бурные порывы, волновавшіе еврейскую молодежь Германіи сто лѣтъ назадъ, не чужды и извѣстной

части нашего поколѣнія, не совсѣмъ выбившейся еще изъ патриархальной колѣн...

Г. Тавьевъ, извѣстный авторъ юристъическихъ разсказовъ и фельетоновъ, очень хорошо перевелъ книгу Ауэрбаха: языкъ—легкій, богатый и живой, чуждый обычной вычурности гебраистовъ. Мѣшаютъ только мѣстами слишкомъ сильныя неологизмы, въ духѣ ново-іерусалимскаго діалекта Явца, хотя переводчикъ и сопровождаетъ ими такіа выраженія подстрочными нѣмецкими объясненіями, но если съ подобными словесными новшествами можно еще мириться, какъ съ мелкими неудобствами, то никакъ уже нельзя мириться съ своеобразными идейными новшествами, высказанными въ «Заявленіи отъ переводчика», помѣщенномъ въ концѣ книги. Г. Тавьевъ, оказывается, счелъ нужнымъ *оправдаться* передъ публикою въ томъ, что онъ рѣшился перевести повѣсть Ауэрбаха. «Я полагаю,—говоритъ онъ—что большинство читателей удивится, или даже вознегодуетъ, что я, въ нынѣшнюю эпоху націонализма, ввожу въ еврейскую литературу книгу, по существу совсѣмъ несовершенную—повѣсть, написанную повидимому въ духѣ сліянія и крайняго «германизма» и во всякомъ случаѣ не въ еврейскомъ духѣ. И кто знаетъ? Можетъ быть, найдутся такіе злые люди, которые распусятъ про меня ложный слухъ, будто я умышленно преподнесъ еврейской публикѣ эту повѣсть, для того чтобы остудить ея жаръ и ослабить ея національное чувство... Такая мысль, конечно, не могла бы придти въ голову ни мнѣ, ни тѣмъ болѣе почтеннымъ издателямъ фирмы «Ахисафъ», предложившимъ мнѣ этотъ переводъ» (стр. 286—87). Оправдывается г. Тавьевъ тѣмъ, что онъ, напротивъ, своимъ переводомъ имѣлъ совсѣмъ противоположную цѣль, а именно—показать на призмѣ героевъ повѣсти Ауэрбаха, въ какія гибельныя послѣдствія приводитъ «ложное просвѣщеніе», стремящееся къ самоотреченію и сліянію съ другими націями. По мнѣнію автора, ничто не можетъ сдѣлать идею ассимиляціи столь омерзительною въ глазахъ нынѣшней еврейской молодежи, какъ этотъ именно разсказъ изъ Менделсоновской эпохи. Юный читатель, по его мнѣнію, долженъ вынести отсюда убѣжденіе, что именно въ ту эпоху люди бродили во мракѣ, ходили ощупью, не зная середины между мертвой ортодоксіей и повальшимъ безвѣріемъ и распущенностью. Такимъ образомъ, повѣсть Ауэрбаха, «противорѣча во всемъ истинному еврейскому духу», можетъ, тѣмъ не менѣе, принести пользу съ отрицательной стороны и доказать, что пошнго національной идеи, еврейству грозитъ разложеніе и гибель (стр. 287—88).

Для насъ, признаться, совершенно непонятны ни самооправданіе г.

Тавьева, ни вызвавшіе его мотивы. Мы, кажется, ищемъ тутъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ нѣрѣдкихъ случаевъ, когда переводчикъ не понимаетъ смысла и тенденціи переводимаго имъ сочиненія. Въ чемъ, спрашивается, видитъ г. Тавьевъ «полнѣйшее противорѣчіе еврейскому духу» и «идею крайней ассимиляціи» въ произведеніи Ауэрбаха? Въ личности главнаго героя Эфраниа Ку? Но, во первыхъ, развѣ Эфраниъ исповѣдуетъ «идею слиянія», развѣ онъ не отвергаетъ мысль о релігіозномъ отреченіи, объ изгнѣніи своему народу, развѣ онъ не страдаетъ вездѣ и всегда какъ еврей? Онъ, правда, блуждаетъ, мечется, не имѣетъ опредѣленнаго міросозерцанія, запутывается въ противорѣчіяхъ жизни и подъ конецъ даже сходитъ съ ума; въ этомъ заключается весь трагизмъ той эпохи, — но трагизмъ, вызванный естественными обстоятельствами, не можетъ возбуждать «омерзѣнія», какъ думаетъ авторъ. Такое чувство могутъ, пожалуй, возбудить разсчитанные или глухие отступники, въ родѣ Натана и Таубхенъ въ разсматриваемой повѣсти; но вѣдь къ нимъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ и самъ Ауэрбахъ, въ которомъ, конечно, было не меньше истиннаго «еврейскаго духа», чѣмъ въ его благонастроенномъ переводчикѣ. Идеализируя, напримѣръ, благородную личность Мендельсона, этого еврея съ головы до ногъ, — Ауэрбахъ крайне не симпатизируетъ рѣзкому отрицанію и цинизму Соломона Маймона. Давъ намъ образецъ чести и нравственной чистоты въ лицѣ правоваѣрнаго стараго еврея Моше-Даніеля, отца Эфраниа, онъ рядомъ съ нимъ рисуетъ непривлекательными красками двуличнаго польскаго меламеда Ханавеля, перешедшаго отъ суевѣрія къ безвѣрію. Чудный образъ сестры Эфраниа, Фейльхенъ, которая всю жизнь питаетъ платоническую любовь ко великому Лессингу и тѣмъ не менѣе умираетъ, оставшись вѣрною своему народу и своему семейному долгу, — какъ трогателенъ и прекрасенъ этотъ образъ рядомъ съ фигурою бездушной, невѣжественной Таубхенъ, ибняющей релігію изъ самыхъ низменныхъ побужденій! Гдѣ же тутъ, во всемъ освѣщеніи разсказа, «противорѣчіе еврейскому духу», «самоотреченіе» и прочіе ужасы, вынудившіе г. Тавьева просить у публики прощенія за переводъ книги Ауэрбаха?.. Нѣтъ, г. Тавьевъ, вы глубоко ошиблись! Книга благороднаго нѣмецко-еврейскаго романиста, которому антисемитизмъ отравилъ послѣднія минуты жизни, не нуждается въ вашей апологій: она вся проникнута «еврейскимъ духомъ», горячею любовью къ еврейству и вѣрою въ его духовное возрожденіе. Если этотъ еврейскій духъ вполне уживался въ міросозерцаніи Ауэрбаха съ нѣмецкимъ патріотизмомъ, то это еще не доказываетъ, что покойный поэтъ сочувствовалъ «крайнему слиянію и растворенію» евреевъ. Ауэрбахъ жилъ

и умеръ евреевъ, боролся за свободу своего народа, радовался его радостями и печалился его печальми—этого достаточно. Книга его «Эфраниъ Ку» есть чистый плодъ *еврейскаго* вдохновенія и всегда будетъ составлять украшеніе еврейской литературы.

Повторяемъ, издатели «Агіасафъ» весьма разумно поступили, познакоивъ еврейскую публику въ Россіи съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ Ауэрбаха. Они бы хорошо сдѣлали, еслибы перевели и издали другую романтическую біографію того же автора «Барухъ Спиноза». Еще болѣе можно имъ рекомендовать для перевода на еврейскій языкъ произведеніе челоуѣка, играющаго видную роль въ романѣ «Эфраниъ Ку», а именно «Автобіографію Соломона Маймона». Эта старая, но отнюдь не устарѣлая книга можетъ еще заинтересовать и даже волновать многіе умы въ нашемъ современномъ гетто. Маймоны, въ тѣхъ или другихъ видахъ, не совсѣмъ еще перевелись тамъ, а въ складѣ нашей провинціальной жизни сохранилось еще многое изъ того, что нашло себѣ отраженіе въ классической автобіографіи литовскаго выходца прошлаго столѣтія... ¹.

С. М.

---

¹ На русскомъ языкѣ всѣ эти сочиненія имѣются отчасти въ „Еврейской Библіотекѣ“, отчасти въ „Восходѣ“.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссія графа Палена и фонъ-Шлеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Раввинская комиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ приостановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда. — Эмиграція и ея значеніе. — Участие евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ.—Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе.

Всѣмъ памятнымъ событіямъ минувшаго года вызвали въ русской печати общее стремленіе оглянуться на прошлое, подвести ему итоги, дабы уяснить себѣ положеніе въ настоящемъ и ожиданія въ будущемъ. Конечно, еще не наступило время для всесторонней и полной оцѣнки этого прошлаго; да такая оцѣнка и не можетъ быть сдѣлана въ газетной статьѣ или журнальномъ обзорѣни: она есть дѣло будущаго историка. Публицистъ поневолѣ долженъ ограничиться группировкой лишь наиболѣе крупныхъ и характерныхъ фактовъ, дающихъ общее понятіе объ эпохѣ. Этимъ придется удовольствоваться и намъ, тѣмъ болѣе, что те прошлое, о которомъ намъ предстоитъ говорить, весьма богато событіями, касающимися еврейской жизни: еврейскій вопросъ занималъ въ немъ несомнѣнно весьма видное мѣсто; быть можетъ не менѣе видное, чѣмъ то, какое принадлежитъ этому прошлому въ исторіи еврейскаго вопроса.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ разразились на югѣ Россіи «еврейскіе погромы», повторявшіеся затѣмъ, хотя далеко не съ такою силою уже, и въ послѣдующіе годы. Это побудило правительство съ одной стороны объявить во всеуслышаніе, что личность и имущество евреевъ находятся подъ защитою общихъ законовъ Имперіи, а съ другой—обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе еврейскаго населенія въ Россіи. Съ тѣхъ поръ еврейскій вопросъ не сходилъ съ очереди во все минувшее царствованіе: немногіе вопросы государственной жизни выдвигались въ послѣдніе 13—14 лѣтъ такъ часто и съ такою настойчивостью, какъ именно

еврейскій. Въ общей массѣ узаконеній, изданныхъ за это время, законы о евреяхъ составляютъ весьма значительный процентъ. Два раза учреждались даже спеціальныя комиссіи для разрѣшенія еврейскаго вопроса. Первая изъ нихъ, такъ наз. Высшая Комиссія, была учреждена въ 1883 году подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Палена, а вторая—въ 1891 году подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра внутреннѣхъ дѣлъ т. с. фонъ-Шлеве.

Высшая комиссія закончила свои занятія въ 1887 году, но къ единоголасному рѣшенію прійти не могла. Большинство ея, находя, что въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса многое слѣдуетъ предоставить времени, особенно въ области преобразованій, способныхъ воздѣйствовать на обособленность евреевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ полагало, ссылаясь на вѣковой опытъ спеціальнаго законодательства о евреяхъ, что единственнымъ цѣлью правительства при разрѣшеніи еврейскаго вопроса можетъ быть—постепенное уравненіе евреевъ въ правахъ со всѣми другими подданными имперіи. Меньшинство членовъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ большинства, напротивъ находило, что правительство должно признать своей преимущественною цѣлью огражденіе посредствомъ ограничительныхъ мѣръ кореннаго населенія страны отъ «еврейской эксплуатаціи».

Той же точки зрѣнія придерживалась и комиссія 1891 г., образованная подъ предсѣдательствомъ т. сов. фонъ-Шлеве.

По разнымъ обстоятельствамъ это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, что и отразилось на всѣхъ почти изданныхъ о евреяхъ законоположеніяхъ. Впрочемъ общая тенденція законодательства по отношенію къ евреямъ съ достаточно опредѣленностью обнаружилась—еще до учрежденія Высшей комиссіи—въ «временныхъ правилахъ» 3 мая 1882 года. Среди обширнаго законодательства о евреяхъ, состоявшагося въ нѣнувшее царствованіе, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно, поставить законоположенія, касающіяся права жительства евреевъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣютъ уже упомянутыя правила 3 мая 1882 г., воспретившія евреямъ «селиться вновь внѣ черты городовъ и мѣстечекъ». Это воспрещеніе сразу сдѣлало въ весьма чувствительной степени районъ, въ которомъ жительство евреевъ дозволяется: нынѣ этотъ районъ составляютъ уже не 15 губерній «черты осѣдлости», а лишь города и мѣстечки этихъ губерній. Администрація нерѣдко воспрещаетъ евреямъ и *временное пребываніе* внѣ городовъ и мѣстечекъ, вслѣдствіе чего каждое городское поселеніе «черты» превратилось нынѣ какъ бы въ особую «черту осѣдлости», за которую еврей преступать не дозволяется.

Относительно евреевъ, поселившихся въ деревняхъ и селахъ до 3 мая 1882 г., было разъяснено въ 1887 году, что всякій переходъ ихъ на жительство изъ одной деревни въ другую приравнивается къ «поселенію вновь» и влечетъ за собою удаленіе ихъ изъ селеній въ черту городовъ и мѣстечекъ; это разъясненіе прикрѣпило живущихъ въ деревняхъ евреевъ къ мѣстамъ ихъ жительства, которыхъ они болѣе не могутъ оставлять подъ страхомъ выселенія.

Рядомъ съ указанными ограниченіями въ правѣ жительства получили частое примѣненіе принудительныя переселенія евреевъ изъ однихъ мѣстъ имперіи въ другія. Такъ, въ губерніяхъ черты нерѣдко происходили выселенія изъ деревень въ города и мѣстечки, какъ на основаніи закона 3 мая 1882 года, такъ и на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, которыми пользовались нѣкоторые губернаторы для выселенія евреевъ, главнымъ образомъ покойный могилевскій губернаторъ Янковскій, распоряженія котораго были, впрочемъ, отиѣнены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Значительныя выселенія имѣли мѣсто и въ 50 верстной чертѣ, откуда администрація стала высылать всѣхъ иногороднихъ, не приписанныхъ къ мѣстнымъ обществамъ. Въ 1891 г. состоялся законъ о выселеніи изъ Москвы и Московской губерніи проживающихъ тамъ евреевъ - ремесленниковъ. 21 іюля 1893 г. былъ отиѣненъ циркуляръ бывшихъ министровъ Макова и Толстого, вслѣдствіе чего признаны подлежащими выселенію изъ внутреннихъ губерній въ черту многія тысячи семействъ, преимущественно мелкихъ торговцевъ. Выселяли евреевъ также изъ нѣкоторыхъ городскихъ поселеній черты осѣдлости вслѣдствіе переименованія этихъ поселеній въ села, — или исключенія ихъ изъ состава черты: эта послѣдняя мѣра была предпринята въ 1887 г. относительно Таганрога и Ростова на Дону съ уѣздами, присоединенныхъ къ Области Войска Донскаго, а въ самое послѣднее время относительно Ялты.

Въ тѣсной связи съ мѣрами касательно права жительства находятся узаконенія о правѣ евреевъ на тѣ или другія отрасли труда. И здѣсь на первомъ планѣ приходится поставить «временныя правила», вторымъ пунктомъ которыхъ воспрещено совершать на нихъ евреевъ купчія крѣпости закладныя и арендные договоры на недвижимыя имущества, находящіяся вѣвѣ черты городовъ и мѣстечекъ, а равно и довѣренности на управленіе simili имуществами.

Далѣе слѣдуетъ отиѣтить ограниченіе участія евреевъ въ разныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, преимущественно связанныхъ съ владѣніемъ землею. Ограниченіе это совершается обыкновенно чрезъ внесеніе въ уставы об-

ществъ указанія на то, что число принадлежащихъ евреямъ паевъ не должно превышать извѣстнаго процента.

Правительственныя мѣры коснулись также либеральныхъ профессій. Еще въ 1883 году послѣдовало ограниченіе числа военныхъ врачей евреевъ—5 процентами; въ то же время ограниченъ былъ и приемъ студентовъ евреевъ въ Военно-Медицинскую Академію; впоследствии приемъ ихъ въ Академію былъ вовсе прекращенъ. Въ 1889 году были установлены особыя правила относительно поступленія евреевъ въ присяжную и частную адвокатуру, которая была поставлена въ зависимость отъ особаго всякій разъ разрѣшенія министра юстиціи; такое разрѣшеніе, на сколько намъ извѣстно, ни разу дано не было, такъ что законъ 1889 г. слѣдуетъ разсматривать, какъ фактическое закрытіе евреямъ доступа къ этой области труда. Въ самое послѣднее время, именно въ началѣ 1894 года, ограниченъ 5 процентами приемъ евреевъ въ аптекарскіе ученики. Наконецъ, какъ ограниченіе доступа къ либеральнымъ профессіямъ слѣдуетъ разсматривать установленіе въ 1887 году процентной нормы для поступленія въ высшія и спеціальныя учебныя заведенія: университеты, ветеринарные и технологическіе институты, консерваторіи и Академіи художествъ. Въ 1893 г. министерскимъ циркуляромъ установлены такія же (т. е. 5 процентныя, а для столицъ 3 процентныя) нормы при приемѣ евреевъ въ зубо-врачебныя, повивальныя и фельдшерскія школы. Въ 1887-же году было установлено процентное ограниченіе для поступленія евреевъ въ среднія учебныя заведенія. Нѣкоторыя мѣры были отношеніе и къ профессиональному образованію евреевъ. Въ 1883 году было упразднено, по положенію комитета министровъ, отъ 28 января с. г., житомирское еврейское ремесленное училище, существовавшее съ 1861 года на средства мѣстнаго еврейскаго общества. Мотивомъ къ упраздненію училища послужило то, что такъ какъ евреи доставляютъ въ городахъ и мѣстечкахъ западнаго края большинство ремесленныхъ рукъ и этанъ мѣшаютъ развитію ремесленнаго труда среди кореннаго населенія края, эксплуатируемаго ими, то спеціально-еврейское ремесленное училище, *при отсутствіи подобныхъ училищъ у христіанъ*, является лишнимъ орудіемъ въ рукахъ евреевъ для эксплуатаціи кореннаго населенія ¹. Въ этой мотивировкѣ небезынтересно отмѣтить официальное констатированіе факта, что евреи «доставляютъ въ край большинство ремесленныхъ рукъ»; какое-либо обстоятельство не совсѣмъ мирится съ представленіемъ объ эксплоа-

¹ Мышь, „Руководство къ русск. законодат. о евреяхъ“, стр. 348.

таторской роли евреевъ, лежавшей въ основѣ принимавшихся относительно нихъ мѣръ.

Измѣненія произошли въ рассматриваемую нами эпоху и въ публично-правовомъ положеніи евреевъ. Самое важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ новое Городовое Положеніе, а также и земское; послѣднее совершенно устранило евреевъ отъ участія въ земскомъ самоуправленіи. По первому-же, евреи лишены права избирать гласныхъ, равно какъ и права быть избранными; гласные изъ евреевъ назначаются отъ правительства, въ развѣрѣ, не превышающемъ $\frac{1}{10}$ части всего числа наличныхъ гласныхъ въ думѣ; евреи не могутъ быть ни городскими головами или старостами ¹, ни членами управъ. Такимъ образомъ представительство евреевъ въ городскихъ думахъ поставлено въ несоотвѣтствіе съ численностью еврейскаго населенія въ городскихъ поселеніяхъ черты ², въ которыхъ оно обыкновенно составляетъ не $\frac{1}{10}$ часть, а половину, и нерѣдко даже $\frac{1}{2}$ всего населенія города или мѣстечка. Сверхъ того значеніе еврейскаго представительства умалено и качественно вслѣдствіе *назначенія* еврейскихъ гласныхъ мѣстною администраціею. Кратковременный опытъ новаго Городового Положенія успѣлъ уже показать, что новыя думы, представляющія нерѣдко интересы незначительнаго сравнительно нееврейскаго меньшинства, не всегда склонны принимать во вниманіе даже наиболѣе законныя ходатайства и требованія мѣстныхъ еврейскихъ обывателей.

Цѣлымъ рядъ мѣръ былъ принятъ «для обезпеченія правильнаго исполненія евреями воинской повинности». Среди нихъ особое вниманіе обращаетъ на себя установленіе въ 1886 г.—300 р. штрафа, налагаемаго на *семейство* уклонившагося отъ исполненія воинской повинности. Штрафъ этотъ налагается административнымъ порядкомъ и взыскивается мѣрами полиціи. Въ томъ-же 1886 г. была установлена выдача вознагражденій за *поимку* уклонившихся отъ воинской повинности евреевъ.

Не была оставлена безъ вниманія и внѣшняя сторона жизни евреевъ, причѣмъ предметомъ особенной заботливости были еврейскія имена. Въ 1893 году былъ даже изданъ спеціальнй законъ, обязывающій евреевъ подѣ страхомъ наказаній, опредѣленныхъ ст. 1416 уложенія, именоватьса во всякаго рода актахъ и документахъ только тѣми именами, подѣ которыми они значатся въ метрическихъ свидѣтельствахъ. Законъ этотъ, изданный вѣроятно для устраненія недоразумѣній, происходившихъ иногда

¹ Тамъ, гдѣ введено упрощенное управленіе.

² Въ черты евреи вовсе не могутъ быть гласными.

вслѣдствіе употребленія еврейскія (преимущественно изъ образованныхъ словъ) именъ, не значащихся въ ихъ метрикахъ, породилъ, однако, на практикѣ многія затрудненія. Администрація, не довольствуясь точнымъ смысломъ закона, обязывающаго евреевъ употреблять метрическія имена лишь въ актахъ, распространяетъ это требованіе даже на торговыя выѣски. Рядомъ съ этимъ—въ нѣкоторыхъ городахъ (Петербургъ, Москвѣ, Варшавѣ) администрація стала *обязывать* евреевъ обозначать на торговыхъ выѣскахъ ихъ *имена и отчества*. Такая мѣра была, повидимому, вызвана стремленіемъ отбѣдить принадлежащія евреямъ торговыя заведенія признакомъ, точно опредѣляющимъ національность ихъ владѣльцевъ.

Пробѣгая мысленно совокупность мѣръ, состоявшихся относительно евреевъ за рассматриваемое нами время, не трудно замѣтить, что всѣ онѣ носятъ довольно однообразный и именно ограничительный характеръ. Наряду съ узаконеніями, стѣснявшими свободу передвиженія и затруднявшими доступъ къ разнымъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности, къ образованію, къ мѣстному самоуправленію—мы не видимъ такихъ мѣръ, которыя были-бы направлены къ развитію среди еврейскаго населенія производительнаго труда и элементарнаго образованія, которыя бы клонились къ сближенію его съ кореннымъ населеніемъ страны. Въ этомъ, по всей вѣроятности, и заключается причина того, что еврейскій вопросъ, такъ много занимавшій правительственныя сферы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, до сихъ поръ все еще остается вопросомъ и вопросомъ несомнѣнно жгучимъ.

На это указываютъ многія явленія въ еврейской жизни—и прежде всего эмиграція. Эмиграціонное движеніе (направляющееся главнымъ образомъ въ Америку, и отчасти въ Палестину) началось еще во время погромовъ и съ тѣхъ поръ не прекращалось. Въ последнее время уѣзжаетъ изъ Россіи слишкомъ 20,000 человекъ ежегодно.

Вначалѣ на эмиграцію возлагались большія надежды, въ ней видѣли даже средство къ разрѣшенію еврейскаго вопроса. Еврейскому колонизаціонному обществу было разрѣшено открыть въ Петербургѣ центральное бюро для переселенія евреевъ въ Аргентину и другія страны; эмигрантамъ былъ предоставленъ льготный тарифъ; тѣ изъ нихъ, которые находились въ призванномъ возрастѣ, были освобождены отъ воинской повинности.

Но вскорѣ оказалось, что эмиграція въ лучшемъ случаѣ можетъ покрыть лишь небольшую часть ежегоднаго прироста еврейскаго населенія; въ значеніи эмиграціи, какъ радикальнаго средства, пришлось разочароваться и нынѣ ежегодныя цифры переселенцевъ нѣбуть для насъ больше

значенія показателей того бѣдственнаго положенія, въ которомъ пребываетъ еврейская масса.

Не менѣе вѣрными симптономъ того-же печальнаго обстоятельства служить и холерная эпидемія, свиншая себѣ въ послѣдніе годы прочное гнѣздо въ мѣстечкахъ черты осѣдлости, ставшихъ угрозою для санитарнаго состоянія страны. Весьма характерны также и все увеличивающіяся недонки съ еврейскаго населенія. Особенно любопытна слѣдкомъ *семимилліоннаго* недонки по взысканію 300-рублеваго штрафа, накопившаяся несмотря на энергичныя мѣры взысканія и на круговую поруку семьи виновнаго, обязанной платежамъ штрафа.

Все это—весьма серьезные указанія, дающія приблизительно понятіе о положеніи 4-тъ милліонной еврейской массы, скученной въ мѣстечкахъ западныхъ губерній, стѣсненной въ сискиваніи себѣ средствъ къ пропитанію, бѣдной и невѣжественной...

Прошлый годъ внесъ мало новаго въ неприглядную жизнь этой массы, по прежнему тянувшуюся монотонно и уныло, безъ опредѣленныхъ надеждъ на лучшее будущее.

Въ началѣ года еврейскій міръ былъ нѣсколько возбужденъ приходившими изъ столицы извѣстіями о дѣятельности Раввинской Комиссіи. Раввинскія Комиссіи, какъ извѣстно, созываются у насъ чрезвычайно рѣдко; послѣдняя собиралась въ 1879 году. Отсюда понятенъ интересъ, съ какииъ обитатели черты встрѣтили неожиданное извѣстіе о призваніи раввиновъ въ Петербургъ. Вскорѣ, однако, всё успокоилось, убѣдившись, что ничего особеннаго Комиссіи совершить суждено не было, что ея роль ограничилась отвѣтами (и то большей частью весьма нерѣшительными) на предложенные ей вопросы, касавшіеся преимущественно брачнаго права и религіозно-общиннаго быта; что никакихъ болѣе широкихъ вопросовъ Комиссія не поднимала (хотя она по закону и пользуется правомъ инициативы). Нужно, впрочемъ, оговориться: члены Комиссіи отнеслись весьма добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, и дали подробные, обстоятельно мотивированные отвѣты на всѣ предложенные имъ вопросы. Нѣкоторыя сужденія Комиссіи заслуживаютъ всяческаго одобренія и скорѣйшаго проведенія ихъ въ жизнь.

Такъ, Комиссія высказалась за обязательность еврейскихъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ, одобрила программу для слѣдъ предметовъ, высказалась за то, чтобы еврейскіе предметы преподавались не въ послѣдѣданные часы, а въ одно время съ общими предметами. Принятіе всѣхъ этихъ предположеній несомнѣнно значительно увеличило бы престижъ

начальныхъ училищъ среди еврейскаго населенія и ускорило бы вытѣсненіе изъ обихода традиціонныхъ хедеровъ со всѣми ихъ традиціонными недостатками. Вниманія заслуживаетъ также заключеніе Комиссіи по вопросу о цензурѣ еврейскихъ книгъ и особенно ея торжественное заявленіе о томъ, что въ Талмудѣ не содержится ничего противнаго правиламъ доброй нравственности и ничего враждебнаго христіанскому міру. Вытъ можетъ, это компетентное заявленіе глубокихъ знатоковъ Талмуда обезоружитъ клеветниковъ, терпящихъ свои ношныя нападки на еврейское вѣроученіе изъ разныхъ фальсификацій заграничнаго и отечественнаго происхожденія. Комиссія предложила даже помѣщать на первой страницѣ каждаго выпускаемаго въ свѣтъ изданія Талмуда разъясненіе о томъ, что встрѣчающіяся въ Талмудѣ слова: гои, нохри, акумъ обозначаютъ идолопоклонниковъ, а никакъ не христіанъ, къ которымъ они никакого отношенія не имѣютъ. Вполнѣ справедливо также требованіе Комиссіи, чтобы духовные раввины, произносящіе благословенія при вѣнчаніи, и «моэлы», совершающіе обрядъ обрѣзанія, не подвергались за это уголовной отвѣтственности, какъ это нрѣдко имѣетъ мѣсто въ настоящее время, благодаря несовершенной редакціи закона, дозволяющаго—вопреки требованіямъ жизни—совершать эти обряды одними только официальными раввинами. Нѣсколько менѣе давровъ стяжала себѣ Раввинская Комиссія своими нерѣшительными отношеніемъ къ вопросамъ брачнаго права и къ вопросу о раввинахъ. Комиссія не рѣшилась высказаться за упраздненіе устарѣвшаго, потерявшаго всякій смыслъ обряда халицы; уклончивый отвѣтъ она дала и по вопросу о передачѣ общинъ судебнымъ установленіямъ ниущественныхъ споровъ, возникающихъ между супругами, несмотря на то, что такой порядокъ уже съ 1836 г. существуетъ въ Привислянскомъ краѣ, не возбуждая никакихъ сомнѣній и неудобствъ. Комиссія побоялась признать дѣйствительными разводы безъ выдачи мужемъ разводнаго листа—даже въ случаѣ принятія однимъ изъ супруговъ христіанства, или въ случаѣ пятилѣтняго безвѣстнаго отсутствія, ссылая одного изъ супруговъ по судебному приговору, высказавъ лишь пожеланія, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ административныя власти принимали мѣры для склоненія мужа къ выдачѣ развода; такія же мѣры рекомендуетъ Комиссія и для принужденія девера къ совершенію обряда халицы, или къ выдачѣ, взаимѣ этого, приличнаго содержанія вдовѣ умершаго брата. Комиссія высказалась далѣе за узаконеніе духовныхъ раввиновъ. Требованіе это само по себѣ, конечно, вполнѣ справедливо: оно имѣетъ въ виду устранивъ существующую теперь анаомію, благодаря которой все еврейское духовенство со-

стоитъ изъ лицъ закономъ непризнанныхъ, а за такое принаются чиновники, ведущіе метрическія книги, называемыя за исполненіе этой функціи общественными, или, по народной терминологіи, казенными раввинами. Но съ другой стороны, нельзя не упрекнуть Комиссію за то, что она не высказалась определенно за повышеніе общеобразовательнаго ценза духовныхъ раввиновъ, требуя таковога—и то въ весьма скромныхъ размѣрахъ—лишь въ случаѣ возложенія на этихъ раввиновъ какихъ-либо спеціальныхъ обязанностей (напр. веденія метрическихъ книгъ).

Какъ-бы то ни было, осуществленіе и тѣхъ предложеній, какія были сдѣланы Комиссіею, много бы помогло упорядоченію евреевъ. Къ сожалѣнію, предложенія Комиссіи до сихъ поръ никакого дальнѣйшаго движенія не получили и остаются неизвѣстными, скоро ли они такое получаютъ. Лестный приѣмъ, какой былъ оказанъ на прощаніе членамъ Комиссіи со стороны г. министра внутреннихъ дѣлъ, и выраженная имъ благодарность за ихъ труды позволяютъ, однако, надѣяться, что труды эти быть можетъ втутѣ не пропадутъ.

Говоря о дѣятельности Раввинской Комиссіи, слѣдуетъ еще упомянуть о докладной запискѣ, поданной болѣе прогрессивнымъ меньшинствомъ ея (гг. Варацкомъ и Котловкеромъ) г. министру народнаго просвѣщенія. Въ запискѣ было изложено ходатайство: 1) объ увеличеніи числа еврейскихъ начальныхъ училищъ; 2) объ облегченіи евреямъ доступа въ общія и профессиональныя учебныя заведенія; 3) объ учрежденіи спеціальнаго учебнаго заведенія для подготовки образованныхъ законоучителей. Всѣ эти вопросы несомнѣнно давно назрѣли и составляютъ насущную, неотложную потребность. По официальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ членомъ Комиссіи раввиномъ Котловкеромъ, означенное ходатайство «принято къ свѣдѣнію» министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ практическихъ результатовъ пока созваніе Раввинской Комиссіи не дало. Но оно имѣетъ значеніе, какъ попытка — сдѣлать для еврейской массы нѣчто положительное, хотя бы въ области ея внутренняго, религіозно-общиннаго быта.

Въ другихъ отношеніяхъ минувшій годъ мало чѣмъ отличается отъ ряда предыдущихъ. По прежнему надъ всѣми явленіями еврейской жизни доминировалъ все тотъ же вопросъ о правѣ жительства, на всѣ лады толкуемый администраціею.

Такъ, сибирская администрація рѣшила, что въ Сибири евреи могутъ проживать только въ мѣстахъ ихъ приписки, и потому предписала выселеніе всѣхъ, живущихъ въ этихъ мѣстахъ. На чемъ основано такое толко-

ваніе администраціи, остается неизвѣстнымъ; несомнѣнно одно, что въ законѣ оно оспоры не находится. Законъ знаетъ лишь черту осѣдлости и мѣстности, лежащія внѣ черты. Внѣ черты, т. е. внѣ пятнадцати западныхъ губерній и Ц. Польскаго, не могутъ проживать только известными категоріи евреевъ, точно указанныя въ законѣ. Но разъ данный еврей пользуется правомъ проживать внѣ черты, то онъ, конечно, можетъ тамъ переселяться съ одного мѣста на другое, такъ же свободно, какъ и въ чертѣ осѣдлости, согласно общему правилу, выраженному въ ст. 959 т. IX, по коей евреи въ чертѣ ихъ общей осѣдлости, *равно вездѣ, идѣ дозволено имъ постоянное пребываніе*, могутъ переселяться съ одного мѣста на другое на общихъ основаніяхъ. Ограниченія, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи могутъ быть мѣсто лишь постольку, поскольку они прямо выражены въ законѣ. Между тѣмъ для сибирскихъ евреевъ особыя правила установлены лишь въ отношеніи отлучекъ *изъ Сибири во внутреннія губерніи*, но для отлучекъ и переселеній въ предѣлахъ сибирскихъ губерній никакихъ ограниченій не существуетъ, вслѣдствіе чего для этихъ случаевъ имѣетъ силу общій законъ, изображенный въ ст. 959 т. IX.

Толкованіе сибирской администраціи, несогласное съ закономъ, ставитъ въ то же время мѣстныхъ евреевъ въ крайне стѣснительное положеніе, прикрѣпляя ихъ къ мѣстамъ приниски, т. е. въ сущности лишая ихъ всякой свободы передвиженія, что должно весьма неблагоприятно отразиться на ихъ экономическомъ положеніи.

Весьма неправильнымъ представляются также толкованія кубанскими и терскими властями закона 18 іюня 1892 г. Закономъ этотъ, какъ извѣстно, воспрещено водворяться евреямъ въ Кубанской и Терской области на постоянное жительство, а тѣмъ, которые уже приняты къ мѣстнымъ обществамъ, воспрещено водворяться внѣ мѣстъ ихъ приниски, причемъ въ самомъ законѣ оговорено, что это правило не распространяется на лицъ съ университетскимъ образованіемъ, равно на всѣхъ тѣхъ, кто владѣетъ въ предѣлахъ областей недвижимымъ имуществомъ. Между тѣмъ, мѣстная администрація не разрѣшаетъ проживать въ областяхъ провизорамъ, несмотря на то, что они принадлежатъ къ числу лицъ, окончившихъ курсъ фармаціи въ университетахъ, и пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства и другими привилегіями (напр., по отбыванію воинской повинности) наравнѣ съ лицами, кончившими курсъ на другихъ факультетахъ. Что же касается евреевъ, владѣющихъ недвижимостью, то администрація—вопреки прямому смыслу закона,—не только не дозволяетъ имъ водворяться внѣ мѣстъ ихъ приниски, но не вы-

дасть имъ разрѣшеній даже на временныя отлучки, такъ что всё они оказываются какъ бы въ положеніи ссыльныхъ, лишенныхъ права передвиженія.

Выплылъ наружу въ прошломъ году также и вопросъ о 50-верстной чертѣ. Сомнѣніе возникло на этотъ разъ о томъ, могутъ ли проживать въ этой чертѣ евреи, пользующіеся правомъ повсемѣстнаго жительства. По слухамъ, вслѣдствіе возникшихъ въ правит. сенатѣ разногласій вопросъ перешелъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Повидимому, самое представленіе о правѣ *повсемѣстнаго* жительства должно было бы въ данномъ случаѣ исключать всякія сомнѣнія, тѣмъ болѣе что и правит. сенатъ неоднократно уже высказывался, что пользующіеся правомъ проживать повсемѣстно въ имперіи могутъ жить и въ 50 верстной чертѣ. Такое разрѣшеніе вопроса представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что и по закону 27 окт. 1858 г. (ст. 18 уст. о пасп.) даже и не пользующіеся правомъ повсемѣстнаго жительства воспрещено лишь *примчисленіе* къ обществамъ, находящимся въ 50 верстной чертѣ, а не жительство въ ней.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что примѣненіе правилъ о 50-верстной чертѣ по отношенію къ лицамъ, пользующимся правомъ повсемѣстнаго жительства, было бы и безцѣльно, такъ какъ трудно предположить, чтобы эти лица, обладающія высшимъ образованіемъ, могли заниматься контрабанднымъ промысломъ, для предупрежденія котораго эта черта установлена.

Впрочемъ въ послѣднее время проникли въ печать слухи о томъ, что предстоитъ совершенная отиѣна законовъ о 50-верстной чертѣ. Нельзя по этому поводу не вспомнить, что министерство финансовъ, т. е. то вѣдомство, которое, казалось бы, наиболѣе заинтересовано въ сохраненіи упомянутой черты, еще въ 1869 г. высказалось за ея уничтоженіе, признавая существованіе ея недостигающимъ цѣли.

Какъ всё огульнымъ мѣромъ ограничительнаго характера, такъ и узаконія о 50-верстной чертѣ причиняютъ лишь стѣсненія мирнымъ гражданамъ, нисколько не препятствуя всякаго рода «лихимъ людямъ» продолжать то зло, которое этии мѣрами нѣлось въ виду искоренить. Нѣкоторыя мѣры въ прошломъ году коснулись также иностранныхъ евреевъ; а именно состоявшійся между Германіею и Россіею торговый договоръ, гарантирующій, между прочимъ, подданнымъ обѣихъ державъ свободный пріѣздъ по торговымъ дѣламъ, нѣмѣлъ своимъ послѣдствіемъ установленіе льготныхъ условій для пріѣзда въ Россію иностранныхъ евреевъ, состоящихъ главами или агентами заграничныхъ торговыхъ фирмъ. Въ настоящее время

эти лица могутъ прїѣзжать по однимъ консульскимъ видамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Подобныя же правила были установлены и относительно прїѣзда въ Россію средне-азиатскихъ евреевъ, оставшихся въ подданствѣ сосѣднихъ ханствъ. Относительно же тѣхъ средне-азиатскихъ евреевъ, которые были приняты въ руссійское подданство, разъяснено, что они могутъ прїѣзжать для торговыхъ дѣлъ лишь на «Оренбургскую линію», относительно же прїѣзда во внутреннія губерніи они обязаны соблюдать общія правила о евреяхъ.

Рядомъ со всѣми этими распоряженіями и разъясненіями о правѣ жительства происходили въ разныхъ мѣстахъ Россіи выселенія, превратившіяся въ послѣдніе годы въ хроническое бѣдствіе, разоряющее сотни и тысячи еврейскихъ семействъ. 1 іюня истекалъ срокъ, назначенный для выѣзда изъ внутреннихъ губерній лицамъ, потерявшимъ право проживать внѣ черты въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 21 іюля 1898 года. Изъ Орла, Саратова, Курска, Тифлиса и массы другихъ мѣстъ стали получаться свѣдѣнія о предстоящихъ или происходящихъ уже выселеніяхъ. Выселяемые—повсюду большею частью народъ бѣдный; во многихъ мѣстахъ пришлось даже собирать пожертвованія, чтобы было на что выѣхать. Число выселяемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигало весьма значительной цифры. Такъ, изъ Никольской слободки сообщали, что выселенію подвергается около 400 семействъ. «Съ выселеніемъ евреевъ, сообщалось тогда въ газетахъ («Кіевское Слово»), Никольская слободка можетъ превратиться въ тотъ захудалый поселокъ, какинъ она была раньше». Въ Орлѣ подлежало выселенію 110 семействъ, въ Астрахани—57 и т. д. Особенно эвергично выселяли евреевъ изъ Риги, гдѣ администрація прибѣгала даже къ устройству ночныхъ облавъ; подлежащихъ выселенію заключали подъ стражу, и только благодаря особымъ стараніямъ было разрѣшено доставлять имъ въ домъ заключенія кошерныя съѣстные припасы и горячую пищу. Любопытное всего то, что подвергшіеся выселенію—всѣ поголовно *ремесленники*, дѣйствительно занимающіея своимъ ремесломъ, и имѣющіе слѣдовательно полное право проживать въ Ригѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Съ особенной строгостью относится администрація къ евреямъ и въ Ялтѣ, недавно исключенной изъ черты осѣдности: туда не допускаются теперь на жительство не только такіа лица, кои въ вообще не присвоено право проживать внѣ черты, но также ремесленники, фельдшера, сыновья 1-й гильдіи купцовъ и т. д. Не дозволяется также временный прїѣздъ больныиъ. Одно время въ печати держались слухи о прїостановкѣ выселенія изъ Ялты. Но слухи эти не под-

твердились и всё мѣстные евреи, подлежащіе выселенію, оставили Ялту въ октябрѣ и въ началѣ ноября.

Характернѣе иллюстраціею къ тому, насколько всё эти экстренныя мѣры, принимаемыя относительно евреевъ, оправдываются интересами мѣстнаго населенія, можетъ послужить рядъ ходатайствъ со стороны этого послѣдняго объ оставленіи евреевъ на мѣстѣ. Такъ, Астраханскій биржевой комитетъ ходатайствовалъ отъ имени купцовъ Астрахани и Царицына объ оставленіи на жительство въ этихъ городахъ евреевъ, подлежащихъ выселенію по закону 21 июля 1893 г. Въ ходатайствѣ указывалось, что мѣстные евреи «являются посредниками въ торговлѣ и промышленности (рыбной и нефтяной) не только съ отдаленными губерніями и областями Россіи, но и съ иностранными государствами, напр., съ Румыніею, Болгаріею и Германіею; что съ удаленіемъ ихъ промышленность и торговля, поднятая въ мѣстномъ краѣ трудами многихъ лѣтъ и постоянно, благодаря имъ, прогрессирующая, должна пасть, и мѣстное населеніе не только въ лицѣ видныхъ коммерсантовъ, но и небогатыхъ труженниковъ подвергнуться крупнымъ потерямъ». Царицынскіе купцы заявляли что евреи «успѣли открыть новые рынки сбыта рыбныхъ и нефтяныхъ товаровъ, которыми сумѣли заинтересовать западныхъ и юго-западныхъ капиталистовъ; что на мѣстахъ производства они, евреи, культивировали особые способы приготовленія товаровъ, напр., въ рѣзкѣ и засолѣ, соответственно вкусамъ вновь прибрѣтенныхъ потребителей». Изъ Тамбовской губерніи сообщали, что крестьяне дер. Добринки вошли съ ходатайствомъ къ губернатору объ оставленіи проживающихъ въ деревнѣ евреевъ на мѣстѣ, указывая, что благодаря евреямъ они имѣютъ хорошіе заработки и что выселеніе евреевъ можетъ отразиться вредно на ихъ крестьянскомъ благосостояніи. Подобныя же ходатайства поступили къ г. тамбовскому губернатору отъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, заводчиковъ, мельниковъ, представителей банковныхъ учреждений и т. п. Въ «Русскія Вѣдомости» писали изъ Курска, что мѣстнымъ землевладѣльцевъ смущаетъ предстоящая высылка съ желѣзнодорожныхъ станцій евреевъ, занимающихся хлѣбнымъ комиссіонерствомъ. «Эти евреи,—писалъ корреспондентъ московской газеты,—благодаря своимъ связямъ съ крупными экспортными фирмами, являлись всегда выгодными и дешевыми покупателями; выселеніе ихъ създать число некупателей, лишить хлѣбную торговлю многихъ привычныхъ способовъ и можетъ весьма невыгодно отразиться на интересахъ продавцевъ, хлѣбныхъ производителей. Насколько послѣдніе интересы здѣсь затронуты, показываетъ слѣдующее: какъ говорятъ, губернской администраціи было подано ходатайство объ

оставленіи евреевъ-комиссіонеровъ на станціи Корнево Курско-Кіевской ж. д., и подъ ходатайствомъ подписалось болѣе сорока мѣстныхъ землевладѣльцевъ». Насколько извѣстно, эти мѣстные ходатайства отчасти были уважены министерствомъ вн. дѣлъ, разрѣшившимъ нѣкоторымъ изъ подлежащихъ выселенію остаться еще на годъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ «до особаго распоряженія центральной власти».

Среди другихъ событій минушаго года обращаетъ на себя вниманіе ограниченіе приѣма евреевъ въ аптекарскіе ученики 5 процентами на каждый врачебный округъ, а въ столицахъ—3 процентами. Мѣра эта, устанавливаемая новое и важное ограниченіе присвоенныхъ евреямъ по закону правъ, состоялась въ административномъ порядкѣ, а не въ законодательномъ. Мотивомъ къ новому ограниченію, какъ видно изъ министерскаго циркуляра, послужило лишь то обстоятельство, что процентныя ограниченія уже установлены при приѣмѣ евреевъ въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, въ фельдшерскія, повивальныя, зубо-врачебныя и другія спеціальныя школы, и что отсутствіе подобныхъ ограничительныхъ мѣръ относительно аптекарскихъ учениковъ въ связи съ затруднительнымъ для евреевъ доступомъ въ указанныя спеціальныя школы неминуемо должно повлечь за собою наплывъ въ аптеки лицъ еврейской національности.

Казалось бы, что наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ къ устраненію наплыва евреевъ въ данную отрасль труда могло бы служить открытіе имъ наравнѣ съ другими гражданами доступа ко всѣмъ дозволеннымъ занятіямъ, а не удаленіе ихъ изъ тѣхъ немногихъ отраслей труда, которыя имъ еще остались доступны.

Въ виду этого соображенія нельзя не пожалѣть также о томъ, что недавно только при преобразованіи Московской (Петровской) сельско-хозяйственной академіи въ сельско-хозяйственный институтъ было установлено, что евреи въ институтъ вовсе допускаться не будутъ. Такимъ образомъ въ настоящее время подготовку къ сельско-хозяйственной дѣятельности евреи могутъ получать лишь въ Ново-Александрійскомъ институтѣ, гдѣ также впрочемъ приѣмъ ихъ ограниченъ 5 процентами.

Въ заключеніе обзора мѣръ, состоявшихся относительно евреевъ, слѣдуетъ еще упомянуть о новомъ «Положеніи о видахъ на жительство» 3 іюня 1894 года. Въ Положеніи оговорено что «дѣйствующія узаконенія относительно постоянного или временнаго пребыванія евреевъ какъ въ чертѣ осѣдлости, такъ и внѣ оной, остаются въ силѣ». Далѣе, указывается порядокъ выдачи евреямъ особыхъ билетовъ, пропущиваемыхъ

къ ихъ выдаѣ на жительство въ удостовѣреніе права на временное пребываніе внѣ черты. Сверхъ того въ Положеніи содержится нестановленіе о томъ, что «въ выдаѣхъ на жительство евреевъ какъ грамотныхъ, такъ и неграмотныхъ, обязательно означаются ихъ приѣты». Грамотныя лица другихъ исповѣданій, по новому Положенію, какъ извѣстно, изъяти отъ означенія ихъ приѣты. Сомнѣніе возбуждаетъ вопросъ, должны ли означаться приѣты и въ выдаѣхъ евреевъ, пользующихся правомъ повсенѣснаго жительства. Повидимому такое обозначеніе не должно было бы имѣть мѣста, какъ по его безцѣльности вообще, такъ и потому, что и до сихъ поръ оно никогда не практиковалось, а «Положеніе» 3 іюня 1894 г. по общему своему духу имѣеть цѣлю облегченіе паспортныхъ стѣсненій, а не отягощеніе ихъ. Весьма тяжелымъ представляется уже обстоятельство, что въ выдаѣхъ евреевъ и нынѣ ихъ вѣронсповѣданіе обозначается не иначе какъ *красными чернилами*, что насколько намъ извѣстно не приѣняется къ лицамъ другихъ исповѣданій, и слѣдовательно носить какъ бы характеръ *исключительный*. Врядъ ли дальнѣйшее развитіе подобной практики—въ видѣ обязательнаго прибавленія приѣты—можетъ представляться въ какомъ либо отношеніи цѣлесообразнымъ.

Внутренняя жизнь еврейства за обозрѣваемый періодъ въ общемъ представляла мало отраднаго. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ черты по прежнему сообщаютъ о той же нищетѣ, безработницѣ, эпидеміяхъ...

Въ началѣ весны пришли вѣсти о новомъ погромѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Екатеринославѣ. Благодаря энергій мѣстныхъ властей погромъ большаго разгнѣва не принялъ. Характеръ погрома позволяетъ предполагать, что толпа, разбивая лотки базарныхъ торговцевъ, врядъ ли руководилась какою-либо сознательною цѣлю, врядъ ли дѣйствовала по собственному побужденію. Быть можетъ, и здѣсь, какъ въ Стародубѣ, истинною причиною безпорядковъ были узкіе интересы немногихъ лицъ, желавшихъ натравить толпу на своихъ еврейскихъ конкурентовъ. Во всякомъ случаѣ эти повторяющіеся время отъ времени погромы наглядно показываютъ, что одна изъ цѣлей, какая имѣлась въ виду при изданіи временныхъ правилъ и другихъ ограничительныхъ законовъ, а именно—предупрежденіе еврейскихъ безпорядковъ—осталась недостигнутою. Да это и неудивительно. Ограничительные законы, ставящіе одну часть населенія въ худшее положеніе сравнительно съ другою, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возвысить въ этой послѣдней уваженіе къ чужой личности и имуществу; напротивъ, они скорѣе могутъ содѣйствовать укорененію въ темной массѣ представленія о дозволенности насилій надъ тѣми, кого ставятъ въ худшее положеніе самый законъ.

Эмиграционная волна въ минувшемъ году по прежнему направлялась, главнымъ образомъ, въ Сѣв. Америку и отчасти въ Южную. Впрочемъ, размахъ движенія въ послѣднемъ году уменьшился сравнительно съ предыдущимъ 1893 годомъ, давшимъ до 40,000 эмигрантовъ; разница, судя по послѣднимъ даннымъ, достигаетъ 10,000 человѣкъ слишккомъ. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить упорядоченіе эмиграціи въ Аргентину, куда теперь отправляются тщательно подобранныя группы колонистовъ, снабженныхъ необходимыми средствами на дорогу, и имѣющихъ всѣ шансы прочно пристроиться къ земледѣлю на новой ихъ родинѣ подъ эгидой Колонизаціоннаго Общества. Конечно, число этихъ группъ весьма незначительно; въ минувшемъ году было отправлено, если не ошибаемся, не болѣе 9 группъ колонистовъ, по 50 семействъ въ каждой. Серьезнаго вліянія на экономическое положеніе массы стало быть эмиграція имѣть не можетъ. Но важно уже то, что она можетъ облегчить положеніе самихъ эмигрантовъ, которые, по получаемымъ свѣдѣніямъ, превращаются на чужбинѣ въ дѣльныхъ земледѣльцевъ. Особенно быстро перерождается подъ вліяніемъ земледѣльческаго труда эмигрантская молодежь. Видѣвшіе ее на поляхъ Аргентины (въ томъ числѣ и извѣстный русскій писатель В. Г. Короленко) единогласно удостоверяютъ быструю переищу, происшедшую въ этихъ чуждыхъ дѣлахъ черты осѣдлости, словно чудомъ преобразившихся въ дышущихъ здоровьемъ земледѣльцевъ, съ любовью занимающихся своимъ новымъ дѣломъ... Невольно навязывается вопросъ: неужели эти молодые силы не могли бы найти себѣ приложенія на ихъ родинѣ, имѣющей еще такъ много незаселенныхъ и необработанныхъ пространствъ?..

И этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе законнымъ, что и въ самой чертѣ еврейская масса обнаруживаетъ все большее стремленіе къ земледѣльческому труду. Въ этомъ году, какъ и въ прежніе годы, продолжали получаться свѣдѣнія объ участіи евреевъ въ полевыхъ работахъ. Работали они во многихъ помѣщичьихъ экономіяхъ (между прочимъ, въ экономіяхъ гр. Игнатъева) и повсюду ими остались довольны. Даже юдофобскій «Кіевлянинъ» писалъ, что евреи «работаютъ добросовѣстно, не стараясь увильнуть, какъ это часто замѣчается среди крестьянъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ же полевые рабочіе работали бы еще съ большимъ усердіемъ на своихъ собственныхъ участкахъ, если бы имъ было дозволено таковыя пріобрѣтать или, по крайней мѣрѣ, арендовать, хотя бы у тѣхъ же помѣщиковъ, къ которымъ они теперь идутъ въ поденщики и батраки. «Разъ нарушено традиціонное презрѣніе (?) евреевъ къ земледѣльческому труду», писалъ «Кіевлянинъ» по поводу полевыхъ рабочихъ,

«то это одно уже открываетъ для нихъ хорошія перспективы для будущаго». Но для этого необходимо, чтобы правительство пришло на помощь еврейской массѣ устройствомъ сельско-хозяйственныхъ школъ, разрѣшеніемъ покупать или арендовать мелкіе участки для личной обработки и т. д. Только тогда можно надѣяться на то, что земледѣльческій трудъ станетъ для евреевъ серьезнымъ источникомъ дохода и отвлечетъ ихъ отъ мелкаго посредничества и факторства.

Все болѣе усиливается среди еврейскаго населенія также сознаніе пользы и необходимости ремесленныхъ училищъ. Изъ нѣкоторыхъ городовъ въ послѣднее время получились извѣстія о проектирующихся ремесленныхъ классахъ, кое-гдѣ (напр., въ Могилевѣ губ.) на устройство ихъ уже собраны необходимыя средства. Въ Варшавѣ предполагено даже устроить Общество для распространенія среди польскихъ евреевъ профессиональныхъ знаний.

Все это несомнѣнно указываетъ на серьезное стремленіе еврейскаго населенія къ производительному труду, заслуживающее вниманія и поддержки какъ со стороны общества, такъ и правительства.

Будемъ поэтому надѣяться, что чисто отрицательное отношеніе къ еврейскому вопросу уступить, наконецъ, болѣе положительнымъ мѣрамъ и искреннему желанію вывести еврейскую массу на путь производительнаго труда къ ея собственному благу и благу государства: въ этого нѣтъ и не можетъ быть разрѣшенія этого сложнаго и запутаннаго вопроса, запутаннаго не столько по своему существу, сколько по внѣшнимъ причинамъ и по тѣмъ ошибочнымъ представленіямъ, которыя о немъ существуютъ и которыя превращаютъ его въ одно сплошное — по выраженію одного извѣстнаго русскаго публициста — «роковое недоразумѣніе»!

Л. З.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА. Повѣсть С. О. Ярошевскаго.	3
II. ДОЧЬ ФИЛОСОФА. Разсказъ. Макса Ринга.	28
III. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ. А. Брагина.	54
IV. ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА. Опытъ историческаго изслѣ- дованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника. На основаніи источниковъ. Проф. С. А. Бершадскаго.	82
V. РАДУЛЬФЪ И БЕРНАРДЪ. Изъ хроникъ XII вѣка. Поэма въ сти- хотв. Аполлона Коринфскаго.	104
VI. СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ. Романъ. К. Э. Францова	108
VII. ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ. Жертвы ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Ленчицѣ въ 1636—39 г. С. М. Дубнова. . .	125
VIII. ВЕТ-ALMIN. (Эмитафин). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	136
IX. НА НОВЫЙ ГОДЪ. Стихотвореніе. Х. Зингера.	139
X. О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПОНА. Сочи- неніе Флавія Юсіфа, переводъ Я. И. Израэльсона. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги стр. I—XVI). (<i>Bound separately</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВОЛОЖИНСКАГО ЕШИВОТА. Очерки съ ва- турн. М. Рыбкина	1
--	---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

XII. ОХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ. <i>Исторія евреевъ въ Россіи. По- смертное сочиненіе М. О. Шулурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5).</i> Критикуса.	16
---	----

ХІІІ. БИБЛОГРАФІЯ.

пр бѣж. *Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «Поэтъ и Купецъ» Б. Ауэрбаха, сдѣланный И. Х. Тавгесимъ. Изданіе «Ахіасафъ», въ 2-хъ частяхъ. Варшава, 1893—94.*
С. М. . . . . .

44

ХІV. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссія графа Палена и фонъ-Плеве. — Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ. — Раввинская комиссія, ея дѣятельность и результаты. — Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства. — Выселенія и ходатайства объ нихъ приостановкѣ. — Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда. — Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ.—Порождаемый этикъ вопросъ.—Заключеніе.
Л. В. . . . . .

49

ХV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1895.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДІИ ГАОНА.

При разсмотрѣніи комментарія Саадіи на книгу Іезиру¹ мы имѣли уже случай отмѣтить разницу между этимъ сочиненіемъ гаона и главнымъ его твореніемъ *Китабъ-аль-аманатъ*—валитикадатъ (по евр. *Eshnoth we deoth*). Въ первомъ мы видѣли Саадію теософомъ. Теперь намъ придется познакомиться съ нимъ, какъ съ теологомъ. Не забудемъ, что цѣли составленія означенныхъ комментарія и компендіума религіозной философіи вполне различны. Въ *Eshnoth* гаонъ доказываетъ уже не только самый фактъ и процессъ міросотворенія, но, основываясь на данныхъ библейскихъ и сопоставляя ихъ съ положеніями современной ему науки, старается выяснитъ самую сущность Божества. Теперь для гаона уже не такъ важны отношенія Его къ видимому міру и всему въ немъ существующему. Гаону важно, съ одной стороны, представить по возможности все величіе Божества, а съ другой—показать, что данныя на этотъ счетъ іудаизма вообще, а Св. Писанія въ частности являются вполне правильными и единственно возможными. Подъ влияніемъ многообразныхъ, нами уже раньше² приведенныхъ факторовъ, Саадія пришелъ къ важному выводу, что данныя науки не только не противорѣчатъ положеніямъ Св. Писанія, но и подтверждаютъ ихъ, другими словами, что вѣра можетъ быть безъ труда согласована съ разумомъ. Само собою разумѣется, что при всеобщемъ въ X вѣкѣ увлеченіи Востока метафизическими вопросами, полемика, и подчасъ крайне ожесточенная, была неизбежна. Для этого же требовалось, кромѣ

¹ См. „Восходъ“ за 1894 г.

² Тамъ же.

основательной общей подготовки, еще весьма глубокое знаніе Св. Писанія съ его органическимъ продолженіемъ—всею послѣдующею литературою. И Саадія въ высокой мѣрѣ обладалъ всѣми потребными для разрѣшенія столь трудной задачи условіями; вдобавокъ онъ умѣлъ выражаться весьма доступно и легко понятно.

Результаты этого не преминули сказаться: *Serpher Emanoth we deoth* не только сослужило въ свое время свою службу, но и въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія не потеряло своего значенія. Несмотря на то, что за многовѣковой періодъ въ лонѣ іудейства появился цѣлый рядъ первоклассныхъ мыслителей, обладавшихъ, при глубокой вѣрѣ и обширной эрудиціи, еще блестящимъ даромъ слова, Саадія не переставалъ быть любимцемъ евреевъ, не только въ виду доступности своего изложенія, но главнымъ образомъ въ силу той убѣжденности орданемъ чувствующаго и всею душою вѣрующаго человѣка, которая была ему присуща въ столь высокой степени. Этою искренностью тона, этою увлекающей убѣдительностью, этою глубокою вѣрою объясняется колоссальное вліяніе гаона на современниковъ и послѣдующія поколѣнія. Много было послѣ Саадія сказано и полнѣе, и лучше, но немногое такъ хватало за душу читателя, какъ безъискусственное *Amanath walitiquadat*. Этимъ объясняется и сравнительно раннее появленіе означенной книги на еврейскомъ языкѣ, хотя, съ другой стороны, она была въ средніе вѣка не такъ распространена среди неевреевъ (ее ни разу не переводили на латинскій языкъ), какъ сочиненія нѣкоторыхъ другихъ еврейскихъ мыслителей.

Какъ бы то ни было, но уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ мы находимъ двѣ еврейскія версіи религиознофилософскаго трактата Альфакоми. Одна изъ нихъ, принадлежащая, быть можетъ, перу извѣстнаго бургундскаго баснописца *Берахи-бенъ-Накданъ*¹, возникла раньше и представляетъ скорѣе парафразъ, чѣмъ переводъ. Она отличается большою расплывчатостью и неточностью, а оригинальность и богатство стилистики скорѣе затемняютъ смыслъ оригинала, чѣмъ разъясняютъ его.

¹ *L. Duker, Beiträge, II, p. 15. Guttman, p. 27. Срв. особенно L. Zuns, Gesammelte Schriften, III, 231—238.*

Въ мюнхенской, парижской и оксфордской библіотекахъ сохраняются полные списки ея. Напечатаны, однако, были лишь отдельные трактаты (напр., въ Мантуѣ, 1556 г., и въ Варшавѣ, 1841 г. седьмой, подъ заглавіемъ: ¹ מלמד למלך חסד), что является особенно страннымъ, такъ какъ извѣстно, что этотъ пересказъ пользовался въ свое время большою извѣстностью и распространенностью. Несмотря на всѣ свои недостатки, онъ, однако, имѣетъ то важное значеніе, что въ связи со вторымъ переводомъ даетъ въ сомнительныхъ случаяхъ возможность установить наиболѣе правильное чтеніе.

Несравненно большее значеніе имѣетъ второй еврейскій переводъ книги, сдѣланный въ 1186 году подъ заглавіемъ *Sepher haemunoth we deoth* ² знаменитымъ переводчикомъ Іегудой-ибнъ-Тиббономъ. Съ присущею ему талантливостью Іегуда почти дословно перевелъ арабскій оригиналъ ³, причемъ сохранилъ вполне классическій еврейскій стиль. Преимущества его перевода предъ первымъ такъ значительны, что онъ былъ издаваемъ съ XVI в. шесть разъ въ равное время, служа евреямъ единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ философіею Альфаюми.

Изъ переводовъ *Kitab alamanath* на новые языки можно указать здѣсь на работу J. Fürst'a, который издалъ въ 1845 г. въ Лейпцигѣ почти полную обработку книги на нѣмецкомъ языкѣ. Но сочиненіе это, составленное исключительно по еврейскимъ спискамъ безъ сравненія ихъ съ арабскимъ оригиналомъ, представляетъ массу неточностей и прямо ошибокъ, и потому, переставъ уже давно отвѣчать требованіямъ современной науки, почти утратило всякое значеніе. Цѣнною его замѣною (хотя, въ сожалѣнію, наданы лишь введеніе и первый трактатъ) является трудъ д-ра Ф. Блоха (*Vom Glauben und Wissen. Saadiah Emunoth we Deoth*), который въ большой мѣрѣ пользовался вышеуказаннымъ древнимъ парафразомъ Берахин-бенъ-Наздана.

Въ 1882 г. вышла извѣстная книга J. Guttmann'a о Саадн,

¹ Полное заглавіе: מלמד למלך חסד מלמד למלך חסד מלמד למלך חסד מלמד למלך חסד מלמד למלך חסד.

² Въ пер. соч. Авраама-ибнъ-Дауда, *Emunah gama: מלמד למלך חסד*.

³ Насколько точенъ Іегуда-ибнъ-Тиббонъ, это видно при сравненія его перевода съ лучшимъ арабскимъ оригиналомъ, изданнымъ S. Landauer'омъ въ 1880 г. Въ основу изд. Ландауера были положены, между прочимъ, рукописи оксфордская и петербургская (въ Имп. Публ. Библ.).

на которую мы уже неоднократно ссылались. Положивъ въ основаніе своихъ изслѣдованій капитальное, по арабскимъ рукописямъ составленное изданіе Kitab alamanath Ландауера, Гуттманъ далъ хотя и не переводъ, но полный и весьма обстоятельный пересказъ главнаго сочиненія Альфаюми. Отличаясь большою эрудиціею и будучи отличнымъ знаткомъ исторіи арабской философіи, Гуттманъ снабдилъ свою книгу талантливымъ введеніемъ и обстоятельными примѣчаніями, мѣстами требующими, однако, провѣрки и подтвержденій.

Въ послѣднее время въ ознаменованіе тысячелѣтняго юбилея рожденія гаона (892—1892), выходитъ у E. Leroux въ Парижѣ полное собраніе сочиненій Саадіи во французской обработкѣ и съ дополненіями проф. I. Деранбура (Derenbourg, les oeuvres de Saadia le Faououmite). Все собраніе должно состоять изъ двѣнадцати томовъ, изъ которыхъ нѣсколько уже вышло. Sepher Emunoth только что издано почтеннымъ ученымъ во французскомъ переводѣ съ еврейскимъ текстомъ Іегуды-ибнъ-Тиббона.

Наибольшая же, безъ сомнѣнія, заслуга относительно выясненія многихъ темныхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности Саадіи принадлежитъ нашему соотечественнику, А. Я. Гаркави. Неумоимо работая въ Имп. Публичной Библиотекѣ, этотъ ученый продолжаетъ постоянно находить все новыя и новыя рукописныя данныя о гаонѣ, которыя являются цѣннымъ дополненіемъ къ его работѣ *Etudes sur Saadia ben Joseph, Studien und Mittheilungen aus der Petersburger Bibliothek*, T. V.

Переходя къ разсмотрѣнію самаго Emunoth we Deoth, напомнимъ еще разъ, что въ этомъ сочиненіи мы встрѣтимъ, такъ сказать, отраженіе и отголосокъ всей умственной жизни передняго Востока того времени, со всѣми ея заблужденіями, недостатками и особенностями.

Sepher Emunoth распадается на десять отдѣловъ (трактатовъ), которымъ, по обыкновенію гаона, предшествуетъ интересное введеніе, выясняющее характеръ и цѣль всего труда.

Наша задача сводится къ болѣе или менѣе полному пересказу содержанія этого сочиненія.

Введеніе.

Саадія предпосылаетъ своему сочиненію введеніе, распадающееся на три главныхъ отдѣла:

- 1) разсмотрѣніе причинъ скептицизма изслѣдователей;
- 2) средства избѣгнуть сомнѣній;
- 3) разсмотрѣніе различныхъ поводовъ къ невѣрію.

«Итакъ, цѣль моя—изложить все это въ сочиненіи общедоступномъ, поскольку все это касается корней и основъ доказательствъ, а не ихъ развѣтвленій, чтобы облегчить трудъ изученія, дабы всякій, ищущій истины, могъ достигъ ея» — такими словами гаонъ переходитъ къ детальному опредѣленію причинъ возникновенія разныхъ сомнѣній.

1) Какъ извѣстно, основаніемъ всякаго понятія служатъ представленія, результатъ чувственныхъ воспріятій. При послѣднихъ сомнѣнія возникаютъ по двумъ причинамъ: или отъ того, что ищущій чего либо недостаточно знаетъ предметъ своихъ поисковъ, или потому, что онъ слишкомъ поверхностно ищетъ. Точно то же бываетъ и въ области интеллектуальнаго познанаія. Здѣсь сомнѣнія возникаютъ либо по незнанію методовъ мышленія, либо вслѣдствіе поверхностнаго отношенія познающаго къ познаваемому. Если же познающій вовсе не уяснилъ себѣ, чего онъ собственно ищетъ (что также бываетъ), то ясно, что онъ можетъ случайно наткнуться на истину, но въ невѣдѣніи, что обладаетъ ею, вновь потерять ее.

Случаи изъ обыденной жизни подтверждаютъ это. «Меня побудили къ этому предпріятію (написанію книги)—восклицаетъ гаонъ—мои личныя наблюденія надъ многими людьми въ области ихъ вѣры и знанія. Многіе достигли истины, познали ее и радуются ея обладанію (срв. пророка Іеремію, 15, 16). Другіе, хотя также познали истину, не стали довѣрять ей, не прониклись ею и потому не держатся ея (Осія, 8, 12). Третьи опять держатся того, въ чемъ они вовсе еще не убѣдились; утверждая, не вѣрное и почитая его правильнымъ, они хватаются за ничтожное, упуская правильное (срв. Іова, 15, 31). Четвертые наконецъ держатся въ теченіе извѣстнаго времени одного какого-нибудь опредѣленнаго взгляда, но лишь только начинаютъ колебаться въ немъ, бросаютъ его, переходятъ къ

другому, но вскорѣ и его отстраняють по какому-либо сомнѣнію, переходятъ къ третьему, чтобы и съ нимъ также быстро разстаться, и так. обр. они проводятъ всю жизнь въ вѣчномъ переходѣ отъ одного къ другому. Они подобны человѣку, желающему пойти въ городъ, къ которому ему неизвѣстна дорога. Пройдя часть пути, онъ начинаетъ колебаться относительно правильности его, возвращается, выбираетъ новую дорогу, но затѣмъ вновь сомнѣвается, снова возвращается назадъ и продолжаетъ это въ третій и четвертый разъ. Указаніе на такихъ людей находимъ въ Екклесіастѣ (10, 15). Лишь только я позналъ все это зло и понялъ губительныя его послѣдствія, скорбь о такихъ людяхъ охватила сердце мое и душа моя содрогнулась при мысли объ единовѣрцахъ моихъ, сынахъ Израиля. Въ свое время я видѣлъ многихъ вѣрующихъ, вѣра которыхъ не была чиста, познанія которыхъ не были ясны, и я зналъ многихъ атеистовъ, гордившихся своимъ невѣріемъ и глумившихся надъ людьми истины, тогда какъ они сами заблуждались¹. Я видѣлъ, какъ люди тонули въ пучинѣ сомнѣній и какъ волны лжеученій поглощали ихъ, и не было никого, кто бы бросился къ нимъ, чтобы извлечь ихъ изъ пучины.

Располагая нѣкоторыми, по милости Господа Бога, познаніями, при помощи которыхъ я могъ бы удержать такихъ людей, я считалъ священною обязанностью своею быть имъ въ этомъ дѣлѣ полезнымъ и вывести ихъ на путь къ Нему, какъ сказано у пророка (Исаія, 50, 4): Господь даровалъ мнѣ вѣщій языкъ, дабы знать, какъ словомъ поддержать утомленнаго». Саадія впрочемъ далекъ отъ всякаго самоувѣрія: онъ прямо сознается въ полномъ безсиліи своемъ, но, основываясь на библейскомъ изреченіи (Паралипом. I, 29, 17), не считаетъ себя вправе отказать ближнему въ посильной помощи. Чистосердечнымъ сознаніемъ своего несовершенства объясняются и слѣдующія прекрасныя слова гаона:

«Именемъ Бога... заклинаю я поэтому cadaго разумнаго читателя этой книги—отмѣчать всякую ошибку въ ней, и если найдетъ какое-либо сомнительное выраженіе, исправлять его.

¹ Вѣроятно, указаніе на еретика Хивы Альбальхи и его приверженцевъ.

И пусть онъ не стѣсняется тѣмъ, что я раньше его нашелъ нѣчто, ему самому не приходившее въ голову»...

Предоставляя такой просторъ читателю и выражая полную свою готовность отречься во имя истины отъ всякихъ авторскихъ правъ, гаонъ однако именемъ Бога предостерегаетъ всѣхъ отъ слишкомъ послѣднихъ и поверхностныхъ исправленій, которыя только повредятъ дѣлу уничтоженія сомнѣній и восстановленія истины. «И если учителя и ученики такъ (осмотрительно) отнесутся къ этой книгѣ, то вѣрующій укрѣпится въ вѣрѣ, сомнѣніе покинетъ скептика, гоняющійся за мелочами софистъ будетъ наставленъ на правый путь... Познаваніе Бога и Его ученія распространится по землѣ, подобно тому, какъ вода растекается по всѣмъ частямъ моря» — восклицаетъ Саадія въ пророческомъ воодушевленіи.

Но тутъ же возникаетъ въ умѣ борца за истину роковой вопросъ: что же это за мудрость, если Предвѣчный допускаетъ среди Своихъ созданій возникновеніе разныхъ лжеученій и сомнѣній? спросить тотъ или иной. Саадія разбиваетъ такого человѣка его же собственнымъ оружіемъ.

По мнѣнію гаона, въ томъ именно обстоятельстве, что мы *созданы* и заключается разрѣшеніе недоумѣнія. Какъ *созданія*, мы должны постепенно, путемъ *работы*, а не сразу, доходить до истины. При этомъ неизбежны и ошибки, и отклоненія отъ праваго пути... Это, такъ сказать, результатъ нашего собственного несовершенства, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы въ сознаніи нашей безпомощности не пытались совершенствоваться; напротивъ, мы должны изъ всѣхъ силъ стремиться къ самоусовершенствованію со стойкостью и терпѣніемъ. «Итакъ, кто ищетъ причину (своихъ сомнѣній) не въ самомъ себѣ, а требуетъ, чтобы Господь даровалъ ему способность познаванія безъ малѣйшихъ сомнѣній, тотъ тѣмъ самымъ требуетъ, чтобы Богъ сдѣлалъ его равнымъ Себѣ».

Выясняя понятія истинной вѣры, Саадія опредѣляетъ ее проникшимъ въ умъ и сердце понятіемъ о каждомъ предметѣ, познаваемомъ сообразно присущимъ ему особенностямъ ¹.

¹ האמונה הנכונה היא כחשב סתם מהניח בטרעם אלב הודוד מוכח בנן ריש משלש בודרר הגשח ודעש חנן קשר בבדירח הכשל סבל כל דבר בודיר ומושם לכל עעם חקן ומכונן.

Вниманія заслуживаютъ въ этомъ введеніи еще слѣдующія слова, доказывающія, что гаонъ, при всей обширности своихъ познаній въ области древне-греческой философіи, все таки имѣлъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ ея довольно поверхностное представление: «Вспоминаю о людяхъ¹, которымъ не могу достаточно надивиться: будучи рабами, они воображаютъ, что у нихъ нѣтъ властелина, они полагаются на невозможность существованія того, что они отвергаютъ². Такого рода люди поглощены пучиною безумія... Затѣмъ Саадія переходитъ къ слѣдующему отдѣлу:

2) Объ установленіи средствъ для устраненія сомнѣній. Такихъ средствъ три: а) удостовѣренное воспріятіе одного изъ пяти чувствъ человѣка; б) непосредственное умозаключеніе; в) логическая неизбѣжность.

Указавъ на людей, либо вовсе не признающихъ ни одного изъ этихъ средствъ, либо отвергающихъ только логическую необходимость, гаонъ восклицаетъ:

«Мы же, вѣрующіе въ единаго Бога, держимся этихъ трехъ «корней», служащихъ намъ къ устраненію всего лживаго, и присоединяемъ къ нимъ еще четвертый, основывающійся на упомянутыхъ трехъ средствахъ и самъ собою изъ нихъ вытекающій. Это—истинная традиція, построенная на чувственномъ воспріятіи, непосредственномъ умозаключеніи и логической необходимости, какъ я то покажу въ третьей главѣ этой книги» Опираясь на различныя мѣста изъ Псалмовъ, Притчъ Соломона и книги Юва, Саадія высказываетъ мысль, что названныя три средства указываются уже въ Библии. Затѣмъ онъ старается обосновать ихъ логически, обнаруживая при этомъ знакомство съ ученіями Фалеса Милетскаго, пифагорейцевъ и эпикурейцевъ. Главное мѣсто удѣляется, конечно, рефлексіи, правильному умозаключенію, логической неизбѣжности, причемъ гаонъ ссылается на свое собственное введеніе къ комментарію на Пятикнижіе. Особенно онъ совѣтуетъ остерегаться при умозаключеніяхъ того, чтобы не приходило къ плачевнымъ

¹ Здѣсь вѣроятно имѣются въ виду стоики; срв. Cicero. Paradox. VI.

² Слабость этого мѣста очевидна: хорошо былъ бы философъ, сомнѣвающійся въ правильности своихъ собственныхъ положеній!

результатамъ, каковы, напр., опроверженіе уже установленной истины или выводъ, который по существу своему опаснѣе того сомнѣнія, отъ котораго мы хотимъ избавиться. Тутъ неизбежно возникнетъ у иного не глубокомыслящаго человѣка вопросъ: если построеніе умозаключенія можетъ повести къ столь опаснымъ результатамъ, то отчего бы вовсе не отказаться отъ него? Къ тому же и въ Талмудѣ (тр. Хагига, л. 11b) сказано: «Кто задумывается о четырехъ вещахъ: о томъ, что надъ нами, что подъ нами, что предъ нами и что позади насъ, тому лучше было бы не родиться вовсе». Какъ согласовать такое изреченіе мудрецовъ израильскихъ съ взглядами, высказываемыми Саадіей? Гаонъ разрѣшаетъ недоумѣніе просто:

На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ, что «такое мнѣніе можетъ возникнуть лишь у людей необразованныхъ, подобно тому, какъ невѣжи... полагаютъ, что при лунномъ затменіи драконъ проглатываетъ луну, или какъ о многихъ невѣжественныхъ арабахъ рассказываютъ, будто они считаютъ необходимымъ закалывать верблюда на могилѣ умершаго, чтобы покойнику на томъ свѣтѣ не пришлось пѣшкомъ отправляться на страшный судъ, и множество подобнаго, о чемъ лучше умолчать». Что же касается второго пункта, то, по мнѣнію гаона, талмудическіе мудрецы вовсе не безусловно запретили размышленія объ отвлеченныхъ вопросахъ: напротивъ, ученые только запретили полагаться на результаты нашего мышленія, если бы мы достигли ихъ, *совершенно игнорируя положенія Св. Писанія*. При такомъ игнорированіи человѣкъ естественно остается безъ религіи, а отъ этого именно грѣха и хотѣли удержать насъ мудрецы-талмудисты ¹. При этомъ Саадія напоминаетъ читателямъ:

¹ Объ этомъ вопросѣ Саадія трактовать уже въ своемъ комментарий на Сеферъ Јеціру (см. „Восходъ“ 1894 г. кн. XI, стр. 26--27). При сравненіи обоихъ мѣстъ бросается въ глаза рѣзкое ихъ различіе: въ введеніи на Sefer Језігаһ гаонъ толкуетъ данное талмудическое изреченіе въ томъ смыслѣ, что людямъ запрещено братья за разгадку самой сущности Божества, чтобы они не пытались представить Его себѣ такимъ, какимъ Оно было до міросотворенія. Однимъ словомъ, гаонъ предостерегаетъ отъ попытки опредѣлить точно Божество въ Его абсолютности. Здѣсь же вопросъ рассматривается съ практической точки зрѣнія, при чемъ дозволяется мыслить о Божествѣ и Его

«Знай ты, изучающій сію книгу (да укрѣпить тебя Господь!), что мы съ двоякою цѣлью философски исследуемъ предметъ нашего вѣроученія: 1) для того, чтобы на дѣлѣ уяснить себѣ откровеніе нашимъ пророкамъ, и 2) чтобы сумѣть переубѣдить всякаго, кто сталъ бы на зтотъ счетъ полемизировать съ нами».

Приведенныя выдержки, въ связи съ извѣстными намъ изъ комментарія на Serpher Jezirah данными, достаточно наглядно показываютъ, что для Саадія философія является лишь прислужницей богословія, настоящею ancilla theologiae, въ томъ смыслѣ, что ученіе іуданзма вполне гармонируетъ и всецѣло подкрѣпляется выводами правильнаго мышленія и разумнаго, философскаго познанаія. Откровеніе, по мнѣнію гаона, было неизбежно, хотя нѣкоторые готовы отрицать его необходимость, утверждая, что люди, путемъ собственнаго мышленія современемъ достигли бы тѣхъ же результатовъ. Именно въ этомъ «современемъ» и лежитъ, по словамъ Саадія, центръ тяжести всего вопроса. Еслибы Господь не послалъ на землю Откровенія, то человечеству пришлось бы *безъ религии* много вѣковъ донскиваться ея, и оно было бы обречено на массу опасныхъ случайностей и ошибокъ; другими словами, люди жили бы въ безбожіи, обманѣ и лжи, въ полномъ безвѣрїи и мракѣ.

Но и по сей день существуютъ живущіе въ такомъ плачевномъ состояніи люди. Почему? Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который Саадія служить послѣдній отдѣлъ его введенія:

3) О поводахъ къ атеизму.

Такихъ поводовъ гаонъ констатируетъ восемь: а) апатія человѣческая, если дѣло касается какого-нибудь вопроса, разрѣшеніе котораго требуетъ извѣстныхъ усилій; б) отсутствие ума, характеризующее большинство; в) стремленіе людей прежде всего къ удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей и вытекающія отсюда чисто-животныя страсти; д) отвращеніе къ личному продумыванію слышаннаго и незначительная доля вниманія при этомъ; е) самомнѣніе и самоувѣренность, недо-

---

твореніяхъ для укрѣпенія себя въ вѣрѣ. Разница эта объясняется различіемъ цѣлей той и другой книги Саадія. Срв. М. Lambert, р. IX.

пускающія у иного и мысли, чтобы онъ чего-либо не зналъ; *f*) частое повтореніе изреченія какого-нибудь безбожника. Если человекъ слышитъ, что мнѣнія атеиста повторяются другими, то онъ можетъ легко проникнуться ими и считать ихъ истинною; *g*) какой-нибудь *слабый* доводъ, приводимый кѣмъ-либо изъ монотеистовъ въ пользу своего ученія, и *h*) личные ссоры съ кѣмъ-нибудь изъ монотеистовъ, такъ что недружелюбное отношеніе къ человекѣ переносится и на его ученіе!¹.

Въ заключеніе Саадія приводитъ заглавія всѣхъ десяти отдѣловъ или трактатовъ своего труда, при чемъ говоритъ:

«Въ каждой главѣ я буду исходить изъ того, что возвѣстилъ намъ Господь и какъ это подтверждается доводами разумнаго, логическаго пониманія. Затѣмъ, я намѣренъ приводить мнѣнія лицъ, высказавшихся за или противъ тѣхъ данныхъ, насколько мнѣ это извѣстно²; приведу ихъ доказательства и сопоставлю съ ними свои собственныя. Заключеніе составятъ подтверждающія мои доводы выдержки изъ Писанія.

Изъ сжатой передачи этого введенія уже видно, насколько гаонъ стоитъ на почвѣ возвращеній представителей мусульманской философіи, мотазилитовъ и мутекаллимовъ. Подобно имъ, и Саадія только съ тою цѣлью считается съ философскими возвращеніями, чтобы при помощи ихъ достигнуть намѣченныхъ, *желанныхъ* въ смыслѣ религиозномъ, результатовъ. Этотъ же принципъ, логическое мышленіе даже въ дѣлахъ вѣры, заимствованъ Саадіей у мотазилитовъ, приверженцевъ *свободы мышленія*. Благодаря имъ, гаонъ призналъ однимъ изъ надежнѣйшихъ факторовъ логическую, построенную на умозаключеніи, необходимость, и хотя онъ не игнорируетъ чувственныхъ воспріятій (наперекоръ мотазилитамъ, увѣряющимъ, что они ни-

---

¹ Тутъ Саадія намекаетъ, вѣроятно, на непріязнь къ нему эксиларха Давида, обвинявшаго его нѣкогда въ безбожіи.

² Въ этой именно полемикѣ, выясняющей между прочимъ окраску тогдашней интеллигенціи, заключается много цѣннаго матеріала для исторіи культуры передняго Востока X вѣка.

что иное, какъ результатъ воображенія), но безусловно требуютъ ихъ удостовѣренія, ихъ реальности ¹.

Впослѣдствіи и Маймонида особенно рѣзко нападалъ на этотъ взглядъ мутекалимовъ, который, будучи въ состояніи повести къ самымъ крупнымъ негѣпникамъ, представляя имъ не менѣе основаніе или по крайней мѣрѣ одинъ изъ краеугольныхъ камней всего ихъ ученія ². Подобно метафизикамъ, Саадія не считалъ философскаго элемента вреднымъ въ дѣлахъ вѣры. Опредѣленіе сущности *спры* также совпадаетъ у Альфакуми съ дефиниціею мутекалимовъ ³. Равнымъ образомъ и распредѣленіе и группировка матеріала тождественны у него съ приемами его арабскихъ современниковъ ⁴.

Первый трактатъ, носящій въ еврейскомъ переводѣ заглавіе *שְׁתַּיִם בְּיָמֵינוּ וְכָל הַבְּרִיָּה* («О томъ, что вселенная со всемъ въ ней существующимъ сотворена»), посвященъ вопросу о *міроизданіи* и представляетъ наиболѣе серьезную, основную часть всей религиознафилософской системы Саадія, подобно тому какъ космогоническіе вопросы искони составляли исходный пунктъ всякаго философскаго мышленія.

Отлично сознавая всю трудность предпринятой задачи, гаонъ начинаетъ изложеніе такимъ предупрежденіемъ: «корень вопроса крайне тонокъ; его невозможно воспріять ни однимъ изъ нашихъ пяти чувствъ; онъ можетъ даться намъ лишь путемъ *мышленія*». Словомъ, Саадія указываетъ тамъ на невозможность разрѣшенія задачи путемъ эмпирическимъ, путемъ анализа внѣшнихъ явленій, внѣшнимъ же образомъ и восприимаемыхъ.

Все основывается тутъ на логическомъ мышленіи, на правильномъ умозаключеніи. Если бы мы хотѣли, примѣрно, дока-

¹ И греческіе перипатетики считали чувственные воспріятія основой философскихъ изслѣдованій, такъ какъ они отнюдь не обманчивы.

² *סְפָרָה לְעוֹלָם הַבְּרִיָּה* сказано у Маймонида (More, VIII отд., стр. 1). „Все, что возможно воображенію, должно быть признано и разумомъ за возможное“—таково было ученіе мутекалимовъ.

³ Срв. *Haarbrücker*, *Schahrastanis Religionsparteien u. Philosophenschulen*, I, p. 94.

⁴ Срв. *M. Eisler*, *Vorlesungen etc.* I, p. 3—4.

затѣ, что міръ созданъ изъ ничего, то мы тщетно стали бы искать подобнаго тому примѣра въ явленіяхъ обыденной жизни, иначе не было бы и необходимости въ доказательствѣ выставляемаго положенія путемъ мышленія.

Указавъ затѣмъ на то, что на основаніи Быт. I, 1 и Исаиѣ, XL, 24, *міръ созданъ именно изъ ничего*¹, и притомъ въ *опредѣленный моментъ времени*, Саадія переходитъ къ философскому обоснованію своего взгляда и останавливается на четырехъ аргументахъ въ пользу міросотворенія въ *опредѣленное время*. Эти доказательства необходимы гаону, потому что среди его современниковъ пользовались большою распространенностью не вѣжущіеся съ Библией взгляды Платона и Аристотеля².

Доказательства эти слѣдующія:

1) Такъ какъ небо и земля ограничены (земля потому, что находится въ центрѣ міровданія, а небо, такъ какъ оно вращается вокругъ земли), то и присущая имъ сила ограничена, ибо невозможно допустить, чтобы въ ограниченномъ тѣлѣ была безграничная сила: это противорѣчило бы общепринятой истинѣ. А такъ, какъ мы видѣли, что сила неба и земли конечна, то, слѣдовательно, и небо и земля конечны, т. е. должны имѣть начало и конецъ³. Но гаонъ не удовлетворяется этимъ прямымъ доказательствомъ и потому приводитъ еще слѣдующее

¹ Въ Комментаріи Sepher Jezirah, Саадія уже указывалъ на это. По его мнѣнію, раздѣляемому и Маймонидомъ и Ибнъ-Цадикомъ и Нахманидомъ, это доказывается уже значеніемъ глагола *м'а*.

² Аристотель, по мнѣнію Абу—Насра—Альфараби, безусловно отрицаетъ міросотвореніе. По *de caelo* I, 10—12 и *Phys.* II, 6—9 (срв. однако *de mundo* II) міръ существовалъ вѣчно, равно какъ Вѣщество и время, въ видѣ показателя движенія, существовали всегда, а не были созданы. Такимъ образомъ ученіе Аристотеля о міросотвореніи диаметрально противоположно библейскимъ даннымъ по тому же предмету, какъ оно разнится отъ послѣднихъ и въ томъ, что по Аристотелю міръ будетъ существовать вѣчно безъ перемиѣнъ. Платонъ также (срв. *Тімаея*, с. 32) признаетъ вѣчность божества и матеріи, причѣмъ послѣдняя, находясь первоначально въ хаотическомъ состояніи, влослѣдствіи, по волѣ деіурга, приняла форму теперашняго міроданія. Въ такомъ только смыслѣ можно понимать разногласіе Аристотеля и нѣкоторыхъ другихъ философовъ относительно взглядовъ Платона на вѣчность міроданія. Во всякомъ случаѣ Платонъ категорично оспариваетъ міросотвореніе изъ ничего.

³ Доказательство это заимствовано Саадіей у Аристотеля. Срв. *Phys.* III 5, *de caelo* I, 3 и *Zeller, Philosophie der Griechen* (2 Aufl.), II, 2 p. 395 sqq.

argumentum ex contrario: «Можетъ быть, существуетъ много такихъ планетъ, какъ земля, и много небесныхъ сводовъ, изъ коихъ каждый вращается вокругъ своей земли? Можетъ быть, существуетъ безконечное множество мірозданій? ¹ Но я убѣдился, что это невозможно по самому существу вещей, такъ какъ земля, по природѣ своей, не въ состояніи держаться надъ огнемъ, а воздухъ не въ состояніи держаться ниже воды, потому что огонь и воздухъ легки, а земля и вода тяжелы». Другими словами, Саадія не допускаетъ существованія другихъ міровъ внѣ нашего только потому, что въ противномъ случаѣ основные ихъ элементы стремились бы къ соединенію съ элементами нашего мірозданія и, слѣдовательно, совпали бы съ ними. «Итакъ, я вполне доказалъ, — восклицаетъ гаонъ, — что нѣтъ небснаго свода, кромѣ нашего, и что нѣтъ земли, кромѣ нашей, и что наше небо конечно, равно какъ и земля наша ограничена». Въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ Саадія ссылается на Второзак. 13, 8 и Екклес. 1, 5.

2) «Всѣ тѣла въ мірѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ частей. Въ этомъ для меня ясное ручательство, что тѣла—твореніе творящаго и результатъ сотворенія». Въ этомъ гаонъ убѣждается путемъ разсмотрѣнія не только разныхъ животныхъ и растительныхъ тѣлъ, но и земли, состоящей изъ песку, камня, глины, щебня и т. п., и небснаго свода, состоящаго, по его мнѣнію, изъ многихъ сферическихкихъ слоевъ, между которыми помѣщаются цѣлыя группы свѣтлыхъ тѣлъ—звѣздъ. Всякое же составленіе должно было пронзойти въ извѣстное время, такъ какъ оно не можетъ быть вѣчно: начало существованія всякаго составнаго тѣла, каковыми являются всѣ существующіе въ природѣ предметы, совпадаетъ съ моментомъ его составленія, т. е. сотворенія ². Эти положенія подкрѣпляются и данными Библии (Псал. 119, 73; 8, 4; Исаія, 45, 18).

¹ Представители такъ называемой атомистической теоріи, Левклиппъ и Демокритъ, высказываютъ у Аристотеля (de caelo, ibid. с. 8—9) предположеніе о существованіи безконечнаго множества міровъ.

² Этотъ способъ доказательства встрѣчается и у Маймонида (Moreh II, ргор. 21: „Все, что состоитъ изъ двухъ (или болѣе) составныхъ частей, непременно должно признать самый актъ составленія непосредственною причиною своего существованія. Изъ этого слѣдуетъ, что бытіе такого существа

3) Третье доказательство Альфаюми опирается на *перемѣны*, которымъ подвержены всѣ тѣла. «Я нашелъ, что ни одно тѣло не свободно отъ измѣненій, которыя присущи каждому изъ нихъ, либо вслѣдствіе самой сущности тѣла, либо вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Напр., животныя и растенія возникаютъ, растутъ, достигаютъ зрѣлости, затѣмъ слабѣютъ и распадаются. Когда же я далѣе обратилъ вниманіе свое на землю, думая, что быть можетъ она свободна отъ этихъ измѣненій, то я нашелъ, что и она не можетъ лишиться звѣрей и растеній, которые созданы. А вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что вошедшее съ созданнымъ въ соединеніе само должно быть создано, подобно ему». Изъ этого же вытекаетъ, что перемѣны, происходящія на землѣ, доказываютъ лишь ея сотворенность. «Затѣмъ я подумалъ: Быть можетъ, небесный сводъ свободенъ отъ такихъ созданныхъ перемѣнъ? Когда же я ближе присмотрѣлся къ нему, то и онъ оказался не свободнымъ отъ такихъ измѣненій, первѣйшее и главнѣйшее изъ которыхъ — присущее ему постоянное движеніе. Кромѣ того, на небесномъ сводѣ замѣчается множество разнообразныхъ движеній, познаваемыхъ изъ взаимопоставленія (планетъ): однѣ изъ нихъ движутся медленно, другія быстро. Затѣмъ замѣчается, что одна часть неба передаетъ свой свѣтъ другой, такъ что въ послѣдней свѣтъ является внѣшнимъ признакомъ (перемѣной), какъ видно, напр., на лунѣ и на нѣкоторыхъ звѣздахъ, принимающихъ однѣ бѣлыя, другія красный или желтый или зеленый цвѣтъ¹. А такъ какъ я нашелъ, что созданныя перемѣны состоянія присущи всѣмъ тѣламъ и такъ какъ послѣднія (тѣла) не могли существовать раньше присущихъ имъ качествъ, то я и пришелъ къ заключенію, что все, не существовавшее раньше присущаго ему качества, составляющаго вмѣстѣ съ нимъ одно понятіе, должно было быть создано вмѣстѣ, одновременно съ

(или тѣла) не можетъ быть случайнымъ, но должно прямо зависѣть отъ наличности его составныхъ частей и ихъ соединенія». Срв. *D. Mannheim*, Die Kosmogonie bei d. jüd. Philos. des Mittelalt. p. 26—27, прим.—Въ этомъ второмъ доказательствѣ Саадія также есть точки соприкосновенія съ Аристотелемъ: таково, напр., ученіе о составномъ характерѣ организмовъ и о положеніи звѣздъ среди сферическихъ слоевъ небеснаго свода. Срв. *I. Guttman*, p. 38.

¹ Срв. *I. Guttman*, l. c. p. 38, 39. Аристотель, впрочемъ, отвергаетъ перемѣны, происходящія со свѣтилами. Срв. *D. Mannheim*, l. c. p. 28.

этимъ качествомъ». Другими словами, невозможно отдѣлять тѣло отъ его свойствъ, а потому какъ тѣла, такъ и свойства ихъ должны были возникнуть въ извѣстный моментъ времени¹. Подтверженіе этому для Саадіи представляетъ сказанное у Исаи, 45, 12.

4) «Основаніемъ четвертаго доказательства служить (само) время. Я знаю, что существуетъ прошедшее, настоящее и будущее. Хотя настоящее короче всякаго момента, однако я представлю себѣ настоящее въ видѣ точки. Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ утверждать, что если бы человѣкъ постарался мысленно вернуться отъ данной точки по линіи времени назадъ (т. е. въ прошлое, ища его начала), то это оказалось бы невозможнымъ, потому что время безконечно, а безконечнаго не можетъ охватить и мысль. По той же причинѣ и самое бытіе не можетъ по этой (воображаемой) линіи спуститься и пройти ее всю, чтобы достигнуть насъ. А если такимъ образомъ бытіе не могло бы насъ достигнуть, то и мы сами не могли бы существовать, изъ чего по необходимости вытекало бы, что всѣ мы, масса существующихъ, на самомъ дѣлѣ не существуемъ. Но такъ какъ я самъ чувствую свое существованіе (свою реальность), то на основаніи этого я непреложно заключаю, что бытіе спустилось по линіи времени ко мнѣ, а этого не могло бы быть, если бы у времени не было начала²». Другими словами: время имѣетъ начало и конецъ; прошедшее кончается въ переходѣ къ настоящему, а настоящее въ переходѣ къ будущему. Равнымъ образомъ измѣняется и все существующее во времени, а съ нимъ вмѣстѣ измѣняется и самое время. Все,

¹ Интересно, что то же доказательство почти дословно находится и въ энциклопедіи извѣстнаго общества „братьевъ чистоты“ (срв. выше) и, по свидѣтельству Маймонида (Moreh, I, 74, IV), было принято также арабскими мутевалимами, причѣмъ послѣдніе считали этотъ аргументъ наиболее вѣскимъ въ вопросѣ о міросотвореніи. Срв. *Dieterici, Die Lehre von der Weltseele bei den Arabern in X Jahrh.*, p. 125; *I. Guttman*, l. c. p. 40, anm. 1; *M. Guttman*, l. c. p. 23 sqq. 35—36 и *Mannheimer*, l. c. p. 28.

² Совершенно аналогичное доказательство, хотя гораздо яснѣе выраженное (у Саадіи это одно изъ наиболее темныхъ и запутанныхъ мѣстъ), находится и у Соломона-ибнъ-Гебироя и у р. Юсифа Альбо (*Ikkarim* I, 12). Срв. *S. Munk, Mélanges de philos. juive*, p. 218, anm. 2 и *I. Guttman*, l. c. p. 41.

что бесконечно, неизмѣнчиво, т. е. не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Время же измѣняется; слѣдовательно, оно не можетъ быть бесконечнымъ. Хотя такое заключеніе о конечности самого времени подтверждается, по мнѣнію Саадія, и Іов. 36, ст. 3 и 26 и тѣмъ окончательно опровергается представленіе перипатетиковъ о бесконечности времени, однако онъ допускаетъ возраженіе такого рода: такъ какъ мы можемъ себѣ *представить* каждый аршинъ и каждую часть пространства раздѣленными на бесконечное множество мельчайшихъ частицъ, то какъ бы могли себѣ представить, при такой бесконечной дѣлимости пространства, возможность пройти какую-нибудь часть пространства? Вѣдь такимъ же точно образомъ и мірозданіе могло бы быть вѣчнымъ безъ того, чтобы мы могли представить себѣ, какимъ образомъ дошло до насъ настоящее время? Благодаря этому соображенію, нѣкоторые мутекалیمی и мотазилиты прибѣгли къ ученію объ атомахъ. Но Саадія разбиваетъ противниковъ своихъ заявленіемъ, что вся ихъ ошибка состоитъ именно въ противорѣчій ихъ теоріи съ практикою: бесконечная дѣлимость не что иное, какъ только *предположеніе*¹. на дѣлѣ оно не осуществимо, такъ какъ невозможно дѣлить мельчайшую частицу до бесконечности. Если же такое дѣленіе возможно только въ мысляхъ, а не на дѣлѣ, то немислимо допустить ни бесконечности пространства и времени, ни вѣчности мірозданія.

«Кромѣ этихъ аргументовъ, у меня есть и другіе—говоритъ гаонъ.—Нѣкоторые изъ нихъ я привелъ въ комментаріяхъ на Пятикнижіе и на книгу Іециру, равно какъ и въ возраженіяхъ противъ Хиви-га-Бальхи, съ другими указаніями, которыя ты можешь найти въ прочихъ моихъ сочиненіяхъ. Къ тому же я обращаю вниманіе (читателя) на то, что тѣ соображенія, которыя я приведу въ этомъ же трактатѣ противъ мнѣній различныхъ противниковъ нашихъ, всѣ подкрѣпляютъ и обосновываютъ мои взгляды. Поэтому слѣдуетъ обратить на нихъ особенное вниманіе».

Такимъ, слѣдовательно, образомъ Саадія по—своему дока-

¹ Та же мысль встрѣчается и въ энциклопедіи „братъвъ чистоты“. Срв. *Dieterici, Die Naturanschauung u. Naturphilosophie d. Arab., p. 10.*

заль на основаніи ограниченности и конечности мірозданія, на основаніи общезамѣчаемаго соединенія всего существующаго изъ нѣсколькихъ частей, на основаніи перемѣнчивости качествъ всѣхъ тѣлъ и на основаніи перемѣнчивости самого времени, невѣчность мірозданія и начало его въ извѣстное время.

Г. Г.

(Продолженіе будетъ).

ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА.

V 1.

Мейеровичъ оставилъ аптеку Шмычкевича въ какомъ то особенномъ настроеніи. Условіе, подписанное Шмычкевичемъ, лежало у него въ боковомъ карманѣ. Но онъ не зналъ, радоваться ли ему или нѣтъ. Что благородный панъ Шмычкевичъ воспользовался обстоятельствами и надулъ его—въ этомъ Мейеровичъ не сомнѣвался. Но на много ли? Этотъ вопросъ сильно занималъ молодого человѣка, но онъ его теперь никакъ не могъ рѣшить, такъ какъ мысли его, помимо его воли, все вертѣлись на посѣщеніи Бентовина и на его предложеніи. Если этотъ господинъ его только не надуваетъ, то это будетъ очень недурно. Восемь тысячъ—сумма порядочная и на нихъ можно отлично устроиться, пожалуй даже совсѣмъ купить аптеку Шмычкевича. Онъ это непремѣнно сдѣлаетъ и тогда постарается возмѣститъ упущенное теперь. Проходя по пыльнымъ и грязнымъ улицамъ, Мейеровичъ думалъ о томъ, какъ онъ вскорѣ здѣсь устроится, обзаведется собственнымъ домомъ, женой, капиталомъ, получить вѣсъ и значеніе. Безъ женитьбы всего этого не достигнешь. Положимъ, онъ такъ или иначе взялъ бы въ аренду аптеку Шмычкевича. Но что же дальше? Ему бы пришлось влачить жалкое существованіе, дрожать надъ каждымъ грошемъ, платить проценты. Онъ бы никогда не вышелъ въ люди. А теперь совсѣмъ другое дѣло. И онъ съ самодовольнымъ видомъ озирался на прохожихъ. Онъ никого

¹ См. „Восходъ“ кн. 1.

въ городѣ не зналъ и его никто не зналъ. Тѣмъ не менѣе ему казалось, что на него смотрять и смотрять съ любопытствомъ. Онъ тоже нѣсколько разъ заглядывалъ подъ шляпки проходившихъ мимо него расфранченныхъ барышень, не безъ удовольствія лоя ихъ смущенныя взгляды. За одной барышней, которая ему особенно понравилась, онъ неотступно слѣдовалъ на протяженіи нѣсколькихъ кварталовъ, страстно желая, чтобы это была *она*. Но барышня скрылась за дверью какого то невзрачнаго домика, и Мейеровичъ остался одинъ на улицѣ, въ недоумѣніи озираясь кругомъ.

Въ это мгновеніе окликнулъ его Бентовинъ.

— А, дорогой аптекаръ, это вы... Что вы дѣлаете въ этой части города? Отыскиваете какогонибудь знакомаго?

— Да... нѣтъ...—замаялся Мейеровичъ.—А вы куда?

— Я къ вамъ. Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ. Дѣло идетъ на ладъ, и если вы ничего не имѣете противъ, то я думаю, что будетъ недурно, если вы сегодня сдѣлаете визитъ г-ну Берковичу.

Сердце у молодого человѣка усиленно забилося, и онъ нѣсколько минутъ не могъ говорить отъ волненія.

— Сегодня? Но зачѣмъ такъ скоро?

— А зачѣмъ откладывать? Вы—человѣкъ занятой, г-нъ Берковичъ тѣмъ болѣе. Или, можетъ быть, у васъ есть какіянибудь причины?

— Никакихъ,—совершенно искренно проговорилъ Мейеровичъ.—Но все таки... Я даже не знаю, какъ это устроить.

— Очень просто... Вы явитесь съ визитомъ, какъ это водится между благородными людьми, тѣмъ болѣе, что вы уже знаете вашу будущую невѣсту.

— Какъ знаю?—изумился Мейеровичъ.

— Т. е. не знаете, но сдѣлаете видъ, что знаете и видели на улицѣ. Понимаете? Вѣдь иначе нельзя. Нужна же какаянибудь, какъ это въ романахъ дѣлается, завязка. Барышня образованная, курсъ кончила... Прямо придти съ улицы или подъ прикрытіемъ шадхена не совсѣмъ удобно. А то,

если хотите, можете явиться къ г. Берковичу по дѣлу. Онъ вѣдь со всѣмъ городомъ имѣетъ сношенія.

— Нѣтъ, ужъ я лучше такъ явлюсь...

— Помните же, что вы видѣли барышню. Впрочемъ, мнѣ-ли, неученому, учить васъ, ученаго.

И Бентовинъ ласково подмигнувъ молодому человѣку, какъ бы желая его ободрить и придать ему энергію для далеко не легкаго подвига сватовства.

Бентовинъ проводилъ Мейеровича до гостинницы, причемъ по дорогѣ еще разъ повторилъ ему всѣ условія, завѣривъ его, что все будетъ исполнено свято и ненарушимо и что г. Берковичъ, у котораго теперь осталась на рукахъ только одна дочь, не только не захочетъ обидѣть ее, но дастъ ей гораздо больше, чѣмъ общаетъ, не говоря уже о богатомъ приданомъ, обстановкѣ, брилліантахъ и пр. Слушая его, можно было подумать, что разыгрывается на яву одна изъ сказокъ тысячи и одной ночи, гдѣ на голову героя нежданно-негаданно обрушивается цѣлый потокъ золота, брилліантовъ и всевозможныхъ благъ земныхъ. Мейеровичъ слушалъ его въ какомъ то упоеніи и долго еще по возвращеніи въ свой номеръ не могъ придти въ себя отъ охватившихъ его радостныхъ чувствъ. Маленькая грязная комната въ одно окно, съ дырявой, пропитанной клопами мебелью, казалась ему роскошнымъ дворцомъ, а онъ самъ—счастливымъ обладателемъ несмѣтныхъ богатствъ и красавицы жены, которую онъ такъ любитъ, такъ любить...

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. о любви, какъ о необходимомъ элементѣ брака, онъ только вспомнилъ теперь, въ тиши своей комнаты. До сихъ поръ умъ его былъ загражденъ соображеніями чисто практическаго характера, ничего общаго съ чувствами и страстями не имѣющими. Теперь, когда съ этими соображеніями было такъ счастливо покончено, на сцену выступилъ новый факторъ, чувство, которому Мейеровичъ предался съ страстностью, не уступающей его жаждѣ матеріальныхъ благъ. Ему все мерещилась та самая дѣвушка,

которую онъ сегодня утромъ тайно преслѣдовалъ и у него явилось страстное желаніе, чтобы именно ее встрѣтить сегодня въ домѣ Берковича. Размечтавшись, Мейеровичъ даже забылъ объ обѣдѣ и только тогда очнулся, когда въ комнатѣ у него стало смеркаться. Это, впрочемъ, еще не значило, что на дворѣ наступили сумерки, такъ какъ единственное окно номера, который занималъ Мейеровичъ, выходило въ узкое мрачное пространство, окруженное глухими стѣнами сосѣднихъ зданій и солнце съ этой стороны скрывалось часа на два раньше настоящаго заката. Тѣмъ не менѣе Мейеровичъ заторопился и принялся усердно за свой туалетъ. Онъ вынулъ новую визитную пару, модный галстухъ съ брилліантовой булавкой, перчатки и шелковый носовой платокъ. Все это онъ разложилъ въ порядкѣ и осмотрѣлъ каждую вещь отдѣльно нѣсколько разъ. Чѣмъ ближе былъ часъ свиданія, тѣмъ болѣе онъ волновался. Нѣсколько разъ онъ брался обдумывать планъ встрѣчи и начало разговора. Только начало и нужно, а потомъ все пойдетъ само собой. Онъ придетъ, позвонитъ, ему отворятъ дверь, и онъ войдетъ въ переднюю. Пальто онъ передастъ горничной, а шляпу удержитъ при себѣ. Перчатокъ онъ не сниметъ. Онъ такъ и войдетъ въ перчаткахъ и при шляпѣ въ гостиную. Тамъ онъ отрекомендуется. Кому? Отцу или дочери? Не зачѣмъ ему рекомендоваться, если они его будутъ ждать? А если она одна его встрѣтитъ, что же онъ ей скажетъ? Мейеровичъ напрягалъ всѣ свои мыслительныя способности, но ничего не выходило. По натурѣ онъ вовсе не былъ робокъ, и если хотѣлъ, бывалъ даже подчасъ остроуменъ. Но теперь онъ со всѣмъ не владѣлъ собой и не могъ придумать ни одной приличной случаю фразы.

— Будь что будетъ...—рѣшилъ онъ и сталъ одѣваться, предварительно вспрыскивая каждую принадлежность своего костюма, духами, которыми онъ запасся въ изобиліи, будучи еще на службѣ.

Въ это же самое время въ домѣ Берковича шли дѣятельныя приготовленія къ приему гостя. Тотчасъ по уходѣ Бен-

товина, Розочка принялась за генеральный осмотръ всей квартиры. При помощи горничной съ мебели были сняты чашлы, въ канделябры вставлены новыя свѣчи, крышка рояля была приподнята и на пошпиръ положено нѣсколько тетрадей нотъ. Новый альбомъ, который обыкновенно хранился въ папѣ былъ оттуда вынуть и положенъ на видномъ мѣстѣ. Тутъ же около альбома была брошена книжка стиховъ Надсона въ красивомъ переплетѣ и съ помѣтками погтемъ на мѣстахъ болѣе поэтическихъ. Не тайна вѣдь, что провинціальныя барышни питаютъ особенное пристрастіе къ безвременно погибшему молодому поэту, который такъ хорошо и встати умѣлъ проливать слезы.

Покончивъ съ гостиной, Розочка съ меньшей энергіей принялась за кабинетъ отца и безжалостно вышвырнула оттуда всѣ мѣшечки съ пробами зерна, боченокъ съ сеledками, шерсть, сушеную сливу, сахаръ, однимъ словомъ все то, что придавало этой комнатѣ такой дѣловитый характеръ. Розочка сюда рѣдко заглядывала, отчасти потому, что сюда ходилъ разный людъ, съ которымъ она не имѣла никакого желанія сталкиваться, отчасти потому, что въ этой комнатѣ, благодаря ея дѣловитому характеру господствовало такое благоуханіе отъ всевозможныхъ «пробъ», что тонкое обоняніе молодой дѣвушки приходило въ сильнѣйшее раздраженіе, и дѣло всегда кончалось обильными слезами, которыя, впрочемъ, Розочка объясняла чтеніемъ Надсона.

Строгого осмотра не миновала и спальня Розочки, хотя было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ это святилище не вступить нога гостя раньше, чѣмъ онъ не сдѣлается формальнымъ обладателемъ юной хозяйки. Тѣмъ не менѣе Розочка приложила всѣ старанія, чтобы какъ можно кокетливѣе убрать свою дѣвичью келью, въ которой она такъ часто мечтала не столько о герояхъ прочитанныхъ романовъ, сколько о соблазнительныхъ предложеніяхъ разныхъ шадхеновъ съ Бентовиномъ во главѣ и о томъ, почему всѣ эти предложенія не осуществляются. Вотъ уже въ теченіе цѣлыхъ почти пяти лѣтъ съ

тѣхъ поръ именно, когда мечты ея о поступленіи на высшіе курсы и самостоятельной жизни разсѣялись, она прилагаетъ всѣ старанія, чтобы сдѣлаться достойной подругой жизни одного изъ многочисленныхъ, хотя и невидимыхъ за спинами своихъ падхеновъ искателей ея руки. Неужели и сегодняшняя попытка кончится ничѣмъ? Какъ дѣвица вполне разумная, она знала гдѣ кроется причина всѣхъ этихъ неудачъ, но громко въ этомъ никогда не сознавалась, боясь, чтобы даже стѣны не узнали эту роковую тайну.

Тѣмъ не менѣе заявленіе Бентовина, что отецъ даетъ за нею восемь тысячъ, поставило ее нѣсколько въ тупикъ. Не вѣрить Бентовину у нея не было никакой причины. Съ другой стороны отецъ ея, даже когда у него были лучшія дѣла, никогда не опредѣлялъ цифры ея приданого.

«Дамъ столько, сколько смогу, собственную дочь не обижу». — Почему же онъ теперь сталъ такъ створчивъ? Всѣ эти мысли занимали Розочку, не мѣшая ей въ то же время дѣлать замѣчанія горничной, отдавать приказанія кухаркѣ и рыться въ шкафу, выбирая соотвѣтственный случаю нарядъ. Туалетъ отнялъ у нея весь остатокъ дня. На этотъ разъ она хотѣла явиться во всеоружіи своихъ прелестей и побѣдить, побѣдить во чтобы то ни стало. Бентовинъ и ея отецъ, повидимому, подготовили почву и ей остается только довершить начатое. А потомъ—будь, что будетъ. Рѣшившись побѣдить, Розочка уже не останавливалась ни предъ чѣмъ, пуская въ ходъ всѣ наличные ресурсы. Она одѣла очень пышное платье, шею и руки украсила брилліантами и браслетами, а къ золотой цѣпочкѣ, которая обвиняла ея тонкую талію прицѣпила дорогой перламутровый вѣрвь. Въ своемъ богатомъ нарядѣ изъ шелка, бархата и кружевъ съ обиліемъ золота и брилліантовъ, Розочка походила на маленькую бабочку съ большими пестрыми крыльями. Была ли она хороша? Но это трудно было рѣшить, такъ какъ ея маленькая фигурка совершенно утопала въ этомъ тряпичномъ морѣ, и тотъ, кто бы вознимѣлъ желаніе удовлетворить свои эстетическія потребности соверченіемъ нѣжныхъ

дѣвическихъ формъ, напрасно бы трудился. Впрочемъ, глаза Розочки всегда были хороши, а сегодня положительно сверкали и затмѣвали собой блескъ брилліантовъ, можетъ быть въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Первый, вполнѣ оцѣнившій прелести маленькой очаровательницы, ея изящный вкусъ и все прочее былъ Бентовинъ, забѣжавшій на минуту взглянуть, что дѣлается въ домѣ его друга.

— Вы, положительно очаровательны!—воскликнулъ онъ, остановивъ на Розочкѣ восхищенный взглядъ.—Нашъ аптекаръ не устоитъ и сегодня же будетъ у вашихъ ногъ. Въ этомъ ругаюсь вамъ своей головой...

— Вы слишкомъ льстите мнѣ,—скромно опустивъ глазки, проговорила Розочка.—Я вѣдь не героиня романа, чтобы требовать колѣнопреклоненія. Буду очень рада, если г. Мейеровичъ пріятно проведетъ у насъ вечеръ...

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что вы не только очаровательны, но и умны. Жалѣю только, что я не смогу любоваться вами...

— Почему же? Развѣ вы не придете къ намъ?—сдѣлавъ удивленное лицо, спросила Розочка.

— Не могу. Я сегодня уѣзжаю по дѣлу. Но гдѣ же папа? Еще не вернулся? Ну, передайте ему, что я исполнилъ всѣ его порученія. Желаю вамъ полнаго успѣха...

Роза всегда считала Бентовина очень свѣтскимъ человѣкомъ. Тактъ, который онъ проявилъ въ данную минуту, отказавшись присутствовать въ качествѣ гостя, былъ вполнѣ оцѣненъ молодой дѣвушкой и заслужилъ ему ея живѣйшую благодарность. Бентовинъ, конечно, никуда не собирался уѣзжать и, выйдя на улицу, быстро шмыгнувъ въ ворота и, крадучись, добрался до кухни, гдѣ и остался, несмотря на слабыя протесты кухарки и ея намеки, что отъ его присутствія можетъ пострадать ея репутація.

— Пусть страдаетъ,—мысленно говорилъ себѣ Бентовинъ,—но за то я у самаго источника и въ случаѣ чего могу оказаться полезнымъ. Что же касается его собственной репутаціи

въ случаѣ если его присутствіе будетъ обнаружено, то онъ себя мысленно утѣшалъ тѣмъ, что газетные репортеры и не такія вещи продѣлываютъ, а вѣдь ихъ никто не упрекаетъ. Чѣмъ же онъ, Бентовинъ, хуже газетнаго репортера? Не успѣлъ Бентовинъ такъ удачно пристроиться въ обществѣ кухарки, какъ пріѣхалъ домой Берковичъ. Онъ былъ пріятно удивленъ, найдя весь домъ освѣщеннымъ чисто по праздничному, а Ровочку раводѣтой такъ, какъ будто она собиралась сейчасъ подъ вѣнецъ. Среди безконечной суматохи и хлопотъ, въ которыхъ онъ провелъ весь день, не успѣвъ даже толкомъ позавтракать въ кафе, онъ совсѣмъ забылъ, что сегодня вечеромъ долженъ къ нимъ придти женихъ, и только, когда Ровочка, вся сіяя, напомнила ему, что вскорѣ, вѣроятно, придетъ къ нимъ г. Мейеровичъ, котораго онъ же пригласилъ сегодня на чай, онъ все вспомнилъ.

— Гдѣ же Бентовинъ?—быстро спросилъ онъ.

— Онъ былъ здѣсь недавно и сказалъ, что уѣзжаетъ по твоему же дѣлу.

— Ахъ, дьяволь... Онъ мнѣ какъ разъ нуженъ былъ. Кто же еще у насъ будетъ?

— Я послала записку Евѣ, чтобы она пришла съ мужемъ...

Берковичъ поморщился. Онъ только сегодня имѣлъ довольно крупный разговоръ со своимъ зятемъ, мужемъ Евы, и провести вечеръ въ его обществѣ не особенно ему нравилось.

— Ну, а господинъ докторъ съ своей супругой придетъ?

Роза удивленно посмотрѣла на отца.

— Ты забылъ, что уже больше года какъ вы поссорились и они не бываютъ у насъ.

— Убытка большого отъ этого нѣтъ,—въ досадѣ проговорилъ Берковичъ.—Все же не мѣшало бы, чтобы они пришли. Нужно же хоть когонибудь, который бы умѣлъ съ достоинствомъ поддержать разговоръ. Я для такихъ вещей совсѣмъ не гожусь, а мужъ Евочки, сама знаешь, кромѣ процентовъ ничего не признаетъ. Ты бы все-таки написала.

— Обойдемся безъ нихъ,—оскорбленная недовѣріемъ отца

къ ея собственнымъ силамъ, проговорила Розочка.—Надѣюсь, что я не хуже г-жи докторши умѣю держать себя въ обществѣ...

Робкій звонокъ заставилъ и дочь, и отца встрепенуться. Розочка, у которой планъ встрѣчи былъ уже заранѣе обдуманъ и разработанъ, схватила отца за руку и втокнула его въ кабинетъ, шепнувъ ему, чтобы онъ вышелъ только тогда, когда горничная постучитъ къ нему въ дверь. Сама же подбѣжала къ открытому роялю и стала перебирать по клавишамъ сначала тихо, потомъ громче и громче, такъ что въ ту минуту, когда Мейеровичъ, весь блѣдный и съ бьющимся сердцемъ, снималъ пальто въ передней, а Берковичъ, по сигналу горничной, съ важностью дѣлового человѣка, выступалъ изъ своего кабинета, весь домъ оглашался такими бѣшенными звуками рояля, что ни гость, ни хозяинъ, не слышали взаимныхъ привѣтствій и только крѣпко пожимали другъ другу руки. Эти бѣшеные звуки, такъ усердно выколачиваемые маленькими ручками Розочки, не прекратились даже и тогда, когда Берковичъ, а за нимъ Мейеровичъ, шаркая ногами, вступили въ гостиную и первый, какъ можно вѣжливѣе, проговорилъ:

— Позволь тебѣ представить, Розочка, позволь тебѣ представить...

Только послѣ третьяго оклика Розочка, какъ бы опьяненная чудными звуками божественной музыки, встрепенулась и удивленно посмотрѣла на незнакомаго молодого человѣка.

— Я и не слыхала,—оправдывалась она, церемонно пожимая руку Мейеровича и обдавая его жаромъ своихъ горячихъ взглядовъ.

Мейеровичъ, весь въ новомъ, съ крупной брилліантовой булавкой, воткнутой въ модный галстухъ, и пахнуцій духами и помадой такъ, какъ будто онъ только что принялъ ароматическую ванну, продолжалъ изысканно расшаркиваться, представляя глазамъ дополнять то, чего не досказалъ его языкъ, сухой и горячій отъ душевнаго волненія. Фактически онъ еще

никогда не былъ въ роли жениха, и потому его смущало и даже трогало то вниманіе, которое ему оказывали эти совсѣмъ незнакомые ему люди. И эта ярко освѣщенная гостиная, и эта нарядная мебель, и эта, какъ сказочная фея, разодѣтая молодая дѣвушка, которая бросала на него такіе нѣжные взгляды, все это для него. Розочка, между тѣмъ, не теряла времени съ истиннымъ умѣніемъ начала занимать молодого человѣка. Сначала она заговорила о литературѣ, но вскорѣ убѣдилась, что Мейеровичъ, кромѣ Россійской фармакопеи, ничего не читаетъ, и перешла на искусство. Здѣсь молодой аптекарь выказалъ не больше познаній и хотя онъ зналъ о существованіи Антокольскаго, но увѣрялъ, что нѣтъ высшаго искусства, какъ приготовить пилюли *lege artis*.

— Увѣряю васъ, что это не такъ легко, какъ кажется, и не всякій фармацевтъ владѣетъ этимъ искусствомъ.

— Въ особенности, когда приходится пилюли позолотить, подумалъ про себя Берковичъ, который все время сидѣлъ поодаль, не вмѣшиваясь въ разговоръ молодыхъ людей. Мейеровичъ ему положительно нравился, и онъ рѣшилъ ни за что не выпускать его изъ рукъ. Къ тому же тайному рѣшенію пришла и Розочка, на которую статная фигура молодого человѣка съ густой напояженной шевелюрой и пышной бородой произвела глубокое впечатлѣніе, и, если въ душѣ она и считала его нѣсколько отсталымъ, то это тѣмъ не менѣе не мѣшало ей признавать въ немъ свой идеалъ.

Разговоръ еще болѣе оживился, когда изъ гостиной, по приглашенію молодой хозяйки, всѣ перешли въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ былъ сервированъ чай и стояли разныя лакомства. Мейеровичъ, теперь уже вполнѣ овладѣвшій собой, занялъ мѣсто рядомъ съ Розочкой, а напротивъ усѣлись Берковичъ и только что явившаяся въ сопровожденіи своего супруга Евочка. Евочка, также вся въ брилліантахъ и расфуфыренная, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относилась къ своему не въ мѣру толстому супругу, ростовщику по профессіи. Чтобы загладить невыгодное, какъ показалось Берковичу, впе-

чатлѣніе, произведенное его толстымъ зятемъ на Мейеровича, онъ не преминулъ упомянуть о докторѣ, который потому де не явился, что очень занятъ.

— И еще потому... началъ было толстый ростовщикъ, но его во-время остановила энергичная Евочка.

— Пей лучше чай и молчи.

Мейеровичъ не зналъ, что докторъ, фамилію котораго онъ сегодня прочелъ на тѣхъ дорогихъ рецептахъ, которые привели въ такой восторгъ пана Шмычкевича, зять Берковича. Онъ выразилъ по этому поводу свою живѣйшую радость, присовокупивъ, что онъ будетъ счастливъ, если ему удастся познакомиться съ нимъ.

— Вотъ видишь,—попрекнула своего супруга Евочка,—а ты еще чванишься.

— Почему же мнѣ не чваниться, если у меня деньги есть?

— А вы думаете, что вся прелесть жизни въ вашемъ золотѣ?—ядовито замѣтила Розочка.

Евочка меланхолически вздохнула и бросила томный взглядъ на молодого аптекаря.

— Въ чемъ же, ну скажи въ чемъ?

— Ну, вы все равно не поймете.—И въ свою очередь Розочка послала страстный, полный огня взглядъ Мейеровичу.

— Нѣтъ, пойму,—ты только скажи... настаивалъ мужъ Евочки.

— Деньги хороши, а умъ и ученость еще лучше. Теперь пойми какъ знаешь, — на видъ добродушно проговорилъ Берковичъ.

— Ученость теперь продается съ пуда и, вдобавокъ, покупателей нѣтъ,—раздражительно отвѣтилъ мужъ Евочки.

Разговоръ грозилъ принять непріятный для всѣхъ оборотъ и потому Розочка громко спросила Мейеровича, любитъ ли онъ музыку.

— О, да, очень... Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы согласились сыграть чтонибудь... вы такъ хорошо играете...

Розочка вспыхнула до ушей и окинула всѣхъ торжествую-

щимъ взглядомъ. Она знала, что когда молодой человѣкъ говоритъ барышнѣ: «вы хорошо играете», то это слѣдуетъ понимать такъ: «вы мнѣ очень нравитесь». Да, на этотъ счетъ не могло быть уже никакого сомнѣнія, такъ какъ взгляды, бросаемыя Мейеровичемъ на Ровочку, т. е. на ея пышный нарядъ, золото, брилліанты и пр., краснорѣчивѣе словъ говорили, что сердце молодого аптекаря покорено. Когда всѣ опять перешли въ гостиную и Ровочка усѣлась за рояль, а Мейеровичъ сталъ позади ея стула въ позѣ, предписанной для такихъ случаевъ свѣтскимъ приличіемъ и воспитаніемъ, то ужъ никто изъ присутствующихъ, не исключая и толстаго мужа Евочки, болѣе не сомнѣвался, что Ровочка будетъ аптекаршей. Не сомнѣвался въ этомъ и Бентовинъ, такъ какъ страстная игра Ровочки, или вѣрнѣе барабанный бой, выколачиваемый ея расходившимися отъ волненія пальцами, проникъ и въ кухню. А Бентовинъ зналъ, что Ровочка не станетъ тратить пороха даромъ.

— Слушайте, слушайте,—благоговѣнно прошепталъ онъ, выпуская потную руку кухарки, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ.—Это вѣдь *сонатъ патетикъ*, понимаете—*сонатъ патетикъ*.

И схвативъ свою шляпу, онъ опростельку бросился изъ кухни, къ величайшему удивленію кухарки, которая уже не прочь была отвѣчать на патетическіе порывы Бентовина.

— Вотъ колпакъ... чего онъ убѣжалъ?—прорворчала она ему вслѣдъ.

VI.

Мейеровичъ былъ не мало удивленъ, когда вернувшись поздно ночью къ себѣ въ гостиницу нашелъ тамъ Бентовина.

— Я проходилъ мимо и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи узнать, какъ вы провели вечеръ у вашихъ новыхъ знакомыхъ,—улыбаясь, проговорилъ Бентовинъ.

— Ври, ври... знаемъ мы эти уловки...—подумалъ про себя Мейеровичъ. Громко же онъ спросилъ:—почему васъ не было у г. Берковича?

— Не могъ, не могъ. Крайне важное дѣло задержало меня. Очень жалѣю.

«Опять вранье... Меня не поймаете,— снова подумалъ Мейеровичъ и мысленно далъ себѣ слово ничего не сказать Бентовину. Но это не такъ легко было исполнить, такъ какъ Бентовинъ обладалъ удивительной способностью выпытывать по частямъ все, что ему было нужно. Не прошло и десяти минутъ какъ Мейеровичъ, незамѣтно для самого себя и вопреки данному себѣ самому слову, пространно рассказывалъ Бентовину о сдѣланномъ ему въ домѣ Берковича приѣмѣ, о восхитительной игрѣ Розы Исааковны, о богатой обстановкѣ, о свѣтскихъ манерахъ Евочки и объ умѣ самого Берковича. Все это онъ рассказалъ не ради Бентовина, а такъ, просто потому, что онъ чувствовалъ потребность излить передъ кѣмъ нибудь то, что за этотъ вечеръ накопилось въ его душѣ. Было ясно, что Розочка произвела впечатлѣніе на молодого человѣка своей ли красотой, умомъ, нарядомъ или всѣмъ этимъ вмѣстѣ— не все ли равно! Но произвелъ ли впечатлѣніе онъ самъ? Это подразумѣвалось само собой, тѣмъ болѣе, что приглашеніе на завтра къ обѣду, крѣпкое пожатіе руки Розочки и умильный взглядъ Евочки не оставили въ сердцѣ Мейеровича никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ пришелся всѣмъ по вкусу.

— Очень радъ за васъ,—сказалъ Бентовинъ, внимательно выслушавъ подробности сегодняшняго вечера.— Вамъ многіе позавидуютъ. Завтра утромъ надѣюсь васъ увидѣть, а пока позвольте вамъ пожелать спокойной ночи и пріятныхъ сновидѣній.

— До завтра,—сказалъ Мейеровичъ— провожая Бентовина до дверей.— Упономочиваю васъ сказать, что я согласенъ, разумѣется, — прибавилъ онъ,— если условія, предложенныя вами, будутъ исполнены свято и ненарушимо.

— Въ этомъ ручается вамъ вотъ эта голова, голова Бентовина.

Мейеровичъ еще разъ пожелалъ Бентовину спокойной ночи

и, захлопнувъ за нимъ дверь, стать раздѣваться. Онъ былъ очень доволенъ сегодняшнимъ днемъ и всѣми его событіями.

И по мѣрѣ того, какъ онъ думалъ о томъ, что ему предстоитъ, его радостное настроеніе росло. Раздѣвшись, онъ задулъ свѣчу и легъ въ постель. Но онъ не могъ заснуть. На него напало мечтательное настроеніе: мерещилась Розочка въ ея пышномъ нарядѣ, сверкающая золотомъ и брилліантами, ярко освѣщенная гостиная, звуки рояля. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и выглянулъ въ мрачное пространство, окруженное грязными стѣнами, и хотя ни звѣздъ, ни неба не видно было, а вмѣсто благоуханія цвѣтовъ снизу доносился подозрительный ароматъ, напоминающій близость помойной ямы, тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ съ жадностью вдыхалъ этотъ воздухъ, чувствуя такой приливъ невѣдомыхъ ему чувствъ, что у него даже слезы выступили на глазахъ. Такова могучая сила иллюзіи!

На другой день онъ всталъ довольно поздно и, напившись чаю, собирался было идти къ аптекарю Шмычкевичу, какъ вбѣжалъ корридорный и подаль ему карточку Берковича.

— Приси,— сказалъ онъ, взглянувъ на карточку, и самъ направился къ двери.

Берковичъ въ цилиндрѣ и въ визитной парѣ дружески протянулъ руку молодому человѣку.

— Простите, если я не во-время. Но я такъ занятъ... Я съ трудомъ уллучилъ минуту, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и напомнить вамъ ваше обѣщаніе отобѣдать съ нами вмѣстѣ. Вы доставите мнѣ большое удовольствіе и моя Розочка будетъ очень рада.

Мейеровичъ поклонился, причемъ молодое лицо его озарилось лучезарной улыбкой.

— Былъ у васъ Вентонинъ сегодня? — какъ бы вскользь спросилъ Берковичъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Хорошій человѣкъ, достойный человѣкъ... Онъ мой луч-

пій другъ, можно сказать другъ дѣтства. И Розочку онъ очень любить... Я ему вполне довѣряю.

Берковичъ приостановился и пытливо взглянулъ на молодого человѣка своими маленькими заплывшими глазками.

— На меня онъ тоже произвелъ очень хорошее впечатлѣніе,— сказалъ Мейеровичъ, чтобы чтонибудь сказать.

— О, да... честнѣйшій человѣкъ и то, что онъ говоритъ, то свято. Замѣьте это,— многозначительно прибавилъ Берковичъ.— Однако, мнѣ пора...—спохватился онъ.— Меня ждутъ дѣла, тысяча дѣлъ... Такъ вы не забудете?

— Помилуйте, сочту за счастье... Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Розѣ Исааковнѣ.

Берковичъ ужъ не слышалъ этихъ словъ, съ такой нѣжностью произнесенныхъ молодымъ аптекаремъ. Нахлобучивъ цилиндръ на затылокъ, онъ бѣгомъ спускался по лѣстницѣ, точно за нимъ гнался цѣлый легионъ привидѣній. Но у самыхъ дверей его кто то схватилъ за руку. Берковичъ въ испугѣ откинулъ свою голову назадъ, причемъ цилиндръ его скатился на полъ.—Тѣфу, дьяволъ!— крикнулъ онъ въ досадѣ и нагнулся, чтобы поднять свой цилиндръ.—Откуда тебя чортъ принесъ?

— Я тутъ чай пилъ, покуда ты бесѣдовалъ съ г. аптекаремъ,—спокойно сказалъ Бентовинъ.

— Что же ты хочешь, скажи... мнѣ некогда.

— Мнѣ нужно знать о чемъ вы говорили.

— Тебя, болвана, хвалили. Я говорилъ, что ты дуракъ изъ дураковъ, т. е. честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Понялъ?

— Понялъ.

— Теперь отпусти меня, а самъ ступай и поддержи свою репутацію.

И съ этими словами Берковичъ выбѣжалъ за дверь.

— Хорошъ гусь! Хочетъ чужими руками жаръ загребать... А мнѣ то что. Не меня, а свою же дочь надуваетъ.

И постоявъ еще нѣсколько минутъ, онъ не спѣша поднялся по лѣстницѣ и направился въ номеръ Мейеровича.

— Только что былъ у меня г. Берковичъ,—крикнулъ, за-
вѣдѣв Бентовина, Мейеровичъ.—Вы съ нимъ не встрѣтились?

— Нѣтъ. Куда же онъ уѣхалъ?

— Не знаю... По дѣламъ... Мы съ нимъ долго бесѣдовали.

— И пришли къ какому нибудь рѣшенію?

Мейеровичъ замылся.—Какъ бы вамъ сказать—началъ онъ
нерѣшительно.—Я полагаю, что надо еще подождать съ окон-
чательнымъ рѣшеніемъ.—Мейеровичъ совсѣмъ не то хотѣлъ
сказать, но слова его какъ громомъ поразили Бентовина. Онъ
потерялъ всю свою солидную важность и испуганно взглянулъ
на молодого человѣка. Въ его головѣ промелькнуло подозрѣніе,
которое заставило его вздрогнуть. Но это подозрѣніе, однако,
не гармонировало съ радужнымъ настроеніемъ Мейеровича, и
чѣмъ больше онъ размышлялъ, тѣмъ больше онъ терялся.

— Такъ вы хотите подождать... — наконецъ, проговорилъ
онъ, не спуская глазъ съ Мейеровича. Мейеровичъ вовсе
этого не хотѣлъ, и если глупая фраза сорвалась у него съ
языка, то онъ достаточно ужь былъ наказанъ тѣмъ, что въ
вопросѣ Бентовина ему послышалось зловѣщее предостереже-
ніе, и онъ теперь думалъ о томъ, какъ бы съ достоинствомъ
выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Вы сами знаете, — началъ онъ, неувѣренный въ самомъ
себѣ и не зная еще, что онъ дальше скажетъ:— вы сами
знаете, что я...

— Что вы желаете все оформить какъ слѣдуетъ, чтобы
потомъ не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній между
вами и вашимъ будущимъ тестемъ.

— Именно!—воскликнулъ молодой человѣкъ, готовый об-
нять и расцѣловать Бентовина за то, что тотъ сумѣлъ такъ
ясно и категорически формулировать то, что его самого такъ
тревожило и чего онъ не рѣшился высказать открыто.—Имен-
но вотъ это я и хотѣлъ сказать.

— Развѣ г. Берковичъ вамъ ничего не говоритъ?

— Нѣтъ, ничего. Онъ только сказалъ, что все, что вы
предлагаете, будетъ свято исполнено.

— Ну, чего же вамъ еще? Развѣ въ этомъ вы не усматриваете полнаго согласія самого Берковича. Не свои же деньги я вамъ дамъ. На этотъ счетъ будьте вполне спокойны.

— Но все таки нужно все это оформить—рѣшительно заявилъ Мейеровичъ, повторяя удачное выраженіе Бентовина.

— Само собою. Но прежде нужно сдѣлать предложеніе и получить согласіе.

— Я это сдѣлаю сегодня же.

— И прекрасно. Затѣмъ, какъ водится, деньги до свадьбы будутъ положены на храненіе, разумѣется, за хорошіе проценты.

— Гдѣ же онѣ будутъ положены? Я бы желалъ въ банкъ и... — Мейеровичъ при этомъ нѣсколько запнулся, — на мое имя, если можно.

Бентовинъ бросилъ на него украдкой взглядъ, который говорилъ ясно: «ты не дуракъ, какъ я вижу; надѣлаешь ты хлопотъ своему тестюшкѣ. Но и мы не глупцы!»

— Не слишкомъ ли это? Вашъ будущій тесть, а можетъ быть и невѣста могутъ обидѣться такимъ недовѣріемъ, скажутъ, пожалуй, что вы не по любви женитесь.

Мейеровичъ чувствовалъ тоже, что онъ хватилъ черезъ край и что такое требованіе можетъ обидѣть невѣсту.

— Въ такомъ случаѣ я могу уступить. Можно устроить такъ, чтобы половина приданого была записана на имя Розы Исааковны, а половина на мое. Но непремѣнное условіе, чтобы деньги были положены въ банкъ.

— Такъ, пожалуй, — согласился Бентовинъ.— Только зачѣмъ вы требуете, чтобы деньги были положены въ банкъ. Вѣдь вы знаете, какъ это невыгодно.

Мейеровичъ, однако, настаивалъ и Бентовинъ долженъ былъ согласиться на это условіе.

— Само собой понятно, что въ день свадьбы оба чека будутъ вручены мнѣ.

— Конечно.

— Что же касается самой свадьбы, то я бы хотѣлъ не откладывать ее въ долгій ящикъ.

«Загорѣлось», подумалъ Бентовинъ.

— Вы знаете—продолжалъ дѣловымъ тономъ Мейеровичъ, что черезъ мѣсяцъ я вступаю во владѣніе аптекой г. Шмычкича, слѣдовательно къ этому времени и желательно было бы...

— Я полагаю, что съ этой стороны не будетъ никакихъ препятствій. Приданое не долго спать, тѣмъ болѣе, если все дѣлается на наличныя... И Бентовинъ при этомъ усмѣхнулся.

— О, разумѣется.

Дѣловой разговоръ былъ конченъ и оба собесѣдника на время умолкли. Наконецъ, Бентовинъ всталъ и началъ прощаться.

— Такъ я на васъ вполне рассчитываю,—крѣпко пожимая руку Бентовину, проговорилъ Мейеровичъ.—Что же касается меня, то я, конечно, въ долгу у васъ не останусь.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ благородствѣ. Будьте увѣрены, что все будетъ устроено по вашему желанію. Въ этомъ вамъ ручается вотъ эта голова.

И сдѣлавъ театральнѣйшій жестъ рукою, Бентовинъ выпшелъ изъ комнаты.

VII.

Розочка въ этотъ день встала раньше обыкновеннаго. Хотя она провела всю ночь почти безъ сна, тѣмъ не менѣе она себя чувствовала вполне свѣжей и бодрой и на душѣ у нея было такъ весело, какъ никогда. За ночь она успѣла все обдумать и пришла къ тому заключенію, что ее балуетъ счастье и что лучшаго жениха ей желать грѣшно. Въ Мейеровичѣ ей нравилось все: и статный ростъ, и густая коснящаяся отъ помады шевелюра, и глава. Крѣпкое пожатіе его руки она чувствовала до сихъ поръ, и это ощущеніе вызывало во всемъ ея тѣлѣ пріятный трепетъ. Она также знала, что и она ему понравилась и это сознаніе еще болѣе усиливало ея радостное

настроение. Еще вчера она рѣшила, что *будетъ аптекаршей*; теперь это рѣшеніе укрѣпилось и такъ сильно слилось со всѣмъ ея существомъ, что она скорѣе бы согласилась умереть, чѣмъ отказаться или уступить свое счастье другой. Но зачѣмъ уступать. Развѣ ея папочка не достаточно уменъ для того, чтобы все устроить ради счастья дочери... И она вспомнила обстоятельства, при которыхъ ея старшія сестры вышли замужъ.хлопотъ и горя было много. Но все таки дѣло уладилось и Анечка, Флорочка и Евочка остались при своихъ мужьяхъ. Правда, тогда ея папочка все же кое что вынужденъ былъ дать... Но развѣ онъ ей ничего не дастъ? При этой мысли она вся задрожала и поблѣднѣла. Быстро накинувъ на свои худенькія плечи пелеринку изъ бѣлой фланели, она выбѣжала изъ спальни и, пройдя узенькій корридоръ, очутилась у дверей кабинета. Приложивъ глазъ къ замочной скважинѣ и убѣдившись, что никого посторонняго тамъ нѣтъ, она послѣшно отворила дверь и вошла. Берковичъ, по видимому, собирался уходить, такъ какъ на немъ были уже надѣты пальто и шляпа, которая, по обыкновенію, сидѣла на затылкѣ. Онъ стоялъ лицомъ къ столу и что то наскоро подсчитывалъ на счетахъ. Заслышавъ шаги, онъ обернулся и не безъ удивленія взглянулъ на дочь.

— Ты чего такъ рано поднялась?

— Такъ, что то не спалось... А ты куда?

— Что за вопросъ... Мнѣ сегодня въ двадцати мѣстахъ нужно быть.

— А къ г. Мейеровичу не зайдешь?

— Къ какому Мейеровичу?

Ровочка вся вспыхнула и въ глазахъ ея мелькнулъ сердитый огонекъ.

— Что ты представляешься, или въ самомъ дѣлѣ судьба твоей дочери для тебя такъ мало значить...

— Что такое?—все болѣе и болѣе удивлялся Берковичъ, продолжая въ то же время щелкать на счетахъ.

— Если ужъ не для меня, то по крайней мѣрѣ изъ приличія тебѣ слѣдовало бы отдать визитъ г. Мейеровичу.

— Ага... такъ вотъ о чемъ ты хлопочешь, моя бѣдненькая... Но развѣ это такъ нужно?

— Конечно, нужно... Я вовсе не желаю, чтобы ты въ глазахъ посторонняго слыла неблаговоспитаннымъ...

— Но какой онъ посторонній? Онъ сегодня еще, быть можетъ, станетъ твоимъ женихомъ. Розочка была тронута и на глазахъ ея задрожали слезы. «Значитъ папочка все же думаетъ о ней». Но тѣмъ не менѣе она стояла на своемъ.

— Тамъ еще посмотримъ. — сказала она лукаво. — А пока извольте принарядиться и поѣхать съ визитомъ. Да не забудьте захватить съ собой на всякій случай вивитную карточку. Впрочемъ, я сама позабочусь.

И подбѣжавъ къ столу, она достала нѣсколько карточекъ и сунула ему въ карманъ.

— Нужно всегда быть приличнымъ — сказала она серьезно. — Мы вѣдь въ Европѣ живемъ.

— Да, въ азятской...

Розочка не обратила вниманія на замѣчаніе отца и, продолжая его охорашивать, несмѣло спросила:

— А что, папочка, правда, что Бентовинъ мнѣ сказалъ?

— Что?

— Что ты даешь за мною восемь тысячъ.

Берковичъ сердито сдвинулъ брови, причемъ шляпа его совсѣмъ съѣхала на затылокъ.

— Твой Бентовинъ истый осель... И зачѣмъ онъ тебѣ такія вещи говорить... Дѣвушкаѣ это вовсе не нужно знать.

— Какъ, не нужно?

— Такъ не нужно. Тебѣ нужно думать о шляпкахъ и тряпкахъ, а этого ты получишь вдоволь.

— А если онъ не удовольствуется этимъ? Да, и я...

— Ты?—сердито крикнулъ на нее Берковичъ. Но тотчасъ же опомнился и ласково прибавилъ:

— Не беспокойся, я тебя не обижу. Я еще, слава Богу,

крѣпко стою на ногахъ... То, что я обѣщаль, то и исполню и ты будешь аптекаршей!...

Розочка оставила кабинетъ отца далеко не съ легкимъ сердцемъ. Она чувствовала, что что-то такое не ладно и что нить, которая должна была связать ее съ Мейеровичемъ, не совсѣмъ то крѣпка.

Она принялась хлопотать по хозяйству, стараясь въ каждую молочь вложить всю свою душу. Вчера ей удалось, она въ этомъ не сомнѣвалась, ослѣпить молодого человѣка. Сегодня она хотѣла окончательно его покорить не только обаяніемъ своей внѣшности, но и всей окружающей обстановки.

Она еще разъ обошла всѣ комнаты, заглянула на кухню, отдала кухаркѣ самыя строгія инструкціи насчетъ обѣда; потомъ, вернувшись къ себѣ, написала изысканно любезное письмо доктору, мужу Флорочки, съ просьбой забыть о семейныхъ дрязгахъ и непременно явиться сегодня къ обѣду вмѣстѣ съ Флорочкой. Последней она написала отдѣльно записку, въ которой все ей объяснила и умоляла ее подѣйствовать на мужа и не разстраивать ея счастья. «Ты вѣдь знаешь, писала она, что у меня нѣтъ никого ближе васъ. Евочка очень добра, но ея мужъ просто невыносимъ и еще вчера чуть было не надѣлалъ бѣды своимъ глупымъ языкомъ. Мейеровичъ все же человѣкъ образованный. Нужно же, чтобы ктонибудь его занималъ. Наконецъ, долженъ же онъ видѣть, что ему придется имѣть дѣло не только съ купцами и ростовщиками»...

Не удовольствовавшись письмомъ и запиской, которыя должны были служить только авангардомъ, Розочка рѣшила лично заѣхать къ зятю и уговорить его. Энергія теперь была у нея ключемъ, и не было поступка, на который бы она не рѣшилась въ эту минуту, лишь бы достигнуть своей цѣли. За туалетомъ она провозилась довольно долго, такъ какъ дневной свѣтъ требовалъ больше старанія и искусства для сокрытія нѣкоторыхъ недостатковъ ея внѣшности, чѣмъ вечерній, въ которомъ она вчера предстала передъ Мейеровичемъ. Въ подобныхъ случаяхъ Розочку всегда спасало отсут-

ствіе вкуса, или вѣрнѣе, страсть ко всему пестрому, бьющему въ глаза, и если она не всегда достигала цѣли, то на этотъ разъ она могла быть увѣрена въ полномъ успѣхѣ, такъ какъ къ всѣмъ семи цвѣтамъ радуги, въ которые Розочка одѣла свою миниатюрную фигурку, присоединились теперь великолѣпный румянецъ щекъ и чудный блескъ и безъ того красивыхъ глазъ,—результаты внутреннего волненія и тайныхъ надеждъ.

Мейеровичъ явился за полчаса раньше назначеннаго для обѣда времени, и хотя все общество, не исключая и зятя-доктора съ женой было уже въ сборѣ, однако молодого человѣка встрѣтила въ гостиной одна Розочка. Это было сдѣлано съ тонкимъ расчетомъ дать молодымъ людямъ возможность объясниться.

Хотя и Мейеровичъ и Розочка знали, что участь ихъ предрѣшена, тѣмъ не менѣе оба при встрѣчѣ почувствовали нѣкоторое смущеніе и неловкость. Розочка еще больше зардѣлась и опустила свои длинныя рѣсницы, а у Мейеровича задрожали ноги и языкъ сдѣлался до того тяжелымъ, что онъ не могъ произнести ни одного звука.

Наступило томительное молчаніе. Розочка машинально барабанила пальцами по клавишамъ (она заранѣе выбрала мѣсто у рояля, рѣшивъ, что тутъ удобнѣе всего будетъ выслушать признаніе изъ устъ Мейеровича), а Мейеровичъ переминался съ ноги на ногу и пучилъ глаза, напрасно сисясь овладѣть своимъ смущеніемъ. Въ сосѣдней комнатѣ были слышны шорохъ и шушуканіе. Разъ даже скрипнула дверь и чрезъ образовавшуюся щель высунулся чей то любопытный носъ, какъ послѣ оказалось, принадлежавшій Евочкѣ. Наконецъ, Розочка которая была смѣлѣе Мейеровича, рѣшилась показать примѣръ.

— Такъ вы рѣшительно хотите завтра ѣхать? — сказала она, бросивъ на молодого человѣка пламенный взоръ.

— Рѣшительно.

— Развѣ ужъ такъ необходимо?

— Дѣла требуютъ... Повѣрьте, я бы и самъ...

— А мнѣ бы такъ хотѣлось...

— И мнѣ... Голосъ Мейеровича прервался и языкъ его совсѣмъ прилипъ къ нѣбу.

Но сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ проговорилъ хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Повѣрьте, я бы ни за что не уѣхалъ... Со вчерашняго дня... съ той минуты, когда я васъ увидѣлъ...

Розочка раскрыла глаза, обдала молодого человѣка горячимъ взглядомъ, потомъ опять опустила длинныя рѣсницы, причѣмъ по всему ея лицу разлилась блаженная истома.

— И я также... прешептала она.

— Такъ вы согласны выйти за меня? — съ неподдѣльнымъ восторгомъ, совершенно забывъ въ это мгновеніе, что это согласіе по довѣренности было ему дано еще вчера ночью Бентовиннымъ, воскликнулъ Мейеровичъ.

Розочка наклонилась къ Мейеровичу всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ что ему не трудно было обнять ея тоненькую сухую талию и прижать къ своей колыхавшейся груди.

— Такъ вы согласны?—повторилъ онъ.

— Да... и вырвавшись изъ объятій молодого аптекаря, она бросилась къ двери, которая, впрочемъ, открылась раньше, чѣмъ она къ ней добѣжала и на порогѣ показалось въ личности все семейство Берковича съ самимъ Берковичемъ въ авангардѣ и Бентовиннымъ въ арьергардѣ.

— По настоящему, — сказала, выдѣлившись впередъ, довольно видный мужчина въ золотыхъ очкахъ и бѣломъ галстукѣ (Мейеровичъ въ немъ сейчасъ призналъ доктора), — слѣдовало бы въ ознаменованіе счастливаго событія разбить по старому обычаю пару глиняныхъ горшковъ; но я предпочитаю отбить бѣлую головку у шампанской бутылки и потому, дорогой тещушка, — при этомъ онъ обратился къ Берковичу, — распорядитесь, вы хозяинъ... А теперь, продолжалъ онъ, видимо довольный своей импровизаціей, позвольте представиться...

Розочка въ это время лобызалась съ сестрами, которыя жали ее въ своихъ объятіяхъ.

Мужъ Евочки, подаздоренный краснорѣчіемъ доктора, тоже

хотѣлъ блеснуть, но послѣ первыхъ же словъ: «вы сдѣлали выгодное дѣло», докторъ оборвалъ его.

— Ну, мой дорогой, кто же въ такихъ случаяхъ говорить о дѣлахъ. Тутъ сама атмосфера пропитана поэзіей и любовью, а вы съ дѣлами.

— Ахъ, поэзія и любви!—вдохнула Евочка. — Когда то и я мечтала...

— Кто же вамъ теперь мѣшаетъ?

Подали шампанское, и Евочка, такимъ образомъ; была освобождена отъ отвѣта, быть можетъ, не совсѣмъ лестнаго для ея толстаго мужа, который въ эту минуту усердно чокался съ женихомъ и невѣстой.

Послѣднимъ подошелъ къ Мейеровичу Бентовинъ.

— Ну, поздравляю,—сказалъ онъ, умвлой рукой поднявъ бокаль. — Если кому можно завидовать въ эту минуту, такъ это вамъ... Вамъ поднесли розу на золотомъ блюдѣ...

— Слышишь, Флорочка, что этотъ старый плутъ говорить,—нагнувшись къ женѣ, шепнулъ докторъ.—Розу то онъ получить, но золотое блюдо... Ха... ха... ха!..

С. Яромевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЮВАЛЬ.

(Вавилейское сказаніе).

Изъ двухсотъ сыновъ Ламеха
Кто счастливѣе Ювала—
Внука Циллы чернокудрой,
Брата мощнаго Тувала?

Кто изъ Каина потомковъ
Всѣхъ душой своей смѣлѣе,
Чей острѣе взглядъ орлиный,
Мысль крылатая быстрѣе?

Чей шатерь—краса и диво
Всѣмъ шатрамъ родного стана?
На кого такъ смотреть дѣвы—
Розы горнаго Ливзна?!

И къ двоимъ Ювала братьямъ
Змѣемъ вкралась въ душу злоба,
И завистники счастливица
Умертвить рѣшились оба...

А Юваль—не зналъ, не вѣдалъ
Ни о чемъ и, новой пѣсней
Зорю каждую встрѣчая,
Съ каждымъ днемъ пѣвалъ чудеснѣй.

Самъ не зная онь, гдѣ учился
 Тѣмъ чарующимъ нагѣвамъ,
 Чтò безъ пламени порою
 Зажигали сердце дѣвамъ.

Самъ не зная, какъ догадался
 Онь—изъ братьевъ самый юный—
 На доскѣ, изъ жилъ звѣриныхъ,
 Натянуть-наладить струны.

Подъ рукой его искусной
 И доска загѣла эта—
 Арфа перваго на свѣтѣ
 Музыканта и поэта...

Ночь была темна, какъ тайна,
 Звѣзды прятались за тучи,
 Лѣсъ дремалъ; однѣ лишь волны
 Шумно прядали на кручи...

Въ эту ночь сыновъ Ламеха
 Зависть черная томила,
 Въ эту ночь два сердца разомъ
 Злоба жгучая щемила...

Тайный умыселъ лелѣя,
 Черезъ станъ пробрались двое
 И, держа въ рукахъ по камню,
 Шли на дѣло роковое...

Ото всѣхъ шатровъ поодаль
 Былъ намѣтъ гѣвца-Ювала;
 Ближе всѣхъ къ нему подъ небомъ
 Этой ночью смерть стояла...

Камни подняты... Мгновенье,
 И—покончили бы дѣло,—
 Да въ шатрѣ высокомъ что-то
 Зазвенѣло—загудѣло.

То какъ шепоть затаенный,
 То какъ голосъ томной муки,
 То какъ зовъ мятежной страсти—
 Звуки сыпались на звуки...

И росла, росла, какъ буря,
 Сила пѣсни музыкальной—
 О потерянномъ Эдемѣ
 Говоря землѣ печальной...

И упали камни на-земь,
 И вражда забыта злая,
 И—въ забвеньи и въ смятеньи—
 Братья пали ницъ, рыдая..

Мракъ свѣтлѣлъ, заря алѣла,
 Разливаясь надъ рѣкою;
 И въ шатрѣ смолкала арфа
 Подъ Юваловой рукою...

Всталъ пѣвецъ, на волю вышелъ,—
 Видитъ братьевъ... Тѣ, со стономъ,
 Брату обняли колѣни:
 «Спой, Ювалъ, о, спой ещё намъ!»

Понялъ Каина потомокъ,
 Чтò за силой, чтò за мощью
 Зависть—прашура наслѣдье—
 Побѣдилъ онъ темной ночью.

И опять заплѣли струны,
 И, въ порывѣ вдохновенья,
 Огласила станъ скитальцевъ
 Пѣснь блаженнаго забвенья...
 Пролеталь орель надъ лѣсомъ,—
 Замерь въ воздухѣ могучій;
 Плыли тучки—уплывали,—
 Оборвался бѣгъ летучій;
     Солнце, словно красный лебедь,
     Изъ глубокихъ водъ взлетало,—
     Слыша пѣснь отца всѣхъ пѣсень,
     Все въ лучахъ затрепетало...
 Старый лѣсъ тряхнулъ кудрями,
 Встрепенулись въ гнѣздахъ птицы,—
 Повторили звонкимъ хоромъ
 Пѣснь Ювала ихъ станицы..
     Шли вѣка, тысячелѣтья;
     Но еще не отзвенѣли
     Въ звукахъ утра голубого
     Этой дивной пѣсни трели.
 И теперь—за этой пѣсней
 На поляхъ страны изгнанья
 Забываютъ всѣ невзгоды
 Дѣти скорби и скитанья...

Аполлонъ Коринѣскій.

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

(ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Итакъ, я сегодня уѣзжаю... Странно... Ну, спасибо Нейгардту! Я и не думалъ ѣхать, особенно безъ вѣдома матери! И куда ѣхать?... Въ Америку! Безъ денегъ!... Пожалуй, если пять рублей можно считать деньгами, то и у меня есть... Я уже все приготовилъ. Погода стоитъ хорошая, можно спать въ корридорѣ, не подвергаясь подозрѣнью, хотя домашніе знаютъ, что я хочу уѣхать. Однако на душѣ веселѣе, чѣмъ я думалъ, но въ то же время какъ-то тревожно, вѣроятно потому, что придется уѣхать не простившись и кромѣ того я знаю, что меня впереди ничего хорошаго не ожидаетъ.

Какъ перейти границу безъ губернаторскаго паспорта? Но положусь на авось... Пробыло двѣнадцать часовъ. Пора спать. Я легъ. Дома тоже всѣ улеглись. Бьетъ часъ. Хочется спать. Не заснутъ-ли мнѣ совсѣмъ и бросить все предпріятіе? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Оставаться здѣсь и терпѣть ежедневно сотни оскорбленій—и молчи, помни, что ты жидъ... Однако я такъ замечтался, что и не замѣтилъ, какъ на городскихъ часахъ пробыло половину второго, а сообщника моего, Абрама, нѣтъ. Кто же пойдетъ за извозникомъ? Я всталъ, одѣлся, снесъ тихонько съ чердака чемоданчикъ и перину и пошелъ за Абрамамъ на сосѣдній дворъ, гдѣ Абрамъ жилъ. Вижу,—лежитъ на крыльцѣ и спитъ. Я его сталъ будить. Съ просонья онъ что-то пробормоталъ. Сильнѣй толкнулъ я

его... Кто это? Кто?—Я, Максъ! Скорѣй вставай! Иди, бѣги за извощикомъ!—Ты? убирайся къ чорту!—Какъ?... ты меня губишь!.. вставай! Наконецъ онъ проснулся и нехотя поплелся за мною. Забравъ мое имущество, мы двинулись къ сосѣднему крыльцу. Проходя мимо нашихъ оконъ, мы услышали говоръ. Я испугался и началъ торопить его, хотя по моимъ понятіямъ я не совершалъ ничего преступнаго, оставляя мать въ страшномъ безпокойствѣ. Она знала, что я домой писемъ писать не буду (моя всегдашняя привычка). Приѣхалъ извощикъ. Мы ввалили перину, которая впоследствии оказала мнѣ большую услугу, сѣли и тронулись. Черезъ десять минутъ мы доѣхали до кабака, гдѣ я еще днемъ оставилъ за собой комнату. Кое-какъ достучались и начали въ темнотѣ пробираться, что и удалось, хотя и не безъ препятствій, состоявшихъ изъ опрокинутого стула и кадушки. Абрамъ, простившись со мною, ушелъ, предварительно выпивъ бутылку пива. Я легъ спать. Сонъ мой былъ тревоженъ. Проснулся я часовъ въ семь. Въ восемь опять легъ. Въ половину девятого опять всталъ. Однимъ словомъ, кое-какъ убилъ время до отхода дилижанса, а въ промежуткѣ этого времени продалъ старьевщику зимнее пальто за безцѣнокъ. Затѣмъ свелъ итогъ моему капиталу; оказалось четыре руб. девяносто копѣекъ. Вдругъ, вижу, вбѣгаетъ наша почтенная собака «Рячикъ» и съ радостнымъ лаемъ бросается меня обнимать. Я испугался, думая, что съ собакой пришелъ кто изъ домашнихъ. Сознаюсь, грѣшная мысль взбрела мнѣ на умъ:—не измѣнилъ-ли мнѣ Абрамъ?.. Но потомъ я узналъ, что собака всю ночь пролежала у дверей кабака, ожидая открытія ихъ. Почтенная собака!.. Я и теперь безъ умиленія душевнаго не могу вспомнить о тебѣ, добродѣтельный мой Рячикъ!.. Дилижансъ сейчасъ уходитъ. Я собаку заперъ въ комнату и приказалъ выпустить ее только ужъ послѣ отхода дилижанса, а то она-бъ бѣжала за мною вплоть до Бобруйска. Меня ожидала еще напріятная перспектива проѣхать весь городъ на виду у всѣхъ. Могли встрѣтиться знакомые. Такъ и случилось. Я встрѣтилъ одного знакомаго и на вопросъ его,

куда я ѣду, отвѣтилъ, что на охоту, а также попросилъ не говорить дома, что онъ и исполнилъ, какъ я узналъ послѣ. Черезъ часъ мы были за городомъ и катили по пыльному шоссе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

По дорогѣ въ Бобруйскъ не случилось ничего достойнаго вниманія. Приѣхали мы въ пять часовъ утра и, хотя время было лѣтнее, я все таки продрогъ. Сидя все время на открытомъ мѣстѣ, на задней скамейкѣ, я наглотался всякой дряни, а вдобавокъ все лицо и одежда были покрыты мелкой, выѣдающей глаза пылью. Дилижансъ остановился у паромъ, ожидая прохода плотовъ. Я воспользовался этой остановкой и вымылъ лицо водой изъ рѣки, которая представляла довольно однообразный видъ. Экипажъ поѣхалъ дальше и спустя часъ остановился у конторы дилижансовъ. Обождавши часовъ до восьми, я отправился къ одной изъ своихъ тетюшекъ (у меня ихъ тамъ штукъ пять и пара дядюшекъ). Былъ принятъ довольно холодно. Объяснилъ цѣль моего приѣзда, но она не заинтересовалась, чему я очень удивился. Путешествіе вѣдь было не изъ заурадныхъ! Я и теперь еще продолжаю удивляться, почему *эта* тетюшка принимала меня такъ холодно. Пожалуй, это объясняется отчасти и тѣмъ, что она не долюбливала моего отца. Дѣтей у нея не было. Жила она съ своимъ мужемъ (они были однолѣтки, по 80 лѣтъ) почти такой-же идиллической жианью, какъ Пульхерія Ивановна съ Афанасіемъ Ивановичемъ, но только по отношенію къ себѣ. Также понемножку и ссорились, по большей части изъ за куриць, которыхъ, дядюшка говорилъ, надо продать, чтобы онѣ не портили вишневыхъ деревьевъ въ его густо разросшемся садикѣ. Тетюшка возражала, что курицы деревьевъ портить не могутъ, но тутъ ужъ дядюшка разгорячался и говорилъ, что онъ хозяинъ въ домѣ, въ доказательство чего приводилъ надпись, гласящую, что домъ принадлежитъ *Лейзеру Маховеру*. Предъ такимъ неопровержимымъ аргументомъ тетюшка пассивалась, и по большей части старалась

перевести разговоръ на болѣе невинный предметъ, въ родѣ того; что парное молоко сегодня какъ-то необыкновенно жирно и съ густыми пѣнками, которыя дядюшка очень любилъ. Въ минуту гнѣва, дядюшка мой представлялъ преуморительнѣйшую фигуру. На него и такъ нельзя было посмотрѣть, чтобъ не разсмѣяться и не подумать: вотъ безобидный цыпленокъ. Онъ, дѣйствительно, сильно смахивалъ на птицу; на цыпленка-ли, или на какую нибудь другую, не берусь рѣшить. Будничная его одежда состояла изъ длиннаго атласнаго лапсердака, чулковъ и туфель. На головѣ онъ и зимой и лѣтомъ носилъ мѣховую шапку. Собираясь въ синагогу, что случалось три раза въ день, онъ одѣвалъ сверхъ лапсердака еще лапсердакъ, но только другой формы. По будничнымъ днямъ онъ бралъ желѣзную стариковскую палку, которую съ трудомъ влачилъ, но въ пользу ея глубоко вѣровала, говоря, что она ему облегчаетъ ходьбу. Въ доказательство этого ее часто приносила служка изъ молельни, за что и получала рюмку наливки собственнаго приготовления дядюшки. День его начинался въ три, а самое позднее въ четыре часа утра. Перво на перво, онъ будилъ супругу. — Ханке, Ханке, а Ханке! — разбуди дѣвку, чего она спитъ! Уже три часа, пора самоваръ ставить! — Тетушка часто продолжала спать, несмотря на его возгласы; тогда онъ самъ вставалъ и начиналъ будить прислужницу крикомъ, но подходить не рѣшался, боясь подватыльниковъ, которыми она его часто угощала, какъ будто-бы съ просонья. Иногда-жъ просилъ меня, и если я не лѣнился соскакивать съ дивана, то уходилъ въ кухню, гдѣ и начиналъ будить дѣвку, непременно палкой, а дядюшка въ это время надзиралъ за мной. Когда же на меня нападала лѣнь, то я выкликивалъ имя служанки и, чѣмъ громче я кричалъ, тѣмъ милостивѣе бывали взгляды дядюшки. Послѣ этого наши добрыя отношенія устанавливались на цѣлый день. Вскорѣ подавался самоваръ. Дядюшка выпивалъ пять стакановъ чаю съ молочкомъ, затѣмъ уходилъ въ молельню, гдѣ оставался до двѣнадцати часовъ. Возвратясь изъ молельни, онъ принимался за завтракъ, кото-

рый по большей части состоялъ изъ домашняго сыру, молока и громадной бѣлой булки. Поблагодаривши Бога за снѣдь, онъ отправлялся въ садикъ, гдѣ пощипывалъ вишенъки и тамъ-же выпивалъ два-три стакана чаю. Затѣмъ ложился спать. Отдохнувъ отъ своихъ тяжкихъ трудовъ, дядюшка довольно плотно закусывалъ и уходилъ въ синагогу, гдѣ оставался до окончанія вечерней молитвы. Въ восемь часовъ ужиналъ, причемъ ворчалъ, что ужинъ не молочный: дядюшка любилъ ѣсть молочное, хотя онъ и не былъ, какъ я доподлинно знаю, вегетарианцемъ. Послѣ ужина, онъ просиживалъ съ часокъ надъ Талмудомъ, чтобы показать свою ученость, въ которую, между прочимъ, никто не вѣрилъ. Въ девять часовъ послѣдній разъ закусывалъ, напивался чаю и ложился спать. Однообразіе его жизни нарушалось лишь мелкими ссорами съ тетушкой и служанкой изъ-за тѣхъ-же куриць.

Тетушка моя составляла совершенную противоположность дядюшкѣ. Жизнь она вела очень хлопотливую. Очень мало ѣла, была религіознѣе его, хотя и не такъ часто посѣщала синагогу. Для живущихъ съ нею въ сосѣдствѣ бѣдныхъ евреекъ она была истинной благодѣтельницей. Будучи сама скрягой (какъ и дядюшка), она выпрашивала деньги у состоятельныхъ и раздавала ихъ бѣднымъ. Она дѣлала добро не для добра, а чтобы приготовить себѣ будущую, загробную жизнь. Среди всѣхъ классовъ еврейскаго населенія она пользовалась глубокимъ уваженіемъ; дядюшку-же считали чуть-ли не сумасшедшимъ.

Ну, однако, о тетушкахъ и дядюшкахъ довольно. Пойду лучше за паспортомъ. Зашелъ въ мѣщанскую управу и взялъ бланкъ, за который отдалъ пятнадцать копѣекъ. Капиталь мой замѣтно уменьшается... Обратился къ писарю съ просьбой написать на бланкѣ нужное. Я его нѣсколько разъ окликнулъ, но онъ, должно полагать, былъ очень занятъ, потому что не отвѣчалъ. Къ счастью, я вспомнилъ поговорку: «не подмажешь, такъ и не поѣдешь» и, въ силу этой поговорки, вынулъ двугривенный и началъ имъ стучать по столу. Звонъ его произ-

вель на писаря дѣйствіе трубы архангела. Онъ съ чрезвычайной быстротой обратился ко мнѣ и вѣжливо спросилъ, что мнѣ угодно. Я сказалъ.—Сію минуту буду къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ онъ. Жду четверть часа, наконецъ полчаса, а писарь все сидитъ задумавшись. Я догадался и, вынувъ двадцать копѣекъ, положилъ на столъ. Писарь съ невообразимой ловкостью прикрылъ монету рукой и, двигая ея постепенно, опустилъ въ карманъ. Спустя четверть часа я былъ у тети, которую всталъ за осматриваніемъ перины. По ея лицу я догадался, что перина понравилась и рѣшился этимъ воспользоваться. Короче говоря, я продалъ тетѣ перину за десять рублей и, получивъ деньги, уѣхалъ къ вокзалу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

До отхода поѣзда осталось десять минутъ, но я не спѣшилъ брать билета, а подошелъ сперва къ кондуктору...—Поѣдемъ?—обратился я къ нему.—Вамъ куда?—Ну, хоть-бы въ Вильно,—отвѣтилъ я.—Идите за билетомъ, а то опоздаете.—И радъ-бы въ рай, да не пускаютъ!..—Кондукторъ усмѣхнулся и сказалъ:—нельзя голубчикъ!—Нельзя?—повторилъ я съ удивленіемъ.—Нельзя!—отвѣтилъ онъ также съ удивленіемъ. Изъ этого разговора я понялъ, что будутъ контролировать. Дѣлать нечего. Я взялъ билетъ и усѣлся въ вагонъ. Поѣздъ тронулся. Скорѣй, скорѣй и наконецъ полнымъ ходомъ. Я началъ осматривать своихъ спутниковъ. Противъ меня сидѣлъ какой-то субъектъ, чрезвычайно грязно одѣтый. Я съ невольнымъ чувствомъ отвращенія отодвинулся отъ него. Знаю я тогда, что въ недалекомъ будущемъ буду одѣтъ не лучше его, то, пожалуй-бы, и не отодвинулся. Онъ поминутно заглядывалъ подъ скамейку, чѣмъ возбудилъ мое любопытство. Я, какъ-бы невзначай, сбросилъ мой платокъ и нагнулся, чтобъ поднять его. И, о Боже! что я вижу! Подъ скамейкой лежитъ какая-то фигура, страшно скорчившись и прикрытая дырчатымъ пальто. Въ это время субъектъ тронулъ меня за плечо. Под-

нимаю голову и вижу кондуктора, съ которымъ я раньше говорилъ. Онъ сѣлъ на скамейку, развязалъ мѣшечекъ и принялся за ѣду. Вдругъ изъ подъ скамейки раздался громкій кашель. Кондукторъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ своей трапезы—во время выпивки, всталъ и подошелъ къ скамейкѣ. Запустивъ туда руку, онъ при громкомъ смѣхѣ всѣхъ пассажировъ началъ оттуда вытаскивать что-то очень похожее на поросенка, какъ онъ выразился. Поросенокъ оказался товарищемъ субъекта, который, желая его выручить, обратился къ пассажирамъ за милостыней. Собравъ тридцать коп. онъ отдалъ ихъ кондуктору, который проговорилъ:—хоть жидъ, а все-жъ человекъ!—и принялся доканчивать свой завтракъ. Я разговорился съ интересной парочкой. Оказалось, что они папиросники, пробирающіеся въ Америку; въ каждомъ городѣ они останавливались, зарабатывали немного денегъ и ѣхали дальше. Такъ они ѣхали уже отъ самаго Харькова. Впрочемъ, что стало съ ними, не знаю. Въ Минскѣ они сошли. Большинство пассажировъ были еврей-переселенцы, возлагавшіе всѣ свои надежды на заграничные комитеты. И какъ имъ приходилось разочаровываться! Но объ этомъ впереди! Проѣхали станцію Вилейка, вотъ и Вильна показалась. Многие пассажиры засуетились, и я въ томъ числѣ. Въ Вильнѣ мнѣ нужно было узнать адресъ дяди, живущаго въ Кенигсбергѣ. Поѣздъ остановился; я вышелъ. Вездѣ еврейскія лица и вообще многія части города носятъ особый отпечатокъ, а особенно Грязный переулокъ, гдѣ жила какая-то моя тетушка, у которой я и намѣренъ былъ узнать адресъ. Грязный переулокъ вполне оправдывалъ свое названіе, но онъ все-таки пришелся мнѣ по сердцу, благодаря своему сходству съ улицами М...., конечно не главными. Тѣ же кривые, неуклюжіе дома, тѣ же мощенныя острымъ булыжникомъ улицы, тотъ же особый запахъ, который особенно чувствуется по субботамъ, въ подворотняхъ; однимъ словомъ, сходство поразительное. Но городъ въ общемъ показался мнѣ красивымъ. Какой-то еврей-факторъ вызвался указать мнѣ

квартиру тетки и донести чемоданчикъ. Дворъ, на который онъ меня привелъ, былъ очень грязный и даже немощеный. Вошелъ на второй этажъ и отворилъ дверь, которую мнѣ указали. Въ глаза сейчасъ же бросились разные мѣдные самоварчики, чайники, ступки, горшки и прочая дребедень... Не успѣлъ я порядкомъ оглянуться, какъ былъ оглушенъ страшными криками:

— Что тебѣ надо? А? Отвѣчай же!

Я усѣлся на стулъ и проговорилъ:

— Продолжайте, пожалуйста, не стѣсняйтесь, я вапъ племянникъ.

Тетушка (это была она) осталась стоять съ открытымъ ртомъ.

— Что же тебѣ нужно отъ насъ? Мы люди бѣдные и помочь тебѣ не можемъ.

Я ей объявилъ, что мнѣ никакой помощи отъ нея не надо, а хочу, чтобъ она мнѣ дала адресъ дяди. Адреса она не знала, но посоветовала обратиться къ дочери дяди, тоже живущей въ Вильнѣ. Поблагодаривъ за совѣтъ, я спросилъ, можно-ли мнѣ оставить чемоданчикъ на нѣсколько часовъ.

— Ну, вѣтъ! мало ли что у тебя тамъ!

— Да вы можете пересмотрѣть всѣ вещи,—сказалъ я.

— Пожалуй, въ такомъ случаѣ...

И она вполнѣ добросовѣстно начала рыться въ моихъ пожиткахъ, а затѣмъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, поставила чемоданчикъ въ уголъ.

— Ну, иди,—сказала она, причемъ ея глазки, заплывшіе жиромъ, неприятно исказились.

Узнавъ адресъ дяди у его дочери, я черезъ четверть часа уже катилъ дальше по рельсамъ...

Въ вагонѣ мнѣ предстояла неожиданная встрѣча. Днемъ раньше меня уѣхала изъ Могилева наша сосѣдка Песя, къ своему мужу въ Парижъ. Не знаю, какими средствами онъ добрался до Парижа. Цѣлый годъ жена его не получала отъ

него извѣстій. Въ одинъ дождливый день получаетъ она по-
вѣстку на сорокъ рублей и письмо отъ мужа, съ приказаніемъ
продать все имущество и ѣхать къ нему. Она такъ и сдѣлала.
Увидѣвъ меня, она очень обрадовалась, попросила надѣирать
за дѣтми и прикрыть старшаго мальчика отъ инспектор-
скихъ взглядовъ кондуктора, а паче оберъ-кондуктора. Обо-
шлось все благополучно.

Послѣдняя станція промелькнула. Вотъ и Ковно! Я у
границы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не успѣли мы войти въ вокзалъ, какъ были окружены
стаей еврейскихъ возницъ. Каждый предлагалъ свои услуги,
а одинъ какой-то, съ разбойничьей рожой, предложилъ про-
вести черезъ границу за двадцать копѣекъ, говоря, что знаетъ
такое мѣсто, гдѣ и чортъ насъ не увидитъ. Не имѣя о гра-
ницѣ никакого понятія, я было согласился, но окружав-
шіе насъ извозчики подняли гвалтъ и кричали, что онъ
меня ограбитъ. Каждый выставлялъ на видъ свою честность,
говоря: «меня вся Ковна знаетъ». Я былъ такъ ошеломленъ
ихъ криками, что молчалъ, какъ агнецъ, ведомый на закла-
ніе, и позволялъ дѣлать надъ собой что имъ угодно. Одинъ,
богѣ ловкій, уже успѣлъ завладѣть моимъ чемоданчикомъ,
но въ это время подоспѣла ко мнѣ на помощь парижанка
Песа и, какъ тигрица, бросилась на моихъ мучителей. Поль-
зуясь этой импровизированной свалкой, я какъ трусъ убѣжалъ
съ поля битвы къ вокзалу, гдѣ присоединился къ дѣтямъ
моей защитницы. Въ скоромъ времени пришла и она. Завела
разговоръ съ буфетчицей, оказавшейся еврейкой. Я началъ
прислушиваться и, благодаря тишинѣ, царствовавшей на вок-
залѣ, заснулъ. Къ сожалѣнію, меня скоро разбудила Песа.
Мы пошелли вслѣдъ за дѣвочкой, дочерью буфетчицы, сжа-
лившейся надъ положеніемъ своей соплеменницы и при томъ
еще матери семейства. Она указала ей постоянный дворъ и

ручалась за честность хозяина. Мы сторговались, напились чаю и легли спать.

Часовъ въ восемь я всталъ. Ко мнѣ тотчасъ же подошелъ факторъ. Я его началъ разспрашивать о границѣ. Извѣстія были неутѣшительныя. За переходъ границы, по его словамъ, надо было отдать пятнадцать рублей и то могли еще попасться обходу. Онъ мнѣ разсказалъ, что бывали случаи, когда многихъ забиралъ обходъ и потомъ этапнымъ порядкомъ ихъ отправляли на мѣсто жительства. Все сказанное имъ меня конечно не ободрило. Я ушелъ осматривать городъ. Городъ произвелъ на меня тягостное впечатлѣніе. Въ моихъ глазахъ онъ сдѣлался какъ бы чудовищемъ, желавшимъ, во что бы то ни стало, дѣлать мнѣ зло. И тутъ я, въ первый разъ послѣ отъѣзда, заплакалъ. И сколько разъ я еще плакалъ послѣ этого жгучими, горькими слезами!..

Хозяинъ дома, гдѣ я остановился, къ моему удивленію, не совѣтовалъ оставаться въ Ковно, а ѣхать въ Юрбургъ, говоря, что молодому человѣку легко перейти тамъ границу и при томъ тамъ это не будетъ стоить дорого. И было чему удивляться. Содержатели кабаковъ, постоянныхъ дворовъ и тому подобныхъ учреждений всѣми мѣрами эксплуатируютъ переселенцевъ, стараются задерживать ихъ на неопредѣленное время, берутъ за все въ три дорога и, обобравъ ихъ, отпускаютъ. Многіе, даже очень многіе изъ нихъ стали состоятельными. Поблагодаривъ хозяина за честный совѣтъ и попрощавшись съ Песей, ждавшей агентовъ, я пошелъ къ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ отчалилъ. Я познакомился на пароходѣ съ однимъ старымъ евреемъ, ѣхавшимъ изъ Екатеринослава въ Юрбургъ къ брату. Братъ его обѣщалъ постараться для меня; вообще, они приняли во мнѣ участіе и дѣйствительно, благодаря ихъ стараніямъ, переходъ черезъ границу стоилъ мнѣ сравнительно не дорого. Денегъ у меня осталось очень мало. Двадцать копѣекъ я отдалъ жандарму, которому почему-то не понравился мой паспортъ. Онъ началъ меня пытаться, куда я ѣду и зачѣмъ. Чтобы избавиться отъ него, я

вынулъ двугривенный, который и произвелъ на современнаго аргуса надлежащее вліяніе. Эти монеты рѣдко остаются у насъ безъ дѣйствія; должно быть надпись на нихъ состоитъ изъ каббалистическихъ буквъ... Въ три часа пополудни за мной пришли два молодыхъ человѣка, контрабандисты, и увезли на телѣжкѣ къ крестьянину, жившему въ пяти верстахъ отъ границы. Молодой еще человѣкъ, онъ былъ очень гостеприименъ и не хотѣлъ брать у меня денегъ за пищу. У крестьянина я пробылъ два дня, а на третій день за мной пришелъ мальчикъ и мы отправились. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Грязь по колѣно. Вездѣ ямы и кучи торфу. Во избѣжаніе встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ властей, приходилось идти согнувшись въ три погибели. Изъ разговора съ моимъ проводникомъ я узналъ, что переходъ черезъ границу состоится въ четвергъ. Спустя полчаса, я лежалъ въ сѣновалѣ, на душистомъ сѣнѣ. Проснулся ночью, часовъ въ двѣнадцать. Курить хотѣлось страшно. Разостлавъ пальто, я свернулъ папирску и, со всѣми предосторожностями, закурилъ ее. За первой послѣдовала вторая, третья и такъ далѣе, до одурѣнія. Часовъ до пяти я просидѣлъ на сѣновалѣ, затѣмъ слѣзъ и подкрѣпился вишнями, поднесенными мнѣ дебелой супругой моего хозяина. Вскорѣ затѣмъ прибылъ еврейскій мальчикъ и сообщилъ слѣдующее: «Сегодня ночью, въ двѣнадцать часовъ, за вами придетъ человѣкъ. Вы спросите его имя. И если онъ отвѣтитъ «Томашка», то слѣдуйте за нимъ. А гутенъ - тогъ (добрый день)». И онъ исчезъ. Я чуть не бросился цѣловать его... Послѣ его ухода я улегся и заснулъ. Снится мнѣ, что Томашка будитъ меня... но сильный толчокъ далъ мнѣ понять, что это не сонъ.

— Кто это?

— Я, Томашка! Пойдемъ.

Наскоро схвативъ свой узелокъ, я бросился за нимъ.

Онъ шелъ скорымъ шагомъ. При приближеніи къ границѣ, онъ приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Дождь лилъ съ страшной силой. Нѣсколько разъ я падалъ въ канавы

съ водой. Сапоги были полны жидкой грязью. Томашка продолжалъ идти тѣмъ же скорымъ шагомъ, а я выбивался изъ силъ. Движенія его были неподражаемы. То онъ вдругъ мгновенно садился на землю и я наскакивалъ на него, то, слышавъ какой нибудь шорохъ, онъ бросался въ кусты такъ скоро, что я едва находилъ его, хотя я тоже очень ловокъ. Онъ ни разу не упалъ. А дождь все льетъ. Тоскливо... Вдругъ рука Томошки схватила меня за поясъ. Я почувствовалъ сильную боль. Перекувыркнувшись раза два въ воздухъ, я упалъ пластомъ на землю и потерялъ сознание. Когда я очнулся, Томашка стояла около меня и пила изъ фляжки водку. Онъ заставилъ меня выпить нѣсколько глотковъ, а потомъ мы двинулись дальше. Я спросилъ, скоро ли мы перейдемъ границу.

Въ отвѣтъ онъ громко засвисталъ. Я понялъ. Какъ безумный, я бросился его обнимать. Я тоже началъ свистать. Гулко раздавался нашъ свистъ по спящей деревнѣ. Собаки залаяли. Мы подошли къ дому, изъ оконъ котораго лился привѣтливый свѣтъ. Спустя часъ, я спалъ, какъ убитый. Въ субботу утромъ я сѣлъ на пароходъ и уѣхалъ въ Тильзитъ, а въ девять часовъ вечера былъ въ Кенигсбергѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«На Бога надѣйся, а самъ не плошай!» говоритъ пословица. Какъ она правдива! Признаться, я все свои надежды возлагалъ на дядю. Я думалъ: неужели такой богатый человекъ пожалѣетъ для племянника пятьдесятъ-шестьдесятъ рублей, для него ничего не составляющихъ? И какое разочарованіе! Но разскажу по порядку. Къ дядѣ я пошелъ на другой день, часа въ три. По нѣмецки я не зналъ ни гу-гу. Адресъ у меня былъ записанъ русскими буквами, такъ что нѣмцу не прочитать. Каждый нѣмецъ, къ которому я обращался, заставлялъ меня повторять раза три адресъ и тогда только отвѣчалъ: «Ich verstehe Sie nicht!» Я ему посылалъ вслѣдъ какое нибудь проклятіе и шелъ дальше. Наконецъ я набрелъ на

студента изъ русскихъ евреевъ. Онъ, прочитавъ адресъ, сказалъ: «а, знаю!» Нѣмецкими буквами онъ переписалъ мнѣ адресъ и показавъ, куда идти. Дядя жилъ во второмъ этажѣ. На площадкѣ я остановился, не рѣшаясь позвонить. Я подошелъ ближе къ двери, чтобы разсмотрѣть фамилію. Дверь была изъ хорошаго дерева, причемъ половина изъ узорчатаго стекла. На мраморной дощечкѣ были красиво вырѣзанныя буквы фамиліи. Наконецъ я позвонилъ. Дверь открылась и я увидѣлъ женщину, довольно плотно сложенную, чисто одѣтую, съ самодовольнымъ выраженіемъ лица. Я понялъ, что это тетюшка.

— Здравствуйте! — обратился я къ ней.

— Здравствуйте! — отвѣтила она съ недоумѣвающимъ лицомъ.

Я поспѣшилъ представиться.

Узнавъ, что я пріѣхалъ еще вчера, она удивилась, отчего я не зашелъ раньше. Я отвѣтилъ, что не хотѣлъ ихъ беспокоить ночью. Этими разговорами о моемъ пріѣздѣ и ограничились. Затѣмъ мы отправились къ дядѣ, который былъ въ это время въ конторѣ, находившейся на другой улицѣ, вблизи вокзала.

Контора помѣщалась въ трехъ небольшихъ комнатахъ. Первая имѣла по бокамъ небольшія полочки, на которыхъ лежали мѣшочки съ хлѣбными зернами; во второй комнатѣ сидѣли два конторщика и поскрипывали перьями. Хотя контора имѣла довольно невзрачный видъ, но чувствовалось, что здѣсь занимаются дѣломъ. Въ третьей комнатѣ сидѣлъ директоръ, то есть дядюшка. Тетя назвала меня. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, удивился, затѣмъ протянулъ мнѣ руку и попросивъ извиненія, что не можетъ оставить занятій, обѣщалъ придти раньше къ обѣду. Придя къ тетѣ, я, чтобы убить время, занялся чтеніемъ. Вдругъ раздался громкій звонокъ. Я понялъ, что это кто-ни-будь изъ «своихъ». Посторонніе такъ не звонятъ. Я поднялъ голову. Вошла очень красивая дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Длинные, длинные свѣт-

лые волосы прекрасно шли къ ея блѣдному лицу. «Гуть-моргентъ!» сказала она, и я увидѣлъ бѣлые прямые зубы. Я продолжалъ смотрѣть на нее и молчалъ. «Гуть-моргентъ!» повторила она съ улыбкой. Наконецъ я опомнился, всталъ и поклонился, причемъ проговорилъ въ носъ какую-то фразу, изъ которой я самъ ничего не понялъ. Она вторично улыбнулась. Положеніе мое было не изъ счастливыхъ. Къ счастью, въ это время вошла тетьа, а не то я бы надѣлалъ глупостей, какихъ—не знаю, но вѣрно бы надѣлалъ. Тетьа представила меня дѣвушкѣ, ея дочери. Въ скоромъ времени пришелъ и дядя. Послѣ обѣда я и дядя остались въ столовой. Я началъ его разглядывать, насколько это позволяла закрывавшая его лицо газета: большіе черные глаза, большой лобъ, носъ, какъ носъ, и все прочее, что полагается у людей. По лицу можно было подумать, что дядя—человѣкъ энергичный, а на дѣлѣ выходило наоборотъ. Мнѣ наскучило сидѣть и я всталъ. Дядя жестомъ пригласилъ меня сѣсть.

— Кх, кх,—обратилъ онъ ко мнѣ голову.

— Гм, гм,—началъ я аккомпанировать.

— Кх, кх,—продолжалъ онъ.

— Гм, гм,—повторилъ я.

— Кх, кх... Ты, вѣроятно, хочешь спать, такъ ложись, вотъ диванъ.

Я поблагодарилъ и легъ, а дядя вышелъ.

Преснулся не помню въ которомъ часу. Услышавъ говоръ въ комнатѣ, я прикинулся спящимъ. Говорила тетьа съ дочерью.

— И чего онъ пріѣхалъ? Кому онъ нуженъ тутъ? Мало у насъ своихъ заботъ? Вотъ придется дать ему теперь двадцать марокъ. А за что?!

Я отъ этихъ словъ вздрогнулъ, какъ отъ удара электричества.

— Мамап, что ты говоришь? Двадцать марокъ? Да ему, бѣдному, до Гамбурга надо двадцать марокъ!

— Да намъ-то что!—крикнула тетьа.

— Матап, да что ты! Знаешь, самое лучшее. отецъ дастъ ему сто марокъ и онъ уѣдетъ. ●

— Сто марокъ! Да ты, Мина, съ ума сошла.

Послѣднія слова тетья сказала спокойнымъ тономъ.

Я не могъ больше лежать отъ злости и обиды. Разомъ я вскочилъ съ дивана. Мина, посмотрѣвъ на меня, опустила свои черные глаза, а тетья, какъ ни въ чемъ не бывало, проговорила:

— На, выпей чаю и иди въ контору...

Я посмотрѣлъ на нее такимъ взглядомъ, что она осталась стоять съ недоконченной фразой на языкѣ.

Не говоря ни слова, я вышелъ. Меня душили слезы. Я заплакалъ. Не помню, какъ я добрался до конторы и у кого спрашивалъ дорогу... Дядя, увидѣвъ меня, какъ бы опѣшилъ. Я остался ночевать въ конторѣ. Всталъ часовъ въ восемь. Сперва умылся, причесался, а затѣмъ да же и въ зеркало смотрѣлся, чего я почти никогда не дѣлалъ.. Вскорѣ пришли конторщики: одинъ еврейчикъ, одинъ нѣмчикъ, оба молодые. Поговоривши съ ними о погодѣ, я ушелъ. Дядю я засталъ въ столовой за чаемъ. Поздоровавшись съ нимъ, я усѣлся.

— Дядя! я долженъ съ вами поговорить,—сказалъ я.

— Э, э, э!.. видишь-ли, мнѣ теперь некогда.

— Нѣтъ, выслушайте меня,—настаивалъ я.

Онъ молчалъ, а я продолжалъ тержественнымъ голосомъ:

— Дядя, вы братъ моего отца. Отецъ, какъ вамъ извѣстно, разошелся съ матерью, когда мнѣ еще не было трехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я его ни разу не видѣлъ. Къ вамъ я тоже ни разу не обращался за какой-либо помощью. Теперь вы мнѣ *должны помочь*. Я ѣду въ Америку. Денегъ у меня нѣтъ за исключеніемъ двухъ пфениговъ. У меня теперь три исхода. Первый—слушайте внимательно—дайте мнѣ шестьдесятъ рублей, и я уѣду въ Филадельфію, благословляя ваше имя. Второй и самый лучший исходъ изъ моего положенія состоитъ вотъ въ чемъ: оставьте меня у себя въ конторѣ. Первое время я буду заниматься русской корреспонденціей. Правда, почеркъ у меня

неважный. Наймите каллиграфа. Плату за обученіе вычтете изъ будущаго жалованья. Или же позвольте мнѣ остаться у васъ до прибытія «шифс-карты» изъ Америки. Надѣюсь, что братъ мамаша пришлетъ мнѣ ее по первому требованію.

По окончаніи монолога я поднялъ глаза... и чуть не расхотался. Дядя въ своемъ, хотя и красивомъ халатѣ, былъ очень жалокъ. Поднявшись съ мѣста, дядя проговорилъ:

— Ахъ да, сейчасъ! Уже девять часовъ. Хорошо, хорошо... вотъ позволь...

И онъ бокомъ проскользнулъ въ спальню къ своей благовѣрной. Я понялъ, что онъ отъ меня удралъ. «Ну, ладно! — подумалъ я: — «попадешься въ другой разъ», и на этомъ успокоился. Изъ спальни послышались шушуканія. — Что дѣлать? Плохо! — слышалось оттуда. Я разслышалъ еще слово: дуракъ! а потомъ и ласковыя слова. Вѣроятно, тетя уговаривала дядю ложиться во всемя на нее. Получилъ я всего десять рублей, причемъ дядя попросилъ меня не говорить тетѣ о всѣхъ десяти. Изъ Кенигсберга у меня осталось одно свѣтлое воспоминаніе. Это дочь дяди. На прощаніи бѣдная отдала мнѣ свои послѣднія пять марокъ. Ужо получить хорошій нагоняй отъ тетеньки! Во вторникъ я уѣхалъ. Очень нѣжно попрощался съ дядей и тетей, пожелалъ имъ всего хорошаго, а въ душѣ — провалиться къ чертямъ. Тетя заняла бы тамъ не послѣднее мѣсто. Въ этомъ я увѣренъ.

М. Эттингеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ.

II. Краковскіе мученики 1637 года ¹.

Прошло только девять мѣсяцевъ послѣ возмутительнаго судебного убійства въ Люблинѣ—и вотъ мы уже присутствуемъ при новой, еще болѣе ужасной казни. На этотъ разъ передъ нами уже не одна жертва, а цѣлая человѣческая гекатомба. Въ первопрестольномъ городѣ Краковѣ, въ маѣ 1637 г., совершается публичная казнь надъ семью евреями. Подробности дѣла остаются пока неизвѣстными: но нѣтъ сомнѣнія, что передъ нами опять жертвы народнаго фанатизма и гнуснаго обвиненія съ религіозною подкладкою. О самомъ происшествіи свидѣлствуютъ только два синагогальныхъ документа: 1) торжественная заупокойная молитва, помѣщенная въ рукописномъ молитвенникѣ Пинчовской синагоги, и 2) краткая записка, сохранившаяся въ Пинкосѣ Краковского погребальнаго братства. Вотъ какъ оплакиваетъ Синагога эту новую тяжелую утрату².

О Боже, полный милосердія, живущій въ небесахъ! Доставь дѣйствительное уснокоеніе, подъ крыльями св. Духа, въ рядахъ святыхъ и чистыхъ, сияющихъ какъ лучезарное небо, душамъ мучениковъ невинныхъ, цѣломудренныхъ и праведныхъ, убитыхъ ради освященія имени Бога всемогущаго,—а именно: душъ святаго учителя нашего рабби Авраама

¹ См. „Восходъ“, кн. I, 1895 г.

² Въ Пинчовскомъ манускриптѣ этой молитвѣ отведено особое мѣсто, на трехъ страницахъ, изъ коихъ первая занята заголовкомъ слѣдующаго содержанія:

וְיִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל

(т. е. „О святыхъ въ городѣ Краковѣ, (казненныхъ) около праздника ⁰⁰⁸аванія нашей Торы (Пятидесятницы), въ (5)397 году (1637). О неужелъ ⁰⁰⁸завѣ- при этомъ воздержись и будешь молчать, Господи Боже!“). Слово ⁰⁰⁸на»². надписи расположены въ формѣ треугольника, суживающагося внизу, изд. ⁰⁰⁸шеннаго выѣткой. По всему видно, что записи этой придавалось ⁰⁰⁸важное значеніе.

Восходъ, кн. 2.

бенъ *Исхака*, душѣ святого *ученаю Якова бенъ Давида*, душѣ *р. Самуила бенъ Самуила*, которые вручили свое тѣло и духъ Господу Богу; а также: душѣ святого *ученаю р. Элияху бенъ Гелуда*, этой жертвы завѣта, душѣ святого *р. Беніямина бенъ Шалом*, и душѣ святого раби *р. Якова бенъ Исахара*, (погябшаго) отъ рукъ жестоко-сердыхъ сыновъ чуждаго бога, и душѣ св. *ученаго р. Моше бенъ Пимхаса*, котораго повели на лютое закланіе. О, какъ пала богатыри въ смятеніи и растерали орудія ратныя! Такъ падаютъ только отъ руки злодѣевъ. Убіеніе, задушеніе, сожженіе и забрасываніе камнями выпали на ихъ долю¹. Въ день субботній освятили они, призванные, имя Его. Господь приготовилъ жертвенный пиръ и пригласилъ избранныхъ. Приняли они это (приглашеніе) съ благоговѣніемъ и вопиали, содрогаясь: Слушай, Израиль, Іегова Богъ нашъ—Богъ единый! Услышь же это въ небесахъ, Живущій въ горнихъ! Кровь нашихъ братьевъ вопіетъ къ Тебѣ... Вотъ враги Твои, Господи, вотъ они! Излей на нихъ гнѣвъ Свой, ради убіенныхъ за Твое святое имя! Выскивающій за кровь во гнѣвѣ...² порази ихъ мечомъ, истязникъ за поруганіе завѣта! Да! вотъ Господь выступаетъ какъ богатырь, какъ мужъ брани. Онъ возбуждаетъ рвение, опоясавъ гнѣвомъ. Это—Богъ нести. О земля, не скрой въ ядрахъ своихъ крови ихъ (мучениковъ), и да не будетъ мѣста ихъ воплямъ, пока не воззритъ Господь съ неба и не воздастъ за нихъ! Бже Милосердый, укрой ихъ въ сѣни своихъ крыльевъ на вѣки. Пусть съ этихъ сени жертвенниковъ вознесется пріятное благоуханіе; пусть очи Твои обратятся на кровь, обрызганную эти жертвенники! Пусть смерть ихъ послужитъ искупленіемъ для оставшихся, какъ искупляетъ кровь барановъ и быковъ! Да покоятся они мирно на ложахъ своихъ! Господь—ихъ наслѣдіе. Да почіють въ чести. Аминь!

Сквозь эти потрясающіе вопли и стоны Синагоги мы можемъ разобрать только слѣдующее: въ субботу, предшествовавшую празднику Пятидесятницы 1637 года, въ Краковѣ, были подвергнуты публичной казни, послѣ жестокихъ истязаній, семеро евреевъ, изъ коихъ одинъ былъ раввиномъ и имѣлъ званіе «Морену» (учитель), трое титуловались «учеными» («ховеръ»), а остальные принадлежали, повидимому, къ среднему или низшему классу. Что они пали жертвою обвиненія, имѣвшаго *религіозную* или (что всего вѣроятнѣе) *общественную* подкладку,— это видно изъ всего тона молитвы, изъ присвоеннаго казнен-

¹ Четыре вида казни, приѣнявшіеся въ древности іерусалимскимъ Синемъ. Это, повидимому, намекъ на разные виды пытки, которой подвергнутыхъ.

² Не разобрано слово, помѣщенное на истлѣвшемъ краѣ пергаментнаго. Некоторые другіе подобные пропуски восстановлены по соответствующимъ иблійскимъ стихамъ.

нымъ званія «святыхъ», наконецъ изъ ясныхъ словъ: «убиты ради освященія имени Божія». Но какое именно обвиненіе тяготѣло надъ ними, какой судебный процессъ предшествовалъ роковому исходу, какую борьбу пришлось выдержать семи страдалцамъ, прежде чѣмъ ихъ «повели на закланіе» — обо всемъ этомъ мы пока ничего не знаемъ. Словоохотливая въ такихъ случаяхъ римская Церковь безмолвствуетъ на этотъ разъ, а можетъ быть ея слова не дошли до насъ. Даже специальный хронографъ анти-еврейскихъ религіозныхъ процессововъ въ Польшѣ, кс. Жуховскій, ничего не приводитъ подъ 1637 годомъ. Единственнымъ подтвержденіемъ факта, по поводу котораго установлена вышеприведенная молитва, служитъ краткая записъ, сохранившаяся въ старинной памятной книгѣ Краковскаго еврейскаго погребальнаго братства. Эта записъ гласитъ:

«Община Краковская приняла на себя слѣдующее: *установить на вѣчныя времена трауръ (т'у'м) въ субботу что передъ праздникомъ Шесуосъ (Пятидесятница), а именно: не мыться и не доставлять себѣ никакихъ удовольствій наканунѣ этого дня въ пятницу, а въ самый день субботній одѣвать будничную эсуниту (х'у'ш) и не устраивать товарищескихъ пирушекъ. Если же въ воскресенье и понедѣльникъ, слѣдующіе за этой субботой, выйдетъ праздникъ, то слѣдуетъ соблюдать вышеозначенный трауръ одной субботой раньше, согласно постановленію великихъ гаоновъ. Все это установлено въ память бѣдствія семи мучениковъ—да отомститъ Богъ за ихъ кровь!— въ (5)397 году» (1637)¹.*

Изъ этого документа явствуетъ, что событіе 1637 года имѣло весьма важное общественное значеніе для краковскихъ евреевъ. Единичное мученичество обыкновенно увѣковѣчивалось только чтеніемъ заупокойной молитвы разъ въ году въ опредѣленный день. Общественные же трауры или посты устанавливались, какъ показываютъ многіе другіе примѣры, только въ память несчастій, постигавшихъ всю общину. «Бѣдствіе семи мучениковъ» было, очевидно, однимъ изъ такихъ несчастій. Семеро «святыхъ» пожертвовали собою за все краковское еврейское общество—и послѣднее благоговѣйно чтило ихъ память, завѣщавъ это и позднѣйшимъ поколѣніямъ «на вѣчныя времена»².

¹ Обнародовано г. И. Красуцкимъ изъ Кракова въ сборникѣ «Смол», изд. Соколова, т. VI, 1893, стр. 133 второго отдѣла.

² Въ виду общественнаго характера краковской катастрофы 1637 года

Ш. Ленчицкіі процессъ 1639 года.

Въ *Ленчицъ*, бывшей воеводской резиденціи Великой Польши, а нынѣ уѣздномъ городѣ Калишской губерніи, до сихъ поръ еще можно видѣть въ мѣстномъ бернардинскомъ костелѣ одну достопримѣчательность, производящую потрясающее впечатлѣніе на нервы зрителя. Въ ризницѣ (*zakrystja*) этого костела стоитъ маленькій стеклянный гробикъ, въ которомъ хранятся останки ребенка, «замученнаго», по народному преданію, евреями въ 1639 году, въ близлежащей деревнѣ *Кожаницъ*. Тамъ же хранится писанная маслянными красками старинная картина, принадлежащая кисти благочестиваго художника того времени: на ней изображены евреи, выцѣживающіе кровь изъ тѣла замученной жертвы. Помѣщенная при гробикѣ металлическая таблица заключаетъ въ себѣ описаніе этого страшнаго «событія»¹. Сердце набожнаго католика содрогается при видѣ этой горсти праха подѣ стекломъ и этого кроваваго, наводящаго ужасъ изображенія. Не одинъ благочестивый прихожанинъ, стоя надъ прахомъ маленькаго мученика, горѣлъ негодованіемъ и проклиналъ «изувѣровъ и кровопійцъ, невѣрныхъ жидовъ»... Но что подумалъ бы онъ, этотъ легковѣрный католикъ, если бы могъ узнать правду, если бы зналъ, что этотъ маленькій мученикъ стоилъ жизни двумъ другимъ, большимъ мученикамъ, такъ же какъ и онъ ни въ чемъ неповиннымъ, и что настоящіе виновники погибли всѣхъ этихъ трехъ жертвъ стояли гораздо ближе къ церковной ризницѣ, чѣмъ къ ковчегу синагоги...

Обратимся къ судебнымъ актамъ.

Въ 1639 г., въ концѣ іюня, въ Ленчицкой сессіи коронаго Трибунала разбиралось дѣло по обвиненію двухъ евреевъ, старость синагоги («школьниковъ») *Мейера* и *Лазаря*, въ убіе-

можно предположить, что въ памятныхъ книгахъ еврейскихъ общинъ или въ польскихъ судебныхъ актахъ хранятся еще другія относящіяся къ этому дѣлу свѣдѣнія. Когда таковыя найдутся, мы не замедлимъ подѣлиться ими съ читателями.

¹ *Balinski i Lipinski, Starożytna Polska etc. Wyd. drugie, Warszawa, 1885, t. I, str. 304.* Приведенныя свѣдѣнія принадлежатъ къ числу дополненій къ тексту книги, сдѣланныхъ въ 1885 г. редакторомъ новаго изданія Ф. Мартыновскимъ.

ніи, изъ религиозныхъ цѣлей, христіанскаго ребенка изъ сѣдняго села Комажица. Этого ребенка похитилъ будто-бы передъ Пасхою и продалъ Ленчицкимъ евреямъ какой то нищій старецъ (dziad) *Томашъ* за 1 золотый 50 грошей. Когда народная молва изобрѣла эту гнусную выдумку, старшины еврейской общины въ Ленчицѣ, зная, что ихъ ожидаетъ въ подобныхъ случаяхъ, попытались спастись бѣгствомъ; но ихъ поймали и представили въ гродскій судъ. Еврея предъявили отводъ по неподсудности, сославшись на свои привилегіи, по коимъ они подлежатъ суду королевскому. Тогда ихъ дѣло было передано въ Трибуналъ, члены котораго, какъ извѣстно, состояли изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ. Истицею и обвинительницею выступила п. Катаржина Карпницкая; но она повидимому имѣла еще другихъ сообщниковъ, «актеровъ», орудовавшихъ всѣмъ этимъ дѣломъ¹. Главной опорой обвиненія служили показанія нищаго бродяги Томаша, который первоначально самъ былъ заподозрѣнъ въ преступленіи, а затѣмъ оговорилъ евреевъ. Освидѣтельствованіе трупа убитаго младенца, произведенное мѣстными «цирульниками», обнаружило слѣдующее: на тѣлцѣ оказалось сто ранъ, произведенныхъ острымъ орудіемъ; грудь была вдавлена и покрыта красными пятнами; больше всего ранъ было на вискахъ, за правымъ ухомъ и на жилахъ въ ногахъ. Послѣ этого Трибуналъ, принявъ къ свѣдѣнію предварительный, неблагоприятный подсудимымъ отзывъ мѣстнаго гродскаго суда, приступилъ къ разбору дѣла.

Сначала произошло было столкновение между судомъ и мѣстной администраціей. Ленчицкій королевскій староста, какъ стражъ закона и официальный покровитель еврейскаго общества, не соглашался, на требованіе Трибунала представить въ судъ оговоренныхъ евреевъ и настаивалъ на перенесеніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ въ «дворскій» судъ. Трибуналъ наложилъ на старосту большой штрафъ въ пользу истицы за уклоненіе отъ суда, а евреямъ грозилъ «инфаміей» какъ бѣглымъ преступникамъ, подлежащимъ смертной казни. Когда и

¹ Въ отчетѣ о процессѣ (*Zuchowski, Process Krim. № 150*) говорится то объ одной *actrix* (истица), то объ „актерахъ“ во множественномъ числѣ. Имя истицы названо въ другомъ мѣстѣ, *ibid.* § XII.

то и другое было приведено въ исполненіе, староста вынужденъ былъ уступить.

Началось «отправленіе правосудія». Прежде всего подвергли пыткѣ нищаго старца — и онъ подтвердилъ свой извѣтъ, присовокупивъ, что продалъ евреямъ уже не одного ребенка, а цѣлыхъ трехъ. Старика, какъ пособника, осудили на смертную казнь. Евреи-же на допросахъ «запирались», не желая сознаться въ небываломъ преступленіи. Не сломила ихъ «упорства» и примѣненная къ нимъ страшная пытка, имѣвшая цѣлю, какъ гласить процессъ, «вывѣдать, не вслѣдствіе-ли суевѣрія родъ іудейскій такъ жаденъ до христіанской крови». Это обстоятельство, конечно, очень огорчило почтенныхъ судей, такъ какъ отсутствіе совнанія подсудимыхъ крайне затрудняло ихъ задачу, состоявшую въ произнесеніи обвинительнаго приговора во что бы то ни стало. Однако, они съумѣли выпутаться изъ затрудненія. На другой день послѣ праздника Петра и Павла (30 іюня), Трибуналь поставовилъ смертный приговоръ. Декретъ Трибунала, съ крайне казуистическою мотивировкой, гласить ¹:

«Принимая во вниманіе, что: а) согласно осмотру (медицинскому) оказалось больше ста уколовъ, в) въ кровеносныхъ жилахъ, с) произведенныхъ острымъ орудіемъ, d) въ нѣжномъ тѣлѣ младенца; е) затѣмъ — время предательства ребенка; f) мѣсто расположенія убитаго и не преданнаго землѣ тѣла; g) примѣры извѣстные изъ предыдущихъ декретовъ по такого рода преступленіямъ; h) сверхъ того усматривая изъ слѣдствій и розыска (inquisitionibus) въ городѣ Ленчицѣ множество обстоятельствъ, доказывающихъ, хотя и не съ очевидностью, но весьма правдоподобно, что іудеи *Майеръ Школьникъ* (Synagogista) и *Лазаръ Субботній* (? Sobotensis) виновны въ жестокомъ мученіи, истязаніи и убіеніи младенца; i) далѣе, въ виду того, что и нищій Томашъ призналъ себя виновнымъ въ этомъ преступленіи, и—k) что наконецъ и отецъ младенца свободно и добровольно принялъ на себя клятвенное подтвержденіе (compromissionem juratoriam) всего вышеозначеннаго,—въ виду всего этого, и принимая еще во вниманіе свойство столь ужаснаго преступленія, отъ котораго земля содрогается, которому весь христіанскій міръ изумляется и предъ которымъ въ ужасѣ цѣпенѣетъ судъ земной, божескій и человѣческій, за которое наконецъ и самое Небо вызываетъ къ справедливому

¹ Въ передачѣ Zuchovsk'aro, Proc. Krim. № 150.

возмездію, — судъ, опираясь на показанія шести свидѣтелей, постановляетъ: означенныхъ евреевъ разстѣчь на части и послѣднія воткнуть на колья на перекресткахъ дорогъ».

Этотъ страшный приговоръ былъ исполненъ въ точности. Два ни въ чемъ неповинныхъ человѣка, которыхъ превратило въ преступниковъ дикое, извращенное воображеніе изуверовъ, потерпѣли жестокое мученіе. Казненъ былъ, конечно, и старецъ-нищій, крестуря гнусныхъ людей, знавшихъ и настоящую причину смерти ребенка, и тайну найденныхъ на трупѣ уколовъ.... Возмущенная совѣсть одуряченной католической черни успокоилась. Ликовали и пастыри этого жалкаго стада, подносившіе ему подъ именемъ вѣры отраву душевную, учившіе его любить.... кровь и муки ближняго, если только этотъ ближній—иновѣрецъ. Болѣе всего эта кровавая исторія была на руку мѣстнымъ отцамъ бернардинцамъ. Они только незадолго передъ тѣмъ, въ 1632 г., основали въ Ленчицѣ костель съ монастыремъ¹. Нужно было привлечь вниманіе вѣрныхъ сыновъ церкви къ этимъ новымъ учрежденіямъ, сдѣлать ихъ въ какомъ-нибудь отношеніи достопримѣчательными. И вотъ какъ разъ подоспѣла смерть невиннаго малютки, этого «мученика церкви» въ *буквальномъ* смыслѣ. Почтенные отцы обрадовались «случаю» и помѣстили въ своей святынѣ и «мощи» ребенка, и картину съ описаніемъ «убійства». Новый Ленчицкій костель, благодаря такой пикантной вывѣскѣ, вскорѣ прославился; толпы богомольцевъ направлялись туда, въ это хранилище чудотворныхъ останковъ, — и благочестивые монахи, разумѣется, не были отъ этого въ накладѣ...

Чѣмъ же ознаменовала Синагога этотъ геройскій подвигъ двухъ своихъ сыновъ, невинность и чистоту которыхъ она могла лучше всего знать?

Въ рукописномъ молитвенникѣ Пинчовской синагоги, на томъ-же листѣ, гдѣ помѣщена молитва о Люблинскомъ мученикѣ 1636 года, имѣется слѣдующая коротенькая записъ:

«О мученикахъ на землѣ, въ городѣ Ленчицѣ въ 399 году²: учитель нашъ рабби Мееръ сынъ рабби Мордохая Коана; ученикъ р. Эзра сынъ р. Авидора.

¹ Balinski i Lipinski. Starozytna Polska, I, 304.

² Т. е. въ 1639 г.

Въ другомъ мѣстѣ того-же манускрипта, въ общей заупокойной молитвѣ за «святыхъ, погибшихъ по ложнымъ обвиненіямъ», опять упоминаются эти двое Ленчицкихъ мучениковъ, причемъ имя второго названо *Авизеръ* вмѣсто *Эзра*.

Это—знакомые намъ *Майеръ* и *Лазаръ*, фигурирующие въ вышеприведенномъ Трибунальскомъ декретѣ. Синагога не забыла о своихъ подвижникахъ и горячо оплакивала тѣхъ, чьи «мощи» не покоились подъ красивой стеклянной крышкой, въ роскошномъ храмѣ, а торчали на вершинахъ высокихъ кольявъ, на перекресткѣ дорогъ, куда къ нимъ паломничали—да и то не долго—развѣ только хищныя птицы...

Это было только за девять лѣтъ до рокового въ еврейской исторіи 1648 года, который не удовлетворится уже единичными жертвами, а начнетъ поставлять въ небесное вѣдомство мучениковъ en gros,—тысячами и десятками тысячъ...

С. Дубновъ.

Р. S. Когда настоящая статья была уже написана, появилась (Восходъ, ноябрь 1894) та глава изъ этюда профессора С. А. Бершадскаго «Старинное средство», въ которой между прочимъ говорится и объ описанномъ нами выше люблинскомъ процессѣ 1636 года. Такъ какъ г. Бершадскій и мы пользовались различными источниками, то мы, передавая одинаково сущность дѣла, расходимся однако въ исчисленіи подробностей—и наши статьи, такимъ образомъ, помимо различія въ приѣмахъ историческаго освѣщенія, могутъ дополнять другъ друга. Такъ напр. у г. Бершадскаго можно найти дополнительные свѣдѣнія: о личности мнимой жертвы, послушника Павла, оказывающагося полоумнымъ человѣкомъ; объ обстоятельствахъ преступленія, въ коемъ кромѣ Смита и Марка (первый названъ тутъ «медикомъ», а второй «хирургомъ») принимали будто-бы еще участіе ихъ слуги, *Мошко* и *Левекъ*; затѣмъ о способѣ казни Марка, котораго велѣно было «разсѣчь живымъ на части, голову воткнуть на колы на распутии за городомъ, а тѣло сжечь»,—что совершенно подтверждаетъ приведенное нами показаніе еврейскаго манускрипта, гдѣ говорится, что мученикъ испыталъ «мечъ, гибель и всесоженіе». Наиболѣе

существеннымъ въ источникѣ, служившемъ г. Бершадскому («*Odgięs procesow*» Жуховскаго?), является извѣстіе о томъ, что по дѣлу несчастнаго еврея Марка были привлечены къ суду, въ качествѣ косвенныхъ пособниковъ и попустителей, еще 29 членовъ мѣстнаго еврейскаго кагала (авторъ перечислилъ ихъ поименно), которыхъ однако Трибуналь по недостатку уликъ потомъ освободилъ. Съ другой стороны, кое-что изъ результатовъ нашего изслѣдованія, основаннаго на очной ставкѣ еврейскихъ и польскихъ источниковъ, могло-бы послужить дополненіемъ и отчасти коррективомъ къ версіи автора «Стариннаго средства». Такъ напр. послѣдній вовсе не обратилъ вниманія на предшествовавшее процессу о кармелитскомъ монахѣ дѣло объ убіеніи младенца Матіашка въ Люблинѣ, въ началѣ того-же 1636 г., а между тѣмъ это дѣло даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію всѣхъ козней люблинскихъ кармелитовъ и раскрываетъ намъ истинную подкладку исторіи послушника Павла.

Еще объ одной частности, но весьма важной, относящейся къ люблинскому процессу. Выше, въ примѣчаніи къ концу 1-й главы этой статьи, я указалъ на упоминаемыхъ въ синагогальныхъ актахъ двухъ новыхъ мучениковъ, Нахмана и Веніамина, казненныхъ по ложному обвиненію въ Люблинѣ въ томъ-же 1636 году. Что эти мученики имѣютъ отношеніе къ одному изъ двухъ люблинскихъ процессовъ 1636 г.,—едва-ли подлежитъ сомнѣнію; неизвѣстно лишь—къ какому именно. Невозможно допустить, чтобы они были въ числѣ 29 членовъ люблинскаго кагала, привлеченныхъ къ суду по дѣлу кармелитскаго монаха, ибо во 1-хъ именъ *Нахманъ* и *Веніаминъ* не оказывается въ спискѣ этихъ членовъ, а во 2-хъ послѣдніе вѣдь освобождены отъ суда, между тѣмъ какъ *Нахманъ* и *Веніаминъ* удостоились мученическаго вѣнца. Я, повтому, считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предположеніе, что *Нахманъ* и *Веніаминъ* пострадали по дѣлу объ убіеніи младенца Матіашки. Основываюсь на слѣдующемъ: Жуховскій (Рос. Крим., № 149) говоритъ, что послѣ того, какъ Трибуналь убѣдился изъ послѣдующаго дѣла о монахѣ въ справедливости вводимаго на евреевъ обвиненія, онъ *отменилъ* свой предыдущій оправдательный декретъ по дѣлу Матіашки (см. выше, въ текстѣ). Эта «отмѣна» означала конечно *осужденіе* тѣхъ евреевъ, кото-

рые прежде были оправданы по названному дѣлу. Были, значить, новыя жертвы послѣ казни Марка. Этими жертвами и были по всей вѣроятности упомянутые въ синагогальныхъ записяхъ Нахманъ и Веніаминъ.

Кстати считаю нужнымъ сообщить, что на старомъ кладбищѣ въ г. Люблинѣ сохранилась еще плита съ надписью на могилѣ мученика р. Нахмана. Надпись, присланная мнѣ ученымъ Сероцкимъ раввиномъ г. І. Левинштейномъ, гласить (въ переводѣ съ еврейскаго): «Мучимый и онѣмѣвшій, вытянутый на лѣстницѣ (колесѣ), оцѣпенѣвшій отъ пытки *догтеринный общины* (דוגרתן);... избитый и измученный раскаленнымъ желѣзомъ, причисленный къ преступникамъ;... благотворитель и праведникъ, предназначенный къ вѣчной жизни, истинный ученый сынъ ученаго Іошуи-Якова, (умеръ) въ 396 году, когда малый храмъ (синагогу) осквернили, искали и не нашли, въ святомъ мѣстѣ»... Отсюда видно, что Нахманъ, занимая должность «вѣрника» люблинскаго кагала, пострадалъ именно какъ представитель общины.—Относительно личности главнаго героя люблинской трагедіи, Мордохая (или Марка), г. Левинштейнъ, сообщая мнѣ кое-что изъ его генеалогіи, прибавляетъ, что р. Мордохай былъ кагалнымъ ходатаемъ (דוגר) въ Люблинѣ и слылъ «ученымъ» человекомъ. Такимъ образомъ оказывается, что представители еврейскихъ кагаловъ, въ случаѣ ложныхъ религіозныхъ обвиненій, являлись искупительными жертвами за всю общину.

Къ Ленчицкому процессу 1639 г. слѣдуетъ прибавить, что и здѣсь, какъ въ люблинскомъ дѣлѣ, были привлечены къ отвѣтственности, кромѣ двухъ «главныхъ виновниковъ», еще десять старшинъ мѣстнаго кагала, обвинявшихся въ сочувствіи или попустительствѣ преступленію; но ихъ въ послѣдствіи обязали принести очистительную присягу и освободили отъ суда. Судопроизводство по религіознымъ обвиненіямъ въ Трибуналѣ, очевидно, имѣло уже свои спеціальныя приемы, какъ имѣли ихъ и тѣ темныя силы, которыя вызывали къ жизни такія обвиненія и умѣли обставлять ихъ надлежащими формальностями.

С. Д.

Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи.

(ПАМЯТИ ОТЦА МОЕГО ПОСВЯЩАЮ).

„Wie verschieden man auch zu allen Zeiten den Talmud beurtheilt hat, als ein hervorragendes Denkmal des jüdischen Volksgeistes wird er von Kundigen immer gewürdigt, als eine reiche Quelle der allgemeinen Wissenschaft stets beachtet und in Ehren gehalten werden.

(*Ad. Brüll, die Entstehungsgesch. etc. s. 89.*)

„Man hat es befremdend gefunden, dass übrigens schon die Anfänge der Poesie Israels so vollkommen sind, aber die Geschichte Israels, auch die seiner Litteratur, steht unter einem anderen Gesetze, als dem einer stetigen Entwicklung von unten nach oben...“

Franz Delitzsch, Psalmen.

IV¹.

Уже перелистывая только колоссальную, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, протестантскую литературу, трактующую о критикѣ различныхъ книгъ Ветхаго Заветъа, невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ же могло случиться, что еврейскіе ученые, знавшіе Библию какъ свои пять пальцевъ, ничего подобнаго въ ней не находили? Что касается періода послѣ талмудическаго, то тутъ мы, пожалуй, найдемъ объясненіе въ достаточной мѣрѣ удовлетворительное. Разъ Талмудъ былъ законченъ, то перестали обращаться къ Библии непосредственно для отысканія въ ней отвѣтовъ на волнующіе cadaго вопросы: всѣ были убѣждены

¹ См. „Восходъ“, кн. I.

что въ Талмудѣ все изложено, все объяснено ⁵¹, и толковать Библию иначе, чѣмъ то сдѣлано въ Талмудѣ, было неслыханной вещью. Да и само изученіе Библии отступило на задній планъ въ концѣ шестого вѣка (послѣ Р. Х.). Произошло это, конечно, не сразу, а постепенно, и первымъ былъ рабби Акиба, рѣшившій участь Библии. Когда была закончена Мишна (мы подразумѣваемъ не самую послѣднюю редакцію, а ту, которую ей придалъ рабби Йегуда), тогда послѣдняя и стала источникомъ, откуда съ невообразимой силой вырывались потоки Гемары и скоро образовали одно море, море Талмуда. Съ 3-го вѣка послѣ Р. Х. положеніе вполне выясняется и Ветхій Заветъ играетъ въ сравненіи съ Мишной, можно сказать, весьма ничтожную роль. Движеніе въ этомъ направленіи и до сихъ поръ продолжается: не рѣдко и теперь можно найти хорошо знающихъ Талмудъ и сто или болѣе комментарій къ нему, но за то плохо знающихъ Библию. Талмудъ—это цѣлый міръ для еврея, куда онъ скрывается отъ мелочныхъ заботъ и дразгъ жизни, гдѣ, строго говоря, ничего не мѣшаетъ ему дать просторъ фантазіи и уму, гдѣ онъ, однимъ словомъ, свободная птица, разъ только онъ не преступаетъ принциповъ іудаизма и преклоняется предъ истинами традиціи. И вотъ когда Талмудъ создавался и каждый сознавалъ, что можетъ малую толику прибавить изъ своего «логическаго» матеріала въ огромную сокровищницу, которая вѣбрылась потомству, то до Библии ли тутъ было? Да то же самое можемъ мы прослѣдить въ христіанскомъ мірѣ Западной Европы, гдѣ католичество создало въ извѣстномъ смыслѣ свой Талмудъ, ибо и тамъ духовная литература послѣ евангельскаго періода развилась до небывалыхъ размѣровъ, поглотивъ въ себя много такого, что съ Евангеліемъ ничего общаго не имѣетъ: не мало попало туда еврейскихъ и языческихъ элементовъ. Да и Ветхій Заветъ въ католицизмѣ такъ тѣсно сросся съ Новымъ, какъ того ожидать было трудно. Лютеръ ⁵² былъ первымъ, проводившимъ рѣзкую границу между «ветхимъ» и «новымъ» и тѣмъ далъ сильный толчокъ развитію критики Ветхаго Завета. Протестантскіе ученые пошли за Лютеромъ въ этомъ направленіи

⁵¹ Даже уже jer. Schabbath, Cap. 16, Hal. 1, s. 90.

⁵² Luther, Gesamm. Werke, Band XXXIII, Erlangen, 1843, s. 1—28.

быстрыми, смѣлыми шагами, не предчувствуя, куда ихъ эта дорога приведетъ. Она ихъ привела въ Тюбингенъ, къ Фридриху Давиду Штраусу, и тутъ только Ветхій Заветъ получилъ свои прежнія права (см. Nöldeke, Die Altest. Litter, Vorwort). Итакъ, сопоставляя развитіе Талмуда съ 3 вѣка послѣ Р. Х. съ развитіемъ католицизма, мы найдемъ, что въ известномъ смыслѣ пренебреженіе Библией и развитіе Талмуда—явленія вполне понятныя. Если можно говорить о критикѣ Библии у евреевъ, то подъ ней, конечно, надо понимать совсѣмъ не то, что теперь этимъ словомъ выражаютъ. До 3 вѣка занимались Библией усердно, и тогда, конечно, много такого, что и теперь привлекаетъ наше вниманіе, не могло пройти незамѣченнымъ. И мы дѣйствительно находимъ въ Талмудѣ несмѣтное число замѣчаній, носящихъ на себѣ признакъ глубокой обдуманности, но высказанныхъ подчасъ въ невозможно наивной формѣ. Последнее, впрочемъ, понятно: для евреевъ Ветхій Заветъ былъ не только сводомъ религиозныхъ законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и перломъ національной литературы, своего рода народной святыней, и потому о критикѣ не могло быть и рѣчи⁵³. Отчасти по этой причинѣ, отчасти вслѣдствіе того, что Библия служила основаніемъ для черпанія изъ нея, какъ изъ безграничнаго моря, всякаго рода законовъ, евреи не выработали ни одной цѣльной системы, гдѣ бы съ первой страницы Библии до послѣдней была методически разобрана исторія Ветхаго Завета. Имъ даже въ голову не приходила возможность историческаго развитія еврейской литературы⁵⁴. Вотъ почему и не можетъ быть рѣчи о критикѣ Библии въ Талмудѣ,—о критикѣ, какъ мы это теперь понимаемъ. За то есть много замѣчаній критическаго характера, касающихся отдѣльныхъ книгъ, главъ и стиховъ Библии, известныхъ библейскихъ событій и т. д. Всѣ эти замѣчанія разбросаны по всему великому протяженію талмудическаго моря, лишь тамъ и сямъ образуя группы островковъ, и потому не удивительно, что они лишь рѣдко обращали на себя вниманіе исследователей Талмуда. Смѣлыя и свободныя мысли, подчасъ такого характера, что просто руками разведешь и не понимаешь, какъ могли онѣ сюда

⁵³ J. Fürst, Der Kanon etc., s. 1.

⁵⁴ Ibid. s. 9.

попасть, повидимому, не производили никакого вліянія на небожнаго еврея, иногда всю жизнь занимавшагося Талмудомъ. Мы это видимъ и у современныхъ намъ евреевъ, въ той части, которая принадлежитъ къ такъ называемому ортодоксальному лагерю.—Исслѣдованіемъ этихъ отдѣльныхъ замѣтокъ мы и займемся: мы ихъ раздѣлимъ на классы, сгруппируемъ ихъ, и тогда увидимъ, что если каждая изъ отдѣльныхъ замѣтокъ не можетъ заявить претензію на то, чтобы мы ей придали особую важность, то найдутся цѣлыя группы однороднаго характера изреченій, и они намъ уже дадутъ возможность заглянуть въ скрытыя отъ поверхностнаго читателя Талмуда тайны. Однако при этомъ надо быть крайне осторожнымъ, ибо есть много такихъ мѣстъ, которыя *якобы* могутъ намъ пригодиться; есть напр. много замѣтокъ о существующемъ противорѣчій двухъ мѣстъ Библии, на самомъ же дѣлѣ такія замѣтки не только для нашей цѣли не подходятъ, но и вообще никакой цѣны не имѣютъ, ибо при этомъ не обращено обыкновенно вниманія на то, что стихи, будто бы противорѣчащіе другъ другу, взяты изъ разныхъ книгъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, жившимъ подчасъ въ разное время. Такія замѣчанія мы совершенно исключаемъ изъ круга нашего исслѣдованія и ограничиваемся указаніемъ на нихъ для примѣра ⁵⁵. Все остальное, насколько это вообще возможно, мы должны разобрать. Несомнѣнно, что лишь незначительная часть критическихъ замѣтокъ сохранилась въ Талмудѣ, и, быть можетъ, добросовѣстности и аккуратности сабореевъ мы обязаны тѣмъ, что хоть и это небольшое намъ оставили; но скажемъ имъ и за это великое спасибо, тѣмъ болѣе, что извѣстная доля нашего критическаго матеріала должна быть отнесена къ дохристіанской эрѣ. Прежде всего въ Талмудѣ проводится рѣзкая граница между Пятикнижіемъ Моисея и остальными книгами Ветхаго Завѣта ⁵⁶. Раздѣленіе такое оправдывается, конечно, какъ содержаніемъ книгъ, такъ и историческими данными, но тѣмъ болѣе за то интереснымъ будетъ замѣтить, что талмудическая критика не пощадила и книгъ Моисея. Критика пророческихъ книгъ и той части, которая у ев-

⁵⁵ Напр., Numeri Rabba, Cap. 11, s. 164; Sifre Col. 28 ff. и пр.

⁵⁶ Makkôth 10b; Moéd qatân 18b. 'A bodâ zarâ 19b; Baba bathrâ 13b Tha'anith 16a и др.; Fürst, Der Kanon etc. s. 2, Anm. 8.

реевъ носить названіе *Ketubim* (Hagiographa) болѣе чѣмъ понятна: однѣ изъ пророческихъ книгъ писаны уже въ то время, когда евреи были въ Вавилонѣ, другія же даже,—когда они успѣли оттуда вернуться, а нѣкоторыя изъ *Ketubim* были лишь учителями Синагоги приняты въ канонъ; слѣдовательно, степень святости этого разряда книгъ не можетъ идти въ сравненіе съ таковой книгъ Моисея. Всѣ книги, составляющія теперь Ветхій Завѣтъ, были приняты въ канонъ учителями Синагоги уже около 32 года до Р. Хр., хотя, какъ мы послѣ увидимъ, потребовалось еще цѣлыхъ два вѣка на то, чтобы постановленіе ихъ стало общепризнаннымъ. При принятіи той или другой книги въ канонъ, обращали особое вниманіе на то—не стоитъ ли содержаніе данной книги съ ученіемъ, изложеннымъ въ Пятикнижій, въ какомъ либо противорѣчій. Что при этомъ не брезгали прибѣгать къ поправкамъ—давно извѣстно, хотя поправки эти довольно невиннаго характера, какъ это блестяще доказалъ Geiger, въ замѣчательномъ изслѣдованіи «*Urschrift*» etc. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они не остановились бы и предъ существенными исправленіями; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они видѣли себя бессильными. Если сравнить, напримѣръ, послѣднія главы въ книгѣ *Ezechiel*, именно тѣ, что содержатъ религиозныя постановленія, съ законами, изложенными въ *Leviticus*, то увидимъ не мало противорѣчій. Что тутъ дѣлать? Талмудъ сообщаетъ намъ, что ученые рѣшили изъять книгу *Ezechiel* изъ обращенія, другими словами—не дать ей мѣста въ канонѣ, и только старанію и мудрости ученаго Chananja b. Chizkija, b. Gaon⁶⁷ мы обязаны тѣмъ, что книга сохранила почетное мѣсто, занимаемое ею въ канонѣ. Ему именно удалось послѣ тщательнаго изслѣдованія доказать, что въ дѣйствительности между *Ezechiel* и *Leviticus* никакого противорѣчія нѣтъ. Во всемъ приведенномъ сообщеніи исторически вѣрно лишь то; что они познали противорѣчіе между нѣкоторыми законами этихъ обѣихъ книгъ, что они хотѣли пожертвовать книгой *Ezechiel* ради *Leviticus*, но было уже поздно: ни исключить книгу *Ezechiel* изъ канона, ни исправить въ ней текстъ и такимъ образомъ сгладить разницу между обѣими книгами они болѣе въ состояніи

⁶⁷ Fürst, Der Kanon etc. s. 24. Онъ часто упоминается въ Талмудѣ. См. также Tosefta, ed. Zuckerman, s. 111.

не были. Въ то время ничего не было легче какъ дѣлать небольшие поправки, такія именно, которыя могли легко ускользнуть отъ глазъ неопытнаго, простаго читателя ⁵⁸, но вѣдь все имѣеть предѣлъ: исправить текстъ книги Ezechiel такъ, чтобы онъ не противорѣчилъ Leviticus, значило—произвести такую поправку, какую развѣ слѣпой не замѣтилъ бы. Проще было бы исключить ее изъ канона. Но и это было невозможно: благодаря нѣкоторымъ особенностямъ Ezechiel'я, о чемъ рѣчь будетъ ниже, книга эта получила сильное распространение какъ между учеными, такъ и въ народѣ, и была одной изъ любимыхъ и, слѣдовательно, одной изъ болѣе знакомыхъ народу книгъ; постановленіе объ исключеніи ея изъ канона могло остаться мертвой буквой. Въ затруднительномъ положеніи прибѣгли къ смѣлому и довольно странному средству. Ученые именно заявили, что имъ удалось разрѣшить задачу очень просто: противорѣчія на самомъ дѣлѣ между Ezechiel и Leviticus никакого нѣтъ, оно кажущееся и легко устранимо ⁵⁹. Однако они ни словомъ не обмолвились о томъ, какъ именно дошли они до этого и такимъ образомъ признали свое бевсиліе въ данномъ случаѣ ⁶⁰. Много масла сгорѣло въ лампадѣ Chananja I. Ch. b. Garon, пока онъ исполнилъ взятый имъ на себя трудъ, и однако ни слова не дошло до потомства изъ всего того, что онъ изложилъ ученымъ мужамъ! Надо думать, что они при этомъ имѣли въ виду совсѣмъ другую цѣль: разъ неизбежно было принять книгу Ezechiel въ той формѣ, въ какой мы ее теперь имѣемъ, то надо было, во первыхъ, признать, что она не противорѣчитъ книгѣ Leviticus, ибо иначе непонятно было бы, какъ могла она попасть въ канонъ, а во вторыхъ, что, пожалуй, еще важнѣе, надо было разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ и они это въ высшей степени удачно выполнили. Въ самомъ дѣлѣ, если кто хотѣлъ бы самъ испытать, какъ согласовать несогласуемое, тотъ долженъ былъ родиться такимъ гениемъ, какимъ былъ Chananja.... Еще интереснѣе ихъ воззрѣнія на книги, приписываемыя Соломону, и на книгу Esther. Тутъ ученые

⁵⁸ Geiger, Urschrift etc. во многихъ мѣстахъ.

⁵⁹ Menachôt 48a; Chagigâ 13a.

⁶⁰ Именно изъ приведенныхъ выше цитатъ и выходитъ, что они сами отлично сознавали, какъ велико противорѣчіе Leviticus и Ezechiel,

никакъ не могли отыскать такое рѣшеніе, которое бы всѣхъ удовлетворило ⁶¹. Въ Талмудѣ поредаётся отъ имени Рабъ (27) ⁶², что книгу Koheleth также не хотѣли принять въ канонъ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые мѣста въ ней противорѣчатъ другъ другу. Скоро однако, благодаря интерпретаціи, удалось показать, что никакихъ противорѣчій въ ней нѣтъ. Разобравъ хорошенько эту интерпретацію, мы увидимъ, что она крайне натянута и это они отлично сами сознавали, но это было единственное средство для того, чтобы ту или другую книгу сохранить для потомства. «Хотѣли также, рассказываетъ Талмудъ, книгу *Proverbia* исключить изъ канона, ибо въ ней много противорѣчій нашлось [т. е. много мѣстъ, противорѣчащихъ другъ другу]. Почему же ее не исключили? Разсуждали такъ: развѣ мы послѣ тщательнаго изслѣдованія не нашли объясненія этимъ (кажущимся) противорѣчіямъ? То же самое продѣлаемъ и съ книгой «*Proverbia*». — Повидимому только въ книгѣ Koheleth многимъ казались находящіяся въ ней противорѣчія необъяснимыми никакими интерпретаціями и они за ней отрицали какую бы то ни было святость, а быть можетъ и потому, что въ ней видѣли отраженіе идей саддукеевъ ⁶³, однимъ словомъ многіе утверждали, что Koheleth есть продуктъ мудрости царя Соломона и составлена безъ непосредственнаго наитія свыше. Что касается «Пѣсни Пѣсней», то ее, несмотря на помѣщеніе въ канонъ, разсматривали какъ свѣтскую пѣснь и еще въ началѣ второго вѣка послѣ Р. Хр. распѣвали во время пиршествъ ⁶⁴. Надо было вліяніе такого авторитета, какъ р. Акиба, чтобы положить этому предѣлъ. «Кто распѣваетъ во время пиршествъ Пѣсню Пѣсней, и кто ее вообще разсматриваетъ какъ свѣтскую пѣснь, тотъ не сподобится царствія небеснаго» сказалъ р. Акиба ⁶⁵. Въ трактатѣ Sanhedrin ⁶⁶ мы

⁶¹ J. Fürst, s. 84 Ann. 1.

⁶² Schabbâth 30b.

⁶³ Levit. Rabba, Cap. 28; s. 126a; Midrasch Koheleth 67a; Pesiqta ed. Buber, s. 68, Cap. VIII.

⁶⁴ Tosefta, s. 688.

⁶⁵ Ibid. s. 433. Другое весьма интересное мѣсто, см. Jadájim III, 5 (въ нашемъ изданіи s. 157a), но оно хотя и приписывается знаменитому рабби Акиба, тѣмъ не менѣе значительно поздняго происхожденія.

⁶⁶ Sanhedrin 101a.

находимъ то же самое изреченіе, но тамъ оно анонимно передается. Одинъ учитель, не признающій святости книги Koheleth, говоритъ однако, что Пѣсня Пѣсней написана при содѣйствіи свыше ⁶⁷. Но насколько признавали за Соломономъ его авторскія права на книги Proverbia, Koheleth и Cant. Cant. выяснилъ Fürst въ своей книгѣ «Der Canon etc. s. 86 и тамъ же Anm. 4 ⁶⁸. Масса могла конечно меньше всего понимать, что общаго могло быть между напѣиомъ свыше и содержаніемъ Пѣсни пѣсней и лишь аллегорическому толкованію ея содержанія надо приписать то высокое значеніе, какое она скоро приобрѣла, какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ, но это вѣроятно случилось не раньше конца второго вѣка послѣ Р. Хр. ⁶⁹. Что касается книги Esther (Эсѣрь), то р. Самуилъ говоритъ ⁷⁰, что она написана безъ содѣйствія свыше и книга была потому раньше признана въ Шушанѣ и лишь впоследствии получила всеобщую санкцію. Такъ какъ она занимаетъ въ отдѣлѣ Ketubim одно изъ послѣднихъ мѣстъ, то Fürst думаетъ, что и принятіе ея въ канонъ произошло послѣ Koheleth ⁷¹, и, пожалуй, въ Midrasch Ruth 33 мнѣніе его можетъ въ нѣкоторой степени найти себѣ подтвержденіе ⁷². Въ результатѣ получаемъ слѣдующее: очень многіе изъ талмудистовъ и между ними большіе авторитеты признали известную степень святости за книгами, приписываемыми Соломону и за книгой Эсѣрь лишь потому, что должны были подчиниться давленію общественнаго мнѣнія, и также потому, что

⁶⁷ Tosefta s. 688. Но противъ этого Schir-ha-Schirim Rabba 2b u. 3 b.

⁶⁸ Онъ говоритъ слѣдующее: «Авторомъ „Пѣсни Пѣсней“ считали, конечно, Соломона, но это „авторство“ понималось такъ же, какъ понималось „авторство“ Давида, когда рѣчь касалась псалмовъ; иначе говоря, Соломону, какъ автору многихъ пѣсней, приписывалась и „Пѣсня Пѣсней“, онъ былъ, какъ въ Mishle и Koheleth духовнымъ носителемъ известныхъ идей. (Въ примѣчаніи 4 онъ говоритъ, что техническимъ выраженіемъ для этого стала: יְהוָה בּוֹרְאֵן הַכֶּתוּבִים какъ и о Давидѣ говорится: יְהוָה בּוֹרְאֵן הַכֶּתוּבִים.)»

⁶⁹ Fürst, s. 84.

⁷⁰ Megillâ 7a (также Nöldeke „Die Alttest. Litteratur“, s. 87).

⁷¹ Fürst, s. 109.

⁷² Nöldeke, Die Alttestam. Litt., s. 250 замѣчаетъ слѣдующее: „Полный произволъ господствуетъ въ (греческо-александрійскихъ) переводахъ книгъ Esther и Daniel, вѣроятно потому, что ихъ не въ такой степени, какъ другія книги, считали священными“.

считали эти книги полезными. Вѣрнѣе будетъ, пожалуй, сказать, что они имъ отвели мѣсто въ канонѣ, но не признавали за ними святости; нечего говорить, что о какомъ бы то ни было сравненіи этихъ книгъ съ Пятикнижіемъ не было и не могло быть рѣчи. Что касается книги Іова (Hiob), они ограничились тѣмъ, что признавали существованіе Hiob'a, но самый рассказъ о немъ считали выдумкой. Какой же тогда имѣетъ смыслъ весь рассказъ? «А онъ для того написанъ, чтобы показать, что Іовъ былъ такъ непоколебимъ въ своемъ вѣрованіи въ Бога, что, если бы Богъ подвергнулъ его тяжелому испытанію, онъ бы его блестящимъ образомъ выдержалъ»⁷³. Но если нѣкоторые изъ того обстоятельства, что приведено имя героя и даже указано мѣсто его пребыванія, заключали, что не можетъ быть все выдуманно и что по крайней мѣрѣ существованіе героя внѣ всякаго сомнѣнія, то съ другой стороны не кто иной, какъ знаменитый Решъ-Лакишъ, категорически утверждалъ: «Никакого Іова никогда не существовало!» Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ тутъ больше никакихъ дальнѣйшихъ объясненій этого учителя. Но въ другомъ мѣстѣ читаемъ⁷⁴: нѣкто сидѣлъ предъ р. Самуиломъ баръ Нахмени и сказалъ: Іовъ никогда не существовалъ! На это ему р. Самуиль б. Н. отвѣтилъ: позволъ, вѣдь сообщается намъ его имя и даже мѣстожителство!—Если такъ, сказалъ анонимъ, то по твоему рассказанное въ II Sam. 12^{1—6} также заключаетъ въ себѣ дѣйствительное происшествіе? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что тамъ (т. е. въ II Sam. 12^{1—6}) аллегорическій рассказъ, то же самое и въ книгѣ Іова!—Однако названіе героя и указаніе мѣста его пребыванія заставили нѣкоторыхъ думать, что что нибудь подобное да случилось. Совсѣмъ особнякомъ стоитъ замѣтка въ трактатѣ Kalla, изъ которой можно заключить, что авторъ быть можетъ (!) принималъ исторію съ Іовомъ за чистую монету⁷⁵. Впрочемъ, трактатъ этотъ весьма поздняго происхожденія. Подавляющее большинство раввиновъ смотрѣло на книгу

⁷³ Genesis Rabba, Cap. 57, s. 37b. См. также Tosaphoth Baba bathra 15a.

⁷⁴ Baba bathra 15a, b См. обо всемъ этомъ интересную Einleitung zu Hiob въ переводѣ Merx.

⁷⁵ ed. Nathan Coronel, Wien, 1864, Cap. 3, s. 8a.

Иовъ какъ на аллегорическій разсказъ. Это, конечно, не мѣшало имъ высоко цѣнить самую книгу, и они никогда не упустили случая указать на Иова, какъ на одного изъ истинно благочестивыхъ людей, несмотря даже на то обстоятельство, что нѣкоторые считали его язычникомъ ⁷⁶. И изъ того, что они въ книгѣ Иова не искали никакихъ іерархически-догматическихъ тенденцій, какъ выражается Nöldeke, мы имѣемъ право заключить, что они прекрасно понимали эту великую книгу ⁷⁷.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію книги пророка Даниила. Тутъ мы узнаемъ еще болѣе любопытныя вещи. Книга *Daniel* играетъ въ позднѣйшей исторіи іудаизма очень важную роль, а въ христіанской церкви она уже съ самаго начала занимаетъ высокое мѣсто ⁷⁸. Книга *Daniel*, говоритъ одинъ протестантскій ученый, весьма важна и ея вліяніе на развитіе новозавѣтнаго ученія, довольно велико ⁷⁹. Въ противоположность этому приходится отмѣтить, что у евреевъ эта книга, написанная въ 164 году до Р. Хр., занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ послѣднемъ, наименѣе важномъ отдѣлѣ Библии. Правда, въ Вульгатѣ и Септуагинтѣ книга пр. Даниила помѣщена сейчасъ послѣ *Ezechiel*, но *Bleek* совершенно вѣрно замѣчаетъ ⁸⁰, что тамъ не первоначальное мѣсто ея. Раввины, или точнѣе талмудисты, вовсе не считаютъ Даниила за пророка, а за ясновидца, апокалиптика, и онъ не только не значится въ числѣ восьми пророковъ, которые, по мнѣнію талмудистовъ, жили еще послѣ разрушенія храма ⁸¹, но въ знаменитомъ мѣстѣ *Baba bathra* 14 b ff., гдѣ обозначено, какія книги принадлежатъ какимъ пророкамъ, Даниилъ помѣ-

⁷⁶ Tractat Kalla; Denteron. Rabba, Cap. 57; Baba bathra 14—15.

⁷⁷ Превосходно замѣчаетъ Nöldeke (*Die Alttest. Litt.* s. 192): „Кто въ стремленіяхъ духовныхъ вождей Израиля видитъ исключительно іерархическо-догматическія тенденціи, для того эта книга (*Hiob*) да и болѣшая часть пророческой литературы остается неразрѣшимою загадкой. Мы же ее разсматриваемъ какъ блестящее доказательство духовной свободы, господствовавшей въ эпоху до вавилонскаго плѣненія.

⁷⁸ Matth. 24, 15; Marc. 13, 14.

⁷⁹ Riehm въ „*Handwörterbuch des Bib. Alterthums*, B. I, Art. „Daniel“.

⁸⁰ Einleitung in d. A. T. 1865, s. 588.

⁸¹ *Pesiqta d'Rab Kahana*, ed. Buber, Cap. XVI, s. 128b; Ann. 107.

щенъ между авторами отдѣла Ketubim (Нагиографы). Да, больше того, на основаніи одного мѣста изъ книги Даниила Сир. 9, 2 дѣлается заключеніе, что, несмотря на все его стараніе узнать, сколько евреи должны были остаться въ плѣну, Даниилъ не добился истины; кромѣ того, уже то обстоятельство, что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи книгъ, не позволяло возможнымъ его считать пророкомъ. Ошибиться и справляться по книгамъ—по ихъ мнѣнію, такіе факты, какіе до того времени съ пророками не случались. Что касается его мессіанскихъ взглядовъ, то о нихъ рѣчь будетъ ниже, а теперь перейдемъ къ псалмамъ.

И у евреевъ, и въ Новомъ Завѣтѣ псалмы играютъ очень большую роль. Первое, что важно опредѣлить въ псалмахъ, это—дѣйствительно ли данный псаломъ написанъ тѣмъ авторомъ, имя котораго поставлено во главѣ его. Что касается безыменныхъ псалмовъ, то обыкновенно ихъ приписываютъ Давиду. Однако Талмудъ рѣшительно отвергаетъ авторское право Давида на безыменные псалмы; по мнѣнію талмудистовъ, часть псалмовъ написана много вѣковъ до Давида, нѣкоторые же послѣ возвращенія евреевъ изъ Вавилонскаго плѣна подъ предводительствомъ Эадры (Езга). Всего насчитывается десять (?) авторовъ, причѣмъ все таки они не упускаютъ замѣтить, что собраніе псалмовъ носитъ имя Давида⁸². Въ очень многихъ мѣстахъ Талмуда и талмудической литературы мы находимъ доказательство того, что талмудисты отлично видѣли, что псалмы размѣщены не въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, что многіе дошли до насъ только въ отрывкахъ, что нѣкоторыя историческія замѣтки въ псалмахъ находятся въ противорѣчій съ таковыми въ историческихъ книгахъ Библии, и вообще надо сказать, что очень многое находится въ талмудической литературѣ о псалмахъ, что современная критика яко бы открыла⁸³, что вы напрасно будете искать въ Талмудѣ это возведеніе

⁸² Schir ha Schirim Rabba 17a.

⁸³ Pesachim 117a; jer. Berakhôth Сap. 4, Hal. 3, s. 59; jer. Schabbâth, С. 16, Hal. 1, s. 91; Berakhôth 10a; Gen. Rabba, Сap. 74, s. 47; Levit. Rabba С. 4, s. 107; Genes. Rabba Сap. 68, 3. 43; jer. Tha'anith, Сap. 2, Hal. 2, s. 17; Berakhoth 9b; Abôth d'R. Nathân 9a, Fürst s. 68 и др. Ср. 71 ff.

Давида въ санъ пророка, а до возникновенія христіанства талмудистамъ и въ голову не приходило искать въ псалмахъ указаніе на появленіе Мессіи.—Псалмы съ незапамятныхъ временъ считались священными гимнами и, какъ таковыя, получили самое широкое распространеніе, и только когда христіане стали приводить разныя мѣста изъ псалмовъ, тогда и талмудисты были вынуждены извѣстные стихи истолковывать по своему. И въ этомъ пунктѣ протестантская критика, освободившись отъ остатка наслѣдія католицизма, пришла къ тѣмъ взглядамъ, какихъ держались талмудисты около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ ⁸⁴. Само собою разумѣется, что они расходятся въ мнѣніяхъ съ Францемъ Деличемъ, который относитъ псаломъ второй ко времени пророка Исаи ⁸⁵, защищая старопротестантскій взглядъ по отношенію псалмовъ 72 и 110. Въ дохристіанскую эпоху псалмы оставались исключительно духовными пѣснями, гимнами ⁸⁶ и потому они попали въ отдѣлъ «Ketubim», несмотря на то, что многіе изъ нихъ приписываются Давиду. Да это и понятно: духовная пѣснь, не принадлежащая пророку, по мнѣнію талмудистовъ, никакихъ предсказаній и указаній на будущія событія заключать въ себѣ не могла. Немного страннымъ должно показаться то обстоятельство, что нѣсколько разъ говорится ⁸⁷, что Моисей написалъ Пятикнижіе, послѣ того отдѣлъ «Balak и Bile'am (Num. Cap. 22—25), затѣмъ книгу Job, но о псалмѣ 90, который въ

⁸⁴ Steiner, Artikel „Psalmen“ in Schenkels Bibel-Lexicon B. V, s. 1—9.

⁸⁵ F. Delitzsch, Art. „Psalmen“ in Herzog's R. E. 2 Aufl. B. XII, s. 315.

⁸⁶ *Примѣчаніе*. Францъ Деличъ можетъ служить отличнымъ примѣромъ того, какъ трудно отдѣлаться отъ архаическихъ взглядовъ, этого наслѣдія былыхъ временъ. Въ упомянутой нами статьѣ „Psalmen“, стр. 325 Деличъ между прочимъ говоритъ: „Что между всѣми псалмами Давида (т. е. такими, которые прямо обозначены такъ въ псалмѣ) мы находимъ всего только одинъ, именно псаломъ 110, въ которомъ Давидъ излагаетъ будущность своего потомства и указываетъ на появленіе Мессіи, объясняется тѣмъ, что онъ до того времени смотрѣлъ на себя самого какъ на Мессію... Когда вступилъ на престолъ Соломонъ всѣ мессіанскія надежды были возложены на послѣдняго; но на самомъ дѣлѣ его пророчество относилось исключительно къ Христу, и лишь благодаря словамъ, которыя мы находимъ въ II Sam. 7, взоры всѣхъ были направлены на Соломона“. И это говоритъ Деличъ послѣ того, какъ онъ рѣшительно заявилъ, что Ps. 2 не принадлежитъ Давиду!..

⁸⁷ Напримѣръ, jer. Sotâ, Cap. 5, Hal. 6, s. 26a.

нашихъ изданіяхъ приписывается Моисею, насколько мы могли прослѣдить, нигдѣ ничего не упоминается⁸⁸. Мы, конечно, отсюда еще не можемъ заключить, что они не считали Моисея его авторомъ, но ничего невѣроятнаго нѣтъ въ предположеніи, что они надписямъ, этимъ «претензіямъ» на авторскія права, не придавали особаго значенія, тѣмъ болѣе, какъ мы уже видѣли, что они псалмы считали гимнами. Кромѣ того, въ Септуагинтѣ въ отношеніи надписей господствуетъ страшный произволъ, а въ сирійской Библии ихъ вовсе нѣтъ. Для безыменныхъ псалмовъ они не трудились подыскивать авторовъ, и какихъ либо общепризнанныхъ положеній на этотъ счетъ не существовало. Если они перваго автора называютъ Адамомъ, а послѣднимъ Езга, то это только показываетъ, что они нѣкоторые псалмы считали очень древними, другіе же совсѣмъ недавняго происхожденія, и это возрѣніе ихъ подтверждается современной критикой. Значительно поздняго происхожденія есть мнѣніе, что знаменитый Пс. 137 написанъ Давидомъ. Отсюда и выводъ что Давидъ благодаря наитію свыше видѣлъ плѣненіе Израиля⁸⁹.

Книги Езга, Nehemia и Chron. занимаютъ по справедливости самое послѣднее мѣсто: имъ не удѣлена талмудистами даже iota святости. Езга напр., несмотря на его великія предъ Израилемъ заслуги, что охотно признавали талмудисты, нигдѣ не названъ пророкомъ. Chron. же не особенно цѣнили, отчасти потому, что многое что тамъ находится относится къ позднѣйшему времени, даже къ греческой эпохѣ, а затѣмъ вслѣдствіе противорѣчія данныхъ Chron. тому, что находимъ въ другихъ книгахъ, на что талмудисты часто указываютъ⁹⁰. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчіе такъ велико, что дѣйствительно ничего не подѣлаешь, и они это выразили въ многозначитель-

⁸⁸ Delitzsch (Art. Psalmen, s. 310) замѣчаетъ: „Nehemia wir dazu Ps. 90, welcher von Mose sein will und auch sein kann“.

⁸⁹ *Примечаніе.* Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится вѣрное и вѣстѣ съ тѣмъ остроумное замѣчаніе Hupfeld' въ его Commentar zu den Psalmen, Riehm's Ausgabe, B. I, что если доказано, что нѣкоторые заглавія къ псалмамъ невѣрно указываютъ намъ ихъ авторовъ, мы никакого основанія не имѣемъ отставать достоверность остальныхъ.

⁹⁰ Въ Талмудѣ и мидрашимахъ такихъ приговоровъ не мало: напр. II Chr. 24, 14 и II Кбн. 12, 15 (Kethubóth 106b), и т. д.

ныхъ словахъ: «Chron. даны намъ только для Midrascha», что на нашемъ языкѣ означаетъ приблизительно: какіе либо выводы, заключенія изъ данныхъ книгъ Chron., которыя находимъ тамъ, дѣлать нельзя, а вотъ для цѣлей дидактическихъ тамъ матеріалу много.

Остается намъ разобрать еще книги Threni и Ruth. Относительно послѣдней книги отмѣчаемъ лишь, что они нашли неправдоподобнымъ сообщаемое въ V. 19, Cap. I, именно будто «весь городъ взволнованъ былъ прибытіемъ Нозми⁹¹». Авторомъ книги Threni считали они Еремію⁹², но книга была по ихъ мнѣнію написана послѣ⁹³ разрушенія Іерусалима. Послѣднее необходимо здѣсь отмѣтить потому, что въ позднѣйшей еврейской литературѣ господствуетъ взглядъ, что Еремія пророческимъ окомъ видѣлъ разрушеніе Іерусалима и при наятіи свыше написалъ знаменитую элегію. Противъ такого взгляда талмудисты рѣшительно возстаютъ. «Оплакиваютъ умершаго, а не умирающаго», говорятъ они⁹⁴, и наятіе тутъ не причемъ⁹⁵.

Этимъ заканчиваемъ мы обзоръ третьяго отдѣла Библии, Ketubim; мы видимъ, что выдѣленіе этихъ книгъ въ особую группу оправдывается не только тѣмъ, что большая часть ихъ поздняго происхожденія⁹⁶, но также еще другимъ, болѣе важнымъ обстоятельствомъ, что для цѣлей религіозно-законодательнаго характера, для догматики, если хотите, онѣ менѣе пригодны, чѣмъ первыя двѣ группы. Правда, послѣ перестали стѣсняться, какъ бы забывая, что разница разъ навсегда установлена, но на эту черту въ обращеніи съ текстомъ безъ особой церемоніи мы выше уже указали и объяснили.

Средній отдѣлъ Библии называется Nebiim, пророками, пророческими книгами. Въ трактатѣ Baba bathra 14-b ff. названы

⁹¹ Jer. Kethubôth, Cap. 1, Hal. 1, s. 3a.

⁹² z. B. Baba bathra 15a; Pesiqta d'R. Kahana, ed. Buber, Cap. XXII Joma 38b; Chaggigá 5b; Mo'ed qatán 26a.

⁹³ Threni Rabba 52b.

⁹⁴ И это не смотря на такіе примѣры, какъ Jes. 13; 15; 17; 23; Jer. 47 ff. и у малыхъ пророковъ!

⁹⁵ Еще проще Midrasch Threni 48a (i Mid. Rabba, ed. Vened. 1545).

⁹⁶ Такъ Geiger, Urschrift, s. 39.

авторы книгъ Библии, а также лица, бывшія ихъ послѣдними редакторами (такъ надо понимать тамъ слово *לש*). Исаія, говорится тамъ, не самъ ⁹⁷ редактировалъ свою книгу, а то сдѣлала Ученая Коллегія, учрежденная царемъ *Nizkia* (—*נציק*). Изъ этой замѣтки видно, что они считали, что книга Исаи была приведена въ порядокъ послѣ его смерти и даже много времени спустя, что видно изъ того, что тутъ же данъ такой порядокъ книгъ: *Egemia*, *Ezechiel*, *Jesaja*; можетъ быть они думали, что вся книга, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь у насъ имѣется, редактирована послѣ *Ezechiel*, что соответствовало бы дѣйствительности, — однако положительнаго тутъ сказать невозможно. Стихи 19 и 20 въ *Cap. 8 Jesaja* они считали, непонятно почему, вставленными послѣ. Они думаютъ, что авторъ есть *Beer*, отецъ пророка *Hosea*, и для того, чтобы эти два стиха сохранить, ихъ сюда и помѣстили ⁹⁸. Почему эти стихи попали именно въ книгу Исаи, остается неразъясненнымъ, но замѣчательно этотъ фактъ тѣмъ, что они могли допустить существованіе чужихъ стиховъ въ твореніи величайшаго пророка Израиля. Думали ли они также, что главы 40—66 не Исаію принадлежать — трудно сказать, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ; вѣрно лишь, что эти главы имѣли особое названіе: «Книга Утѣшеній» ⁹⁹. *Еремія* считался авторомъ книгъ *Regum*, именно съ главы 13-й, I *Reg.* до конца II *Reg.* ¹⁰⁰, а также и книгъ *Egemia* и *Threni*. «*Egemia* писалъ свою книгу до 51 главы включительно» ¹⁰¹. Несомнѣнно ясно ука-

⁹⁷ *Примѣчаніе*. Раши тутъ замѣчаетъ, что пророки имѣли обыкновеніе передъ самой смертью своей приводить въ порядокъ рѣчи, которыя они произносили во все время своей жизни. (Такъ, а не иначе надо здѣсь понимать слово *לש*, не то непонятнымъ будетъ, какъ могъ *נציק* (?) „составить“ книгу пророчества Исаи). Исаія же не могъ это лично сдѣлать потому, что неожиданно былъ казненъ царемъ *Манассе*. Въ *Tosarhoth*, подъ словомъ *נציק*, говорится, на основаніи Талмуда, что книга прор. Исаи была приведена въ порядокъ уже послѣ смерти *נציק*, котораго Исаія пережилъ. (*Jebamoth 49b*).

⁹⁸ *Levit. Rabba*, *Ved. en.* 1545, *Cap. VI*, s. 109, также *Cap. 15*, s. 115.

⁹⁹ *Fürst*, s. 15.

¹⁰⁰ *Ibid.* s. 132, также *Baba bathra 14b ff.*

¹⁰¹ По *Sifre къ דברים*, s. 113, ed. 1546.

заніе въ Midrasch Threni Rabatchi 52-a, гдѣ одинъ говоритъ, что пророчество Ереміи кончается главой 31, 10, а другой — 16 стихомъ той же главы ¹⁰². Либо они думали, что это его послѣднія слова, т. е. что главы не расположены въ хронологическомъ порядкѣ, либо что либо агадическое надо искать въ ихъ словахъ. Объ отношеніи Erem. 49,7—³² къ Obadja говоритъ Fürst (Der Kanon etc. S. 33) слѣдующее: что эти стихи въ Eremia имѣютъ много общаго съ Obadja, далѣе — что въ послѣднемъ трудныя слова замѣнены болѣе легкими, было общепризнанной истиной». Замѣтимъ еще, что уже Eliezer ben Jose ha-Gelili открылъ, что въ Jeremia 33, 26 прежде стояло слово «Ааронъ» вмѣсто слова «Яковъ», какъ это въ нашемъ текстѣ ¹⁰³. Кое гдѣ впрочемъ говорится еще, что Варухъ написалъ книгу Jeremia въ зависимости отъ сообщаемого въ Jeremia 36, 8 и въ другихъ мѣстахъ. Во всякомъ случаѣ, какъ мы можемъ видѣть въ Bava bathra 14-b ff., талмудисты старались объяснить написаніе книгъ Ветхаго Завѣта возможно проще, естественнѣе, не приплетая сюда наитія свыше. Такъ, напр., говорятъ они, что книги Josua не имъ самимъ доведены до конца, равно какъ и книги Samuel не закончены самимъ пророкомъ Самуиломъ, но другимъ лицомъ. Самуиль написалъ «Richter» и «Ruth», Ученая Коллегія редактировала книги, приписываемыя Соломону; авторъ родословныхъ таблицъ, приведенныхъ въ «Chron.» есть Елга (но не *essei* Chron.); редакція остальныхъ пророческихъ книгъ, а также Ketubim ¹⁰⁴ принадлежитъ Великой Синагогѣ (= Вел. Синедріону). Если современная критика не можетъ согласиться со многими взглядами, выраженными талмудистами, то въ одномъ надо послѣднимъ отдать полную справедливость, что они въ высшей степени вѣрно опредѣлили самый фактъ позднѣйшаго редактированія книгъ Библии и тѣмъ избѣгли необходимости выдумывать всякія чудеса тамъ, гдѣ для этого не представляется никакой необходимости, какъ то дѣлается въ позднѣйшемъ періодѣ раввинской литературы. О томъ, что въ книгѣ пророка Исаи, котораго талмудисты срав-

¹⁰² 52a.

¹⁰³ Geiger, Urschrift, s. 85.

¹⁰⁴ Ср. Derenbourg, Histoire d. l. Palestine, s. 38, прим. 2.

ниваютъ часто съ Моисеемъ ¹⁰⁶, находились чужіе стихи, мы говорили выше, равно какъ и мѣстѣ, которое отводятъ его книгѣ, именно *moslem* Ezechiel. О двѣнадцати малыхъ пророческихъ книгахъ у насъ немного матеріала, о которомъ слѣдуетъ говорить ¹⁰⁴. Fürst полагаетъ ¹⁰⁷, что талмудисты принимали за автора книги Jona, нѣкоего Іону, упоминаемаго въ II Коп. 14, 25, но Fürst не указалъ источника, откуда онъ это заключилъ, и мы не можемъ сказать утвердительно, насколько его мнѣніе справедливо. Въ одномъ мѣстѣ ¹⁰⁸ говорится слѣдующее... «одиннадцать книгъ (малыхъ) пророковъ, ибо книга Jona стоитъ особнякомъ». — Пророка Gbadja они считали эдомитяниномъ, перешедшемъ въ еврейство ¹⁰⁹. Объ отношеніи его книги къ книгѣ Jeremia мы говорили выше. Противорѣчія, которыя талмудисты нашли въ пророческихъ книгахъ, мы отмѣтимъ ниже, и вмѣстѣ съ тѣмъ покажемъ, что они не только чувствовали, что много несогласнаго съ хронологіей въ этихъ книгахъ находится, но отлично это понимали и вовсе не старались того скрывать. Конечно, отдавая дань духу времени, они старались во многихъ случаяхъ на агадическій манеръ объяснить эти противорѣчія, чтобы, какъ мѣтко выразился Fürst ¹¹⁰ «не слишкомъ затрагивать наивной простоты» современниковъ. Мы упомянули уже выше, что между книгами Моисея и другими Ветхаго Завѣта талмудисты проводили рѣзкую границу ¹¹¹, и если допускали сравненіе между величайшимъ изъ пророковъ, Исaiемъ и Моисеемъ, то все-таки согласно Deuter. 34, 10 Моисей оставался на недосыгаемой высотѣ. Да весь іудаизмъ заключался въ книгахъ Моисея, все остальное служило лишь объясненіемъ: «Nebiim и Ketubim, говорится въ jer. Talmud'ъ¹¹²», впоследствии теряютъ всякое религіозное для насъ значеніе, но съ пятью книгами Торы этого никогда не будетъ». Въ Пя-

¹⁰⁵ Deuter. Raba, s. 197.

¹⁰⁶ Мѣсто въ Pesikta d'R. Kahana ed. S. Buber, Cap. XVI, s. 128b не совсѣмъ ясно.

¹⁰⁷ Fürst, s. 34.

¹⁰⁸ Genes. Rabba (?), Cap. 18, s. 184b.

¹⁰⁹ Lev. Rabba, Cap. 18, s. 117.

¹¹⁰ Fürst, s. 27.

¹¹¹ Ср. F. Weber, System etc. s. 79.

¹¹² Megilla I, у Weber'a, s. 18.

Пятикнижіи, какъ думали они, заключается отвѣтъ на всѣ вопросы, какіе могутъ только относиться къ еврейской религіи и если мы въ пророческихъ книгахъ думаемъ что либо найти новое, то это глубокое заблужденіе; это кажущееся новымъ есть не болѣе, какъ объясненіе уже находящагося въ Торѣ. «Развѣ можно допустить, говорили они, что Ezechiel зналъ то, чего не зналъ Моисей ^{113?}» и т. д. Но если они такъ высоко ставили Тору, то, казалось бы, что ни для какой критики тутъ мѣста не оставалось, однако, какъ мы увидимъ, они мѣстами въ своей критикѣ уходили очень далеко. Можно, пожалуй, объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что Торой они занимались больше чѣмъ другими книгами, ибо она въ дѣйствительности служила главнымъ источникомъ религіознаго, общественнаго и политическаго законодательства. Что слѣдовало раньше замѣтить, но что особенно надо помнить при разборѣ ихъ критики Пятикнижія, отдѣльныхъ его частей и разныхъ событій и происшествій, описываемыхъ въ Торѣ, такъ это слѣдующее: никоимъ образомъ мы не должны мѣрять ихъ взгляды на аршинъ современной критики, ибо между нами и ими тысячелѣтія лежатъ и тѣ научныя пособія, какими мы пользуемся, имъ не доставали. Однимъ словомъ, мы должны перенестись совсѣмъ въ другой міръ и, разбирая ихъ мнѣнія, вовсе не думать о томъ, насколько они согласны съ результатами современной критики, а исключительно заботиться о составленіи себѣ понятія объ образѣ ихъ мышленія. Но въ Талмудѣ привыкли выражаться кратко, и часто потому въ нѣсколькихъ словахъ приходится искать цѣлое міросозерцаніе автора, иногда одна фраза позволяетъ намъ глубоко заглянуть въ его душу. Приведемъ примѣръ. Одинъ учитель говоритъ, что Моисей написалъ самъ всѣ пять книгъ — съ перваго слова и до послѣдняго, безъ всякаго исключенія. «Всесвятый, да будетъ благословенно имя Его, диктовалъ Моисею, а послѣдній писалъ, роняя слезы!» — говоритъ авторъ, подразумѣвая послѣдніе восемь стиховъ Торы (Deuter. 34). Мы можемъ изъ этихъ словъ видѣть, что авторъ ни однимъ стихомъ не пожертвуетъ и о критикѣ тутъ рѣчи быть не можетъ. Совсѣмъ другое говорить второй: онъ объ-

¹¹³ См. Zebachim, 18b.

ясняетъ дѣло проще. «До Deuter. 34, 4 писалъ Моисей, а затѣмъ Иисусъ Навинъ ¹¹⁴. Надо думать, что второй учитель не ограничится этимъ и вѣроятно въ другихъ случаяхъ не преминетъ оставить чудеса въ сторонѣ и попытается объяснить дѣло естественнымъ образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, рабби Іегуда и р. Нехемія, считавшіе, что послѣдніе 8 стиховъ въ Торѣ принадлежатъ Иисусу Навину, а не Моисею, обращаютъ наше вниманіе еще на слѣдующее ¹¹⁵. Изъ сказаннаго въ Josua 24, 26 они заключаютъ, что въ Торѣ что нибудь да есть принадлежащее Иисусу Навину. Р. Нехемія думаетъ, что это послѣдніе 8 стиховъ, о которыхъ мы только что говорили, но р. Іегуда этимъ не довольствуется. Что послѣдніе 8 стиховъ не Моисеемъ написаны, такъ, по его мнѣнію, понятно, что о томъ и говорить нечего ¹¹⁶, а тутъ что нибудь другое подразумѣвается. Р. Іегуда думаетъ, что Иисусъ Навинъ *писалъ* въ Тору главу, трактующую о городахъ, предназначенныхъ для убѣжища тѣмъ, что совершили убійство по неосторожности, случайно, безъ особаго намѣренія. Въ такихъ городахъ эти невольные убійцы должны были скрываться отъ кровавой мести родственниковъ убитаго. Въ Josua Cap. 21 дѣйствительно говорится о такихъ городахъ, но изъ Josua 24, 26 нельзя съ достовѣрностью заключить, что именно тутъ подразумѣвается. Къ сожалѣнію остаются не ясными для насъ слова р. Іегуды въ Maccoth 11-а, и мы не знаемъ, какъ великъ отдѣлъ въ Торѣ, который онъ приписываетъ Иисусу Навину, Num. 35^{e. 8}, или съ V. 6 и до Cap. 36. Впрочемъ, для насъ важно то, что р. Іегуда допускалъ возможнымъ существованіе извѣстныхъ частей Торы, не вышедшихъ изъ подъ пера Моисея. Мы уже выше цитировали мѣсто, въ которомъ говорится, что Моисей написалъ Тору ¹¹⁷, потомъ отдѣлъ «Balak-Bileam» (Num. 22, 2—24, 25), который онъ, конечно, долженъ былъ вставить. Но откуда у нихъ могло явиться это странное мнѣніе? Если они думали, что этотъ отдѣлъ былъ *вставленъ* послѣ, такъ они себѣ должны были представить, что раньше можно было прекрасно обойтись безъ него,

¹¹⁴ Menachôth 30a; Sifre, послѣдняя глава, в. 250.

¹¹⁵ Maccoth 11a.

¹¹⁶ Мѣсто въ Menachôth 30a древнія цитаты изъ Maccoth 11a.

¹¹⁷ Jer. Sota, Cap. 5, Hal. 6, S. 26a.

безъ всякаго ущерба для пониманія содержанія, что на самомъ дѣлѣ и подтверждается. Ничего неяснаго не останется для насъ, если мы непосредственно послѣ Num. 22, 1 начнемъ читать 25, 1. Неточности съ хронологическими данными въ Торѣ талмудисты также очень рано замѣтили и выразили это въ словахъ: о «прежде» и «послѣ» не можетъ быть рѣчи въ Торѣ ¹¹⁸. Это положеніе приводится часто въ комментаріяхъ Раши къ Библии и слово Талмуда убаювало благочестивыхъ людей, *по своему* понявшихъ изреченіе Талмуда. «Тора дана Богомъ, думали они, слѣдовательно ничего неправильнаго, никакихъ погрѣшностей въ ней быть не можетъ, и если что-либо не ясно въ хронологіи несомнѣнно оно и должно быть такъ». Благочестивыя души на томъ и успокоились, но... талмудисты вовсе не то сказать хотѣли, какъ мы ниже увидимъ. «Какимъ образомъ вообще написана была Тора?» спрашивается въ другомъ мѣстѣ. Написали Моисей всю Тору сразу, или же сначала отдѣльныя главы, которыя онъ потомъ собралъ въ одно цѣлое? ¹¹⁹ «Тора написана въ одинъ присѣсть» думаетъ р. Шимеонъ (Бенъ-Лакишъ), вѣроятно тотъ самый, что въ Menachôth 30-а такъ убѣжденно выражаетъ свое мнѣніе о послѣднихъ восьми стихахъ въ Deuter. 34: съ его точки зрѣнія это очень логическій шагъ. Интересно тутъ мнѣніе Раши. Раши объясняетъ себѣ слова р. Шимеона слѣдующимъ образомъ: «Моисей ничего не писалъ до конца сорокового года (странствованія евреевъ въ пустынѣ), но зналъ всѣ главы Торы (надо, конечно, прибавить — въ томъ видѣ, въ какомъ ему онѣ даны Богомъ) назвусть въ хронологическомъ порядкѣ (или какъ Раши выражается — что ему въ первомъ и второмъ году (и т. д.) дано назвусть), за тѣмъ онъ все сразу написалъ». Но если Моисей зналъ все въ хронологическомъ порядкѣ, то какъ же можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что хронологія не вездѣ точна? На это Раши не даетъ отвѣта. Мы думаемъ, что р. Шимеона надо такъ понимать. «Тора, — говоритъ онъ, — дана *запертой* (буквальный переводъ)». Это должно означать, что

¹¹⁸ z. B. jer. Rosch ha-Schana, Cap. I, Hal. 1, s. 2.

¹¹⁹ Gittin 60a.

Тора, такъ какъ она теперь есть, такъ и дана Моисею, какъ нѣчто цѣльное и тогда всѣ вопросы излишни: излишне спрашивать, почему главы не расположены въ хронологическомъ порядкѣ: случилось это потому, что Богу такъ было угодно. А почему такъ хотѣлось Богу сдѣлать—такого вопроса и задать себѣ не могъ благочестивый р. Шимеонъ. Объясненіе же Раши мы не можемъ считать удовлетворительнымъ, ибо непонятнымъ остается, какъ Моисей, запомнивъ отлично главы по порядку и написавъ ихъ также по порядку, могъ получить ихъ въ безпорядочномъ состояніи. Что Моисей сначала написалъ отдѣльныя главы ¹²⁰, а потомъ ихъ соединялъ въ одно цѣлое принималось очень многими, и послѣ того, какъ было выражено убѣжденіе, что Тора дана Моисею Самимъ Богомъ, и своеобразно было понято, что о «прежде» и «послѣ» не можетъ быть рѣчи въ Торѣ,—всѣ вздохнули какъ бы свободно. Случилось то, что послѣ, много вѣковъ спустя, повторилось въ протестантскомъ лагерѣ. Глубокая вѣра въ святость Библии не помѣшала широкому развитію критики библейскихъ книгъ, какъ литературнаго памятника. Вѣрили, что не только въ каждомъ словѣ, но въ каждой буквѣ, въ каждомъ штрихѣ проглядываетъ воля и премудрость Всевышняго и вмѣстѣ съ тѣмъ отрывали много непонятнаго, много неточнаго ¹²¹. Вѣра и критика уживались мирно вмѣстѣ — черта чисто семитическая. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ безконечнаго числа находящихся въ Талмудѣ и Мидрашимъ. Стихи 35 и 36 въ Numeri Cap. 10 считали позднѣйшей вставкой, что выражали словами: это «особый отдѣлъ». Больше того. Думали, что вся книга Numeri прежде распалась на двѣ: первая съ начала до Cap. 10, 34, а вторая съ Cap. 11 до конца. Быть можетъ, что въ этихъ словахъ кроется какой нибудь историческій фактъ, но очень отдаленныхъ отъ насъ временъ. Можно, пожалуй, допустить, что въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. ходили по рукамъ такіе экземпляры, въ которыхъ дѣлалось разстояніе болѣе чѣмъ нужно между главой 10 и 11. Цитата

¹²⁰ Ср. также Sifrá, Abschnitt 'Emor, Cap. XII, Col. 207, Zeichen 12.

¹²¹ Напр. Tosaphoth къ Berakhoth 7a, подъ словомъ „מָלֵא“. Tosaphoth къ 'Aboda Zara 24b, подъ словомъ „מִלֵּא“.

эта въ Pesikta zutratha ¹²², какъ намъ по крайней мѣрѣ кажется, очень древняго происхожденія¹²³. Несомнѣннымъ остается во всякомъ случаѣ то, что стихи 35 и 36 въ Numeri 10—занимаютъ не принадлежащее имъ мѣсто ¹²⁴, что впрочемъ отмѣчено въ самомъ текстѣ Библии особымъ знакомъ. Настоящее ихъ мѣсто—послѣ Num. 10, 28 ¹²⁵. Сравнивъ хронологическія данныя Num. 9, 1 съ таковыми Num. 1, 1, увидимъ, что послѣдняя глава (т. е. Num. 1, 1) написана позже ¹²⁶. Стихи Num. 25, 19 и Num. 26, 1 они разсматривали не какъ два, а какъ одинъ стихъ ¹²⁷. Отдѣлъ Exod. 18, 12 до Cap. 19 слѣдуетъ помѣстить послѣ Cap. 20 ¹²⁸. Стихъ 23 въ Levitic. 16 не на своемъ мѣстѣ ¹²⁹. Знаменитая пѣснь Моисея въ Exod. 15 имѣетъ своимъ началомъ 9-й стихъ ¹³⁰ и такимъ образомъ теперешній порядокъ стиховъ не есть первоначальный ¹³¹. Книга Levitic. начиналась прежде ¹³² съ Cap. 9, Deuteron. съ 9-го стиха 29 главы ¹³³. При этомъ обращается вниманіе на то, что и въ пророческихъ книгахъ порядокъ главъ былъ прежде совсѣмъ другимъ. Такъ Jesaja ¹³⁴ начиналась Cap. 6, 1. Jeremia ¹³⁵ Cap. 2, 2; Ezechiel ¹³⁶—Cap. 17, 1; а въ Mechilta обозначена Cap. 2, какъ начало книги Ezechiel. Книга Hosea начиналась ¹³⁷ Cap. 10, 1. Что касается такъ называемыхъ историческихъ книгъ—отмѣтимъ Cap. 3, 1 какъ начало книги Josua. Знамени-

¹²² Глава B'ha'alothkha, s. 44b, ed. Vened. 1546.

¹²³ Ср. Mischna, Commentar Maimonides къ Jadaim III, 5.

¹²⁴ Pesiqta a. a. O.

¹²⁵ Schabbâth 115b.

¹²⁶ Pesiqta Zutr., a. a. O., s. 43.

¹²⁷ *Примѣчаніе*. Къ сожалѣнію не обозначено точнѣе, но вѣроятно послѣ 31, 12.

¹²⁸ 'Abada Zara 24a ff.

¹²⁹ Pesiqta Zutr., глава „Achre môth“, s. 22b.

¹³⁰ Midrasch Koheleth 69; Mechilta ed. Weiss, 48b.

¹³¹ *Примѣчаніе*. Что слово ׀מך не обозначаетъ тутъ порядокъ стиховъ, какимъ онъ быть должно, но какимъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ, ясно изъ „Mechilta“.

¹³² Midrasch Koheleth, a. a. O.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Ibid. Mechilta u Midrasch Koheleth.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Midrasch Kohel., ibid.

¹³⁷ Mechilta ibid.

тая пѣснь Дебары [Richter, Cap. 5] начиналось ¹³⁸ раньше 3-мъ стихомъ; начало Koheleth ¹³⁹—Cap. 1, 12. Мы здѣсь конечно, можемъ привести часть замѣтокъ, разсѣянныхъ по необъятному полю талмудической литературы и хотя въ изслѣдованіи подобнаго рода мы тщетно будемъ искать у талмудистовъ известнаго рода систему, однако мы видимъ, что дѣло въ этомъ направленіи не осталось безъ попытокъ систематизировать нашъ критическій матеріалъ. Въ Mechilta, Midrasch Koheleth и Bava bathra 14 ff. мы это дѣйствительно встрѣчаемъ.

Вернемся, однако, къ нашему изслѣдованію.

Самый порядокъ книгъ, въ которомъ онѣ являются въ нашей Библии, не первоначальный. Такъ, думается намъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ словъ одного учителя р. Шимеона ¹⁴⁰, (это не тотъ, котораго мы цитировали выше!). «Всѣ предписанія о жертвоприношеніяхъ, изложенныя въ Еход., выполнялись въ пустынѣ, но тѣ, что изложены въ Levit., не выполнялись въ пустынѣ». Но почему же? спросить читатель. Разсмотримъ еще одно очень важное мѣсто. «Если мы находимъ въ Библии, что какой либо законъ повторяется, то это сдѣлано для того, чтобы сказать *что нибудь* новое». Последнее положеніе не могло всѣмъ казаться удовлетворительнымъ: въ самомъ дѣлѣ, если сравнить книгу Еход. и Levit., то мы въ Levit., кромѣ повторенія нѣкоторыхъ законовъ, найдемъ очень много такихъ, о которыхъ въ Еход. вовсе не упоминается и, очевидно, для того, чтобы дать новый законъ, вовсе нѣтъ необходимости повторять старое. Между книгами Еход. и Levit., по мнѣнію нѣкоторыхъ учителей Талмуда, разница очень глубокая. «Ежедневныя жертвы, обязательныя по Levitic. [תָּרַם גִּזְלוֹ], говорить они, въ пустынѣ никогда не приносились, и всѣ законы о жертвоприношеніяхъ, что изложены въ Levitic., никогда на практикѣ не осуществлялись и все время пребыванія евреевъ въ пустынѣ оставались только теоріей ¹⁴¹. Такъ говорить р. Эліеверъ. Его мнѣніе повидимому раздѣлялось многими и для подкрѣпленія его указано на дѣйствительно замѣчательное мѣсто

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Ibid. Mechilta u Midr. Kohel.

¹⁴⁰ Menachoth 45b.

¹⁴¹ Chagiga 6a ff.

Восходъ, кн. 2.

въ Amos 5,26. Разумѣется, р. Акиба постарался указать ошибочность такого взгляда, но не нашелъ другого способа, какъ только прибѣгнуть къ агадѣ. Но въ чемъ же дѣло,—спросить читатель:—не все ли равно исполнялись ли законы, что изложены въ Levit., во время пребыванія въ пустынѣ, или нѣтъ? Въ томъ то и дѣло, что разница большая, даже очень большая. Разъ законы въ Levitic. не исполнялись въ пустынѣ (а въ самомъ Levitic. не сказано, что они должны были исполняться, когда евреи будутъ уже въ обѣтованной землѣ), то нѣтъ ничего легче, какъ думать, что сама книга гораздо болѣе поздняго происхожденія. Этого повидимому боялся р. Акиба, хотя строго говоря, ничего недозволеннаго тутъ нѣтъ съ ихъ точки зрѣнія: о «раньше» и «позже» не можетъ быть и рѣчи въ Библии, почему же Levitic. и не быть написаной позже, — что она занимаетъ третье мѣсто, такъ это ничего не значитъ. Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Первая половина стиха (обозначаемъ черезъ *a*) въ Levit. 9,22 не на своемъ мѣстѣ ¹⁴². Имѣется однако вариантъ съ необходимымъ дополненіемъ ¹⁴³, именно: надо читать сначала вторую половину стиха, а потомъ первую. Genes. 20.20 ff. послѣ того, что сказано въ 15 стихѣ этой же главы, совершенно излишне, говорить другой, и вся глава вообще не въ должномъ порядкѣ, на что справедливо дѣлается замѣчаніе, что въ V. 15 выражено условіе ¹⁴⁴. Стихъ 24 въ Exod. 20 надо исправить такимъ образомъ ¹⁴⁵:

כָּל הַקֹּדֶשׁ לַיהוָה אֲכָלֶנּוּ וְכִלְנוּ וְכִלְנוּ וְכִלְנוּ וְכִלְנוּ וְכִלְנוּ

Кстати замѣтимъ, что на такіе неточности и въ другихъ книгахъ, т. е. кромѣ Пятикнижія, ими тоже обращено надлежащее вниманіе. Въ Tosefta они отмѣчены частью ¹⁴⁶. Въ Jeremia Cap 26, 18 до Cap. 27 содержаніе крайне запутано: одинъ стихъ противорѣчитъ другому ¹⁴⁷. Тоже самое говорится о на-

¹⁴² Jer. Cap. 4, Hal. 1, s. 31.

¹⁴³ Sifra, Abschnitt Schemini, Col. 92, Zeichen 29 u. 30.

¹⁴⁴ Genes. Rabba, Cap. 70, s. 44b.

¹⁴⁵ Soté 38a; Num. Rabba Cap. 11, s. 163a.

¹⁴⁶ S. 312 ff. (ed. Zuckermann).

¹⁴⁷ *Примечаніе*. Grätz въ своей „Geschichte der Juden“, B. II, erste Hälfte, s. 338, Anm. 2, выражается о стихахъ Erem. 26, 20—23 слѣдую-

чальныхъ стихахъ первой главы книги Nahum. И дѣйствительно очень трудно согласовать стихъ 3-а съ тѣмъ, что сказано во второмъ стихѣ ¹⁴³. Не мало говорится о противорѣчїи двухъ стиховъ, или мѣстъ, сообщающихъ объ одномъ и томъ же событїи. Напр. Genes. 1,16-а противорѣчить второй (b) половинѣ стиха; Genes. 1,12 противорѣчить ¹⁴⁹ Genes. 2,5-а; Gen. 1,20-а—¹⁵⁰, Gen. 2,19-а; Gen. 1,27-b — первой половинѣ этого же стиха ¹⁵¹. Exod. 40,35-а сравни ¹⁵² съ Exod. 24,18-а; знаменитое мѣсто въ Numeri 23,15, которое не осталось безъ влїянїя на Галаху, съ V. 16 той же главы ¹⁵³ и масса другихъ; дагѣ много мѣстъ Chron. съ соответствующими мѣстами въ Regum ¹⁵⁴, нѣсколько хронологическихъ неточностей ¹⁵⁵. Въ Leviticus они насчитали 24 породы нечистыхъ птицъ ¹⁵⁶, въ Deut. 25, и т. д. И во многихъ другихъ книгахъ они нашли противорѣчающїя другъ другу данныя, но выписывать ихъ здѣсь всё было бы ужъ черезъ чуръ много, а затѣмъ для нашей цѣли достаточно будетъ уже приведенныхъ ¹⁵⁷.

Мы займемся разборомъ замѣтокъ другого характера. Какъ смотрѣли талмудисты на разныя событїя, факты, сообщаемыя Библіей. Нѣкоторые полагали, что потопъ не распространился на всю поверхность земного шара, а только на извѣстную часть ея. Несомнѣнно, что такъ думали уже очень давно ¹⁵⁸. Далѣе находимъ ¹⁵⁹ весьма интересное сужденіе о золотомъ тельцѣ ¹⁶⁰.

Идемъ образомъ: „эти стихи вставлены позже, мѣсто ихъ не здѣсь“. Не странно ли, что Grätz ни словомъ не обмолвился о приведенномъ нами мѣстѣ изъ Tosefta?

¹⁴³ Vgl. Tosefta, s. 313 о нѣкоторыхъ псалмахъ.

¹⁴⁹ Chullin 60b.

¹⁵⁰ Ibid. 27b.

¹⁵¹ Erubin 18a.

¹⁵² Joma 4b.

¹⁵³ Menachoth 65b.

¹⁵⁴ Ibid. 316 ff.

¹⁵⁵ Sifre, глава B'ha'lotkhka, Columna 36.

¹⁵⁶ Chullin 63a.

¹⁵⁷ Напр. Chagiga 13a und Nidda Cap. X; Zebachim 54b; 116b; Nidda Cap. IX, Tosefta s. 316 и т. д.

¹⁵⁸ F. Weber, System etc. s. 192.

¹⁵⁹ 'Aboda Zara 4b.

¹⁶⁰ Exod, Cap. 32.

Р. Iosua ben Levy говоритъ: «Въ дѣйствительности евреи никогда не поклонялись золотому (въ пустынь—Exod 32 ff) тельцу, но если объ этомъ сообщается, то только для того, чтобы кающагося грѣшника не лишать надежды на возможность добиться прощенія отъ Бога за совершенные грѣхи!» Благочестивый Раши не могъ себѣ, конечно, даже думать позволить, чтобы такой извѣстный учитель, какъ р. Йегошуа б. Леви отрицалъ сообщаемый Библией фактъ. Вѣдь тогда значить и все связанное съ этимъ фактомъ не болѣе какъ мифъ! Раши толкуетъ потому слова р. Йегошуа б. Леви такимъ образомъ: Израильтяне были непоколебимы въ своихъ вѣрованіяхъ въ единого Бога, но чтобы показать кающимся грѣшникамъ, что путь къ возврату имъ никогда не отрѣзанъ, Богъ устроилъ такъ, что «Jezer ha'а» (т. е. злая воля, дурные инстинкты) взяли верхъ надъ еврейни и они согрѣшили. Мы не говоримъ уже о томъ, что Раши, намѣренно или нѣтъ—о томъ толковать здѣсь не будемъ, совершенно извратилъ смыслъ словъ р. Йегошуа б. Леви, но само толкованіе глубоко противорѣчитъ основному, никѣмъ и никогда не оспариваемому положенію іудаизма, заключающемуся въ томъ, что *человѣкъ воленъ творить добро или зло*¹⁶¹. Это неоднократно высказывается въ Ветхомъ Завѣтѣ, съ особой силой въ Deuteron., гдѣ мы это встрѣчаемъ чуть ли не на каждой страницѣ (хоть напр. Сар. 30,11 до конца главы). а еще больше разъ въ Талмудѣ. Нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы заставить человѣка преступить такіе законы какъ поклоненіе единому Богу, если человѣкъ того самъ не захочетъ. Но какъже тогда объяснить заявленіе р. Йегошуа б. Леви? Никомъ образомъ нельзя допустить и мысли, чтобы онъ сомнѣвался въ истинности сообщеній Библии. Дѣло объясняется очень просто. Въ Библии не мало аллегорическихъ разсказовъ, но есть такіе, что никѣмъ иначе и не понимаются, но не мало за то и другого рода, гдѣ на самомъ дѣлѣ нельзя съ увѣренностью сказать: дѣйствительно ли тутъ фактъ сообщается или нѣтъ, напр. равныя дѣйствія пророковъ (Ezechiel 2, 8. 9; 3, 1; 5, 1—4, Ies. 8, 3 f. Ierem. 16, ff. и т. д.), или вся книга Hiob, о кото-

¹⁶¹ *Примѣчаніе.* Классическимъ выраженіемъ для этого служить извѣстная формула: *בשר ליתו פין שום יתו לכל* См. также А. Merx, Einleitung zum Buche Hiob.

рой мы говорили выше. Мнѣнія въ такихъ случаяхъ сильно расходятся и теперь, въ наше время; они расходились и тысячу, и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Что одинъ принимаетъ за символъ, то другой—за фактъ. И въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ у талмудистовъ какой либо выработанной системы, а при умѣнн обращаться съ текстомъ можно было его толковать какъ угодно. И тѣ, которые держались архи-консервативныхъ взглядовъ, и тѣ, что старались провести свои въ извѣстной степени свободные взгляды, могли черпать свои доказательства въ текстѣ. Свобода была полная, ракъ не переступали границъ, за которыми не было уже іудаизма. Въ одномъ мѣстѣ говорится слѣдующее: «Тора выражается гиперболически, если сообщаетъ, что города ихъ велики и укрѣплены до самаго неба» ¹⁶², пророки выражаются гиперболически, если говорятъ: «и потрескалась земля отъ ихъ крика» ¹⁶³, также и тутъ ¹⁶⁴ надо понимать слова нашихъ учителей въ многосказательномъ смыслѣ ¹⁶⁵. Болѣе того, отсутствіемъ въ данномъ случаѣ нормы пользовались люди болѣе или менѣе свободномыслящіе для того, чтобы провести безнаказанно взгляды свои; побивая противниковъ ихъ же оружіемъ. «Никогда Schekhina не спускалась на землю, и никогда Моисей и Илья не возносились на небо», говоритъ рабби *Jose*, ибо въ Библии ясно сказано: ¹⁶⁶ «Небо—для Предвѣчнаго, землю же онъ далъ людямъ» ¹⁶⁷. Вопросъ о томъ, видѣлъ ли Моисей, а также пророки, на самомъ дѣлѣ Всевышняго, рѣшается въ безусловно-отрицательномъ смыслѣ. Пророки въ данномъ случаѣ лишь прибѣгли къ извѣстной формѣ выраженій, къ метафорамъ, чтобы яснѣе дать понять своимъ современникамъ то, что они сказать хотѣли, подражая въ данномъ случаѣ Торѣ, а наши учителя слѣдовали предкамъ» ¹⁶⁸. Учителя синагоги всегда старались показать, что всякое описаніе Бога или Его качества, заключающее въ себѣ характеръ

¹⁶² Deut. 1, 28.

¹⁶³ I Kōn. 1, 40.

¹⁶⁴ Chullin 90b; Tamid 63a.

¹⁶⁵ Cp. Pesikta Zutr. глава Vaethchanan, s. 67b.

¹⁶⁶ Psalm. 115, 16.

¹⁶⁷ Sukka 5a, и т. д.

¹⁶⁸ Pesikta Zutr., ibid.

чувственности, нужно понимать метафорически. Приводимъ характерныя слова протестантскаго изслѣдователя F. Weber'a ¹⁶⁹. «Опредѣленіе Бога по ученію іудаизма носятъ на себѣ (какъ второй признакъ) отпечатокъ трансцендентности. Этими хотимъ мы сказать, что Божество по понятіямъ еврейской религіи охраняется отъ всякаго соприкосновенія съ человѣческимъ существомъ. Ничего о Богѣ не должно быть сказано, изъ чего можно было бы заключить о существенномъ сходствѣ Его съ человѣкомъ. Рѣшительно высказывается это въ Schemath Rabba Cap. 30: «Адамъ созданъ по образу и подобию ангеловъ», и въ Cap. 32 читаемъ: «Я его сравнивалъ съ ангелами, ибо сказано (Gen. 1, 26): смотри Адамъ сталъ равенъ одному изъ насъ». См. Gen. 1, 26, равно какъ и Gen. 3, 22, Targum ier. I. По образу и подобию ангеловъ, а не по Своему создалъ Онъ человѣка. Такимъ образомъ отнята всякая почва, на которой могли бы развиваться антропоморфическія и антропатетическія идеи и въ Таргумимъ. особенно старались устранить все неудобное». Однако, несмотря на признаніе не малаго числа мѣстъ аллегорическими, несмотря на то, что многое, рисуемое пророками, принимали какъ способъ лучшимъ образомъ высказать то, что ихъ волновало, несмотря, наконецъ, на ясно выраженное мнѣніе, что картины, данныя намъ пророками, находятся въ зависимости отъ личнаго дарованія, отъ силы воображенія, однимъ словомъ, отъ чисто индивидуальныхъ, чисто человѣческихъ чертъ характера—трудно было добиться въ этомъ отношеніи всеобщаго признанія. Пусть читатель вспомнитъ видѣніе Ezechiel Cap. 1. Богатая фантазія, живой слогъ, ивѣстная страстность и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественность и теперь еще способны произвести на насъ сильное впечатлѣніе. Но въ прежнее время въ такихъ картинахъ искали тайнъ, скрытыхъ отъ глазъ простаго смертнаго. Мистически-настроенные люди часто годы просиживали надъ этой главой, вдумываясь въ каждую мелочь, уносясь далеко, далеко отъ земли на крыльяхъ воображенія. Имъ чудилось, что они видятъ эту божественную колесницу, видятъ страшный огонь, слышатъ голоса, раздающіеся въ небесныхъ сферахъ. Все большее и большее число

¹⁶⁹ F. Weber, System, s. 150,

людей стали предаваться этой страсти, какъ много вѣковъ спустя въ Европѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь—желаніе опредѣлить квадратуру круга. Разказы о колесницѣ становились все болѣе и болѣе страшными. Такъ напр. передается, что одинъ мальчикъ (!) читалъ въ школѣ Ezechiel, Cap. I, причѣмъ онъ слишкомъ усердно предался созерцанію «Хашмала» (חַשְׁמַל), и вышелъ огонь изъ Хашмала и сжегъ дитя. Рѣшились, наконецъ, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—изъять книгу изъ обращенія, или, вѣрнѣе, вычеркнуть ее изъ канона, но этого провести не удалось, благодаря Хананѣ бенъ Хивк. бенъ Гаронъ ¹⁷⁰, о которомъ мы говорили раньше ¹⁷¹. Интересно будетъ отмѣтить, что слово Хашмаль ¹⁷² поставило самыхъ ученыхъ мужей въ затрудненіе и они не знали, ¹⁷³ какъ его объяснить. Въ Toseft'в сохранилось очень характерное признание неизвѣстнаго ученаго: «Многіе, говоритъ онъ, занимались изслѣдованіемъ *Меркабы* (т. е. колесницы, о которой рѣчь идетъ въ Ezechiel, Cap. I), но до сихъ поръ никто ея въ дѣйствительности не видѣлъ» ¹⁷⁴. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁷⁵ читаемъ: «Все, что видѣлъ Ezechiel, видѣлъ раньше его Jesaia. Ezechiel похожъ на деревенскаго жителя, видящаго въ первые царя, Исаія же на городского (т. е. такого, что имѣлъ уже много случаевъ видѣть коронованныхъ особъ) жителя. Раши и тутъ счумѣлъ показать консервативность своихъ взглядовъ. Въ Resikta ¹⁷⁶ читаемъ мы: «Рабби Іохананъ говоритъ—велика сила (воображенія) пророковъ, если они могли представить (намъ) Предвѣчнаго въ образѣ человѣка!» Вариантъ къ этому ¹⁷⁷: «ибо они скульптора представили въ формѣ его произведенія». Въ

¹⁷⁰ Тотъ же самый, о которомъ шла рѣчь выше.

¹⁷¹ Chagiga 13a.

¹⁷² По Cesenius, Wörterbuch 11 Aufl. חַשְׁמַל означаетъ блестящая руда Ебергъ сравниваетъ это съ Ag. asmet, as mal-Esmail; Frdr. Delitzsch ассирійскимъ благороднымъ металломъ šamagū. Во всякомъ случаѣ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что „Хашмаль“ ничего страшнаго собой не представляетъ.

¹⁷³ Chagiga, ibid.

¹⁷⁴ S. 228.

¹⁷⁵ Chagiga 13b.

¹⁷⁶ ed. Buber, Lusk 1868, Cap. IV, s. 36b

¹⁷⁷ Ibid. цитировано изъ Jalkut Koheleth

Еход. представленъ Богъ въ видѣ воина. По этому поводу дѣлается такого рода замѣчаніе ¹⁷⁸. «Вездѣ, гдѣ въ Библии Богъ представленъ какъ сражающійся воинъ, необходимо остерегаться принимать это буквально, ибо Богу не нужно никакого оружія для проведенія Его плановъ: Его оружіе—святое имя Его, какъ то сказано въ Еход. 15, 3». — Многіе законы въ Библии сопровождаемы извѣстными объясненіями причинъ введенія этихъ законовъ, другіе же нѣтъ, и между послѣдними такіе, для которыхъ трудно вообще, или даже невозможно отыскать какое либо объясненіе. Ничего не осталось сдѣлать какъ сказать, что Богъ носомнѣнно объяснилъ Моисею, почему Онъ даетъ тотъ или другой законъ, но Моисей этого не сказалъ израильтянамъ ¹⁷⁹. Многіе удовлетворялись такими отвѣтами, другіе на томъ успокоиться не могли. Было не мало видно обрядовъ, которые уже въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. потеряли всякій смыслъ, или по крайней мѣрѣ ихъ исполняли только потому, что Торой приказано ихъ исполнять. Въ Num. 19 наложено законъ о «красной коровѣ». По этому поводу приводится въ Numeri Rabba ¹⁸⁰ слѣдующій характерный рассказъ. Къ знаменитому р. Іохананъ бенъ Закакай обратился одинъ язычникъ съ замѣчаніемъ, что обрядъ съ «красной коровой» и все продолжавшаея при томъ церемоніи напоминаютъ колдовство и вообще ничѣмъ не отличаются отъ языческихъ обрядовъ ¹⁸¹. Рабби Іохананъ далъ ему отвѣтъ, который вполне удовлетворилъ вопрошавшаго. Когда онъ ушелъ, ученики обратились къ р. Іока-

¹⁷⁸ Mechilta ed. Weiss, s. 45 ff. g. комментарий.

¹⁷⁹ Pesikta d'R. Kahana, ed. S. Buber, Cap. IV, s. 39, и примѣчаніе издателя.

¹⁸⁰ Cap. 1, s. 186a.

¹⁸¹ Num. Cap. 19 Не безынтересно будетъ замѣтить, что Магометъ, который долго послѣ того, какъ сталъ пророкомъ, не зналъ, что Исаакъ былъ сыномъ Авраама, что то слышалъ про „красную корову“ и свое знаніе блестяще наложилъ въ Коранѣ, напутавъ не вѣсть что. См. „Corani Textus Arabicus“ ed. Hustavus Fluegel, Lipsiae, 1881, 2-te sura, ss. 63—69. Самыми интересными являются стихи 67 и 68. Они въ переводѣ гласятъ: 67. И вы убили человѣка и заспорили изъ-за него, но Богъ вывелъ наружу то, что вы скрывали. 68. И мы приказали ударить его (мертвого) частью отъ нея (коровы); такъ Богъ воскрешаетъ мертвыхъ и являетъ Вамъ свои знаменія, авось уразумѣете.

нану и заявили ему, что *они* не удовлетворены такимъ его отвѣтомъ. На это онъ имъ сказалъ: «не мертвое тѣло можетъ сдѣлать нечистымъ, равно какъ вода очистить не можетъ, но Богъ провѣнесь: распоряженіе Я сдѣлать, законы Мною установлены и вы не должны ихъ преступить». Въ высшей степени характерное выраженіе въ устахъ такого человѣка, какъ р. Иохананъ-бенъ-Заккай ¹⁸³. Да и жилъ онъ въ эпоху, когда иудаизмъ, повидимому, подъ ударами грознаго Рима, переживалъ острый кризисъ. Положеніе дѣлъ было таково, что тѣмъ или другимъ образомъ надо было дѣйствовать, чтобы только укрѣпить вѣру въ сердцахъ іудеевъ. Можно объяснить — хорошо; нельзя—вотъ вамъ святая Тора, читайте и—повинуйтесь. Разное время требовало разныхъ способовъ. Порой избѣгали всякой полемики: иногда отъ того, что нѣкоторые вопросы грозили увлечь спорящихъ въ область чистой философіи ¹⁸³, иногда просто сознавали, что человѣческое знаніе ограничено и не все ему открыто ¹⁸⁴. «Что создано раньше—свѣтъ или тьма? На этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта» ¹⁸⁵. «Какъ произошло сотвореніе земли въ первичной стадіи? Человѣкъ не можетъ имѣть о томъ точныхъ знаній», гласитъ отвѣтъ ¹⁸⁶. Однако такіа объясненія не всѣхъ могли удовлетворить. J. J. Hamburger ¹⁸⁷ по этому поводу собралъ весьма интересный матеріалъ. Заимствуемъ у него слѣдующее: ¹⁸⁸ «Александрійскіе, а также влиинскіе евреи въ Палестинѣ допускали существованіе первичной матеріи, изъ которой Богъ и создалъ міръ... Греческія теоріи о сотворенія міра пробрались въ самыя тайники иудаизма и необходимымъ стало въ нихъ разобраться.. Бен Зота (въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.), тотъ самый, про котораго рассказываютъ, что онъ кончилъ сумасшествіемъ,

¹⁸³ Сравни мѣсто въ jer. Ta'anith, Cap. 2, Hal. 1, 18. 15, гдѣ сказано: „Если кто держитъ въ рукахъ что либо нечистое, то никакое омовеніе ему помочь не можетъ, пока онъ это нечистое держитъ; если же онъ его выпустилъ въ рукъ, то онъ немедленно становится чистымъ“.

¹⁸⁴ Tosefta s. 234.

¹⁸⁴ jer. Chagiga Cap. 2, Hal. 1, s. 15.

¹⁸⁵ Tamid 66a.

¹⁸⁶ Exod. Rabba, Cap. 13, s. 75b.

¹⁸⁷ Artikel „Geheimlehre“, B. II, s. 259 ff.

¹⁸⁸ Cp. Tosefta s. 234.

принималъ *воду* за первичную матерію и потому многими считался отщепенцемъ. «Ben Zoma», гласить преданіе, сказалъ разъ знаменитому рабби Йегошуа бенъ Хананья слѣдующее: я рассматривалъ верхнюю и нижнюю воду (т.-е божественный, созидающій принципъ, и нижнюю — матерію) и нашелъ, что разстояніе между ними не болѣе ширины четырехъ пальцевъ». Еще во второмъ столѣтіи послѣ Р. Хр. были между талмудистами послѣдователи этой теоріи. Такъ напр. училъ рабби Йегуда бенъ Павзи: Вначалѣ міръ представлялъ собой *воду съ водою*, ибо въ Торѣ сказано—«и духъ Божій виталъ надъ водою», затѣмъ вода превратилась въ снѣгъ, а послѣдній въ землю». Другіе талмудисты называли иное первичной матеріей, изъ которой была создана вселенная. Рабби Йове (жилъ во II вѣкѣ послѣ Р. Хр.) принималъ воздухъ, вѣтеръ и бурю за первообразные принципы. Варъ-Каппара, учитель, жившій въ концѣ второго и въ началѣ третьяго вѣка послѣ Р. Хр., и Рабъ-Гуна, жившій въ 3 вѣкѣ послѣ Р. Хр. говорили, ссылаясь при томъ на Genesis 1, 2: «Врядъ ли бы можно было осмѣлиться сказать, если бы Тора сама не обозначила первичные элементы, которые и послужили матеріаломъ для созданія міра». Четвертый замѣчаетъ: «Сказано въ Библии—«и сталъ вечеръ», слѣдовательно порядокъ во времени (т.-е. смѣна дня ночью, и наоборотъ) существовалъ раньше. Пятый, наконецъ, считаетъ *светъ* первичной матеріей... Подкрѣпленіе своимъ теоріямъ о существованіи первичной матеріи они главнымъ образомъ находили въ Genesis 1,7: «и Богъ создалъ» значило не сотвореніе изъ ничего, но изъ готоваго, существовавшего уже матеріала. Они представляли себѣ Бога, въ видѣ искуснаго ваятеля, создающаго изъ готоваго матеріала... Мы видимъ, что не одна обрядовая сторона религіи ихъ занимала: порой оставляли они теологію въ сторонѣ и на крыльяхъ фантазіи подымались въ тѣ сферы, философіи, гдѣ, казалось, можно найти отвѣтъ на важнѣйшіе вопросы. Нѣкоторые, конечно, какъ напр. Бенъ-Зома и знаменитый отщепенецъ Элиша бенъ Абуя, кончали тѣмъ, что покидали іудаизмъ, но такихъ было весьма немного. Огромное же большинство счумъло такъ устроить, что философія и теологія до известной степени мирно уживались. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ ученое сословіе

давало представителей самыхъ крайнихъ направленій: на одномъ концѣ философа, на другомъ теолога до мозга костей, а между ними непрерывной цѣпью расположились люди умѣренные, въ которыхъ крайности смягчены, и они то соединяють два противоположныхъ полюса. Нечего прибавлять, что греческая философія иногда вторгалась въ самое сердце еврейскаго талмудизма и тамъ находила поклонниковъ. Вотъ вамъ примѣръ. Дѣло идетъ о прозелитахъ. Язычнику желавшему перейти въ еврейство, приходилось: а) подвергнуть себя обряду обрѣзанія, б) совершить ритуальное купанье. Второе было, конечно, совсѣмъ не трудно выполнить, но на первое находилось мало охотниковъ. Очевидно вопросъ о прозелитахъ сталъ жгучимъ вопросомъ, но трудно было подѣлать что либо противъ Библии, которая установила обрядъ обрѣзанія. Однако одинъ довольно извѣстный учитель рѣшительно заявилъ: если язычникъ совершилъ обрядъ купанія, согласно установленнымъ законамъ, но не подвергнулъ себя обрѣзанію, такъ онъ долженъ уже считаться прозелитомъ ¹⁸⁸. Большинство однако возстало противъ этого и постановило, что и то и другое необходимо и обязательно для желающаго перейти въ іудейство. Такъ проваляли законъ, который могъ бы имѣть самыя важныя послѣдствія для евреевъ и іудаизма. Въ данномъ случаѣ важно отмѣтить, что между учителями синагоги находились такіе, что считали возможнымъ отмѣнить при извѣстныхъ обстоятельствахъ основной законъ еврейской религии, законъ установленный Библіей ¹⁸⁹. Впрочемъ между самими евреями находились такіе, что не были подвергнуты обряду обрѣзанія, хотя ихъ все таки не переставали считать евреями. Больше того, Талмудъ рассказываетъ намъ случай исполненія требъ однимъ священникомъ, который также не былъ обрѣзанъ, и однако при томъ замѣчается, что совершеніе имъ религиозныхъ обрядовъ признается законнымъ ¹⁹⁰.

Александръ Брагинъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁸⁸ *Примечаніе.* Р. Јосиа говоритъ: язычникъ, который (заявилъ желаніе перейти въ еврейство и для этого) совершилъ обрядъ купанія считается прозелитомъ, еслибы онъ даже не подвергся обряду обрѣзанія (Jebamoth 46a цитировано также у shürer, Geschichte des jüd. Volkes, B. II, s. 570, Anm. 299

¹⁸⁹ Derenbourg, Histoire de la Palestine, s. 224 255 Anm. 2.

¹⁹⁰ jer. Pasachim, Cap. 8, Hal. 8, s. 108.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Оглядываясь назадъ, я стараюсь сосредоточить въ своей памяти болѣе или менѣе выдающіяся моменты изъ общественной жизни евреевъ за истекшее полу столѣтіе. Признаться, трудно будетъ воспроизвести начало этой эпохи съ тою яркостью красокъ и съ тою реальностью, съ какою оно тогда отражалось въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи. Каждый знаетъ по себѣ, что въ зрѣломъ возрастѣ очень трудно бываетъ воскресить то идеальное настроеніе, ту поэтическую воспримчивость, съ какими юное еще воображеніе и юное чувство относились къ окружающимъ явленіямъ жизни. Воспоминаніе о юности не есть сама юность, точно такъ же какъ фотографія не замѣняетъ живого человѣка.

Попробую, однако, передать тѣ чувства, какія волновали еврейскую молодежь полвѣка тому назадъ. Призывъ къ просвѣщенію въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ тѣмъ свѣтоноснымъ заревомъ, которое манило все, что только способно воспринять свѣтъ. Призывъ этотъ былъ сдѣланъ правительствомъ, и тѣмъ не менѣе онъ нашелъ откликъ въ сердцахъ того здороваго меньшинства, которое, въ борьбѣ съ невѣжествомъ, ожидало открытаго выхода на широкій путь гражданственности.

Молодежь ликовала. Она нашла опору своему самопознанію. Забитая и загнанная болѣе внутри собственной среды, чѣмъ внѣ ея, она бросилась въ объятія, распростертыя ей извнѣ. Молодежь почувствовала подъ собою почву, всѣ стали сознавать себя гражданами своей родины, всѣ получили новое отечество. Каждый молодой человѣкъ былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и подготовлялся самоотверженно служить той родинѣ, которая такъ матерински протянула руки своимъ пасынкамъ. Всѣ бросились на изученіе русскаго языка и русскаго литературнаго языка, каждый думалъ только о томъ, чтобы скорѣе породниться и совершенно слиться съ окружающею средою. Хотя правовое положеніе евреевъ было тогда ниже нуля, тѣмъ не

менѣе еврейская молодежь вѣрила въ искренность призыва, она вѣрила, что русское общество желаетъ видѣть евреевъ просвѣщенными, и вотъ почему она всю энергію употребила на то, чтобы убѣдить въ искренности и съ своей стороны, чтобы доказать всѣмъ, что еврей можетъ и долженъ сдѣлаться русскимъ человѣкомъ. Еврейская молодежь оставалась глуха къ тѣмъ предостереженіямъ, которыя раздавались съ одного угла Сѣверо-Западнаго края. Тамъ мощный голосъ предвѣрялъ, что просвѣщеніе не гармонируетъ съ безправіемъ, что призывъ къ просвѣщенію симулируетъ нѣчто другое. Но молодежь продолжала вѣрить въ искренность призыва и сквозь розовыя очки глядѣла въ даль, въ ту будущность, которая представлялась ей вполне соотвѣтствующею новому положенію вещей.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ тогда допустить, что эта будущность на противоположной точкѣ полувѣка, та самая будущность, которую мы теперь наблюдаемъ въ настоящемъ, будетъ не тою, какою она себѣ рисовала, а тою, о которой раздавался тогда зловѣщій голосъ изъ Минска? Кто могъ тогда думать, что та самая родина, которая откликнулась на затаеннѣйшія, наивныя, по искренности, чувства, вдругъ удалится именно тогда, когда эта молодежь блестяще доказала не только собственную искренность, но искренность всѣхъ тѣхъ, которыхъ она успѣла повести на путь братскаго сліянія и примиренія? Кто могъ думать тогда, что въ этомъ будущемъ масса вынуждена будетъ оставлять отечество и искать мнимаго успокоенія на чужбинѣ? Кто могъ думать тогда, что лучшія силы евреевъ отправятся орошать потомъ и кровью чужія поля, когда въ собственномъ отечествѣ есть гораздо болѣе неводѣланной еще земли, чѣмъ въ Аргентинѣ и Палестинѣ? Кто могъ думать, что на массовое переселеніе евреевъ будутъ не только смотрѣть равнодушно, но еще къ нему поощрять?

Но тогдашняя молодежь ни сколько не жалѣетъ и теперь, въ зрѣломъ уже возрастѣ, что такъ сильно обманулась въ своихъ надеждахъ на свѣтлое будущее. Она видѣла, правда, кратковременную, но лучшую жизнь; она надѣется еще разъ увидѣть ее и вѣрить, что бываютъ моменты, когда историческій законъ вступаетъ въ свои права. Лучше просвѣщать свой умъ и облагораживать свое сердце даже при явномъ опасеніи сдѣлаться болѣе чувствительнымъ къ ударамъ судьбы, чѣмъ рѣшиться на невѣжество и грубой, покрывающей его

корою укрыться отъ чувствительныхъ ударовъ. Гораздо лучше оставаться въ примиреніи съ своимъ внутреннимъ міромъ и стойко держаться до минованія грозы, чѣмъ вступить въ противорѣчіе съ своею совѣстью и при первыхъ ударахъ грома преклонить свою голову и продать свою душу. Исторія—лучшая наставница въ этомъ направленіи. Жизнь отдѣльнаго человѣка также представляетъ собою опытъ, имѣющей воспитательное значеніе для другихъ, конечно, людей благоразумныхъ, смотрящихъ на жизнь не какъ на источникъ или цѣль корыстолюбія и стяжанія; а жизнь народовъ, выраженіемъ которой является исторія, включаетъ въ себѣ еще болѣе поучительный смыслъ: она безстрастно вершаетъ свой путь и не поддается временнымъ увлеченіямъ, такъ сильно характеризующимъ отдѣльную жизнь человѣка.

Ближайшая будущность докажетъ, правильно-ли судила молодежь, которая по сіе время, въ совершенно зрѣломъ возрастѣ, не измѣнила еще своему оптимистическому воззрѣнію на жизнь. Всѣ, начавшіе свое образованіе въ началѣ сороковыхъ годовъ и дожившіе до настоящей минуты, пережили уже три царствованія и начинаютъ жить уже въ четвертомъ. Они испытали и хорошіе, и печальные дни. Но такъ какъ радости жизни оставляютъ по себѣ лишь пріятное воспоминаніе, а горе оставляетъ въ самомъ человѣкѣ глубокіе, неизгладимые слѣды,— то всѣ эти, нѣкогда молодые, а нынѣ испытанные въ бою піонеры русско-еврейскаго просвѣщенія, которыхъ, впрочемъ, уже не много, также носятъ въ своемъ сердцѣ тяжелую печать бурныхъ временъ. Но они все еще живутъ надеждами, потому что безъ надежды евреи уже давно должны были сложить орудіе борьбы и совершенно обезличиться.

Итакъ, евреи и полвѣка тому назадъ, и теперь живутъ надеждой на будущее. Но, спрашивается, какъ жило русское еврейство въ тотъ моментъ, когда впервые выброшено было знамя просвѣщенія, изъ какихъ элементовъ оно состояло и въ чемъ выражалась внутренняя борьба?

Еврейство состояло тогда изъ двухъ крупныхъ лагерей— Литвы и Волыни. Начатая въ концѣ XVIII и улегшаяся въ началѣ XIX ст. борьба между ними утихла къ сороковымъ годамъ Представителя Литвы Ильи Гаона и представителя Волыни Бааль-Шемъ-Това и ихъ ближайшихъ послѣдователей, которые понимали внутреннюю сущность борьбы, уже не было въ живыхъ. Волынскій цадикизмъ, который вбудоражилъ

всю Литву при своемъ возникновеніи, сталъ мало по малу вырождаться. Всѣ прежнія начала—внутреннее благочестіе, отрицаніе раввинистической схоластики на почвѣ талмудизма уничтоженіе неравенства между богатыми и немущими, тѣлесная и нравственная чистота,—все это уступило мѣсто совершенно иному порядку вещей. вмѣсто всего этого выступило на сцену какое-то смѣшеніе грубаго мистицизма съ чудотворною силой на практической закваскѣ. Выработанный житейскими условіями династическій характеръ цадикизма, который наслѣдственно переходилъ изъ рода въ родъ, низвелъ самое ученіе на сподручное орудіе къ достиженію самыхъ низменныхъ цѣлей жизни. вмѣсто достигнутаго прежде объединенія всего юго-западнаго еврейства одними общими началами новаго ученія, которое пропагандировалось въ систематическомъ изложеніи его представителей, наступило распаденіе цадикизма на нѣсколько династій съ удѣлами дядей и племянниковъ, враждовавшихъ между собою и доведшихъ прежнее единеніе до крайняго раскола. Принявъ такое практическое направленіе, цадикизмъ, удержавшій прежній ореолъ величія, подчинилъ себѣ всѣ элементы края и держалъ ихъ въ своихъ оковахъ. Все, что противорѣчило его режиму, не имѣло права на существованіе. Это не былъ Литовскій талмудизмъ, который опасается подрыва основъ и съ которымъ возможно сговориться на почвѣ взаимныхъ сужденій и уступокъ. Цадикизмъ превратился въ династическую власть, не допускающую никакихъ рассужденій. Просвѣщеніе, съ его точки зрѣнія, опасно не для іудаизма, а для того порядка, которымъ держится династія. Цадикизмъ могъ держаться только на невѣжествѣ, а потому всякій просвѣтительный лучъ, который могъ прокрасться въ это темное царство, считался опаснымъ по самому существу своему. На Литвѣ просвѣщеніе также считалось опаснымъ дѣломъ, также преслѣдовалось; но на Литвѣ знали и изучали древнееврейскій языкъ, который открывалъ путь къ мысленію и чтенію разныхъ сочиненій съ либеральнымъ направленіемъ, издававшихся западно-европейскими евреями. На Воляни преслѣдовался самый языкъ древнееврейскій, какъ орудіе просвѣщенія. На Юго-Западѣ этотъ языкъ былъ въ совершенномъ загонѣ. Даже Библия Мендельсона съ переводомъ на нѣмецкій языкъ, писанный древнееврейскимъ шрифтомъ, подвергалась здѣсь анаемѣ. Словомъ, всѣ пути къ просвѣщенію были закрыты.

На Литвѣ также противодѣйствовали просвѣщенію, но мотивы были совсѣмъ другіе. Не личное начало династіи, а опасеніе за самый іудаизмъ, начало болѣе народное, основанное на идеѣ общаго блага, а не на корыстолюбіи, руководило пастырями народа. Они считали себя вправѣ дѣйствовать такъ, потому что сами поддерживали организованныя ими высшія школы, въ которыхъ преподавались богословскіе предметы; они были вполне убѣждены, что они занимаются культуривованіемъ іудаизма въ истинномъ, съ ихъ точки зрѣнія, значеніи этого слова. На имѣвшія открыться раввинскія училища они смотрѣли какъ на институты, которые призваны внести свѣтъ просвѣщенія въ завоеванную ими вѣками область и имѣютъ своею задачею подкопаться подъ основы іудаизма и ввести тѣ реформы во внутреннюю жизнь русскихъ евреевъ, которыя въ Западной Европѣ пустили корни, благодаря просвѣщенной дѣятельности въ духѣ Мендельсона. Рѣчь шла, такимъ образомъ, о священной традиціи предковъ, которую литовцы оберегали отъ легкомысленныхъ посягательствъ своихъ просвѣщенныхъ собратій. Они, конечно, не въ состояніи были уяснить себѣ истинный смыслъ народныхъ традицій, не способны были дать надлежащую оцѣнку мысли о взаимномъ соотношеніи между началами просвѣщенія и науки съ одной, и традиціей съ другой стороны. Они были совершенно чужды историческому, всестороннему освѣщенію матеріала, содержащагося въ религіозныхъ источникахъ іудаизма. Они были чистѣйшими догматиками въ области традиціи и не были посвящены въ тѣ общечеловѣческіе принципы, которые положены въ ихъ основаніе, равно и въ тѣ законы развитія, которымъ ихъ традиція слѣдовала по общимъ условіямъ органическаго совершенствованія народной жизни вообще. Они, поэтому, желали удержать свою паству на той почвѣ, которая, по недостатку образованія, имъ казалась наиболѣе прочною. Они были обманутыми обманщиками — «*betrogene Betrüger*», не болѣе.

Но въ то время какъ на Литвѣ еврейское знаніе въ узкомъ, ограниченномъ смыслѣ было болѣе или менѣе распредѣлено равномерно, на Волыни оно въ массѣ совершенно отсутствовало. На Литвѣ масса сознательно, поэтому, относилась къ своимъ пастырямъ; взаимная ихъ связь основана была на внутренней силѣ уваженія къ авторитетамъ. На Волыни же невѣжество массы подпало подъ мистическое настроеніе цеди-

кизма, чудотворный обликъ котораго обяательно на нее дѣйствовалъ. Тамъ было безотчетное преклошеніе предъ немногими, захватившими въ руки знамя народныхъ вѣрованій и грезъ; никакіе авторитеты дѣйствительнаго еврейскаго знанія не признавались; умственное развитіе отступало на второй планъ, и народъ утопалъ въ невѣжествѣ. Немудрено, что только на Волыни возможно было въ то время такое явленіе, что, одаренный умомъ и энергіей, одинъ человекъ могъ сдѣлаться диктаторомъ и мощнымъ повелителемъ толпы. Мы теперь остановимся на воспоминаніи о такомъ человекѣ, который, какъ выдающійся дѣятель того времени, держалъ въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ весь юго-западный край. Жизнь его, долго сопровождавшаяся неизмовѣрнымъ успѣхомъ и окруженная ореоломъ славы и величія, очень рѣдко приходящихся на долю смертнаго, подъ конецъ закатилась омраченной грозowymi тучами. Какъ ни отличалась она ханжествомъ и высокоуміемъ, тѣмъ не менѣе она изобличала несомнѣнно крупное дарованіе и безпримѣрную энергію, сквозь которыя подчасъ просвѣчивали искренность и глубокая преданность народному дѣлу, понимаемому, конечно, по своему. Онъ стоялъ выше двумя головами надъ тѣми интеллигентными евреями, которые, обладая такими-же матеріальными средствами, не отличались, однако, выдержкою и тактичностью, доставлявшими ему превосходство въ борьбѣ съ ними. Лишь только послѣ того, какъ личность эта сошла со сцены, всѣми чувствовалась понесенная потеря, и всѣ, даже его противники, глубоко сожалѣли о томъ, что его постигъ такой жалкій и не заслуженный конецъ, подготовлявшійся неумѣльными и безтактными противниками. Забывая о нравственной борьбѣ, единственно возможной въ народномъ дѣлѣ, они пустили противъ него въ ходъ недостойныя орудія, которыми, конечно, пигмезъ и не трудно было свалить человека-гиганта.

Если хотите имѣть слабое представленіе объ этой личности, дѣйствовавшей въ столицѣ юго-западнаго края, то взгляните въ статью «Польскіе евреи», напечатанную въ іюльской книжкѣ «Современника» за 1858 г. Статья эта написана С. С. Громекой, бывшимъ тогда городничимъ въ еврейской столицѣ и хорошо знавшимъ нашего еврейскаго дѣятеля. Правда, въ статьѣ Громеки фигура Юсіфа Израилевича Г*¹ вышла

¹ Гальперинъ.
Восходъ, кн. 3.

очень блѣдною и изображенною односторонне; но Громека оправдывался затѣмъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (Сент. 1858 г.), что статья его подверглась произвольнымъ измѣненіямъ въ редакціи и что онъ въ нихъ не повиненъ.

Уже Громека писалъ тогда о Іосифѣ Израилевичѣ такъ: «это единственный во всемъ мірѣ еврей, величаемый по имени и отчеству. Онъ не имѣетъ никакого официального значенія, никакой ему лично присвоенной власти, но тѣмъ не менѣе власть его сильна. Простой классъ народа увѣренъ даже, что у Іосифа Израилевича есть какой-то мундиръ, весь изъ чистаго золота, хранимый имъ собственно для выѣздовъ въ столицу. І. И. имѣлъ право заслужить такое высокое мѣсто о себѣ своихъ единоплеменниковъ. Я не видѣлъ другого еврея, который любилъ-бы болѣе его своихъ единовѣрцевъ и принималъ-бы болѣе участія въ ихъ общественныхъ интересахъ и нуждахъ. Во время холеры, пожаровъ и другихъ народныхъ бѣдствій, домъ его всегда окруженъ несчастными, изъ которыхъ ни одинъ не уходитъ безъ помощи. Первымъ вкладчикомъ для основанія какого-либо благотворительнаго дѣла, для общихъ нуждъ города, — Іосифъ Израилевичъ. И если бы кто-нибудь предупредилъ въ подобныхъ случаяхъ Іосифа Израилевича, или пожертвовалъ большую, чѣмъ онъ, сумму, то І. И. не перенесъ-бы этого удара! Есть въ городѣ другіе купцы первой гильдіи, есть много банкировъ съ капиталами, быть можетъ, и не меньшими, чѣмъ у него, но другого потомственнаго почетнаго гражданина нѣтъ и быть не можетъ въ описываемомъ мною городѣ». «Іосифъ Израилевичъ, пишеть въ другомъ мѣстѣ Громека, практическій мудрецъ. Собственныхъ, т. е. личныхъ дѣлъ, у него нѣтъ и никогда не бывало; никто не видѣлъ и никто не увидитъ ни одной просьбы его на бумагѣ: за то какъ могущественно каждое слово его! Но и словомъ онъ не рискуеть понапрасну: если онъ просить о чемъ-нибудь самъ, то ужъ это значить, что дѣло кончено и подписано». Описывая далѣе переполохъ, который произошелъ между евреями отъ внезапнаго появленія новаго городничаго (это былъ онъ самъ), и какъ засуетились адъютанты І. И., когда они объ этомъ узнали, Громека блѣдными красками описываетъ жизнь еврейской столицы, отдѣлываясь нѣкоторыми анекдотами, и мало чѣмъ знакомитъ русское общество съ внутреннею жизнію евреевъ, которая

для него, хотя молодого еще городничаго, составляла совершенно невѣдомую область.

Кто же такой на самомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Израилевичъ?

Онъ былъ недосыгаемой силой не только въ той столицѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе, но и во всемъ юго-западномъ краѣ. Изучивъ духъ народной массы и ея психологію, онъ уразумѣлъ, что для того, чтобы пользоваться ея расположеніемъ, необходимо быть отъявленнымъ приверженцемъ цадикизма, — и онъ, какъ свѣтскій его защитникъ, пришелся какъ нельзя лучше ему къ лицу. Цадики всего юго-западнаго края, которые пользовались громаднымъ религіознымъ авторитетомъ въ глазахъ массы, и ему оказывали вниманіе: всѣ капиталы, свободные и несвободные, направлялись въ кассу І. И. Народное довѣріе къ нему росло не по днямъ, а по часамъ. І. И., какъ банкиръ, могъ дать капиталу болѣе выгодное помѣщеніе, чѣмъ простой еврей, не имѣвшій понятія о банкирскихъ операціяхъ. Надобно замѣтить, что въ то время столица юго-западнаго края, въ экономическомъ отношеніи, занимала весьма видное мѣсто. Въ ней было нѣсколько банкирскихъ конторъ, расположенныхъ по балконамъ цѣлаго ряда каменныхъ зданій. Отъ нихъ сама улица получила названіе «золотой». Съ одной стороны «балконы», а съ другой — лавки кипѣли народомъ такъ, что негдѣ было яблоку упасть. Для банкирскихъ операцій существовалъ цѣлый отрядъ такъ называемыхъ «пермильниковъ» (нѣчто въ родѣ биржевыхъ маклеровъ), которые знали курсы лучше Одесскаго гофъ-маклера. Послѣдній, для справки, нуждается въ свѣдѣніяхъ маклеровъ, а пермильникъ наизусть знаетъ всѣ иностранные курсы. Это — живая, подвижная биржа. Пермильникъ, обнаруживъ незнаніе курса, могъ потерять довѣріе, а съ нимъ — и занятіе, и хлѣбъ. Конечно, за это дѣло брались, хотя простые, длиннополые евреи, но обладавшіе колоссальною памятью и выдающимися способностями, которыя все болѣе и болѣе изощрялись путемъ опыта и самой разнообразной практикѣ. А практика была обширная. Вся столица вела торговые сношенія съ разными иностранными государствами, въ которыхъ нужно было производить платежи иностранной валютой. Кромѣ того, всѣ помѣщики края, извѣстные магнаты, матеріальныя богатства которыхъ извлекались изъ господствовавшаго тогда крѣпостнаго права и тратились

за границей, также имѣли постоянныя денежныя дѣла съ еврейскою столицей, которая отодвинула на задній планъ первопрестольный градъ. Всѣ эти торговыя сдѣлки налагали на городъ особый отпечатокъ и сдѣлали его самымъ оживленнымъ въ цѣломъ краѣ. Ярмарки, тамъ происходившія, стягивали туда всѣ промышленныя силы края; Браницкіе, Потоцкіе, Радзивиллы и пр. сѣзжались туда со всею свитою и челядью, чуприны которой были завязаны въ большой и толстый узелъ, красовавшійся на одной сторонѣ лица въ видѣ громадной пейсы, какъ клейма холодства. По городу тянулись въ равныя стороны пуги съ богатою упряжью, а кучера наполняли воздухъ свистомъ отъ длинныхъ, предлинныхъ въ весь пугъ батоговъ. Хотя не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, однако столица обо всемъ знала заблаговременно. Всѣ политическія свѣдѣнія были самыя точныя. Слѣдя за торговлей, за иностранной валютою, за курсомъ, необходимо было слѣдить также за политикою, — и каждый пермиллионикъ былъ ходячею газетою: трактую сдѣлку, онъ рассказывалъ и о политикѣ, о предстоящей войнѣ, о могуществѣ Наполеона и обо всемъ, что только представляло интересъ для купеческаго міра. Все это досконально разучивалось на балконахъ золотой улицы, которые играли роль не то почтовыхъ конторъ, не то телеграфныхъ станцій, не то типографій большихъ иностранныхъ газетъ.

Съ самымъ большимъ благоговѣніемъ взоры всѣхъ обращались на балконъ І. И., на которомъ, какъ въ муравейникѣ, все суетилось вверхъ и внизъ, внутрь и во внѣ, направо и налѣво. Едва-ли Соломонъ мудрый, говоря о суетѣ суетъ, имѣлъ ясное представленіе о той суетѣ, что происходила на балконѣ І. И. Кто приходилъ узнавать о курсѣ, кто — для того, чтобы осчастливили его принятіемъ на храненіе его денегъ; кто — для сообщенія текущихъ городскихъ новостей; кто — съ вѣстью о падикѣ; кто — съ кievской эстафетою; кто — съ сообщеніемъ о послѣдовавшей гзейрѣ, кто — узнавать о томъ, что сдѣлано по поводу послѣдовавшей гзейры; кто — для сообщенія, что порванъ эйрувъ; кто — для пожертвованія въ пользу города, кто — о рекрутскомъ наборѣ; кто — о выборахъ и т. д.

Самъ І. И. очень рѣдко показывался на балконѣ, но когда онъ туда выходилъ, всѣ сторонились, балконъ очищался, и кромѣ І. И. и его ближайшаго адъютанта никого на балконѣ не оставалось. Вся улица собиралась ближе къ балкону, чтобы

лицезрѣть своего руководителя. На другихъ балконахъ тоже замѣчалось движеніе, и всѣ любопытствовали видѣть, какъ стоитъ, какъ разговариваетъ І. И., какъ онъ переворачиваетъ своему адъютанту фуражку, или вытаскиваетъ у него незамѣтно платокъ изъ кармана и т. п. Все это разносилось быстрѣе молніи по всѣмъ улицамъ столицы, и не было тамъ еврея, который не зналъ-бы, что происходило на «балконѣ» (уже не надо было прибавлять на балконѣ Іосифа Израилевича).

Къ І. И. всѣ относились съ полнымъ уваженіемъ, не только евреи, но и не-евреи. Не только новый, молодой городничій, какъ рассказываетъ Громека, ѣздилъ къ нему съ визитомъ, но и самъ генераль-губернаторъ, пріѣзжая въ столицу, ѣздилъ также къ нему съ визитомъ. Можно себѣ было представить, что тогда дѣлалось въ этомъ городѣ, когда евреи это собственными глазами видѣли, когда они видѣли и то, что городничій, этотъ бичъ божій того времени, отъ котораго они, при встрѣчѣ, убѣгали за сто верстъ, чтобы онъ къ чему-нибудь не придрался, не обрѣзалъ бы длинной помы отъ zipуна и пр.,—что этотъ самый грозный городничій на цыпочкахъ рассказываетъ по балкону въ ожиданіи выхода генераль-губернатора. Они на второй день послѣ этого все таки продолжали бояться его какъ прежде, но при всемъ томъ однако съ гордостью думали про себя: «а онъ все таки у нашего І. И. по балкону рассказываетъ, не смѣя даже заходить въ переднюю». Нѣтъ сомнѣнія, что такой визитъ внушалъ городничему уваженіе къ особѣ І. И., который умѣлъ пользоваться этимъ положеніемъ. Надобно отдать, однако, ему справедливость, что онъ пользовался этимъ положеніемъ не для себя лично, а для всѣхъ евреевъ. Онъ всегда приходилъ имъ на помощь, когда рѣчь шла объ общественной нуждѣ, и городничій, конечно, былъ къ его услугамъ.

Не только въ своемъ городѣ, но во всѣхъ трехъ губерніяхъ І. И. имѣлъ преданныхъ друзей, и всюду, гдѣ только рѣчь заходила объ общемъ интересѣ, І. И. умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы не допустить къ нарушенію тѣхъ правъ, которыя обществу были предоставлены закономъ. Его дѣятельность большею частию была отрицательнаго характера—не допускать до посягательства на общественный интересъ. Въ то блаженное время, когда всякій могъ безнаказанно поизирать и тѣ микроскопическіе права которыми тогда обладали евреи чрез-

вычайно важно было заступничество человѣка съ вліяніемъ и силой. Правда, чтобы не возбуждать противъ евреевъ тѣхъ, которые могли имъ докучать, онъ пользовался своею властью благоразумно, не щадилъ и тѣхъ миролюбивыхъ орудій укрощенія, которыя тогда были въ большемъ ходу, и дѣлалъ всегда это такъ безобидно и съ такою деликатностью, что даже тѣ, которые должны были уступать ему дорогу, прощали ему его вышпательство. Если же кто въ справедливомъ дѣлѣ ему препятствовалъ, тогда онъ дѣлался грозенъ, несговорчивъ, неумолимъ. Тогда уже не щадилъ онъ никакихъ рѣшительно средствъ ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ, и горе тому, кто выказывалъ упорство, или сопротивлялся его волѣ. Съ своего балкона этотъ еврей давалъ чувствовать свои когти самому вліятельному противнику. Всѣ знали, что неудачъ у него не было: онъ или не начиналъ, или же, когда рѣшался на дѣло, то успѣхъ былъ заранѣе рассчитанъ математически вѣрно.

Во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ на собственный страхъ и рискъ. Необходимо только было, чтобы онъ получилъ сознаніе о пользѣ дѣла, а разъ это сознаніе было, онъ подчасъ не жалѣлъ затратить на него и сотни тысячъ. Всѣ знаютъ, что въ тогдашнихъ дѣлахъ о выселеніи евреевъ изъ деревень и раздѣленіи евреевъ на разряды онъ былъ единственнымъ, неумолимымъ борцомъ за всѣхъ евреевъ Россіи, никого въ дѣло не посвящая, чтобы избѣгнуть гласности. Кто вызвалъ на свѣтъ безчисленныя жалобы помѣщиковъ объ угрожающемъ развореніи въ случаѣ приведенія въ исполненіе сказанныхъ мѣръ, если не онъ, все тотъ же І. И. ? А эти мѣры вѣдь должны были повлечь за собою непоправимыя бѣдствія для русскихъ евреевъ, въ особенности мѣра о раздѣленіи евреевъ на разряды, вслѣдствіе которой почти 75% всѣхъ евреевъ должны были превратиться въ формально признанныхъ тунеядцевъ и безъ суда вассалить собою необозримыя степи Сибири. Одинъ І. И., безъ совѣщаній съ кѣмъ-либо, своимъ собственнымъ вліяніемъ и неумолимой, всеокружающей энергіей, своими средствами, своимъ философскимъ благоразуміемъ останавливалъ приведеніе въ дѣйствіе злополучныхъ для народа мѣръ, достигая каждый разъ все новыхъ и новыхъ отсрочекъ. Мнѣ въ семидесятые годы удалось читать подлинныя оффиціальныя документы, изъ которыхъ видно было, что другая, также въ то время непреклонная воля вы-

ражала недоумѣніе по поводу того, что какая-то невѣдомая, таинственная сила задерживаетъ осуществленіе желательной мѣры. Этой таинственной силой былъ не кто иной, какъ І. И., который систематически работалъ, руководимый исключительно идеей о народномъ благѣ. Такая работа для него была тѣмъ труднѣе, что онъ не имѣлъ никакого европейскаго образованія, долженъ былъ прибѣгать къ чужой помощи, большею частью не евреевъ, такъ какъ евреи не должны были объ этомъ знать (могли изъ ревности помѣшать дѣлу), вести организованную атаку по всѣмъ пунктамъ, направлять на эту атаку крупныя силы, а самому стоять въ далекой дали и не быть никѣмъ замѣченнымъ не только чужими, но и своими.

Послѣ такой дѣятельности нечего удивляться тому, что во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ, онъ, какъ справедливо говорить Громека, выдвигался на первый планъ: народъ знаетъ, что въ такихъ случаяхъ есть благодѣтель и утѣшитель, и, являясь на «балконъ», твердо былъ увѣренъ въ томъ, что не уйдетъ безъ благодѣяній и утѣшеній. Въ этомъ заключался весь смыслъ народнаго предъ нимъ благоговѣнія. Съ этимъ благоговѣніемъ могло развѣ сравниться одно только благоговѣніе литовскаго простолюдина еврея предъ своимъ раввиномъ. Ивончикъ-литовецъ, на вопросъ мой, есть-ли у нихъ раввины, со вздохомъ отвѣтилъ: еще какіе есть, баринъ! — А какіе-же такіе у васъ есть на Литвѣ раввины? спросилъ я его. — Я разъ, говоритъ онъ, занелъ къ своему раввину (какъ оказалось — это былъ раввинъ Ицхокъ Элкнонъ) за разрѣшеніемъ религіознаго вопроса, и что-же вы думаете?—я обомлѣлъ: я увидѣлъ, какъ надъ нимъ сіяло (онъ хотѣлъ, очевидно, выразить, что увидѣлъ сіяющую надъ его головой «шину»), и не могъ произнести ни одного слова.— Что-же такое сіяло? продолжалъ я разспрашивать.—Что тутъ вамъ сказать, баринъ (онъ меня принималъ за нееврея), я съ вами недостойны того, чтобы о немъ разговаривать.— При этомъ онъ испустилъ глубокій вздохъ, и больше я отъ него не могъ добиться ни одного слова объ этомъ раввинѣ. Если-бы волынца спросили о свѣтской особѣ І. И., онъ-бы, безъ сомнѣнія, сказалъ то же, что литовецъ о своемъ раввинѣ, съ тою только разницею, что онъ-бы при этомъ прослезился и прибавилъ-бы: развѣ есть еще одинъ такой еврей на бѣломъ свѣтѣ? Литовецъ познаетъ умомъ и воображеніемъ; волынecъ — чутъемъ и задушевностью.

Но если I. И. былъ надѣленъ всѣми дарованіями, необходимыми для борьбы на общественной аренѣ, онъ нерѣдко пользовался ими и во вредъ своему народу, если посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія культурнаго человѣка. Онъ враждебно относился къ просвѣщенію евреевъ и имѣлъ къ тому серьезныя основанія по своимъ воззрѣніямъ. Онъ судилъ о просвѣщеніи по тому типу образованныхъ евреевъ, которыхъ онъ имѣлъ предъ своими глазами. Тутъ мы должны вспомнить о тѣхъ дѣятеляхъ, которые внушили ему презрительное отношеніе къ просвѣщенному еврею, а чрезъ него къ самому просвѣщенію. Въ тѣ времена еврей, вкусившій плоды просвѣщенія, первымъ долгомъ считалъ выдѣлиться изъ среды своихъ единовѣрцевъ, открыто и публично нарушать священныя традиціи, допускать вольности всякаго рода, даже выходящія за предѣлы нравственности. Просвѣщенный бѣднякъ скрывалъ кое-какъ свои дѣйствія, расходившіяся съ вѣрованіями предковъ; но просвѣщенный богатъ ничѣмъ не стѣснялся, все дѣлалъ на виду всѣхъ. Если-бы его поступки касались только сферы религіи, на нихъ можно было-бы смотрѣть какъ на проявленіе искренности убѣжденій. Но они очень часто вторгались въ нравственную сферу, и, не гармонируя съ принципами человѣка реформы, набрасывали мрачную тѣнь на просвѣщеніе, которое наблюдатели со стороны считали источникомъ аномальныхъ отступленій отъ законовъ нравственности. Если такіе поступки вносили еще раздоры въ семейную среду, если семейные раздоры дѣлались гласными, то нужно-ли было имѣть еще болѣе наглядныхъ доказательствъ противъ пользы просвѣщенія? Ко всему этому еще прибавлялось полнѣйшее равнодушіе къ общественному интересу, прерваніе всякихъ узъ, связывавшихъ просвѣщеннаго еврея съ его единовѣрцами и открытое противодѣйствіе всему тому, что уважалось народнымъ воззрѣніемъ. Просвѣщенные евреи того времени справедливо, какъ увидимъ ниже, получили кличку «кофейники», «пустъ - Виргиліи», «огаркофды» и т. п., которая указывала на поверхностное, легкомысленное отношеніе къ своему положенію. Не было ни одного авторитетнаго имени, ни одного человѣка съ серьезнымъ, научнымъ образованіемъ, который могъ-бы направить въ хорошую сторону пробуждавшіеся просвѣтительскіе инстинкты. Какое значеніе могли имѣть такіе просвѣтители въ глазахъ умнаго, практическаго философа и истиннаго радѣтеля о народномъ

благѣ, какимъ былъ І. И.? Они, конечно, не могли ему импортировать своимъ верхоглядствомъ, отчужденностью и враждебнымъ направлениемъ противъ всего еврейскаго. То, что должно было случиться, случилось: онъ объявилъ имъ войну, войну всему просвѣщенію. Психологически такой исходъ былъ немѣлжителенъ. Противникомъ І. И. сдѣлался человекъ, получившій поверхностное образованіе и отличавшійся всеми качествами своего типа. Во главѣ партіи онъ сталъ, благодаря своему богатству и положенію въ обществѣ, а не потому, чтобы онъ имѣлъ какія-нибудь нравственныя заслуги. Вся его партія состояла изъ нѣсколькихъ людей, изъ которыхъ одни, какъ люди зависимые, дѣйствовали тайно, а другіе, хотя независимые, были мало энергичны и дѣйствовали при томъ разрознено и безъ всякой системы. Если на полѣ битвы имъ какая-либо побѣда удавалась, то ею партія обязана была какому-нибудь случаю, или тѣмъ двумъ, тремъ шагамъ впередъ, которые ей охотно уступалъ І. И. съ цѣлью крѣпче съ нею схватиться и здорово побить. Глава просвѣщенной партіи главною цѣлю борьбы считалъ не достиженіе общественныхъ цѣлей, какой девизъ ярко красовался на знамени І. И., а личное пораженіе самого І. И., подрываніе его кредита въ глазахъ правительства, а главное — въ финансовомъ мірѣ, словомъ устранить его съ «балкона».

Зная шаги своихъ противниковъ (для этого онъ предпринималъ различныя мѣры), І. И. отражалъ ихъ ловкими ударами. Когда вышелъ законъ о перемѣнѣ еврейскаго покрова платья на нѣмецкій, просвѣщенная партія рѣшила заявить начальству о томъ, что этой благой мѣрѣ будетъ препятствовать мракобѣсіе І. И-ча. Предупреждая этотъ шагъ, І. И. чрезъ городничаго заявилъ, что жертвуетъ нѣсколько тысячъ аршинъ сукна для того, чтобы предоставить бѣднымъ евреямъ возможность скорѣе примѣнить благодѣтельную мѣру правительства. Отъ генералъ-губернатора послѣдовала благодарность І. И-чу за такое просвѣщенное вниманіе къ правительственнымъ мѣрамъ, и можно себя представить, какими глазами тотъ-же генералъ-губернаторъ посмотрѣлъ на запоздавшее, задержанное опытною рукою І. И., заявленіе просвѣщенной партіи о противодѣйствіи со стороны І. И. мѣрамъ правительства. Это былъ первый ударъ, по которому противники вкусили остріе когтей І. И-ча.

Наступила счастливая пора, когда императоръ Николай I

рѣшили подготовить евреевъ къ гражданственности путемъ образованія. Въ еврейской столицѣ должны были учредиться два казенныхъ училища. Очень долго хлопотала просвѣщенная партія объ открытіи этихъ училищъ, но безуспѣшно: въ городѣ нигдѣ не оказывалось помѣщенія для нихъ. На этотъ разъ просвѣщенная партія одержала верхъ. Она успѣла; при содѣйствіи учебнаго начальства, съ которымъ І. И. еще не успѣлъ завести знакомства, тайно сговориться съ однимъ домовладѣльцемъ, выстроившимъ большой каменный домъ, уступить помѣщеніе, которое и было нанято. Іос. Из., закусивъ губы, раскрылъ себѣ настежь двери къ учебному начальству, гдѣ проводилъ свои взгляды съ такимъ-же успѣхомъ, какъ въ другихъ вѣдомствахъ. Началось съ того, что во дворѣ зданія, гдѣ помѣщалось училище, поставили громадный колоколъ для совыва учениковъ. Евреи усмотрѣли въ этомъ приравненіе училища къ костелу и завопили. Просвѣщенная партія усмотрѣла въ этомъ воплѣ желаніе подкопаться подъ основы просвѣщенія и ухватилась обѣими руками за колоколъ. Но чрезъ нѣсколько дней колоколъ былъ снятъ, и ученики преисправно посѣщали школу безъ колокола. Въ самой школѣ на торжественныхъ актахъ, неизвѣстно было, кто занималъ первое мѣсто—городничій-ли Громека, уѣздный ли судья, или І. И.—чѣ. Городничій и судья, выдающійся въ то время человекъ, энергически экзаменовали по общимъ предметамъ, а І. И.—по еврейскимъ. Вообще І. И. и здѣсь давалъ пожертвованія щедрою рукою, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе въ противодѣйствіи успѣхамъ просвѣщенія, а просвѣщенная партія играла въ школѣ несовсѣмъ видную роль, какая бы подобала ей по внѣшнему призванію.

Просвѣщенная партія подвергалась съ его стороны строгому контролю. По субботамъ эта партія собиралась бывало за городъ отвести душу на хуторѣ Рахили. Тамъ позволяли себѣ курить и играть въ карты, пить трефное кофе. Это у І. И. считалось преступленіемъ: публичное нарушеніе заповѣди о субботнемъ днѣ, который настоящій еврей долженъ проводить въ благочестивомъ чтеніи и въ заботахъ о своей душѣ. Кромѣ того, всѣ члены этой партіи были женатые люди, а тамъ на хуторѣ возможны были разные вольности, которыя въ особенности претили І. И.—чу. Знать субботнія походы просвѣщенной партіи не составляло предметъ простаго любопытства со стороны І. И.: онъ, такимъ образомъ,

изучалъ характеръ своихъ противниковъ, а при случаѣ, бывало, зло шутилъ надъ ними. У него насчетъ хутора состоялъ въ должности особый адъютантъ подъ названіемъ «глухой Каця». Онъ былъ человѣкъ грамотный, самъ эпикуреецъ, способный нарушить не только заповѣдь о субботнемъ днѣ, но и всякую другую. Но ему все прощалось, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ снаряжать въ субботу на хуторъ еврея въ ермолекѣ и съ пейсами. И вотъ этотъ Каця, наблюдая просвѣщенную партію по субботамъ, сообщалъ по воскресеньямъ I. И—чу о томъ, кто сколько папирозъ выкурилъ, кто сколько чашекъ кофе выпилъ, кто и сколько въ карты игралъ, кто пустословилъ съ бабами и т. п. По воскреснымъ днямъ I. И. выжидалъ уже глухого докладчика, чтобъ выслушать его рапортъ. Разъ случилось, что Каця, будучи очень занятъ (онъ-же былъ сочинителемъ разныхъ ябедъ), куда-то спѣшилъ, пробираясь по «золотой» такъ, чтобы I. И. его не замѣтилъ. Но зоркій взглядъ банкира отыскалъ его въ тысячной толпѣ, и съ балкона раздался могучій голосъ I. И—ча: «Каця, Каця!» Но Каця, слѣша, очевидно, по экстренному дѣлу, обернулся лицомъ къ I. И—чу и, размахивая руками по направленію къ нему, закричалъ во все горло: «курять, курять!» и пробрался дальше, исчезнувъ въ толпѣ.

Кромѣ Каци, у I. И—ча состоялъ въ качествѣ личнаго адъютанта нѣкто Гершъ-Мееръ-Гелдъ, о которомъ упоминаетъ Громека, и уполномоченный по дѣламъ. Безъ перваго онъ никуда—ни шагу. Гершъ-Мееръ его забавлялъ въ минуты отдыха и его сопровождалъ всюду. Въ пятницу днемъ I. И. имѣлъ обыкновеніе ѣздить къ замужнимъ дочерямъ пробовать субботнюю рыбу. Онъ не держалъ собственныхъ лошадей, потому что привыкъ къ простотѣ и роскоши не любилъ. Разѣжая на простомъ биржевомъ извожикѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, обращалъ на себя вниманіе народа, который почтительно уступалъ ему дорогу. По всему пути раздавался шопотъ: «ѣдетъ ребъ Іаковъ-Іося, вотъ, вотъ смотрите!» Гершъ-Мееръ тутъ-же одесную, считая себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, позволялъ творить надъ собою разные шутки и выходы весело настроенному I. И—чу. Но Гершъ-Мееръ не игралъ никакой роли общественной. Какъ личный адъютантъ I. И., онъ только состоялъ при немъ, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла. Много-много, если ему когда-нибудь, пользуясь распо-

ложениемъ духа своего патрона, удавалось замолвить за кого-нибудь пару словъ.

Грозивъ Гершъ-Меера былъ уполномоченный I. И. Какъ представитель общественныхъ интересовъ, онъ отличался собственнымъ виднымъ положениемъ, импонировалъ своей фигурой, умѣлъ говорить и писать по русски, былъ одѣтъ по нѣмецки, а главное отличался неслыханнымъ нахальствомъ. Онъ умѣлъ обуздывать во-время начальство или кроткими мѣрами, или именемъ I. И. Онъ былъ настолько представителемъ, что могъ являться въ губернію, предстать предъ генераль-губернаторомъ, а въ нужныхъ случаяхъ отправлялся также въ Петербургъ. Все это дѣлалось незамѣтно, такъ что о пребываніи уполномоченнаго въ губерніи или въ столицѣ узнавали лишь послѣ того, какъ обнаруживались послѣдствія его отсутствія. Когда въ городѣ происходили какіе либо выборы на общественныя должности, уполномоченный присутствовалъ на нихъ, занимая мѣсто рядомъ съ городничимъ и страпчимъ. Своимъ присутствіемъ онъ регулировалъ правильность выбора въ пользу кандидата, выставленнаго I. И.—чемъ. Когда выборы касались должностей, коими заинтересована была и просвѣщенная партія, какъ напр. должность раввина, почетнаго блюстителя и т. п., являлся уполномоченный и отъ этой партіи. Но это не былъ специалистъ своего дѣла, а случайный дѣятель, совершенно незнакомый съ выборною махинаціей. Онъ также занималъ почетное мѣсто, но не имѣлъ инициативы, всегда дѣлалъ возраженія противъ заявленій уполномоченнаго отъ I. И., но они ни къ чему не клонились, а выражали собою лишь протестъ, голословный и неосмысленный. Въ такихъ случаяхъ выборы принимали острый характеръ, агитація и подкупы были явны, на глазахъ у всѣхъ, и едвали «гнилыя мѣстечки» могутъ хвастаться болѣе беспорядочными выборами, чѣмъ тѣ, которые происходили въ столицѣ юго-западнаго края при партійной агитаціи. Побѣдителемъ, разумѣется, всегда выходилъ I. И., благодаря усвоенной системѣ и удовлетворительной организаціи дѣла,

Всѣ совѣщанія по общественнымъ дѣламъ, обыкновенно, ничѣмъ не оканчивались. Могли приходиться къ какому угодно заключенію, оно не приводилось въ исполненіе, когда оно не совпадало съ мнѣніемъ I. И. О безрезультатности общественныхъ совѣщаній циркулировалъ весьма мѣткій анекдотъ. Въ столицѣ юго-западнаго края въ то отдаленное, доброе время

жить нѣкто Шимонъ-душитель. Его занятіе состояло не болѣе, не менѣе какъ въ томъ, что онъ душилъ кипяченнымъ пшеномъ маленькихъ дѣтей, незаконнорожденныхъ, которыя отдавались ему для такого воспитанія. Это мало занимало общественное мнѣніе, которое считало это дѣло подсуднымъ полиціи. Но оно интересовалось вотъ чѣмъ: Шимонъ-душитель вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежалъ къ кастѣ жрецовъ. Это тоже не было бы бѣдой, если бы Шимонъ-душитель не продолжалъ жить съ разведенною женщиною, что до сихъ поръ запрещается еврейскимъ закономъ. Для искорененія этого зла во Израилѣ собирались для совѣщаній, которыя, правда, долго длились, но ничѣмъ положительнымъ не оканчивались. Когда, послѣ такихъ совѣщаній, интересовались знать, чѣмъ они окончились, всегда получали одинъ отвѣтъ: «Шимонъ-душитель продолжаетъ жить съ разведенною женщиною». Этотъ отвѣтъ перенесенъ былъ въ послѣдствіи на всякое совѣщаніе, которое ни къ чему не вело. На вопросъ: «чѣмъ кончились совѣщанія о выборѣ раввина, о посылкѣ депутаціи и т. п.?» всегда готовъ былъ одинъ и тотъ-же стереотипный отвѣтъ: «Шимонъ-душитель живетъ съ разведенною женщиною!»

Къ характеристикѣ того времени не могу не передать слѣдующаго факта моего личнаго знакомства съ І. И., хотя забѣгаю нѣсколько впередъ. Когда я уже былъ въ 6-мъ классѣ раввинскаго училища, І. И. чрезъ одного изъ учителей мѣстнаго казеннаго училища, Ш. Кулишера, выразилъ желаніе видѣть меня. Я согласился и отправился на балконъ въ сопровожденіи учителя. Евреи на балконѣ всѣ разступились, давъ мнѣ дорогу. Это сдѣлано было, какъ я узналъ послѣ, потому, что я носилъ бывшую тогда въ большой модѣ такъ называемую патріотку на подкладкѣ изъ краснаго сукна, и они, бѣдные, были введены въ заблужденіе и думали, что это молодой генералъ изъ самаго Петербурга. При входѣ въ контору съ довольно простою обстановкою, я замѣтилъ приближающагося ко мнѣ человѣка, который подаль мнѣ руку и указалъ стулъ противъ себя. Это былъ І. И., человѣкъ средняго роста, въ длиннополомъ вицунѣ, съ ермолкой на головѣ. Очки были засунуты на лобъ, а глаза, освобожденные отъ очковъ, сверкали умомъ. Мнѣ казалось, что онъ пронизываетъ меня насквозь. Освѣдомившись о раввинскомъ училищѣ довольно деликатнымъ образомъ, онъ началъ говорить о ложномъ положеніи, въ какое ставитъ себя просвѣщенная партія.

Увѣряя меня, что онъ ничего не имѣетъ противъ образованныхъ евреевъ, онъ выразилъ только желаніе, чтобы они относились съ большей терпимостью къ вѣрваніямъ народа. По временамъ онъ меня очаровывалъ мягкостью своей рѣчи и живою энергіей. Въ немъ все говорило, и рѣчь его пластично отражалась на его тѣлодвиженіяхъ. Кромѣ глазъ, мнѣ казалось, онъ устремлялъ на меня и умственные взоры, которые шли отъ мозга сквозь надвинутыя на лобъ очки. Я ему объяснилъ, что истинное образованіе ничего противъ народныхъ вѣрваній не имѣетъ и что тѣ образцы, которые онъ имѣетъ предъ своими глазами, ничего общаго съ образованіемъ не имѣютъ.

— Развѣ они когда-нибудь думаютъ о народѣ своемъ?— заговорилъ онъ съ укоромъ и, приходя въ нѣкоторое воодушевленіе и снявъ очки со лба, сказалъ: — развѣ вы, молодой человѣкъ, имѣете представленіе о томъ, что было-бы съ нашими евреями, если-бы осуществилась мѣра о разрядахъ? Я душой страдалъ за нихъ, я по ночамъ не спалъ, я работалъ, употребилъ всѣ усилія, пока не устранилъ этой гзейры. Развѣ кто-нибудь изъ этихъ прощальгъ участвовалъ со мною въ этой работѣ? Какое право они имѣютъ считать себя представителями народа? Я выстрадалъ его горе, и вы, конечно, знаете, съ кѣмъ я велъ борьбу, — а перевѣсъ остался на моей сторонѣ. Слава Богу, — вздохнулъ онъ глубоко, — что онъ одарилъ меня энергіей бороться, я былъ только Его уполномоченнымъ.

Я тогда имѣлъ еще весьма слабое представленіе о разрядахъ, но мѣра о нихъ носилась тогда въ воздухѣ какъ нѣчто грозное. Я былъ глубоко тронутъ энергичною рѣчью истиннаго еврея. Но онъ лихорадочно переходилъ отъ предмета къ предмету. Видно было, что онъ желалъ воспользоваться минутой, чтобы излить свою душу.

— Читали вы, что писалъ обо мнѣ Громека?—вдругъ спросилъ онъ, давая быстрый оборотъ своей рѣчи.

— Кто не читалъ его статьи? Она облетѣла всю Россію.

— Какъ онъ меня изобразилъ тамъ,—я себя не узналъ. Онъ былъ здѣсь послѣ этого, явился ко мнѣ и извинился предо мною въ томъ, что невѣрное изображеніе есть результатъ сокращеній и измѣненій, допущенныхъ произвольно редакціей. Не вѣрю я этому (послѣ появился, однако, отвѣтъ Громеки, гдѣ дѣйствительно указывается на это публично). Со всѣхъ сторонъ неискренность, и только. Если вы дѣйстви-

тельно знаете эту пресвѣщенную партію, то не ступайте по ея слѣдамъ,—она васъ заведетъ Богъ знаетъ куда.

Я всталъ и заявилъ, что не желаю болѣе задерживать его, такъ какъ просидѣлъ больше часа. Онъ протянулъ мнѣ руку и проводилъ до дверей. При выходѣ на балконъ евреи обступили меня, протягивая руки, и произносили «Шулום алейхемъ» (миръ вамъ). Они узнали между тѣмъ, что я ихъ единовѣрецъ и уроженецъ того же города.

Уходя, я долго находился подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ происходившаго и товарищамъ съ большимъ воодушевленіемъ передавалъ содержаніе бесѣды. Но я, къ сожалѣнію, не исполнилъ его совѣта; какъ молодой человѣкъ, увлеченный господствовавшимъ теченіемъ эпохи, смотрѣвшій тогда на себя какъ на будущаго реформатора, я всецѣло присталъ къ пресвѣщенной партіи и, думая спасти еврейство отъ когтей І. И., первый, еще будучи въ Раввинскомъ училищѣ, написалъ статью въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» противъ дѣятельности народнаго борца. Если эта статья хоть чѣмъ-нибудь повредила его чести и хотя насколько нибудь повліяла на перемѣну о немъ взгляда гдѣ бы то ни было, то я публично въ этомъ каюсь. Я былъ еще очень молодъ, чтобы умѣть цѣнить такого человѣка. Лишь послѣ того, какъ я получилъ болѣе серьезное, научное развитіе и сталъ оглядываться среди дѣятелей еврейства, я глубоко жалѣлъ о томъ, что его уже нѣтъ, и далъ бы очень многое за то, чтобы его воскресить, восстановить его репутацію и вручить ему знамя борьбы съ клятвою въ преданности его дѣлу.

Когда вспоминаю теперь, какой конецъ постигъ этого героя эпохи, при какихъ условіяхъ онъ сошелъ въ могилу, сердце мое обливается кровью и никогда безъ ужаса не проникаю въ область этихъ воспоминаній. Человѣкъ, державшій въ рукахъ бразды правленія, предписывавшій другимъ законы, боровшійся съ успѣхомъ противъ сильныхъ міра сего не за себя, а за народъ свой,—этотъ человѣкъ окончилъ жизнь свою въ тюрьмѣ, одинокій, оставленный всѣми, и лишь предъ смертью, какъ мнѣ передавали, перенесли его на тюремной койкѣ куда-то, но не въ свой домашній очагъ, чтобы не дать ему умереть среди преступниковъ. Никто кромѣ меня не въ состояніи понять всего трагизма этого положенія. І. И. умеръ героически, какъ героически жилъ. Никто не украшалъ его гроба вѣнками, никто не проронилъ

народной слезы; бездушная толпа, за которую онъ страдалъ, измучился и погибъ, не помянула его добрымъ словомъ. Мнѣ передавали также, что когда онъ заболѣлъ въ тюрьмѣ и находился еще въ сознаниі, безжалостные кредиторы предложили ему освобожденіе. Но онъ презрительно отвергъ это предложеніе и выразилъ желаніе испить горькую чашу до дна: его гордая душа не позволяла ему пользоваться снисхожденіемъ и онъ предоставилъ противникамъ наслаждаться до конца страданіями своей жертвы. По истинѣ герой!

Кто же былъ виновникомъ такого печальнаго конца чело-вѣка, который заслуживалъ скорѣе лавроваго, чѣмъ терноваго вѣнка? Конечно, просвѣщенная партія! Представитель ея и сподвижники его на контрактахъ въ Кіевѣ ловко успѣли распуснуть слухи о томъ, что дѣла его пошатнулись; всѣ начали сразу требовать платежей, вкладовъ и т. д. Сколько можно было, онъ выплатилъ, а затѣмъ машина остановилась. Съ паденіемъ такого столпа произошло разрушеніе многихъ дѣлъ и развореніе тысячи людей. I. И. объявленъ былъ несостоятельнымъ, и безжалостные кредиторы заточили его въ темницу. Я не представилъ здѣсь полной характеристики этой просвѣщенной партіи изъ уваженія къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя выдѣлялись въ ея средѣ, въ особенности же изъ уваженія къ особѣ женскаго пола, которая была страдальцею этой среды и съ большимъ трудомъ изъ нея вышла. Эта женщина тогда еще дѣлала большую честь евреямъ своимъ образованіемъ и манерами. Она вышла изъ совершенно другой среды, воспитана была на иныхъ началахъ, отличалась чертами, свидѣтельствовавшими о благородствѣ души и истинномъ просвѣщеніи. Ее еще впоследствии знавалъ Н. И. Пироговъ, который любилъ съ нею бесѣдовать о разныхъ общественныхъ вопросахъ. Принадлежа къ аристократическому кругу, она никакъ не была похожа на современныхъ намъ аристократокъ (объ отдѣльныхъ исключеніяхъ не говорять), которыя чванятся своею чопорностью, кичатся обстановкой, всю жизнь пустословятъ, окружая себя мужчинами, прикованными къ зеленому столу и отпускающими самыя плоскія шутки, принимаемыя ими за остроуміе. Она была блестящей жемчужиной среди кучи мусора, который ее окружалъ, но могла-бы остаться такою-же и среди болѣе облагоустроенной обстановки. Всѣ симпатизировали ей, всѣ молча страдали съ ней. О, если бы теперь въ аристократическомъ кругѣ появи-

лась такая женщина, она бы дала совершенно иное направленіе и тонъ всему обществу, дамы перестали бы думать объ одномъ декорумѣ, а интересовались-бы и внутреннимъ міромъ челоуѣка, и въ обществѣ не господствовала бы такая смѣсь китайскаго съ нижегородскимъ, объединеніе которыхъ возможно лишь на длинной шеренгѣ столовъ съ зеленымъ сукномъ. Къ счастью для евреевъ, средній классъ составляетъ здоровый контингентъ, и выдающіяся женщины въ этой сферѣ работаютъ на пользу народа. Ихъ-то и слѣдуетъ считать аристократами ума и сердца, т. е. настоящими аристократами.

Я уклонился нѣсколько въ сторону, благодаря ассоціаціи идей, противъ которой ничего не подѣлаешь. Я ознакомилъ съ личностью, дѣятельность которой характеризуетъ тогдашнюю эпоху со всѣми ея условіями и обстановкой. I. И. былъ самъ продуктомъ этой эпохи и расплатился съ нею, ставъ также ея творцомъ. Условія времени влияют, конечно, на личность; но личность энергичная, проницательная, воспримчивая и даровитая, уразумѣвъ духъ времени, усвоивъ себѣ широкій взглядъ на окружающее, сосредоточивая въ себѣ глубокое сознание о необходимости выйти изъ страдательнаго положенія, раскрываетъ свои силы и отдаетъ ихъ воцѣло на служеніе общественному дѣлу и тогда она сама становится творцомъ, руководящимъ той самой эпохою, которая ее вызвала къ жизни. Такою личностью былъ и I. И-чъ, но сфера, въ которой онъ дѣйствовалъ, была сама по себѣ ограничена и, увлекая его, вызвала съ его стороны дѣятельность, по неволѣ одностороннюю, но которая могла-бы разростись и принять совершенно иное направленіе въ эпоху болѣе свободную и при условіяхъ такой жизни, которая представляла-бы болѣе широкое поприще для дѣятельности. Теперь-то и не достааетъ русскимъ евреямъ такого именно I. И-ча, но съ болѣе просвѣщенною душою и болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь.

И. Мергулисъ.

(Продолженіе будетъ).

СЕНДЕРЪ ГЛАТЪЙЗЪ.

РОМАНЪ К. Э. ФРАНЦОЗА.

Переводъ съ рукописи.

КНИГА ПЯТАЯ.

Г¹.

Мрачный день Очищенія уже прошелъ; миговалъ и свѣтлый праздникъ Кущей; солнце еще грѣло почти какъ лѣтомъ, небо было безоблачно; но у барновскихъ евреевъ начался уже зимній сезонъ, такъ какъ они въ своей жизни сообразовались не съ природой, а съ постановленіями вѣри. Всѣ сидѣли по домамъ, думая о томъ, какъ лучше провести зиму за работою, которая обыкновенно исполнялась до праздника Пасхи. Вечернія прогулки по улицамъ прекратились, не за то сосѣди чаще посѣщали другъ друга, и вечеромъ въ субботу домъ каждаго богатаго еврея былъ радушно открытъ для гостей.

Сендеръ однако нигдѣ не показывался, да его никто и не приглашалъ. Хотя не всѣ раздѣляли мнѣніе его врага Иссеи Альпенрота, что онъ составляетъ „позоръ для Израиля“, однако гетто было настроено къ нему недружелюбно, пожалуй даже враждебно, чѣмъ весною. Ухаживать за молодой дѣвушкой съ незапятнанной репутаціею и не жениться на ней признается евреями столь-же преступнымъ, какъ читать тайкомъ нѣмецкія книги. Нѣкоторые обвиняли Иосифа Грюна, допустившаго эту исторію; но Сендера осуждали всѣ въ одинъ голосъ. Когда-же это-нибудь высказывалъ

¹ См. „Восходъ“, кн. I, 1895 г.

ему неодобреніе по этому поводу въ конторѣ или въ синагогѣ, онъ не оправдывался, а только отвѣчалъ: „Вы правы, надо было раньше подумать. Но теперь ничего не поделаешь“. Разъ какъ-то Нафтали Риттерштойль сказалъ ему даже: „Если ты еще и десять разъ выиграешь въ лоттерей, все-таки ни одинъ корячонный еврей не отдастъ за тебя дочь“.

Только двое молчали, хотя они и были сильнѣе всего заинтересованы. Маршалекъ ругался въ тотъ вечеръ, когда Сендеръ сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи. Онъ всячески уговаривалъ его, но впоследствии уже не упрекалъ его. Мало того, онъ всегда незаметно удалялся, когда другіе въ его присутствіи бранили Сендера, и продолжалъ посѣщать какъ ни въ чемъ не бывало домикъ у заставы, гдѣ теперь было пустынно, какъ на необитаемомъ островѣ. Приходя туда, онъ выслушалъ обитателей домика всѣ свои новости, — вѣдь они такъ нуждались въ развлеченіи. Но его искусство оказывалось безразличнымъ: Роза едва слушала его, а Сендеръ лишь слабо улыбался изъ вѣжливости.

— Не будьте съ нимъ слишкомъ строги, — сказалъ однажды Туркингальбъ Росъ.

— Я ему не говорю ни слова, — отвѣтила она.

„Оба они знаютъ правду, думалъ Сендеръ, но я не виноватъ“. Однако онъ ошибался.

Маршалекъ думалъ съ раздраженіемъ: „Вестыдница, быть можетъ, рассказала ему о своемъ Веригардѣ“. Но у матери было другое подозрѣніе. „У него есть что-то на умѣ, думала она. Богъ знаетъ, что это такое. Я чувствую, что онъ выкинетъ нѣчто несмысленное. Сначала дѣвушка соглашалась, а въ послѣднюю минуту отказала ему, и онъ предпочелъ разстаться съ нею, чѣмъ съ своими планами“. Сердце ея было полно тревоги и раздраженія. Однако, глядя на него, она глубоко его жалѣла. „Онъ въ отчаяніи, — думала она: — и если я буду его попрекать, то онъ, пожалуй, еще сбѣжитъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, плохо приходилось Сендеру въ это время.

У него была только одна мысль, одно чувство: „лучше умереть, чѣмъ жить безъ нея“. Бывали минуты, когда онъ бѣжалъ къ ней и обвинялъ ее въ коварствѣ. У нея, вѣдь, какъ выразились Ютта, во всемъ расудомъ. Иногда онъ ропталъ ее съ „этого доктору“, но большую часть только выдыхалъ: „Она права; но что же мнѣ теперь дѣлать?“ Голубые глаза неоступно преслѣдовали его, а въ ушахъ раздавался ей сладкій голосъ. Ему слышался этотъ голосъ даже съвозъ брань Довидля и въ словахъ патера Маріана, хотя онъ его слушалъ съ большаго вниманіемъ.

Чтеніе въ библіотекѣ снова возобновилось. Старый монахъ встрѣтилъ его очень пріятливо и занялся теперь съ нимъ особенно усердно. Онъ не зналъ, почему молодой еврей такъ поблѣднѣлъ за послѣднее время, ни о чемъ его не спрашивалъ; для него было достаточно, что онъ очевидно теперь еще больше нуждался въ его помощи. Когда Сендеръ выражалъ ему свою благодарность, онъ отвѣчалъ слѣдующимъ: „Вѣдь это съ моей стороны только эгоизмъ: дѣлать мнѣ нечего, даже замаливать грѣхи больше не приходится“. Новый настоятель хотя не былъ ученымъ человѣкомъ или вольнодумцемъ, однако проявлялъ большую терпимость и по возможности облегчалъ участь знаменитаго брата, книга котораго о нравственномъ ученіи христіанства надѣлала такъ много шума; но предоставить ему дѣятельность въ школѣ или по исполненію требъ было не въ его власти. „Эгоизмъ, — вотъ къ чему сводится весь мой трудъ, а вѣдь безъ труда жить нельзя“.

Сначала эти слова казались Сендеру непонятными. Онъ готовъ былъ работать: у него вѣдь не было другой цѣли въ жизни. Но развѣ работа могла разсвѣтать его горе? Однако постепенно онъ начиналъ находить въ ней утѣшеніе. Отъ „Разбойниковъ“ они уже перешли къ чтенію „Фіеско“. Сендеръ дѣлалъ быстрые успѣхи, и патеръ часто удивлялся, какъ мѣтко онъ улавливалъ характеристическія черты чуждой ему жизни, напримѣръ венеціанской въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Еще болѣе поражала его способность Сендера понимать характеры людей и психологическія положенія. Въ ко-

интересныхъ надоразумѣнiяхъ поспешно не было недостатка, но сущности того, что когда изобразить авторъ, онъ схватывалъ почти всегда вѣрно. „Браво!—пошмыгать его старикъ.—Я думаю, что изъ тебя выйдетъ толкъ“,—и взгляды загибъ онъ продолжалъ еще усерднѣе съ нимъ заниматься, не поддѣрывая, какими благодѣянiемъ были эти занятiя для его ученика именно въ этотъ моментъ его жизни. Чувство отчаянiя смѣнилось тихою грустью, а иногда Сендеръ испытывалъ даже радость при мысли о томъ, чего онъ лишился. „Я былъ бы гораздо несчастнѣе, еслибы приобрѣлъ ее, но долженъ былъ бы отказаться отъ своей цѣли. Добрая Ютта утѣшала меня тѣмъ, что Малка все равно нѣтъ тебѣ пара; можешь бить, она права. Малка навѣрно властвовала бы надо мною. А еслибы она не захотѣла, чтобы я сдѣлался актеромъ,—вѣдь она считаетъ это ремесло единicomъ необеспеченнымъ—что тогда? Я бы покерился... а потому?“

Выдался денекъ, особенно для него радостный. Они уже прочли „Фиско“, и Сендеру пришлось читать роль мавра, особенно прельщавшую его. Онъ прочелъ ее съ такими успѣхомъ, что патеръ радостно воскликнулъ:—Ну, признайся, этого я не ожидалъ. Ты родился актеромъ.

Глаза Сендера засверкали.

— Благодарю васъ,—воскликнулъ онъ,—вы дѣло понимаете.

— Немного. Но относительно тебя я, кажется, не ошибался. Только выговоръ у тебя плохъ, но, благодаря твоей выдержкѣ, и онъ становится лучше.

Патеръ могъ бы не всей справедливости сказать: благодаря жмѣй выдержкѣ. Онъ не жалѣлъ горла и ежедневно доходилъ до хрипоты. Его голосъ раздавался во всемъ корридорѣ, а Сендеръ выкрикивалъ гласныя буквы такъ, что стекла дребезжали.

— Старайся только и впредь, и изъ тебя что либудъ выйдетъ,—продолжалъ монахъ.

— Я за себя ручаюсь,—отвѣтилъ Сендеръ. — Я понимаю, что актеру надо много работать, больше, чѣмъ всякому другому

человѣку. Ему надо такъ много учиться, что некогда мечтать о постороннихъ предметахъ. Бить можетъ, было бы очень хорошо, если бы я женился прежде, чѣмъ изъ меня выйдетъ чтонибудь.

Эти слова вырвались у него противъ воли, и онъ почувствовалъ, какъ весь вспыхнулъ.

Монахъ громко засмѣялся. — Женишься! — воскликнулъ онъ. — Ну, ужъ этого я не могу бы тебѣ посоветовать. Черезъ десять лѣтъ, пожалуй, когда ты сдѣлаешься актеромъ... Но почему ты такъ краснѣешь? Ты, кажется, даже...

Онъ угрозилъ ему пальцемъ, но Сендеръ такъ убѣдительно увѣрялъ его, что онъ не думаетъ жениться, что патеръ наконецъ ему поженилъ. — Это меня радуетъ, — сказалъ онъ, — потому что это было бы для тебя большимъ несчастіемъ. Даже простой малости ты себѣ теперь позволить не можешь.

Давно уже Сендеръ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь, когда онъ возвращался домой. „Мой патеръ, — думалъ онъ, — вообще человѣкъ умный: вѣроятно, и въ этомъ онъ правъ. Не даромъ наши мудрецы говорятъ, что все къ лучшему. Бить можетъ, горе, которое мнѣ причинила любовь къ Мажѣ, послано мнѣ въ наказаніе за то, что я думалъ о другомъ“. Онъ глубоко вздохнулъ. „Но надо полагать, что вина моя была велика“.

Когда онъ на другой день пришелъ въ библиотеку, патеръ Почобуть обратился къ нему со словами:

— Мнѣ кажется, Сендеръ, что, несмотря на все твои увѣренія, дѣла у тебя идутъ не совсѣмъ ладно. Почему ты не ѣдешь въ Львовъ? Ты собрался ѣхать туда въ серединѣ сентября, послѣ вашихъ праздниковъ, а теперь уже первое ноября, а ты все еще здѣсь.

— Нѣтъ, это не то, — отвѣтилъ со вздохомъ Сендеръ. — Развѣ вы забыли, что я вамъ говорилъ о Вольчинскомъ?

Находясь всецѣло подъ впечатлѣніемъ пережитаго разочарованія, Сендеръ мало думалъ о шляхтичѣ. Но теперь тревога его усилилась. Перваго ноября назначены были торги. Сендеръ при-

готовиль уже вѣность, хотя они оба съ матерью прекрасно знали, что аренда за ними не останется, какуо сумму они бы ни предложили. Вѣдь Вольчинскій былъ неуменникъ. Роза не жаловалась; но отъ Сендера не ускользало, что она была сильно озабочена, хотя онъ и не зналъ, что она часто проводитъ ночи безъ сна, все опасаясь возвращенія Фронна.

— Что же мнѣ дѣлать?—жаловался Сендеръ патору.—Выждать? Но исходъ торговъ мнѣ заранѣе уже извѣстенъ. Разчитывать на Надлера я совѣтъ пересталъ. Оставить матушкѣ все мои деньги и пуститься въ свѣтъ безъ гроша также невозможно. А между тѣмъ ничего другого не остается.

— И этотъ Вольчинскій еще считаетъ себя христіаниномъ!—съ горечью воскликнулъ Маріанъ.—А этотъ Струсъ! Я видѣлъ его въ церкви. Ханжа исповѣдуются каждую недѣлю, какъ будто Бога можно обмануть.

Но онъ могъ только жалѣть Сендера; помочь же ему было не въ его власти.

Однако, на другой день, казалось, и это облако начало разсѣиваться. Было 29-е октября. Когда Сендеръ шелъ домой объѣдать, онъ встрѣтился съ Вольчинскимъ и уже собрался пройти мимо него, какъ тотъ остановился и пріятливо кивнулъ ему.

— Ну, любезный Сендерко, какъ поживаешь? Я вѣдь сказалъ твоей матери, что жду тебя.

— Да? —переспросилъ Сендеръ. — Въ такомъ случаѣ она слышалась. Она поняла, что не вы, а ваши собаки ждутъ меня...

Папъ Вольчинскій улыбнулся.—Боже сохрани! Такого-то умнаго парня, какъ ты? Съ тобою можно столбоваться. Но надо поторопиться, —прибавилъ онъ съ удареніемъ.

— Понимаю, —отвѣтилъ Сендеръ.—До перваго числа. Завтра же я буду у васъ.

Роза съ удивленіемъ поглядывала на него, когда онъ пришелъ домой. Сегодня онъ въ первый разъ снова улыбался.

— Я говорилъ тебѣ, —сказалъ онъ ей: —негодяй хочеть де-

негъ. Если я не сдамся, то дѣло намъ обойдется недорого. Онъ теперь склоненъ на уступки; иначе не началъ бы переговоровъ.

Но Сендеръ Вольчинскаго не знаетъ. Когда онъ явился къ нему, шляхтичъ, правда, принялъ его очень привѣтливо и даже пригласилъ сѣсть, однако о деньгахъ и слышать не хотѣлъ.

— Что ты это выдумалъ, Сендеръ? Мой другъ мнѣ охотно окажетъ любезность. Предложеній поступаетъ очень много; читать ихъ скучно, и можно было бы просто возобновить старыя условія. Это было бы для всѣхъ лучше; но интересы казны священны. Неужели я могу предложить ему подкупъ? Я и самъ на него не способенъ. Подкупать чиновника!.. Какъ можешь ты подозревать въ подобныхъ вѣщахъ благороднаго человѣка, шляхтича?

Сендеръ несколько не смутился. — Въ такомъ случаѣ удержиже двадцать гульденовъ, которые я вамъ вручу, и пусть Струсъ окажетъ вамъ даромъ эту услугу.

— Ахъ, ты, жидъ! — загремѣлъ Вольчинскій. — Я удержу деньги, принадлежащія другому? Можетъ быть, у васъ, евреевъ, честь дозволяетъ это, но у насъ — нѣтъ. Но, — продолжалъ онъ тихо: — именно потому, что вы, евреи, ничего не понимаете въ дѣлахъ чести, я тебѣ прощаю. Но пойми меня хорошенько! Я оказываю тебѣ услугу, которая мнѣ самому ничего не будетъ стоить. Ты же долженъ мнѣ также отплатить услугой, которая тебѣ ничего не будетъ стоить, но даже кое-что тебѣ и дастъ, — сто гульденовъ на часекъ. Дѣло въ томъ, что я продолжаю играть въ коттерсъ, — понимаешь? — но всегда по вторникамъ вечеромъ. И вотъ можетъ такъ случиться, что я забуду дома свои нумера, — понимаешь? — и тогда...

— Понимаю, — отвѣтилъ Сендеръ: — это то же мошенничество, къ которому вы уже разъ хотѣли меня склонить. Можно-ли совершить его такъ, чтобы оно не было обнаружено, не знаю...

— О, да. Я знаю человѣка, нажившагося такимъ образомъ.

— Но что я этого не сдѣлаю, это я твердо знаю.

— Шляхтичъ посвисталъ. — Это твоё послѣднее слово?

— Последнее.. Но 10 гульденовъ я еще найду. Стало быть 30.

— Ахъ, ты, жидовская собака, — разразился Вольчипский. — Вонъ отсюда и благодари Бога, что я на тебя не денусу за то, что ты хотѣлъ подкупить меня.

Вернувшись домой, Сендеръ рассказалъ обо всемъ матери и, когда она заплакала слезами, онъ старался утѣшить ее.

— Не плачь, матушка. Это насъ еще не разоритъ. Я все-таки подамъ просьбу о возобновленіи аренды, а если толку никакого и не будетъ, то Господь насъ не оставитъ.

Онъ старался казаться бодрѣе. Въ послѣднихъ числахъ января, когда печатаются результаты торговъ, онъ собрался уѣхать, но пуститься въ свѣтъ безъ гроша, какъ нишій, было все-таки тяжело. Онъ началъ копить каждый грошъ. Къ этому времени на его счастье у Дюккля прибавилось работи, и тотъ увеличилъ ему жалованье. Къ тому же онъ могъ проработывать составленіемъ писемъ неграмотныхъ. Но теперь ему приходилось опять работать ночью, что было особенно тяжело, потому что вслѣдствіе суровой осенней погоды кашель его возобновился. Въ то же время и урокамъ патера Почобута онъ внималъ, если возможно, еще усердѣе и, несмотря ни на что, не хотѣлъ прерывать ихъ, тѣмъ болѣе, что матеръ все болѣе поощрялъ его своими похвалами.

Они уже прочли „Коварство и любовь“ и перешли къ „Донъ-Карлосу“. Такъ какъ въ большой залѣ было нестерпимо холодно, то они теперь занимались въ сосѣдней кельѣ, гдѣ была печка. Но тутъ имъ пришлось утѣшить звукъ своихъ голосовъ, потому что келья находилась по сосѣдству съ „кельей монахинь“, гдѣ отбывалъ свое наказаніе отецъ-эконокъ. Впрочемъ, его нечего было опасаться. Отецъ-эконокъ проводилъ свое время въ безмолвномъ созерцаніи, возбуждавшемъ зависть въ Федльѣ. Онъ послышалъ послѣдняго ежедневно за сливовницей и напивался до того, что хмель не выходилъ у него изъ головы до самаго вечера.

Такъ прошелъ ноябрь мѣсяцъ. Въ первыхъ числахъ декабря наступили сильные холода, земля покрылась сверкающимъ снѣгомъ;

а небо стояло ясное и безоблачное. Сендеру дышалось теперь легче, чѣмъ въ мрачные ноябрьскіе дни. Но тутъ съ нимъ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Однажды вечеромъ, когда у нихъ сдѣлаъ маршалекъ, у порога раздались звонокъ. Сендеръ пошелъ отворять и увидѣлъ побольшія сани. Позвоилитъ кучеру—молодой парень. Въ саняхъ сдѣлаъ женщина, которая тотчасъ нѣрѣзительно привѣтствовала его.

— Здравствуйте, Сендеръ.

Онъ приблизился и съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Это вы, Ютта? Въ открытыя сани и безъ шубы при такой то стужѣ? И при васъ сундучекъ? Что случилось?

— Все благополучно,—отвѣтила она, хотя голосъ ея звучалъ не особенно радостно.—Вашинка никуда не убѣжалъ?

— Никуда. Онъ даже у насъ. Вы вѣратно озябли?

Она съ минуту колебалась, потомъ быстро, на сколько позволили ошоченнѣшіе члены, вынырнула изъ саней.—„Ну, что за бѣда!—воскликнула она:—долженъ же онъ узнать“, и затѣмъ, войдя въ комнату, храбро выдержала потокъ вопросовъ и уморенъ, которыми ее встрѣтилъ маршалекъ.

— Да, бѣгунья,—заговорила она наконецъ:—дѣло сдѣлано и ничего не воротить. Ребѣ Гарше меня прогналъ. Еще третьяго дня я была его „милое дитя“, а сегодня я уже преступница. Но это не моя вина. Или вѣрнѣе... я провинилась, но не жалѣю объ этомъ.

— Изъ-за Малки?—жалобно воскликнулъ ребѣ Инокъ.—Ты пожертвовала собою для нея?

— Пожертвовала?—воскликнула молодая дѣвушка, вытирающая по своей привычкѣ.—Развѣ я похожа на жертву? Правда, что я предпочла бы иррно разстаться съ семьей, въ которой со мною такъ долго обращались, какъ съ дочерью. Но нечего горевать. Разумѣется, изъ-за Малки. Двѣ недѣли тому назадъ на мое имя получено было письмо отъ Веригарда. Онъ писалъ Малкѣ, что скоро надѣется получить адвокатуру и желалъ бы прійхать

просить ея руки. Она ему отвѣтила, что онъ не долженъ прѣзжать одинъ, потому что ребъ Гиршъ прогонитъ его изъ дому, что онъ долженъ прѣзжать съ отцомъ. Вчера они и прѣехали. Разыгралась странная сцена. Ребъ Гиршъ протналъ своего брата. Они сдѣлали видъ, что уѣзжаютъ. Но когда я вечеромъ вошла въ булочную, меня кто то останавливаетъ. Смотрю—Бернгардъ. „Мы съ отцомъ, — говоритъ онъ, — завтра въ пять часовъ утра поѣдемъ къ рынку и увеземъ съ собой Малку“. Вотъ, ни съ ней цѣлую ночь не спали, а утромъ въ назначенный часъ я ее усадила въ экипажъ. Когда ребъ Гиршъ всталъ и увидѣлъ, что гнѣздышко опустѣло, онъ пришелъ въ такую ярость, что я опасалась, какъ бы онъ не лишился разсудка. Но ничего было дѣлать. Малка уѣхала, а мнѣ пришлось помчатиться, потому что одинъ изъ половникъ видѣлъ, какъ мы пробрались къ экипажу, — впрочемъ я сама не стала бы отбиваться...

— Ну, что же теперь?—жалобно спросилъ Тюркингальбъ.

— Я умру съ голоду,—отвѣтила смѣясь Ютта: — вѣдь на свѣтѣ нѣтъ ужъ ни одного хозяйства, гдѣ я бы могла пристроиться!—Она протянула свои пухляя рука. —И вѣдь какая я слабенькая! Отидитесь, батюшка. Вѣдь мнѣ не худо, Малкѣ—также, да и ему не худо,—и она указала на Сендера.—Я слышала, что глупые люди обвиняютъ васъ. Но теперь все узнать, какъ собственно произошло дѣло.

И она все рассказала.

— И это родная дочь разстраниваетъ дѣла своего отца!—воскликнулъ Тюркингальбъ съ притворнымъ гнѣвомъ. Роза была въ глубинѣ души очень довольна. Ея предположеніе, что Сендеръ отказался отъ Малки, вслѣдствіе какихъ-нибудь тайныхъ плановъ, не оправдалось, и теперь, когда въ Барновѣ узнаютъ, какъ вела себя Малка, все будутъ его хвалить. По ея понятіямъ только сумасшедшая можетъ бѣжать съ возлюбленнымъ раннимъ утромъ. Теперь, конечно, и маршалекъ согласится пріискать для Сендера

новую невѣсту, и Роза тутъ же пристунила бы къ нему съ этою просьбою, еслибы старикъ не казался такимъ озабоченнымъ.

Но уже спустя два дня Ютта была пристроена: Шломе Фрейденталь, имѣвшій трактиръ въ Варновѣ, далъ ей мѣсто экономки. „Для меня это очень хорошо, — говорилъ Торенбергъ Розѣ, — но для Ютты не совсѣмъ: дочь маршалака никогда не находила себѣ мужа въ томъ городѣ, гдѣ живетъ ея отецъ“.

О Сендерѣ онъ обѣщаль позаботиться: все пойдетъ хорошо; всё это хвалить, всё говорить: „Это было глупо съ твоей стороны, что ты принялъ вину на себя; но что ты на ней не женился — твое счастье, потому что несчастная бѣжала бы и отъ тебя“.

Сендеръ честно и съ жаромъ защищалъ Малеку. Правда, сердце у него еще болѣло, когда онъ о ней думалъ, но онъ искренно желалъ ей счастья. Онъ прочелъ со слезами на глазахъ полученное имъ къ новому году письмо, въ которомъ намалъ слѣдующее литографированное извѣщеніе: „Д-ръ Бернгардъ Зальменфальдъ и Регина, рожденная Зальменфальдъ, имѣють честь извѣститъ васъ о состоявшемся ихъ бракосочетаніи“. На томъ же листѣ рукою Малеки было написано: „Дорогому другу Александру Бурлендеру тысячу разъ спасибо“. Подъ этими строками рукою молодого супруга было написано: „Какъ мы будемъ апплодировать, когда Дависонъ II будетъ пожинать лавры въ нашемъ городѣ. Но въ такое захоlustье онъ едва ли прійдетъ. Я буду радъ, если меня назначать адвокатомъ въ Варновѣ“. Съ гордостью показала онъ письмо Юттѣ. Довалось прочесть его и патеру Маріану.

— Ага! — воскликнулъ старикъ со смѣхомъ: — вотъ почему ты былъ такъ печаленъ. Однако, чтобы быть Дависономъ II, надо еще много потрудиться.

Но и самъ патерь Маріанъ снова вспоминалъ въ эти дни знаменитаго единоплеменника Сендера. Они прочитали вмѣстѣ „Вавилонскаго Вушца“. Дарованіе Сендера поражало его и раньше, но теперь чтеніе роли Шейлока произвело на него особенно глубокое впечатлѣніе. При словахъ: „Когда вы насъ рѣжете, развѣ мы не

истокать кровью? Когда вы насъ щемочете, развѣ ми не слѣвса? Когда вы насъ отравляете, развѣ ми не умираемъ?" — старикъ отвернулся, чтобы скрыть слезы, навернувшіяся у него на глазахъ. „Все это еще не зрѣло, — подумалъ онъ, — и вѣроятно на сценѣ будетъ ослаблено — угловатыя манеры, нечеткое произношеніе; но какой талантъ скрывается въ этомъ юнотѣ, какая сила! Не напрасно же Господь далъ ему этотъ талантъ. Онъ хочетъ, чтобы изъ него вышелъ артистъ въ радость и въ назиданіе людямъ. Все, что въ Monkъ силахъ, должно быть сдѣлано“. И онъ съ истиннымъ увлеченіемъ снова принялся обучать Сендера, какъ будто это было служеніе Богу.

Но чтеніе роли Шейлока было прервано также самымъ неожиданнымъ образомъ. Увлечшись своимъ дѣломъ, оба наконецъ совершенно забыли о сосѣдѣ, отцѣ-экономѣ. Однажды, уже въ срединѣ января, послѣдній въ моментъ глубокаго созерцанія вдругъ ясно услышалъ страшный голосъ. „Я его накажу; я его замучу“. И вслѣдъ затѣмъ: „Я долженъ видѣть его сердце... Ступай и подожди меня у синагоги“. Въ ужасѣ вскочилъ пьяный экономъ и сталъ прислушиваться. „Еврей! — пробормоталъ онъ: — еврей пробрался въ монастырь и хотятъ меня убить“. А когда тотъ же голосъ еще сильнѣе и съ невыразимой кровожадностью повторилъ: „Я долженъ видѣть его сердце“, — отецъ-экономъ нарушилъ статью монастырскаго устава, въ силу которой онъ не смѣлъ переступать порога своей кельи, и бросился къ настоятелю.

Высокопреподобный Валеріанъ сильно разгнѣвался на него. Ему сперва показалось, что вся эта исторія только галлюцинація монаха, отъ котораго разлило водкой. Онъ, конечно, не могъ повѣрить, чтобы барновскіе евреи пробрались среди бѣлаго дня въ монастырь, чтобы умертвить монаха. Но такъ какъ отецъ экономъ божилися всѣми угодниками, что онъ явственно слышалъ голосъ, и готовъ былъ принять самое тяжелое наказаніе въ случаѣ, если окажется, что онъ лжетъ, то настоятель, покачивая головою, послѣдовалъ за нимъ въ корридоръ, гдѣ находились кельи каю-

щихъ братьевъ. Однако, пресобу эконома вести съ собой нѣсколькихъ сильныхъ послушниковъ, онъ не уважилъ. „Съ этики страшными еврейки я и самъ справлюсь“, — отвѣчалъ онъ, сѣясь, и направился въ корридоръ. Но каково же было его удивленіе, когда до него дѣйствительно донесся изъ одной кельи крикливый голосъ. Очевидно, какой-то еврей въ дикой радости воскликнулъ: „Да, это правда. Ступай, Тубаль. Найди мнѣ полицейскаго“, и повторялъ эти слова до тѣхъ поръ, пока его не прервалъ другой голосъ: „Не гримасничай такъ, Сендеръ, потише“. Но первый голосъ загремѣлъ: „Я долженъ имѣть его сердце“. Тогда настоятель съ шумомъ раскрылъ дверь.

Трудно сказать, кто болѣе изумился, — Сендеръ и патеръ Маріанъ при видѣ настоятеля, или Валерьянъ, убѣдившійся собственными глазами, что въ кельѣ его монастыря находится еврей съ возбужденнымъ лицомъ и сверкающими глазами, кричащій патеру, что ему нужно чье-то сердце. Онъ невольно перекрестился, и прошло еще нѣсколько минутъ, пока онъ, наконецъ, спросилъ:

— Что тебѣ здѣсь надо? Что тутъ такое происходитъ?

Но прошло еще больше времени, пока патеръ Маріанъ отгѣтилъ ему и пока онъ изъ его словъ понялъ не то, что происходитъ въ библіотекѣ, но, по крайней мѣрѣ, что патеръ въ своемъ умѣ. Что тутъ дѣлалъ еврей, стоявшій теперь, какъ пораженный громомъ, въ углу съ блѣднымъ лицомъ и полузакрытыми глазами, онъ понять не могъ, но для него было ясно, что этотъ еврей въ монастырѣ доминиканцевъ не на мѣстѣ.

— Уходи отсюда, — сказалъ онъ ему и, обращаясь къ патеру Маріану, прибавилъ: — А вы приходите сегодня послѣ трапезы ко мнѣ.

Но Сендеръ не могъ исполнить приказаніе.

— Ваше высокопреподобіе, — прошепталъ онъ въ величайшемъ смущеніи: — за мной долженъ придти Федька, чтобы выпустить изъ Татарскихъ воротъ. Иначе, если я пройду черезъ другой ходъ, и меня замѣтятъ, то люди меня избьютъ до смерти...

На его счастье (Федина какъ разъ подошла съ ключами въ корридоръ напущикая. Увидавъ настоятеля, онъ остановился, и когда тотъ сказалъ ему: „Такъ ты тутъ снабжаешь кающихся монаховъ водкой и выпускаешь въ монастырь евреевъ!“ — онъ почти безъ чувствъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

Сендеру съ трудомъ удалось поставить его на ноги и увести къ воротамъ. Тутъ старикъ съ горечью пробормоталъ:

— Ну, теперь всему конецъ, конецъ моей службѣ, конецъ сливовицѣ отца эконома, конецъ твоей сливовицѣ. Начнется свѣтопреставленіе...

Но дѣло не дошло до этого. Покачивая головою, слушалъ настоятель длинный разговоръ патера Маріана о томъ, къ чему стремились Сендеръ, почему патеръ ему помогалъ, и почему Сендеръ до сихъ поръ не уѣхалъ изъ Варшова. Еще дольше раздумывалъ настоятель надъ этимъ разговоромъ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Любозный братъ, вы знаете, что я не ученый, какъ вы, а просто глупый монахъ. Насколько этотъ Сендеръ годится въ актеры, мнѣ не интересно знать, и хорошо ли вы поступаете, что помогаете ему, я также не берусь рѣшить. Но что, по уставу великаго основателя нашего ордена, Доминика Гусмана, нашъ монастырь не предназначенъ для подготовленія молодыхъ евреевъ въ свѣтской дѣятельности, это мнѣ хорошо извѣстно. Съ другой стороны, я весь знаю и убѣжденъ, что вы не можете сдѣлать ничего дурного... Поэтому прошлое мы позабудемъ, но продолженіе уроковъ я долженъ воспретить. Это не можетъ слишкомъ огорчать ни васъ, ни его, потому что вѣдь онъ и безъ того долженъ уѣхать изъ Варшова черезъ двѣ недѣли. Но чтобы совершенно отдѣлаться отъ этого вноши, я постараюсь повліять на Вольчинскаго и Струся. Вѣдь они оба исповѣдуются у меня, и этотъ лиценцёръ Струсъ согласится на все, чтобы не навлечь на себя гнѣва Божьяго. Надѣюсь, что шоссейные сборы останутся за старой еврейкой.—И онъ почесалъ себѣ затылокъ.

— Ахъ, да, вѣдь настоятель долженъ обо всемъ подумать...

Вотъ еще что: вы такъ долго обучали этого Сендера и, вѣроятно, захотите проститься съ нимъ? Въ такомъ случаѣ онъ можетъ приходиться къ вамъ сюда на прощанье, пожалуй, хоть каждый день до своего отъѣзда... Итакъ... таково мое рѣшеніе. Извините, я глухой монахъ...

Старикъ схватилъ его руку и вѣжливо помазалъ ее. — О, — воскликнулъ патеръ Маріанъ: — вы мудрейшій изъ людей.

— Не льстите мнѣ! — закричалъ на него настоятель. — А не то, я подумаю, что поступилъ несправедливо; а между тѣмъ я строго согласовался съ уставомъ, не правда ли?

II.

Такимъ образомъ страхи, которые испытывалъ Федька, разрушились для него однимъ горемъ: онъ дѣйствительно лишился единственной отца-экономы. Остальные его грѣхи настоятель ему простилъ, а Сендеръ щедро вознаградилъ его и за это горе. Съ тѣхъ поръ, какъ Сендеръ узналъ о рѣшеніи настоятеля, онъ чувствовалъ себя такъ легко, словно у него выросли крылья, и міръ представлялся ему въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Наконецъ, онъ былъ свободенъ, дѣйствительно свободенъ: 31-го января матери было объявлено о сохраненіи за нею аренды, а на слѣдующій же день онъ собирался уѣхать во Львовъ. Правда, ему было жутко пуститься въ путь, но это чувство надо было преодолѣть.

И тутъ судьба, казалось, благопріятствовала ему. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ разыгралась сцена въ библиотецѣ, Федька подалъ ему письмо. На немъ былъ почтовый штампъ Германштадта, и адресъ былъ написанъ рукою Надлера. Дрожая рукою вскрылъ Сендеръ письмо.

Директоръ писалъ, что со времени послѣдняго письма Сендера онъ о немъ ничего не слыхалъ, но надѣется, что онъ здоровъ и не измѣнилъ своихъ намѣреній и по прежнему усердно читаетъ книги. „Такъ какъ мнѣ въ Черновицахъ новезло въ прошломъ

году,—писалъ онъ, — хотя и были при этомъ непріятности, причиненныя мнѣ нѣсколькими, славу Богу, второстепенными членами моей труппы, которые подъ предводительствомъ моего второго комика Стиклера образовали самостоятельную труппу и отправились странствовать по Галиціи,—то я думаю и въ этомъ году играть тамъ съ 1-го марта. Пріѣзжай къ этому времени, если ты только не раздумалъ сдѣлаться актеромъ. Тебѣ вѣдь скоро двадцать два года, и откладывать дѣла нельзя“. Дальше онъ писалъ, что, рискуя даже лишиться авторитета въ глазахъ Сендера, онъ долженъ сознаться, что, кажется, далъ ему плохой совѣтъ оставаться еще два года въ Варновѣ. „Всѣ товарища, съ которыми я говорилъ о тебѣ, были того мнѣнія, что ты бы ушелъ съ тѣхъ поръ гораздо дальше, если бы я тотчасъ принялъ тебя въ труппу. Этому же мнѣнія придерживается и твой великій соотечественникъ, Богумилъ Дависонъ, съ которымъ я говорилъ по этому поводу лѣтомъ нынѣшняго года. Твоя судьба его очень заинтересовала, тѣмъ болѣе, что напомнила ему собственную его молодость. Быть можетъ, когда изъ тебя выработается хорошій актеръ, и ты съ нимъ встрѣтишься, вы оба скажете о себѣ, что раннія невзгоды и житейская борьба васъ не погубили, а напротивъ закалили. Итакъ, Дависонъ сказалъ мнѣ: Вы не знаете польскаго гетто, но я его хорошо знаю. Вамъ слѣдовало бы немедленно взять юношу, тѣмъ болѣе, что актеръ выработывается на сценѣ путемъ практики, а не чтеніемъ книгъ. Если бы вашъ протеже—допустилъ, что у него есть талантъ (а онъ у тебя есть, Сендеръ)—игралъ въ эти два года хоть роли Лакеевъ, то это принесло бы ему гораздо больше пользы, чѣмъ если бы онъ перечиталъ въ это время цѣлую бібліотеку. Итакъ, любезный Сендеръ, я не хотѣлъ умолчать объ этомъ, хотя это говорить не въ мою пользу, чтобы ты по крайней мѣрѣ теперь принялъ твердое рѣшеніе“. Письмо оканчивалось совѣтомъ захватить съ собою бѣлья, но платья поменьше. „Своего кафтана ты у меня больше носить не будешь. Что же касается до денегъ, то о нихъ не безпокойся. Итакъ, до 1-го марта“.

Сендеръ нѣсколько разъ перечиталъ это письмо, „Какой онъ добрый, — прошепталъ онъ растроганный. — Какъ онъ винить самого себя, хотя далъ мнѣ совѣтъ по совѣсти и по крайнему своему разумѣнію, въ счастью, онъ вѣроятно и теперь ошибается; вѣдь онъ не знаетъ, какого учителя судьба послала мнѣ. До марта мѣсяца я могу еще подучиться; настоятель вѣроятно ничего не будетъ имѣть противъ этого... Но этотъ Стиклеръ... вотъ мерзавецъ... Распространять такую ложь изъ за 50 гульденовъ. — И онъ отъ души расхохотался.

Патеръ также очень обрадовался. — Надлеръ, кажется, благодарный и смиленный человѣкъ. Ты въ хорошихъ рукахъ. А что Дависонъ тобою заинтересовался, это можетъ тебѣ пригодиться...

— Конечно, — отвѣтилъ Сендеръ. — Но если только, — прибавилъ онъ нерѣшительно, — онъ останется при своемъ мнѣніи, когда я приобрету извѣстность. Актеры — народъ завистливый. Въ моей книжкѣ я прочелъ исторію Тальми...

— Ну, — засмѣялся патеръ, — до поры до времени Дависону завидовать тебѣ нечего...

Сендеръ покраснѣлъ. — Конечно. Но я никогда не буду завистливъ.

Они принялись за чтеніе сцены суда. Сендеръ то и дѣло кашлялъ, такъ что патеръ Маріанъ озабоченно взглянулъ на него.

— Это потому, что я получилъ письмо, — пояснялъ Сендеръ. — Когда я чѣмънибудь взволнованъ или когда испытываю сильную радость или печаль, то у меня болитъ вотъ здѣсь, — и онъ указалъ на грудь.

Патеръ покачалъ головою. — Не мудро, — отвѣтилъ онъ: — нынѣшнюю зиму ты опять провелъ очень неблагоприятно, работалъ по ночамъ и спать не болѣе четырехъ часовъ въ сутки.

— Но вѣдь я не зналъ, — возразилъ Сендеръ, — что настоятель поможетъ моей матери, а Надлеръ — мнѣ; иначе я не сталъ бы такъ работать. Впрочемъ, мое здоровье довольно хорошо.

Но патеръ не раздѣлялъ его мнѣнія. Однако онъ ничего не сказалъ. — Въ чему тревожить его, — думалъ онъ: — все равно удер-

жать его здѣсь нельзя.—Ты долженъ,—прибавилъ онъ вслухъ,— беречься по пути и въ Черновицахъ. Вѣдь съ твоими тремястами гульденовъ ты далеко не уйдешь.

— Съ тремястами?—воскликнулъ Сендеръ въ изумленіи:— на нихъ я прожилъ бы десять лѣтъ. Но у меня нѣтъ такой сущности; я захвачу съ собою только часть. Десятая часть моего капитала отчислена уже въ пользу бѣдныхъ, стало быть у меня осталось двѣсти семьдесятъ, а вѣсть съ процентами и иными сбереженіями, которыя составляютъ двадцать гульденовъ, наберется сумма въ двѣсти девяносто гульденовъ. Изъ нихъ я беру съ собою сорокъ, а двѣсти пятьдесятъ оставляю матери.

— Это слишкомъ много!—воскликнулъ пaterъ съ жаромъ.

— Да, да, кажется,—робко отвѣтилъ Сендеръ,—но Надлеръ вѣдь пишетъ о нѣмецкомъ платѣ; придется, значитъ, купить...

— Слишкомъ много для твоей матери. Вѣдь у нея останется весь ея заработокъ.

Сендеръ покачалъ головою.—Подумайте!—возразилъ онъ.—Я, правда, долженъ ѣхать, но по отношенію къ ней я поступаю дурно. Я ничѣмъ больше не могу ей доказать, что люблю ее.

Горе, которое ему предстояло причинить матери, было теперь единственною его заботою. Все остальное устроилось, какъ нельзя лучше. Шоссейный сборъ остался за матерью на прежнихъ условіяхъ; отъ Надлера было получено второе письмо въ отвѣтъ на благодарность, которую ему выражалъ Сендеръ. Въ письмѣ было одно мѣсто, которое доставило ему особенное удовольствіе. „Между первымъ и теперешнимъ твоимъ письмомъ неизмѣрима разниця. Никто и не вѣритъ мнѣ, что со времени перваго письма прошло не болѣе года. Теперь я могу спокойно думать о моемъ прежнемъ совѣтѣ: ты отлично воспользовался этимъ временемъ“.

Сендеръ усердно приготавлился къ поѣздкѣ. Онъ назначилъ ее на 24-го февраля; 26-го онъ будетъ уже въ Черновицахъ, а въ воскресенье можетъ явиться къ Надлеру. Такъ какъ мать не должна была ничего знать объ его отъѣздѣ, то онъ рѣшилъ

уйти изъ дому раннимъ утромъ, какъ только займется заря, дойти въшкомъ до деревушки Мясковской, а оттуда уже напять крестьянскую лошадь до Тлауста. Онъ рѣшилъ ни съ кѣмъ не прощаться, за исключеніемъ Ютты: она навѣрное его не выдастъ и, если онъ ее попроситъ, то будетъ часто навѣщать мать въ первое тяжелое время. Только въ послѣднюю субботу онъ напросился обѣдать къ бывшему своему хозяину, Сникке Туртальтаубе.

Бромъ него обѣдалъ еще одинъ гость, „шнореръ“, котораго звали Мейеромъ Длиннобородимъ. Онъ пользовался большою извѣстностью въ Буковинѣ и въ южной Россіи, но въ Галицію попалъ еще въ первый разъ. Сникке, по обычаю, угощалъ его лучшими кусками, но Сендеръ былъ съ нимъ особенно привѣтливъ. Ему нравилась беззаботная и полная приключеній жизнь этихъ людей, и онъ умѣлъ отлично съ ними ладить. Мейеръ же былъ не только видный и почтенный человѣкъ—длинная борода ниспадала серебряными волнами ему на грудь,—но онъ еще считался однимъ изъ самыхъ искусныхъ представителей своего ремесла, и очень гордился своею славой.

— Я въ этой мѣстности еще въ первый разъ, — сказалъ онъ, сидя за столомъ:—однако, я не встрѣтилъ здѣсь ни одного человѣка, которому мое имя не было бы извѣстно. Да это и не мудрено. Я, правда, не могъ бы сравниться съ королемъ нашего ремесла, Менделе Ковнеромъ, но кое-что и я умѣю. Впрочемъ, такіе люди, какъ мой другъ Менделе, не часто рождаются.

— Вы его знавали?—воскликнулъ Сендеръ, которому, какъ всякому еврею востока, это имя было знакомо. Онъ въ прежнее время, занимаясь извозомъ, часто слыхалъ рассказы объ остроумныхъ шуткахъ „короля шнореровъ“. Рассказъ о томъ, какъ онъ послѣдовалъ за Наполеономъ въ Москву, до такой степени понравился ему, что онъ часто передавалъ его другимъ. Но человѣка, который лично знавалъ Менделе, ему еще не доводилось видѣть.—Расскажите о немъ,—просилъ онъ Мейера.

Хозяинъ насторожилъ уши, но онъ не могъ помѣшать своему

гости отвѣчать. Тотъ съ воодушевленіемъ принялся рассказывать о замѣчательномъ остроуміи, о гордой самостоятельности, о добротѣ и привѣтливости Мендела. Онъ упомянулъ и о нѣкоторыхъ его шуточкахъ, объ исторіи съ заколдованной курицей, о бородѣ виленскаго раввина и о выходкахъ со сватами. „Но въ концѣ концовъ,—прибавилъ онъ,—брака онъ все-таки не миновалъ. И теперь я вспоминаю, что именно здѣсь, въ этомъ мѣстечкѣ, у него долженъ быть сынъ“.

— Я ничего объ этомъ не слыхалъ,—увѣрялъ Сендеръ, а за нимъ и Симхе, который овладѣло большое безпокойство.

Но разговоръ, къ его великому удовольствію, на этомъ оборвался и коснулся теперь собственной жизни Мейера и продѣлокъ Сендера. Разказъ о томъ, какъ онъ разыгралъ духа сестеръ скупого Хаима Вургенца и какъ онъ привелъ двухъ повитухъ къ суровой дочери управляющаго, привелъ Мейера въ восторгъ.

— Какое счастье,—воскликнулъ онъ,—что вы пиसेць, а не то вы сдѣлались бы шнореромъ, а намъ, бѣднымъ, пришлось бы закрыть лавочку. Послѣ смерти Мендела Ковнера я ничего подобнаго не слыхалъ. Но вдругъ, въ то время какъ Сендеръ съ тихимъ смѣхомъ поглядилъ себя по подбородку, онъ съ выраженіемъ почти испуга отшатнулся отъ него и глаза его широко раскрылись.— Что это?—пробормоталъ онъ:—кто вы такой?

— Да что съ вами?—спросилъ удивленный Сендеръ, не замѣчая, что и Симхе сильно поблѣднѣлъ.

— Ничего,—промолвилъ шнореръ:—теперь ничего. Небольшое сходство еще осталось, но недавно оно было такъ велико, что можно было просто испугаться. Если бы я не зналъ вашего имени... Но когда вы провели по подбородку, я готовъ былъ побожиться, что передо мною Менделе Ковнеръ. Именно такъ онъ это дѣлалъ, такъ улыбался, когда ему удавалось отпустить мѣткое словцо...

— Я въ самомъ дѣлѣ такъ похожъ на него! — спросилъ

Сендеръ съ удивленіемъ, въ то же время и польщенный.—Какъ же онъ...

Но тутъ Симхе всталъ и началъ читать послѣобѣденную молитву, несмотря на то, что Мейеръ только что положилъ себѣ на тарелку особенно лакомый кусокъ.

— Извините,—шепнулъ онъ затѣмъ Мейеру,—но вы чуть было не совершили бѣды.—И онъ передалъ ему тайну.

— Да вѣдь это грѣхъ!—воскликнулъ шпореръ.— У Менделе отнимають кадиша, а у его сына—славу имѣть такого отца.

— Если бы это былъ грѣхъ,—возразилъ Симхе,—то равви не взялъ бы съ насъ платву молчать.

— Конечно, равви Манассе можетъ смотрѣть на это такъ,—отвѣтилъ шпореръ.— Но какъ должна быть благочестива ваша община, если всѣ такъ строго исполняютъ его предписаніе!

И въ самомъ дѣлѣ, среди людей, которые не такъ добросовѣстно исполняли бы призыванія духовнаго лица, сохраненіе тайны въ теченіе долгихъ лѣтъ было бы невозможно.

Послѣ обѣда Сендеръ хотѣлъ возобновить прерванный разговоръ, но хозяинъ перебилъ его. — Дай-ка и я теперь расскажу кое-что!—воскликнулъ онъ.— На прошлой недѣлѣ я ѣздилъ въ Садагору и на возвратномъ пути ночевалъ въ Залещикахъ. Что тамъ за театръ. Тѣ же актеры, которые весною играли въ Хоростковѣ. Представленіе влюбленнаго портного, о которомъ говорила Ютта, я самъ теперь видѣлъ: нельзя удержаться отъ смѣха. Очень хорошіе актеры.

— Что вы понимаете! Дрянные актеры!

— А ты почему знаешь? Вѣдь ты тамъ не былъ.

Сендеръ немного смутился. Зналъ онъ объ этомъ отъ Надлера.

— Могу себѣ представить! Хорошіе актеры будутъ играть въ черновицкомъ или львовскомъ театрѣ, а не въ какомъ-то балаганѣ, въ Хоростковѣ или Залещикахъ.

— Онъ все больше отмѣчивается,—замѣтила смѣясь жена Симхе, Сурка:—его теперь и понять трудно.

Наступилъ вторникъ, послѣдній день его пребыванія въ Барновѣ. Тѣмъ не менѣе онъ въ точности исполнилъ свою дневную работу въ конторѣ и удовлетворилъ всѣхъ посѣтителей. Онъ не хотѣлъ давать Довидлю повода къ сѣтованіямъ, и если онъ, благодаря отсутствію Сендера, окажется на бобахъ, то у него останется вѣдь утѣшеніе—мѣсячное жалованье за февраль.

Въ полдень онъ зашелъ въ сберегательную кассу и взялъ оттуда свои деньги. Затѣмъ онъ пошелъ проститься съ патеромъ Маріаномъ. Со слезами склонился онъ надъ старческою рукою своего благодѣтеля. Патерь былъ также взволнованъ. — Господь да благословитъ тебя, — сказалъ онъ, возложивъ ему руку на голову. Затѣмъ онъ прочелъ надъ нимъ молитву.

Сендеръ не отшатнулся, но невольно вздрогнулъ.

— Благословеніе старика не принесетъ тебѣ вреда, — сказалъ патерь, улыбаясь сквозь слезы.

Федька также былъ по своему опечаленъ. — Ну, теперь конецъ и этой сливовицѣ, — сказалъ онъ. — Такого человѣка, какъ ты, не скоро опять найдешь... Еще сто лѣтъ проживу, а въ Барновѣ не будетъ второго такого сумасшедшаго еврея. Да, сумасшедшіе уходятъ, а здоровые остаются. Прощай, Сендерко.

Когда наступили сумерки, Сендеръ направился къ трактиру Фрейденталя и вызвалъ Ютту. Она выбѣжала испуганная. — Что случилось? — спросила она. — Впрочемъ, я знаю: вы завтра уѣзжаете.

— Почему вы это знаете?

— Я уже давно... я давно это подозрѣвала, — поправилась она. — А ваша матушка?

Онъ вздохнулъ. — О ней-то я и хотѣлъ попросить васъ, — сказалъ онъ. — Вы ее будете навѣщать... Прощайте.

Она зарыдала. — О, какъ вы жестоки... къ старушкѣ... Не останетесь ли вы еще нѣсколько дней... До наступленія хорошей погоды вамъ бы слѣдовало здѣсь остаться. Теперь такъ страшно холодно; это не годится для вашихъ легкихъ...

— Нелзя, Ютта; меня ждуть въ Черновицахъ, — неволью вырвалось у него.—Но вы не выдадите меня.

— Я? Но развѣ это такъ необходимо? — и она всплеснула руками.

— Ютта,—сказалъ онъ,—вспомните, что вы тогда говорили во дворѣ развалинъ? Вы знаете, что это—цѣль моей жизни. За-чѣмъ вы растравляете рану?

— Вы правы,—промолвила она; затѣмъ слегка коснулась его руки, пробормотала что-то несовсѣмъ явственное и бросилась въ домъ.

„Добрая дѣвушка,—подумалъ онъ.—Какъ она жалѣетъ матушку. Да и мнѣ не легко“. Онъ пошелъ домой. Восточный вѣтеръ свистѣлъ и крутилъ снѣжные вихри, холодъ пронизывалъ его до костей. Сендеръ, весь погруженный въ размышленія о матери, не обращалъ на это вниманія.

Дома ему стоило большихъ усилій казаться совершенно непри-
нужденнымъ. Это плохо ему давалось, такъ что Роза обратилась къ нему съ вопросомъ:—Что съ тобой сегодня? Здоровъ ли ты?

— Я немного усталъ,—отвѣтилъ онъ и тотчасъ всталъ.—
Покройной ночи, матушка,—произнесъ онъ, не глядя на нее, и за-
тѣмъ прошелъ къ себѣ наверхъ. Тутъ однако слезы брызнули у
него изъ глазъ. „Матушка!—шепталъ онъ, рыдая:—матушка!“

Долго сидѣлъ онъ въ темнотѣ, пока у воротъ не пересталъ
раздаваться колокольчикъ. Когда же все стихло, онъ вскочилъ,
засвѣтилъ огонь, вынулъ двѣсти пятьдесятъ гульденовъ, положилъ
ихъ въ конвертъ и принялся писать письмо:

„Прости меня, матушка, прости,—я не могу поступить иначе.
Всѣ говорятъ, что я гожусь въ актеры, и сердце подсказываетъ
мнѣ, что это—правда. Я уйду, чтобы сдѣлаться актеромъ. Я не
беззащитенъ, добрые люди будутъ обо мнѣ заботиться. Не беспо-
койся ни обо мнѣ, ни о моемъ здоровьѣ. Я чувствую себя очень
хорошо. Богъ мнѣ свидѣтель, что не легко мнѣ уѣзжать; а тебя,
матушка, это поразить въ самое сердце. Но, повѣрь мнѣ, такъ
должно быть, и мое единственное утѣшеніе въ томъ, что мы оба

когда нибудь благословимъ этотъ часъ. Вѣдь ты только и жила, что для меня, и хочешь видѣть меня счастливымъ. Говорять, что мать обязана заботиться о своемъ ребенкѣ, но ты дѣлала больше; а я доставилъ тебѣ такъ мало утѣшенія и теперь причиняю тебѣ такое горе. Но я не могу, не могу иначе. Прилагаемыя деньги принадлежать тебѣ; это тебѣ на черный день. Положи ихъ въ сберегательную кассу; процентовъ ты получишь меньше, но зато деньги тамъ будутъ вѣрны. Не думай, что я этихъ плачу тебѣ за любовь или хочу откупиться отъ тебя. Я буду часто писать тебѣ, прїѣзжать когда только можно будетъ и заботиться о тебѣ. Матушка, дорогая матушка, прости меня и будь здорова“.

Почеркъ былъ не особенно разборчивъ, потому что рука его дрожала; въ одномъ мѣстѣ на бумагу скатилась слеза.

Онъ уложилъ бѣлье въ ранецъ, хранившійся у него еще съ того времени, когда онъ былъ фурманомъ, и сунулъ туда же и книги. Затѣмъ онъ схватилъ ножницы и приблизился со свѣчомъ въ рукѣ къ зеркальцу. Онъ увидѣлъ блѣдное, но рѣшительное лицо. Онъ приблизилъ ножницы къ вискамъ и обрѣзалъ пейсы. Потомъ онъ принялся за кафтанъ, чтобы придать ему нѣмецкій покрой, отрѣзалъ полы и сталъ подшивать ихъ, какъ умѣлъ. Часто онъ останавливался и прислушивался. Звонокъ ужъ больше не раздавался: слишкомъ ужасна была погода. Восточный вѣтеръ разыгрался въ настоящую бурю, завывавшую вокругъ дома и поднимавшую вихри снѣга.

Около четырехъ часовъ утра онъ кончилъ свою работу. Ему оставалось только прочесть утреннюю молитву. Онъ обвязалъ ремнемъ голову и руку и принялся усердно молиться по старому молитвеннику. Онъ горячо молился о матери и о ниспосланіи ему успѣха на новомъ пути. „Ты помогаешь чистымъ сердцемъ, жаждущимъ блага“, да, онъ могъ надѣяться на помощь Божию.

Когда онъ собирался закрыть молитвенникъ, ему въ глаза опять бросилось странное посвященіе, которое онъ уже неоднократно читалъ. „Эта книжечка должна принадлежать моему сыну; это все,

что я могу ему оставить. Но такъ какъ я знаю, какъ велика милость Господа, то я увѣренъ, что книжка принесетъ ему счастье“.

„Бѣдный!—прошепталъ Сендеръ:—твое благословеніе предназначено не мнѣ, но я все-таки не разстанусь съ твоей книжкой“. Онъ сунулъ ее въ карманъ пальто, накинулъ ранецъ на плечи и съ палкой въ рукахъ сталъ спускаться съ лѣстницы.

Внизу возлѣ комнаты матери онъ остановился и сталъ прислушиваться. Но ея дыханія нельзя было уловить; вѣтеръ заглушалъ всякій звукъ. Тихо ощущалъ онъ дверь и открылъ ее. Рѣзкій порывъ вѣтра ворвался въ сѣни, и Сендеръ съ трудомъ снова затворилъ дверь. Какъ ошеломленный, стоялъ онъ съ минуту, едва переводя духъ подъ напоромъ вѣтра, колотившаго ему лицо и глаза острыми снѣжинками. Затѣмъ онъ рѣшительно выпрямился и двинулся впередъ на встрѣчу новой жизни.

К. Французъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСПОВѢДЬ.

I.

Какъ рабъ въ отчаяннѣ пѣмомъ,
Какъ червь въ ничтожествѣ своемъ,
Какъ нищій, что бредеть съ сумой,
Я жалокъ былъ, въ груди пустой
Одну тоску я ощущалъ,
Чего хочу—я самъ не зналъ,
Весь міръ казался мнѣ тюрьмой,
И, какъ въ тюрьмѣ, я изнывалъ.
Напрасно я вездѣ искалъ
Отрады для души своей--
Среди лѣсовъ, среди полей
Бродилъ по цѣлымъ я часамъ,
Но вѣрьте мнѣ, друзья, и тамъ
Свободно не могла вздохнуть
Моя измученная грудь;
Когда жъ спускалась тихо ночь,
Не могъ я муки превозмочь,—
Я къ изголовью припадалъ
И, какъ дитя, въ тиши рыдалъ.
Одинъ лишь милосердный Богъ
Меня отъ мукъ избавить могъ.

II.

Я помню сонъ, волшебный сонъ...
 Въ моей душѣ понинѣ онъ
 Все живъ тотъ призракъ роковой.
 Я помню взглядъ его живой—
 Въ его глазахъ огонь сверкаль,
 Въ мою онъ душу проникаль.
 Я помню ясно, какъ приникъ
 Ко мнѣ божественный старикъ,
 Я помню, какъ онъ говорилъ:
 «Тебѣ, мой сынъ, весь мѣръ не миль—
 Внемли, внемли моимъ словамъ,
 И я тебѣ спасенье дамъ.
 Напрасно плачешь ты въ тиши,
 Ты не слезами скорбь души
 Разгонишь, нѣтъ, мой блудный сынъ!
 Лишь правосудный Богъ Одинъ
 Утѣшилъ властно бы тебя,
 Когда-бъ ты чтить Его любя.
 Зачѣмъ же Бога ты забылъ?
 Зачѣмъ Его ты прогнѣвилъ?
 Зачѣмъ ты промѣнялъ Его
 На то земное божество,
 Что чтить слѣпой и алчный мѣръ?
 Пускай имъ дорогъ ихъ кумиръ,—
 Они слѣпцы... Зачѣмъ же ты
 Сошелъ къ нимъ съ гордой высоты?
 Иль ты не зналъ, что тотъ, кто могъ

Постичь, что есть безплотный Богъ,
 Что въ мірѣ нѣтъ другихъ боговъ,—
 Не можетъ жить среди слѣпцовъ?

. . . . .

Вернись туда, гдѣ свѣтъ разлитъ,
 Гдѣ правда вѣчная царить:

Пусть участь праведныхъ горька,
 За то незримая рука

Къ познанью Бога ихъ ведетъ,

А Онъ безсмертье имъ даетъ...

Внемли жь, внемли моимъ словамъ,

И я тебѣ спасенье дамъ . . . .

. . . . .

III.

Ты не предашь меня проклятью,

Ты мнѣ простишь, народъ родной!

Меня позорною печатью

Ты не клеймишь, когда съ тобой

Пришелъ твой блудный сынъ мириться,—

Ко мнѣ ты руки протянулъ,

И чтобъ съ тобой навѣки слиться,

Ты душу новую вдохнулъ

Въ мое безжизненное тѣло.

Теперь, когда подчасъ несмѣло

Я оглянущу свой прошлый путь,

Сожмется трепетная грудь,

И тайно шлю я вамъ проклятья—

За то, что вы, родные братья,

Прельщаясь жалкой мишурой,
Своей торгуете душой,
За то, что вы, боясь невзгодъ,
Родной оставили народъ.

Х. Зиггеръ.

Какъ хорошо! Я вновь одинъ!...
Какъ воздухъ чистъ и какъ прозраченъ,
Луна такъ дѣвственно глядитъ,
А сводъ небесъ, какъ онъ прекрасенъ!
Все въ тишинѣ прохладной спитъ,
Все распростерто передъ Богомъ;
Смирилась у скалы волна,
Приникла къ ней въ молчаньи строгомъ.

* *
*

Какъ больно мнѣ! Хотя одинъ —
Въ толпѣ незримой я витаю;
Въ пространствѣ свѣтломъ надъ землей
Я хору грустному внимаю:
То хоръ отверженныхъ дѣтей.
Какъ облегченъ всѣхъ страданій,
Въ тиши возносится къ Творцу
Аккордъ молитвъ Его созданій..

Юлій Гессель.

МНИМЫЙ УЧЕНЫЙ О МНИМЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

(Д-ръ К. В. Орловъ. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.).

„На основаніи служебныхъ фактовъ я убѣдился, что мнѣніе о притворствѣ и обманахъ евреевъ, поступающихъ на службу или уже служащихъ, очень распространено между военными лицами и притомъ въ такой степени, что касается даже случаевъ, въ которыхъ *не можетъ быть допущена обманъ*. Точно также я убѣдился, что члены присутствій по воинской повинности придаютъ болѣзнямъ и недостаткамъ евреевъ значеніе меньшее, чѣмъ то, которое указано въ росписаніяхъ болѣзней и какое тѣ же члены придаютъ по отношенію къ не-евреямъ“.

Д-ръ А. Антоенко, Критическій обзоръ современныхъ русскихъ военно-медико-статистическихъ изслѣдованій. Докторская диссертація. Спб., 1882 г. стр. 41.

Старинное изреченіе «Dulce et decorum est pro patria mori» (сладко и красиво умирать за отечество), какъ извѣстно, въ жизни исповѣдуются весьма немногими идеалистами. Для обыкновенныхъ смертныхъ воинская повинность является повинностью крови, тагчайшей изъ жертвъ, приносимыхъ отдѣльной личностью на алтарь отечества, и отъ этого налога молодежь, не воспитанная въ тепличной атмосферѣ рыцарскихъ добродѣтелей, по возможности уклонялась во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Гомеровскій герой Ахиллесъ во время троянской войны скрывался въ женской одеждѣ у короля Ликомеда; сынъ Лаэрта Улиссъ, когда ему было пред-

сказано, что въ случаѣ участія въ троянской войнѣ, онъ лишится имущества и друзей, прикинулся съумасшедшимъ. Въ воинственномъ Римѣ, родинѣ всякихъ патристическихъ дѣяній и писаній, уклоненіе отъ службы въ войскахъ встрѣчалось весьма нерѣдко. Врутъ младшій притворялся безумнымъ; въ 469 г. до Р. X. воины одного отряда, подъ начальствомъ Аппія Клавдія, въ сраженіи съ вольсками притворялись ранеными, накладывая себѣ повязки на здоровые члены. Валерій Максимъ въ своей исторіи рассказываетъ, что въ Римѣ одинъ человѣкъ, во избѣжаніе службы въ легионахъ, отрѣзалъ себѣ палець лѣвой руки ¹. У насъ въ Россіи членовредительство, и особенно отрубаніе пальцевъ, «стало употребляться съ того самаго момента, какъ заведены постоянныя войска», и это мѣтніе подтверждается старинной народной пѣсней, сложенной въ эпоху Петра Великаго:

Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ,
 Ко Петру служить нейдутъ
 Въ солдаты. Калина (и т. д., припѣвъ).
 Ванькѣ бороду обрили,
 Всей деревней затужили,
 Плачутъ. Калина и т. д.

Къ крымскую войну у насъ цѣлыя полки отказывались отъ службы подъ предлогомъ заболѣванія курной слѣпотой. (Проф. *Адамюкъ*, газ. «Врачъ», 1891, № 45). Подобныя явленія встрѣчались и въ западно-европейскихъ арміяхъ.

Въ повѣвшее время притворныя болѣзни, какъ мѣра противъ принятія на военную службу, стали встрѣчаться рѣже, потому что воинская повинность повсюду получаетъ характеръ налога справедливаго, равномѣрнаго, и потому, что въ нашъ вѣкъ личность приобрѣла извѣстныя индивидуальныя права. Всесловность воинской повинности, съ одной стороны, а съ другой равноправность всѣхъ солдатъ при чинопроизводствѣ, но больше всего—политическая полноправность въ мирное время развиваютъ въ народѣ чувство признательности къ отечеству и сознаніе гражданского долга, о которомъ не могло быть рѣчи при порабоженіи личности. Поучительно, что теперь въ каждой странѣ наиболее уклоняются отъ повинности крови тѣ именно народности, которыя находятся тамъ въ загонѣ, въ политическомъ угнетеніи. Въ Австріи въ уклоненіи отъ этой повинности обвиняются,

¹ См. Д-ръ *Fröhlich*, Военная медицина. Русскій переводъ д-ра *Исакова*, изд. главн. военно-медиц. управ., Спб., 1888, стр. 256—258.

главнѣйшій образъ, руины и русны ¹, въ Германіи французы, особенно уроженцы Эльзаса и Лотарингіи и т. д. Государства борются противъ этого зла репрессалиями. Но общественное мнѣніе повсюду все болѣе и болѣе склоняется въ пользу мирнаго режима, болѣе цѣлесообразнаго въ подобныхъ случаяхъ. Уничтожить исключительные законы, ставящіе данную національность въ положеніе гонимаго пасынка, затѣнить ихъ искренними родственными обращеніемъ, такимъ же, какое оказывается туземцамъ, и спустя короткое время тѣ же элементы, которые теперь не видятъ ни малѣйшаго резона отдать свою жизнь недоброжелательной родинѣ-мачихѣ, съ готовностью станутъ ее жертвовать родному отечеству.

Эти факты и мысли, столь существенные при обсужденіи вопроса о способахъ привлеченія людей къ отбыванію воинской повинности, почему то всегда игнорируются, когда у насъ заходитъ рѣчь о евреяхъ. Никому не приходитъ въ голову обратить при этомъ вниманіе на правовое положеніе евреевъ; въ Россіи никто не задаетъ вопросовъ: почему евреи въ Германіи, Франціи, Италіи, Вельгін не подають никогда повода къ жалобамъ на уклоненіе ихъ отъ воинской повинности? Въ глубь дѣла никто не вникаетъ. Изъ одного памфлета въ другой переходитъ, не подвергаясь провѣркѣ и критикѣ, стереотипная фраза: «евреи избѣгаютъ воинской повинности, и ихъ надо къ ней принудить энергичными мѣрами». Такая банальная узкая точка зрѣнія очень удобна для людей, не любящихъ вдумываться въ трактуемый вопросъ, для борзописцевъ, которые при нѣкоторой фантазіи могутъ, скользя по поверхности, наговорить на данную тему много пакантнаго.

Къ такимъ именно верхоглядамъ-борзописцамъ принадлежитъ д-ръ Орловъ, несомнѣнно виртуозъ по части изложенія ходячихъ юдофобскихъ мнѣній языкомъ quasi - ученаго. Читатель жестоко ошибется, если по заглавію книги заключить, что г. Орловъ дѣйствительно дастъ какія то «основы діагностики» болѣзней и лишь мимоходомъ, гдѣ то въ «приложеніи», слегка касается евреевъ. Главой о «различныхъ способахъ уклоненія евреевъ отъ военной повинности», занимающей 40 страницъ убористой печати, начинается книга г. Орлова, и жидоѣдскія мысли, тутъ высказанныя, повторяются затѣмъ чуть не на каждой страницѣ, подобно характернымъ мелодіямъ оперной увертюры, повторяемымъ въ разныхъ

---

¹ Д-ръ *Dörblich*, оберъ-штабъ-докторъ австрійской службы. «Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ». Русскій перев., изд. ред. „Военно-Санитарнаго Дѣла“, Сиб., 1882, стр. 18—19.

варіаціяхъ, на протяженіи всей нѣсы. Впечатлѣніе получается такое, точно авторъ ничѣмъ, кроми еврейскаго вопроса, не интересовался и книгу свою написалъ исключительно въ пину какимъ то насалившимъ ему іудеизмъ. Впрочемъ, кроми мести евреямъ, авторъ при писаніи своего памфлета былъ обуреваемъ, повидимому, еще однимъ чувствомъ: страхомъ, чтобы врача не заподозрили въ полученіи взятки. Такъ, наприм., г. Орловъ, обвиняя евреевъ въ любви къ жалобамъ на неправильныя опредѣленія врачами ихъ физическаго состоянія, со скорбью прибавляетъ: «То обстоятельство, что еврейскія жалобы на неправильный приѣмъ во многихъ случаяхъ справедливы, поддерживають у начальства также кредитъ и ко всѣмъ еврейскимъ доносамъ вообще и зарождають у него *подозрительность* къ тѣмъ лицамъ, которыя подвергаются этимъ доносамъ» (стр. 24). Стараясь по своему объяснить, почему «особыя комиссіи» часто освобождаютъ отъ службы такихъ евреевъ, которыхъ врачи уѣздныхъ присутствій признавали годными, авторъ говоритъ: «получающее членами этихъ комиссій солидное содержаніе больше гарантируетъ ихъ отъ подозрѣнія во *взяточничествѣ*, тѣмъ членомъ уѣздныхъ присутствій и врачей, занимающихъ низшія служебныя инстанціи и съ великимъ трудомъ натагивающихъ свое содержаніе отъ 20 до 20 числа» (стр. 12). Въ другомъ мѣстѣ, увѣряя, что многие изъ евреевъ-новобранцевъ, призванныхъ въ «особыя комиссіи» подлежащии увольненію по болѣзни, на самомъ дѣлѣ будто бы совсѣмъ годны для строевой службы, г. Орловъ замѣчаетъ: «Безнаказанности евреевъ, уклоняющихся по этому способу (!), содѣйствуетъ также хотя косвеннымъ путемъ существующее у начальства крайне сильное *подозрѣніе во взяточничествѣ*» (стр. 21). Такихъ и подобныхъ фразъ въ книгѣ г. Орлова очень много. Если вспомнить извѣстный фактъ, что «начальство» никогда не обнаруживало особой подозрительности въ отношеніи честности врачей, и что вообще нерезонно подозрѣвать во взяточничествѣ такихъ людей, которые проявляютъ излишнюю строгость при исполненіи своихъ обязанностей, и—*nota bene*—что евреи у насъ вообще не въ авантажѣ обрѣтаются, и нѣтъ за нихъ не стануть понапрасно беспокоить честныхъ чиновниковъ, то придется удивляться тому, что д-ръ Орловъ такъ много говоритъ о взяточничествѣ и подозрѣніяхъ. Такъ или иначе, а черезъ всю его книгу проходитъ красной нитью страстная вражда къ евреямъ и боязнь быть къ чемъ то заподозрѣннымъ.

Сужденіе о евреяхъ основаны у г. Орлова на одномъ главномъ положеніи: евреи всегда и повсюду *блгутъ* отъ воинской повинности. Для доказательства этого положенія авторъ прибѣгаетъ къ довольно простому

средству: сочиненію небывалыхъ цифръ и цитатъ или искаженію цитируемыхъ нѣ словъ до неузнаваемости. Добросовѣстность автора сразу обнаруживается съ первыхъ шаговъ въ слѣдующей статистической выкладкѣ: «Въ 1891 году—повѣствуетъ онъ—призывалось къ отбыванію воинской повинности всего 874,101 человекъ, изъ нихъ евреевъ 50,470. Принято въ войска 258,763, изъ нихъ евреевъ 15,837. Общій недоборъ былъ 1,237 чел., а недоборъ евреевъ—850» (стр. 6). Изъ сего авторъ заключаетъ, что евреи даютъ сравнительно мало новобранцевъ. Разберемъ эти цифры,

Призывалось 874,101 чел. = 823,631 не-евреевъ + 50,470 евреевъ.
 Принято 258,763 чел. = 242,926 не-евреевъ + 15,837 евреевъ.

Значитъ, изъ 823,631 не-еврея принято 242,926 чел., что составляетъ 294 на тысячу, а изъ 50,470 призванныхъ евреевъ принято 15,837 чел., что составляетъ 313 на тысячу; стало быть евреи дали съ каждой тысячи *на 19 человекъ больше*, чѣмъ не-евреи. И изъ этихъ цифръ, «взятыхъ изъ отчета, напечатаннаго въ Правительственномъ Вѣстникѣ», г. Орловъ считаетъ возможнымъ, очевидно рассчитывая на легковѣріе читающей публики, заявить, что евреи «бѣгутъ» отъ воинской повинности. Вслѣдъ затѣмъ г. Орловъ дѣлаетъ еще болѣе рѣшительный шагъ: онъ заявляетъ, что изъ всего числа 15,837 *принятыхъ* евреевъ *бѣжало* вскорѣ послѣ приема на службу 7552 т. е. 48 проц. и ссылается опять таки на «Правительственный Вѣстникъ». Проверю эту ссылку, и оказывается вотъ что: Въ «Правит. Вѣстникѣ» отъ 21 февр. 1892 г. (№ 41), въ отчетѣ о результатахъ призыва 1891 г., дѣйствительно имѣется цифра 7552, но она находится въ рубрикѣ «Не явилось къ призыву»; стало быть, сюда входятъ умершіе, эмигрировавшіе и т. д. Известно, что такихъ неподлежащихъ призыву лицъ вносится въ списки множество, вследствие чего увеличивается контингентъ евреевъ, зачисляемыхъ въ войска, и является неизбежный «недоборъ»; въ 1891 г. недоборъ составлялъ у евреевъ по отчету 862 чел.; но *рубрики «бѣжало вскорѣ послѣ приема на службу» въ отчетѣ Правит. Вѣстника вовсе нѣтъ*, она, право сказать, *вымышленна* г. Орловымъ, и ужасающій процентъ бѣжавшихъ евреевъ (48 проц.) есть продуктъ разнузданной свѣлости жидовѣда, убежденнаго, что говоря о евреяхъ, можно безнаказанно фальсифицировать цитаты даже изъ официальныхъ источниковъ. Г. Орловъ пытается доказать, что евреи *во все времена и во всехъ странахъ* уклонялись отъ воинской повинности. Цитаты его отличаются тутъ такой же точностью, какъ

въ первомъ случаѣ. Что евреи избѣгали воинской повинности въ древности, г. Орловъ доказываетъ фактомъ, что «еврейскій царь (!) Давидъ притворился сьунаседшимъ», причѣмъ дѣлаетъ ссылку на I книгу Царствъ, гл. XXI, ст. 18 (стр. 1, выноска). Желаящій можетъ убѣдиться, что въ цитируемомъ стихѣ ни словомъ не упоминается о царѣ Давидѣ. Въ другомъ мѣстѣ, въ книгѣ Самуила, повѣствуется, что Давидъ притворился сьунаседшимъ, скрываясь отъ преслѣдованій Саула; но причѣмъ тутъ воинская повинность?! Убѣдительный образчикъ своей добросовѣстности въ цитированіи источниковъ г. Орловъ даетъ на стр. 77, гдѣ говоритъ: «Въ сосѣдней съ нами Австріи д-ръ Дерблихъ тоже наблюдалъ эпидемію парши между призывныки *сереями* и также объясняетъ это явленіе искусственнымъ привітїемъ болѣзни»; тутъ сдѣлана ссылка на сочиненіе Дерблиха, стр. 7; провѣряю ссылку и убѣждаюсь, что у Дерблиха не упоминается вовсе о евреяхъ, а сказано буквально: «Я присутствовалъ при рекрутскомъ наборѣ въ такіе мѣстности, въ которыхъ явилось поразительное множество случаевъ выпаденія прямой кишки, въ другихъ большое число новобранцевъ являлось съ паршами на головѣ или съ обрубленными пальцами руки и ноги. Это нѣялось точно пода». И больше ничего. Очевидно, д-ръ Орловъ не рассчитывалъ, что кому нибудь вздумается провѣрять его цитаты по источникамъ.

Однако, прекратимъ неприятную очную ставку г. Орлова съ цитируемыми имъ авторами. Читатель видитъ уже, какое довѣріе можно имѣть къ этому сѣлому сочинителю. Но интересно вотъ что. Если человекъ рѣшается грубо фальсифицировать источники, всѣмъ доступные, то какому цѣну могутъ имѣть тѣ его заявленія, которыя основаны на «собственныхъ наблюденіяхъ», никакой провѣркѣ недоступныхъ,—особенно, если вспомнить безпрестанныя жалобы г. Орлова на недовѣріе, оказываемое «начальствомъ»?

¶ А «собственные наблюденія» г. Орлова достопривѣтательны. О способѣ ихъ собранія авторъ [рассказываетъ слѣдующее: «Такъ какъ всѣ евреи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я служилъ, говорятъ и по польски, то по мѣрѣ усвоенія польскаго языка, я сталъ въ разговорахъ съ ними все рѣже и рѣже употреблять нѣмецкій, который понимать, вслѣдствіе особенностей еврейскаго произношенія, гораздо труднѣе, чѣмъ польскій. Но благодаря знанію нѣмецкаго языка, я понималъ *мезамиттно* для евреевъ многое изъ ихъ разговора, а привычка, наблюдая за больными, въ то же время не упускать изъ виду здоровыхъ, дала мнѣ возможность познакомиться довольно порядочно съ характеромъ и складомъ мыслей этого народа» (стр.

2-я). Благодаря этому своеобразному способу исследования, изученному, очевидно, не въ стѣнахъ медицинской академіи, г. Орловъ вскорѣ сдѣлалъ открытіе огромной важности: кагалы систематически, разными средствами, избавляютъ евреевъ отъ воинской повинности. Какіе кагалы? Гдѣ существуютъ эти жуналы, которыхъ ни одна еврейская община и ни одинъ іудей не знаютъ и не вѣдаютъ? Авторъ этии естественными вопросами не задается, а категорически говоритъ: «Эти учрежденія силочаютъ еврейское общество», ибо «евреи, не стѣсняясь другъ друга, цѣлыми обществомъ могутъ обсуждать иѣры, противодействующія правительству». Оказывается, что объ этомъ г. Орловъ въ 1888 г. написалъ статью для «Варшавскаго Дневника», но его идею предвосхитилъ «Гражданинъ», сообщившій миру тѣ-же мысли до напечатанія ихъ въ варшавской газетѣ; такимъ образомъ, остается спорнымъ вопросъ о приоритетѣ. Установивъ существованіе никому невѣдомыхъ «кагаловъ», г. Орловъ очень развязно переходитъ къ «описанію» приемовъ, приѣняемыхъ ими для избавленія евреевъ отъ воинской повинности. Изложенное въ этомъ отдѣлѣ имѣетъ интересъ чрезвычайно пикантнаго куріоза и, поистинѣ поражаетъ широтой замысла и необычайной свободой вымысла. Поразительно, что эти вещи, не имѣющія ни малѣйшаго соприкосновенія съ медициной, описываются именно врачомъ въ медицинскомъ руководствѣ.

До сихъ поръ полагали, что желающій избѣжать воинской повинности притворяется больнымъ. Г. Орловъ увѣряетъ, что евреи наступаютъ какъ разъ наоборотъ: «евреи, неспособные къ военной службѣ по какимъ либо болѣзнямъ или физическимъ недостаткамъ, на первый взглядъ не очевиднымъ или трудно распознаваемымъ при настоящихъ условіяхъ осмидѣтельности, стараются попасть на военную службу» (стр. 8). Они при спросѣ о здоровьѣ заявляютъ, что они совершенно здоровы; «малорослые стараются увеличить свой ростъ», «страдающіе наховыми грибами стараются послѣ изправленія на время осмотра удерживать ихъ отъ выхожденія»; «скрываютъ свои болѣзни также евреи, страдающіе пороками зрѣнія». Для чего они такъ поступаютъ? Чтобы навакостить воинскимъ присутствіямъ, которыхъ затѣмъ, конечно, приходится имѣть неспрѣнтности за пріятіе на службу людей негодныхъ! Каково коварство Израиля! «Питаеть отвращеніе къ военной службѣ», но готовъ поступиться своими чувствами, лишь бы подвести «гоя» подъ неспрѣнтность. Вы спросите: почему же присутствія принимаютъ больныхъ, почему не отдають предпочтенія здоровымъ? Г. Орловъ отвѣчаетъ на это: «Зная напередъ о годности или негодности къ военной службѣ извѣстныхъ лицъ, евреи представляютъ къ осмотру негод-

ныхъ прежде, чѣмъ годныхъ» (стр. 11). Вы спросите: какимъ же образомъ они могутъ это сдѣлать? Вѣдь номера жеребья достаются не по порядку, а въ разбивку, такъ что первый, вынимающій жребій, можетъ получить послѣдній номеръ, второй—средній и т. д.? Г. Орловъ отвѣчаетъ: «Эту почти до невѣроятности трудную задачу можетъ рѣшить еврейская хитрость». Дальше идетъ, на нѣсколькихъ страницахъ, гологолозное, чисто талмудическое объясненіе того, какъ можно рѣшить эту «задачу». Надо льготныхъ сдѣлать безльготными и наоборотъ. Отецъ юноши, подлежащаго призыву и ищущаго льготу, заявляетъ, что онъ отрекается отъ сына, или женится на вдовѣ съ дѣтьми, чѣмъ отнимаютъ у него льготу. «Подобныя штуки могутъ продѣлываться только по приказанію кагала или раввиновъ, потому что самъ продѣлывающій не имѣлъ бы въ этомъ никакой надобности» (стр. 15). Льготы отнимаютъ у людей больныхъ и отдаютъ ихъ здоровымъ. Первое еще кое-какъ понятно: можно скрыть право на льготу; но какъ продѣлать второе, какъ можно переводить безльготныхъ въ разрядъ льготныхъ? Это было бы весьма интересно знать многимъ и многимъ. Оказывается, что этого именно г. Орловъ «еще» не знаетъ. «Есть нѣсколько путей, но я еще не вполне изучилъ ихъ» (стр. 16). «Говорятъ, что съ цѣлью предоставить сыновьямъ своимъ льготы, евреи записываютъ новорожденныхъ мужского пола въ сыновья къ другимъ евреямъ, отъ которыхъ уже нельзя ожидать потомства». Это удивительно правдоподобно! Но чего нибудь получше г. Орловъ, очевидно, не могъ придумать и потому, нимало не случаясь и считая доказанной возможность переводить лицъ безльготныхъ въ разрядъ льготныхъ, онъ разсуждаетъ далѣе: «въ льготную группу вносится искусственно много лицъ, неспособныхъ къ военной службѣ, а способные отчасти переводятся въ льготную». А такъ какъ льготные подвергаются осмотру послѣ льготныхъ, то... и приходится сначала свидѣтельствовать больныхъ, которые, скрывъ свои болѣзни, попадаютъ въ списокъ принятыхъ, изъ коего высшая инстанція затѣмъ ихъ исключаетъ, посплавъ въ то же время нагоняя врачу-пріемнику.

Какова механика! Еврей, подарившій своего новорожденного сына господину, «отъ котораго трудно ожидать потомства», очевидно, знаетъ заранее, что сынъ его будетъ черезъ 20 лѣтъ совершенно здоровъ; иначе, по г. Орлову, его слѣдовало бы оставить въ спискѣ безльготныхъ; отецъ, кромя того, очевидно, получилъ гарантію, что черезъ 20 лѣтъ и онъ самъ, и «господинъ безъ потомства» будутъ живы и здоровы, ибо въ случаѣ смерти послѣдняго, призванный, какъ «одиночка», не пользуется никакой льготой. Словомъ, чтобы продѣлать всю хитрую механику, вобрѣ-

тенную г. Орловымъ, еврей долженъ обладать даромъ предвидѣнія далекаго будущаго, со временъ вѣщнихъ пророковъ никому недоступнаго. Такъ какъ подобныя продѣлки нѣкогда еще не практиковались, да и самъ г. Орловъ не приводитъ ни *одного факта* этого рода, то остается только удивляться изобрѣтательности автора.

Другой способъ уклоненія отъ службы, придуманный г. Орловымъ, не вѣе сложнѣе, но столь же практиченъ. Надо принятому на службу здоровому лицу какъ нибудь выхлопотать себѣ переосвидѣтельствованіе въ госпиталь или лазаретъ, въ другомъ городѣ, — и по дорогѣ туда поставить вѣсто себя другое лицо, страдающее какой нибудь болѣзнью. Мы говоримъ, что способъ этотъ также *изобрѣтенъ* г. Орловымъ, потому что обыкновенно новобранцы, отправляемые для переосвидѣтствованія, препровождаются туда этапнымъ порядкомъ, при которомъ подѣйна одного лица другимъ физически невозможна. Третій способъ, это подвергнуться вызову въ судъ. Вотъ какъ это описываетъ г. Орловъ: «Предлоги для вызова въ судъ изобрѣтаются искусственно (?). Суды эти по различнымъ причинамъ затягиваются на весьма продолжительное время... Иногда судебное дѣло тянется годъ и даже больше, а вслѣдъ за его окончаніемъ возникаетъ второе, потомъ третье и т. д.». Такимъ образомъ, человѣкъ можетъ, числясь въ полку, провести все время своей службы дома. Авторъ не говоритъ, что этотъ способъ практикуется, но крайней мѣрѣ не приводитъ ни одного факта. Такимъ образомъ, мы должны сдѣлать предположеніе, что г. Орловъ просто пожелалъ написать своего рода *руководство для лицъ, желающихъ избѣгнуть службы въ войскахъ*, и скомбинировалъ нѣсколько придуманныхъ имъ, болѣе или менѣе остроумныхъ способовъ. Въ этомъ отношеніи специально для евреевъ былъ-бы недуренъ предлагаемый г. Орловымъ четвертый способъ: во время набора подпортить нѣсколькихъ подлежащихъ призыву христіанъ здороваго тѣлосложенія и продержатъ ихъ въ веселомъ настроеніи гдѣ нибудь подальше, до окончанія призыва, затѣмъ представить ихъ начальству какъ уклонившихся отъ явки въ воинское присутствіе: ихъ зачислять безъ жребія, а вѣсто этого освободить нѣсколько принятыхъ на службу евреевъ. Слѣдовать совету г. Орлова нѣшаетъ, однако, то обстоятельство, что послѣ набора, какъ и во время его, по точному требованію закона, еврей защищаетъ еврея, а христіанъ — христіане, и что вообще нѣтъ основанія полагать, что вѣсто представленнаго, якобы укрывшагося, новобранца-христіанина, освободятъ іудея. Во имя чего еврей будетъ въ теченіе 3—4 недѣль понтъ христіанскаго народа очищенной, ири вынѣженъ высокомъ акцизѣ на нее.

Верхъ изобрѣтательности представляетъ описываемая нами система сочинителей хитрая «система еврейскихъ доносовъ», какъ средство, помогающее здоровымъ евреямъ уклоняться отъ воинской повинности». Что авторъ не узналъ объ этой системѣ изъ дѣйствительныхъ фактовъ, въ томъ онъ сознается самъ. Онъ говоритъ: «Чтобы въ кушъ еврейскихъ доносовъ увидѣть систему, нужно видѣть множество этихъ доносовъ и внимательно ихъ разсматривать; а для этого необходимо быть нѣсколько разъ экспертомъ въ узкихъ присутствіяхъ, да и не въ одно только время общаго набора. Теперь это почти *невозможно*, потому что начальство, подозрѣвая всѣхъ (?) во вѣточничествѣ, старается назначать въ присутствіи молодыхъ врачей, совершенно незнакомыхъ съ еврейскими подвохами или опытныхъ не назначаетъ нѣсколько разъ сряду. Благодаря этой подозрительности, мы и не можемъ хорошо познакомиться съ еврейскими плутаями» (стр. 23—24). Далѣе авторъ уже прямо говоритъ: «Система еврейскихъ доносовъ чрезвычайно трудна для изслѣдованія, и я долженъ сознаться, что изучилъ ее (*изучилъ!*) далеко не вполне» (стр. 24). Какъ жаль, что подозрительное «начальство» не допускало д-ра Орлова почтѣе въ воинскія присутствія, куда его влекла только неудержимая любовь къ *изученію* происходящихъ тамъ явленій! А у насъ еще принято думать, что военное вѣдомство искренно содѣйствуетъ своимъ врачамъ въ ихъ стремленіяхъ къ усовершенствованію и жертвуетъ для этого громадныя суммы! Такъ или иначе, а д-ру Орлову начальство не дало возможности «взучить» все, что происходитъ въ воинскихъ присутствіяхъ.

Курьезной особенностью г. Орлова нужно признать его стремленіе видѣть каверзы и лукавство тамъ, гдѣ дѣло объясняется очень просто обычными, свойственнымъ всякому человеку чувствами самосохраненія. Напр., одинъ изъ новарійскихъ случаевъ доноса со стороны евреевъ д-ръ Орловъ считаетъ слѣдующій. «Еврей, принятый на службу послѣднимъ по жребію, часто даже льготный, доноситъ, что неправильно за взятки забракованы такой-то или такіе-то, зная напередъ, что между забракованными есть лица, признаціе годности или негодности которыхъ къ военной службѣ вводѣтъ зависить отъ субъективнаго взгляда принимающихъ. Одинъ изъ евреевъ при переосвидѣтельствованіи признается годнымъ и принимается. Прийдя въ войска еврей этотъ при *кладнокроемомъ* осмотрѣ врачами признается дѣйствительно неспособнымъ или малоспособнымъ къ военной службѣ и посылается въ особую военную воинскую, гдѣ его вовсе абраковываютъ, или даютъ оторечку» (стр. 25). Въ чемъ же тутъ, однако, «фокусъ» еврея? Почему воинское присутствіе, получавъ доносъ,

материю «кладнокровіе» и приняло забракowanego нитъ же раньше еврея, дѣйствительно негоднаго къ службѣ? Если воинское присутствіе, состоящее изъ «незантересованныхъ» чиновниковъ и ученыхъ специалистовъ могло признать негоднаго годнымъ, то тѣмъ легче могъ это сдѣлать простой смертный, вѣдѣвшій прямой интересъ въ принятіи на службу забракowanego, вслѣдствіе котораго пришлось идти въ солдаты ему самому, хотя онъ взялъ высокій жребій или даже нѣтъ льготы, и съ его стороны «доносъ» въ этомъ случаѣ довольно естественная вещь. Тѣмъ не менѣе г. Орловъ усматриваетъ здѣсь только стремленіе навакосить христіанамъ, заседающимъ въ воинское присутствіе. «Вѣдь всѣ еврей—комментарируетъ онъ—смотрятъ на христіанъ какъ на своихъ притѣснителей и кроиѣ того, согласно Талмуду, даже не считаютъ ихъ за людей, а скорѣе за какихъ-то животныхъ, которыхъ нужно вредить при всякой возможности. Еврей называютъ христіанина гоємъ, т. е. тварью. Донося, что такой-то освобожденъ за взятки, еврей сразу дѣлаетъ два выгодныхъ гешефта: удовлетворяя требованіямъ своей религіи, онъ наноситъ вредъ христіанскимъ чиновникамъ и т. д.» (стр. 25). Это не тирада изъ записокъ сьумасшедшаго, а буквальная выписка изъ медицинскаго сочиненія, претендующаго на ученость.

Дальше нашъ авторъ описываетъ другую форму еврейскаго доноса. «Доносить одинъ или нѣсколько евреевъ тоже на одного или нѣсколькихъ, что они произвели себѣ искусственно какія нибудь болѣзни, наприм., язвы на ногахъ. Узвѣдное по воинской повинности присутствіе, куда обыкновенно подаются такіе доносы, видитъ дѣйствительно язву, но язву самую пустую и легко излѣчивую, искусственность которой большей частью очевидна. Если *сгоряча* доносу дана будетъ вѣра, и еврея, подвергшагося этому доносу, принять, то цѣль его вполне достигнута».

Дѣло въ томъ,—объясняетъ г. Орловъ,—что кроиѣ сдѣланной язвы субъектъ страдаетъ еще какіиъ нибудь скрытымъ крупнымъ недостаткомъ, котораго «врачи въ предубѣжденіи противъ евреевъ не замѣчаютъ». «Доносы эти рассчитаны на то, чтобы еще больше возбудить и, такъ сказать, ослѣпить членовъ присутствія и врачей и безъ того возбужденныхъ противъ евреевъ (1), съ цѣлью сдать временно на службу лицъ неспособныхъ къ ней». Понятно, при переосвидѣтельствованіи въ высшей инстанціи, потому ли, что тамъ не дѣйствуютъ «сгоряча», или потому, что тамъ не такъ «возбуждены противъ евреевъ», скрытый недостатокъ обнаруживается, и злосчастнаго іудея, сдѣлавшагося предметомъ доноса, освобождаютъ отъ службы. Спрашивается, кто же тутъ виноватъ? Авторъ доноса не галѣ, когда обанялъ своего единовѣрца въ причиненіи себѣ искусственной язвы;

высшая военная комиссія совершенно основательно поступаетъ, освобождая отъ службы человѣка съ серьезнымъ недостаткомъ, предусмотрѣннымъ уставами. Неправыми остаются только тѣ врачи, которые, дѣйствуя «сгоряча» и «въ предубѣжденіи противъ евреевъ», приняли на службу заведомо негоднаго къ ней человѣка, потому лишь, что онъ еврей и сдѣлалъ себѣ искусственную язву. Этихъ-то господъ и слѣдуетъ подвергать взысканію. Но г. Орловъ рассуждаетъ иначе и говоритъ: «*Доносчика слѣдовало бы притянуть къ судебной отвѣтственности за такое вредное (для кого?) глумленіе (?) надъ членами присутствія*» (обиженными бѣдняжками). Въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ по этому пункту авторъ безподобенъ: «Такого рода доносы напущутъ обыкновенно *люди, вхожіе къ начальству* и пользующіеся у него нѣкоторымъ довѣріемъ»,—говоритъ онъ и при этомъ сообщаетъ, что—«за каждымъ чиновникомъ, начиная съ самаго низшаго и кончая почти самымъ высшимъ, въ Западномъ краѣ постоянно слѣдуетъ еврей, какъ бѣсы-искуситель; онъ вникаетъ въ домашній бытъ эксплуатируемаго (?), вводитъ къ нему въ довѣріе и т. д.». Д-ръ Орловъ, очевидно, хочетъ этимъ сказать, что въ высшихъ военныхъ комиссіяхъ рѣшеніе воинскихъ присутствій отиѣиваются подѣ влияніемъ «бѣса-искусителя», хотя самъ же онъ выше призналъ, что врачи присутствія были неправы, дѣйствовали «сгоряча» и «въ предубѣжденіи противъ евреевъ». Впрочемъ, сбиваться и впадать въ противорѣчія неизбежно, когда человѣкъ говоритъ невозможныя вещи.

Д-ръ Орловъ описываетъ, затѣмъ, еще одинъ сортъ доноса, до цѣли котораго онъ «еще не могъ додуматься» (стр. 7). Еврей доноситъ анонимно на другого, совершенно годнаго къ военной службѣ, обвиняя его въ поддѣлкѣ такихъ болѣзней, какихъ у того въ дѣйствительности не оказывается. Очевидно, что тутъ имѣется дѣло съ обычнымъ ложнымъ доносомъ недоброжелателя, котораго слѣдуетъ подвергнуть установленному наказанію. Но д-ръ Орловъ, по своему обыкновенію, усматриваетъ тутъ какую-то хитрую политику кагала, хотя самъ отказывается указать, въ чемъ она заключается. «Я увѣренъ,—говоритъ онъ,— что онъ (донось) имѣетъ какую нибудь опредѣленную цѣль, только ведетъ къ ней еще болѣе хитрыя закоулканы, чѣмъ въ другихъ упомянутыхъ случаяхъ». Курьезнѣе всего, что на основаніи своихъ фантазій, не подтвержденныхъ ни однимъ фактомъ, д-ръ Орловъ считаетъ возможнымъ давать практическіе «выводы», а именно: слѣдуетъ перевести на русскій языкъ Талмудъ, запретить печатаніе еврейскихъ книгъ на латинскомъ нѣмецкомъ языкахъ и притомъ древнееврейскимъ шрифтомъ, слѣдуетъ уничтожить еврейскіе кагалы (*какіе-такіе?*) и ослабить авторитетъ раввиновъ. Чтобы сколько нибудь замаскировать

свои жидоѣдскія вождельнія, авторъ считаетъ нужнымъ сказать слово о жадательности устраниенія причины уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Но въ чемъ, вы думаете, онъ усматриваетъ эту причину? Въ отвращеніи евреевъ къ солдатской пищѣ. Евреи, по его наблюденіямъ, часто воздерживаются отъ всякой пищи въ войскахъ, наживаютъ себѣ всякія болѣзни, обусловленные дурнымъ питаніемъ, но отъ солдатскаго пайка отказываются. Г. Орловъ предлагаетъ завести въ полкахъ особыя кухни для евреевъ. Чтожъ, это ревонъ, и на томъ спасибо. Но этииъ далеко не исчерпываются причины сравнительно большей въ еврейскомъ населеніи, тѣмъ въ русскомъ, антипатіи къ военной службѣ. *О равныхъ обязанностяхъ можетъ быть рѣчь лишь при равныхъ правахъ.* Объ этомъ г. Орловъ основательно уналичиваетъ. «Не мое дѣло», — говоритъ онъ (стр. 30). Выходитъ, что для г. Орлова только инсинуировать и обвинять «мое дѣло».

Но перейдемъ, наконецъ, къ quasi-ученой части труда д-ра Орлова, въ которой онъ поучаетъ врачей распознавать искусственныя притворныя болѣзни. Объ этомъ предметѣ существуетъ большая литература, изъ которой г. Орловъ понадергалъ разные совѣты, прибавивъ къ нимъ отсебятивы. И тутъ нужно сказать слѣдующее: что хорошо, то не ново (взято у другихъ), а что ново, то ужасно нехорошо и, главное, ужасно тенденціозно. Почти невѣроятно, между тѣмъ это фактъ, что у г. Орлова национальность играетъ рѣшающую роль въ запутанныхъ діагностическихъ случаяхъ, гдѣ трудно отличать искусственную болѣзнь отъ дѣйствительной. Вотъ тому примѣры. Является субъектъ съ сведеніемъ (контрактура) въ локтевомъ суставѣ и говоритъ, что это у него сдѣлалось послѣ ревматизма. Возможно и даже весьма вѣроятно. Но возможно, что у него никакого ревматизма не было, и что сведеніе сустава ему устроили предъ призывомъ. Г. Орловъ сообщаетъ, что въ такихъ случаяхъ совѣтуютъ предпринять европейскіе ученые. Но не удовлетворяясь этими указаніями, онъ даетъ отъ себя совѣтъ. Дѣло въ томъ, что послѣ ревматизма образуется сведеніе обыкновенно лишь въ случаѣ плохого, неправильнаго лѣченія, а посему «не мѣшаетъ припомнить, что евреи живутъ почти исключительно въ городахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ медикахъ и медикаментахъ, и ревматическія контрактуры у нихъ должны быть положительно рѣдкостью» (стр. 66). Стало быть, если контрактура существуетъ у еврея, то она искусственная, а если у магометанина и язычника, то она дѣйствительно ревматическая. Да здравствуетъ наука и да здравствуетъ д-ръ Орловъ, обогатившій ее столь цѣннымъ діагностическимъ признакомъ. Этотъ остро-

умный діагностическій методъ почтенный докторъ старается приѣхать и въ другихъ подходящихъ случаяхъ. Идетъ, наприм., рѣчь о пресловутыхъ «паршахъ», болѣзни заразной. Является парень съ несомнѣнной паршью (*favus*) на головѣ. Какъ узнать, заразился ли этотъ парень своей некрасивой болѣзнию печально или привилъ ее себѣ съ наитрѣннѣеишъ необходимостью военной службы. Дѣло трудное,—трудное, впрочемъ, для кого угодно, только не для д-ра Орлова, обладающаго драгоценнымъ діагностическимъ методомъ. Онъ строитъ слѣдующій силлогизмъ. «Среди евреевъ у женщинъ и дѣтей паршь встрѣчается сравнительно рѣже, чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ» (посылка первая, голословная); далѣе, «евреи мужчины никакихъ особенно располагающихъ причинъ къ полученію парши не имѣютъ» (посылка вторая, безобидная); «*следовательно*, здѣсь главную роль играютъ причины *производящія*» (стр. 77), т. е. искусственная прививка. Итакъ, если до сей поры жиду какъ бы вѣнялось въ обязанность быть «паршатниъ», то отнынѣ ему быть таковымъ не полагается, а буде онъ все-таки паршатиъ, то его, какъ причинившаго себѣ неприличную болѣзнь, въ солдаты принять и сдать въ штрафную роту.—Право, можно подуматъ, что г. Орловъ получилъ приказъ наполнить до верха какую нибудь большую копылку курьезовъ.

Курьезнѣе всего читать тѣ страницы безподобнаго сочиненія (ужъ истинно «сочиненія») д-ра Орлова, гдѣ авторъ, наговоривъ съ три короба о хитрости и лукавствѣ евреевъ въ дѣлѣ причиненія себѣ данной болѣзни, переходить, наконецъ, къ фактамъ. Тутъ онъ себя каждый разъ выдаетъ головой. Напр., въ главѣ объ искусственныхъ язвахъ, характеризующихся расходящимися каналами, онъ, послѣ разныхъ выходовъ противъ евреевъ вообще, въ концѣ концовъ неожиданно для читателя сознается, что «язва съ расходящимися каналами *никогда* не встрѣчается у евреевъ» (стр. 89). Онъ, разумеется, спѣшитъ тутъ же дать этому обстоятельству приличное объясненіе. Видите ли, «самый видъ этой язвы изобличаетъ искусственность происхожденія, а такого промаха еврей уже никогда не сдѣлаетъ». То же повторяется въ главѣ о притворной эпилепсін; послѣ долгихъ сборовъ и подходовъ, д-ръ Орловъ съ сокрушеннымъ сердцемъ заявляетъ: «Въ моей практикѣ встрѣчалось болѣе 40 случаевъ притворной эпилепсін, но у еврея (увы!) я видѣлъ ее всего одинъ разъ» (стр. 107). Чтобы утѣшить себя въ этомъ горѣ, авторъ на той же страницѣ говорить: «у лицъ такихъ національностей, которыя, какъ наши евреи, приобрѣли себѣ извѣстность въ симуляціи и поддѣлкѣ болѣзней, притворная падуца рѣдко встрѣчается потому, что еврей, ниѣя понятіе о способѣхъ

распознаванія эпилепсiи и зная, какъ трудна ея симуляція предъ глазами опытнаго врача, боится, такъ сказать, невѣрными шагомъ проиграть сраженіе». Та же исторія происходитъ и съ колтуномъ. Сначала д-ръ Орловъ говоритъ, что развитіе колтуна «можетъ быть вызвано искусственно различными средствами; на это великіе мастера наши еврейчики» (стр. 159); но затѣмъ, въ отдѣлѣ фактовъ, онъ заявляетъ: «у евреевъ, во время призывовъ, колтунъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ у христіанъ» (тамъ же). Опять-таки для своего утѣшенія онъ тутъ же прибавляетъ, что колтунъ върѣдка встрѣчается еще «у деревенскихъ евреевъ, которые глуше и суевѣриѣ городскихъ». Но едва-ли они суевѣриѣ самого г. Орлова, ибо надо обладать совершенно безграничнымъ запасомъ суевѣрія, чтобы, убѣдившись собственнымъ «многелѣтнимъ» опытомъ въ меньшемъ пространеніи извѣстныхъ притворныхъ болѣзней у евреевъ, все-таки вѣрить, что евреи собственно ужасные притворщики, но не притворяются единственно изъ опасенія быть изобличенными.

Нельзя сказать, чтобы д-ръ Орловъ не дѣлалъ все возможное для изобличенія подозрѣваемыхъ имъ евреевъ въ притворствѣ. Онъ подозрѣвалъ евреевъ въ причиненіи себѣ искусственной грыжи и усердно хлопоталъ, чтобы другіе врачи согласились съ нимъ. Но увы! «Врачи, очень опытные въ хирургіи, не хотѣли признать справедливости моего заявленія и признавали негодными къ военной службѣ цѣлыя партіи евреевъ, у которыхъ, по моему мнѣнію, была искусственная грыжа». (стр. 241). Иногда авторъ, для изобличенія своихъ жертвъ, прибѣгалъ къ истинно варварскимъ мѣрамъ. Вотъ что, наприм., онъ съ поразительной откровенностью повѣствуетъ объ одномъ еврей, который страдалъ упорнымъ выпаденіемъ прямой кишки и котораго онъ замедозрилъ въ притворствѣ. «Перечитывая одинъ изъ учебниковъ хирургіи, я случайно попалъ на мѣсто, гдѣ говорится, что *трещины* задняго прохода страшно болѣзненны при натуживаніи; у меня явилась блажная мысль произвести испытанію искусственно трещину задняго прохода и поспотрѣть, не окажется ли она излѣчивающаго дѣйствія на выпаденіе прямой кишки. Долго я не рѣшался на такой подвигъ, считая его незаконнымъ, негуманнымъ; но перспектива постыднаго пораженія (въ случаѣ, если испытуемый окажется дѣйствительно больнымъ, какъ утверждали другіе врачи) одержала верхъ въ моихъ соображеніяхъ, и я рѣшился попробовать это средство» (стр. 251). Читая это, не знаешь, чему больше удивляться: фанатической ненависти къ больному, виноватому лишь тѣмъ, что онъ іудей, или цинизму, съ какимиъ рассказываетъ эта исторія. Впрочемъ, чтобы по достоинству оцѣнить этотъ цинизмъ, надо прочитать то, что авторъ

говорить десятю страницами ниже. «Къ стыду врачей,—жалуются онъ тутъ,—безчеловѣчные способы испытанія не вышли еще изъ моды и теперь» (стр. 264). По истинѣ, человѣку свойственно «неищевати вины о грѣсѣхъ».

Я не хотѣлъ бы, чтобы все вышеизложенное было невѣрно истолковано. Я вовсе не отрицаю, что между призывающимися на военную службу евреями встрѣчаются притворщики. Еще меньше я склоненъ оправдывать такое явленіе; его можно *объяснить* вполне естественно существующими условіями, но вѣсть съ тѣмъ его нужно порицать самыми рѣшительными образомъ. Не надо снѣшивать дорогое отечество, въ которомъ евреи еще будутъ жить какъ вѣрные сыны и полноправные граждане, съ разными и борзописцами въ печати и канцеляріяхъ, берущими на себя смѣлость по своему рѣшать еврейскій вопросъ. Измѣнятся обстоятельства, наступитъ отрешеніе, и юдофобскія писанія станутъ анахронизмомъ. Россія навѣки останется для насъ дорогой, милой родиной. Мы должны служить ей вѣрно, должны всѣми силами искоренять въ своей средѣ все, шокирующее наше патриотическое чувство, въ томъ числѣ и членовредительство. Но не слѣдуетъ преувеличивать дѣйствительность.

Безпристрастныя указанія компетентныхъ врачей на замѣченныя ими злоупотребленія—вотъ что необходимо для усиленной борьбы съ членовредительствомъ. Но писанія въ родѣ книги г. Орлова, переполненныя членовредительствомъ и болѣзненной подозрительности, пользы привести не могутъ, ибо имъ никто не вѣритъ, а вредны они тѣмъ, что проповѣдуютъ вражду и несправедливость къ людямъ. Почтенный профессоръ В. А. Манассинъ, по поводу попытки одного врача изобличить больного солдатика въ притворствѣ, писалъ недавно ¹: «Наши распознавательныя средства еще очень далеки отъ совершенства, и врачу нельзя быть достаточно осторожнымъ въ признаніи притворства. Чѣмъ осторожнѣе онъ будетъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ меньше придется его совѣсти страдать впоследствии». Совѣсть г. Орлова, надо думать, послѣ смѣлой его книги, должна страдать немало.

Д-ръ С. Грузенбергъ.

¹ „Врачъ“, 1894, № 23, стр. 671.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В. В. СТАСОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ИСКУССТВУ.

הולכים בחשך ראו אור גדול.

(Собраніе сочиненій В. В. Стасова 1847—1886 съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса въ 3 томахъ in—4°, Спб. 1894 г.)¹.

Маствѣтнй ученнй, богатырскаго вида, представляетъ собою чистѣйшій типъ славнаго пахаря Мигули Селявиновича, который, предоставивъ другимъ бравные подвиги, предпочелъ работать

¹ Изъ двухъ motto въ началѣ книги, одно представляетъ собою выдержку изъ статьи „Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства“.—Изложеніе его мыслей о еврейскомъ искусствѣ или намеки на его отношеніе къ нему можно найти въ слѣдующихъ статьяхъ:

- I. 1-ая ч., стр. 293. По поводу постройки синагоги въ Спб. (1872 г.).
" " 309* Еврейское племя въ созд. европ. искусства (1873—8 гг.).
2-ая " 319* Новая русская статуя (1871).
" " 387. Скульптурныя выставки (1872).
" " 403. Нынѣшнее искусство въ Европѣ, Посвященіе (1878).
" " 511. О модели памятника Пушкину (1875).
" " 547* Памятникъ Оршанскому (1878).
" " 671* Послѣ всемірной выставки 1878 г. (1879).
II. 1-ая ч., стр. 449. Отвѣтъ Л. Гордону (1879).
" " 857. По поводу статьи Опекушина (1885).
III. " " 449. Жидовство въ Европѣ (1869).
" " 802. Памяти Мусоргскаго (1885).
" " 847. Танкредъ Дизраэли (1847).
" " 1414* По поводу перевода „Нагана Мудраго“ (1875).
" " 1498. По поводу Сары Бернаръ (1881).

Да простятъ меня читатели, если выпишу здѣсь одну фразу (III, 860), которая даетъ характеристику понятій В. В. С. о національностяхъ: „Подобно тому, какъ современные намъ славянофилы“ — писалъ онъ въ 1847 г.—„не видятъ или не хотятъ видѣть ничего другаго во всемъ нынѣшнемъ порядкѣ вещей, кромѣ всеобщаго приготовленія къ обновленію міра посредствомъ сла-

неустанно на пользу родного народа; И. Я. Гинцбургъ особенно удачнымъ образомъ воспроизвелъ въ своей статуэткѣ всю мощь, всю отвагу недремлющаго ума въ крѣпкомъ, исполинскомъ тѣлѣ, но еще лучше онѣ высказываются въ живыхъ чертахъ и величавомъ обликѣ Владиміра Васильевича, на котораго старость не смѣла наложить свою печать. Какъ дубъ вѣковой, онъ стоитъ наперекоръ бурѣ и непогодѣ. За семьдесятъ лѣтъ—*grande mortalis aevi spatium!*—его широкая спина не согнулась ни разу, развѣ только для того, чтобы поднять падшаго или поддержать слабого. Всѣ качества, присущія русской натурѣ, находятся въ немъ: молодечество, удалъ, раздолье, искренность, мягкосердіе, любознательность, пересаженный изъ внѣшняго міра на почву умственныхъ трудовъ, идеальныхъ стяжаній, научныхъ побѣдъ.

Онъ всю жизнь изучалъ, какъ изъ тайника человѣческой души ключемъ били высокіе помыслы, застывая, при соприкосновеніи къ матери природѣ, въ чудныхъ или несовершенныхъ произведеніяхъ художества. Отъ мелкаго узора до великолѣпнаго храма, отъ обломка былинны до величественной оперы, отъ простаго плана города до всемірныхъ выставокъ, всякое проявленіе ума въ изящномъ образѣ плѣняло его смолоду понинѣ. Но за образомъ онъ ищетъ идеи, за формою — чувства, за произведеніемъ — творческой мысли. Критикъ, историкъ, изслѣдователь, онъ

Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ

во имя истины и добра. Съ годами, конечно, взгляды его мѣнялись, какъ, напр., по отношенію въ дѣятельности Карла Брюллова; но убѣжденія остались неизмѣнными, и цѣльность характера не получила ни одной царапины. Весьма интересно прослѣдить въ немъ развитіе идеи человѣка, не вылившейся у него въ формѣ Платоновой идеи царшей въ эмпиреѣ, а превратившейся въ осязательное понятіе о національности. Для него національность не есть божокъ,

---

вянскаго племени въ будущемъ самаго заманчиваго величія, — Дизраэли полонъ подобныхъ же надеждъ въ отношеніи къ еврейскому племени“.

Кстати замѣтимъ, что въ это полное собраніе не вошли еще много статей В. В., именно тѣ, которые появились послѣ 1886 г.

Статьи, отмѣченныя звѣздочкою, появились въ различныхъ томахъ „Еврейской бібліотеки“ изд. А. Е. Ландау.

передъкоторымъ «судъ и правда, все молча»; она является равнодѣйствующею природныхъ и бытовыхъ силъ, давшихъ извѣстному обществу опредѣленную фizioномію; какъ плодъ естественныхъ законовъ, она имѣетъ право на жизнь; какъ выраженіе извѣстнаго направленія жизни, она имѣетъ право на развитіе; какъ частичная представительница развитія рода людскаго, она имѣетъ право на сочувствіе прочихъ народностей. Ему дорогъ всякій національный типъ, поскольку онъ расцвѣтаетъ безъ ущерба для расцвѣта прочихъ типовъ, ибо «наше дѣло», провозглашаетъ онъ, (I 1,377) «ничего не давить, ничего не душить». Обезличеніе племени—непростительная ошибка: онъ спокойно не можетъ говорить о школахъ, которыя, подъ видомъ универсальности понятій и образовъ, лишаютъ художника преемственныхъ его наклонностей и племенныхъ особенностей. Но онъ не стоитъ за обособленность, а, какъ самъ совѣтуетъ другимъ (I 1,138), «пылающею грудью прижимается ко всему тому, гдѣ есть поэзія, мысль и жизнь».

Оттого онъ горячо привѣтствовалъ М. М. Антокольскаго, столь своеобразно проложившаго себѣ новый путь въ скульптурѣ и столь смѣло выработавшаго типы своего народа отъ еврейскаго портного, черезъ горнило «Инквизиціи», до безсмертнаго Спинозы. Онъ его поощрялъ, восхищался имъ, защищалъ его съ жаромъ. Когда Антокольскій вдохновлялся исторіею другихъ народовъ, Стасовъ поздравлялъ его съ расширеніемъ умственнаго кругозора и радовался, что онъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ своей личности, оставаясь вѣрнымъ своему міросозерцанію и не поклоняясь чужимъ богамъ. Съ ученикомъ Антокольскаго, Гинцбургомъ, онъ поступилъ точно такъ же, съ интересомъ слѣдя за развитіемъ его таланта и внушая ему, прежде всего, отвращеніе къ банальному и къ условному. Изданныя въ память сорокалѣтней литературной дѣятельности В. В. С. сочиненія, уже съ самаго заглавнаго листа, носятъ на себѣ отпечатокъ его заботъ о нашихъ даровитыхъ ваятеляхъ: Іоаннъ Грозный Антокольскаго вѣнчаетъ собою художественныя произведенія, обрамляющія писанный Рѣпиннымъ портретъ Стасова, а купающійся мальчикъ Гинцбурга красуется въ самой серединѣ изящной композиціи. Первому удѣлено почетное мѣсто въ статьяхъ сборника; второй былъ слишкомъ молодъ въ 1886 г., чтобы заслужить больше одного упоминанія вскользь. Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ; вѣчная дружба В. В. къ обонимъ лишь укрѣпилась въ

жизни и, навсегда запечатлѣвшись въ его трудахъ, нашла себѣ достойный памятникъ въ брошюрѣ о 70-лѣтнемъ его юбилеѣ.

Но не одними личными отношеніями онъ оказалъ услуги еврейскому искусству. Онъ былъ въ числѣ ревностныхъ поборниковъ постройки синагоги въ С.-Петербургѣ; новое зданіе во многомъ обязано его неутомимой энергіи, его убѣдительному краснорѣчію. Свои воззрѣнія онъ возложилъ въ тщательномъ изслѣдованіи о новѣйшихъ синагогахъ; въ немъ онъ приходитъ къ заключенію, что, какъ по чину службъ, такъ и съ точки зрѣнія эстетическаго чувства народа, еврейскому храму подобаешь арабскій стиль преимущественно передъ прочими родами архитектуры. Онъ даже вступилъ въ горячія пренія съ незабвеннымъ нашимъ поэтомъ Л. О. Гордономъ, для котораго пластическія формы не имѣли родины, не представляя ему ничего кромѣ красивыхъ очертаній, произвольно составленныхъ по прихоти художника, лишенныхъ всякаго внутренняго смысла и содержанія. Стасовъ былъ правъ, когда говорилъ, что синагога не должна быть построена во вкусъ православной церкви; онъ былъ правъ, когда утверждалъ, что тѣмъ не есть новѣйшая выдумка и за послѣднія столѣтія приобрѣлъ право гражданства въ еврейскомъ искусствѣ.

Нужно подчеркнуть самостоятельный его взглядъ на введеніе еврейскаго типа въ европейскую живопись; онъ преклоняется передъ старымъ Rembrandt'омъ и современнымъ Bida за ихъ полное любви отношеніе къ воспроизведенію еврейской дѣйствительности. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: ему жаль, что Израэльсъ и другіе живописцы, въ жилахъ которыхъ течеть еврейская кровь, не занимаются ни своими преданіями, ни бытомъ своихъ братьевъ; ему больно, что Rachel и Sarah Bernhardt насквозь пропитаны французскимъ духомъ; ему досадно, что въ великолѣпной коллекціи еврейскихъ предметовъ Штрауса мало вещей съ чисто-семитическимъ колоритомъ. Онъ особенно скорбитъ о томъ, что большинство евреевъ-музыкантовъ пренебрегаетъ богатствомъ нашихъ старинныхъ напѣвовъ, столь трогательныхъ въ своей дивной простотѣ ¹.

¹ В. В. вообще безпристрастно разсуждаетъ о еврействѣ; еще въ 1869 г. онъ громко заявлялъ (III, 458): „У насъ и въ печати, и на практикѣ совершались (въ свое время) походы противъ евреевъ, теперь оказывается, что

Мысль объ отысканіи характерныхъ чертъ еврейскаго искусства преслѣдуетъ его давно. Онъ надѣется, что путемъ анализа и выдѣленія можно установить, какіе именно обломки древняго, свойственнаго намъ, художественнаго типа уцѣлѣли до сего времени; они-то, при дружной работѣ преданныхъ изысканію евреевъ, послужатъ краеугольнымъ камнемъ для обновленнаго стиля нашихъ предковъ, который возродится изъ пепла или изъ долгаго ледянаго омертвенія. Таковы были новыя школы... Еврейская школа—только одна изъ нихъ... При этомъ, у него нѣтъ и не было никакой исключительной симпатіи специально къ еврейскому искусству (I 2, 668). Но онъ ведетъ свою мысль и, не удовлетворяясь голословными заявленіями и сѣтованіями, переноситъ ее въ область фактовъ.

Уже, при разсмотрѣніи коллекціи Штрауса, онъ съ любопытствомъ останавливался въ Троядерѣ (на всемірной выставкѣ 1878 г.) передъ нѣкоторыми предметами нашего культа, обусловившимъ извѣстную орнаментистику соответственно своему назначенію. Вообще, орнаментъ—излюбленное поле изученія для него, счастливаго собирателя и умѣлаго изслѣдователя матеріаловъ по исторіи орнамента у южныхъ славянъ, въ Россіи, въ Византіи, на Востокѣ; съ рѣдкимъ чутьемъ, онъ узнаетъ, что зависитъ отъ орудія, что находится въ связи съ употребленнымъ веществомъ, что дано климатомъ, флорой, фауной, людскимъ бытомъ, что является плодомъ историческихъ и географическихъ случайностей, что выражаетъ собою идеи племени, преданія, перевороты, что вытекаетъ изъ жизни, что принадлежитъ рутинѣ; онъ мѣтко раз-

есть на свѣтѣ еще и германскія захолустья, откуда поднимаются порой крики слѣпой ненависти и тупой клеветы, достойные самыхъ фанатическихъ, самыхъ мрачныхъ временъ какихъ-нибудь среднихъ вѣковъ. Не правда-ли, какая радость и опора для всего того люда, что у насъ задерживаетъ и тащитъ назадъ? Девять лѣтъ спустя онъ съ жаромъ говоритъ (I 2, 550): „Лассаль не зналъ, что не далеко отъ его Берлина, въ ту самую минуту уже росли и крѣпли евреи новаго склада, принадлежащіе новому еврейскому племени, которые ничего уже не имѣютъ общаго съ гнуснымъ вѣковымъ рабствомъ мысли, чувства, понятій; люди, которые соединяютъ силу и талантливость предковъ своихъ со свѣтлою мыслью новой Европы. И отъ этихъ людей Лассаль не отвернулся бы, и послѣднимъ бы протянуть имъ руку, и считалъ бы счастьемъ быть съ ними скорѣе въ сношеніяхъ самыхъ близкихъ и сердечныхъ“. Лицемерія В. В. не знаетъ: онъ равно далекъ отъ безпричинныхъ нападокъ и отъ услужливыхъ похвалъ.

личаетъ вкусъ отъ чувства, технику отъ художества. И орнаментистика обнимаетъ собою всё проявленія чувства изящнаго, равно высказываясь въ предметахъ обыденнаго употребленія и въ украшеніяхъ могилъ, дворцовъ, храмовъ, такъ что въ ней отражается вся жизнь народовъ въ совокупности своихъ отправленияхъ. Она зарождается въ колыбели племени и растетъ съ нимъ, но можетъ закоснѣть при самомъ зародышѣ, не пустивъ никакихъ отпрысковъ,—на вѣки-ли, или до удобнаго случая, это уже зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени. Между прочимъ, «изученіе орнаментистики средневѣковыхъ рукописей—предметъ довольно новый», говорилъ Стасовъ въ Общ. Люб. Др. Письм. 2 марта 1884 г., но крайне интересный по всеобъемлющему характеру узоровъ и композицій.

Благодаря пріобрѣтенію обоихъ собраній Фарковича, Импер. Публ. Библ. сдѣлалась обладательницею еврейскихъ рукописей первостатейной важности по части орнамента. Изъ подробнаго ихъ осмотра возникла мысль о книгѣ «Еврейскій Орнаментъ», которая вскорѣ увидитъ свѣтъ.

Во всѣхъ почти странахъ Европы существуютъ прекрасныя еврейскія Библии или же мелкіе свертки, росписанные мастерами лучшихъ школъ миниатюры; если кое-гдѣ встрѣтишь что-нибудь своеобразное, его трудно высвободить изъ тисковъ чужеземнаго, наноснаго; часто даже доподлинно извѣстно, что заглавныя буквы и украшенія принадлежатъ кисти христіанскаго художника. Тамъ-же, въ привезенныхъ съ восточныхъ генизотъ и съ крымскихъ моленъ рукописяхъ, восходящихъ частью до начала X вѣка, вѣтъ чѣмъ-то роднымъ, домашнимъ, *своимъ*. Разложивъ орнаменты на составныя части, отбросивъ элементы финикійскіе, египетскіе, хеттитскіе, ассирійскіе, византійскіе, арабскіе, коптскіе, у Влад. Вас. остался еще цѣлый рядъ мотивовъ, которыхъ онъ не могъ пріурочить ни къ одному изъ извѣстныхъ ему типовъ. Когда онъ заговорилъ объ еврейскомъ искусствѣ, онъ получилъ сильный отпоръ отовсюду, и авторитетный Perrot не хотѣлъ признать ничего особеннаго въ выдѣленныхъ изъ прочей массы украшеніяхъ этихъ рукописей. Матеріаль, добытый такимъ образомъ, мы, однако, дополнили характерными выдержками изъ одной старинной рукописи, хранящейся въ Парижѣ, и изъ другой—іеменской, принадлежащей мнѣ. Блюдо, поднесенное петербургскою

общивою въ день коронаванія Ихъ И. В., вѣчная лампада, горящая въ синагогѣ въ память 17 окт., всецѣло заимствованы, не безъ намѣренія, у «Еврейскаго Орнамента»; по нимъ однимъ можно уже убѣдиться въ незаурядности украшеній, которыя онѣ содержатъ и которыя вскорѣ поступятъ на судъ критики. Несомнѣнно, что во многихъ орнаментахъ видна традиція, которая передается отъ одного поколѣнія къ другому; есть воспоминаніе о храмѣ и священнѣхъ утваряхъ; есть слѣды воспроизведенія предметовъ роскоши, которыми окружали себя богатые, и растеній, среди которыхъ жили наши праотцы, есть и опредѣленные, утвержденные вѣками, символы. Трудно, конечно, воздать каждому свое; иногда, говоря объ оригинальности мысли или узора, мы только признаемъ собственное незнаніе; но часто подборъ и группировка деталей, подведеніе ихъ подъ твердую норму, распределеніе ихъ по рѣшительно установленнымъ законамъ пропорцій, — достаточны для кореннаго измѣненія характеристики предмета: возьмите хоть византійское зодчество и выросшій изъ него мавританскій стиль; сравните Агаду и Мидрашъ съ Новымъ Заветомъ; сопоставьте Маймонида съ Аристотелемъ, Габироля съ неоплатониками, Bossuet съ отцами западной церкви; или читайте Фауста Гете послѣ всѣхъ предшествовавшихъ Фаустовъ. «Но, возражать мнѣ, какъ доказать, что тутъ есть чтонибудь специфически-еврейское? У евреевъ, вѣдь, не было искусства; запретъ даже лежалъ на нихъ; и, если они когданибудь что и сдѣлали въ области изящнаго, то они были просто учениками и подражателями другихъ».

Прежде всего, отрицаю запретъ и надѣюсь, въ другомъ мѣстѣ, обстоятельно изложить, на основаніи Библіи, Талмуда, Мидрашимъ, комментаріевъ и сводовъ постановленій нашихъ раввиновъ, насколько превратно толкуютъ слова: «Ты не сдѣлаешь себѣ истукана, ни всякаго изображенія» и т. п. Во-вторыхъ, войны, распри, перевороты, пожары, разгромы истребили многое, что бы могло намъ служить путеводною нитью; нинѣ, впрочемъ, англійскія раскопки вознаграждаютъ насъ на малую толику за всѣ разочарованія, которыя мы перетерпѣвали при безуспѣшныхъ изысканіяхъ ученыхъ пионеровъ археологій въ Палестинѣ. И намъ приходится еще считаться съ фактомъ наслоенія народностей, питавшихъ къ Палестинѣ подобострастную привязанность, которая выразилась въ

стремленія замѣнить все бывшее памятниками своихъ вѣрованій. На счетъ же призванія Хирама за отсутствіемъ у царя Соломона своихъ зодчихъ, Стасовъ отвѣтилъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ своимъ противникамъ (II 1,451): «Нѣмцы, во времена среднихъ вѣковъ, строили въ Италіи, французы въ Англіи, итальянцы въ Россіи и т. д., и все это въ стилѣ той народности, которая приглашала ихъ, такъ сказать, на постройку въ гости... Вспомните только хоть нѣмецкихъ архитекторовъ, строившихъ въ Новгородѣ и въ Суздалѣ въ XII вѣкѣ, или итальянскихъ архитекторовъ, строившихъ въ Москвѣ при Іоаннѣ Грозномъ. Неужели они строили у насъ церкви въ нѣмецкомъ и итальянскомъ стилѣхъ?»

Конечно, это все—отрицательныя доказательства; положительныхъ данныхъ, пока, нѣтъ, и много еще гадательнаго въ гипотезѣ Стасова. Въ пользу ея, однако, можно сказать, что евреи всегда питали сильное влеченіе къ искусству, но исконное свое желаніе они могли удовлетворить лишь тогда, когда имъ предоставленъ былъ просторъ въ душныхъ гетто, гдѣ они жили, съживаясь въ кучу. Работы же, которыя не требовали шири и простора, они дѣлали съ любовью; они были золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами, исполняя заказы, насколько эти послѣдніе не были связаны съ обрядами церкви. Они трудились надъ украшеніемъ своихъ рукописей съ неменьшимъ самоотверженіемъ, чѣмъ Архимедъ надъ своими вычисленіями, какъ будетъ явствовать изъ синхронизма писанія чудныхъ нашихъ *enluminures* съ свирѣпыми, безчощадными гоненіями въ тѣхъ самыхъ улицахъ, гдѣ проживали ихъ скромные, вдохновенные сочинители. И не праздная то была работа, плодъ досужей фантазіи; съ священнымъ трепетомъ они пытались дать подобающій видъ книгѣ, содержащей въ себѣ весь смыслъ ихъ бытія и единственное утѣшеніе въ ихъ многострадальной жизни. Идея лежитъ въ каждомъ изгибѣ, чувство оживляетъ каждый узоръ; это было для нихъ священнодѣйствіемъ, и они испытывали святость своего призванія въ такой же мѣрѣ, какъ впоследствии Fra Angelico. И, если доказано будетъ неопровержимыми доводами иностранное происхожденіе каждаго узора, каждаго изгиба, самый рисунокъ останется еврейскимъ по вложеннымъ въ немъ идеѣ и чувству... Намъ не страшнута съ себя тяжелой ноши преслѣдованій; забыть ихъ? но тогда и молиться бы мы не могли въ общеніи съ нашими предками. А отказаться отъ

совмѣстной жизни съ окружающими насъ людьми, ни природные, ни наши законы намъ не велятъ. Достаточно, если, воспитанные на выстраданныхъ нами идеалахъ, мы внесемъ въ искусство тѣ сокровища, которыя вьются въ нашихъ книгахъ и въ нашей памяти, и если мы воспримемъ чужое просвѣщеніе съ душою, полною тѣхъ высокихъ истинъ, которыхъ мы издревле не соглашались промѣнять на земныя блага, и тогда въ музыкѣ, въ орнаментѣ, въ зодчествѣ появится то, чего, быть можетъ, мы тщетно будемъ искать въ древнихъ пергаментѣхъ,—духъ нашего неподобнаго прошлаго. Но, если къ внутреннему созерцанію намъ удастся прибавить немного того, что радовало взоры нашихъ отцевъ, и дозволено будетъ В—ру В—чу свить имъ вѣнокъ изъ разрозненныхъ колосевъ съ ихъ-же художественной нивы, намъ нечего будетъ пренебрегать этимъ прекраснымъ даромъ; онъ будетъ служить намъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ и, подобно Антею, когда онъ касался своей матери земли, наши художники будутъ чувствовать въ себѣ новыя силы, когда будутъ созерцать любезный ихъ сердцу вѣнокъ, завѣщанный имъ достойными предками и сохраненный для нихъ свѣтлою личностью добросовѣстнаго и безпристрастнаго ученаго.

Баронъ Д. Глицбургъ.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.

Знаменіе времени: „Новое Время“ и проповѣдь доброты. — Мечтанія литературнаго Чичикова и „Маленькія письма“ А. Суворина. — Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ-ли „Новое Время“ держаться программы своего редактора?—Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ І. Ясинскаго „Юрьева могила“.

Не замѣтили ли вы одну современную черту?

Люди стали добрѣе.

Неужели вы этого не замѣтили?—странно.

А повседневные факты переживаемой дѣйствительности? А отраженіе ихъ въ литературѣ и журналистикѣ? Развѣ все это, видѣтъ взятое, не твердитъ тысячами голосовъ: идетъ доброта, пришла доброта, она уже здѣсь, среди насъ!...

Очевидно, мы порядкомъ успѣли отвыкнуть отъ проявленій доброты, если, несмотря на авторитетное указаніе чуткаго ко всякимъ дуновеніямъ отечественныхъ зефировъ автора «Миленькихъ писемъ»¹ все же продолжаемъ упорствовать и вести себя на манеръ той героини простонародной польской пѣсенки, которая ничего слушать не желала и все одно лишь повторяла: «мой зеленый жбанъ вы разбили, панъ!»².

Разумѣется, трудно вѣрить пану, которые, здорово живешь, занимается разбиваніемъ любимыхъ жбановъ, но съ другой стороны, если такое горе уже приключилось, почему же не прослѣдить съ незлобивой улыбкой за тѣмъ, какъ кающійся проказникъ, подобравъ два-три раздробленныхъ осколка, старается увѣрить, что жбанъ уже склеенъ, почти что цѣлехонекъ.

Мы далеки отъ мысли считать А. С. Суворина разбивателемъ «жбановъ», которыми когда-то, подъ именемъ идеаловъ, дорожило русское общество: при всей ретивости и прыти этого счастливаго дѣльца, сила и вліяніе его были слишкомъ ничтожны, чтобы онъ могъ почитаться властнымъ «паномъ». Но за то никто другой изъ отечественныхъ публицистовъ не являлся такимъ угодливымъ и усерднымъ апологетомъ всякихъ неожиданныхъ

¹ А. С. Суворинъ. „Новое Время“ отъ 17—19 декабря.

² Сенкевичъ. „Американскіе рассказы“.

ных и печальных диверсій, какими вот уж много лѣтъ состоитъ этотъ газетный Чичиковъ, торгующій каторжными душами своихъ полумертвыхъ сотрудниковъ и одновременно улаждающійся елеинными разговорами о праведномъ житіи во страхъ Божию. Среди вполне опредѣленныхъ мечтаній о новомъ фракѣ, въ которомъ онъ плѣнить губернскую знать, на него вдругъ набѣгаетъ лирическій порывъ, до того, впрочемъ, непродолжительный, что его едва хватаетъ на составленіе «маленькаго письма». Чичиковъ во всѣ времена и при всѣхъ положеніяхъ остается Чичиковымъ и источникъ его показаннаго лиризма всегда одинъ и тотъ же: Это—постоянный, животный страхъ за собственную персону. Павелъ Ивановичъ становится необычайно лиричнымъ и альтруистичнымъ, когда вспоминаетъ о губернскомъ прокурорѣ и неудобствѣ острога, а въ Алексѣй Сергѣевичѣ пробуждаетъ тѣ же чувства—мысль о смерти и могильщикѣ.

А. С. Суворинъ, такъ много и хорошо пожившій, отнесется крайне нервно къ вопросу о смерти. Значительная часть его «Маленькихъ писемъ» за послѣдніе годы проникнута скорбными лиризмомъ челоѣка, подверженнаго неприятнымъ мыслямъ о часѣ смертномъ. Не знаю какъ на кого, но на меня эти вѣчныя іереміады о скоротечности всего земного производятъ весьма тягостное, или, точнѣе, отвратительное впечатлѣніе: въ его проповѣдяхъ общественнаго и личнаго поведенія звучатъ не голосъ убѣжденія, а трусливо-лукавое торгашество ханжи, ннщаго провести самого Господа Бога.

«Кто знаетъ?»—смирненно вѣщаетъ въ «письмѣ» своемъ отъ 19 декабря А. С. Суворинъ:—«завтра я умру, а въ сердцѣ злота и она рветъ его и волнуется и приближаетъ къ послѣднему бнѣнію. Пусть же радость остановить его, а не злота. Пусть доброта заставитъ его горячо биться въ послѣдній разъ».

Все это, конечно, очень трогательно, въ особеннота та часть письма, гдѣ приносится публичное покаяніе: «Это говоритъ челоѣкъ, который полемизировалъ, негодовалъ, осмѣивалъ?»—испытуетъ себя г. Суворинъ. «Да,—отвѣчаетъ онъ съ видомъ правдиваго и откровеннаго челоѣка,—именно этотъ челоѣкъ произноситъ слова о добротѣ, произноситъ ихъ, можетъ быть потому, что онъ несчастенъ именно тѣмъ, что далеко не всегда (какъ скромно!) былъ добръ».

Казалось бы, чистота и безкорыстіе этого настроенія внѣ всякаго сомнѣнія. Однако, даже страшная мысль о «послѣднемъ бнѣніи сердца» не можетъ изгнать привычнаго мечтанія о фракѣ наваринскаго дыма: «Мнѣ думается,—смекаетъ Павелъ Ивановичъ, то-бишь Алексѣй Сергѣевичъ,—

что всё или стали добрѣе, или хотятъ быть добрѣе... администраторы, министры. Лучи доброты, вниманія, вѣжливости точно говорятъ: дайте намъ дорогу!» То-то оно и есть, что «администраторы стали добрѣе»... И гений приспособляемости диктуетъ ему ласковыя слова: «по зорькому опыту продолжительной жизни говорю, что лучше доброты ничего нѣтъ». Ну, а если бы г. Суворинъ не поддѣтилъ этой черты во «всѣхъ», тогда тотъ же «горькій опытъ продолжительной жизни» побудилъ ли бы его написать то, что нашло себѣ мѣсто въ письмѣ отъ 19 декабря?—На этотъ вопросъ пусть отвѣтаетъ тѣ, кто читаетъ газету Суворина изо дня въ день. Не слѣдя внимательно за «Новымъ Временемъ», я не могу съ точностью сказать, что проповѣдывалъ и чему поучалъ онъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ и за что раздавалось его «искреннее» слово ровно мѣсяцъ спустя.

Оставляя въ сторонѣ всю эту чичиковщину, мы остановимся на двухъ небезынтересныхъ вопросахъ: о добротѣ, какъ программѣ государственной и общественной дѣятельности, и, въ частности, о правильности суворинскаго диагноза современнаго настроенія. Когда вопросъ о такъ называемой добротѣ ставится въ общей или, точнѣе, отвлеченной формѣ,—то нѣтъ и не можетъ быть равнозначія между спорящими: конечно, желательно, чтобы всякій человѣкъ обладалъ всевозможными добродѣтелями и въ томъ числѣ добротой. Это желательно въ той же мѣрѣ, въ какой желательно самоотверженность, любовь къ ближнему, мужество и проч. Этимъ качествами мы дорожимъ въ личныхъ отношеніяхъ, но они не живутъ, да и не могутъ имѣть серьезнаго значенія при выработкѣ нормъ общежитія. Общественный укладъ жизни тѣмъ и отличается отъ личнаго поведения, что въ основѣ его лежатъ не личные добродѣтели, а законотѣрность и обусловленная ею справедливость. Для общества не столько важно, чтобы его сочлены были хороши, сколько необходимо созданіе такихъ условій, при которыхъ они бы не могли быть ощутительно дурными. Если интересы гражданина въ достаточной мѣрѣ ограждены закономъ, то «доброта» тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится состоять въ обязательныхъ отношеніяхъ, имѣетъ весьма мало значеніе. Въ добротѣ согражданъ нуждаются попрошайки, тѣ самые, которые ищутъ милости, подаванія. Кто ищетъ своего права, тотъ получить его не по добротѣ дающаго, а въ силу требованія своего. Я не могу представить себѣ болѣе унизительной и дакой формы общественныхъ взаимоотношеній, при которыхъ люди рассчитывали бы на чужую доброту, а не на свое право. Когда изболѣченный назурникъ ждетъ суда, онъ крайне интересуются тѣмъ, добры ли люди его судьи и можно ли ихъ разжалобить.

Онъ не хочетъ правды, ему страшна справедливость, такъ какъ его спасеніе въ одной лишь милости судей. Не таковы—желанія, мысли и ожиданія человѣка, поднавашаго подъ судъ по недоразумѣнію, по случайной комбинаціи прихотливо сложившихся уликъ. Онъ ждетъ отъ своихъ судей не доброты, не свисходительности, а безпристрастія, вдумчивости и соблюденія всѣхъ тѣхъ процессуальныхъ гарантій, которыя устанавливаются закономъ для охраны личности отъ судебной ошибки.

Его интересуютъ форма суда, степень независимости судей отъ постороннихъ вліяній, порядокъ отвѣтственности ихъ и, наконецъ, права сторонъ. Что за дѣло ему до доброты судей, когда она, по капризу впечатлѣнія, можетъ всплхнуть симпатіей и благосклонностью къ его безчестному противнику. Я думаю, что всякій, мало-мальски уважающій себя человѣкъ, съ гордостью отвергнетъ доброту судей и скажетъ нить: сохраните свою милость для безчестныхъ и преступныхъ; съ меня же довольно вашей правды—и не столько вашей, сколько правды закона.

Я иллюстрирую свою мысль, въ видахъ удобства, на явленіяхъ въ области юстиціи, но она должна дать тѣ же выводы въ приложеніи къ любой сферѣ политическихъ или экономическихъ отношеній. Въ «добротѣ» нуждаются либо тотъ, кто ея не заслуживаетъ, либо обезсиленные своими безправіемъ. Законъ—и только онъ одинъ—долженъ дать силу слабому, право, какъ признаніе справедливости, должно отвоевать счастье обездоленному.

И пусть сердца людей не загораются добротою, когда взаимѣнъ ея они телятятся взаимными уваженіемъ и правдою.

Конечно, можно проповѣдывать доброту и вѣрить въ ея сошествіе на землю, но нельзя, оставаясь правдивымъ, рекомендовать обществу, страдающему отъ настроеній и несправедливости однихъ къ другимъ, доброту, какъ врачевательницу всѣхъ бѣдъ. У Суворина выходитъ какъ разъ наоборотъ: онъ не вѣрять въ возможность осуществленія идеаловъ доброты и все таки проповѣдуетъ ее людямъ.

Будучи христіанинномъ, онъ, однако, говоритъ: «Евангельская заповѣдь—любить ближняго, какъ самого себя, и даже любить врага—высочайшій идеалъ, до котораго человѣку, по волеу инѣнію, *невозможно* достигнуть». Если это такъ,—то что толку въ добротѣ, при которой каждый будетъ, непрежнеу, ненавидѣть своихъ действительныхъ или мнимыхъ враговъ и останется при старой любви къ своей персонѣ на счетъ ближняго. Не значить ли это предлагать людямъ микстуру противъ смерти и въ то же время отрицать возможность безсмертія?

Но г. Суворинъ все таки утверждаетъ, что всякій можетъ быть добрымъ. Но какъ же этого достигнуть?

По рецепту нововременскаго проповѣдника, это дѣлается очень просто: «быть добрымъ значить, *на первый разъ*, просто пожертвовать своимъ эгоизмомъ, пожертвовать немного и получить за то внутреннее удовлетвореніе, радость». Ну, на первый разъ—это даже черезчуръ много. Пожертвовать своимъ эгоизмомъ—въ переводѣ на простой языкъ значить: отказаться отъ того, что пріятно и полезно тебѣ, но вредно или неудобно другимъ.

Если бы г. Суворинъ захотѣлъ воспользоваться «горькии (?) омытомъ своей продолжительной жизни», т. е., сдѣлаться добрымъ,—то ему слѣдовало бы «просто пожертвовать своимъ эгоизмомъ», т. е., «на первый разъ» отказаться отъ изданія газеты по тому плану, по которому она до сихъ поръ велась.

Для этого мало, чтобы его «Маленькія письма» горѣли и переливались всѣми цвѣтами доброты, но необходимо, чтобы и всѣ прочіе отдѣлы «Новаго Времени» испускали... «лучи доброты, вниманія, вѣжливости».

И вотъ, представимъ себѣ одну «добрую» недѣлю въ исторіи «Новаго времени». Вуренинъ становится въ своихъ отзывахъ добрымъ, внимательнымъ къ чужимъ интересамъ, вѣжливымъ въ полемикѣ съ литературными противниками. Наступаетъ пятница: публика бросается къ разносчикамъ за газетою, ищетъ «Критич. Очер.»—и зрѣтъ слѣдующее, по истинѣ, кригическое признаніе:

«Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ Алексѣя Сергѣевича предписаніе испускать лучи доброты, вниманія и вѣжливости. Признаться, меня это сначала сильно озадачило, но потомъ я вспомнилъ, что нашъ истинный атаманъ (это, кажется, *доброе* слово?) всегда любилъ камелеонствовать,—вѣтъ, виноватъ:—я невѣжливо выразился,—всегда любилъ... мѣнять ноты для напѣвовъ своей совѣсти. Что же!—рѣшилъ я съ обычною своею покладистостью:—испускать—такъ испускать; не все ли мнѣ равно—что именно? Вѣдь умѣю я, славу Богу, мѣнять убѣжденія и направленія,—отчего же не замѣнить злобу—добротой, грубость—вѣжливостью, развязность—вниманіемъ? Развѣ это такъ трудно? Я сталъ припоминать оплеванныхъ мною литераторовъ и общественныхъ дѣятелей: большинство изъ нихъ мягки, внимательны къ чужимъ интересамъ и доброжелательны. Если я справляюсь съ ними на полѣ газетной брани, то неужели не съумѣю имитировать ихъ добродѣтели? Однако, первый очередной фельетонъ разбилъ всѣ мои предположенія.

Я написал его как всегда «по буренински» и затѣмъ сталъ править по Суворинскому рецепту. Мнѣ казалось, что придется вычеркнуть двѣ-три строки, переписать нѣсколько словъ—и все выйдетъ какъ будто благородно и доброжелательно. Я сталъ вычеркивать и исправлять—ничего не осталось. Но затѣмъ образовавшаяся пустота рѣшительно не ушла.

Я сижу съ уныніемъ надъ погнѣшимъ фельетономъ и скорбно взываю: о, доброта, осѣни меня своими покровомъ! Я отдамъ за тебя свое жасминное графство, свои гербы и титулъ первокласснаго ругателя!

Но она не вмешать... Ахъ, Алексѣй Сергѣевичъ, Алексѣй Сергѣевичъ! Затѣмъ вы шутите злымъ шутки?»

Разочарованный и огорченный читатель имеетъ въ досадѣ газетный листъ и спѣшитъ написать графу Жасминову сочувственное письмо.

На слѣдующій день онъ ждетъ съ трепетомъ очереднаго фельетона г. Жителя и съ грустью читаетъ краткое письмо въ редакцію:

«Милостивый государь, Алексѣй Сергѣевичъ! Быть добрымъ значить,—на первый разъ,—стать честнымъ. Вы—драматургъ и знатокъ драматическаго репертуара; вспомните пьесу «Ограбленная почта» и рѣшите сами,—могу ли я быть добрымъ? Я вспомнилъ молодость, былую жизнь, свою прежнюю доброту—и во имя нѣхъ обращаюсь ко всѣмъ порядочнымъ людямъ съ униженною просьбою: простите и, если можете, забудьте!»

Обовлеченный читатель дохнетъ въ контору «Нов. Времени» и вопитъ благимъ матомъ: «Варъ, Варъ! Отдай мнѣ мои легіоны или брось навилочину!»

Нѣтъ, — нововременскій Варъ не привыкъ возвращать подписные легіоны и никогда не доведетъ себя до такого конфуза.

Не взирая на покаянное настроеніе атамана, молодцы продолжаютъ работать по старой указкѣ: изъ жидовъ, поляковъ и гнѣнцевъ готовятъ бульонъ, оппортунистическій либерализмъ идетъ на жаркое, а десертномъ служатъ все то же близняшки—«чего изволите?»

Въ такомъ духѣ ведется «Новое Время», по тому же шаблону издается «Историческій Вѣстникъ».

Казалось бы, что общаго между спокойной, безпристрастной наукою и бульономъ, вывареннымъ изъ жидовъ. Однако, почтенный І. І. Ясинскій взялся приготовить это невкусное блюдо съ «историческою» приправою.

Намъ не разъ приходилось говорить объ этомъ, несомнѣнно даровитомъ и образованномъ писателѣ.

Исторія его литературной дѣятельности представляется весьма наизидательною и наводитъ на серьезныя размышленія. Начавъ карьеру беллетриста въ зрѣломъ возрастѣ (лѣтъ 39), онъ сразу заявилъ себя идейнымъ писателемъ, съ опредѣленнымъ складомъ убѣжденій, открытымъ ему, въ связи съ талантомъ, двери редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Года два тому назадъ въ одномъ изъ своихъ обзоровъ мы изложили краткій очеркъ этого періода его дѣятельности и указали, что и въ первыхъ его произведеніяхъ замѣчалось ловко замаскированное стремленіе удовлетворять несовсѣмъ чистымъ истинностямъ публики.

Прекращеніе «Отеч. Зап.» и послѣдовавшія вскорѣ затѣи переѣздомъ въ общественномъ настроеніи не застали его врасплохъ и онъ очень скоро подготовилъ себѣ путь къ отступленію. Вначалѣ на отъ чего прямо не отрекался, М. Вѣльинскій выдвинулъ туманную эстетическую теорію, представляющую романисту право игнорировать общественные интересы и служить вѣчному идеалу «красоты». Содержаніе этого неуловимаго идеала опредѣляется субъективными воззрѣніями и настроеніемъ художника, который-де самъ себѣ—и судъ, и законъ.

Эта теорія, благодаря своей эластичности, дала ему возможность вѣнчать, по мѣрѣ надобности, свой писательскій обликъ и начертать на своемъ знамени: «успѣхъ!». Время доказало, что такой ловунъ нечѣ всего ведетъ къ успѣху. Погоня за дешевыми лаврами сенсационнаго похлѣбователя, стремленіе поддѣлаться подъ вкусъ большой публики, какая-то неравновѣсность приѣмовъ и тона—все это, вѣстѣ взятое, довело его до полнѣйшаго литературнаго паденія.

Когда порядочные журналы, похлѣвистіе на своихъ страницахъ наиболѣе крупныя рассказы І. Ясинскаго, убѣдились, что дали у себя пріютъ грязнымъ пасквилямъ на почтеннымъ общественнымъ дѣтелямъ, они отшатнулись и отъ своеобразнаго бытописателя, и отъ его «интересныхъ» произведеній. По крайней мѣрѣ, за послѣдніе годы имъ встрѣчались ния г. Ясинскаго преимущественно въ мелкой прессѣ и рѣдко-рѣдко удается ему подниматься до высотъ такихъ курьезныхъ изданій, какъ «Наблюдатель», «Русское Обозрѣніе» и т. п. Промедливши длинный и долгій путь литературнаго скитальчества, г. Ясинскій прекрасно усвоилъ теорію и практику приспособленія: онъ позналъ всѣ слабыя струнки современнаго средняго читателя и съ большинствомъ утѣшенъ пользуется ими. Жидъ, клубничка, клубничка и жидъ,—такими, по преимуществу, его литературныя темы.

Сегодня онъ эксплоатируетъ «жиды» въ романѣ, завтра—въ введеніи къ

панфлету жидоѣдствующаго активнаго надзирателя, черезъ нѣсколько дней — въ исторической хроникѣ.

Правда, всѣ эти писанія въ такой же степени относятся къ литературѣ, въ какой самъ почтенный романистъ можетъ быть отнесенъ къ представителямъ литературной порядочности. Нельзя думать, чтобы г. Яснскій не понималъ всей двусмысленности избраннаго имъ пути: онъ слишкомъ для этого уменъ и практиченъ. Повидимому, онъ нахнулъ рукою на бѣлыя литературныя отношенія — и сдѣлалъ сдѣлаться съ рядами безымянной прессы, гдѣ больше всѣхъ преуслѣваеъ тотъ, кто менѣе церемоненъ. Здѣсь гложутъ не только принципы служенія, но даже простое самолюбіе, которое побуждаетъ каждаго человѣка стремиться къ тому, чтобы показать товаръ свой лицомъ.

Лежащій передъ нами романъ «Юрьева могила» представляетъ собою столь печальное свидѣтельство упадка не только литературной порядочности, но и авторскаго самолюбія, что вѣжѣ становится больно. Тутъ ужъ дѣло не въ напастяхъ и грази, а въ полной припизженности романиста, который прекрасно сознаетъ, что ему не о чемъ писать, а писать все-таки надо.

Въ романѣ нѣтъ ни характеровъ, ни быта, ни сценъ; выведено нѣсколько человѣкъ, которые безъ всякаго логически обоснованнаго повода рассказываютъ другъ другу то объ археологін и кургановѣдѣніи, то о различныхъ моментахъ изъ исторіи юго-западной Россіи. Исчерпавъ эти темы, они — ни съ того, ни съ сего — устраиваютъ между собой диспутъ по набившему оскомину вопросу объ употребленіи еврейна христіанской крови, причемъ одинъ излагаетъ этотъ вопросъ по Лютостанскому, другой — по Хвольсону. Затѣмъ, заполнивъ нѣсколько страницъ цитатами безъ указанія источниковъ, герои и героини сообщаютъ другъ другу элементарныя свѣдѣнія изъ исторіи еврейскаго сектанства, какъ напр. о сектахъ Франка, Сабатая Цени и др.

Весь этотъ романъ до того своеобразенъ по приёмамъ и конструкціи, попытка излагать сивачными свѣдѣніи въ формѣ діалоговъ до того необычна, что имъ станаеъ необходимымъ подробнѣе ознакомить читателей съ этими образцами «сивачной баллетристики». Начинается романъ, какъ полагаются, по баллетристическому статуту:

«Солнце заходило. Низинскій старинный бѣлый домъ подъ соломенною крышею, сѣдомъ отъ времени, съ замоченными трубами и съ напольскими окнами, съ голубыми ставенками, былъ оваренъ багровыми лучами. Позади дома возвышались тополи и туювыя деревья» и т. д., и т. д.

Крылечко. На крылечкѣ сидитъ Кондратій Захаровичъ Коринцкій, проснувшись послѣ обѣда, и смотритъ на играющихъ собакъ. Онъ, не взирая на свои пятьдесятъ лѣтъ, силенъ и крѣпокъ. Могучія мышцы его рукъ замѣтны были даже сквозь широкій полотняный пиджакъ. Воротникъ рубашки былъ расстегнутъ и видна была атлетическая грудь. Словно изъ брони былъ изваянъ Кондратій Захаровичъ. Глаза у него были спокойные, сосредоточенные. Взглянувъ на него, сразу можно было опредѣлить, чѣмъ занята его мысль: шпешней. Когда-то онъ учился въ университетѣ, но сомнительно, прочиталъ ли онъ потомъ хоть одну книгу. Онъ не тратилъ «даромъ» времени даже на газеты и довольствовался бюллетенями земснабсбергской хлѣбной биржи.

Изъ всѣхъ писателей онъ признавалъ только Гоголя, да и то изъ малороссійскаго патриотизма. Портретъ Гоголя висѣлъ у него въ кабинетѣ, а сочиненій не было.

Приотворилась дверь и показалась Авдотья Ивановна (жена Коринцова). Слѣдуетъ ей описаніе; рядъ признаковъ, сунна которыхъ выражаетъ: хороша и кротка. Жена зоветъ мужа пить чай въ бесѣдку, куда приходятъ сынъ Николай и дочь—Ольга.

Описанію и характеристикѣ каждаго изъ нихъ посвящено по особой главѣ. Дочь — могучаго сложенія, имѣетъ круглое и пріятное лицо, но близорука. Она была на высшихъ женскихъ курсахъ, много читаетъ по исторіи и влюблена въ профессора-историка Кленовича, «брата, — какъ сообщаетъ обязательный романность, — известнаго философа». Она ревностно шла въ своей цѣли, и ужъ былъ недалекъ день, когда она должна была выйти замужъ за Кленовича и стать профессоршею.

Братъ... но его характеристику, въ виду отвѣденной ему въ романѣ роли, надо привести съ нѣкоторой подробностью: «Николай Кондратьевичъ былъ молодой человѣкъ, такъ сказать, загадочной наружности. Отъ матери онъ унаследовалъ духовный или, вѣрнѣе, туманный складъ гѣла. Онъ былъ непоцѣрно высокъ, и о немъ шутя говорили, что его можно видѣть только въ профиль, или что онъ существуетъ о двухъ извѣрніяхъ. Глубокие выпуклые глаза его были кѣжны, но подъ ихъ взглядомъ становилось неловко. Длинный носъ придавалъ ему сходство съ куликомъ и, встати, онъ страстно любилъ охотиться за болотной дичью, хотя не только дичи, но и мяса не ѣлъ. Ему пріятно было подкараулить неосторожную птицу и насладиться зрѣлищемъ, какъ она падаетъ на землю или ныряется въ воду, сраженная дробью... Несмотря на свои глубокія познанія въ естественныхъ наукахъ (онъ былъ оставленъ при университетѣ, и его диссер-

тація по эмбріологін стрекозы доставила ему въ спеціальныхъ кругахъ известность), онъ сохранилъ наивность ума, свойственную дѣтямъ, любилъ пустяки, наприхѣръ, собиралъ марки, и отца боялся до болѣзненности. Онъ былъ склоненъ къ задумчивости, къ мечтательности, къ поэтическимъ настроеніямъ. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ упрямство и вѣру въ себя, хотя зналъ, что пока будетъ живъ Ковдратій Захарычъ, вѣра эта не можетъ быть безграничной—отцовскій авторитетъ подавлялъ его».

Покончивъ съ характеристикой Корицкихъ, романистъ посвящаетъ двѣ главы бесѣдамъ отца съ сыномъ, изъ которой читатель узнаетъ, что Николай Корицкий влюбленъ въ жидовку-Сарру, дочь богатаго сосѣда-земле-владельца Соломона Борисовича Залшевича. Отецъ глубоко огорченъ и оскорбленъ этой любовью и совѣтуетъ сыну заняться эмбріологіей жидка: «Насъѣмое—говоритъ онъ—полезное, пока челюсти не выростутъ, а потомъ норовить горло перекусить. Вспомни, Шленка, Соркинъ отецъ, былъ у меня приказчикомъ! Я живу попржежнему, а онъ во дворцѣ, и проводить зимній сезонъ въ Вѣнѣ. Владѣть на чужое имя, а какія замашки! Образовалъ дѣтей, сталъ говорить сквозъ зубы, какъ аристократъ, и все что-то на счетъ культуры распространяется. Откуда такіе европейцемъ сталъ?»

Итакъ, изъ первыхъ же главъ обнаруживается, что почтенный романистъ намѣренъ снова поэксплоатировать евреевъ и съ психологической, и съ социальной точки зрѣнія. Что-жъ, дѣло не новое. Однако, чтобы поразнообразить свою старую тему, г. Ясинскій вводитъ рядъ новыхъ элементовъ: историческій, археологическій, публицистическій, экономическій и философскій.

Историческій и археологическій элементы представляютъ профессоръ Кленовичъ и невѣста его Ольга Корицкая. Авторъ, въ интересахъ экономіи времени и труда, обратилъ ихъ въ діалогическія куклы, изъ коихъ одна—Ольга Корицкая—вопрошаетъ, а другая—Кленовичъ—пространно отвѣчаетъ цитатами изъ разныхъ книгъ и брошюръ.

За призрами ходитъ недалеко: въ любой главѣ можно встрѣтить эти жалкія фигуры, уныло и монотонно продѣлывающія свою грустную роль.

Глава VI: «Что есть археологія?»—Профессоръ Кленовичъ, откашлянувъ, методически отвѣтствуетъ по всѣмъ пунктамъ: археологія есть то то, кургановѣдѣніе—то то. Отвѣтивъ на общіе вопросы, ученый профессоръ переходитъ къ деталямъ своей специальности: «Курганные предметы—продуктъ известной культуры, и надо имъ пользоваться осторожно при опредѣленіи этнографическихъ типовъ. Можно сказать: вотъ воинъ, а вотъ

пазарь, по славянину или финну—предметы ванъ навѣрника не объявлять. Могла быть иѣновая торговля и все перепутать. А другое дѣло какъ зарыть покойникъ: зарыть ли въ землю или въ насыпь; погребенъ или сожженъ. Лежитъ ли онъ, наконецъ, съ востока на западъ или съ сѣвера на югъ», и т. д., и т. д.—на протяженіи пяти страницъ. Желая дать оправданіе археолого-историческимъ розысканіямъ въ области романа, г. Ясинскій воздвигаетъ въ иѣбнѣ Корницкихъ старинный курганъ, по названію «Юрьева могила», и направляетъ на него любовательность профессора-женеха.

Профессоръ бродитъ съ невѣстою вокругъ кургана и все вздыхаетъ: «по внѣшнему виду нельзя узнать какой курганъ. Нѣтъ специальныхъ признаковъ. Нельзя судить о могилѣ, пока не будетъ разрыта».

Глава XI удовлетворяетъ мечты страстнаго археолога, такъ какъ Кондратій Захаровичъ не только даетъ ему желаемое разрѣшеніе, но предлагаетъ ему перевести старинные фаншальные документы. Профессоръ тутъ же ихъ переводитъ, а г. Ясинскій влагаетъ этотъ переводъ на трехъ страницкахъ. Среди этихъ документовъ содержится одинъ, который связываетъ беллетристическую археологію съ публицистическимъ еврействомъ: это тетрадка безъ начала и конца. Алфавитъ въ ней былъ латинскій, писана же по малороссійски. Перелиставъ тетрадку, Павелъ Ивановичъ убѣдился, что она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, рассказъ «объ иѣбненіи евреевъ въ Каменномъ Бродѣ въ 1596 году какинъ-то бѣлоцерковскихъ полковниковъ Шилою. Это было, значить, въ тотъ годъ, когда рѣшилась печальная судьба Наливайки. По преданію, записанному въ тетрадкѣ, Каменный Бродъ въ XVI в. представлялъ собою крѣпость. Вѣроятно, отъ войска, предводительствуемаго Семеномъ Наливайко, отдѣлилась какая нибудь банда и на свой страхъ ринулась грабить, какъ это много разъ случалось потомъ во времена Хмельницкаго и поодѣе. Рассказъ былъ неясный, почти фантастическій, и Павелъ Ивановичъ, спрятавъ тетрадку въ карманъ, обѣщавъ разобрать ее. Между прочимъ, упоминалось о храбрости, которую выказали тогда евреи.

Кондратій Захаровичъ, заинтересованный неожиданнымъ открытіемъ, совѣтуетъ профессору поѣхать къ Залшевичу, владѣльцу Каменнаго Брода.

Отлагая оцѣнку бытовой стороны этого романа до слѣдующаго раза, мы въ настоящемъ обзорѣ приводимъ лишь ту часть его, которая касается весьма мало еще вымышленной исторіи евреевъ въ юго-западной Россіи.

Введенный въ романъ непривычною рукою историческій элементъ иѣдетъ

своихъ предметовъ вопросъ о связи социніанства съ еврействомъ и отраженіе этого ученія на нѣкоторыя стороны народной жизни.

Въ либеральной Польшѣ, дававшей пріютъ разнымъ философскимъ ученіямъ, социніане, или антиринитаріи, пользовался особымъ успѣхомъ. Шляхтичъ Лѣсницкій, владѣлецъ города Пинчева, былъ поклонникомъ нѣхъ ученія, отрицавшаго Святаю Троицу. Социніане устраивали тамъ публичные диспуты, на которыхъ до того успѣшно отстаивали свое ученіе, что къ нимъ принимали сотни знатныхъ польскихъ семействъ. Будучи сложныи по своимъ догматамъ съ чистыми іудазмомъ, социніанство скоро вылилось въ секту жидовствующихъ. Она охватила малую Русь, была занесена и въ московское государство. Какъ извѣстно, во второй половинѣ XVI в. на сторону этого ученія сталъ кievскій митрополитъ Онуфрій Дѣвочка. По его притѣру, къ этой сектѣ примкнули и прочіе священнослужители, а на нихъ и высшее общество.

При такомъ успѣхѣ социніанства и его развѣтвленій, можно считать исполнѣ правдоподобною легенду, которую приводитъ І. Ясинскій относительно рода Корицкихъ.

Сынъ одного изъ первыхъ представителей этого рода, владѣвшаго Каменнымъ Бродомъ, князь Юрій воспитывался за-границею и славился ученостію. Его готовили къ военной службѣ; но онъ предался изученію еврейскаго языка и кабалыстики и, вернувшись на родину, постоянно бесѣдовалъ и дружилъ съ евреями. Онъ тайно принималъ іудейство и сочетался бракомъ съ еврейкой, хотя передъ тѣмъ женился на княжнѣ Заславской и имѣлъ отъ нея сына. Онъ ходилъ въ талесѣ; славился добрыми дѣлами и всѣ евреи его благословляли... Наконецъ, когда сектанство его стало слишкомъ явнымъ, нагрянувшіе въ Каменный Бродъ судьи арестовали какъ князя Юрія Корицкаго, такъ и незаконную жену его еврейку. Юрій не сталъ откупаться отъ судей, а рѣшилъ пострадать за свою вѣру. Онъ во всекъ признался и держалъ себя на судѣ гордо и надменно. За ересь онъ былъ приговоренъ къ сожженію на кострѣ, что и было исполнено въ 1550 г. близъ Каменнаго Брода.

Между тѣмъ, послѣ Юрія остался законный сынъ его отъ княжны Заславской Андрей. По рѣшенію трибунала, мальчикъ былъ лишентъ права именоваться княземъ, такъ какъ фамилія Корицкихъ считалась опозоренною. Шестнадцатилѣтній Андрей бѣжалъ къ запорожцамъ. Мать его, княжна Ева Корицкая, будучи рѣдкою красавицею, уѣхала въ Варшаву, гдѣ сошлась съ женатымъ челоуѣкомъ княземъ Замоискимъ и прижила съ нимъ троихъ дѣтей, получившихъ фамилію князей Корицкихъ. Благодаря связямъ

Замойскаго, они были восстановлены въ правахъ собственности какъ князя Корницкіе и имъ возвратили часть отобранныхъ земель; однако они не могли добиться возвращенія Каменнаго Брода, который въ то время владѣли Ружинскіе. Князь Богуславъ Ружинскій уѣхалъ въ Амстердакъ, а Каменный Бродъ сдалъ въ аренду еврею Карафѣ съ правомъ суда надъ подданными. Народъ былъ недоволенъ хозяйничаньемъ Карафы и ждалъ истителя, который и явился въ лицѣ Андрея Корацкаго.

Отчаявшись добиться отъ поляковъ признанія своихъ правъ на отцовское имѣніе, Андрей прикнулъ къ Наливайкѣ. Онъ такъ надоѣдалъ Наливайкѣ своими горячими рѣчами и приставаніями о необходимости истить полякавъ, что тотъ прозвалъ его Пилою.

Въ 1591 г. Пила, облеченный званіемъ полковника, пронесся съ своимъ отрядомъ по польской Украинѣ, принося съ собою всюду смерть и раззореніе. Особенно звѣрски расправлялся онъ съ евреями. Отецъ его, — заиѣчаетъ романистъ, — былъ еврейскимъ мученикомъ, а онъ сталъ еврейскимъ мучителемъ.

Пила осадилъ Каменный Бродъ и евреи, зная его беспощадную жестокость, рѣшили защищаться до послѣдняго издыханія.

Къ сожалѣнію, вся эта легенда, равно какъ исторія осады и обороны Каменнаго Брода, неложена сухо и вяло; между тѣмъ, она представляетъ весьма благодарный матеріалъ для историческаго романа.

Видно, что авторъ ввелъ историческій элементъ совершенно искусственно и удѣляетъ все свое вниманіе описанію быта современнаго еврейства.

Объ этой сторонѣ романа—до другаго раза.

Ос. Грузенбергъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДИИ ГАОНА. Г. Г.	3
II. ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА. Повѣсть (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго	21
III. ЮВАЛЪ. Библийское сказаніе. Стихотвореніе. Аполлона Коринфскаго.	45
IV. ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ. (Записки эмигранта). М. Эттингера.	49
V. ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ. Краковскіе мученики 1637 г. Ленчицкій процессъ 1639 г. С. М. Дубнова.	65
VI. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМЪ ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ. (Продолженіе). А. С. Брагина.	75
VII. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. М. Г. Моргулиса.	108
VIII. СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ. Романъ. Кн. пятая. Гл. I—II. К. Э. Францова.	130
IX. ИСПОВѢДЪ. Стихотвореніе. Х. Зингера.	155
X. КАКЪ ХОРОШО! Я ВНОВЬ ОДИНЪ. Стихотвореніе. Юлія Гессена.	159
XI. О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПОНА. Сочиненіе Флавія Юсіфа, переводъ съ греческаго наг. евр. словесности Я. И. Израэльсона. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги Введеніе, стр. XVII—XXXII). (<i>Bound separately</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. МНИМЫЙ УЧЕНЫЙ О МНИМЫХЪ ВОЛѢЗНЯХЪ. (Д-ръ К. В. Орловъ. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.). Д-ра С. О. Грузенберга.	1
--	---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

- XIII. В. В. СТАСОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ИСКУССТВУ. (*Собраніе сочиненій В. В. Стасова 1847—1866 съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса, въ 3 томахъ in 4°. Спб. 1894 г.*). Барона Д. Г. Гинцбурга. 17
- XIV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Знаніе времени: «Новое Время» и повѣдь доброты.—Мечтанія литературнаго Чичикова и «Маленькія письма» А. Суворина.—Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ ли «Новое Время» держаться программы своего редактора?—Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ І. Ясинскаго «Юрьева могилка». Ос. Грузенберга. 26
- XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.
-

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

М а р т ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1895.

ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА.

VIII¹.

— Ну, пойми же, что ты ничѣмъ не рискуешь... Я тебѣ передаю ключи отъ амбаровъ и безъ твоего вѣдома не продамъ ни одного зерна. Наконецъ, 50 бочекъ сахару тоже чего нибудь да стоятъ... Хочешь, я ихъ свезу на твой дворъ?

— И взаимнѣ этого вы требуете...

— Сущіе пустяки. Вѣдь все же при тебѣ останется, ты только даешь свое слово, не бланкъ, а слово...

— А слово не деньги? Подумайте, чего вы требуете... Четыре тысячи я долженъ записать на имя Ровочки...

— Только записать... Деньги и документы остаются въ твоей же кассѣ...

— Ну, хорошо, остаются въ моей кассѣ. А четыре тысячи, которыя я долженъ внести въ банкъ на имя жениха?

— Опять же документъ у тебя остается.

— Нѣтъ, этого я не могу...

Наступило молчаніе. Большая мрачная комната, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, могла столько же претендовать на роскошь убранства, сколько на отсутствіе вкуса у ея хозяина. Большой дубовый столъ съ рѣзьбой былъ уставленъ массой дорогихъ бездѣлушекъ изъ золота, серебра и фарфора, которыми скорѣе приличествовалъ будуаръ избалованной женщины, чѣмъ письменный столъ суроваго дѣльца. Старинный диванъ, обитый дорогимъ штофомъ, а рядомъ низенькія

¹ См. „Восходъ“, кн. II.

будуарныя кресла, покрытыя свѣтлымъ кретономъ, напоминали аукціонный залъ, сходство съ которымъ еще больше увеличивали нѣсколько развѣшанныхъ по стѣнамъ картинъ неизвѣстныхъ художниковъ въ золотыхъ рамахъ, нѣсколько бра, канделябровъ и пара большихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ на постаментахъ изъ чернаго дерева. Небольшой коверъ съ громадными красными букетами покрывалъ только часть пола около дивана, все же остальное пространство изрѣзывалось узенькими холщевыми половиками, ведущими къ тремъ дверямъ. Это пестрое и несомнѣнно дорого стоющее убранство, которое придавало комнатѣ характеръ не то кабинета, не то гостиной или будуара, а скорѣе смѣшеніе всего этого, служило, однако, предметомъ гордости и тщеславія хозяина дома, Купферкопфа, мужа Евочки и зятя Берковича.

Ступая осторожными, хотя и солидными шагами по узенькимъ половикамъ, онъ съ любовью останавливалъ свой взглядъ то на томъ, то на другомъ предметѣ, лишь по временамъ оборачивая голову по направленію къ тому мѣсту, гдѣ съѣжившись и пенуривъ голову сидѣлъ его тестъ Берковичъ.

Было еще рано, и Евочка, привыкшая вставать поздно, еще спала, не подозрѣвая вовсе, какого свойства разговоръ происходитъ между ея отцомъ и мужемъ. Купферкопфъ, очевидно, считалъ разговоръ поконченнымъ, потому что хмурое выраженіе лица его стало постепенно проясняться и замѣнилось веселымъ добродушнымъ видомъ сытаго человѣка, какъ вдругъ неожиданная вылазка Берковича снова заставила его принять боевое положеніе.

— Что значить, «не могу»? Для умнаго человѣка нѣтъ слова «не могу». Я это всегда твердилъ тебѣ и всегда правда была на моей сторонѣ.

— Но любовный тестюшка...

— Постой, не прерывай меня, — съ авартомъ продолжалъ Берковичъ. — Транспортъ хлѣба тебѣ отдаю...

— Не нужно мнѣ вашего хлѣба...

— 50 бочекъ сахару...

— Удержите ихъ себѣ къ чаю...

— Наконецъ, проценты...

При послѣднемъ замѣчаніи Купферкопфъ вдрогнулъ какъ боевой конь, услышавшій трубный звукъ, и повернулъ голову въ сторону Берковича.

— Проценты за рискъ,—повторилъ Берковичъ, фиксируя его своими маленькими глазками, въ которыхъ въ эту минуту чувствовалась большая магнетическая сила.

— Проценты за рискъ... точно подчиняясь чужому вліянію, повторилъ Купферкопфъ.

— Проценты за рискъ. Держать деньги въ своей кассѣ и получать проценты. Ты подумай только, кто не согласится... Къ другимъ я не обращаюсь, потому что вовсе не желаю отдавать выгодныя дѣла чужимъ. Подумай еще разъ. Транспортъ зерна у тебя, при продажѣ ты получаешь «комиссіонныя»; 50 бочекъ сахару тоже дадутъ не малый барышъ. Я бы все это продалъ теперь, но вѣдь ты самъ знаешь, какой теперь застой въ дѣлахъ и какія цѣны... Наконецъ, я тебѣ плачу проценты за всѣ восемь тысячъ, какъ будто ты бы ихъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ далъ взаимъ...

— Ну, хорошо, я вамъ это устрою,—уже начиная сдаваться, проговорилъ Купферкопфъ.—Но гдѣ же вы достанете эти восемь тысячъ тогда, когда ихъ нужно будетъ передать въ руки жениху, т. е. передъ вѣнцомъ.

Берковичъ посмотрѣлъ на него, какъ умные люди смотрятъ на дураковъ или здоровые на безнадежно больныхъ и съ грустью покачалъ головой.—Я всегда говорилъ, что ты не дѣловой человекъ. Твое дѣло вѣзять проценты, а тамъ не разсуждай. Гдѣ я возьму восемь тысячъ? Во первыхъ, цѣны на хлѣбъ и на сахаръ къ тому времени должны подняться, а во вторыхъ... Да тебѣ что за дѣло. Я у тебя не потребую... Моя Розочка выйдетъ замужъ и безъ твоей помощи... И прыгнувъ съ дивана, онъ схватилъ со стола свою шляпу, дѣлая видъ, будто уходитъ.

— Ну, что вы разсердились... Я вѣдь не отказываю.

Наконецъ, нужно Евочку спросить, — заискивающимъ голосомъ проговорилъ Купферкопфъ, загоразивая дорогу Берковичу.

— Я думалъ, что ты больше расположенъ къ Розочкѣ, — съ упрекомъ сказалъ Берковичъ. — А она то, голубка, какъ васъ любить: и тебя, и Евочку.

— А я... да я хоть сейчасъ... у меня деньги готовы... Я ихъ сейчасъ же переведу на имя жениха и невѣсты.

— И прекрасно... а я тебѣ передамъ зерно и сахаръ.

— Ну, а какіе же проценты вы мнѣ предлагаете?

— Разумѣется, купеческіе, — не такіе, какъ ты берешь... Надѣюсь, ты не хочешь меня раззорить.

— Купеческіе, такъ купеческіе, — согласился Купферкопфъ.

— И чтобы къ часу все было готово. Ты имъ самъ покажешь документы, когда они пріѣдутъ съ визитомъ.

— Устроимъ.

— А теперь мнѣ порѣ. Евочкѣ скажи, чтобы она не скупилась на угощеніе. Впрочемъ, шампанскаго я тебѣ пришлю.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, — улыбаясь во весь свой широкій ротъ, воскликнулъ Купферкопфъ.

На улицѣ Берковича ждалъ Бентовинъ.

— Ну что? — съ тревогой въ лицѣ спросилъ онъ.

— Дѣло въ шляпѣ. хочешь еще восемь тысячъ?...

И торжествующая улыбка заиграла на морщинистомъ лицѣ Берковича. Онъ, не останавливаясь, продолжалъ идти впередъ, быстро семеня своими короткими ножками. Шляпа, какъ всегда, колыхалась у него на затылкѣ.

— Такъ значитъ онъ согласился? — съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ Бентовинъ.

— А ты какъ думалъ, варварская ты голова. Ужъ если Берковичъ за чтонибудь возьметса, то толкъ выйдетъ. Ничего вы не понимаете, варварскія головы, оттого то вамъ кажется все такимъ труднымъ. А все такъ просто. У кого деньги, у кого умъ Одно другое уравниваетъ. Такъ все на свѣтѣ, — задумчиво закончилъ Берковичъ и тотчасъ, какъ бы пожалѣвъ, что онъ такъ много потратилъ словъ, поспѣшно прибавилъ:

—А ты развѣсилъ уши и слушаешь... Ну, ступай и дѣлай свое дѣло... А мнѣ спѣшить нужно.

И онъ вскочилъ на мимо проѣзжавшаго извозчика и ука- тилъ, оставивъ Вентовина въ страшномъ недоумѣніи.

IX.

Мѣсяць, назначенный для приготовленій къ свадьбѣ, про- летѣлъ быстро. Мейеровичъ устраивалъ свои дѣла и писалъ невѣстѣ пламенные письма на розовой бумагѣ съ двумя аму- рами, поддерживавшими пронзенное стрѣлой сердце, а Розочка проводила дни въ хлопотахъ съ приданнымъ, ночи же напро- летъ посвящала сочиненію отвѣтныхъ писемъ, въ которыхъ она, какъ образованная барышня, мечтавшая о высшихъ кур- сахъ, говорила не только о своей пламенной любви (она, дѣй- ствительно, безъ ума была влюблена въ своего жениха), но высказывала свои взгляды на жизнь, касаясь разныхъ воз- вышенныхъ вопросовъ. Во время краткаго пребыванія Мейе- ровича въ К..., у нея не было возможности познакомиться его съ своимъ внутреннимъ міркомъ, нравственными убѣжденіями и пр. и пр. Да и не до того было. Теперь она хотѣла, чтобы ея женихъ все зналъ о ней и чтобы онъ могъ такимъ обра- зомъ судить о ней и цѣнить ее. Она хотѣла ему показать, что она не только «роза на золотомъ блюдѣ», но роза, кото- рая благоухаетъ при всѣхъ условіяхъ. Если Мейеровичъ этому послѣднему не совсѣмъ вѣрилъ и если онъ вообще мало прида- валъ цѣны философствованію своей невѣсты, тѣмъ не менѣе онъ не могъ не проникнуться нѣкоторымъ благоговѣніемъ къ такой образованной дѣвушкѣ, какой ему казалась теперь его Розочка. Однимъ словомъ, любовь съ одной стороны и благо- говѣніе съ другой, сплетаясь вмѣстѣ, образовали такой крѣп- кій узелъ, что, казалось, самъ Александръ Македонскій, если- бы онъ возсталъ изъ гроба, не могъ бы его разрубить.

Одного только не доставало обоимъ для полнаго безгранич- наго счастья — это увѣренности въ прочности этого счастья. Какъ ни странно, но и Мейеровичъ и Розочка терзались одной

и той же мыслью. Хотя Мейеровичъ собственными глазами видѣлъ оба документа, свидѣтельствовавши о полномъ обезпеченіи приданого, но тѣмъ не менѣе его почему то не оставляло тайное безпокойство за участь этихъ документовъ и, читая любовныя изліянія невѣсты, онъ въ то же время думалъ: «а что, если документы дутые?—А что если банкъ лопнетъ или Купферкопфъ обанкротится, вѣдь все можетъ случиться».

Съ другой стороны, Ровочка, которую Евочка въ подробности посвятила въ тайну происхожденія документовъ, имѣла полное основаніе дрожать за свое счастье, тѣмъ болѣе, что она ни въ комъ изъ окружающихъ не встрѣчала ни поддержки, ни ободренія. Флорочка говорила ей колкости, намекая на то, что папочка ее такъ же надуетъ, какъ надулъ ея, Флорочки. мужа. Евочка позволяла себѣ вмѣшиваться въ ея личныя дѣла, касающіяся приданого, заносчиво заявляя каждый разъ, что грѣшно тратить такъ много денегъ на тряпки и что папочка лучше бы позаботился уплатить проценты ея мужу. Самъ Купферкопфъ не переставалъ дуться и ворчать и каждый день приходилъ считать бочки съ сахаромъ, которыя онъ по скупости не хотѣлъ перевезти къ себѣ во дворъ. Даже Бентовинъ и тотъ ходилъ, какъ въ воду опущенный, и больше не повторялъ, что Мейеровичъ получилъ «рову на золотомъ блюдѣ». Одинъ Берковичъ не терялъ присутствія духа и совершенно игнорировалъ тѣ маленькія непріятности, которыя каждый день ему преподносили его же собственныя дѣти.

— А, Флорочка дуется... Ну, пусть себѣ на здоровье... Она свое получила, чего же ей еще хочется... Или:—Евочка боится, что я обсчитаю ея мужа... Ну, не глупо ли это. Всѣ дѣти у меня равны. Или:—Этотъ толстый опять считаетъ бочки... Хорошо еще, что онъ не догадался считать каждую голову отдѣльно!.. За то на Ровочкѣ онъ не разъ останавливалъ грустный взглядъ, и сердце его ныло, точно предъ нимъ не счастливая невѣста, а обреченная на безбрачіе дѣвственница.

Наконецъ, наступилъ день свадьбы. Мейеровичъ, какъ было заранѣе условлено, прїѣхалъ еще наканунѣ и водворился въ своей вновь отдѣланной квартирѣ при аптекѣ, которую Шмычковичъ очистилъ и формально передалъ новому владѣльцу. Панъ Стасъ первый прївѣтствовалъ своего молодого патрона и рапортовалъ ему о состояніи аптеки. Вечеромъ Мейеровичъ принималъ у себя гостей, между которыми, кромѣ пана Шмычковича, пана Стаса, и Бентовина, никого изъ постороннихъ не было. Всѣ были веселы, за исключеніемъ одного только Купферкопфа, который пасмурно ходилъ изъ угла въ уголъ и нѣсколько разъ останавливался противъ Мейеровича, какъ бы желая ему что то сообщить. Но счастливый женихъ былъ слишкомъ занятъ своей невѣстой, чтобы обращать вниманіе на таинственные маневры толстаго ростовщика. Къ тому же Бентовинъ и Берковичъ зорко слѣдили за Купферкопфомъ, и каждый разъ, какъ онъ открывалъ ротъ, искусно отвлекали его то тѣмъ, то другимъ, разбивая такимъ образомъ всѣ его планы. Гости, впрочемъ, рано разошлись, и Мейеровичъ, усталый и взволнованный, легъ въ постель въ ожиданіи счастливаго *застра*, заключавашаго въ себѣ тайну его сокровенныхъ мечтаній, цѣль его жизни и стремленій.

Вѣнчаніе было назначено въ два часа дня, и, вставъ довольно рано, Мейеровичъ имѣлъ достаточно времени, чтобы приготовиться и привести свои мысли въ порядокъ, что, впрочемъ, ему было нужно не столько въ виду предстоящаго обряда вѣнчанія, который, признаться, его все же таки волновалъ, сколько вслѣдствіе ожидаемаго имъ прихода Берковича и Бентовина и передачи ему документа на приданое. Время танулось медленно. Мейеровичъ нѣсколько разъ заходилъ въ аптеку, заглядывалъ въ лежавшіе на конторкѣ рецепты, таксировалъ ихъ въ умѣ и потомъ уходилъ къ себѣ. Берковичъ не являлся. Молодой аптекаръ началъ не пути безпокоиться, и разныя неприятнаго свойства подозрѣнія стали осаждать его. — Что бы это значило, — думалъ онъ вслухъ. — Уже двѣнадцать часовъ и никто не является. Не случилось ли чего нибудь? Не заболѣла-

ли Розочка? И вмѣсто того, чтобы поѣхать узнать въ чемъ дѣло, Мейеровичъ, по какой то странной игрѣ логики снялъ съ себя фракъ, который онъ уже одѣлъ, чтобы не задерживать Берковича, когда тотъ за нимъ пріѣдетъ, и замѣнилъ его рабочей тужуркой. Въ аптекѣ въ эту минуту раздался чей то властный голосъ, и не успѣлъ Мейеровичъ прислушаться и сообразить кто это, какъ въ его комнату вбѣжалъ докторъ, расфранченный, свѣже выбритый, съ нафабранными усами и во фракѣ.

— А женихъ еще дома? Что же это?—воскликнулъ онъ, пожимая руку Мейеровичу и участливо заглядывая ему въ глаза.—Вы совсѣмъ не спѣшите.

— Еще рано,—собравшись съ духомъ и улыбаясь по жениховски, проговорилъ Мейеровичъ.—Къ тому же...

— Что, развѣ что нибудь случилось?—съ аффектированной тревогой въ голосѣ произнесъ докторъ.

— Ничего. Что же могло случиться... Я только жду г. Берковича.

— Господина Берковича!.. Такъ онъ развѣ еще не былъ у васъ? Ну, съ него это станется. Онъ вѣдь такой разсѣянный... Я заведу къ нему и напомию. А то, хотите, ѣдемъ вмѣстѣ. Чего ждать. Тамъ все разъяснится. А? Ѣдемъ?

И докторъ дружески потрепалъ Мейеровича по плечу.

— Нѣтъ, не могу... Я еще не совсѣмъ готовъ,—едва выговорилъ Мейеровичъ.

— Ну, какъ хотите... До скорого свиданія. Кланяться отъ васъ невѣстѣ?

— Непремѣнно.

«Шалишь... не на такого напали. Буду сидѣть тутъ три дня и три ночи, а съ мѣста не сдвинусь!»—весъ пылая отъ гнѣва и сжимая кулаки, проговорилъ Мейеровичъ.

Эта угроза, посланная въ догонку доктору, была, конечно, направлена не противъ него, а противъ Берковича и Розочки, главнымъ образомъ даже противъ послѣдней, такъ какъ она вскружила ему голову и заставила такъ опрометчиво согласиться на бракъ. Его неприязнь противъ невѣсты росла все

силнѣе и наконецъ превратилась въ настоящую ненависть, и еслибы въ эту минуту пришелъ Берковичъ со своими тысячами, онъ бы съ негодованіемъ швырнулъ ихъ ему въ лицо.

«Мнѣ ваша дочь ненавистна; не хочу я вашихъ денегъ». Но какъ разъ въ эту минуту Берковичъ менѣе всего думалъ о женихѣ, такъ какъ былъ занятъ болѣе важнымъ дѣломъ. Стоя посреди двора Купферкопфа, онъ съ озабоченнымъ видомъ слѣдилъ за вѣзжавшими телѣгами съ сахаромъ.

— Разъ, двѣ, три,—считалъ онъ.—Четыре... Ну, теперь всѣ.—Когда послѣдняя бочка была стащена съ телѣги и поставлена рядомъ съ другими, Берковичъ подошелъ къ открытому окну, у котораго стоялъ Купферкопфъ.

— Ну, что, вѣрно?

— Вѣрно.

— Теперь давай документы.

— Хорошо... зайдите въ комнату.

— Чорта съ два. Мнѣ некогда. Давай чеки...

— Но вы проценты еще не уплатили.

— Ахъ, да!...

Берковичъ порылся въ боковомъ карманѣ и, вынувъ оттуда пачку ассигнацій, швырнулъ ихъ ему въ окно.

Купферкопфъ поймалъ на лету пачку и, окинувъ ее опытнымъ взглядомъ, положилъ ее въ карманъ, а затѣмъ подаль Берковичу два конверта.—Одинъ на имя Розочки, другой на имя жениха,—сказалъ онъ улыбаясь.— Все въ исправности. Только помните, дорогой тестюшка, что если завтра вы мнѣ не доставите обратно чековъ или денегъ, я продамъ сахаръ за полцѣны, клянусь Всевышнимъ!

— Что будетъ завтра—увидимъ,—проговорилъ Берковичъ,—а теперь прощай...

— Подождите и я съ вами. Вѣдь Евочка давно уже у васъ... Пора бы и приступить...

— Развѣ уже поздно?

— Третій часъ.

Берковичъ всплеснулъ руками.

— Третій часъ. Тамъ всё уже вѣрно въ сборѣ. Что ты со мной сдѣлалъ! Бентовинъ! гдѣ Бентовинъ?

Бентовинъ выросъ точно изъ подъ земли.

— Извергъ... варварская голова! Что же ты меня не तोпилъ! Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ женихъ?

— У себя дома.

— Какъ? не у насъ?

— Нѣтъ, онъ ждетъ. Я только что былъ въ аптекѣ. Заперся и спать.

— Спать... предъ вѣнцомъ...

— Что же тутъ удивительнаго. Ему предстоитъ такая ночь,—улыбаясь во весь ротъ, сказавъ Купферкопфъ.—А вотъ мы поѣдемъ и разбудимъ его. Знаете что, любезный тестюшка, поѣзжайте ка вы домой, а мы съ Бентовинымъ отправимся къ жениху. Ручаюсь вамъ, что чрезъ полчаса мы будемъ стоять подъ балдахиномъ. Давайте-ка мнѣ конвертики.

Берковичъ передалъ зятю конвертики, а самъ поспѣшилъ домой съ радостнымъ извѣстіемъ, что женихъ сейчасъ придетъ.

Былъ уже четвертый часъ и гости, утомившись долгимъ ожиданіемъ, стали выражать свое нетерпѣніе, перешагивались, перемигивались и остряли насчетъ апокрифическаго жениха.

— Скажите лучше апокрифическаго приданаго.

Злѣе всѣхъ, какъ и всегда, оказывались дамы, ихъ тайному злорадству не было конца.

Во всѣхъ комнатахъ было душно и жарко. Невѣста и ея родные не показывались. Розочка, запершись въ своей спальнѣ, истерически рыдала. Флорочка и Евочка суетились около нея и умоляли ее выйти къ гостямъ.

— Не выйду я, не выйду,—сквозь рыданія повторяла Розочка.—Я не перенесу этого позора... Что же папочка, какъ онъ могъ допустить...

Въ эту минуту въ дверь постучались и раздался голосъ Берковича.

— Что же вы тутъ заперлись. Отворите. Сейчасъ женихъ придетъ.

Розочка вострепенулась. Флорочка и Евочка радостно захлопали руками и бросились отворять дверь.

Въ то же время въ сосѣднихъ комнатахъ поднялся невообразимый гулъ и восклицанія: Женихъ, женихъ!

Всѣ были поражены и всѣ склонились передъ фактомъ. Женихъ, апокрифическій женихъ явился. Значить и приданое было не апокрифическое.

— Ну ужъ и Берковичъ,—слышался со всѣхъ сторонъ сдержанный шопоть.

Въ одно мгновеніе все было забыто, и вниманіе всей этой разряженной толпы, жаждавшей зрѣлищъ и сильныхъ ощущеній, было всецѣло приковано къ статному и красивому жениху, рядомъ съ которымъ стояла счастливая и улыбающаяся невѣста въ своемъ роскошномъ подвѣчномъ нарядѣ.

Х.

У Мейеровича, въ сущности, было доброе и отзывчивое сердце, и, глядя на блѣдное лицо своей невѣсты со слѣдами слезъ на дрожавшихъ рѣсницахъ, онъ почувствовалъ жалость и угрызение совѣсти. Зачѣмъ онъ все это сдѣлалъ? Можетъ быть, этого вовсе и не нужно было, и всѣ опасенія существовали только въ его воображеніи. Онъ рѣшилъ загладить свое поведеніе какимъ нибудь великодушнымъ поступкомъ, показать, что онъ вовсе не такой, какимъ, вѣроятно, его считаютъ и что только чувство самосохраненія и сознаніе своего одиночества и безпомощности заставили его быть осторожнымъ. Весь вечеръ онъ думалъ объ этомъ искупительномъ поступкѣ, и когда всѣ гости разошлись и въ гостиной остались одни родственники невѣсты, онъ подошелъ къ Розочкѣ и, вынувъ изъ кармана оба конвертика, въ которыхъ лежало приданое, вручилъ ихъ торжественно молодой женщинѣ со словами:

— Вотъ твое приданое, Розочка, оно тебѣ принадлежитъ.

Всѣ присутствующіе ахнули отъ удивленія, а Купферкопфъ, не вѣря своимъ глазамъ, подбѣжалъ къ Розочкѣ и взглянулъ

на конвертики, чтобы убѣдиться, не совершился ли тутъ какой нибудь подлогъ. Но подлога никакого не было и всё, не исключая и Купферкопфа, пришли къ заключенію, что Мейеровичъ истинно благородный человѣкъ. Ровочка была въ восторгѣ и, прощаясь съ сестрами, чтобы отправиться въ приготовленную для молодыхъ спальню, шопотомъ повторяла: какъ я счастлива, какъ я счастлива!..

На другое утро Мейеровичъ былъ разбуженъ какимъ то страннымъ шумомъ, доносившимся изъ сосѣднихъ комнатъ.

Ровочки въ спальнѣ не было. Шумъ становился явственнѣе и среди хаоса голосовъ, то усиливавшихся, то затихавшихъ, онъ услышалъ голосъ Ровочки, прерываемый громкими рыданіями. Вскочивъ съ постели и накинувъ на себя что попало, онъ какъ ураганъ выбѣжалъ изъ спальни и слѣдуя по направленію раздававшихся голосовъ, вскорѣ очутился въ кабинетѣ Берковича. Отворивъ дверь, онъ отшатнулся, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ, потомъ, не помня себя отъ ярости, бросился къ Ровочкѣ, которая барахталась на полу, совершенно прикрытая грузнымъ тѣломъ Купферкопфа. Нѣсколько поодаль отъ этой группы Берковичъ съ отчаяніемъ отбивался отъ вцѣпившейся въ него Евочки, которая не пускала его приблизиться къ мужу. Слышалось тяжелое сопѣніе Купферкопфа, дикое взвизгиваніе Евочки и истерическія рыданія Ровочки. Съ появленіемъ Мейеровича Евочка выпустила отца и бросилась на него. Всѣ смѣшались въ одну кучу, дикую и безобразную. Наконецъ Купферкопфъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, вскочилъ на ноги и, весь красный, обливаясь потомъ, бросился къ двери, держа въ рукахъ какую то скомканную бумажку. Евочка послѣдовала за нимъ, теряя на ходу части своего туалета.

— Извергъ... злодѣй! — кричалъ ему вслѣдъ Берковичъ.

Купферкопфъ остановился въ дверяхъ и, тяжело дыша, воскликнулъ:

— Кто злодѣй, какъ не ты, старый мошенникъ? Ты ду-

малъ надуть Купферкопфа! Сложилъ на моемъ дворѣ проданный сахаръ, далъ ключи отъ пустыхъ амбаровъ! Думалъ на мои деньги мужа для дочки купить? Шалишь, вотъ онъ гдѣ.

И потрясая скомканной въ рукѣ бумажкой, онъ выбѣжалъ на улицу, сопровождаемый громкими проклятіями Берковича и истерическими рыданіями все еще лежавшей на полу Розочки. Вмѣстѣ съ Купферкопфомъ незамѣтно ускользнулъ изъ комнаты и Мейеровичъ. Одѣвшись кое какъ, онъ выбѣжалъ черезъ черный ходъ на улицу и, взявъ перваго попавшагося извозчика, поѣхалъ къ себѣ въ аптеку. Тамъ онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, прося пана Стася ни подъ какимъ видомъ никого не пускать къ нему. Прошло много времени, пока Мейеровичъ пришелъ въ себя настолько, чтобы быть въ состояніи обсудить все случившееся сегодня утромъ. Все это было такъ гадко, такъ мерзко. И зачѣмъ они все это устроили. Зачѣмъ они вовлекли его въ эту грязь... Купферкопфъ съ звѣрскимъ лицомъ и налитыми кровью глазами приводилъ его еще и теперь въ трепеть. Отчего онъ не задушилъ его на мѣстѣ, какъ поганую тварь... Евочка съ растрепанной прической, въ разорванномъ лифѣ и съ глазами дикой кошки вызывала въ немъ отвращеніе. А его жена, его Розочка, которую онъ ночью сжималъ въ своихъ объятіяхъ! Какой некрасивой, даже отвратительной она показалась ему въ своемъ изорванномъ въ ключья дорогомъ капотѣ съ обнаженной грудью и руками, вцѣпившимися въ жирную шею Купферкопфа. Эти самыя руки еще вчера такъ нѣжно обнимали его, а уста, которыя шептали ему нѣжныя слова, теперь издавали площадную ругань. Прочь, прочь! И точно преслѣдуемый цѣлымъ сонмомъ отвратительныхъ привидѣній, Мейеровичъ въ бѣшенствѣ бѣгалъ по комнатѣ, сжимая кулаки. Цѣлый день онъ провелъ взаперти, а когда стемнѣло, онъ взялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Спустя мѣсяць аптека г. Шмычковича была сдана новому арендатору, и Бентовинъ обдумывалъ планъ, какъ бы его женить на Розочкѣ, которая уже съ недѣлю какъ получила формальный разводъ и теперь была вполне свободна.

— На этотъ разъ сорвалось,—говорили въ городѣ.— И подѣломъ старому мошеннику. Но Купферкопфъ, Купферкопфъ то каковъ.

И всѣ хвалили Купферкопфа за его находчивость.

С. Промескій.

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ четыре часа утра я уѣхалъ въ Гамбургъ. Вагонъ былъ наполненъ исключительно евреями-эмигрантами, расположившимися на полу за отсутствіемъ скамеекъ. Было очень душно, а открытыя окна не позволяли женщины, боявшіяся простудить дѣтей. Я не вытерпѣлъ и вышелъ на платформу, но принужденъ былъ возвратиться по настоянію кондуктора, нецеремонившагося съ пассажиромъ четвертаго класса. Чуть живыми доѣхали до Берлина. Слѣдующій поѣздъ уходилъ въ Гамбургъ черезъ четыре часа. Насъ, эмигрантовъ, служащіе при комитетѣ ввели въ какое-то подземелье, правда довольно свѣтлое. Разсадили по столамъ. Каждому изъ насъ поднесли по одному ломтю хлѣба и по два чуть-ли не тухлыхъ яйца. Затѣмъ принесли нѣчто очень мутное. Это нѣчто носило названіе кофе. Вѣдныя евреи, большинство которыхъ дома не пило даже и такого кофе, набросились съ жадностью и начали похваливать и причмокивать и благословлять благодѣтеля барона. Многіе при семъ случаѣ разсказали о его благотворительности нѣсколько исторійкъ, не знаю, гдѣ выкопанныхъ. Кончивъ «трапезу», мы пошли излагать нужды свои господамъ комитетникамъ, какъ ихъ прозвали евреи. «Комитетники» сидѣли въ большой холстинной палаткѣ. Впускали по очереди. У большого стола сидѣли два молодыхъ человѣка, очень богато одѣтыхъ и въ золотыхъ пэнснѣ.

— Фонъ во зиндъ ви?—обратился одинъ ко мнѣ.

— Фонъ русляндъ,—отвѣтилъ я.

Разговоръ велся по нѣмецки, но я буду передавать по русски.

— Изъ какого города?

— Изъ Могилева.

— Куда ѣдете?

— Въ Филадельфію.

— Имѣете вы деньги?

— Нѣтъ.

— Шифс-карту?

— Нѣтъ.

— Что же вы хотите?

— Денегъ! — отвѣтилъ я.

— Денегъ? — повторилъ одинъ и расхохотался такъ увлекательно, что я послѣдовалъ за нимъ. Другой посмотрѣлъ на меня довольно строго, какъ бы приказывая замолчать, и сдвинувъ свои рыжія брови, сказалъ:

— Идите!

— А денегъ такъ и не получу?

Онъ ничего не отвѣтилъ, и я вышелъ. У дверей палатки прислужникъ спросилъ у меня, не нуждаюсь-ли я въ докторѣ. Хотя я чувствовалъ себя вполне здоровымъ, но сказалъ, что нуждаюсь. Онъ указалъ мнѣ дверь въ той же палаткѣ. У доктора ужъ было много паціентовъ, евреевъ. Сильно пахло карболовой кислотой. Докторъ оказался настоящимъ Карломъ Ивановичемъ, которые такъ часто встрѣчаются въ Россіи: толстенный, пухленькій, красненькія щечки, брюшко и наивные самодовольные глаза. Онъ осматривалъ какого то еврея, превышавшаго его ростомъ раза въ три. Въ это время къ нему подошелъ молодой человѣкъ и проговорилъ:

— Негг докторъ!

— Глейхъ, глейхъ (сейчасъ, сію минуту)! — отвѣтилъ послѣдній.

— Негг докторъ! — повторилъ молодой человѣкъ: — я сильно нездоровъ. Отъ такого долгаго путешествія мой карманъ истощился до невозможности. Дайте мнѣ лѣкарство.

Все это было сказано самымъ серьезнымъ голосомъ и по русски, такъ что докторъ ничего не понялъ. Еврей, бывшіе

при этомъ, громко расхохотались, несмотря на уваженіе къ доктору. Докторъ началъ постукивать молодого человѣка, продолжавшаго стоять съ самой постной физиономіей; потомъ онъ ему далъ рецептъ, который тотъ опустилъ въ карманъ опять таки съ серьезнымъ видомъ. Вскорѣ всѣ ушли отъ доктора. Мы всѣ поздравили молодого человѣка, получившаго такое радикальное средство отъ безденежья. Нѣкоторые въ шутку предлагали ему русскіе пяточки за рецептъ, а другіе—полученныя яйца, которыя до того воняли, что даже неприхотливые желудки переселенцевъ отказывались отъ принятія такой пищи.

Между прочимъ, я ужъ началъ зарабатывать: одинъ старый еврей предложилъ мнѣ донести его довольно тяжело-вѣсный чемоданъ до поѣзда, за что я и получилъ десять пфениговъ. Вотъ первыя деньги, заработанныя мною физическимъ трудомъ! Дай Богъ, чтобы онѣ не были и послѣдними, а не то придется плохо въ Гамбургѣ до прибытія шифскарты изъ Филадельфіи. Спусти пять минутъ насъ рассадили по вагонамъ четвертаго класса.

«До Гамбурга я все таки имѣлъ деньги родственниковъ, но тамъ-то что? Скверно!» и съ этой мыслью я заснулъ.

Въ девять часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Гамбургъ. На вокзалѣ было очень много народу. На площади ожидали тысячи экипажей, телѣгъ, телѣжекъ, запряженныхъ собаками, линейекъ, громадныхъ фургоновъ, а немного дальше стоялъ вагонъ конно-желѣзной дороги. Шумъ стоялъ невообразимый. Насъ, эмигрантовъ, городской разставилъ въ кучки и приказалъ не сходить съ мѣста, что мы буквально и исполнили. Когда на вокзалѣ стало свободнѣе, къ намъ подошли какіе-то люди и начали громко выкрикивать: Мислеръ, Вольфъ, Роффе, Решертъ и еще другія фамиліи, надъ которыми мы громко смѣялись, чѣмъ по временамъ заглушали ихъ крики. Въ то же время масса евреевъ отдѣлилась, держа въ рукахъ свои билеты. Я послѣдовалъ за старикомъ. Насъ рассадили по телѣгамъ акъ густо, что мы походили на гусей. На моихъ

ногахъ помѣстилась женщина, а на плечахъ два ея малютки и по ихъ веселымъ личикамъ я понялъ, что помѣщеніе имъ нравится, но мнѣ это не совсѣмъ нравилось... Всѣ говорили въ одно время, вѣрнѣй гоготали. Идущіе мимо нѣмцы оставались и, указывая на насъ пальцами, хохотали. Мы отвѣчали имъ тѣмъ-же. Однимъ словомъ, было весело... Хотя дѣти были очень слабой комплекціи, но держать ихъ на плечахъ было, какъ я прежде сказалъ, не очень удобно, и потому я соскочилъ съ тѣлѣги, сбросивъ въ то же время какого то мальчугана. Онъ заревѣлъ, какъ говорится, благимъ матомъ. Остановили лошадь. Агентъ, увидѣвъ меня не на тѣлѣгѣ, пригласилъ сѣсть къ себѣ на переднюю скамейку, но я отказался. Онъ, видимо, боялся, чтобъ я не убѣжалъ... Вскорѣ лошадь остановили передъ шестиэтажнымъ зданіемъ. Подошли два здоровыхъ нѣмца и начали кидать багажъ въ погребъ.

Насъ ввели въ контору. Въ первой комнатѣ на полкахъ находились въ громадномъ количествѣ боченки, правда небольшіе, съ разными напитками, которые бойко раскупались эмигрантами, бывшими, очень воздержными до самаго прибытія въ злосчастный Гамбургъ. «Контора экспедиціонъ», какъ гласила громадная надпись, скорѣй носила видъ кабака, или ночлежнаго дома, благодаря кроватямъ, которыя находились во всѣхъ девяти комнатахъ. Въ комнатѣ средней величины стояли двадцать двѣ двухэтажныя кровати. Чтобъ сорокъ четыре человека могли спать въ одной комнатѣ и не задохнуться, я услышалъ въ первый разъ, а между тѣмъ это правда! За каждую постель платили одну марку. Сосчитать бы сколько господа Цыпкинъ, Роффе, Вольфъ и многіе другіе получаютъ за каждую ночь? Это Ротшильды нарождаются! Меня позвали, не знаю для чего, записаться. Произошла почти та-же процедура, какъ и въ Берлинѣ, но съ маленькой разницей: агентъ попросилъ у меня марку; я отвѣтилъ, что не дамъ.

— Ну, такъ и не получите адреса!

Я навострилъ уши.

— Какой адресъ? Комитета?

Въ отвѣтъ онъ крикнулъ:

— Идите вонъ!

Я заинтересовался адресомъ и потому вынулъ свою, чуть-ли не послѣднюю марку, которую и поспѣшилъ ему отдать, проговоривъ:

— Знайте, что у меня осталось всего пятьдесятъ пфениговъ.

На мои слова онъ не обратилъ вниманія. Адресъ, который онъ мнѣ далъ, былъ комитета, а у меня ужъ былъ одинъ. Любопытство въ началѣ міра сгубило Еву, а теперь меня.

Съ пятьюдесятью пфенигами я остался въ громадномъ городѣ и уже надо было купить хлѣба. Я задумался надъ этимъ вопросомъ.

Часа черезъ три я нашелъ Elbstrasse, гдѣ находился комитетъ. Засѣданія въ комитетѣ начинались не раньше двухъ часовъ пополудни, а теперь было двѣнадцать. Я сѣлъ возлѣ комитета. Вокругъ было очень много евреевъ равнаго возраста и профессій. Вотъ стоитъ маляръ, что можно понять по испачканной въ краскѣ одеждѣ; тутъ прохаживается съ гордымъ видомъ портной; дальше кузнецъ съ черными, за-грубѣлыми руками, а вотъ и сапожникъ, пропитанный запахомъ кожи. Есть и два гимназиста еще съ гербами, но у нихъ уже унылый видъ. Были и поляки и даже одинъ еврей выдавалъ себя за французскаго подданнаго. Смѣло можно было сказать:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній“.

Пожалуй, состоянія у всѣхъ были одинаковыя. Пять марокъ считалось богатствомъ.

Я завязывалъ знакомство съ портнымъ, молодымъ человѣкомъ.

Разговорились. Онъ ѣхалъ изъ Америки, чѣмъ очень гордился.

— Я, слава Богу, — говорилъ онъ, — былъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ, и въ Одессѣ, и въ Филадельфи, и въ Нью-Йоркѣ, и въ Берлинѣ, и тамъ, и тамъ.. вездѣ былъ!

— У васъ есть деньги?—спросилъ я наивно.

— Деньги? Какъ-же! Есть! Вотъ!—и онъ вывернулъ карманы, изъ которыхъ посыпались хлѣбныя крошки.

Собравшіеся вокругъ насъ евреи разсмѣялись.

— Пойдемте,—обратился ко мнѣ портной.

— Куда?

— Гулять.

Мы пошли. Темными окольными путями онъ вывѣдалъ, есть-ли у меня деньги, и узнавъ, что у меня полъ марки, съ недоувѣріемъ посмотрѣлъ на меня.

— Знаете-ли что,—продолжалъ онъ,—одолейте мнѣ ихъ; мнѣ сегодня въ комитетѣ дадутъ сто марокъ и я вамъ отдамъ вдвое.

Я не рѣшался. Портной началъ божиться, что отдастъ мнѣ не вдвое и не втрое, а вчетверо: двѣ марки. Я польстился и отдалъ. Онъ купилъ пять фунтовъ гнилыхъ сливъ, которыя мы побратски раздѣлили. Съѣвъ послѣднюю сливу, онъ громко расхохотался. Я понялъ его невинный обманъ. Въ два часа мы были въ комитетѣ. Прислужникъ, котораго переселенцы прозвали «шамесомъ», поливалъ полъ карболовой кислотой. Слышались рыданія. Маленькихъ, почти грудныхъ дѣтей, чуть-ли не топтали. Тяжелый спертый воздухъ. Всѣ стояли въ шапкахъ за исключеніемъ «комитетниковъ», которые записывали нужды того или другого на маленькіе листики бумаги. Эти листики открывали доступъ, служили входомъ въ главное отдѣленіе комитета, гдѣ происходили засѣданія. Съ трудомъ я добрался до одного молодого человѣка, который былъ окруженъ сплошной стѣной переселенцевъ. Задавъ мнѣ обычные вопросы: откуда я, куда ѣду, есть-ли билетъ на корабль и такъ далѣе, онъ сказалъ:

— Вамъ помочь нельзя; васъ-же не выгнали изъ Россіи?!
Зачѣмъ-же было ѣхать?

— Да помилуйте, — возразилъ я, — что же мнѣ теперь дѣлать? Мнѣ даже ночевать негдѣ!

— Приходите въ девять часовъ, — сказалъ онъ, — вамъ укажутъ гдѣ ночевать, а ѣсть вамъ дадутъ, когда вы покажете эту карточку.

Онъ мнѣ далъ двѣ карточки. Я поблагодарилъ и отошелъ. Въ одномъ углу рыдала женщина, окруженная маленькими дѣтьми, тоже громко плакавшими. Она просила билета для себя и дѣтей, но ей конечно, не давали. Она еще больше разрыдалась. Приказали «шамесу» выпроводить ее, что онъ и исполнилъ съ должной строгостью. Въ другомъ углу тоже плакали; но что я говорю — въ углу: вездѣ плакали. Господа филантропы на плачь ужь не обращали вниманія, благо они ужь много слезъ видѣли... Еслибъ собрать всѣ слезы, которыя были пролиты въ комитетѣ, то онѣ-бъ наполнили все зданіе.

Попадались и счастливыя лица, особенно между «аристократами», какъ прозвали москвичей. Имъ, дѣйствительно, оказывали помощь: одежду лучшую давали, лучше кормили и даже давали деньги на мелкіе расходы. Намъ же, уѣхавшимъ изъ Россіи по своей волѣ, давали похлебку, чуть ли не спартавскую, но не чернаго, а мутнаго съ желтымъ отливомъ цвѣта, и то разъ въ день. Обѣдаю въ столовыхъ ежедневно чловѣкъ двѣсти, а иногда и больше. Хлѣба по буднимъ днямъ не давали. Всѣ голодали страшно. Станутъ евреи у пекарни и смотрятъ съ умилевіемъ на лежащія тамъ булки; нѣкоторые просили милостыню (нѣкоторыхъ сажали за это подъ арестъ); нѣкоторые крали у торговекъ, сидящихъ на улицѣ, другіе работали, но полицейскіе гоняли ихъ (безъ паспорта не дозволяли работать). Скверно! Ахъ, какъ скверно!.. А ѣсть хочется страшно!.. Ходятъ еврейчики по улицамъ и прокинаютъ и комитеты, и благодѣтели... и плачутъ, плачутъ, горько плачутъ! Сядутъ они голодные на какое нибудь крыльцо и за-

сыпають, а тутъ подходитъ полицейскій въ своихъ золотыхъ пазументахъ, да какъ дернетъ своимъ громаднымъ кулачищемъ, такъ застонутъ бѣдненькіе и шатаясь уходятъ дальше. Благословляютъ далекую Россію...

Я ужъ продалъ свой послѣдній скотучокъ за тридцать два пфенига и послалъ письмо въ Америку, но къ несчастью, дядя въ это время перемѣнилъ квартиру; я, будучи въ Гамбургѣ, этого не зналъ и тѣшилъ себя розовыми надеждами. Въ «полиціи» я тоже сказалъ, что ожидаю шифс-карту. Я расскажу подробнѣе о полиціи. Въ первый день, когда я пришелъ въ комитетъ, мнѣ велѣли придти вторично вечеромъ въ девять часовъ. Я такъ и сдѣлалъ. У комитета стояла громадная толпа переселенцевъ и нѣмцевъ, кончившихъ свои работы. Одинъ молодой нѣмецъ съ бѣлыми глазами присталъ ко мнѣ: объясни де, какъ насъ кормятъ. Я сказалъ. Онъ, покачавъ головой, ушелъ, а я далъ себѣ слово съ нѣмцами въ пустые разговоры не вступать... Вдругъ вижу—подходить тотъ же бѣлый нѣмецъ и подаетъ что-то завернутое въ бумагу. Я поспѣшилъ развернуть. Вотъ счастье! Колбаса порядочныхъ размѣровъ и два ломтя хлѣба. Не долго думая, я принялся уплетать. Далъ небольшой кусокъ пожилому еврею, который, не справившись, «кошерная» ли колбаса, началъ ѣсть. Вскорѣ пришли два городовыхъ и, какъ стадо гусей, погнали насъ въ полицію спать. У большого зданія изъ краснаго кирпича мы остановились. Это былъ «полицѣй». Впускали по очереди, по два человѣка. Я вошелъ по счету двадцатымъ. Глазамъ моимъ предстала огромная зала, установленная сотнями двухэтажныхъ кроватей. Въ отдаленіи стояли большіе котлы, не знаю для чего предназначенные. Они оказывали услуги мошенникамъ, какъ видно будетъ дальше. Въ небольшомъ огороженномъ пространствѣ стоялъ, а на полу лежалъ большой мѣшокъ, наполненный микроскопическими булочками. У стола на желѣзной табуреткѣ сидѣлъ плотный, коренастый мужчина. Онъ держалъ перо въ красныхъ, заросшихъ рыжими волосами, рукахъ. Руки

его поминутно сгибались и разгибались. Широкая голова сидѣла на короткой, апоплексической шеѣ. Глаза его въ это время были устремлены на еврея, съ которымъ онъ разговаривалъ:

— Откуда вы?

— Изъ Шклова.

— Деньги имѣете?

— Нѣтъ.

— Шифс-картэ имѣете?

— Мнѣ пришлютъ изъ Америки.

— Ферфлюхтеръ іудэ! Шифс-картэ hast-du? — воскликнулъ чиновникъ громовымъ голосомъ.

Еврей молчалъ.

— Jude, hast-du Schiffs karte?—повторилъ онъ ядовитымъ голосомъ и, сжавъ кулаки, поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ билета; нѣтъ, нѣтъ, ей Богу нѣтъ; нѣтъ, не бейте меня,—проговорилъ еврей по русски и заплакалъ.

— Аveck! (пошелъ) — крикнулъ чиновникъ такимъ голосомъ, что всѣ вадрогнули.—Хлѣба не давать ему,—обратился онъ къ городовому, раздававшему булочки.

Еврей отошелъ.

Записавъ всѣхъ, чиновникъ началъ ужинать. Переселенцы могли бы ему все простить, за исключеніемъ ужина на ихъ глазахъ.

Предъ уходомъ онъ приказалъ не курить. Приказаніе было въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ:

— Свины, не смѣтъ курить, а не то...—и онъ подвѣлъ кулакъ.

Въ это время «мой другъ» портной какъ-то зацѣпилъ его. Прозвучала громкая, артистическая оплеуха. Портной, снявъ шапку, сказалъ:

— Спасибо.

Чиновникъ разсмѣялся и ушелъ. Послѣ его ухода мы всѣ уѣли на котлы. Переселенцы составляли самые несбыточ-

ные планы, чтобъ удалить чиновника. Такъ, нѣкоторые предложили сдѣлать складчину и телеграфировать барону Гиршу въ Парижъ. Хотѣли въ этой телеграммѣ жаловаться также на «комитетниковъ». Переселенцы обвиняли ихъ въ томъ, что они оставляютъ себѣ деньги, предназначенныя для нихъ, евреевъ. Только часовъ въ двѣнадцать улеглись спать. Съ пять минутъ я пролежалъ спокойно, но вдругъ почувствовалъ невыносимый зудъ. Я былъ осыпанъ несмѣтнымъ количествомъ разныхъ насѣкомыхъ... Я вышелъ на дворъ, несмотря на холодъ. Цѣлую ночь я провелъ на дворѣ. Откуда-то раздались дикія рыданія—то плакалъ я, почти не сознавая этого. Наступило благодѣтельное утро. Еврей молились и громко плакали, но слезы эти были слезы вѣрующихъ, надѣющихся, а не безнадежныя слезы. Въ восемь часовъ пришелъ Шмидтъ (фамилія чиновника). Опять всѣхъ записали, задали тѣ же вопросы, что и вчера. Вдругъ разнесся слухъ, что обыщутъ всѣхъ. Это оказалось правдой. Многіе переселенцы на вопросъ: есть ли у нихъ деньги, отвѣчали нѣтъ, а между тѣмъ у нѣкоторыхъ были. Шмидту захотѣлось провѣрить, что онъ и началъ исполнять. Денегъ почти ни у кого не оказалось, а между тѣмъ начали раздаваться крики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: «ай, вей, мои деньги пропали!» Шмидтъ сдѣлалъ дознаніе и что же оказалось? Многіе, не желая показывать своихъ денегъ, спрятали ихъ въ котлы, о которыхъ я раньше говорилъ. Мошенники замѣтили это и распорядились. Общая пропажа была въ двадцать двѣ марки. Сколько ни искали воровъ, но ихъ не нашли. Предъ уходомъ Шмидтъ дѣлалъ опыты, какъ дѣйствуютъ пощечины и удары въ голову на переселенцевъ. Получилъ прекрасные результаты. Еврей даже не плакали, а скорѣе ободрялись... Насъ выпустили въ девять часовъ. Въ два часа я ушелъ ѣсть «баронскій» супъ, но супъ меня не удовлетворилъ. Между прочимъ: содержатель столовыхъ купилъ въ Alton'ѣ хорошенькій домикъ на свои честно заработанныя деньги. Послѣ обѣда я пошелъ искать работу, но вездѣ меня встрѣчалъ отказъ, а ѣсть хотѣлось страшно. Отъ нечего дѣ-

лать я пошелъ къ гавани. Нѣкоторые корабли готовились къ отплытію. Часовъ въ шесть къ гавани начали съѣзжаться телѣги, наполненные и переполненные эмигрантами. Одинъ большой корабль обратилъ мое особенное вниманіе. Я подошелъ ближе. На послѣдней ступени сходной лѣстницы стояли какіе-то два господина, которые отличались отъ остальной толпы своимъ элегантнымъ видомъ и морскимъ платьемъ. Одинъ изъ нихъ выкликавалъ:

— Einzige Männer, einzige Frauen.

Тѣ подходили, держа высоко надъ головами пифс-карты. Вдругъ на меня снизошло вдохновеніе свыше. Я вмѣшался въ толпу и обратился къ одному еврею съ вопросомъ: куда онъ ѣдетъ.

— Въ «Найрокъ!»—отвѣтилъ онъ съ гордымъ видомъ.

Я обратился къ другому съ этимъ же вопросомъ. Слышался одинъ отвѣтъ:

— Найрокъ, Нуйрокъ, Нейрокъ и даже Ныйрокъ.

Всѣ ѣхали въ Нью-Йоркъ. Я рѣшился на довольно рискованное предпріятіе. Осмотрѣвъ внимательно корабль, я замѣтилъ, что на носовой части его нѣтъ ни души. Я направился туда и не найдя лѣстницы, по которой могъ бы взойти, началъ взбираться по канату, часть котораго свѣсилась за бортъ. Стоявшіе въ отдаленіи рабочіе смѣялись, но не трогали меня, принимая, вѣроятно, за матроса, отправившагося выпить въ кабачекъ и боявшагося получить нахлобучку отъ начальства за несвоевременное удаленіе съ корабля.

— Готово!—чуть не вскрикнулъ я, взобравшись, но вспомнилъ, что главное еще надо сдѣлать: оставалось спрятаться.

Я началъ метаться изъ одного угла въ другой, но не находилъ приличнаго мѣста. Вотъ лежать канаты; вотъ стоять бочки, но укромнаго, по моему вкусу, мѣста не было. Я рѣшился положиться во всемъ на Бога и Его святую волю. При воспоминаніи о Богѣ я поднималъ глаза къ небу и... и мигомъ очутился въ одной изъ лодокъ, прикрѣпленныхъ на цѣпяхъ аршина на четыре отъ палубы. Не понимаю, какъ я раньше

ихъ не замѣтилъ. Въ лодкѣ лежали обломки весель, осколки бутылокъ, разорванныя карты и въ довершеніе всего этого густой слой густой же воды, издававшей непріятный запахъ. Несмотря на всѣ эти маленькія непріятности, я очень удобно улегся и началъ думать: въ какую игру играли матросы? А что они играли, видно было по картамъ. Потомъ вспомнилъ, что сегодня пятница, и какъ хорошо было бы быть дома и сидѣть за субботней трапезой. Потомъ думалъ о томъ, будетъ ли у меня морская болѣзнь и съумѣю ли обойтись безъ пищи недѣлю, пока доѣдемъ до Америки? Я думалъ не выходить изъ лодки все время. Потомъ мнѣ захотѣлось, чтобъ корабль потерпѣлъ крушеніе и чтобъ я спасъ какого нибудь милліонера, который далъ бы мнѣ цѣлый милліонъ. Также думалъ, какъ бы я распорядился этими деньгами. Половину денегъ я рѣшился отдать въ пользу эмигрантовъ, а на другую купить корабль, на которомъ бы я бесплатно перевозилъ тѣхъ же эмигрантовъ. Много я еще думалъ... Потомъ заплакалъ и за-
снулъ...

Долго ли я спалъ, не знаю. Когда я проснулся, лицо было покрыто мокрыми каплями. Ледяной холодъ обхватилъ меня... Зубы страшно стучали... Тошно... Голова трещить... Ноги въ водѣ... Вдругъ я почувствовалъ, что падаю въ бездну... Началась рвота... Вѣтеръ уныло гудѣлъ... Каждое болѣе сильное завываніе его болью отзывалось во всемъ моемъ существѣ... Я извивался по лодкѣ, какъ змѣя... Тѣло расцарапалось объ осколки бутылокъ... Кровь текла большими каплями, которыя я ощущалъ сквозь пальцы, старавшіеся унять нестерпимую боль... Я проклиналъ всѣхъ: себя, комитеты, жизнь свою... Какая адская боль... Хоть бы забыться!.. Хоть бы умереть!.. О, умереть! какое счастье!.. Вдругъ мнѣ показалось, что я умираю, и больше я ничего не помню...

. . . . .

Когда я очнулся, солнце весело сіяло и грѣло меня своими лучами, производившими на меня послѣ ночного холода бла-

годѣтельное дѣйствіе. Ранки на тѣлѣ я промылъ той же гнилой водой и перевязалъ тряпками. Волей неволей, а придется сойти съ лодки, — думалъ я. Но какъ сойти, когда внизу я слышу чьи-то громкіе голоса. Я поднялъ голову, чтобъ увидѣть, кто говоритъ на палубѣ, но вмѣсто ихъ увидѣлъ помощника капитана, смотрѣвшаго на меня съ своего возвышенія. Я поспѣшилъ скрыться, но онъ пальцемъ поманилъ меня. Я сошелъ и бросился бѣжать въ каюту. Меня не остановили. Въ каютѣ евреи окружили меня и пошли разспросы. Не успѣлъ я удовлетворить ихъ любопытству, какъ увидѣлъ «моего друга», портного Давида.

— Какъ! это ты?—проговорилъ онъ.

— Я.

Мы обнялись.

Къ счастью, и у него не было шифс-карты, а взобрался онъ на корабль съ чемоданомъ одного еврея. Его приняли за носильщика и пропустили. Отъ него я узналъ, что онъ опять хочетъ ѣхать въ Америку, и что корабль не идетъ прямо въ Нью-Йоркъ, а въ Гринсби, небольшой англійскій городъ. Я былъ этимъ очень огорченъ, но Давидъ меня утѣшилъ тѣмъ, что мы изъ Гринсби уѣдемъ въ Ливерпуль, а тамъ опять спрячемся на корабль. На третій день послѣ отъѣзда мы прибыли въ Гринсби. Подвижные мосты раздвинулись и корабль, цѣпляясь бортами, остановился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мы сошли на берегъ. Въ городѣ мы встрѣтились съ какимъ-то англійскимъ евреемъ. Онъ намъ посоветовалъ обратиться за помощью къ «парнесу», или, какъ по ихнему, президенту. Я записалъ адресъ «парнеса» русскими буквами. Долго мы искали и ужъ начали отчаиваться. Англичанъ двадцать мы успѣли остановить въ небольшой промежутокъ времени. Я вынималъ книжечку и читалъ адресъ, а Давидъ поддакивалъ и приговаривалъ:—такъ, такъ, да, да, угу, угу,

а иногда прибавлялъ и слово неудобное въ печати. Мы шли дальше. Сказано: ищи и обрящешь. Мы и искали, но не находили «парнеса», а вмѣсто него нашли «шамеса». Было темно, когда мы зашли къ нему въ домъ.—Позвольте намъ переночевать,—обратился я по еврейски къ «шамесу», господину съ козлиной бородкой. Шамесь посмотрѣлъ глубокимъ взглядомъ на свою худощавую, съ длиннымъ носомъ супругу, какъ бы говоря: — ну отвѣтъ ты имъ — ты у меня умница! «Шамесиха» было замаялась, но потомъ рѣшительно сказала: —отведи ихъ къ мистрѣ Левинъ,—у нихъ свободно.—Пойдемте, сказалъ шамесь. Мы пошли, хоть намъ надоѣло ходить, какъ вамъ читать, но дѣлать нечего! Надо покориться своей участи! Шамесь подвелъ насъ къ красивенькому двухэтажному дому и указалъ дверь.—Да,—вспомнилъ онъ,—прошу васъ, пожалуйста, не говорите, что я васъ привелъ сюда.—Мы обѣщали, но не исполнили обѣщанія. Первые слова, которыя я произнесъ, войдя, были:—шамесь сказалъ намъ, что у васъ можно переночевать. Позвольте, пожалуйста! Мы вамъ заплатимъ. Хозяева, молодые люди, недавно поженившіеся, съ радостью изъявили свое согласіе и отъ платы, конечно, отказались. Плотно поужинавъ, мы улеглись спать. На другой день мы пошли къ «парнесу». Онъ намъ изъ кассы денегъ не далъ, а посоветовалъ обратиться за милостыней къ евреямъ, живущимъ въ Гринсби. Мы достали двадцать пять шиллинговъ и уѣхали въ Гуллъ. Подробности обойду молчаніемъ . . .

Въ Гуллѣ (Hull) евреевъ очень много. Давидъ былъ этому очень радъ. Мы остановились въ еврейской грязной гостиницѣ. На другой день послѣ пріѣзда со мной случилось большое несчастье. Давидъ куда-то уѣхалъ, не оставивъ мнѣ ни гроша. Хозяинъ просилъ денегъ за ночлегъ. Я обѣщалъ дать, когда заработаю. Представился случай заработать въ тотъ-же день. Какой-то «россійскій» раввинъ уѣзжалъ изъ Гулля въ Гамбургъ. Я взялся довести его чемоданъ. Вечеромъ мы ушли къ кораблю. По лѣстницѣ я сошелъ въ каюту. Раввинъ пред-

ложилъ мнѣ шиллингъ... Я почему-то заплакалъ и, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, полгвѣзъ подъ койки и, улегшись тамъ, моментально заснулъ. Проснулся я только на другой день. Меня мучилъ вопросъ, почему я уѣхалъ изъ Гудля? Этотъ вопросъ смущалъ меня до самаго прибытія въ Гамбургъ; только тамъ я успокоился. На кораблѣ меня какой-то матросъ вытащилъ изъ подъ койки и узнавъ, что у меня нѣтъ билета, обѣщалъ посадить меня въ острогъ по прибытіи въ Гамбургъ. Я громко заплакалъ и началъ просить матроса не говорить капитану, но онъ меня такъ сильно ударилъ, что я замолчалъ. Я вышелъ на палубу и хотѣлъ броситься въ море (но только для виду), но одинъ англичанинъ, пассажиръ перваго класса, удержалъ меня за мои лохмотья. Онъ спросилъ, есть-ли у меня деньги. Отвѣтъ мой ясенъ. Короче,—англичанинъ заплатилъ за мой проѣздъ.

Въ Гамбургѣ я сдѣлался благодѣтелемъ. Благодѣтельствовавъ я переселенцамъ, отдавая ихъ въ руки «моему» хозяину, новѣйшему кулаку. За это онъ мнѣ дозволилъ ночевать у себя. Въ сравненіи съ нимъ ковенскіе трактирщики—добрые люди. Онъ, «мой» хозяинъ, до того обдиралъ евреевъ, что послѣдніе уѣзжали отъ него въ страну богатства голыми, какъ соколы. Я сознавалъ, что поступаю плохо, доставляя ему постояльцевъ, но голодъ, голодъ, сожигающій всѣ внутренности, могъ сдѣлать изъ меня еще не то... Въ два часа я уходилъ ѣсть баронскій супъ, какъ его провалили, а оттуда въ комитетъ, гдѣ я со всѣми членами былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Здороваясь, я кивалъ имъ небрежно головой; они мнѣ съ улыбкой очень вѣжливо отвѣчали. Задолжалъ я имъ порядочно въ надеждѣ отдать, когда получу изъ Америки деньги. Въ комитетѣ мнѣ одежду дали, а также по моей рекомендаціи и знакомые получили. Завсегдатаи комитета (завсегдатаями звались записавшіеся въ Аргентинскую республику) съ уваженіемъ смотрѣли на меня. Въ комитетѣ ежедневно происходили одѣ и тѣ же сцены: плакали, рыдали, дѣтей давили и прочее и прочее... Переселенцы ужъ перестали обвинять членовъ въ

утайкѣ принадлежащихъ имъ денегъ. Теперь они упрекали ихъ въ томъ, что они не дали знать въ Россію, что помогаютъ только выселеннымъ изъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, *идь евреямы оситъ не дозволяется*. «Комитетники» отвѣчали, что объ этомъ было напечатано во всѣхъ газетахъ, но переселенцы не вѣрили.

Я сдружился съ однимъ полякомъ; выдавалъ его за нѣмого еврея и такъ таскалъ за собой повсюду. Разжалобилъ въ его пользу нѣмоковъ, разносящихъ въ стоковыхъ супъ; тѣ ему давали по двѣ, по три порціи, которыя мы съ нимъ честно дѣлили. На шестой день послѣ моего пріѣзда въ Гамбургъ, со мной случилось происшествіе, которое нарушило порядокъ моей жизни, сдѣлавшейся болѣе нормальной. Надо замѣтить, что я спалъ въ кухнѣ. Поваръ въ то же время и кельнеръ почему-то не любилъ меня. Я платилъ ему тѣмъ же. Разъ ночью, часовъ въ одиннадцать, я, улегшись на полу, замѣтилъ вошедшаго въ кухню еврея. Этого еврея хозяинъ шинка обраблалъ до того, что ему нечѣмъ было платить за квартиру. Онъ ужъ недѣлю какъ питался баронскимъ супомъ и милостыней. Имя этого еврея было Залманъ. Залманъ началъ метаться по кухнѣ и какъ бы что то искать. Осмотрѣвшись внимательно, онъ подошелъ къ столу и сразу выпилъ чашку черной жидкости, именуемой «кофе»; затѣмъ вышелъ. Я рѣшился рассказать объ этомъ повару, а то бы онъ подозрѣвалъ меня. Когда Миллеръ (фамилія повара) услышалъ объ этомъ, лицо его побагровѣло.

— Залманъ,—крикнулъ онъ,—поди сюда.

Залманъ пришелъ.

— Залманъ—ты пилъ кофе?

— Я? нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ, поблѣднѣвъ.

— Залманъ, заплати, а не то хуже будетъ! Не хочешь платить? Такъ вотъ же тебѣ, — на, на, и страшные удары посыпались на Залмана въ голову, въ лицо: кровь лилась...

— Миллеръ, не бей! За что? Я заплачу, — проговорилъ Залманъ прерывающимся голосомъ и защищаясь рукой, но

не смѣя отвѣтить тоже ударами. — Я заплачу,—продолжалъ Залманъ и началъ шарить въ карманахъ.

— Залманъ плати! — крикнулъ Миллеръ.

— У меня нѣтъ денегъ! Что же мнѣ дѣлать?—сказалъ Залманъ и заплакалъ. Опять посыпались удары. Слезы и кровь лились... Я не могъ больше выдержать и бросился на Миллера, но онъ съ силой бросилъ меня на полъ. Въ это время пришелъ въ кухню хозяинъ; его разбудили наши крики. Миллера онъ обругалъ; еврея выгналъ, а мнѣ велѣлъ идти спать на верхъ. Съ этого памятнаго для меня дня, я пересталъ ночевать въ трактирѣ, а уходилъ въ «полицей», гдѣ я Залмана ни разу не встрѣтилъ. Онъ какъ бы въ воду канулъ. Я чувствовалъ всю подлость моего поступка съ Залманомъ, но успокоивалъ себя пространенной пословицей: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Въ полициі я ночевалъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Чиновникъ Шмидтъ, съ которымъ я сталъ въ хорошія отношенія, благодаря ежеминутнымъ моимъ поклонамъ, увѣщевалъ меня: «Уѣзжай ты домой! Шифс-карты не дождешься». Я, конечно, не соглашался и успокоивалъ себя тѣмъ, что другіе эмигранты перетерпѣли еще больше мученій, чѣмъ я. У меня хоть родственники были на всемъ пути и даже за границей, а у нихъ? Я хоть разъ былъ сытъ за границей, у дяди, а они? Я продолжалъ себя успокоивать, но въ это время надъ моей головой разразилась гроза: Шмидтъ не дозволилъ мнѣ ночевать въ полициі. Запрещеніе было таково:

— Не хочешь ѣхать домой,—такъ не смѣй больше приходить! Слышишь?—А не то... И онъ жестомъ далъ мнѣ понять, въ чемъ будетъ состоять «а не то».

Изгнаніе меня не очень встревожило. При гавани я еще раньше намѣтилъ мѣсто для ночлега, между стоявшими тамъ бочками. Я отправился туда. Часа три продолжался путь. Придя, я внимательно оглянулся и, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, юркнулъ подъ бочки. Не успѣлъ я хорошенько заснуть, какъ почувствовалъ сильную боль въ ногѣ. Пока я искалъ причину боли, я былъ вытасченъ на воздухъ, гдѣ и

продолжалъ оставаться, двигаемыйъ рукой жандарма, смѣявшагося во все горло. Наконецъ мое тѣло пришло въ нормальное положеніе.

— Was wollt ihr hier?—обратился ко мнѣ жандармъ.

— Спать!—отвѣтилъ я серьезнымъ тономъ.

— Спать?—повторилъ онъ и разсмѣялся.

— Спать,—сказалъ я и тоже разсмѣялся. Жандармъ повелъ меня въ «полицей». Шмидтъ встрѣтилъ меня шутливо и приказалъ идти спать.

— А завтра,—обратился онъ ко мнѣ,—маршъ въ Берлинъ. Я разсудилъ, что другого исхода мнѣ не осталось. Каждый день я навѣдывался въ «контору экспедиціонъ», но всегда одинъ отвѣтъ: «Шифс-карты нѣтъ изъ Филадельфіи». На другой день въ шесть часовъ вечера меня и еще семь евреевъ заперли въ вагонъ желѣзной дороги, и мы уѣхали въ Берлинъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Берлинѣ я пробылъ два дня, ожидая открытія комитета, прекратившаго засѣданія на неопредѣленное время. Въ Берлинѣ это случалось часто. Осмотрѣлъ какой то музей, картинную галерею. Но главной моей пѣлюю при посѣщеніи этихъ музеевъ было избѣгнуть встрѣчи съ городскими, принимавшими меня за попрошайку. Да и посѣщеніе музеевъ денегъ не стоило.

Мнѣ надобно ждать открытія комитета, и я, узнавъ дорогу въ Кенигсбергъ, отправился пѣшкомъ. Шелъ я часа четыре, пока стемнѣло. Къ счастью, недалеко была станція желѣзной дороги. Тамъ я сказалъ, что мнѣ нужно ѣхать въ Кенигсбергъ. Поѣздъ уходилъ въ восемь часовъ утра и по этой причинѣ мнѣ дозволили переночевать, чего я и добивался. Утромъ я сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ. Меня, конечно, на первой же станціи высадили съ приличной нотаціей: — не честно, молъ, ѣхать безъ билета. Я съ этимъ вполне согласился. Опять пошелъ пѣшкомъ. Шелъ я долго. Ноги были въ крови. Я весь изму-

чился, изстрадался... Ълъ разъ въ два дня... Въ деревняхъ поселяне ни хлѣба, ни работы не давали. Я шель безъ мысли, шель, чтобъ не стоять на одномъ мѣстѣ. Часто я ложился на полатно дороги, чтобъ сразу покончить съ собою, но безчеловѣчные сторожа гнали меня и я шель дальше. Мнѣ осталось одно утѣшеніе, что, быть можетъ, свади и впереди идутъ еще сотни такихъ несчастныхъ, какъ я, эмигрантовъ и бѣглецовъ изъ родительскаго дома.

Судьба спасла меня. Въ одной деревенькѣ, Карльсдорфѣ, я встрѣтилъ переселенца, еврея. Увидѣвъ меня, онъ очень обрадовался, но я не обратилъ на него вниманія и прошель мимо.

— Стой!—догналъ онъ меня.—Какъ тебѣ не стыдно отъ своего бѣгаты?

Я въ отвѣтъ сказала, что ѣсть хочу. Онъ мнѣ далъ хлѣба. Какъ бѣшенный, я набросился на хлѣбъ, а въ то время, какъ я утолялъ свой голодъ, онъ объяснилъ мнѣ способъ своего путешествія. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городкѣ, онъ обращался къ евреямъ за помощью. Я же не зналъ, есть-ли въ деревняхъ евреи. Въ Карльсдорфѣ жили два еврейскихъ семейства. Они намъ дали три марки, на которыя мы купили билеты до слѣдующаго городка. Наконецъ добрались до Кенигсберга. Тамъ мы разстались. Въ Кенигсбергѣ дяди въ то время не было. Тетя дала мнѣ три рубля, а дочь одинъ рубль и кромѣ того въ комитетѣ я получилъ одинъ талеръ (три марки). Уѣхалъ въ Тильзитъ, а оттуда въ Мемель, гдѣ «комитетники» дали мнѣ четыре рубля и перепроводили за границу. Россія сказала на первой-же станціи: кондукторъ за два рубля доставилъ меня въ Бобруйскъ, прямо въ те-тушкины объятія.

М. Эттингеръ.

НЕБЕСНАЯ ТРАВА.

ЮЖНОРУССКОЕ ПРЕДАНИЕ.

В одну лѣтнюю ночь два человѣка пробирались у опушки лѣса, сплошною стѣною протянувшася по крутымъ уступамъ горъ, перерѣзывавшихъ всю окрестную мѣстность. Кругомъ царила мертвая тишина, перерываемая лишь глухимъ шумомъ шаговъ, осторожно ступавшихъ по мягкой травѣ и какъ бы тонувшихъ въ ней, да издали доносившимся полетомъ поднявшейся птицы, испуганной вѣроятно близостью человѣческихъ шаговъ.

Путники шли молча, съ напряженіемъ вглядываясь въ густую непроницаемую пелену ночи, разстилающуюся предъ ихъ глазами.

— Не заблудиться бы!..—тихо и какъ то нерѣшительно сказалъ одинъ изъ нихъ.

Отвѣта не послѣдовало и путники продолжали пробираться по узенькой тропинкѣ, ведшей въ глубь лѣса и терявшейся въ его гущѣ.

Наконецъ одинъ изъ нихъ, шедшій впереди, остановился у одного изъ самыхъ крутыхъ уступовъ горы, осмотрѣлся кругомъ, потомъ нагнулся, пощупалъ почву и, видимо найдя то, что ему нужно, радостно произнесъ:—Здѣсь!—и безъ дальнѣйшихъ разсужденій сталъ раздвигать своими крѣпкими руками сплетавшіяся между собою вѣтви, образовавшія почти сплошную стѣну и мѣшавшія двигаться дальше. Спутникъ его вздрогнулъ. На мгновеніе онъ остановился и съ какимъ то тайнымъ чувствомъ не то страха, не то ожиданія сталъ всматриваться въ непроницаемую тьму, господствовавшую въ этой

непроходимой дѣвственной чащѣ. Но голосъ его товарища вывелъ его изъ этого оцѣпенѣнія.

— Что ты стоишь? полѣзай за мной,—шопотомъ проговорилъ онъ:—да смотри, не зѣвай—тутъ глубокой оврагъ.

Нѣсколько мгновений онъ еще колебался. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усилие, онъ послѣдовалъ за своимъ товарищемъ, и согнувшись, подобно ему, сталъ раздвигать вѣтви, царапавшія ему лицо.

— Очень глубокой оврагъ?—тоже шопотомъ спросилъ онъ.

— Рукой не достанешь,—законически отвѣтилъ другой, но спустя минуту прибавилъ:

— А что боязно, а? Такъ и видно, что некрещенная душа... И чтобы еще больше показать преимущество крещенной души надъ некрещенной, онъ громко засмѣялся.

Раздалось глухое, но продолжительное эхо.

— Ты съума сошелъ, Иванъ,—дрожащимъ отъ страха голосомъ произнесъ его товарищъ:—ты хочешь бѣду накликаешь на свою голову...

Но бѣдный смѣльчакъ и самъ совсѣмъ оторопѣлъ и благоговѣнно сталъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ.

— Съ нами крестная сила, съ нами крестная сила,—повторилъ онъ нѣсколько разъ сряду.

— Развѣ можно такъ шутить!—съ укоромъ произнесъ его товарищъ, когда послѣдній раскатъ эхо исчезъ въ глубинѣ лѣса.

— Ты правъ, Занвель,—сказалъ глубоко вздохнувъ Иванъ:—не слѣдъ связываться съ нечистымъ, да еще въ такую пору... Онъ можетъ намъ еще поперекъ дороги стать...

— Ну противъ него средство есть,—произнесъ не менѣе суевѣрный, но болѣе сметливый Занвель.—Между нашими священными молитвами есть одна... Только все же не нужно его раздражать...

Настуило снова молчаніе и оба товарища, какъ бы сговорившись, стали энергичнѣе дѣйствовать локтями и раздвигать колючія вѣтви.

Минуть черезъ пять они очутились на небольшой гладкой полянѣ, со всѣхъ почти сторонъ окруженной большими густолиственными деревьями, образовавшими своими верхушками нѣчто въ родѣ купола. Это была естественная бесѣдка, созданная самой природой, куда лучи свѣта не имѣли доступа.

Иванъ остановился и перевелъ духъ.

Занвель тоже остановился. Весь дрожа отъ охватившаго его безсознательнаго страха, онъ осмотрѣлся кругомъ, но густой, черный мракъ, царствовавшій здѣсь, не давалъ никакой возможности различать окружающіе предметы. И Занвелю вдругъ представилась бездна ада, куда послѣ смерти попадаютъ души всѣхъ грѣшниковъ. На мгновеніе онъ зажмурилъ глаза.

Но голосъ Ивана вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Давай-ка фонарь, — сказалъ онъ: — въ этой чортовой хатѣ и самъ чортъ не разбереть...

Но голосъ его точно осѣкся. Легкое шуршаніе, похожее на шелестъ падающихъ листьевъ, раздалось съ одной стороны поляны.

У Ивана кровь застыла въ жилахъ, а у Занвели волосы стали дыбомъ на головѣ.

Одно мгновеніе они находились въ сильномъ напряженномъ состояніи, точно ожидая чьего то появленія. Но шуршаніе исчезло и воцарилась прежняя тишина.

Дрожащими руками Занвель зажегъ фонарь и слабый желтоватый свѣтъ его еще рѣзче отбѣнилъ ту черную непроницаемую мглу, которая точно висѣла въ воздухѣ.

Мало по малу глаза ихъ стали различать окружающіе предметы. Они теперь находились на самомъ днѣ оврага, густо поросшаго травой и мелкимъ кустарникомъ.

Изъ за сплетавшихся вѣтвей совсѣмъ не было видно тропинки, по которой они спустились сюда.

Нѣсколько минутъ Иванъ внимательно осматривался кругомъ, какъ бы приучая свой глазъ къ непривычной обстановкѣ. Наконецъ глаза его блеснули радостнымъ огнемъ. Онъ сдѣ-

халь нѣсколько шаговъ впередъ и остановился у самаго большаго дерева, вѣтви котораго, точно змѣи, стлались по землѣ.

Отодвинувъ самую толстую вѣтвь, Иванъ открылъ въ землѣ большое кругловатой формы отверстіе.

— Вотъ!...—могъ онъ только произнести и указаль Занвелю на отверстіе.

Занвель поднесъ фонарь и внимательно сталъ осматривать мѣсто.

— То-ли?—спросиль онъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— А яже—сказаль торжественно Иванъ, какъ то особенно вглядываясь въ эту большую кругловатую щель съ ровными краями, какъ бы сдѣланными нарочно чьими то заботливыми руками.

— Ну полѣземъ!—сказаль онъ черезъ минуту. И взявъ изъ рукъ Занвеля фонарь, сталъ опускаться внизъ. Черезъ минуту Иванъ исчезъ изъ глазъ Занвеля и только слабый свѣтъ фонаря, пробивавшійся изъ глубины, свидѣтельствоваль о томъ, что смѣлый Иванъ не исчезъ въ безднѣ, какъ это въ первое мгновеніе подумаль Занвель.

— Полѣзай же, Занвель!—точно изъ бочки раздался изъ глубины глухой голосъ.

Занвель закрылъ глаза и шепча молитву, сталъ тоже спускаться.

Черезъ минуту онъ очутился въ большой пещерѣ, похожей на погребъ со сводами и углубленіями, тянущимися на большое пространство.

Слабый мерцающій свѣтъ фонаря не позволяль ему сразу охватить все это подземное пространство.

— Что-же, халамей, стойшь?..—крикнуль ему Иванъ.

Занвель вздрогнуль и оглянулся. Въ пяти шагахъ отъ него, нагнувшись надъ какой то блестящей кучей, стояль Иванъ и чѣмъ то наполняль свои карманы...

Съ разгорѣвшимися глазами и бьющимся сердцемъ бросился къ нему Занвель.

— Золото!..—крикнулъ онъ, совершенно растерявшись, и протеръ свои руки къ блестящей кучѣ.

Но Иванъ отстранилъ его инстинктивнымъ движеніемъ руки.

— Не тронь!—крикнулъ онъ, весь дрожа.

У Занвеля глаза блеснули какимъ то страннымъ огнемъ. Одно мгновеніе оба товарища смотрѣли другъ на друга, какъ бы рѣшая, кому изъ нихъ быть и кому не быть; но въ эту минуту глаза Занвеля упали на другую кучу, столь же блестящую и сверкающую своими чудными переливами, какъ и та, возлѣ которой онъ стоялъ съ Иваномъ.

Онъ бросился туда.

— Ай, ай! смотри...—крикнулъ онъ внѣ себя отъ восторга.

Иванъ тоже бросился къ новой кучѣ...

Цѣлая гора блестящихъ золотыхъ монетъ стариннаго чекана лежала на землѣ...

Оба друга остолбенѣли. Яркій блестящій свѣтъ отъ груды золота, разливаясь въ пространство, далъ имъ возможность осмотрѣться кругомъ. И они увидѣли цѣлый необозримый рядъ такихъ же кучъ, безпорядочно лежащихъ то тамъ, то здѣсь и испускавшихъ такой пріятный мягкій блескъ, что у Ивана и Занвеля голова закружилась отъ нѣмого восторга.

Переходя отъ одной груды золота къ другой, они только щупали блестящія монеты, не зная, что съ ними дѣлать.

— Якъ бы тутъ моя пара воловъ! — сказалъ, наконецъ, Иванъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—произнесъ Занвель, который отлично понялъ мысль Ивана.—Нельзя, чтобы громада узнала...

— А коли становой узнаетъ, онъ все заберетъ, а насъ еще въ Сибирь сошлетъ,—прибавилъ онъ чрезъ минуту.

При словѣ «Сибирь» Иванъ весь задрожалъ.

— А що же мы зробимъ?—наивно и совершенно растерявшись, спросилъ онъ, глядя на Занвеля.

Занвель задумался на минуту.

— Стащимъ понемногу, — сказалъ онъ рѣшительно, съ лихорадочными глазами глядя не всю эту несмѣтную массу золота. — Мѣшковъ у насъ много, а въ хатѣ мѣста тоже много...

И онъ самодовольно улыбнулся.

Иванъ постоялъ съ минуту и почесалъ затылокъ.

— Добре сказано! — сказалъ онъ наконецъ. — Только ты, Занвель, не обманывай. Поровну, такъ поровну, хотя кладъ мой.

— Кладъ Божій... а мы подѣлимся по братски, — дружескимъ тономъ сказалъ Занвель. — Вѣдь ты меня знаешь, — какъ сказалъ слово, такъ вѣрно.

И при этомъ оба друга стали наполнять золотомъ свои карманы.

Когда всѣ карманы были наполнены, они стали наполнять шапки, рукава, подола кафтановъ.

— А мы считать не будемъ, сколько каждый беретъ? — спросилъ посреди работы Иванъ.

Занвель презрительно посмотрѣлъ на него:

— Хватить тебѣ на горилку, не бойся, — сказалъ онъ, продолжая набивать всѣ прорѣхи и щели своего кафтана золотыми монетами.

У Ивана было меньше кафтановъ и меньше щелей, которыхъ бы онъ могъ наполнять, и онъ остался недоволенъ своимъ сборомъ. Тогда, какъ бы ослѣпленный внезапной мыслью, онъ сталъ снимать съ себя свои шаровары.

— Что ты дѣлаешь? — крикнулъ удивленный Занвель.

Иванъ, ухмыляясь, продолжалъ свое дѣло. Раздѣвъ шаровары, онъ связалъ ихъ концы и, образовавъ такимъ образомъ объемистый мѣшокъ, сталъ сыпать туда золото.

Одно мгновенье Занвель готовъ былъ подражать своему товарищу, но природная стыдливость удержала его отъ этой остроумной выдумки.

— На первый разъ достаточно, — утѣшалъ онъ самъ себя и не безъ ироніи сталъ подтрунивать надъ Иваномъ, ноги котораго ступали по золотомъ усыпанной землѣ.

— Будетъ жингѣ на спыдницу,—въ свою очередь, добродушно улыбаясь, проговорилъ Иванъ.

И оба товарища, нагруженные съ головы до ногъ золотомъ, направились къ выходу.

Иванъ полѣвъ первый.

Но каково же было его удивленіе, когда широкое выходное отверстіе, черезъ которое свободно могли пролѣзть нѣсколько человѣкъ разомъ, теперь сзудилось настолько, что не пропускало даже его головы, вовсе не отличавшейся большими размѣрами.

— Побачь-ка, Занвель,—крикнулъ онъ своему товарищу.— И горилки, кажется, не пилъ...

Занвель подошелъ, попробовалъ пролѣзть, но напрасно: выводное отверстіе точно сзудилось.

Оба друга переглянулись между собою.

— Можетъ быть это не тотъ выходъ?—сказалъ пораженный Занвель.

Иванъ посмотрѣлъ вокругъ.

— Нѣтъ, тотъ,—сказалъ онъ,—вотъ и камень, который я сдвинулъ съ мѣста.

Занвель снова взглянулъ на своего товарища и расхохотался.

Иванъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты свою кучму сними, дурный, тогда и голова твоя пролѣзетъ,—проговорилъ, продолжая хохотать, Занвель.—Твоя голова точно бочка съ горилкой.

Иванъ снялъ свою большую овечью шапку, съ которой онъ не разставался ни лѣтомъ, ни зимою, и которая была теперь туго набита золотыми монетами.

— Ну, теперь лѣзь!—крикнулъ Занвель.

Иванъ сунулъ свою голову, которая теперь полѣзла съ такою легкостью, точно ее смазали дегтемъ.

Но какъ только онъ просунулъ свое бременное тѣло до того мѣста, гдѣ, за пазухой полотняной его рубахи, покоилась груда золотыхъ, какъ онъ почувствовалъ вдругъ препятствіе

къ движенію впередъ, точно кто-то его тянулъ за ноги обратно.

— Пусти, Занвель!—крикнулъ онъ, чувствуя, что отверстіе снова сѣживается у его пояса.

— Я тебя не держу,—отвѣтилъ ему Занвель.

— Да ты меня за ноги тянешь!..

— Я?!—и Занвель снова расхохотался.—Ты безъ горилки, видно, опьянѣлъ. Полѣзай же скорѣе,—крикнулъ онъ, начиная терять терпѣніе, при видѣ голыхъ ногъ Ивана, болтающихся на землѣ.

— Не могу, не лѣзетъ,—крикнулъ ему Иванъ.

— Еще бы!.. Ты бы еще вдвое больше набралъ!—съ презрѣніемъ, не лишенный однако зависти, сказалъ Занвель.— Посмотри на свое пузо,—точно вола раздуло.

— Развяжи мой поясъ!—крикнулъ ему сверху Иванъ.

Занвель развязалъ ему поясъ и тотчасъ же полился золотой дождь. Въ эту же минуту Иванъ свободно пролѣзъ и очутился на свободѣ, за исключеніемъ его правой руки, которая держала набитые золотомъ шаровары. Онъ потянулъ руку, но не тутъ-то было: точно желѣзное кольцо обхватило руку и тянуло внизъ.

— Вотъ тяжесть, такъ тяжесть! — проговорилъ не безъ удовольствія про себя Иванъ.

И онъ потянулъ еще сильнѣе. Но напрасно.

— Пособи!—крикнулъ онъ Занвелю.— Не могу поднять.

— И я не могу поднять.

— Что за притча,—подумалъ Иванъ и крикнулъ Занвелю, чтобы онъ выбросилъ часть золота.

Занвель началъ выбрасывать.

— Ну что?—торопилъ его Иванъ.

— Отчего же ты не тащишь?! — крикнулъ въ досадѣ Занвель.

— Тяжело.

— Ужъ ничего тамъ нѣтъ.

Но тутъ онъ замѣтилъ на днѣ еще одну монету; онъ

выбросилъ ее и рука, вмѣстѣ съ шароварами Ивана, вдругъ исчезла.

Занвель остолбѣлъ. А Иванъ, разсерженный шуткой Занвеля, снова спустился внизъ.

— Что за шутки!—крикнулъ онъ грозно, поднявъ свои кулаки.—Хоть бы на чарку водки оставилъ, поганый.

И онъ еще съ большей жадностью сталъ подбирать вавлявшееся золото и наполнять имъ свой импровизированный мѣшокъ.

Занвень вспыхнулъ.

— Брось, дурный!—крикнулъ онъ Ивану, да такъ, что тотъ вдрогнулъ.—Ты развѣ не видишь, что съ нами сатана шутить.

И при этихъ словахъ онъ самъ сталъ выворачивать свои карманы, набитые золотомъ.

— Такъ это сатана!—поднявшись съ своего мѣста, протяжно проговорилъ Иванъ и сталъ креститься.

— А ты что же думалъ, что это я шучу?

Но въ эту минуту пещера вдругъ оварилась такимъ блестящимъ свѣтомъ, точно сотни тысячъ огней зажглись по чьему-то мановенію.

Въ то же мгновенье изъ этой массы яркаго свѣта и какъ бы окутанная его лучами, выкристаллизовалась изящная фигура молодой женщины, съ мягкими, нѣжными, точно изъ эфира сотканными чертами лица, съ большими огненными глазами и длинными, достигавшими до пяты и пересыпанными яркими брильянтами, волосами. Казалось, вся масса свѣта, господствовавшая въ пещерѣ, исходила изъ ея чудныхъ, дышащихъ безпредѣльной любовью, глазъ.

Одно мгновенье она, съ чудной улыбкой на устахъ, смотрѣла на Ивана и Занвеля, изъ которыхъ первый упалъ отъ страха на землю, а второй закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть.

— Зачѣмъ вы явились сюда?—спросила она такимъ нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ, что, казалось, самый нѣжный

инструментъ не въ состояніи былъ издавать такихъ чудныхъ звуковъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Занвеля, а Иванъ, слышавъ женскій голосъ, схватился за свои шаровары, которые валялись невдалекѣ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—тѣмъ же въ душу проникающимъ голосомъ повторила она.

Занвель началъ шептать про себя молитву, а Иванъ усиленно креститься.

Но женщина, какъ бы не замѣчая этого, продолжала:

— Вы хотѣли завладѣть этими сокровищами. Но знайте, что они достанутся лишь тому, кто будетъ обладать небесной травой.

Занвель открылъ на мгновенье глаза, а Иванъ приподнялся съ земли, но чудный неземной блескъ ея глазъ ослѣпилъ ихъ обоихъ.

— Сатана, сатана!—прошепталъ Иванъ.—Святая Богородица, спаси души наши.

Молодая женщина только улыбнулась своей божественной улыбкой на это восклицанье и продолжала:

— А небесная трава хранится у меня,—мнѣ ее подарилъ отецъ, какъ приданое.

— Уйди, сатана, не смущай насъ,—не переставалъ шептать Иванъ.—Святая Богородица, помилуй мя.

Занвель стоялъ неподвижно, точно статуя. Его уста шептали что-то, но онъ самъ не зналъ что. Онъ весь превратился въ слухъ и внималъ этимъ чуднымъ звукамъ, которые проникали въ его душу и очаровывали его своей мелодичностью. Страхъ, охватившій его вначалѣ, превратился теперь въ какое-то благоговѣнье, точно предъ нимъ былъ огненный херувимъ и прославлялъ Егову.

На мгновенье онъ снова открылъ глаза и прелестный образъ молодой женщины приковалъ его къ себѣ. Онъ больше не закрывалъ глазъ.

А Иванъ не переставалъ шептать:

— Сатана, сатана, уйди.

— Я не сатана,—съ той же улыбкой на устахъ, произнесла наконецъ молодая женщина.

Иванъ вскочилъ, точно ужаленный, и, совершенно позабывъ о своихъ шароварахъ, впился глазами въ стоявшую передъ нимъ красавицу.

— Кто же ты?—хотѣлъ онъ спросить.

Но женщина продолжала:

— Мое имя Любовь и я жду жениха, чтобы отдать ему свое приданое—небесную траву, которая дастъ ему возможность завладѣть этими сокровищами.

Съ этими словами молодая женщина исчезла и въ пещерѣ воцарился прежній мракъ.

Уже свѣтало, когда Иванъ и Занвель вернулись въ деревню. Всю дорогу они шли молча, погруженные каждый въ свою думу.

Да и было о чемъ думать. Ивана терзала мысль, что онъ возвращается съ пустыми руками, въ то время, когда онъ могъ сдѣлаться первымъ господаремъ и богачемъ всей деревни. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это не удалось ему протащить хоть нѣсколько золотыхъ. Вѣдь это срамъ и стыдъ, чтобъ женщина... Нѣтъ, что ни говори, а это сатана, нечистая сила и баста... И Иванъ старался восстановить въ своей памяти образъ этого нечистаго духа, безъ роговъ и безъ хвоста. Нѣтъ, хвостъ былъ, да спрятала шельма, чтобы надуть насъ, рѣшилъ онъ въ своемъ умѣ, не переставая думать о горахъ золота, которыя остались въ пещерѣ.

Почти въ такомъ же настроеніи былъ и Занвель. Онъ не менѣе Ивана досадовалъ на себя за то, что возвращается съ пустыми руками. Это чувство досады еще болѣе усилилось, когда онъ пощупалъ свои пустые карманы, которые еще за часъ передъ тѣмъ были туго набиты чистымъ золотомъ. Онъ тоже не сомнѣвался, что тутъ дѣло не чисто, что вмѣшался сатана въ образъ этой прекрасной женщины. Но когда предъ

глазами его пронесся изящный, стройный образъ съ глазами, издающими такой чудный свѣтъ, когда въ ухахъ его прозвучалъ невыразимо мягкой, пѣвучій голосъ, сердце его наполнилось такимъ пріятнымъ и незнакомымъ ему до сихъ поръ чувствомъ, что онъ на мгновенье забылъ о золотѣ и брильянтахъ, валявшихся за часъ тому назадъ у его ногъ.

— Еще якій хвостъ!—какъ бы про себя, но громко произнесъ Иванъ, слишкомъ, видно, увлекшись вопросомъ о существованіи хвоста у чудной женщины.

— Какой хвостъ?—спросилъ, встрепенувшись, Занвель.

— Какъ какой? Да тотъ, что у этой вѣдьмы торчалъ, мохнатый такой,—заявилъ, не затрудняясь, Иванъ.—Ты развѣ его не видѣлъ?

— Нѣтъ,—сказалъ рѣшительно Занвель.

— Такъ и зналъ... Гдѣ же тебѣ, некрещеному-то, видѣть. А я такъ видѣлъ, да жаль что не схватилъ,—тогда бы эта вѣдьма была у насъ въ рукахъ, а теперь иди, тягайся съ ней.

Занвель посмотрѣлъ на своего товарища.

— Ты врешь, Иванъ,—сказалъ онъ рѣшительно.—Ты хвоста не могъ видѣть.

— Побей меня Богъ, коли я не видѣлъ,—попробовалъ защищаться Иванъ.

— Неправда, у нея хвоста не было.

— Значить она, по твоему, не вѣдьма?

— Не знаю,—сказалъ задумчиво Занвель и пошелъ впередъ.

Когда они дошли до дома Ивана, оба товарища остановились, какъ бы желая другъ другу что-то сказать.

— Послушай, Иванъ,—рѣшительнымъ тономъ началъ Занвель,—ты никому не расскажешь?

— Что я, баба!—обидѣлся Иванъ.

— Смотри же! это не такое дѣло, чтобы болтать, тутъ нужно подумать и въ толкѣ взять, что дѣлать; а разболтаешь,

такъ тебѣ только хуже будетъ и на чарку водки никто не дастъ.

— Оно правда,—согласился Иванъ.

— Ну, хорошо, завтра и потолкуемъ. Да смотри, чтобы только между нами.

И оба друга разстались.

Иванъ вошелъ въ свою избу и, весь продрогшій отъ ночного холода, полѣзъ на печь, а Занвель, въ задумчивости, побрелъ домой.

Но ни Иванъ, ни Занвель не сомнули глазъ во всю ночь. Первому все чудились горы золота, которая стережетъ злая женщина, съ пушистымъ хвостомъ, и по временамъ, забывая, что возлѣ него лежитъ его законная жена, онъ воображалъ около себя вѣдму и порывался ухватить ее за хвостъ. Второму же чудился изящный образъ съ чуднымъ, божественнымъ голосомъ, проникающимъ въ душу. Онъ смотритъ—не посмотрится на эти дивные глаза, на эти мягкіе, волною падающіе волосы, унизанные горящими брильянтами, на пышную дѣвственную грудь, едва прикрытую точно изъ лучей сотканной дымкой. Вотъ она поднимается изъ массы окружающаго свѣта, постепенно все больше и больше. Вотъ она вся, точно изваянная, стоитъ предъ нимъ, съ улыбкой на устахъ и съ простертыми руками, въ которыхъ находится небольшая травка.

— Ты видишь эти груды золота, которые ты топчешь ногами?—раздается ея чудный голосъ.

— Нѣтъ, я не вижу никакого золота,—отвѣчаетъ онъ.

— Такъ посмотри на эту травку, что у меня въ рукахъ.

Онъ посмотрѣлъ и глаза его вдругъ раскрылись и онъ увидѣлъ то, чего онъ прежде не видѣлъ.

— Отдай мнѣ травку,—умоляетъ онъ.

— Нѣтъ, ты сдѣлайся прежде моимъ мужемъ, тогда и получишь эту травку,—раздается ея мелодичный голосъ.

И когда онъ, на другое утро, проснулся и увидѣлъ свою молодую жену, онъ вдругъ почувствовалъ къ ней такое силь-

ное отвращеніе, точно передъ нимъ была не живая черноокая Малка, съ плѣнительнымъ свѣжимъ личиномъ, а столѣтняя старуха, вся изрытая морщинами.

Иванъ не заставилъ себя долго ждать. Вчерашняя неудача и безпокойно проведенная ночь прошли не бесслѣдно для настроенія его духа и онъ вышелъ мрачный и угрюмый и, чтобы разсѣяться, побѣжалъ къ Занвелю.

Онъ засталъ послѣдняго въ такомъ же настроеніи, въ какомъ онъ былъ самъ.

— Что же ты носъ повѣсилъ?—сказалъ онъ угрюмо, опускаясь на лавку.

Занвель сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ, потому что въ комнатѣ они были не одни.

Иванъ прикусилъ губы.

Когда они остались одни, Занвель обратился къ нему:

— Что же ты, Иванъ, выдумалъ за ночь? — спросилъ онъ его.

Иванъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на него.

— Я что выдумалъ?—протяжно повторилъ онъ.—А я выдумалъ то, что это нечистая сила тамъ сидитъ.

— И я то же думаю,—сказалъ задумчиво Занвель.—Но какъ же намъ быть?

Иванъ молчалъ.

— А ты помнишь, что она говорила?—едва слышно и оглядываясь кругомъ, спросилъ Занвель.

Иванъ кивнулъ головой.

— Безъ небесной травы ничего не сдѣлаешь,—такъ же тихо продолжалъ Занвель.

— А попробуй ее достать у нея—сказалъ Иванъ.

— Развѣ я могу сдѣлаться ея женихомъ?—шопотомъ произнесъ Занвель и при этомъ сердце его сильно забилося.

— А я?—тономъ, недопускающимъ даже подобнаго факта, произнесъ Иванъ, причемъ и у него сердце забилося сильнѣе обыкновеннаго.

Наступило продолжительное молчанье. Оба сидѣли на-супившись и думали все объ одномъ и томъ же. Занвель размышлялъ о томъ, что было бы, еслибы онъ объявилъ себя женихомъ этой лучезарной женщины... Сначала эта мысль показалась ему ужасной, но когда онъ сталъ вдумываться и разбирать ее обстоятельно, она вдругъ потеряла свою чудовищность. Хотя онъ теперь трезвѣе смотрѣлъ на вещи, чѣмъ ночью, и логика взяла верхъ надъ фантазією, но все же онъ не могъ забыть этого чуднаго образа, который безпрестанно носился предъ его глазами и голосъ котораго теперь еще звучалъ въ его ухахъ. А тутъ еще такія несмѣтныя богатства. Онъ вспомнилъ о горахъ золота, которыя валялись у его ногъ, и лихорадочная дрожь охватила его.

Онъ посмотрѣлъ на сидѣвшаго предъ нимъ Ивана, тотъ въ свою очередь посмотрѣлъ на него.

— Коли бы не моя Катерина—тихо проговорилъ Иванъ и зашнулся, точно онъ не хотѣлъ, чтобы его собесѣдникъ узналъ его мысль. — А твоя Малка гдѣ?—вдругъ спросилъ онъ.

Занвель ничего не отвѣтилъ и отвернулся отъ него: онъ боялся, чтобы Иванъ не отгадалъ его мысли, такъ же какъ онъ отгадалъ его.

Наконецъ Ивану надоѣло сидѣть и думать.

Онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ Малка стояла за стойкой.

— Что же ты, молодница, хйба меня не бачишь?—сказалъ онъ, немножко повеселѣвъ при видѣ пригожей Малки, а еще больше, вѣроятно, при видѣ горилки, до которой онъ былъ такой охотникъ.

Малка отвѣтила ему обворожительной улыбкой.

— Какъ же не бачу,—сказала она:—Иванъ всегда у меня добрый гость. И въ доказательство тому она поднесла ему большую до краевъ наполненную чарку.

Я. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНИЕ СААДИИ ГАОНА¹.

Итакъ, разъ это установлено, (т. е. невѣчность міро-зданія и начало его въ извѣстное время), то естественно возникаетъ вопросъ о процессѣ міросотворенія: не возникъ ли міръ самъ собою, т. е. изъ себя, или же онъ сотворенъ чѣмъ-то, внѣ его лежащимъ, другими словами, возникаетъ вопросъ о необходимости *Творца*.

«Мнѣ кажется совершенно невысказаннымъ, чтобы все сотворенное могло создать само себя, т. е. могло создаться само изъ себя, и кажется притомъ по причинамъ, изъ которыхъ я приведу слѣдующія три» — такими словами Саадія переходитъ къ интересующему его вопросу о необходимости признать *Творца*.

1) «Если бы какой-либо предметъ могъ самъ создать себя, то онъ не ограничился бы единичнымъ своимъ сотвореніемъ. То, что слабо, постаралось бы стать сильнымъ, а такъ какъ оно не въ состояніи сдѣлать это, тѣмъ менѣе оно было въ состояніи заставить себя возникнуть изъ ничего».

2) «Если бы мы захотѣли мысленно представить себѣ, что такъ называемая вещь создала сама себя, то это нелѣпо по двумъ соображеніямъ о времени ихъ созданія. Ибо если предположимъ, что оно создало себя *раньше* своего существованія, то мы допускаемъ невозможное, такъ какъ несуществующее не можетъ создать ничего. Если же мы допустимъ, что оно создало себя уже *послѣ* своего сотворенія, то вѣдь ему уже болѣе не нужно было бы вновь создавать себя».

3) «Если допустить, что міръ создалъ самъ себя, то необходимо признать за нимъ и возможность обратнаго. Если же міръ можетъ создать себя, а можетъ и не создавать себя, то въ немъ соединяются два непримиримыхъ противорѣчія — бы-

¹ См. „Восходъ“, кн. II.

тіе и небытіе, а это абсурдъ, который опровергается и Св. Писаніемъ (Псалм. 100, 3; Іезек. 29, 3). — Такимъ образомъ все ведетъ насъ къ необходимости признанія *творца* мірозда-нія, потому что оно не могло возникнуть самостоятельно.

Теперь приходится развить основной догматъ іудейства о *сотвореніи: міра изъ ничего* и опровергнуть мнѣнія противоположныя. Саадія и здѣсь также опирается главнымъ образомъ на три соображенія:

1) Если бы міръ былъ сотворенъ изъ основной матеріи (срв. теорію Платона), то пришлось бы допустить, что эта матерія такъ же вѣчна, какъ и Творецъ. Какимъ же образомъ случилось, что эта матерія подчинилась Творцу и предоставила себя такъ сказать въ Его распоряженіе, разъ она была такъ же самостоятельна, какъ и Онъ самъ? А такъ какъ она, видимо, подчинилась, то приходится допустить существованіе как.-ниб. причины, т. е. собственно другого божества, другого Творца, а это явный абсурдъ ¹.

2) Если мы не допустимъ сотворенія міра изъ ничего только потому, что это противно всякимъ чувственнымъ воспріятіямъ нашимъ, то почему же не допустить сотворенія его изъ вѣчной матеріи, существованіе которой также не поддается провѣркѣ нашими чувствами, такъ какъ мы не видимъ ничего что не было бы строго ограничено временемъ и пространствомъ? Если же мы допустимъ, что всѣ тѣла произошли изъ другихъ строго ограниченныхъ и точно опредѣленныхъ тѣлъ, то выше-доказанное нами положеніе о необходимости существованія Творца окажется не вѣрнымъ: тогда не нужно было бы никакого Божества, Оно оказалось бы лишнимъ. Наконецъ,

3) если допустить сотвореніе міра изъ основной матеріи, то, разъ отвергаютъ сотвореніе изъ ничего, пришлось бы допустить и сотвореніе этой матеріи изъ какой-нибудь другой, второй изъ третьей и т. д. до безконечности, которой не существуетъ реально ², или до такой матеріи, которая возникла изъ ничего. Слѣдовательно, отрицаніе теоріи о міросотвореніи изъ ничего ведетъ къ явнымъ абсурдамъ.

¹ Выше нами уже приведены главнѣйшія положенія ученія *мозаизма*, отвергнувшихъ возможность какой бы то ни было безконечности.

² Этотъ взглядъ находится также въ комментаріи на *Sepher Iezirah*.

Итакъ, *миръ созданъ изъ ничего волею Творца въ опредѣленный моментъ времени*—таковъ капитальный выводъ Саадія изъ всего предшествовавшаго. Но этого, по его мнѣнью, не достаточно. Были и существуютъ люди, имѣющіе свои точно обоснованныя теоріи о возникновеніи міра. Такіе мыслители впадали въ ошибки, а ихъ заблужденія оказали и продолжаютъ оказывать страшный вредъ на современниковъ, отклоняя послѣднихъ отъ пути истины, убивая въ нихъ вѣру и религиозное чувство, и тѣмъ ведя ихъ къ явной гибели, какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ загробномъ. Поэтому Саадія восклицаетъ:

«Доказавъ правильность этихъ трехъ положеній (что все существующее сотворено, что оно создано Вожествомъ, сотворившимъ его изъ ничего), которыя находятъ себѣ подтвержденіе и въ изреченіяхъ пророковъ и Св. Писанія, и такъ какъ это *первая* теорія въ нашемъ трактатѣ, разсуждающемъ о космогоніи, то мнѣ подобаетъ представить теперь 12 теорій тѣхъ мыслителей, которые думаютъ иначе, такъ что всѣхъ теорій будетъ тринадцать.

«Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я поэтому сообщу, на чемъ основываетъ каждая школа свои положенія, и покажу, какими соображеніями можно развить послѣднія. И если Св. Писаніе содержитъ въ себѣ соответствующія цитаты, то я съ помощью Вожеіи постараюсь объяснить ихъ»¹.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ наиболѣе интересною частью трактата, съ полемикою, которая, какъ мы неоднократно уже имѣли случай убѣдиться, представляла чуть ли не центръ тяжести всей дѣятельности суранскаго гаона. Къ сожалѣнію, размѣры этой полемики слишкомъ обширны и мы вынуждены ограничиться поэтому лишь общою характеристикою ея. Не безъ этой части Еshnoth свѣдѣнія наши о степени распространенности въ X вѣкѣ различныхъ философскихъ знаній на Востокѣ заключали бы въ себѣ существенный пробѣдъ; мы не обладали бы столь полной картиной умственнаго развитія жителей халифата въ началѣ X вѣка.

¹ Выраженіе „объяснить“, а не просто „привести“ здѣсь очень характерно, указывая на (дѣйствительно примѣнявшееся иногда Саадіей) измѣненіе текстовъ, если того требовали соображенія экзегетическія.

Строгая систематичность, Саадіи, сказалась съ особенною силою и въ этомъ случаѣ: гаонъ не приводитъ мнѣній различныхъ своихъ противниковъ какъ попало, безъ связи, но группируетъ ихъ по извѣстнымъ логическимъ точкамъ дѣленія. Хронологическаго порядка слѣдованія ученій мы здѣсь не найдемъ, такъ какъ Саадіи онъ наврядъ ли былъ извѣстенъ ¹: знакомство его съ разными философами древности было не непосредственно, а заимствовано главнымъ образомъ у Аристотеля. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти и безъименность различныхъ ученій, фигурирующихъ у Саадіи, хотя съ другой стороны эта безъименность можетъ находить себѣ объясненіе также въ дидактическомъ характерѣ сочиненія *Emunoth ve Deoth*: гаону не столь было важно опровергнуть ученія древнихъ философовъ самихъ по себѣ, сколько направить на путь истины проникшихся этими ученіями современниковъ, главнымъ образомъ, единовѣрцевъ своихъ ².

Космогоническія теоріи, непосредственно примыкающія къ ученію Саадіи о мірозданіи (вторая—неоплатоническая; третья—маговъ съ элементами гностическими ³; четвертая, представляющая теоретическое соединеніе второго и третьяго ученій ⁴), разнятся отъ теоріи гаона лишь въ отрицаніи міросозданія изъ ничего, тогда какъ онѣ также допускаютъ міросотвореніе въ извѣстное время и единичность Творца. Пятая теорія (представляющая дуалистическое ученіе манихеевъ) — отрицаетъ кромѣ того единичность Творца и міросотвореніе изъ

¹ Нѣчто подобное замѣчается и въ средневѣковой христіанской философіи. „Die Reproduction der phylosophischen Systeme des Alterthums war mit dem für das gesammte Mittelalter, auch für das orientalische, charakteristischen Mangel an jedem historischen Sinn unternommen worden und hatte, wie Saadia beklagt, in den Köpfen vieler seiner Zeitgenossen die heilloseste Verwirrung angerichtet, da die verschiedenen, sich gegenseitig ausschliessenden und nur als einzelne Glieder eines *geschichtlichen* Entwicklungsprozesses zu begleitenden Systeme von den Gelehrten jener Zeit als ebenso viele *nebeneinander* bestehende und gleichberechtigte Weiterklärungen angesehen wurden“. *Г. Guttmann*, p. 19, cnf. p. 29.

² Срв. *P. Bloch*, *Em. w. Deot*, p. 79, ann.

³ Срв. *A. Schmiedl*, l. c. p. 102—103.

⁴ *Г. Guttmann*, l. c. p. 53 ann. предполагаетъ, что Саадіи самъ скомбинировалъ эту теорію, чтобы получить излюбленное имъ число *тридцати* ученій.

ничего, признавая лишь фактъ міросозданія въ извѣстный моментъ времени. Шестая теорія, трактующая о четырехъ элементахъ и могущая поэтому быть сопоставлена съ ученіями Гиппократъ и Галена¹, основывается также на міросотвореніи въ извѣстное время, но видоизмѣняетъ вопросъ о первоначальной матеріи въ признаніи исконнаго существованія четырехъ элементовъ: холоднаго и горячаго, сухого и сырого.

Седьмая теорія (ближе всего подходящая къ средневѣковымъ взглядамъ на ученіе Платона о первоначальной матеріи—*hylē* и деміургѣ) является повтореніемъ шестой съ добавленіемъ къ четыремъ элементамъ еще вышеназванной основной матеріи². Восьмая теорія (непосредственно примыкающая къ космогоніи Аристотеля) отвергаетъ, по крайней мѣрѣ относительно созданія *небесныхъ* тѣлъ, всякое время, считаетъ ихъ вѣчными, состоящими изъ пятого элемента (такъ называемыхъ *πέντε στοιχειών*) — ээира. Такъ какъ эта теорія, по всѣмъ признакамъ, пользовалась въ IX и X вѣкахъ большимъ распространеніемъ на Востокѣ, то ниже намъ еще придется вернуться къ ней.

Девятая теорія отрицаетъ въ міросозданіи *всякое* сознательное творчество, допуская возможность возникновенія вселенной *по случайности*. Ясно, что здѣсь имѣется въ виду ученіе такъ называемыхъ атомистовъ³, столь рѣзко подчеркивающихъ значеніе случая.

Десятая теорія отрицаетъ всякое міросотвореніе, утверждая, что все было споконъ вѣка такъ, какъ оно есть теперь, потому что чувственныя воспріятія наши говорятъ намъ это⁴. Видимо, данное ученіе пользовалось во времена Саади большою популярностью, быть можетъ вслѣдствіе своей связи съ приписываемымъ Аристотелю ученіемъ о вѣчности міровданія. Съ этою

¹ Таково мнѣніе I. Гутманна, хотя Ph. Bloch (l. c.) предполагаетъ здѣсь указаніе на Аристотеля (De gen. et corr. II, 2).

² *У. Guttman* l. c. p. 60 и здѣсь считаетъ возможнымъ несуществованіе на дѣлѣ представителей такого ученія, полагая, что эта теорія является результатомъ склонности Саади къ схематизаціи.

³ Судя по странному, довольно неясному изложенію ученія Демокрита у Шарастани (ed. Naagbrücker, II, 149), средневѣковые еврейскіе и арабскіе философы считали представителемъ атомистовъ главнымъ образомъ Епикура.

⁴ Это своего рода сенсуализмъ.

теорією тѣснымъ образомъ связаны три послѣднія, базирующія на сомнѣніи и скептическомъ отношеніи ко всему видимому. Такъ, напримѣръ, представители одиннадцатой теоріи, называемые Саадіей софистами, допускаютъ одновременно и міросотвореніе и несотворенность, вѣчность вселенной. Дѣнадцатая теорія (такъ называем. пирронистовъ) характеризуется Альфаюми слѣдующимъ образомъ:

«Это—теорія воздержанія (επιουσι). Приверженцы ея полагаютъ, что истина заключается въ томъ, чтобы человѣкъ воздерживался отъ всякаго сужденія и не вѣрилъ бы ни во что».

Тринадцатая теорія наконецъ отвергаетъ не только возможность правильности всякаго сужденія, но доводитъ свой скептицизмъ до сомнѣнія въ реальности всѣхъ даже наиболѣе реальныхъ чувственныхъ воспріятій. Саадія называетъ ихъ просто безумцами, говоря: «Эти люди ¹ еще безумнѣе раньше упомянутыхъ, такъ какъ если имъ скажешь: возможно ли предположить, что тѣло вѣчно, не создано, и создано, а не вѣчно, или наоборотъ? то они на все отвѣчаютъ: возможно. И еслибы сказать одному изъ нихъ: можно ли допустить, что такое-то лицо — человѣкъ, а не осель, или одновременно и осель и человѣкъ, или ни то, ни другое? то они также отвѣтятъ на все: возможно». Саадія предостерегаетъ отъ споровъ съ такими скептиками о чемъ-либо, ссылаясь при этомъ на Притч. 23, 9: «Не говори предъ унами глупца, ибо онъ презираетъ мудрѣйшія слова». Если же уже (чего Боже избави!) имѣлъ несчастіе попасться такому господину, то,—не безъ юмора восклицаетъ гаонъ,—«его нужно заставить подождать до тѣхъ поръ, пока онъ не сорвется съ мѣста отъ голода, и заставить его испытывать жажду до изнеможенія, и бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не заплачетъ и не завопитъ. Если человѣкъ этотъ въ такомъ случаѣ сознается въ ощущеніи боли, то онъ тѣмъ самымъ признаетъ и реальность чувственного воспріятія»...

Въ этомъ сбѣгломъ перечнѣ различныхъ философскихъ школъ, съ которыми Саадія вступилъ въ полемику относительно космогоническихъ вопросовъ, мы находимъ такую массу матеріа-

¹ Тутъ имѣются въ виду, быть можетъ, лица, подобныя Карнеаду. Срв. Cicero, Tusc. V, 4 11. De natura deor. I, 5, 11.

ловъ, такой обширный и разносторонній запасъ свѣдѣній у нашего гаона, которые почти не находятъ себѣ примѣра во всей исторіи средневѣковой философіи. Чтобы ближе ознакомиться съ полемическими приемами, мы остановимся подробнѣе на разсмотрѣнной имъ аристотелевой теоріи (по счету Eμunoθ—восьмой) о міросотвореніи.

«Восьмая теорія это—мнѣніе увѣряющаго, будто все существующее сотворено небесными тѣлами, считая послѣдніи вѣчными, состоящими не изъ четырехъ элементовъ, но изъ пятого. Если же такимъ людямъ возразить указаніемъ на солнечную теплоту, то они отвѣчаютъ, что солнце само по себѣ теплотою не обладаетъ, а теплота его является результатомъ согрѣвающагося отъ могучаго солнечнаго кругообращенія воздуха, а затѣмъ уже доходить и до насъ (на землѣ)».

Другими словами, здѣсь имѣется въ виду извѣстная теорія Аристотеля о такъ называемомъ quinta essentia—эиpѣ (Aristot. de caelo, I, 2; II, 7; meteor. I, 2, 3), какъ основной части небеснаго свода и самихъ свѣтилъ.

Но съ перваго же взгляда намъ бросается въ глаза неточность передачи Саадіей теоріи стагирита: Аристотель нигдѣ не утверждаетъ, чтобы небесныя свѣтила *создали* нашу планету; по его мнѣнію, движеніе и связанное съ этимъ взаимоводѣйствіе элементовъ являются лишь первымъ поводомъ къ возникновенію нашего міросозданія, а это движеніе и представляетъ собою основаніе процесса міросозданія¹.

Слѣдовательно, эиpныя небесныя тѣла своимъ движеніемъ лишь вызываютъ всякое бытіе, но сами по себѣ не создаютъ ничего. Равнымъ образомъ по мнѣнію Аристотеля не существуетъ и абсолютно-реальной безконечности, которую однако приходится признать въ томъ смыслѣ, что существуетъ безконечный процессъ возникновенія².

Саадія понимаетъ однако, Аристотеля иначе и, видя въ немъ главнаго и авторитетнѣйшаго представителя теоріи о безконечности, о вѣчности существованія мірозданія, усматриваетъ въ немъ серьезнѣйшаго противника библейскаго догмата о

¹ Zeller, Philosoph. der Griech., II Aufl. p. 360.

² Aristotel. Phys. III, 7.

сотвореніи вселенной и концентрируетъ все свое остроуміе на опроверженіи этой опасной теоріи. Доводовъ противъ нея въ его распоряженіи пять. Во первыхъ, совершенно излишнимъ является признаніе *плато* элемента, особой матеріи для небесныхъ свѣтилъ, которыя-де, по мнѣнію Аристотеля, не могутъ состоять изъ огня, потому что иначе ихъ движеніе было бы не сферическимъ (что подтверждаютъ наблюденія), но прямолинейнымъ. «Мы же утверждаемъ—замѣчаетъ гаонъ, что природное движеніе огня именно *вращательное*, и для доказательства ссылаемся именно на движеніе небесныхъ свѣтилъ, состоящихъ изъ чистаго огня, какъ можно заключить по солнечной теплотѣ. Наблюдаемое же прямолинейное движеніе огня (вверху) является лишь случайностью, стремленіемъ пробиться сквозь слой воздуха. Когда огонь пробиваетъ этотъ слой и достигаетъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія, то и движеніе его измѣняется, переходя изъ прямолинейнаго въ сферическое. Слѣдовательно, мы наблюдаемъ здѣсь (съ огнемъ) явленіе аналогичное съ паденіемъ камня: камень неподвижно покоится на своемъ мѣстѣ; если же бросить его вверхъ то онъ, чтобы снова вернуться на прежнее мѣсто, совершить движеніе внизъ, сквозь слой воздуха; достигнувъ земли, онъ вновь впадаетъ въ свое первоначальное состояніе, неподвижность. Итакъ, если ужъ камень, въ природѣ котораго лежитъ неподвижность, приходитъ въ движеніе, чтобы вернуться въ первоначальное свое состояніе покоя, то насколько ближе нашему пониманію предположеніе, что имѣющій собственно вращательное движеніе огонь *измѣнитъ* это свое движеніе (въ прямолинейное), чтобы достигнуть первоначальнаго своего мѣстонахожденія!»

Вотъ какъ Саадія отвѣчаетъ Аристотелю, отрицающему огненный составъ свѣтилъ и ихъ эфирный характеръ.

Слѣдующіе четыре довода гаона направлены противъ предположенія о вѣчности (несотворенности) свѣтилъ небеснаго свода. Оно опровергается: 1) равнообразіемъ самаго состава свода небеснаго (который представлялся Аристотелю пустымъ внутри шаромъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ слоевъ эфира); вѣчносуществующее тѣло же должно быть однообразно и однородно во *всѣхъ* частяхъ своихъ, тогда какъ мы конста-

тируемъ на небесномъ сводѣ и среди свѣтилъ большое равно-
образіе; слѣдовательно они не вѣчны; 2) если бы сводъ небес-
ный состоялъ изъ пятого элемента (эеира), а не изъ одного
изъ признаваемыхъ нами элементовъ, то онъ былъ бы недо-
ступенъ нашему зрѣнію, такъ какъ мы можемъ видѣть лишь
то, что состоитъ изъ одного изъ четырехъ элементовъ (порознь
или вмѣстѣ взятыхъ); 3) свѣтила не могутъ быть вѣчны, такъ
какъ вѣчности не существуетъ: время не можетъ быть беско-
нечнымъ, такъ какъ оно измѣняется, причѣмъ прошедшее все
увеличивается, а будущее сокращается ¹; наконецъ 4) не
можетъ быть вѣчности потому, что движенія свѣтилъ разно-
образны. Вѣчная, безконечная сила не можетъ не быть едино-
образной, а между тѣмъ всякому видима разница въ движеніи
небесныхъ тѣлъ: одни изъ нихъ движутся быстрѣе, другія
медленнѣе ².

Такимъ-то образомъ Саадія старается освободиться отъ
опаснѣйшей какъ по существу, такъ и по своей распростра-
ненности среди современниковъ теоріи Аристотеля. Слабыя
стороны аргументаціи гаона сами сразу бросаются въ глаза,
но поразительна искренность Альфаоми въ стремленіи согласо-
вать доводы точной науки и разума съ требованіями вѣры...

Въ заключеніе Саадія даетъ еще нѣсколько поясненій на
счетъ возможныхъ возраженій такого рода: какимъ образомъ
можетъ изъ ничего возникнуть что-либо реальное? что было
раньше на мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ мірозданіемъ? какъ
существовало время до сотворенія міра, когда еще не было
никакого бытія? съ какою цѣлью сотворилъ Богъ землю? по-
чему Онъ не сотворилъ ея раньше? Всѣ такія возраженія
свидѣтельствуютъ, по мнѣнію гаона, лишь о неясномъ пони-
маніи сущности Творца, силы котораго люди готовы сравни-
вать со своими и сущность котораго является для нихъ за-
гадкою, потому что они примѣняютъ къ Нему земныя опре-
дѣленія. Ближайшею поэтому задачею является разрѣшеніе

¹ Такого же взгляда держались и арабскіе философы-мутаазилиты.

² Саадія обосновываетъ этотъ выводъ астрономическими вычисленіями
удивительно схожими съ выкладками въ энциклопедіи „братъвъ чистоты“. Срв.
Dieterici, Naturanschauung der Araber, p. 35—38.

вопроса объ этой сущности, выясненіе которой и составляетъ содержаніе второй главы сочиненія *Emunoth we Deoth*.

Второй трактатъ, посвященный выясненію сущности Творца, содержитъ въ себѣ, кромѣ интересной полемики, самую важную часть сочиненія. Въ этомъ трактатѣ, какъ мы увидимъ, особенно рельефно сказывается вліяніе на Саадію Аристотеля и мотазилитизма. Уже самое заглавіе (*о томъ, что Творецъ всею существующаго—единъ*, תמי הברייתן ש'תפושב) указываетъ на связь съ мотазилитами; называя себя приверженцами единства и благочестія (ת'תל'ת'מ' ל'ת'ל'ת'מ'), послѣдніе дѣлили свою религіозно-философскую систему на двѣ части, т. наз. «*единопризнаніе*» (арабск. *та'т'п*, евр. *ת'ת'פ*), и «*разрядъ благочестія*» (арабск. *л'т'у'ж* евр. *ל'ת'ז'ל' י'ר'ב*), причеиъ къ первой относились всѣ метафизическіе аргументы въ пользу существованія Творца и выясненія его сущности, тогда какъ вторая посвящалась разбору отношеній Божества къ видимому міру вообще и къ человѣку къ частности ¹. Также и Альфаюми дѣлитъ свое *Emunoth*, причеиъ отчасти первый и особенно же второй трактаты посвящены выясненію сущности Божества, Его единства и единичности. Слѣдующіе отдѣлы книги по своему содержанію подходятъ къ «*разрядамъ благочестія*».

Итакъ, здѣсь гаонъ занятъ выясненіемъ сущности Божества, существованіе котораго поставлено имъ внѣ сомнѣній разсужденіями предшествующей главы. Но такъ какъ сущность эта можетъ быть выяснена только путемъ спекулятивнымъ, то является необходимость предпослать трактату нѣсколько замѣчаній о характерѣ человѣческаго познанаія и знанія, чтобы въ самомъ корнѣ подавить возможныя возраженія скептиковъ или тѣхъ, кто вовсе отвергаетъ чувственные воспріятія. Можно ли составить себѣ представленіе о сущности Божества, разъ мы обладаемъ такими грубыми средствами познанаія, какъ чувственные воспріятія? Саадія считаетъ это вполне возможнымъ, разсуждая такимъ образомъ:

Хотя и нельзя отрицать, что человѣческое знаніе основывается на довольно *грубыхъ* чувственныхъ воспріятіяхъ и

¹ Срв. *A. Frankl*, Ein mutazilitischer Kalam, p. 13 etc.

исходить изъ нихъ, однако человекъ, въ противоположность животному, не останавливается на результатахъ этихъ воспрятій. Помощью присущей ему мыслительной способности онъ постепенно переходитъ къ познанию болѣе тонкихъ вещей, отъ явленій вѣшнихъ онъ обращается къ ощущеніямъ внутреннимъ и въ познаниі своемъ всходитъ какъ бы по лѣстницѣ, поднимаясь со ступени на ступень, къ болѣе отвлеченному мышленію, пока наконецъ не очутится лицомъ къ лицу съ высшей отвлеченностью, представляющей предѣлъ его познанию и мышленію. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ субтильнѣе становятся результаты нашего абстрактнаго мышленія, тѣмъ болѣе гарантіи представляютъ они тому, что мы дѣйствительно приблизились къ цѣли нашего познаниа. Требовать же подтвержденія нашихъ такимъ образомъ добытыхъ результатовъ явленіями, взятыми изъ области чувственныхъ воспрятій, явленіями конкретными, было бы прямо нелѣпостью, потому что мы тѣмъ самымъ хотѣли бы вернуться въ то первобытное состояніе, изъ котораго мы вышли при началѣ нашей мыслительной работы. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что наиболѣе отвлеченный результатъ нашего мышленія будетъ и наиболѣе вѣрнымъ и представитъ границу познаниа нашего, которое *безусловно ограничено*. Последнее подтверждается слѣдующими тремя соображеніями: 1) человекъ—тѣло, а такъ какъ тѣло предѣльно, то и знаніе, въ немъ заключающееся, можетъ быть только предѣльнымъ; 2) самое познание только потому и доступно человеку, что оно ограничено; если бы оно не имѣло предѣла, то и человекъ не могъ бы обладать имъ, не былъ бы въ состояніи объять его; 3) такъ какъ корень всякаго нашего познаниа кроется въ чувственныхъ воспрятіяхъ, строго ограниченныхъ, то невозможно допустить, что результатъ его безпредѣленъ, т. е. чтобы стволъ, по характеру своему, былъ бы діаметрально противоположенъ корню ¹.

¹ Въ комментаріи на *Sepher Iezirah* (гл. II, § 1) Саадія совершенно аналогично говоритъ о человѣческомъ познаниі: „Нѣтъ возможности постичь вещь раньше, чѣмъ усвоишь себѣ всѣ ея характерныя признаки. Средствомъ къ послѣднему служитъ синтезъ. Когда же у тебя будутъ въ наличности всѣ безъ изъятія характерныя признаки вещи, то ты анализируешь ихъ; анализъ этотъ выдѣлитъ все невѣрное и подтвердитъ все правильное, покажетъ хоро-

Такимъ образомъ, даже при помощи тѣхъ точно ограниченныхъ средствъ, которыми обладаетъ человѣкъ для познанія самой высокой и отвлеченной изъ всѣхъ существующихъ отвлеченностей, при помощи нашей познавательной способности, мы въ состояннн болѣе или менѣе близко подойти и къ рѣшенію интересующей насъ здѣсь задачи, выясненію сущности Божества ¹.

При этомъ не слѣдуетъ пугаться, если получится выводъ, даже не согласный съ результатами нашихъ чувственныхъ воспріятій: мы постигаемъ Божество спекулятивнымъ путемъ, и потому чѣмъ дальше мы отъ конкретныхъ опредѣленій, тѣмъ ближе мы подходимъ къ истинѣ, тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе будетъ достигнутое нами пониманіе сущности Творца. Одинаково поэтому ошибаются какъ тѣ люди, которые вовсе отвергаютъ возможность постичь Божество ², такъ и тѣ безумцы, что представляютъ себѣ Творца одареннымъ тѣломъ, и т. п.: вѣдь отъ конкретныхъ тѣлъ исходить наша познавательная работа; какимъ же образомъ возвращаемся мы къ ней въ результатѣ нашихъ изслѣдованій? Ясно, что этотъ взглядъ неправиленъ, такъ какъ Божество, будучи бестѣлесно, должно быть разсматриваемо и виѣ сферы тѣлеснаго.

Итакъ, все ведетъ къ неизбѣжности признать Творца всего существующаго. Какова Его сущность?

Признавая Творца, мы одновременно признаемъ и его *единичность*. Это первый, главнѣйшій изъ Его атрибутовъ. Этотъ Единный сотворилъ вселенную. Но чтобы творить, необходима наличность по крайней мѣрѣ еще слѣдующихъ трехъ признаковъ: жизни, власти и мудрости, или знанія ³. Всѣ эти каче-

---

шее и заставить отвергнуть дурное. Когда же кончатся этотъ анализъ, то вѣра приметъ разобранную и разсмотрѣнную вещь и сохранитъ ее". Срв. *M. Lambert*, 1. с. р. 59.

¹ Въ этомъ разсужденіи Саадн очевидно сказывается вліяніе Аристотеля: перипатетики учили, что основой философскихъ изслѣдованій помощью отвлеченія, являются чувственные воспріятія, отъ которыхъ человѣкъ постепенно поднимается къ крайнему предѣлу познанаія. *J. Guttman*, 1. с. р. 83.

² Здѣсь, вѣроятно, имѣются въ виду тѣ скептики, теоріи которыхъ Саадн разсматривалъ и отвергъ въ концѣ перваго трактата.

³ Сюда присоединяется нѣкоторыми еще безподобіе, но это вѣдь ничто иное, какъ разновидность единичности.

ства въ своей совокупности и даютъ намъ сущность Божества, какъ она выводится и изъ данныхъ Св. Писанія. Впрочемъ, указаннныя три качества не должны быть выводимы одно изъ другого; они не находятся между собою во взаимоотношеніи условія и слѣдствія, но стоятъ рядомъ и выводятся разумомъ нашимъ одновременно, сразу изъ понятія единого Творца ¹.

«Если же мы пользуемся тремя различными терминами для опредѣленія сущности Божества, то дѣлаемъ это потому только, что въ языкѣ нѣтъ слова, которое всецѣло и вполне передавало бы совокупность всѣхъ этихъ качествъ. Образованіе же новаго слова представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ для объясненія его потребовалось бы опять-таки большое количество различныхъ терминовъ. Впрочемъ, разнообразіе послѣднихъ вовсе не вносить въ сущность Божества разнородности, такъ какъ всѣ эти термины (въ совокупности своей) характеризуютъ лишь понятіе (единого) Творца», говоритъ Саадія ². Послѣ этихъ общихъ замѣчаній гаонъ переходитъ къ болѣе детальному обоснованію тѣхъ качествъ, которыя, по его мнѣнію, нераздѣльно связаны съ представленіемъ о Божествѣ.

На первомъ планѣ тутъ положеніе: «Творецъ—Единъ», въ составъ котораго одинаково входятъ какъ *единство*, такъ и *единичность*. Первое качество заставляетъ насъ представлять себѣ Божество нераздѣльнымъ, однороднымъ по Его существу, тогда какъ второе исключаетъ возможность признанія, помимо одного Творца, еще и другихъ. Говоря объ *единствѣ* Творца,

¹ למה נאמר בלי שום דבר שיש בו דברים רבים ויש בו אחד. Срв. *J. Guttmann*, l. c. p. 92,

² *J. Guttmann*, l. c. p. 93—94 говоритъ: „Въ ограниченіи Саадіей божественныхъ атрибутовъ пятью (или правильнѣе тремя) непосредственно изъ понятія Творца вытекающими опредѣленіями, мы сразу находимъ основной принципъ ученія мотазилитовъ о томъ же предметѣ. Какъ извѣстно, сохраненіе единства Божества при наличности нѣсколькихъ атрибутовъ составляетъ краеугольный камень всѣхъ изслѣдованій мотазилитовъ на почвѣ богословской въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нельзя лучше обосновать этотъ принципъ, что отдѣльные атрибуты Божества не видоизмѣняютъ сущности послѣдняго, а являются лишь результатомъ несовершенства нашего языка, чѣмъ это сдѣлалъ Саадія приведеніемъ своихъ разсужденій. Заслугою гаона является именно то, что онъ несравненно рельефнѣе и опредѣленнѣе всѣхъ мотазилитскихъ богослововъ выразилъ эту мысль, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ“.

нельзя игнорировать тѣхъ монотеистовъ, которые вносятъ въ понятіе Единого Бога какіе-то неприсущіе ему, чуждые элементы; выясняя же *единичность* Божества, нельзя обойти молчаніемъ представителей дуалистическихъ теорій, съ которыми гаонъ полемизировалъ уже въ первомъ трактатѣ.

Переходя затѣмъ къ опроверженію дуалистовъ, Саадія приводитъ въ пользу *единичности* Божества слѣдующіе аргументы, заимствованные имъ главнымъ образомъ у мутекаллимовъ. По мнѣнію гаона, за *единичность* Творца говорятъ:

1. «Богъ въ качествѣ Творца всего существующаго долженъ быть по существу своему различенъ отъ всего имъ созданнаго. Такъ какъ (созданныхъ) тѣлъ много, то Онъ долженъ быть одинъ: еслибы было много божествъ, то къ нимъ можно было бы примѣнять счисленіе, а все считаемое—тѣло»².

2. «Разумъ требуетъ одного Творца, который неизбеженъ (для объясненія міросотворенія). Все же, что можетъ быть присоединено къ этому Одному, является излишнимъ»¹.

3. «Существованіе *одного* Творца мы вывели въ первомъ своемъ аргументѣ изъ существованія мірозданія. Для утвержденія же, что Творцовъ (не одинъ а) больше, требовался бы уже новый аргументъ. Между тѣмъ безусловно не можетъ быть внѣ міросотворенія доказательства въ пользу существованія Творца».

Приведа эти доказательства, Саадія дѣлаетъ небольшое

¹ Отъ Аристотеля (Metaphys. XI, 8) это положеніе перешло къ мутекаллимамъ, откуда оно проникло и къ еврейскимъ богословамъ. Кромѣ Саадія р. Бахія-бенъ-Пакуда въ соч. Choboth hallebabeth (I, 7), равно какъ и Маймонидъ (Moreh, I, 75) знаютъ его. Срв. *M. Guttman*, Das religionsph. System der Mutekallimun, p. 47—48.

² Этотъ аргументъ также встрѣчается у мутекаллимовъ (срв. *M. Guttman* I. с. р. 43—44). Онъ принадлежитъ къ группѣ т. наз. *ужисл т. е. взаимноисключающихъ* аргументовъ, которые *A. Schmiedl* I. с. р. 55 гораздо правильнѣе относитъ къ разряду космологической аргументаціи. Сюда же принадлежатъ и доводы второй группы (н. 2 и 3), тогда какъ первый аргументъ *ex contrario* относится къ доказательствамъ *онтологическаго* характера (*A. Schmiedl*, *ibid.*) или, какъ называли его арабы, къ аргументаціи *эаиморазличія* (т. н. н.). Срв. *Spinoza*, *cogitat. metaph.* II, 2: *mirati persaepe fuimus futilia argumenta quibus dei unitatem adstruere conantur auctores, qualia sunt: si unus potuit mundum creare, caeteri essent frustra.* Срв. Аристотеля (*de part. animal.* 3, 4).

отступленіе, чтобы снова вступить въ полемику съ дуалистами, ученіе которыхъ имъ уже разсматривалось въ первомъ трактатѣ. Между прочимъ, онъ не безъ сарказма предлагаетъ имъ слѣдующіе вопросы: почему они, находя въ природѣ рядомъ съ полезнымъ и вредное и заключая отсюда о существованіи двухъ Творцовъ, начала добраго и злаго, не принимаютъ столькихъ божествъ, сколько у насъ чувствъ (вѣдь чувствами же мы воспринимаемъ добро и зло)? Или—такъ какъ все существующее можетъ быть распредѣлено по категоріямъ мѣста, времени, положенія, дѣйствія и т. д., почему дуалисты не признаютъ десяти боговъ, по числу категорій Аристотеля, или девять, по числу вкусовыхъ ощущеній? ¹

Показавъ такимъ образомъ произвольность принятія дуалистами двухъ божественныхъ началъ, гаонъ продолжаетъ приводить доказательства въ пользу единичности Творца. Теперь онъ уже даетъ намъ аргументы *ex contratio*. Ихъ, какъ и первыхъ, три:

1. «Если бы было два Творца, то пришлось бы допустить, что каждый изъ нихъ, желая создать что-либо, не можетъ сдѣлать это помимо и безъ помощи другого. Но въ такомъ случаѣ они оба безсильны. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ бы побуждаться къ творенію волею другого и въ такомъ случаѣ оба были бы *необходимы*. Если же оба свободны, то могло бы случиться, что одинъ изъ нихъ создастъ тѣло мертвымъ, другой живымъ, и въ такомъ случаѣ одному тѣлу пришлось бы заключать въ себѣ два взаимоуничтожающія свойства» ².

2. Если одно божество можетъ скрыть что-либо отъ другого (т. е. дѣйствовать помимо вѣдома другого), то оба уже не всевѣдущи, а если они не могутъ этого, то оба безсильны» ³.

¹ Это—възглядъ Θεοεραστα; онъ встрѣчается также въ энциклопедіи „братъ-эвъ чистоты“ и слѣды его *I. Guttman* замѣчаетъ (*Die Religionsphilosophie des Abr. ibn-Daud*, p. 82, app. 3) также у Авраама-ибн-Дауда. Срв. *I. Guttman*, *Religionsph. d. Saadia*, p. 97.

² Здѣсь Саадія скомбинировалъ два аргумента мутекалимовъ. Срв. *I. Guttman*, l. c. p. 41—43 на основаніи Маймонида, *Morah I*, 75, I и V. *A. Schmiedl*, l. c. p. 56—57, app. 3.

³ *I. Guttman*, l. c. p. 99, затрудняется подобрать источникъ для Взоходъ, кн. 3.

3. «Если оба начала связаны другъ съ другомъ, то они представляютъ единство (т. е. они—собственно одно); если же они раздѣльны, то между ними будетъ существовать третье», которое слѣдовательно можетъ разсматриваться какъ самостоятельное божество и вмѣсто дуализма у насъ получился бы триализмъ. Послѣдній выводъ приводитъ Саадю къ критической оцѣнкѣ христіанскаго ученія о Св. Троицѣ. Разбирая лишь философское содержаніе этого догмата, нисколько не касаясь вѣрованій массы, гаонъ поражаетъ своею толерантною, объясненіе которой кроется въ удивительно всестороннемъ и подробномъ для еврея знакомствѣ съ исторією христіанства, съ трудами отцовъ церкви, съ различными сектантами и расколуучителями¹. Въ историческомъ отношеніи соответствующій отдѣлъ *Sepher Emunoth* представляетъ во всякомъ случаѣ крайній интересъ, такъ какъ въ немъ мы находимъ любопытнѣйшія данныя объ ученіяхъ Арія, Павла Самосатскаго, Θεодора изъ Монсуесте и др.... Итакъ, установивъ единичность Божества, Альфаюми переходитъ къ опредѣленію Его единства; другими словами, останавливается на разборѣ приписываемыхъ Ему атрибутовъ. Какъ мы видѣли уже выше, такіе свойства три: всевѣдніе (мудрость), всемогущество и жизнь. Это—такъ наз. *субул гмш*—качества, составляющія нераздѣльную сущность Творца. Ихъ надо строго отличать отъ т. наз. *субул гмш* (атрибутовъ проявленія), т. е. тѣхъ свойствъ, которыя не входятъ въ Его сущность, но въ переносномъ смыслѣ прилагаются къ Нему людьми, охотно переносящими земныя отношенія на небо, причемъ масса иногда впадаетъ даже въ антропоморфизмъ. Первые атрибуты (жизни, знанія и власти) сами собою вытекаютъ изъ понятія единаго Творца вселенной; безъ нихъ Онъ не создалъ бы всего существующаго; вторые же вошли въ видѣ метафоръ въ Св. Писаніе и людьми несвѣдующими нерѣдко понимаются бук-

этого аргумента. Намъ кажется, что этотъ доводъ представляетъ лишь видоизмѣненіе предшествующаго и введенъ Саадей для симметріи въ доказательствахъ прямыхъ и отъ обратнаго.

¹ Этою терпимостью, нежеланіемъ гаона оскорбить кого-либо въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ объясняется также отсутствіе въ *Emunoth* почти всякой полемики съ караимствомъ и мусульманствомъ. Срв. *J. Guttman*, I. с. р. 102.

важно. Во всякомъ случаѣ въ Божествѣ неприменимы тѣ многочисленныя свойства, которыя упоминаются Св. Писаніемъ и вѣрующими въ нихъ обиденной рѣчи. Это доказывается хотя бы тѣмъ простымъ соображеніемъ, что Богъ, какъ Творецъ *esse* существующаго, самъ долженъ быть создать данныя качества; слѣдовательно, они не могутъ составлять часть Его собственной сущности.

Однако, если понимать многіе антропоморфизмы Писанія переносно, то требуется доказать правильность такого предположенія формальными соображеніями, что и дѣлаетъ Саадія. Для болѣе легкаго обозрѣнія онъ пользуется при этомъ десятью категоріями общихъ понятій у Аристотеля¹: подводя подъ категоріи бытія, количества, качества, отношенія, мѣста, времени, владѣнія, положенія, дѣйствія и страданія различныя божественныя свойства, гаонъ доказываетъ рядомъ соображеній, что всѣ эти атрибуты не могутъ быть принимаемы буквально, а являясь результатомъ съ одной стороны скудости, съ другой же чрезмѣрнаго богатства языка, должны пониматься какъ метафоры. Если бы Творецъ вселенной былъ существомъ тѣлеснымъ, то упомянутыя категоріи были бы приложимы къ нему, но такъ какъ мы констатировали обратное, познавъ въ немъ высшую, единую, властную, мудрую и живую отвлеченность, то не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо иныхъ атрибутахъ его.

Выяснивъ такимъ образомъ сущность единаго Творца и еще разъ подчеркнувъ Его единство и нераздѣльность, Саадія заканчиваетъ трактатъ поэтическимъ, опирающимся на массу ссылокъ на Св. Писаніе, описаніемъ того очищающаго, возвеличивающаго душу человѣческую вліянія, которое оказываетъ на всякаго вѣрующаго истинное познаніе Божества.

«Держись же того, что мы здѣсь изложили, углубись въ него мыслью и передумай въ умѣ своемъ, чтобы не выводить

---

¹ *Kaufmann*. Geschichte der Attributenlehre in der jud. Religionsphilos. р. 55, усматриваетъ изъ Шарастани (l. c. I, 43), что и мотазилиты рассуждали о божественныхъ атрибутахъ по категоріямъ Аристотеля.

особенныхъ слѣдствій изъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Всегда принимай во вниманіе сначала основу и корень всего, и тогда только ты увидишь въ отдѣльныхъ выраженіяхъ метафоры и сравненія, какъ я поясню здѣсь—такими словами гаонъ переходитъ къ слѣдующему трактату.

Г. Г.

(Продолженіе будетъ).

ПОЛОЖЕНІЕ О ЕвРЕЯХЪ 1804 ГОДА.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИСЛѢДОВАНІЯ ОСНОВАНІЙ И МОТИВОВЪ
ЭТОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПАМЯТНИКА.

На основаніи источниковъ.

II¹.

Сравнивая между собою, приведенныя выше, мнѣнія маршаловъ различныхъ губерній и замѣчанія губернаторовъ, нельзя не прийти къ заключенію, что общій характеръ этихъ мнѣній и замѣчаній опредѣлился первымъ, Высочайше одобреннымъ, мнѣніемъ маршаловъ Минской губерніи и Минскаго губернатора. Нѣтъ попытки поставить вопросъ на новую почву, дать ему внутреннее обоснованіе. Все сводится къ отвѣту на предложеніе, сдѣланное сенатомъ, отвѣту, составленному по опредѣленному заранѣ образцу; только кое гдѣ къ этому отвѣту на официальный запросъ присоединяется ходатайство объ утвержденіи или же расширеніи льготъ помѣщиковъ. Очевидно, что составленіе бумагъ подобнаго рода не требовало особенныхъ трудовъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что отвѣты на предложенія правительствующаго сената поступаютъ отъ большинства маршаловъ и правящихъ губерніями весьма скоро. Одинъ только Виленскій гражданскій губернаторъ Фризель, назначенный въ концѣ 1798 г., на столько замедлилъ отвѣтомъ, что сенатъ нашелся вынужденнымъ 23 ноября 1799 г. *подтвердить* Литовскому гражданскому губернатору г. Фризелю, дабы онъ какъ возможно скорѣе поспѣшилъ представить мнѣнія тамошнихъ дворянскихъ маршаловъ... относительно сбереженія лѣсовъ и вообще учрежденія хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи, также объ ограниченіи правъ евреевъ и духовенства».

¹ См. «Восходъ» кн. I. 1895 г.

Въ отвѣтъ на этотъ указъ сената, Фризель объясняетъ въ рапортѣ отъ 31 декабря 1799 г., что «*важность* сего дѣла требовала *двоекратно* сноситься съ г. дворянскими маршалами, *послику изъ отзывы были недостаточны*» и сверхъ того эти мнѣнія были представлены на польскомъ языкѣ, «а недостатокъ въ людяхъ, искусныхъ въ переводахъ съ польскаго языка на русскій, крайне здѣсь великъ», такъ что въ этихъ обстоятельствахъ и заключалась, по словамъ губернатора, причина замедленія.

Познакомившись ближе какъ съ мнѣніемъ маршаловъ Литовской губерніи, которое только послѣ двухкратнаго сношенія и исправленія признано губернаторомъ за *достаточное*, а равно и съ мнѣніемъ по этимъ вопросамъ самого губернатора, нельзя не признать, что ссылка на недостатокъ людей, знающихъ основательно польскій и русскій языки, была только формальною, — главная же причина заключалась въ томъ, что самъ губернаторъ взглянулъ на вопросы, поднятые правительствомъ, и главнымъ образомъ на вопросы о положеніи евреевъ и крестьянъ, гораздо глубже и серьезнѣе, чѣмъ всѣ его предшественники. Очевидно, его пребываніе на различныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ въ Литвѣ дало возможность его пытливому уму познакомиться съ многими сторонами еврейской и крестьянской жизни, которыя ускользнули отъ вниманія другихъ его сослуживцевъ. Весьма вѣроятно, что поэтому онъ и не могъ удовлетвориться тѣмъ проектомъ отвѣта, который былъ первоначально составленъ маршалами. Вѣроятность такого предположенія подкрѣпляется между прочимъ не только тѣмъ, что, забравъ первоначальную редакцію, губернаторъ Фризель заставилъ дворянскихъ маршаловъ, вмѣсто повторенія мнѣній маршаловъ прочихъ губерній, высказать совершенно оригинальныя воззрѣнія на еврейскій вопросъ, но сверхъ того и тѣмъ обстоятельствомъ, что трое изъ маршаловъ, несмотря на представленія губернатора, остались при своемъ прежнемъ мнѣніи, т. е. что евреевъ нужно оставить на старомъ положеніи, ничего не измѣняя въ ихъ бытѣ.

Съ другой стороны, губернаторъ Фризель, не довольствуясь тѣмъ, что высказано было въ мнѣніяхъ маршаловъ, — которые,

какъ заинтересованныя лица, мало обращаютъ вниманія на общегосударственные интересы, а имѣютъ на первомъ планѣ свои личныя выгоды,—въ своихъ замѣчаніяхъ на эти одностороннія мнѣнія представляетъ не только яркую характеристику общественнаго положенія литовскаго еврейства, его неудовлетворительное экономическое и нравственное состояніе, несовершенства и злоупотребленія кагалнаго управленія, ненормальность отношеній евреевъ къ нееврейскому населенію, но мало того, не ограничиваясь подѣ часъ, слишкомъ рѣзкою и, быть можетъ, преувеличенною даже критикою существующаго, предлагаетъ проектъ еврейской реформы, основанной на просвѣщеніи евреевъ, имѣющей своею окончательною цѣлью уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ тѣми классами населенія христіанскаго, къ которымъ они будутъ принадлежать по своему роду занятій.

Многія темныя стороны еврейской жизни указаны имъ правильно и большая часть средствъ, предложенныхъ имъ, представляются вполне соответствующими цѣли. Не даромъ, напр., въ 1800 г. Виленскіе кагалныя старшины въ жалобахъ своихъ правительствующему сенату на неправильныя дѣйствія виленскаго губернскаго правленія упоминаютъ о томъ, что наложеніе «херемовъ» воспрещено имъ уже въ 1797 г., бывшимъ губернаторомъ Фризелемъ.

Разсматривая мнѣніе Фризеля, нельзя не признать что хотя оно написано почти сто лѣтъ назадъ, тѣмъ не менѣе, по своей основательности; практической подкладкѣ и надлежащему пониманію государственныхъ интересовъ, оно представляется безконечно превосходящимъ всѣ циркулировавшіе въ то время польскіе проекты реформы евреевъ, не исключая и знаменитаго проекта скарбовой комиссіи (Т. Чацкаго).

Возвръненіе Фризеля на существо дѣла и мѣры къ разрѣшенію еврейскаго вопроса устраняютъ, впрочемъ, предположеніе, чтобы онъ былъ знакомъ съ этими проектами.

Возвръненіе его на евреевъ есть результатъ непосредственнаго знакомства съ ними въ жизни и при помощи разспроса свѣдущихъ людей изъ евреевъ-же. Мѣры, предлагаемыя губернаторомъ Фризелемъ,—результатъ близкаго знакомства съ отношеніями различныхъ классовъ Литовскаго общества—про-

нижнуты искреннимъ желаніемъ блага какъ евреямъ, такъ и остальнымъ классамъ.

По самой постановкѣ вопросовъ отвѣты должны были сосредоточиться на положеніи евреевъ, но Фризель на столько же внимательно относится и къ положенію крестьянъ, предлагая весьма существенныя мѣры къ улучшенію ихъ быта путемъ ограниченія власти помѣщиковъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что мнѣнія Фризеля по этому предмету представлены были въ то время, когда правительство восстановило въ Литвѣ всѣ отношенія стараго времени, когда и въ Великой Россіи начинались лишь первыя слабыя попытки ограниченія помѣщичьяго произвола.

Не безынтересно было бы познакомиться съ подробной біографіей этого выдающагося администратора, но, къ сожалѣнію, несмотря на всѣ усилія, намъ удалось добыть о немъ только слѣдующія скудныя свѣдѣнія:

Иванъ Григорьевичъ Фризель, родомъ изъ эстляндскихъ дворянъ, родился въ 1740 г. Пятнадцати лѣтъ онъ уже поступилъ въ военную службу сержантомъ. Проходя вѣдѣмъ различныя должности въ различныхъ родахъ войскъ, напр. въ пѣхотномъ полку на Кавказской линіи, въ Оренбургскомъ мушкетерскомъ полку, въ Воронежскомъ гусарскомъ, онъ выказываетъ очень рано административныя способности и извѣстную подготовку, такъ какъ 24 лѣтъ получаетъ назначеніе адъютантомъ въ штабъ генералъ-маіора Пеутлинга, а 25 становится оберъ-авдиторомъ, а въ 1790 г. его назначаютъ въ составъ комиссіи для веденія секретной переписки съ Шведскимъ королемъ по поводу заключенія мирнаго договора между Россією и Швецією.—Естественно поэтому, что въ 1794 г. уволенный отъ военной службы въ чинѣ полковника, онъ получаетъ видное мѣсто начальника казеннаго отдѣленія въ Литовскомъ Верховномъ Правленіи во вновь присоединенныя къ Россіи области. Не слѣдуетъ думать, однако, что вся дѣятельность И. Г. Фризеля во время его военной карьеры сосредоточивалась на одномъ занятіи бумагами; какъ военный человекъ, онъ принимаетъ участіе въ особо-отдѣленномъ корпусѣ въ походахъ 1778 и 1779 г. въ Польшнѣ, въ 1783 г. на кавказской линіи въ верху рѣки Кумы при приведеніи въ

повиновеніе Абазинскаго народа и Кубанскихъ татаръ, а затѣмъ въ походахъ за рѣками Сунжею и Терекомъ противъ чеченцевъ, близъ урочища Ханкалы; почти весь 1790 г. Фризель провелъ въ Финляндской арміи, при чемъ принималъ участіе въ сраженіи при Юрдаюмскомъ посту; 1793 и 1794 г. Фризель провелъ въ арміи, дѣйствовавшей въ Польгѣ при занятіи возвращенныхъ отъ нея областей къ Россіи, и походахъ противъ бунтовавшихъ поляковъ.

Если, благодаря своимъ способностямъ, Фризель былъ уже 38 лѣтъ отъ роду подполковникомъ, то съ переходомъ въ гражданскую службу его успѣхи по службѣ становятся еще быстрѣе. Работы его, какъ начальника казеннаго отдѣленія, на столько обращаютъ на себя вниманіе высшаго начальства, что уже черезъ два года Фризель получаетъ назначеніе на должность вице-губернатора Виленской губерніи, 1796 г. апр. 14, а въ 1797 за особые труды и усердную службу въ бывшемъ Верховномъ Литовскомъ Правленіи ему Всемилостивѣйше пожаловано 250 душъ крестьянъ изъ состава Гродненской экономіи. — Въ томъ же году онъ назначенъ Литовскимъ полъ-директоромъ и произведенъ въ статскіе совѣтники, апрѣля 24, а черезъ 7 мѣсяцевъ пожалованъ къ дѣйствительные статскіе совѣтники, черезъ годъ, дек. 19 г. 1798, назначенъ Литовскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Въ 1800 г. мы видимъ его въ 40 лѣтъ отъ роду уже въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Если такъ быстро подвигался этотъ дѣйствительно выдающійся администраторъ въ царствованіе императора Павла I, то съ возшествіемъ на престолъ императора Александра I онъ остается не у дѣлъ. По крайности, въ 1802 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о И. Г. Фризелѣ, какъ о *бывшемъ* Литовскомъ гражданскомъ губернаторѣ и за этимъ наши свѣдѣнія прекращаются: ни въ числѣ высшихъ чиновъ судебнаго или административнаго вѣдомства, ни въ числѣ лицъ съ придворнымъ званіемъ мы не встрѣчаемъ болѣе его имени.

Смерть или какія иныя причины прервали преждевременно дѣятельность Фризеля — мы не знаемъ.

Привода ниже мнѣніе маршаловъ дворянства Литовской губерніи, а равно и замѣчанія на это мнѣніе, сдѣланныя

Фризелемъ, мы считали себя обязанными напечатать эти мнѣнія цѣлкомъ; хотя и не все въ нихъ касается прямо евреевъ; считали мы себя обязанными сдѣлать это какъ для освѣщенія возрѣвѣвшей той эпохи и представленія отношеній другъ къ другу различныхъ общественныхъ круговъ, такъ и еще болѣе для снятія съ благородной памяти И. Г. Фризеля тѣхъ унрековъ, которые несправедливо сдѣланы были ему въ нашей литературѣ, и для восстановления во всей полнотѣ того оригинальнаго проекта, который послужилъ несомнѣннымъ основаніемъ какъ мнѣнію Г. Д. Державина, такъ и положенію о евреяхъ 1804 г.

Мнѣнія дворянскихъ повѣтовыхъ маршаловъ Литовской губерніи объ учрежденіи въ ней хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи было представлено при слѣдующемъ рапортѣ Литовскаго гражданскаго губернатора:

«Маршалы дворянства Литовской губерніи, по разсмотрѣніи положенія, учиненнаго въ Минской губерніи, касательно приведенія тамъ въ лучшее состояніе хозяйственной части, которое удостоено Высочайшаго благоволенія, и которое, въ исполненіе указа Правительствующаго Сената отъ 8 апрѣля 1798 года предмѣстнику моему, господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Вулгакову даннаго, предложено имъ было во уваженіе для равномѣрнаго-же и по здѣшней губерніи сей хозяйственной части устроенія, изъявляя въ отзывѣ своемъ ко мнѣ чувствованія живѣйшей благодарности и признательности за безпримѣрное Государа Императора снисхожденіе и попеченіе ко благу, не токмо самихъ дворянъ, но и крестьянъ ихъ, показанное Всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ собрать по саму предмету ихъ мнѣнія, на тотъ конецъ, чтобъ изъ оныхъ постановить такія правила, которыя общее добро и пользу приносятъ могутъ, представили мнѣ свои мнѣнія, составленныя ими по взаимнымъ другъ съ другомъ сношеніямъ, и по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ здѣсь обстоятельствъ, въ слѣдующемъ содержаніи:»

1. О евреяхъ.

«Изъ числа девятнадцати въ Литовской губерніи дворянскихъ повѣтовыхъ маршаловъ, кромѣ трехъ только, которые

находить нужнымъ оставить евреевъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи во той причинѣ, что, де; народъ сей вошелъ уже въ тѣсную связь съ христіанами посредствомъ разныхъ денежныхъ оборотовъ и всякаго рода обязательствъ, а также потому, что, якобы, здѣшніе поселяне чрезъ нихъ единственно получаютъ деньги на оплату податей, имѣя легчайшій способъ продавать имъ избытки своихъ продуктовъ, всѣ достальные шестнадцать маршалковъ дворянскихъ, нѣыскывая благонадежныхъ средства къ приведенію въ лучшее едостояніе хозяйственной части по Литовской губерніи, между прочимъ признають необходимымъ ограничить нынѣшній образъ жизни евреевъ, и сдѣлавъ извѣстное положеніе о способѣ ихъ пропитанія, или промышленности, запретить имъ не токмо винокурение и содержаніе шинковъ собственныхъ, какъ учинено въ Минской губерніи, но и пресѣчь всѣ средства, дабы ни подь какимъ предлогомъ не могли они упражняться и во владѣльческихъ помѣстьяхъ въ сидкѣ вина и продажѣ онаго. Поелику-же въ Минской губерніи, подь предлогомъ шинковъ дворянскихъ господскихъ, евреи пользуются и нынѣ въ тайнѣ винокурениемъ, содержать аренды или откупы, и по прежнему также въ правдоности и обманыхъ упражняются, крестьянинъ-же, привыкшій вступать во вредныя съ ними связи, не имѣющій искусства проникнуть во что онъ себя вовлекаетъ, предается охотно всѣмъ слабостямъ, къ коимъ поощряется онъ жидомъ, дающимъ ему способъ пьянствовать для ощутительной отъ того своей корысти, и тѣмъ въ совершенное приводитъ себя развореніе, то, чтобъ пресѣчь вовсе сей корень зла, маршалы полагають необходимымъ воспретить евреямъ не только содержаніе своихъ собственныхъ винокуренъ и шинковъ, или арендныхъ, но не позволять имъ даже быть и при такъ называемыхъ шляхетскихъ, дабы симъ способомъ положить совершенную преграду ихъ обманамъ, и тѣмъ достигъ до желаемой цѣли. На случай, ежели-бы распоряженіе сіе воспріяло свое дѣйствіе, маршалы не оставили обратить своего вниманія, гдѣ помѣститъ такое множество людей, лишившихся вдругъ тѣхъ способовъ ихъ пропитанія, коими они издавна, чрезъ нѣсколько десятковъ поколѣній пользовались? Перевести всѣхъ ихъ въ повѣтовые города и знатнѣйшія торговыя мѣстечка нево-

можно, не приведя чрезъ то многія семейства въ совершенное разореніе; послѣдку, съ одной стороны, адѣйствіе города не такъ обширно, чтобы могли помѣстить такое множество новыхъ пришельцевъ; съ другой, что многіе изъ нихъ заселились уже на казенныхъ и помѣщичьихъ земляхъ, завелись хозяйствомъ и построили дома на собственныхъ мѣстахъ. Ежели переводить ихъ изъ одного мѣста на другое, то неминуемо должны таковые лишиться всей собственности своей, чрезъ что умножилось-бы число бѣдныхъ, всегда общество собою отягочающихъ. Маршалы полагаютъ потому, въ повѣтовыхъ городахъ и въ другихъ торговыхъ мѣстечкахъ оставить токмо тѣхъ изъ евреевъ, которыхъ, по разсмотрѣнію своему, назначитъ Правительство; прочіихъ-же размѣстить по казеннымъ и владѣльчскимъ селеніямъ, дозволивъ тѣмъ и другимъ заниматься хлѣбопашествомъ, брать въ закладъ и въ аренды имѣнія, и притомъ, яко вольнымъ людямъ, оставить свободу перемѣнять по велѣ ихъ мѣстопробываніе. Маршалы считаютъ также нужнымъ уничтожить еврейскій уборъ и ввести между ними одѣяніе такой формы, какой прочіе обыватели употребляютъ, поелику нынѣшнее еврейское платье сверхъ того, что для недостаточныхъ чрезвычайно убыточно, по неопрятности евреевъ внушаетъ къ нимъ сильное отвращеніе, и тѣмъ пресѣкаетъ сообщество съ ними прочіихъ согражданъ. Толь видимое различіе въ образѣ одѣянія, жизни, упражненіи, и несогласность въ нравственности евреевъ съ прочими обитателями христіанскаго исповѣданія, сколь безполезны, столь и вредны суть, по мнѣнію маршаловъ, какъ для ихъ собственнаго, такъ и для другаго общества. Они, отдѣляясь совсѣмъ отъ прочіихъ жителей и составляя особый народъ, имѣютъ свое собственное правленіе, подъ именемъ духовнаго, не имѣющее почти никакого отношенія къ главному гражданскому правительству. Сіе начальство ихъ, которое они сами себѣ избираютъ, подъ именемъ синагоговъ и кагаловъ, не только присвоиваетъ себѣ духовную власть, но вмѣшивается также во все гражданскія и до полиціи касающіяся дѣла; и, такимъ образомъ, держа въ полномъ управленіи евреевъ, нерѣдко оставляютъ распоряженія и постановленія правительства безъ дѣйствія, ежели токмо предвидятъ, что противны они ихъ властолюбію. Таковые ка-

галы, составляемыя изъ достаточнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ и прворнѣйшихъ людей, подъ разными предлогами богоугд-ныхъ намѣреній, непрерывными налогами угнетая подчинив-шійся имъ и въ невѣжествѣ погруженный народъ, не только дѣлають ему во всемъ поблажку, но, по корыстнымъ видамъ своимъ, стараются даже скрывать всѣ ихъ неповоленные по-ступки, дабы подать ему новые способы къ нажиткамъ и при-вести его чрезъ то въ состояніе къ оплатѣ кагалныхъ нало-говъ. Сколь скоро сей родъ людей, составляющій по сіе время совсѣмъ отдѣльное общество, посредствомъ перемѣны одѣянія и уничтоженія кагаловъ соединится съ прочими жителями, тогда, по мнѣнію маршаловъ, не будетъ онъ бесполезенъ об-ществу, поелику принужденъ будетъ оставить праздность и всѣ тѣ пороки, въ которые самое ихъ начальство погружаетъ. На сей конецъ маршалы полагають оставить евреямъ только духовный судъ для разбирательства токмо до религіи касаю-щихся и совѣстныхъ дѣлъ, а самихъ ихъ, раздѣливъ на классы, какъ-то, на купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, каж-дый классъ подчинить своему начальству, до какого какой при-надлежитъ.

II. О духовенствѣ.

«Для охраненія земледѣльцевъ отъ всѣхъ неправитель-ныхъ поборовъ и вымогательствъ, маршалы не оставили обра-тить вниманіе свое и на духовныхъ по парафіямъ отправля-ющихъ богослуженіе.

«По ближнему-ли положенію нѣкоторыхъ парафій отъ мѣсто-пробыванія епископовъ, а потому отъ лучшаго-ли за ними начальничьяго надзору, или отъ другой какой либо причины то происходитъ, что не всѣ вообще повѣты жалуются на вы-могательство и отягощеніе духовныхъ, и какъ нѣтъ здѣсь ни-какого постановленія въ разсужденіи платежа за вѣнчаніе, похороны, крещеніе и другія церковныя требы, священниками отправляемыя, то и желаютъ всѣ вообще здѣшніе жители, чтобы цѣны, указомъ 1765 года положенныя, введены были и въ Литовскую губернію; не возбраня однакожъ никому платить добровольно и гораздо больше, а особливо, ежели-бы

кому вздумалось отправить какой либо церковный обрядъ гораздо великолѣпнѣе.»

III. О крестьянахъ.

«Какъ для приведенія въ лучшее состояніе въ здѣшнемъ краю хозяйственной части доставленіемъ возможныхъ выгодъ крестьянамъ и поощреніемъ ихъ къ трудолюбію, недовольно одно то, чтобъ охранить ихъ отъ всѣхъ обмановъ евреевъ и вымогательствъ духовныхъ, маршалы полагаютъ также необходимо нужнымъ, предоставить крестьянамъ полную свободу обывать самимъ избытки своихъ продуктовъ. Крестьяне, ощутивъ пользу отъ трудовъ своихъ, безъ сомнѣнія будутъ гораздо дѣятельнѣе и прилежнѣе; но дабы сіе не было обращено во зло, то есть, чтобы и крестьянинъ, пользуясь сею свободою, не вздумалъ уклониться отъ надзору за нимъ владѣльда его, и притомъ дабы худой хозяинъ не могъ продавать всѣхъ продуктовъ своихъ, не оставляя нужное оныхъ количество на собственное свое содержаніе, или чтобы не могъ растратить вырученныхъ имъ денегъ и чрезъ то впасть въ нищету, маршалы необходимо нужнымъ полагаютъ предоставить владѣльцамъ прежнюю власть надъ своими крестьянами, наблюдать за ихъ поступками, поелику благосостояніе крестьянина дѣлаетъ важноточнымъ и помѣщика, имѣющаго обязанность въ случаѣ нужды доставлять крестьянину своему всякое потребное вспомоствованіе и даже прокормленіе.

«Выдѣлъ крестьянамъ земли и лѣсовъ, каждому по соразмѣрной части, предполагаемый маршалами Минской губерніи, здѣшніе маршалы находятъ совсѣмъ неудобноисполнимымъ. Они говорятъ, что всякій владѣлецъ отдѣляетъ крестьянину своему часть земли и лѣсу, смотря на обширность своего имѣнія, его выгоды и на силы крестьянина, поелжу владѣлецъ при раздѣлѣ между крестьянами земли сообразуется съ числомъ людей, съ удобностію помѣстья, въ одномъ или во многихъ мѣстахъ лежащаго, и собственная польза заставляеть его удовлетворять всѣмъ нуждамъ крестьянъ своихъ, то и не считаютъ маршалы за нужное на таковой случай устанавливать особеннаго права, которое ничего-бы болѣе не произвело, какъ

только взаимныя между помѣщикомъ и крестьянами неудовольствія и жалобы. Напротивъ того, маршалы желаютъ уничтожить всякое между крестьянами неравенство и раздѣленіе ихъ на классы.

«Въ Польшѣ раздѣлялись крестьяне на два рода: одни вольные, переходящіе съ мѣста на мѣсто, а другіе, принадлежащіе всегда къ одному имѣнію. Въ сихъ двухъ родахъ заключаются еще другіе классы, какъ-то тяглые, исправляющіе господскія работы, земляны, бояре, арендари и шинкари. Происхожденіе сихъ послѣднихъ есть двоякое: во первыхъ, крестьяне приходя изъ заграницы или переходя отъ одного помѣщика къ другому, при поселеніи на новомъ мѣстѣ, дѣлали сколько возможно лучшія для себя условія, утверждая ихъ контрактами; во вторыхъ, въ большихъ помѣстьяхъ, крестьяне, желая нѣкоторымъ образомъ избавиться изъ подъ надзору своего помѣщика, чрезъ подкупъ экономовъ, получали привилегіи бояровъ, земляновъ или чиновниковъ, и сямъ способомъ сдѣлавшись нѣсколько отличнѣйшими, стали презирать равныхъ себѣ, работая столько, чтобы удовлетворить только необходимымъ нуждамъ своимъ и уплатить господину небольшую подать, между тѣмъ какъ земля, которая могла-бы ими быть обрабатываема, остается въ запущеніи. Такимъ образомъ одинъ классъ, не будучи понуждаемъ къ работѣ, препровождаетъ время въ празности, и, истративъ все свое стяжаніе, дѣлается совсѣмъ бесполезнымъ; а другой, будучи презираемъ, унижаемъ и притѣсняемъ отъ перваго, не въ состояніи одинъ обрабатывать землю, не имѣя отъ онаго вспомошествованія. Въ отвращеніе сего, надлежитъ истребить всякое между крестьянами неравенство, предоставляя владѣльцу свободу, вмѣсто денежныхъ съ крестьянъ сборовъ, заставляя ихъ въ извѣстные дни исправлять господскую работу, ежели-бы находилъ онъ то нужнымъ для обрабатыванія земли и умноженія продуктовъ. По мнѣнію маршаловъ, не мало крестьянъ отягощаются партикулярными въ торговыхъ мѣстечкахъ акцизами и сборами отъ мостовъ и плотинъ, никакимъ правомъ не утвержденными и введенными однимъ только обыкновеніемъ, почему и желаютъ они, чтобы таковыя сборы во всѣхъ мѣстахъ были уничтожены.»

IV. О лѣсахъ.

«При исправленіи хозяйственной части важнымъ предметомъ должны быть лѣса, о которыхъ Литовскіе маршалы разныя полагають мнѣнія. Въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, всѣ обыватели равно имъ пользуются; въ безлѣсныхъ же мѣстахъ, гдѣ хозяинъ принужденъ на домашнія надобности покупать его за нѣсколько миль, безъ сомнѣнія, всякое о лѣсахъ поставленіе совѣмъ бесполезно; а потому, выдѣлъ известной для каждаго крестьянина части, по мнѣнію маршаловъ здѣшной губерніи, не принесетъ ни малѣйшей существенной пользы. Они желаютъ только, чтобы въ случаѣ пожаровъ одинъ другому помогали, и чтобы тотъ, кто причинилъ пожаръ умышленно или чрезъ оплошность, подлежалъ наказанію, въ правѣ статутномъ назначенному. Наконецъ, замѣчаютъ маршалы, что сбереженію лѣсовъ, порядочному ихъ раздѣленію на кварталы, весьма много препятствуетъ ненавѣстность границъ между имѣніями обывательскими; почему и просятъ, какъ для сей причины, такъ и для прекращенія, вкоренившихся по сей части, споровъ и волокиты, производящихся по онымъ, дѣль, изыскать средства къ произведенію генеральнаго разграниченія.»

V. О контрактахъ.

«Хотя отдача имѣній на аренду, или въ закладъ, на нѣсколько лѣтъ и запрещеніе заключенія годовыхъ контрактовъ имѣють свои выгоды, но нѣкоторыя обстоятельства были поводомъ къ различнымъ о томъ мнѣніямъ: Маршалы представляютъ, что запрещеніе годовыхъ контрактовъ противно дворянской вольности въ распоряженіи и содержаніи своихъ имѣній по своей волѣ; что дѣла и нужды не у всѣхъ одинаковы, почему и не могутъ соображаться известнымъ общимъ правиламъ. Часто случается, что владѣлецъ для поправленія своихъ обстоятельствъ имѣетъ нужду въ такой токмо суммѣ, которая составляетъ годовой доходъ съ имѣнія его, а потому и отдавать его въ аренду болѣе нежели на годъ нѣтъ ему никакой надобности; равноѣрно иной и арендаторъ не имѣетъ нужды взять имѣніе болѣе, какъ токмо на одинъ годъ. Въ

такомъ случаѣ, вводимое вновь, постановленіе о крестьянахъ, вмѣсто желаемой пользы, приносило бы обывателямъ вредъ, лишая ихъ взаимной между собою помощи. Ежели добрый временной арендаторъ въ теченіе года не можетъ сдѣлать въ имѣніи много добра, то за то и худой не имѣетъ способу причинять въ толь короткое время дальнѣйшаго вреда. Сверхъ того, такъ какъ мало само по себѣ случается, чтобы имѣнія въ аренду выпускаемы были на годъ, то маршалы и не считаютъ нужнымъ сіе запрещать, поелику обыватели потерпѣли бы чрезъ то нѣкоторое утѣсеніе; а полагаютъ предоставить имъ полную свободу въ отдачѣ имѣній ихъ въ аренду на произвольные сроки, они желаютъ токмо, чтобы претензіи, между помѣщиками и арендаторами происходящія, предоставляемы были разбирательству полкововнаго суда, который долженъ предъ истеченіемъ срока владѣнію разрѣшать всѣ случающіеся споры.»

IV. Особенныя статьи.

«Сверхъ вышеобъясненныхъ [имѣній, маршалы Литовской губерніи представляютъ еще нѣкоторые другіе способы, могущіе послужить къ поправленію хозяйственной части въ здѣшнемъ краю.

«Во первыхъ, полагаютъ они необходимымъ генеральное разграниченіе всѣхъ помѣщичьихъ земель, поелику всѣ вообще неизвѣстны о границахъ своихъ имѣній, отчего они занимаются токмо безпрестанными распрями; по сей же самой причинѣ немалая часть земли остается не обработанною, а есть ли она иногда и засѣвается, то, чрезъ взаимныя притязанія, засѣвы тѣ остаются въ тунѣ. Равномѣрно опустошаются и лѣса, ибо въ спорныхъ мѣстахъ обыкновенно всякій безъ малѣйшей нужды рубить дерево, которое, оставляемо будучи безъ употребленія, портится и наконецъ гниетъ. Во вторыхъ, просятъ маршалы, чтобы по недостатку здѣсь желѣза разрѣшено было привозить его изъ заграницы. Правда, не всѣ повѣты терпятъ одинаково недостатокъ въ желѣзѣ; прилегающіе къ Рягѣ и къ судоходнымъ рѣкамъ, къ тому городу текущимъ, могутъ легко снабжать себя оттоль желѣзомъ, но тѣ,

которые лежатъ въ отдаленности, какъ-то: Бржестскій, Пружанскій, Кобринскій, Новогрудскій, Волковыскій и Гродненскій, которые верстъ за 300 и болѣе должны сухимъ путемъ доставлять себѣ сей металлъ, терпятъ немалое отягощеніе и крайне въ немъ нуждаются, отчего приходится въ упадокъ хлѣбонашество, заводы и фабрики, которые безъ желѣза существовать не могутъ.»

«Представляя на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату мнѣнія маршаловъ о приведеніи въ лучшее состояніе хозяйственной части въ Литовской губерніи,—говоритъ губернаторъ Фризель,—долгомъ моимъ поставлю по мѣрѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя успѣлъ я приобрести о здѣшнемъ краѣ, въ которомъ образъ и способъ хозяйствованія совсѣмъ отличны отъ другихъ Имперіи Россійской губерній, присовокупить къ мнѣніямъ маршаловъ мои замѣчанія:

Касательно 1-го пункта, т. е. *О евреяхъ.*

Неизвѣстно когда точно народъ сей поселился въ Польшу; по свидѣтельству древнихъ здѣшнихъ правъ, находится онъ здѣсь болѣе 500 лѣтъ. Образъ жизни, одѣяніе и обыкновенія удостовѣряютъ только въ томъ, что откуда бы они сюда ни пришли, ни въ чемъ не отмѣнились отъ предковъ своихъ, разсѣянныхъ въ Азіи. По изгнаніи ли изъ Испаніи переселились они чрезъ нѣмецкія земли въ Польшу, или пришли прямо изъ Азіи чрезъ Грецію, неизвѣстно; токмо то достовѣрно, что народъ сей, который ни подъ какою державою не былъ надлежащимъ образомъ просвѣщенъ, ввелъ сюда съ собою и сохранилъ даже донинѣ азіятскую лѣность, присоединя къ ней отвратительную неопрятность. Прѣжнее Польское правительство не только равнодушно взирало на размноженіе здѣсь евреевъ, но нерѣдко даже случалось, что они снискивали себѣ у Королей благоволенія и получали знатныя привилегіи, равняющіяся почти шляхетскимъ. По силѣ таковыхъ привилегій, всякій еврей есть вольный, никому и ни по какому праву не принадлежащій, можетъ заниматься, безъ исключенія, всякимъ ремесломъ и промысломъ; судится по правамъ шляхетскимъ, и быть даже шляхтичемъ по переkre-

щеніи въ христіанскую вѣру (что послѣ, однако-жъ, отмѣнено). Словомъ, пользоваться во всемъ полною свободою, хотя нѣсколько ограниченнѣе шляхтичей, но несравненно преимущественнѣе противъ прочихъ обывателей.

Получая столько выгодъ, евреи размножились здѣсь до чрезмѣрности; составили, нѣкоторымъ образомъ, совсѣмъ особенный народъ, и не подвергались никакимъ перемѣнамъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ въ здѣшнемъ краѣ происшедшимъ. Съ одной стороны, по врожденной гнѣности, съ другой, по снисхожденію правительства, удалялись евреи отъ работъ обыкновенныхъ въ такой части свѣта, которой обитатели съ великимъ трудомъ и въ потѣ снискиваютъ себѣ пропитаніе и нужныя въ жизни выгоды. Они взялись за легчайшій промыслъ: начали употреблять обманъ для приобрѣтенія нужнаго къ не дешевому содержанію жизни ихъ. Первое ихъ упражненіе было мелочной торгъ, легкія рукодѣлія, о усовершенствованіи которыхъ никогда не прилагали старанія; обороты денежные, прислуги христіанамъ (факторство) и содержаніе на арендѣ шинковъ. Сямъ способомъ, собравши большую часть въ государствѣ денегъ, сдѣлались они, нѣкоторымъ образомъ, ему нужныими, учредили особенное свое правленіе, подъ именемъ синагоговъ, караловъ и другихъ обществъ, и, такимъ образомъ, совершенно отдѣлились отъ того народа и правительства, подъ которымъ жительствоваали. Таковое ихъ отдѣленіе было причиною, что они учинились свободны отъ всѣхъ внутреннихъ постановленій, коими управляются разнаго состоянія люди; и ежели какія и были учреждаемы особенно для жидовъ, то всегда оставались безъ всякаго исполненія и пользы, поелику власти ихъ духовныя и свѣтскія всегда тому противоборствовали, находя къ сему чрезъ разные обороты вѣрные способы.

Руководствуясь постановленіями древняго ихъ закона и нелѣпыми толкованіями ученыхъ ихъ рабиновъ и патриарховъ, неизвѣстно по какимъ правамъ дѣлають старшины ихъ свои особенныя распоряженія относительно наслѣдствъ, воспитанія, нравственности и междусобной полиціи. Сверхъ того, они столько взяли власти и такое возымѣли вліяніе надъ простымъ исповѣданія ихъ народомъ, что сіи принуждены въ покорности,

безъ роптанія и въ глубочайшемъ молчаніи нести ихъ тяжкіе налоги, обращаемые старшинами въ свою лишь пользу. Народъ же, устрашенъ будучи ихъ проклятіями, не смѣетъ обнаружитъ чрезмѣрнаго и несправедливаго ихъ отягощенія.

Для достиженія неограниченной власти надъ народомъ и утвержденія ея, старшины стараются удерживать въ немъ невѣжество, суевѣріе и фанатизмъ. Чтобы имѣть надежный предлогъ грабительствовать, ввели они общества, подъ названіемъ кагаловъ и прикагалковъ, для собиранія якобы казенныхъ податей, которыя они самовольно на все общество налагаютъ безъ малѣйшаго уравниенія. Проклятія же, которыхъ народъ безмѣрно страшится, и всякія другія подъ покровомъ религіи въ тайнѣ содержимыя обязательства, втунѣ оставляютъ всѣ напряженія и старанія правительства узнать совершенно внутреннія ихъ распоряженія и принять надлежащія мѣры къ пресѣченію злоупотребленій между ними.

Чтобы положить конецъ такому неустройству въ еврейскомъ народѣ, пресѣчь грабительства старшинъ, предохранить простыхъ евреевъ отъ угнетенія, и привести сей народъ съ полезное для государства положеніе, нужно необходимо сдѣлать общую въ немъ реформу.

Разсматривая сей предметъ, можно подѣлить его на три раздѣла: *Первый*, о законѣ и власти духовной и свѣтской, равномѣрно о соотношеніяхъ тѣхъ властей съ главнымъ правительствомъ. *Второй*, о способѣ пропитанія евреевъ. *Третій*, о средствахъ, какія показываются нужными къ приведенію народа сего въ надлежащее устройство:

I.

«Законъ еврейскій, терпимый въ Польшѣ, былъ всегда безъ всякаго въ здѣшнемъ краю уваженія. Евреи, оставленные отъ правительства самимъ себѣ, занимались толкованіемъ разныхъ мѣстъ священнаго своего писанія. Отъ сего размножились въ еврейскомъ народѣ секты, явились обманщики — чародѣи, которые, вымогая у легковѣрной черни деньги, привели ихъ въ убожество со вредомъ государства.

Между тѣмъ, какъ въ другихъ державахъ, правительства,

подчиня евреевъ подъ свои правила и права, старались приводить ихъ въ порядочное состояніе и сдѣлать ихъ чрезъ то, какъ имъ самимъ, такъ и самому тому мѣсту, гдѣ они жительства, полезными, или, въ противномъ случаѣ, изгоняли ихъ совсѣмъ, Польша, оставя ихъ безъ всякаго вниманія, привлекла къ себѣ чрезмѣрное множество сего народа, который нашелъ здѣсь для себя другой земной рай. Итакъ, не будучи никѣмъ управляемы, сами, безъ всякаго разчисленія, раздѣлились на кагалы и прикагалки, разсѣясь по всему здѣшнему краю. Хотя кажется, что порядокъ и старшинство издревле у нихъ ведутся, однакожь, они не наблюдаютъ ни того, ни другого, отъ чего происходитъ, что каждое общество управляется само собою отдѣльно отъ прочихъ, не имѣя ни власти надъ другими, ниже будучи ему подчиненнымъ, но каждое предоставлено собственной своей волѣ. Сіе подало поводъ обманщикамъ, подъ названіемъ у нихъ патріарховъ, или посланниковъ Божіихъ, разглашать новыя правила вѣры, распространять разныя секты, дѣлать странныя объявленія и различными толкованіями трудныхъ къ понятію статей истиннаго ихъ закона вводить новости, которыхъ одни, убѣгая, а другіе, принимая, занимались токмо между собою злобными распрями, приводя одинъ другого чрезъ разныя интриги въ совершенное раззореніе.

Разсматривая такимъ образомъ евреевъ, нельзя сказать, чтобы всякій, кто только носить еврейское платье и не приступаетъ къ вѣрѣ христіанской, былъ одного исповѣданія. Вообще, однакожь, въ каждой парафіи долженъ быть, по общимъ правиламъ, одинъ рабинъ, котораго утверждаетъ владѣлецъ того мѣста, одинъ подрабинокъ, пятнадцать кагалныхъ и двѣнадцать духовныхъ судей, всѣхъ сихъ избираетъ общество чрезъ пять електоровъ, или избранныхъ.

Рабинъ есть глава цѣлаго общества, предсѣдаетъ въ духовномъ судѣ и разрѣшаетъ недоумѣнія или сомнѣнія въ духовныхъ матеріяхъ.

Подрабинокъ принадлежитъ единственно до кошировъ, то есть, къ разсматриванію съѣстныхъ припасовъ и питей, годныли они по правиламъ закона къ безгрѣшному употребленію.

Духовный судъ, обще съ рабиномъ, судить духовныя дѣла,

касающіяся до совѣсти и разводовъ, судить также дѣла денежныя о приданыхъ и наслѣдствахъ.

Кагалъ самъ, или выбранныя отъ него особы, управляютъ экономіею цѣлаго общества, имѣютъ въ вѣдомствѣ своемъ доходы и расходы, налагаютъ или уменьшаютъ сборы, собираютъ казенныя подати и вносятъ ихъ въ казну, и, наконецъ, наблюдаютъ за наружнымъ порядкомъ въ ихъ обществѣ.

Син четыре власти, сопряженныя между собою тѣсными узами, имѣя все въ своей силѣ и располагая даже самую совѣстію евреевъ, владычествуютъ надъ ними совѣсмъ отдѣленно, безъ всякаго отношенія къ гражданскому начальству. Употребляемый ими еврейскій испорченный языкъ, для христіанъ совершенно непонятный, укрываетъ ихъ отъ вора правительства; клятвы-же, извѣстныя подъ названіемъ херимовъ, которыми угрожаютъ они всякаго еврея, дабы никто не дернулъ обнаружить ихъ поступковъ, удерживаютъ народъ въ совершенномъ порабощеніи.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, старшины стараются всѣми мѣрами удержать власть свою надъ народомъ, сокрывая отъ правительства беззаконные поступки свои; а съ другой, народъ, содержимый въ страхѣ и невѣжествѣ, не имѣя способа избавиться отъ такового угнетенія, безъ всякой нравственности, *безъ благороднаго честолюбія, безъ воспитанія*, пускается во всѣ бездѣльства, дабы токмо снискать, чѣмъ оплатить подати, старшинами налагаемыя, которые изъ собственной корысти, не токмо оказываютъ имъ послабленіе и укрываютъ ихъ преступленія, но дѣлаютъ имъ даже разрѣшенія въ наносимыхъ ими христіанамъ обидахъ. Отъ сего происходитъ, что безчисленныя злодѣянія, сокрыты будучи отъ правительства, остаются безъ наказанія; поелику ежели иногда преступники между ними изобличаются, то судятся они въ ихъ собственномъ судилищѣ. При семъ не могу не упомянуть о явномъ и великомъ злоупотребленіи, которое часто и наистрожайше было запрещаемо, но и по нынѣ со всеобщимъ вредомъ существуетъ. Я говорю о Хазакахъ и Меруфіяхъ. Ежели кто либо изъ евреевъ живетъ у христіанина въ домѣ, имѣетъ какой либо съ нимъ контрактъ, работаетъ на него, или въ другой какой либо выгодной для себя связи съ нимъ состоитъ, въ такомъ случаѣ

имѣть право, по мѣрѣ получаемаго имъ отъ того прибытка, внести въ кагалъ въ пользу онаго известное количество денегъ, а сей даетъ ему казакъ или меруфійю, въ силу котораго ни одинъ еврей не можетъ касаться, предоставленнаго тѣмъ казакомъ оному, права, въ противномъ случаѣ подвергается клятвѣ и денежному взысканію. Между казакомъ и меруфійю нѣтъ инаго различія, какъ только, что первый дается въ важнѣйшихъ, а послѣднее въ маловажныхъ дѣлахъ. Сіе обыкновеніе, которое дѣйствительно есть не иное что, какъ монополія, приноситъ пользу однимъ токмо старшинамъ и приводитъ въ нищету и прочихъ евреевъ, которые, взаимно другъ друга перекупая, безъ сомнѣнія должны обнищать, да и самые обыватели терять отъ того не малый ущербъ, ибо продаетъ-ли кто, или отдаетъ что въ откупъ, или въ наймы, то полезнѣе для него гораздо, когда собирается охотниковъ на оное болѣе, и торгуя одинъ предъ другимъ наддаютъ, казакомъ-же дается право на что либо токмо одному, такъ что кто на какую вещь получилъ казакъ, то другой еврей не осмѣлится уже ее и торговать. Сколь ни строго запрещены были прежде и нынѣ сіи казаки, однакожь они по сіе время существуютъ, поелику производятся они въ тайнѣ, подъ клятвами. Сіе можетъ служить доказательствомъ, что постановленія правительства остаются у евреевъ безъ дѣйствія.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ связь духовной и гражданской власти еврейской и совершенную отдѣленность ихъ отъ правительства, удостовѣриться можно, что нельзя оставить оныхъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи; и какъ народъ сей не имѣетъ совсѣмъ никакого воспитанія, ни правилъ нравственности, на которыхъ основывается всякое общество, то нѣтъ ничего для нихъ вреднѣе, какъ оставить обороты, связи и скрытыя нынѣ дѣйствія сего народа безъ надзору.

Извѣстно всѣмъ, сколь много споспѣшествуетъ къ общему благоденствію внушать заблаговременно въ молодыхъ людяхъ благонравіе, честность, добрую совѣсть и любовь къ порядку, и спокойствію; ибо кто приобыкнетъ къ симъ добродѣтелямъ, тотъ будетъ исполнять и всѣ прочія обязанности гражданина, а исполненіе всякимъ своей обязанности производитъ согласіе въ обществѣ и исполненіе законовъ, отчего порядокъ во всѣхъ

частяхъ зависить. Еврейское-же юношество совѣмъ къ тому не приучается: *Науки ихъ*, преподаваемые учителями, кагалами содержимыми, *ограничиваются на чтаньи и писаньи*; а обязанности, какія люди взаимно другъ къ другу имѣють, имъ совѣмъ ненавѣстны. Ежели-же кто изъ нихъ по особой склонности просвѣтится чтаніемъ и получить имя ученаго, тотъ оставленъ будучи самому себѣ, ни въ какія общественныя обязанности не вступаетъ, проводитъ жизнь свою пустынночелски, держа себя милостынею и кончить ее безъ всякой пользы для общества.

Наконецъ, кромѣ обрядовъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ предписанныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся единственно до извѣстнаго мѣстоположенія, въ здѣшнемъ-же краю отнюдь не нужны, старшины вымышляютъ и вводятъ еще другіе, для одинаго вынужденія у общества своихъ денегъ и обогащенія себя, поелику ничего у нихъ не дѣлается безъ особенной платы. Таково есть духовное и свѣтское правленіе здѣшняго еврейскаго народа.

Тенерь рассмотримъ, чѣмъ они занимаются и чѣмъ снискиваютъ себѣ пропитаніе».

II.

«Евреевъ раздѣлить можно на 4 класса: I, на купцовъ; II, ремесленниковъ; III, шинкарей или корчмарей; къ IV классу принадлежать всѣ тѣ, кои не состоятъ въ первыхъ трехъ классахъ. Сіи послѣдніе снискиваютъ себѣ пропитаніе разнаго рода промысломъ, наиболѣе на обманѣ основанномъ.

I. Заграничная торговля здѣшнихъ евреевъ вообще довольно знатна. Вѣдомость о купцахъ показываетъ число торгующихъ за границей домовъ. Сей полезнѣйшій классъ евреевъ можетъ быть терпимъ, поелику таковые люди, стараясь о собственной своей пользѣ, доставляютъ и обществу выгоды; но весьма немного есть такихъ, которые бы произволили торговлю собственнымъ своимъ капиталомъ; большая-же часть изъ нихъ берутъ за границую товары на кредитъ, или заимствуютъ здѣсь капиталы, и, входя въ долги, объявляютъ себя послѣ банкротами.

II. Въ здѣшнихъ городахъ, а паче въ мѣстечкахъ, большая часть ремесленниковъ суть евреи. Рукодѣлія, коими они наиболѣе занимаются, суть тѣ, которыя меньше требуютъ силы и трудовъ, какъ-то портное, сапожное, золотыхъ дѣлъ мастерство, рѣзба на камнѣ и на металлахъ и другія легкія; тѣ-же ремесла, которыя тяжелы, какъ то: кузнечное, плотническое, слесарное, столярное, каменнаго дѣла, горшечное, кожевенное и тому подобное, между евреями неупотребительны. Учась какому нибудь ремеслу, они никогда науки своей не оканчиваютъ, едва только начинаютъ сами какъ нибудь работать, тотчасъ дѣлаются мастерами и заводятся своими хозяйствами. Причиною сему можно положить то, что евреи весьма рано женятся, такъ что нерѣдко случается на седьмомъ году и ранѣе, равнобѣрно и то, что совершенно отъ христіанъ устраняются, никогда не учатся у нихъ, ничего не заимствуютъ, и даже не наблюдаютъ общія о ремеслахъ правила. Ремесленники закона христіанскаго имѣютъ свои цехи, старшинъ и извѣстныя правила для полученія званія мастера; пріобрѣтаютъ таковое званіе не прежде, какъ по упражненіи нѣсколько лѣтъ въ ремеслѣ, и по надлежащемъ испытаніи. Евреи-же, учась у неискусныхъ, никогда до совершенства не доходятъ, и едва только пріобрѣтутъ навыкъ какъ нибудь работать, дѣлаются тотчасъ мастерами, не знавъ отнюдь ремесла, которое избираютъ къ снисканію себѣ пропитанія.

III. Третій классъ евреевъ, составляющій шинкарей, есть гораздо многочисленнѣе двухъ первыхъ. Вредъ, проистекающій отъ шинкарства, евреями производимаго, достаточно объясненъ въ мнѣніяхъ маршаловъ Минской губерніи. Всѣ здѣшніе города, мѣстечки, деревни и корчмы населены жидами, которые упражняются токмо въ выкуриваніи и продажѣ вина. Вредя очевидно крестьянамъ, не меньшій причиняютъ они вредъ и ремесленникамъ, обольщая ихъ кредитомъ и угождая имъ взятіемъ отъ нихъ въ закладъ всякихъ вещей, содержать они ихъ въ непрерывной зависимости, такъ, что кто вошелъ разъ къ нимъ въ долги, тотъ никогда почти не можетъ отъ нихъ освободиться. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи, всякій домъ почти есть шинокъ; и какъ неопрятность и нечистота суть общія свойства сего народа, то отъ сего проис-

ходить, что мѣстечки, жидами населенныя, вмѣщающія въ себѣ столько-же шинковъ, какъ домовъ, представляютъ видъ безпечности, запустѣнія и нищеты; корчмы, на дорогахъ стоящія, вмѣсто того чтобъ доставлять выгоды проѣзжающимъ, служатъ часто вертепомъ разбойниковъ. Рѣдко можно въ нихъ найти то, что нужно для проѣзжающаго: Кромѣ горячаго вина, употребляемаго токмо чернью, ничего не держатъ. И такъ, кромѣ пустыхъ стѣнъ, дыму и смраду, проѣзжающій ничего въ постоялыхъ домахъ найти не можетъ.

Сей-же классъ людей, многочисленнѣйшій прочихъ, привлекаетъ на себя прежде всѣхъ вниманіе правительства. Въ корчмахъ по деревнямъ, равно какъ и въ шинкахъ по мѣстечкамъ, мушны никогда не занимаютъ шинкарствомъ. Ихъ жены управляютъ сію обязанность. Сами-же хозяева выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе. Ежели-бы промыслы сіи были честныя, то нельзя-бы имъ было дѣлать малѣйшаго нареканія, но какъ шинкаръ не упражняется ни въ хлѣбопашествѣ, ни въ ремеслѣ какомъ, или торговлѣ, то само по себѣ слѣдуетъ, что средства, употребляемыя ими къ дополненію домашняго недостатка, суть не позволительныя и, безъ сомнѣнія, во вреду ближняго служащія, а потому правительствомъ не могутъ быть терпимы.

IV. Всѣ тѣ евреи, которые не принадлежатъ къ симъ тремъ классамъ, помѣщаются въ послѣднемъ и вреднѣйшемъ.

Не нужно распространяться о слѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ размноженія людей правдныхъ. Тунеядцевъ бываетъ болѣе, обыкновенно, въ знатнѣйшихъ мѣстахъ, нежели въ малыхъ мѣстечкахъ. Правдолюбцы между прочими евреями, находясь въ сообществѣ съ прочими и скрываясь отъ правительства вышеизъясненнымъ способомъ, не только вредны обществу, но, сверхъ того, обременяютъ достаточнѣйшихъ евреевъ, поелику сіи принуждены нести за нихъ всѣ общественныя тягости. Единственный способъ пропитанія сихъ тунеядцевъ основанъ на индустріи обманывать всякими способами прѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ и дѣлать разныя прислуги какъ богатѣйшимъ христіанамъ, такъ и единовѣрцамъ своимъ.

Въ таковыхъ случаяхъ употребляютъ они всю свою про-

зорливость и удивительное проворство для полученія двойной пользы, то-есть, отъ того кому они прислуживаютъ и отъ того съ кѣмъ они со стороны онаго имѣютъ дѣло. Сей родъ жизни у евреевъ называется здѣсь факторствомъ. Человѣкъ, не имѣющій надежнаго способа къ пропитанію себя съ семействомъ, безъ сомнѣнія, легко можетъ на себя принять всякое обязательство, согласится выполнить всякое требованіе, лишь-бы только усмотрѣлъ для себя отъ того извѣстную выгоду. Изъ сего явствуетъ, что евреи могутъ быть, и, дѣйствительно, суть удобнѣйшимъ орудіемъ къ выполненію скрытнымъ образомъ всякихъ бездѣльствъ и злодѣйскихъ предпріятій. Въ истинѣ сего удостовѣриться можно изъ уголовныхъ дѣлъ, изъ которыхъ нѣтъ почти ни одного, въ которомъ-бы не былъ участникомъ кто-либо изъ евреевъ; равнымъ образомъ, не встрѣчалось почти случая, чтобы когда либо еврей донесъ на другого еврея, что онъ обманулъ, укралъ, убилъ или другое какое подобное преступленіе учинилъ. Къ правднымъ причислить можно также и тѣхъ евреевъ, которые упражняются токмо въ мѣняніи монеты: иные изъ нихъ, не имѣя другого способа пропитанія, тѣмъ токмо и содержатся. Переѣзжая съ одного мѣста на другое, они мѣняютъ деньги и отъ неравнаго монеты курса снискиваютъ себѣ прибыли. Они, собирая новыя заграничныя деньги, ихъ обрѣзываютъ, чрезъ что уменьшаютъ ихъ достоинство; вывозятъ также здѣшнія за границу, не взирая на всѣ принятыя противу того предосторожности. Словомъ, они вдаются во всѣ бездѣльства, коихъ здѣсь исчислить нельзя и нѣтъ возможности ихъ прекратить безъ общаго поправленія евреевъ.

Таково есть нынѣшнее состояніе здѣшнихъ евреевъ. Объясня оное въ кратцѣ, приступаю представить къ разсмотрѣнію средства преобразовать ихъ».

III.

«Образованіе еврейскаго народа должно начать съ религіи, яко главнѣйшаго предмета, отъ котораго все прочее зависитъ. Исповѣданіе еврейское, не будучи противно государственнымъ узаконеніямъ, терпимо въ Россійской Имперіи наравнѣ съ

прочими, и поелику всё вѣры одну имѣють цѣль, и ни одна духовная власть не можетъ предпринять того, чтобы было предосудительно для правительства, то, безъ сомнѣнія, не должны исключены быть изъ того и евреи; и правительство не можетъ взирать равнодушнымъ окомъ на поступки духовной ихъ власти, сопряженной тѣсными узами съ свѣтскою. Почему и нужно:

1-е. Разсмотрѣть и изслѣдовать, въ чемъ состоитъ настоящая ихъ вѣра, искоренить всё секты, суевѣріе, запретить настрого вводить новости, которыми обманщики, обольщая чернь, погружаютъ ее въ большее невѣжество и вымогаютъ у нихъ послѣднее ихъ имущество, снисканное трудами или также обманомъ.

2-е. Установить, чтобы духовная власть въ цѣлой Имперіи была одна, какъ и въ прочихъ исповѣданіяхъ.

3-е. Чтобы не могла она чинить ничего противнаго постановленіямъ и предписаніямъ главнаго правительства.

4-е. Для достиженія сего надлежитъ учредить, чтобы начальство еврейское производило всё дѣла на польскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, назначенъ былъ особый надзоръ, дабы власть духовная не могла присвоивать себѣ дѣлъ не принадлежащихъ.

5-е. Поелику мало случается дѣлъ, относящихся до разсмотрѣнія духовной власти, то достаточно кажется для цѣлой губерніи одного духовнаго суда.

6-е. Невѣжество евреевъ и безпорядочную ихъ жизнь не другому чему приписать можно, какъ токмо, что не дають они дѣтямъ надлежащаго воспитанія. Правительство, приступая къ образованію народа сего, долженствуетъ, во первыхъ, обратить вниманіе свое на его воспитаніе. Предоставивъ имъ самимъ изученіе токмо вѣры, *нужно непременно учредить, чтобы обучались они и прочимъ наукамъ въ публичныхъ школахъ.* Когда получать они нѣкоторое просвѣщеніе и нравственность ихъ образуется, тогда они, безъ сомнѣнія, станутъ гнушаться тѣми пороками, которые имъ вообще приписываются.

7-е. Бракосочетаніе у евреевъ, такъ какъ и у христіанъ, есть обрядъ религіи. Не имѣя никакого постановленія, въ какихъ лѣтахъ совершать бракосочетанія, женять они дѣтей

лѣтъ по восьми, по семи и менѣе. Хотя обыкновеніе сіе весьма много способствуетъ къ размноженію народа, однако-жъ съ другой стороны не менѣе оно и вредно. Во первыхъ, супружеское состояніе, съ которымъ соединены особенныя обязанности и заботы, препятствуетъ юношеству упражняться съ успѣхомъ въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ; во вторыхъ, молодые люди, вступая въ супружество, слишкомъ рано производятъ дѣтей, завременно ослабѣваютъ и приходятъ въ старость, особливо женскій полъ, поелику женщины лѣтъ 30-ти совсѣмъ уже дряхлы; въ третьихъ, семейства, размножаясь до чрезвычайности и будучи не въ состояніи себя содержать, приходятъ въ крайнюю нищету. По симъ причинамъ, желательно бы было сдѣлать постановленіе, чтобы мужчины ранѣе 20-ти лѣтъ въ супружество не вступали и не прежде какъ по снисканіи себѣ надежнаго способа пропитанія.

При учиненіи реформы въ семъ народѣ, нужно необходимо сдѣлать въ разсужденіи ихъ рода жизни и гражданскаго ихъ состоянія слѣдующія распоряженія.

1-е. Поелику евреи суть народъ вольный и никто изъ нихъ никому не принадлежитъ, то, не дѣлая никому изъ помѣщиковъ обиды, можно ихъ раздѣлить на купцовъ, ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ.

2-е. Купцамъ позволить наравнѣ съ прочими пользоваться всѣми преимуществами, купечеству предоставленными.

3-е. Равномѣрно и ремесленниковъ соединить въ правахъ съ прочими, приписать ихъ къ цехамъ, въ которые доселѣ принимались безъ разбору всякой націи люди, кромѣ однихъ токмо евреевъ.

4-е. Тѣ же, которые не занимаются ни торговлею, ни художествами, должны непремѣнно упражняться въ хлѣбопашествѣ. Въ обширной Имперіи Россійской нѣтъ недостатка въ землѣ. Дабы же евреи не могли быть утѣсняемы отъ помѣщиковъ, то можно имъ позволить поселиться и заниматься хлѣбопашествомъ и въ казенныхъ имѣніяхъ, удѣля имъ потребную часть земли.

5-е. Польза, могущая произойти отъ столь знатнаго умноженія хлѣбопашцевъ, безъ сомнѣнія можетъ казѣ вознаграждать небольшой убытокъ, который она можетъ понести, ежели по-

ложено будетъ для оказанія помощи евреямъ въ заведеніяхъ ихъ, оставить ихъ на 10 лѣтъ безъ высканія государственныхъ податей.

6-е. Ежели которыя изъ семействъ, опредѣляющихся къ хлѣбопашеству, принужданы будутъ поселиться въ мѣстечкахъ пустыхъ, то надлежитъ на обстройку имъ дать лѣсу.

7-е. Дабы новые сіи землепашцы (ежели бы должныствовали они непременно пребывать на однихъ мѣстахъ и особенно владѣльческихъ) не потеряли охоту къ земледѣлію отъ присвоенія и угнетенія ихъ помѣщиками, на земляхъ которыхъ они поселены будутъ, то во отвращеніе сего можно предоставить имъ право при каждой ревизіи, по учиненіи расчетовъ съ владѣльцами тѣхъ земель, переходить по желанію ихъ на другія мѣста.

8-е. Такимъ образомъ отмѣнилось бы собраніе казенной поголовной подати посредствомъ кагаловъ, но каждый классъ ихъ оплачивалъ бы слѣдующую съ него подать обыкновеннымъ порядкомъ, какъ то купцы купно съ прочими купцами, ремесленники съ ремесленниками и проч.

9-е. Первые два класса, по пребыванію своему въ городахъ, пользовались бы, предоставленными прочимъ городскимъ жителямъ, правами и привилегіями; принадлежали бы наравнѣ съ прочими до выборовъ и разныхъ публичныхъ должностей, и сами бы въ нихъ были избираемы, ежели только кто окажется, что имѣетъ къ тому способность. Третій же классъ можно сравнять съ російскими однодворцами.

10-е. Посему всякій классъ имѣлъ бы свое судилище, и пресѣклось бы чрезъ сіе то замѣшательство, которое по сіе время протекало отъ того, что евреи, уклоняясь отъ городского начальства, старались производить спорныя свои дѣла въ шляхетскихъ присутственныхъ мѣстахъ, отчего ни справедливость, ни порядокъ въ городахъ не могутъ быть никакъ сохранены.

11-е. Такимъ образомъ уничтожались бы еврейскіе кагалы, и съ ними тысячи несправедливостей; сверхъ того, по такому раздѣленію еврей, живущіе нынѣ толпами, расселились бы по цѣлому краю, а потому меньше бы могли вредить христіанамъ и другъ другу, по одиночѣ, нежели толпами.

12-е. Согласенъ будучи съ мнѣніемъ дворянскихъ маршаловъ Минской и Литовской губерній касательно запрещенія евреямъ винокуренія и содержанія шинковъ, нужнымъ полагаю дать имъ сроку два года для учиненія, по заключеннымъ съ шляхтою контрактамъ расчетовъ, для продажи множества той посуды, которую въ винокурняхъ, имъ принадлежащихъ, имѣютъ, и для нѣкотораго приготовленія себя къ принятію новаго рода жизни.

13) Чѣмъ умѣреннѣе хозяинъ удовлетворяетъ домашнимъ своимъ нуждамъ, тѣмъ скорѣе можетъ онъ придти въ изобиліе и приобрести изъ собственныхъ своихъ доходовъ богатство.— Для сего необходимо нужно перемѣнить одѣяніе еврейское, поелику оно крайне дорого и приводитъ въ раззореніе, а притомъ отвратительно, поелику держать его въ нечистотѣ и неопрятности, чрезъ что наиболѣе усиливается презрѣніе, которому отъ всѣхъ и каждому сей народъ подверженъ, нынѣшнее Литовскихъ евреевъ одѣяніе совсѣмъ неспособно и для работъ.

14) Сообразно съ мнѣніями Литовскихъ маршаловъ, нужнымъ полагаю дозволить евреямъ жительствовавать не токмо въ повѣтовыхъ мѣстечкахъ, но и въ другихъ казенныхъ и владѣльческихъ мѣстахъ, которыя отъ правительства найдены будутъ къ тому удобнѣйшими.

15) Между прочими способами, посредствомъ которыхъ евреи въ Польшѣ уклонялись отъ исправленія и преобразованія ихъ, былъ главнѣйшимъ тотъ, что они вошли въ большіе долги, и не только задолжали много партикулярные люди, но накоплены чрезвычайные долги на имя цѣлыхъ обществъ ихъ отъ кагаловъ. Дабы-же съ уничтоженіемъ кагаловъ и доходовъ, съ народа ими собираемыхъ, кредиторы не могли лишаться своихъ капиталовъ, то въ предупрежденіе сего можно употребить слѣдующій способъ:

Поелику долги кагалные обезпечены на доходахъ съ еврейскаго народа, кагаломъ собираемыхъ, то всѣ равно обязаны ихъ уплачивать сборомъ общественнымъ, называющимся «Кробка Жидовска». Сборъ сей есть ничто иное, какъ акцизъ съ мяса и другихъ статей, для евреевъ необходимо нужныхъ. При Польскомъ правленіи еще начата ликвидація долговъ еврей-

скихъ обществъ въ повѣтовыхъ судахъ, и приводится теперь уже къ окончанію. По окончаніи оной, когда количество всѣхъ кагальныхъ долговъ будетъ извѣстно, то можно будетъ для уплаты оныхъ положить особенный съ евреевъ сборъ, и чтобы не было сіе обременительно, то можно его раздѣлить на нѣсколько лѣтъ до уплаты всѣхъ долговъ. Каждый еврей охотно согласится внести единожды какое съ него количество достанется, лишь-бы токмо избавиться отъ всегдашнихъ сборовъ кагальныхъ.

16) Въ заключеніе всего, честь имѣю представить, что подробнѣйшее разсмотрѣніе состоянія евреевъ, приведеніе въ дѣйство вышеписанныхъ пунктовъ, какъ и изысканіе новыхъ надежнѣйшихъ средствъ къ поправленію состоянія евреевъ, возложить можно на нѣсколькихъ опытныхъ особъ, которыя, исправляя положеніе еврейскаго народа съ помощію просвѣщеннѣйшихъ и ученнѣйшихъ евреевъ, могли-бы и законъ ихъ очистить отъ фанатизмовъ и суевѣрія, столь благоустройству ихъ вредящихъ».

С. Бершадскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О «ПОРО АДУМО»

ИЛИ ДЕЗИНФЕКЦІЯ ПО МОИСЕЮ.

Глава XIX Св. Писанія, заключающая въ себѣ законъ о рыжей («красной») коровѣ (לִבְיָדָה לָבֵד), какъ извѣстно, до настоящаго времени не имѣетъ рациональнаго объясненія. Вотъ почему мнѣ показалось не лишнимъ представить на судъ интересующихся читателей предлагаемое мной толкованіе, имѣющее предъ толкованіями прежнихъ комментаторовъ ¹ то важное преимущество, что въ основу его положена *идея о дезинфекціи*, представляющей одну изъ самыхъ важныхъ основъ современной научной гигиены. Мое толкованіе, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, отличается еще той особенностью, что не требуетъ ни малѣйшей натяжки, а диктуется самымъ текстомъ закона, если только мы будемъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія вышеупомянутой идеи о дезинфекціи. Съ помощью послѣдней идеи, мы очень легко избѣгаемъ ошибки прежнихъ

¹ Строго говоря, большинство комментаторовъ, толкуя текстъ данной главы, совершенно отказываются дать какое либо объясненіе основнаго принципа этого закона, цитируя обыкновенно изреченіе Талмуда, что смыслъ этого закона не былъ извѣстенъ даже Соломону Премудрому. Въ Талмудѣ, однакожъ, имѣется намекъ на рациональное его объясненіе. Раби Йохананъ-бенъ-Закай, на вопросъ одного языческаго философа о смыслѣ этого обряда, сравниваетъ дѣйствіе очистительной воды съ окуриваніемъ заразительныхъ больныхъ разными травами и кореньями. (Num. Raba, para). Замѣтимъ тутъ же, что взглядъ автора на Левитское оскверненіе, вообще, (tam-ah) и, въ частности, на оскверненіе отъ привосновенія къ мертвому тѣлу, какъ на физическую инфекцію—этотъ взглядъ, въ сущности, не представляетъ ничего новаго. Теорія эта вполне обстоятельно изложена еще у I. D. Michaelis'a въ его Mosaisches Recht (I. IV ss. 227—237, изданіе 1788 г.). Эта же теорія проглядываетъ повсюду у древняго комментатора Библии, Ибнъ-Эадры. Новое въ этой статьѣ—это лишь попытка авторомъ объяснить дезинфицирующее дѣйствіе очистительной соды.

комментаторовъ, которые, не будучи знакомы съ основами дезинфекціи, принимали за сущность закона о «поро адумо» его несущественную мистическую оболочку, послужившую Моисею лишь средствомъ для болѣе успѣшной популяризаціи этого закона среди научно неразвитой народной массы. *Мы тогда ясно видимъ, что за мистической оболочкой сокрыта, именно, идея о дезинфекціи.*

Что касается причины, вызвавшей необходимость закона о «поро адумо», гезр.—дезинфекціи, то таковой, по моему мнѣнію, надо считать эндемическое существованіе въ той пустынѣ, по которой странствовалъ современный Моисею древній Израиль, тяжелой заразной болѣзни (גַּזַר), принимавшей нерѣдко характеръ опустошительной эпидеміи. Во время существованія подобныхъ эпидемій, изъ которыхъ одна, имѣвшая мѣсто вскорѣ послѣ возмущенія Керы (числа, гл. XVIII), непосредственно предшествовала обнародованію разсматриваемаго закона. Моисеемъ не могло быть не замѣчено, что главными рассадниками заразы служили трупы лицъ, павшихъ жертвами такой эпидеміи. А при своей безграничной любви къ еврейскому народу божественный законоучитель не могъ не предписать принятія мѣръ къ предупрежденію подобныхъ эпидемій или къ ограниченію ихъ распространенія на случай ихъ появленія. Такая мѣра въ послѣдствіи и была предложена народу въ видѣ закона о «поро адумо», содержащаго какъ способъ приготовленія обеззараживающаго вещества, такъ и способъ самой дезинфекціи.

Далѣе весьма возможно, что съ фактомъ примѣненія дезинфекціи съ цѣлью борьбы съ заразой мы во главѣ о «поро адумо» знакомимся не въ первый разъ. И я, дѣйствительно, того мнѣнія, что не иначе какъ дезинфекціей слѣдуетъ называть способъ окуриванія (קָטַף), къ которому прибѣгъ Моисей во время выше упомянутой эпидеміи, по поводу которой (числа гл. XVII) ясно говорится: *И сказалъ Моисей Аарону: возьми кадильницу и положи въ нее огня изъ жертвенника и затпѣзьсыпать туда курительнаго вещества и носи скорѣ*

въ общество и очистил ихъ. И взялъ Ааронъ, какъ сказалъ Моисей, и побѣждалъ въ среду общества, и вотъ уже началось поражение въ народъ. И положилъ онъ (въ кадильницу) курительнаго вещества и очистилъ народъ». Далѣе говорится, что Ааронъ изолировалъ живыхъ отъ мертвыхъ (תָּוַח לְפָנָיו וְלִפְנֵי הָעָם) послѣ чего эпидемія прекратилась (פָּאָרַח תָּוַח).

Однако, законодатель не могъ остановиться на одномъ послѣднемъ способѣ дезинфекціи, въ виду, вѣроятно, того, что актъ окуриванія (לְפָנָיו), въ силу ли религиозныхъ соображеній или же по причинѣ ядовитости вещества, употреблявшагося для окуриванія, не могъ быть довѣряемъ непосвященной народной массѣ, какъ это видно изъ приведенной выше цитаты (числа гл. XVII), гдѣ сказано, что окуриваніе поручено не кому нибудь изъ народа, а первосвященнику Аарону. Поставить же возможность успѣшной борьбы съ эпидеміей въ зависимость отъ присутствія первосвященника законодателю должно было показаться рискованнымъ, зная, что до прибытія первосвященника на мѣсто, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія, послѣдняя похититъ массу жертвъ, какъ это, дѣйствительно, случилось въ вышеприведенной эпидеміи, слѣдовавшей за Коровымъ возстаніемъ, гдѣ до прибытія первосвященника, для производства обеззараживающаго окуриванія, погибло 14.700 человекъ. Принимая это во вниманіе, онъ, въ силу изложенныхъ выше соображеній, долженъ былъ изобрѣсть другой, болѣе простой способъ дезинфекціи, который и обнародовалъ въ видѣ закона о «поро адумо».

Перехожу теперь къ подробному изложенію содержанія интересующей насъ главы, при чемъ надѣюсь воочію доказать, что въ ней Моисей слишкомъ 3000 лѣтъ назадъ обнаружилъ знаніе той самой идеи, которая сдѣлалась достояніемъ научной мысли съ сравнительно весьма недавняго времени.

Глава о «поро адумо» начинается повѣствованіемъ о томъ, что Всевышній чрезъ Моисея и Аарона предписалъ израильтянамъ взять здоровую («безъ порока»), никогда еще для ра-

боты не употреблявшуюся рыжую («красную», *ḫṣḫ*) корову («на которой не было ярма») и, зарывавъ ее за чертой стана въ присутствіи первосвященника и покрывивъ изъ крови ее по направленію «скинии собранія», сжечь всю и кожу, мясо, кровь, равно какъ содержимое брюшныхъ внутренностей, положивъ туда-же кедровое дерево, иссопъ, да красный шелкъ (*ḫṣḫ ḫṣḫ ḫṣḫ ḫṣḫ ḫṣḫ*), а затѣмъ, собравъ пережженную массу, дальше именуемой «чистительной», помѣстить для храненія въ чистое мѣсто внѣ стана.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе ученія, лежащаго въ основаніе закона о «поро адумо» и приготовленія «чистительной» воды.

Въ ученіи этомъ говорится, что: 1) человѣкъ, равно какъ и неодушевленные предметы, прикоснувшись къ тѣлу естественно умершаго или убитаго человѣка или даже къ отдѣльнымъ органамъ и тканямъ мертваго тѣла, и 2) помѣщеніе, въ которомъ лежало мертвое человѣческое тѣло, равно какъ и все находившееся въ таковомъ помѣщеніи («открытые или неплотно закрытые сосуды»), считаются нечистыми до тѣхъ поръ, пока надъ ними не будетъ совершенъ актъ или обрядъ очищенія при помощи вышеописанной «чистительной воды», при чемъ замѣчается, что людямъ, осквернившимъ себя прикосновеніемъ къ мертвому тѣлу или его органамъ и не подвергшимся установленному въ разбираемой главѣ обряду очищенія, запрещается входить во внутрь стана. *ḫṣḫ ḫṣḫ ḫṣḫ*)

Заканчивается глава подробнымъ описаніемъ самого обряда или процесса очищенія, сущность котораго состояла въ слѣдующихъ двухъ манипуляціяхъ. *Во 1-хъ, въ обрызгиваніи на 3-й и 7-ой дни съ момента оскверненія подлежащихъ очищенію лицъ и предметовъ («помѣщенія, домашняя утварь») погруженной въ ключевой водъ (*ḫṣḫ ḫṣḫ*) чистительной массой посредствомъ метелки изъ иссопа и, во 2-хъ, въ заключительномъ обмываніи ихъ на 7-ой день совершенно чистой водой.*

Изложеннымъ истолковывается существенное содержаніе разбираемой главы.

Замѣняя мало употребительныя мистическія выраженія «оскаженіе», «нечистый», «очищеніе». принятыми въ настоящее время равнонаучными терминами «зараза», «зараженный» и «обеззараживаніе», сущность разсматриваемой главы представится намъ въ видѣ слѣдующихъ 3-хъ пунктовъ:

1) *ученія о заразительности труповъ и изъ органовъ и тканей*; 2) обязательнаго закона обеззараживанія лицъ и предметовъ, находящихся при условіяхъ возможнаго зараженія и, наконецъ, 3) единообразнаго для всѣхъ всегда и всюду обязательнаго (шту грѣ) метода обеззараживанія.

Разсмотримъ по порядку всѣ эти три пункта, прослѣдимъ исторію ихъ возникновенія и затѣмъ укажемъ на ихъ санитарно-гигіеническое значеніе для эпохи пребыванія евреевъ въ пустынь.

Прежде всего—о трупномъ зараженіи.

Съ перваго взгляда, пожалуй, казалось бы, что закономъ, основаннымъ на теоріи трупной заразительности, цѣли предупрежденія или ограниченія заразы никоимъ образомъ не могло быть достигнуто, такъ какъ болѣзнетворное начало всякой инфекціонной болѣзни въ равной степени можетъ быть передаваемо какъ умершими отъ таковой болѣзни, такъ равно и больными, совершенно независимо отъ того, окончилась-ли болѣзнь смертью или выздоровленіемъ. Мы соотвѣтственно этому вообще могли-бы усмотрѣть нѣкоторую несообразность въ разсматриваемомъ законѣ, выражающуюся съ точки зрѣнія защиты народа отъ распространенія эпидеміи, 1) въ непонятномъ упущеніи изъ виду факта заразительности больныхъ заразными болѣзнями,—упущеніе, лишшающее «данный» законъ всего его значенія, и 2) въ столь-же непонятной черевчуръ общей редакціи закона заразительности труповъ, касающагося не только труповъ, погибшихъ отъ заразы, какъ это слѣдовало ожидать съ нашей точки зрѣнія, но всѣхъ безъ исключенія труповъ, не исключая такихъ завѣдомо не зара-

зительнымъ труновъ, какъ труны убитыхъ. Однако болѣе близкое знакомство съ свойствами и характеромъ эпидемій, наблюдавшихся въ эпоху пребыванія евреевъ въ пустынь, убѣждаетъ насъ въ томъ: что распространить законъ заразительности на больныхъ эпидемической болѣзью представлялось деломъ совершенно лишнимъ и что, наоборотъ, по отношенію къ трупной заразительности требовалась чрезвычайная строгость. Упоминаемая неоднократно въ Пятикнижій эпидемическая болѣзнь, согласно свидѣтельству Св. Писанія, отличалась крайне быстрымъ или, вѣрнѣе, молниеноснымъ теченіемъ, откуда и названіе не «новальная болѣзнь», а «повальная смерть» (могъ пел). Въ одной изъ приведенныхъ выдержекъ по отношенію къ неоднократно въ этой статьѣ упоминаемой эпидеміи, случившейся послѣ дѣла Кора, сказано, что Ааронъ съ своимъ обеззараживающимъ окуриваніемъ подоспѣлъ на мѣсто, охваченное эпидеміей, «когда только началось пораженіе», и несмотря на это, передается далѣе: «И умерло отъ пораженія 14,700 человекъ». Ясное дѣло, что эпидемическое пораженіе, съ которымъ приходилось имѣть дѣло въ эпоху пребыванія евреевъ въ пустынь, періода болѣзни вовсе не обнаруживало, такъ что рѣчь могла идти почти лишь о трупахъ людей, погибшихъ отъ «эпидемическаго пораженія», и, стало быть, опасаться распространенія заразы можно было исключительно со стороны труновъ, а не больныхъ, которыхъ вовсе не существовало. Что-же касается вопроса о томъ, почему Моисей считъ нужнымъ распространить ученіе объ инфекціозности труновъ на *остъ* умершихъ людей, не исключая даже умершихъ отъ незаразительныхъ болѣзней и даже убитыхъ¹, то, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи законодатель

¹ На этомъ вопросѣ подробно останавливается также и Michaelis (op. cit. s. 231). Онъ объясняетъ этотъ законъ, какъ гигиено-полицейскую мѣру въ виду существовавшаго споконъ вѣка и до нашихъ почти дней на востокѣ обычая оставлять трупы убитыхъ враговъ подолгу на полѣ битвы, передавать ихъ на съѣденіе звѣрямъ гнѣснымъ и птицамъ небеснымъ. Послѣ частыхъ и опустошительныхъ войнъ многочисленные трупы, оставленные подъ открытымъ небомъ и подвергнутые гніенію, могли вызывать эпидемическія болѣзни,

руководило знаніе трудности распознаванія на трупахъ причины отъ которой послѣдовала смерть. Моисею не трудно было представить себѣ весьма возможные случаи такого рода, гдѣ предъ нами имѣлось бы мертвое тѣло при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было указаній на родъ болѣзни, обусловившей смертельный исходъ. Онъ на этомъ основаніи иранѣ былъ опасаться, чтобы законъ, выраженный въ менѣе общей формѣ, т. е. такой законъ, который предписалъ бы считать заразительными одни лишь трупы погибшихъ отъ эпидеміи, не давалъ бы повода къ недостаточно серьезному отношенію къ такъ называемымъ сомнительнымъ случаямъ, среди которыхъ, понятно, могутъ попадаться и случаи заразнаго свойства, могущіе служить поводомъ къ развитію эпидеміи. Само собой разумѣется, что *закономъ объ инфекціозности труповъ вообще исключается всякая причина къ какому бы то ни было недоразумѣніямъ.* Далѣе не лишено вѣроятности, что Моисеемъ въ своемъ стремленіи возможно ограничить соприкосновеніе съ трупами умершихъ людей руководила также мысль о вредныхъ для здоровья продуктахъ (вредные ядовитые газы, птоманы), развиваемыхъ во всякомъ мертвомъ животномъ тѣлѣ въ силу происходящихъ въ немъ известныхъ процессовъ разложенія или гніенія.

Возможно впрочемъ и то, что законодатель, будучи лишенъ вообще возможности въ силу невысокаго уровня умственнаго развитія современнаго ему еврейскаго народа, выставлять открыто научныя основы всѣхъ законовъ, не могъ признать одни трупы чистыми, а другіе—нѣтъ, не рискуя быть уличеннымъ въ противорѣчіи.

Такимъ образомъ на основаніи вышеизложеннаго мы приходимъ къ заключенію, что законъ о трупной заразительности,

---

не менѣе опустошительна, чѣмъ сама война. Признавъ заразительность убитыхъ, законодатель этимъ самымъ какъ бы принуждаетъ общество заботиться о своевременномъ ихъ погребеніи, т. к. въ противномъ случаѣ всякій подвергался бы на каждомъ шагѣ неудобствамъ изоляціи и очистительной процедуры.

Ред.

вещный благодаря наблюдаемому факту распространения эпидемий трунами людей погибших отъ таковыхъ эпидемий, должно было, по справедливости, считаться надежной мѣрой для предупрежденія или ограниченія развитія ихъ. Что же касается остальныхъ 2-хъ пунктовъ, именно: необходимости производства дезинфекци (2-й пунктъ) по однообразному методу (3-й пунктъ), то по моему, о нихъ нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ они являются естественнымъ слѣдствіемъ закона о трушной заразительности.

Остается намъ еще отвѣтить на вопросъ, на сколько данный Монасемъ законъ очищенія для обеззараживанія согласенъ съ современными нашими понятіями о дезинфекци, другими словами, на сколько обрызгиваніе зараженныхъ лицъ и предметовъ воднымъ растворомъ очищенной золы съ послѣдовательнымъ обмываніемъ чистой водой могли дѣйствительно уничтожать, гевр. обеззараживать приставшія къ нимъ болѣзнетворныя начала въ современномъ смыслѣ этого слова.

Чтобы отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ, намъ прежде всего надо познакомиться съ химическимъ составомъ такъ называемой «чистительной массы». Послѣдняя, какъ уже выше упомянуто, представляла собой цѣликомъ вмѣстѣ съ внутренностями сожженное рогатое животное (поро и пр.). Продукты, полученные при сожженіи, принимая во вниманіе, что сожженіе совершалось при доступѣ кислорода воздуха, должны были состоять главнымъ образомъ изъ золы, если не считать небольшого количества не вполне сгорѣвшаго животного угля, который, мимоходомъ сказать, также могъ имѣть нѣкоторое значеніе въ гигиеническомъ смыслѣ въ силу своей способности поглощать вредныя для организма газы (сѣроводородъ и пр.). Зола же, добываемая путемъ сожженія цѣлаго животного организма, разумѣется, заключаетъ въ себѣ смѣсь составныхъ частей золы тѣхъ органовъ тканей, изъ которыхъ состоятъ сожженный организмъ, стало быть въ нашемъ случаѣ послѣ сожженія «поро адумо» («рыжей коровы») должна была получиться смѣсь зольныхъ веществъ крови, костей, мускуловъ и проч.

Подобная сдѣланная животная зола, согласно результатамъ химическаго анализа ¹, содержитъ не малый процентъ щелочныхъ щелочей (подкоя кали, подкій натръ, и подлая известь), равно какъ стрѣную кислоту и хлоръ ² вещества, какъ известно, дѣйствующія разрушительнымъ образомъ на бѣлковыя вещества и, стало быть, также на бѣлѣзнетворныя начала заразныхъ болѣзней, которыя, какъ известно ³, всѣ суть бѣлковой природы ⁴.

Такимъ образомъ, съ химической точки зрѣнія такъ называемая «чистительная масса» вполне можетъ быть названа обеззараживающимъ веществомъ (*первая манипуляція*). Не лишена, однако, такъ сказать, дезинфекціоннаго значенія и *вторая манипуляція*, состоявшая, какъ мы видѣли выше, въ обмываніи послѣ обеззараживанія чистительной массой зараженныхъ лицъ и предметовъ чистой водой. Последней *манипуляціей*, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду механическое удаленіе вмѣстѣ съ приставшей къ подлежащимъ дезинфекціи предметамъ чистительной золой не вполне обеззараженныхъ бѣлѣзнетворныхъ факторовъ. Манипуляція эта нѣсколько напоминаетъ предлагаемый Эсмархомъ *металлическій способъ дезинфекціи альбумнымъ мякишемъ*, состоящій въ томъ,

¹ Химическій составъ золы нѣкоторыхъ человѣческихъ тканей, согласно анализамъ, приведеннымъ въ учебникѣ физиологін Д-ра Кювэ (Русскій переводъ подъ ред. И. Сѣченова), слѣдующій:

А) 100 ч. золы *кряльней стѣны крови человека* содержатъ по Вердго (стр. 277). CaO —12.70, Na —24.49, NaO —2.03, MgO —0.99, GaO —1.68, Fe_2O_3 —8.06, Cl —37.5, SO_2 —1.70, PO_5 —9.35, CO_2 —1.43.

В) 100 ч. золы *вываренныхъ мясныхъ выжимокъ* (стр. 375) содержатъ: PO_5 —38.40, K_2O —26.89, 2CaOPo_5 —9.34, 2MgOPo_5 —16.83, $2\text{Fl}_2\text{O}_2\text{Po}_5$ —8.02.

С) 100 ч. *костной золы* содержатъ: (стр. 475). CaOCO —9.1, 2CaPO_5 —87.7, 3MgOPo_5 —1.7, CaFl —3.0.

² Чистый хлоръ въ продуктахъ горѣнія въ открытомъ пространствѣ содержится не можетъ.

³ Объясненіе устарѣлое. Дезинфицирующее дѣйствіе этихъ веществъ основано на способности ихъ убивать живые организмы.

⁴ Клиниціи щелокъ (водная вытяжка золы) въ последнее время рекомендуется для обеззараживанія выдѣлений больныхъ холерою, съ которой можетъ быть и тождественна библейская зараза.

что стѣны домовъ, равно и прочіе предметы, подлежащіе дезинфекціи, обтираются хлѣбной мякотью съ цѣлью *мистическаго* удаленія приставшихъ къ нимъ заразительныхъ веществъ.

Въ заключеніе настоящей статьи скажу нѣсколько словъ о нѣмоторыхъ, съ нашей точки зрѣнія, совершенно не нужныхъ формальностяхъ, коими обставленъ законъ о «поро адумо», о его такъ сказать мистической оболочкѣ.

Вынужденный обстоятельствами того времени обнародовать законъ о трупной заразительности въ видѣ неподлежащаго анализу ограниченнаго человѣческаго разума постановленія, объявляя прикосновеніе къ человѣческому трупу, — какъ нѣчто противное Всевышнему, какъ преступное дѣяніе ¹, законодатель, разумѣется, долженъ былъ придать и способу выполненія обеззараживающей процедурѣ соответственный колоритъ.

Предписано было: 1) взять корову *краснаго цвѣта*, въ виду того извѣстнаго обстоятельства, что красный цвѣтъ у древнихъ евреевъ считался символомъ грѣховности; 2) «*безъ порока*» и не употреблявшуюся для работы, т. е. въ полномъ смыслѣ здоровое животное, съ цѣлью придать большую важность этой совершенно оригинальной формѣ очистительной жертвы за грѣхъ, и 3) брызгать кровью ея по направленію къ скинии собранія, какъ это поступалось лишь нѣсколько иначе съ кровью всякаго животнаго, принесеннаго въ жертву.

Что-же касается свойства очистительной воны осквернять (заражать) чистыхъ и очищать (обеззараживать) нечистыхъ (зараженныхъ), — явленіе, обратившее на себя вниманіе почти всѣхъ толкователей Торы, то это, по всей вѣроятности, понадобилось Моисею для того, чтобы сдѣлать понятнымъ свое требованіе относительно обмыванія тѣла и вымыванія одежды

---

¹ Нигдѣ въ законѣ прикосновеніе къ жертвону тѣлу не признается преступленіемъ (запрещается оно только ааронидамъ), погребеніе мертвыхъ тѣлъ, невозможное безъ прикосновенія къ нимъ, вѣдается даже въ заслугу. Законъ требуетъ только очистки послѣ прикосновенія, и очистки чисто физической, не сопровождаемой ни молитвой, ни жертвоприношеніемъ. *Ред.*

по отношенію къ лицамъ, производившимъ дезинфекцію по окончаніи таковой—требованіе, являющееся прямымъ слѣдствіемъ упомянутаго свойства, а съ нашей точки зрѣнія, представляющееся весьма рациональнымъ, принимая во вниманіе, что дезинфекторамъ неминуемо приходится соприкасаться съ зараженными предметами, почему они и сами могутъ являться распространителями заразы ¹.

Л. Эйнисъ.

---

¹ Это мнѣніе приводится въ супркомментаріи къ Ибтъ-Эзрѣ, Мако-Ханиъ.
Ред.

ПѢВЦУ СІОНА.

Не плачь, пѣвецъ! Забудь угрозы,
Отъ нихъ защита—Божество,
А на чужбинѣ скорбь и слезы,
Увы, не тронуть никого.
Храни достоинство въ печали,
Будь сердцемъ нѣженъ, духомъ твердъ,
И не проси, чтобъ отвѣчали
На твой рыдающій аккордъ.
Читая древнія сказанья,
Отцовъ пророческій завѣтъ,
Переживаешь ты страданья,
Которымъ въ мірѣ равныхъ нѣтъ.
Священной скорби будь достоинъ,
Слагая вдохновенный стихъ,
Гордися имъ, какъ старый воинъ,
Слѣдами славныхъ ранъ своихъ.

К. Львовъ.

ВНУКИ ГЕТТО¹.

ГЛАВА I.

Рождественскій обѣдъ.

Изящно вышитое столовое бѣлье, дорогой фарфоръ, серебро временъ королевы Анны, букеты живыхъ цвѣтовъ въ вазахъ, сверкающій хрусталь, блѣдно-розовое освѣщеніе, блѣднѣющіе желтыя мужчины, роскошные туалеты дамъ, съ декольтированными корсажами,—словомъ, вся обстановка этого обѣда носила на себѣ печать самой утонченной западной роскоши.

Собраніе было хотя не многочисленное, но весьма разнообразное, такъ какъ хозяйка дома, и-съ Гэбри Гольдманъ, въ вопросѣ о выборѣ свѣтъ гостей, руководствовалась правилами артистическихъ кружковъ и предпочитала видѣть въ своемъ салонѣ смѣшанное общество, которое она всегда умѣла оживлять своимъ искусствомъ поддерживать и направлять общій разговоръ. Но разнокалиберное общество, присутствовавшее у нея на обѣдѣ въ описываемый нами вечеръ и представлявшее собою нѣчто въ родѣ своеобразнаго человѣческаго вивьегрета, цѣликомъ состояло изъ представителей еврейскихъ сферъ.

Но мы должны сказать прежде всего, что въ описываемой здѣсь исторіи „Внуковъ гетто“, составляющей *исключительно* исторію среднихъ классовъ еврейскаго общества, тоже *исключительно* изображается исторія его изолпременнаго положенія въ

¹ Въ этомъ романѣ фигурируютъ тѣ же лица, какія дѣйствовали въ романѣ „Дѣти Гетто“, печатавшемся въ „Восходѣ“ въ 1894 г. и онъ составляетъ какъ бы продолженіе „Дѣтей Гетто“. „Дѣти Гетто“ выпущено нами отдѣльнымъ изданіемъ и состоитъ (30 страницъ печатныхъ листовъ) 2 р. съ пересылкой.

кругу прочихъ націй. Такъ называемый „верховный десятокъ“ до сихъ поръ еще не утратилъ своего значенія въ Иудеѣ, такъ какъ число настоящей ея аристократіи только достигаетъ цифры, необходимой для составленія синагогальнаго миньона. Эти яркія свѣтила, ивѣщающія каждому своимъ спутниковъ, величественно плаваютъ въ золотыхъ небесахъ, и средніе классы смотрятъ на нихъ съ какинъ то благоговѣннымъ изумленіемъ, а низшіе чуть не молятся на нихъ. „Верховному десятку“ совершенно чуждъ духъ исключительности, и представители его готовы оказывать поддержку и королю, и самовишну, и артисту, съ доброжелательствомъ истинныхъ космополитовъ и съ щедростью уроженцевъ востока. При чемъ не иѣнасть замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ остаются евреями только потому, что не хотятъ провалить жалкими выскочками и измѣнниками своему народу.

Въ среднихъ же классахъ еврей остался болѣе ревностнымъ приверженцемъ своей касты, въ силу настоящихъ же соображеній такого рода: „Что ему за расчетъ угощать христіанина своими обѣдами, если онъ самъ не можетъ пользоваться приглашеніями на его обѣдн съ позволеніями для него кушаньями?“ Или же— „ради чего станутъ онъ принимать у себя въ домъ сына той или другого христіанина, если они не могутъ сдѣлаться мужьями его дочерей и если обляженіе съ ними можетъ еще, въ добавокъ, повести къ нарушенію семейнаго мира?“ Такими образомъ, въ промышленныя, гражданскія и политическія дѣлахъ еврей почти совершенно слился съ ивѣстными населеніемъ; но болѣе интимныя, семейныя сношенія съ иновѣрцами могли бы завязаться у нихъ только при религіозномъ упадкѣ, который они и довершили бы окончательно. Поэтому христіанинъ, попавшій въ дружеское собраніе евреевъ средняго круга, почувствовалъ бы себя въ положеніи льва, очутившагося во рву, наполненномъ Данилами, которые любезно предоставили бы ему право полюбоваться ихъ пророческими сплывами.

М-съ Генри Гольдсмитъ принадлежала хотя и къ среднему

классу общества, но къ высшему его кругу, а супругъ ея занимать весьма видный постъ финансового представителя Бенсингтонской синагоги въ соединенномъ совѣтѣ. Но несмотря на это, бедная шейка миледи поверно склонилась подъ деспотическимъ игомъ сѣвернаго лондонскаго, или, вѣрнѣе, провинціального еврейства. Постому на описываемомъ нами праздникѣ не было ни плумудника, ни жабрен, ни омеги, ни даже елки, и ничего такого, что напоминало бы христіанское Рождество, и что зачастую встрѣчается въ домахъ такъ называемыхъ „добрыхъ евреевъ“. Но м-съ Генри Гольдсмитъ была слишкомъ большая патриотка, чтобы позволить собѣ какія бы то ни было замгрянванья съ христіанствомъ, и если бы кто нибудь вздумалъ спросить ее, почему она устроила обѣдъ въ рождественскій сочельникъ, то она съ совершенно спокойной совѣстью могла бы отвѣтить, что это была простая, но очень счастливая случайность, дозволявшая ей единственно вѣрнѣе свободно располагать своимъ временемъ, такъ какъ, благодаря христіанскому празднику, имъ приходилось, волей неволей, сидѣть слома руки. Впрочемъ, миледи дѣйствительно пригласила къ собѣ гостей на обѣдъ по особенному случаю, такъ какъ она желала отпраздновать въ обществѣ своихъ друзей и знакомыхъ еврейскій праздникъ Ханука, установленный въ воспоминаніе вторичнаго освященія храма послѣ оскверненія его Антиохомъ Эпифаномъ и въ честь національнаго еврейскаго героя, Іуды Маккавея.

При свѣчахъ Ханука, которыя были зажжены по распоряженію Маріи Орелли, экономки Гольдсмитовъ, рождественскія истарды были бы совершенно неумѣстны и повергли бы просто въ священный ужасъ набожную старушку. Эта почтенная женщина, хотя и была сама доброй католичкой, но проживъ всю свою жизнь между евреями и пройдя все ступени кухонной іерархіи въ домѣ отца Генри Гольдсмита, бывшаго образцомъ древняго благочестія и надежной опорой великой синагоги, — одѣлалась такой же ревностной блюстительницей обрядовъ еврейской вѣри, какъ и своей

собственной. По смерти Гольдсмитга-отца, Мери со всѣмъ имуществомъ, оставшимся послѣ него, перешла къ его сыну, который не замедлил изъ провинціи переселиться въ Лондонъ, и пенна, какъ и материныя заботы окружала его когда то преданная старушка, поселивъ ее въ свои домъ, въ качествѣ эконоки. Мери знала всѣ религіозныя обряды и церемоніи гораздо лучше своей молодой хозяйки, которая хотя и была уроженкой одного изъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ Генри Гольдсмитъ не безъ успѣха подвигался на промышленномъ поприщѣ, — но получила воспитаніе въ Врессельскомъ пансіонѣ. Мери Орейлли твердо помнила какъ процедуру солонія мяса, такъ и то, что его не слѣдуетъ жарить въ масле. Она такъ же неукоснительно слѣдила за тѣмъ, чтобы по субботамъ очагъ не растапливался въ кухнѣ, а газъ не зажигался и не угасалъ бы во весь домъ, какъ и за тѣмъ, чтобы ея хозяинъ не позволялъ себѣ курить въ эти святые вечера до тѣхъ поръ, пока на небѣ не показывались три звѣзды. Она знала, когда семья Гольдсмитовъ должна была поститься, когда и какъ именно справлять свои праздники. Ея извѣстны были всѣ еврейскія и всѣ простонародныя выраженія, которыя она употребила даже въ разговорѣ съ своими благовопительными господами, ни мало не смущаясь тѣмъ, что ея жаргонъ, видимо, шокировалъ ихъ.

М-ръ и м-съ Гольдсмитъ, хотя и почувствовали въ концѣ концовъ всю тяжесть ея тиранической опеки, не дозволявшей имъ даже въ семейной жизни ни малѣйшаго отступленія отъ религіознаго кодекса, но уже не въ состояніи были свергнуть ее съ себя. Проживая въ провинціальномъ городѣ, гдѣ имѣлась только одна синагога и гдѣ всякая мелочь дѣлалась извѣстной любознательной публикѣ, они, волею неволею, должны были строго выполнять всѣ предписанія своей вѣры; поэтому, переселяясь въ Лондонъ, они не безъ удовольствія думали, что въ громадной столицѣ имъ можно будетъ, если не обросать съ себя стѣснительныя религіозныя узы, то хотя ослабить ихъ. Но Мери была такъ твердо убѣждена въ

ихъ безуморивленноюъ благочестіи и такъ свято выполняла обряды собственной вѣры, что у нихъ просто не доставало духа откровенно сознаться, что они не придавали ровно никакого значенія тому, о чемъ она такъ усердствовала въ простотѣ душевной. Они никакъ не могли рѣшиться сказать ей, что они далеко не такъ благоговѣютъ передъ своей религіей (или передъ тѣмъ, что она считала ихъ религіей),—какъ она передъ своею. Вступать же съ нею въ объясненія на счетъ своей вѣры и указывать на ея недостатки было тѣмъ болѣе неудобно, что этимъ они могли бы унижить себя въ ея глазахъ, выказавъ себя непочтительными къ памяти своего покойнаго отца, а ея господина, о которомъ она была такого высокаго мнѣнія.

Сначала они, по добродушію и по безсмыслности, предоставляли ей полную свободу дѣйствій относительно выполнения разныхъ суевѣрныхъ обрядностей, но она все больше и больше входила въ свою роль неукротимаго церемоніймейстера и домашняго деспота; каждый новый актъ подчиненія тому или другому предписанію ритуальнаго закона служилъ какъ бы молчаливымъ признаніемъ святости этого предписанія, что дѣлало почти невозможнымъ нарушеніе его въ слѣдующій разъ. Такимъ образомъ, страхъ покровить чѣмъ нибудь Мери Орейлли совершенно подавлялъ ея господъ и дѣлалъ ихъ поворными рабами ихъ строгой экономки, благодаря чему фешенебельный домъ близъ Кансингтона - Гардена до сихъ поръ считался центромъ правовѣрнаго еврейства, и въ образѣ жизни его обитателей невозможно было подвѣтить ничего такого, что могло бы потревожить въ могилѣ прахъ стараго Аарона Гольдсмита.

Впрочемъ и-съзъ Генри Гольдсмита, вѣроятно, завела бы у себя въ домъ *коморные* порядки, если бы даже и понятія не имѣла о Мери Орейлли, такъ какъ большинство ея родныхъ и друзей принадлежали къ числу правовѣрныхъ евреевъ. *Коморный* обрядъ могли кумать какъ правовѣрные, такъ и грѣшные люди, тогда какъ *требѣ* рѣшительно претитъ первымъ. Что же касается до

обѣды и-ссь Генри Гольдсмитъ, то даже самый строгій раввинъ могъ бы смѣло подогрѣвать свой духовный пылъ, наслаждаясь безуморизненно *комертными* кушаньями, подававшимися на ея роскошно сервированный столъ.

Несмотря на то, что обѣдъ, устроенный милади по случаю праздника Ханука, отличался всегдашней своей изнекаемостью, гости ея не утомлявали его тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживалъ, потому что почти всё безъ исключенія жаждали крови автора одного скандальнаго произведенія, появившагося недавно въ печати, подъ заглавіемъ *Мордохей Джозефсъ* и повѣрнаго въ неописуемое негодование все вестъ-эндеево еврейство. Оскорбленная публика тѣмъ больше волновалась, что чувствовала себя совершенно безсильной прочесть какъ слѣдуетъ автора этой возмутительной книги, вышедшей въ свѣтъ за подписью какого то никому неизвѣстнаго Эдуарда Арнштедта.

— Почему же онъ не описываетъ въ своей книгѣ хотя бы такіе кружки, какъ нантъ?—говорила хозяйка дома, гнѣвно сверкая своими выразительными черными глазами. — Это по крайней мѣрѣ смягчило бы то тягостное впечатлѣніе, которое производитъ изображенная имъ картина еврейскихъ нравовъ. А теперь на насъ будутъ смотрѣть въ обществѣ какъ на какихъ то маневновъ, вырощенныхъ по одной и той же уродливой мѣрѣ и ничѣмъ не интересующихся, кромя нарядовъ, денежныхъ вопросовъ и игры въ вистъ.

— Онъ описываетъ, вѣроятно, ту жизнь и тѣ типы, которые ему болѣе извѣстны, — возразилъ Сидней Грагамъ, взявшій на себя роль защитника автора.

— Очень и очень сожалѣю о немъ, — съ жаромъ продолжала м-ссь Генри Гольдсмитъ. — Но теперь ужъ ему, волей-неволей, придется довольствоваться той жалкой средой, въ которой онъ враждался до сихъ поръ, потому что своей книгой онъ навсегда закрылъ для себя доступъ въ высшія сферы.

Красивое и оживленное лицо милади ярко вспыхнуло при по-

слѣднихъ словахъ, и порывистое дыханіе, приподнимавшее ея роскошную грудь, ясно свидѣтельствовало о томъ, какъ сильно она была вволнована.

— Да, теперь ужъ ему не удастся проникнуть въ порядочное общество,—съ торжествомъ изрекла миссъ Сиззи Левинъ. Это была блѣдная и нѣсколько сутуловатая особа, въ очкахъ, считавшая себя горячей патриоткой и писавшая назидательные романы для семейнаго чтенія, которые даже самый придирчивый критикъ не могъ бы упрекнуть въ избыткѣ наблюдательности и остроумія.— Неужели наша общественная жизнь не представляетъ никакихъ возвышенныхъ сюжетовъ для пера талантливаго писателя? И неужели вся его задача должна состоять только въ томъ, чтобы осмѣивать и набрасывать тѣнь на своихъ единовѣрцевъ? Нѣтъ, никто не имѣетъ права позорить свое родное гнѣздо, а тотъ, кто позволяетъ себѣ клеветать на своихъ собратьевъ, долженъ быть безжалостно изгнанъ изъ порядочнаго общества.

— Ну, подобная кара едва ли произведетъ особенно сильное дѣйствіе на такого джентльмена, какъ авторъ *Мордохья Джозебса*, который отрицаетъ даже существованіе у насъ какого бы то ни было общества,—со смѣхомъ отозвался Сидней Грагамъ.

— Да ояъ, пожалуй, и самъ не вѣритъ тому, что говорить въ своей книгѣ,—замѣтила м-съ Монтегю Самюэльсъ, добродушная леди, съ румянымъ лицомъ и „съ либеральными идеями“, которая, будучи женой члена разныхъ благотворительныхъ комитетовъ, и на себя тоже смотрѣла какъ на члена этихъ комитетовъ, поэтому считала своимъ священнымъ долгомъ подвизаться на филантропическомъ поприщѣ.

— Разуиѣтся, негодяй не задавался никакими благими идеями, а заботился только о томъ, чтобы набить себѣ карманъ,—прибавилъ м-ръ Монтегю Самюэльсъ. — Онъ отлично знаетъ, что его книженка представляетъ не вѣрную картину нашего общества, а утрированное и искаженное изображеніе его нравовъ; но онъ по-

нинаетъ и то, что подобный товаръ такъ же хорошо отдачивается, какъ разными прианности.

— Ну, на счетъ сбыта прианностей онъ, какъ крупный коммерсантъ этииъ товаромъ, имѣетъ полное право разсуждать—съ видомъ знатока прошепталъ Сидней Грагагъ, обращаясь къ своей престестной кузинѣ, Аделандѣ Леонъ.

Молодая дѣвушка слегка улыбулась и мелькомъ взглянула сначала на невозмутимо серьезную физиономію магната Ояти, а потомъ на его благодушную супругу. Монтегю Самюэльсъ былъ ограниченный, узкогрудный и малорослый человекъ, умѣвший казаться величественнымъ, несмотря на свою миниатюрную фигурку. Онъ былъ весьма энергиченъ и гуманенъ (но только не въ религиозныхъ расприхъ, въ которыхъ онъ переставалъ быть гуманнымъ и оставался только энергичнымъ),—считалъ себя надежнымъ столбомъ общины и благимъ примѣромъ для всѣхъ тунелдцевъ и дѣвтаевъ, уклявшихся отъ выполненія своихъ гражданскихъ обязанностей и остававшихся нечувствительными даже къ публичнымъ почестямъ.

— Чтожъ тутъ особеннаго, что книга написана ради денегъ?—возразилъ величественному магнату его братъ, Перси Севилль, накеръ по профессіи.—Всѣ книги пишутся ради денегъ, потому что литературная профессія, какъ и всякая другая, доставляетъ писателямъ средства къ жизни.

Постороннему человеку, вѣроятно, показалось бы непонятнымъ, какимъ образомъ Перси Севилль могъ приходиться роднымъ братомъ Монтегю Самюэльсу, и онъ едва ли догадался бы, что ния—Перси Севилль, такъ шедшее къ красивому и изящно одѣтому джентльмену, носившему его, было не что иное, какъ англійская версія еврейскаго имени Пиверъ Самюэльсъ. Монтегю остался вѣренъ своему національному знамени; Перси же, будучи свѣтскимъ джентльменомъ, не пожелалъ влачить свое природное ния въ театральныхъ и артистическихъ кружкахъ, которые онъ такъ любилъ посѣщать въ часы досуга, и позорно измѣнилъ своему еврейскому

патрону. Такие случаи не составляют, впрочем, исключения у евреевъ.

— Но книга эта, — продолжалъ Перси Севилль, — дѣйствительно, проникнута такимъ ослѣбленіемъ, что какъ то невольно приходится въ голову, ужъ не потому ли авторъ ея выставилъ еврейское общество въ такомъ непримекательномъ видѣ, что хотѣлъ отомстить ему за то, что ему, можетъ быть, не удалось проникнуть въ высшія его сферн.

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее было бы доставить ему доступъ въ эти сферн, — замѣтилъ Сидней Грагамъ. — По всему видно, что это человѣкъ не бездарный, и если ему не удалось попасть въ высшее еврейское общество только потому, что онъ бѣденъ, то, по моему, онъ имѣлъ полное право изобразить его съ нелицестной стороны.

— Я не отрицаю того, что между нами есть люди, для которыхъ деньги имѣютъ такое же значеніе, какъ магическое „Сезамъ, отворись!“ и въ салони которыхъ невозможно проникнуть, не имѣя въ карманѣ этого могущественнаго талисмана, — небрежно прибавила м-съ Генри Гольдсмитъ.

— Кто же станетъ отрицать это? Деньги служатъ магическимъ „Сезамъ, отворись!“ для всего на свѣтѣ, — съ жаромъ отозвался Сидней Грагамъ, видимо обрадовавшійся возможности начать перестрѣлку съ столпами еврейской общины, съ которыми онъ очень любилъ мѣряться силами и пробовалъ пошатывать ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. — Деньги управляютъ рѣшительно всемі — и школьными, и благотворительными, и синагогальными дѣлами, и вліяютъ косвеннымъ образомъ даже на прессу. Во всѣхъ совѣтахъ и комиссіяхъ засѣдаетъ одна и та же горсточка общественныхъ представителей, составъ которыхъ почти никогда не измѣняется. А почему это? Потому что эти джентльмены, благодаря своимъ капиталамъ, располагаютъ голосами избирателей.

— Что-жъ тутъ дурного, сэръ? — спросилъ м-ръ Монтегю Самюэльсъ. — Мнѣ кажется, напротивъ, что община должна только

радоваться тому, что у нас еще имеются общественные дѣлатели съ возвышенными чувствами, не слѣдующіе примѣру нѣкоторыхъ разбогатѣвшихъ нѣмецкихъ евреевъ, которые не только отвертываются отъ еврейства, до даже отказываются поддерживать его учрежденія. Но я совершенно согласенъ съ вами, м-ръ Грагамъ, что общественными представителями должны быть не богачи по преимуществу, а серьезные и дѣловые люди, хорошо изучившіе финансовую часть.

— Разумѣется, разумѣется!— съ саркастической усмѣшкой отозвался Сидней Грагамъ.— Я всегда доказывалъ, что наша главная синагога много выиграла бы, если бы была преобразована въ громадную компанію акціонеровъ и пайщиковъ, и что характеръ ея преній ни на волосъ не измѣнился бы, еслибы представители ея перемѣнили свое названіе совѣтниковъ на болѣе подходящій титулъ директоровъ. Мнѣ кажется, что столпы нашей общины представляють себѣ будущія тысячелѣтія такимъ блаженнымъ періодомъ, когда каждый еврей будетъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба, мѣсто для поклоненія Господу и мѣсто для погребенія своихъ бренныхъ останковъ. Учрежденная ими церковь основана на тѣхъ же началахъ, какъ и придуманная ими финансовая система, къ которой они сочли не лишнимъ пришить бѣлыми нитками доктрину еврейства. А многіе ли изъ этихъ господъ совѣтниковъ дѣйствительно чтутъ свою религію? Отвѣтомъ на этотъ нескромный вопросъ можетъ служить тотъ, повидимому, маленький, но въ своемъ родѣ характерный фактъ, что даже пекарни нашихъ синагогъ позволяютъ себѣ лакомиться потихоньку морскими раками и устрицами. Возьмемъ, наконецъ, хотя бы существующій у насъ обычай доставленія *кошерной* пищи. Я увѣренъ, что между членами нашихъ благотворительныхъ комитетовъ найдется не мало такихъ, которые считаютъ еврейскую кухню давно уже отжившей своей вѣкъ и никогда не задаются вопросомъ о томъ, изъ какой провинціи и какимъ способомъ готовится пища, получаемая ихъ клиентами; но за финансовой частью ввѣренныхъ имъ учрежденій они слѣдятъ почти

съ фанатическимъ усердіемъ. Финансовыя вопросы производить такое магическое дѣйствіе на этихъ достопочтенныхъ джентельменовъ, что они никогда не перестанутъ увѣряться ни, и навѣрно будутъ съ тѣмъ же похвальнымъ рвеніемъ приводить въ порядокъ финансы дѣла еврейства даже и тогда, когда оно перестанетъ существовать.

На лицахъ болѣе степенныхъ членовъ собранія появилась та важливая и сдержанная улыбка, къ которой благовоспитанные слушатели прибѣгаютъ обыкновенно, чтобы показать своему опасному собесѣднику, что они не придадутъ серьезнаго значенія его сильнымъ рѣчанъ.

Сидней Грагамъ принадлежалъ къ числу тѣхъ общественныхъ баловней, которымъ предоставляется полная свобода говорить все, что имъ вздумается. Въ сущности, онъ не имѣлъ серьезнаго желанія ни передѣлывать, ни исправлять общество, и ограничивался только тѣмъ, что при случаѣ бичевалъ его. Но общество, тоже не желавшее исправляться, не слишкомъ любило, однако, чтобы его бичевали. Это былъ интеллигентный молодой художникъ, съ смуглымъ лицомъ, пронизательными глазами и шелковистыми усами. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ онъ изучалъ импрессионизмъ, и вѣстия развили тамъ же какъ свой природный даръ слова, такъ и присущую ему наклонность къ скептицизму. Къ счастью, кошелькъ его всегда былъ полонъ денегъ, такъ какъ онъ приходился кузеномъ Рафаэлю Леону по матери, а генеалогическое дерево Леоновъ отличалось той особенностью, что даже на самыхъ отдаленныхъ его вѣтвяхъ росли золотыя яблоки. Настоящая его фамилія была — Абрагамъ, но онъ нѣсколько урѣзалъ ее, отбросивъ первый и послѣдній ея слогъ, слишкомъ ясно указывавшіе на его семитическое происхожденіе. Несмотря на свое добросердечіе и даровитую натуру, онъ считался черной овцой своей семьи, потому что жилъ какъ настоящій безбожникъ и откровенно сознавался въ этомъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что принадлежалъ къ кругу людей, смотрѣвшихъ на подобное сознаніе, какъ на непростительный грѣхъ.

Онъ не находилъ нужнымъ даже прикидываться, что носителю въ Дамъ Очищенія. Но такъ какъ и-ръ Граганъ пользовался весьма лестной репутаціей въ артистическихъ кругахъ, и сверхъ того, фамилія его перѣдко фигурировала на газетныхъ столбцахъ, то даже люди съ болѣе строгими релігіозными убѣжденіями, чѣмъ и-ръ и и-съ Гольдсмитъ, не сочли бы предосудительнымъ пригласить его къ себѣ на обѣдъ, хотя сами, разумеется, ни за что на свѣтѣ не согласились бы раздѣлить его грѣшную трапезу. Даже его кузина Адди, относившаяся съ дѣтскимъ довѣріемъ къ релігіознымъ вопросамъ, всегда рада была его обществу и пыталась къ нему какую то особенную нѣжность, источникомъ которой, какъ она думала, было благочестивое родственное чувство. Но если она и ошибалась въ этомъ отношеніи, то это было совершенно натурально, потому что между членами нѣкоторыхъ еврейскихъ семействъ существуетъ удивительное дружелюбіе и солидарность, вслѣдствіе чего они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ собираться другъ къ другу въ полномъ составѣ, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, въ родѣ свадебъ, родиль, похоронъ, а также и на карточныя вечеринки; при чемъ въ правильно организованныхъ семействахъ, благодаря, съ одной стороны, благотворному источнику жизни, а съ другой—вліянію всеокрущающаго времени, недостатка въ поводахъ къ подобнымъ родственнымъ сборищамъ никогда не замѣчается.

— Мнѣ кажется, и-ръ Граганъ, что вы не совсѣмъ справедливо нападаете на наши учрежденія для доставленія *кошерной* пищи,—замѣтилъ молодому художнику и-ръ Генри Гольдсмитъ.— Изъ нашихъ статистическихъ отчетовъ видно, что число закалываемыхъ у насъ быковъ не понизилось, а цифра потребляемыхъ барановъ даже повысилась на два процента. Право, въ этомъ отношеніи еврейское населеніе Англіи находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ думаютъ пессимисты. Нѣтъ, мы не только не изменили принципамъ нашей вѣры, но сдѣлали даже шагъ впередъ, научившись различать туберкулезы въ трупахъ убитыхъ животныхъ,

такъ разрушительно дѣйствующія на организмъ потребителей. Что же касается до того, будто члены комисіи по убоямъ света позволяють себѣ вѣтъ не *комерную* пинку, то, снѣд насъ увѣрять, сэръ, что мнѣ, какъ одному изъ этихъ членовъ, не придется покраснѣть передъ вами, если вы прямо взглянете мнѣ въ глаза.

Никто изъ присутствующихъ не рѣшился, однако, взглянуть на строгаго блавителя *комерности*, кромя его прелестной подруги жизни; но хотя во взглядѣ ея выразилось самое дружелюбное чувство къ сухопарому и неказистому джентльмену, съ большими ушами и длинными зубами, итѣшному счастье быть ея супругомъ, — въ немъ, однако, нельзя было подмѣтить того восторженнаго восхищенія, какое сверкнуло во взглядѣ, брошенномъ Перси Свилленъ на нее самое.

— А если м-ру Грагану придется когда нибудь самому за-сѣдать въ совѣтѣ соединенной синагоги, то онъ увидитъ, что мы не уклоняемся отъ исполненія своихъ обязанностей, но стараемся по иврѣ силѣ и возможности разрѣшить каждую общественную задачу, — прибавилъ м-ръ Монтегю Сампелъсъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ вообще.

— Упаси меня Господи отъ такой напасти! — вскричалъ Сидней, привскочивъ даже на своемъ мѣстѣ, какъ бы отъ охватившаго его ужаса. — Я заглядываю въ еврейскія газеты, когда бываю у Рафаэля, и, признаюсь откровенно, отъ души хохочу, читая отчеты о вашихъ преніяхъ. Вѣроятно, эти образцы усмыслительнаго пустословія печатаются не цѣликомъ, а въ сокращеніи, — продолжалъ онъ, съ вызывающей улыбой глядя въ лицо невозмутимо серьезному совѣтнику: — но даже и изъ этихъ сокращеній видно, что почтенная группа нашихъ общественныхъ дѣятелей состоитъ большею частью изъ ограниченныхъ и жалкихъ посредственностей, не умѣющихъ обмѣняться между собой ни живымъ словомъ, ни остроумной шуткой. Но, впрочемъ, до шутокъ ли этимъ серьезнымъ джентль-

мелань, которые даже и на свое нутрословіе смотреть, кажется, казё на дѣло нервозостенной важности.

— Полноте, пожадуйста! — съ несодованіемъ встрѣчала миссъ Сизви Левинъ. — Въ этихъ отчетахъ очень часто встрѣчается въ скобкахъ — (смѣхъ).

— Это, должно быть, означаетъ, что ораторъ самъ смѣется, — восхищаясь своимъ остроуміемъ, поминаетъ Сидней, — такъ какъ на этихъ засѣданіяхъ не говорится ровно ничего такого, что могло бы возбудить смѣхъ въ слушателяхъ. Это, вѣроятно, подтвердитъ и м-ръ Монтгомери Сандерльс.

— Чтёжъ разсудить съ человѣкомъ, который, не ознакомившись съ сущностью дѣла, спорить о немъ съ видомъ авторитета, — сдержанно и съ достоинствомъ отозвался общинный совѣтникъ.

— Можетъ быть и такъ, — продолжалъ Сидней. — Но есть ли какая нибудь возможность ознакомиться съ этими дѣлами, когда вы никого не допускаете на ваши засѣданія? Вы прибѣгаете къ такой мѣрѣ, должно быть, для того, чтобы лишить права насъ, жалкихъ пигмеевъ, сидѣть рядомъ съ вами, общественными великанами, очевидно полагаая, что это высокое право можетъ быть куплено только цѣною служенія человечеству. Да, раздуть въ себя самолюбіе и возвести его на степенъ общинной сими — это тоже въ своемъ родѣ гениальная идея! Эта сила служитъ главной опорой для соединенной синагоги и ею же держится ваиа община.

— Право, вы ужъ слишкомъ нападаете на насъ, м-ръ Грагамъ, — съ любезной улыбкой замѣтила хозяйка дома. — Конечно, между нами встрѣчаются и каррикатурные типы, но они, слава Богу, составляютъ исключеніе въ нашемъ обществѣ.

— Разумѣется, этого нельзя сказать про всѣхъ вообще, — возразилъ Сидней. — Я говорю только, что если кто нибудь изъ нашихъ „козирныхъ тузовъ“ вздумаетъ прикрѣпить себя къ ветхозавѣтной колесницѣ еврейства, то его смиренныя собратья по вѣрѣ вѣнчаютъ ему это въ такую заслугу, за которую, по ихъ мнѣнію, израильскій Богъ долженъ быть безконечно благодаренъ ему; а если

онъ заглянуть разъ, другой въ синагогу, то они воображаютъ, что онъ оказалъ этимъ величайшую честь своему Творцу.

— Проклоненіе нашего общества передъ тѣмъ „возвращеніемъ тузанъ“, надъ которыми ты насмѣялся, вѣнчано естественно, — протворилъ Рафаэль Леонъ, въ первый разъ вѣнчивался въ разговоръ. — Дѣло въ томъ, что между нашими богатыми и образованными братьями такъ часто встрѣчаются люди, относящіеся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ своимъ страждущимъ единовѣрцамъ, что еврейская нація потому именно и дѣлаетъ такъ высокія приношенія ей жертвы, что привыкла ужъ къ тому, что отъ насъ отвертываются самые даровитые изъ ея сыновъ.

— Благодарю за complimentъ, хотя онъ заключаетъ въ себѣ не похвалу, а порицаніе, — со слѣхомъ отвѣтилъ Ондней, почувствовавшій что то похожее на циническое самодовольствіе при мысли, что Рафаэль высказалъ ему правду. Онъ хорошо зналъ, что занималъ привилегированное положеніе въ обществѣ, которое, принимая во вниманіе его успѣхи на артистическомъ поприщѣ, увольняло его отъ релігіозныхъ обязательствъ и не предъявляло ему слишкомъ строгихъ требованій относительно вопросовъ житейской морали. — Но во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, обращаясь опять къ своему кузену, — если ты хочешь оправдывать наши грѣхи, отыскивая причины, породившія ихъ, то для тебя не безынтересно будетъ прочесть книгу м-ра Армитаджа, потому что въ ней приведено много такихъ фактовъ, о которыхъ стоить подумать. А, что бы ни говорили евреи объ этой книгѣ, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшится утверждать, что она вся состоитъ изъ однихъ выдумокъ и клеветъ на наше общество.

— Конечно, этого никто не станетъ утверждать, — возразилъ Перси Севилль, совсѣмъ забывъ, что онъ то именно и утверждалъ это въ началѣ разговора. — Да, тамъ есть много правды въ изображеніи разныхъ самодовольныхъ франтовъ, Джонсовъ, которыхъ можно назвать родными братьями нашимъ Джонасамъ.

— И въ этомъ мажлерѣ, который коверкаетъ англійскій языкъ

и отвергается от своих бѣдныхъ знающихъ и постоянно толкуетъ о Господѣ Богѣ, тоже сейчасъ можно узнать Джоеле Фриднама, — сказала миссъ Генри Гольденитъ.

— И это семейство, которое только и дѣлаетъ, что разъѣзжаетъ по театрамъ, на ужины и на партыцине вечера, тоже очень похоже на Девитовъ, — прибавила миссъ Сязи Левинъ.

— Да, эта книга можетъ назваться довольно вѣрнѣе воспроневеденіемъ нашихъ нравовъ, — начала было м-съ Монтегъ Самвелльсъ, но вдругъ вспыхнула и загнулась, встрѣтивъ строгій взглядъ своего супруга. — Только... только мнѣ кажется — продолжала она, стараясь подавить свое сужденіе, — что ей автору не слѣдовало бы ограничиваться изображеніемъ однихъ отрицательныхъ типовъ, а не мѣшало бы заглянуть и въ наши кружки, чтобы познакомить читающую публику съ жизнью культурныхъ евреевъ.

— Разумѣется, разумѣется! — съ живостью отвѣчалась хозяйка дома и, обращаясь къ одному изъ своихъ гостей, стройному молодому человѣку, съ задумчивымъ и симпатичнымъ лицомъ, полушутливо, полусерьезно продолжала: — Ну, а вы, м-ръ Леонъ, что скажете намъ о литературномъ портретѣ современнаго еврея? Ваше мнѣніе, какъ человѣка съ солиднымъ университетскимъ образованіемъ, намъ особенно интересно было бы услышать.

— Къ сожалѣнію, я не читалъ книги, о которой идетъ рѣчь, — откровенно сознался Рафаэль Леонъ.

— Да и я, по правдѣ сказать, не читалъ ея... И я тоже! И я! — послышались одинъ за другимъ голоса строгихъ критиковъ.

— А я не только руками, но даже и вилкой не рѣшилась бы дотронуться до этой книжонки! — съ брезгливой гримасой заявила миссъ Сязи Левинъ.

— Я удивляюсь только тому, что у нашихъ содержателей библиотекъ такъ мало патриотическихъ чувствъ, что они рѣшаются знакомить съ нею своихъ читателей, — прибавила м-съ Монтегъ Самвелльсъ. — Я сейчасъ просматривала ее въ библиотекѣ м-съ Гуть Марстонъ и пришла просто въ ужасъ отъ вульгарнаго слога, ка-

кимъ она написана. Представьте себѣ, что тамъ безпрестанно встрѣчаются фразы на простонародномъ жаргонѣ.

— Да, всякій порядочный человѣкъ скажетъ, что это и по-зорно, и отвратительно!—съ пафосомъ вскричалъ Перси Севилль.— М-ръ Вазарусъ подробно расказывалъ мнѣ содержаніе этой книжки, и я пришелъ къ тому заключенію, что это просто предательство выставить насъ на поруганіе передъ нашими врагами. Конечно, у насъ есть свои недостатки, но намъ слѣдуетъ говорить о нихъ съ глазу на глазъ, хотя бы съ касодры, наприимѣръ.

— О, разумѣется, это была бы не шейше дѣйствительная шѣра!— съ невозмутимой серьезностью проговорилъ Сидней.

— Даже болѣе дѣйствительная,—возразилъ ему Перси Севилль, не понявъ ядовитого смысла его замѣчанія.— Преповѣдникъ обращается къ своей публикѣ, вооруженный властью, тогда какъ этотъ жалкій писакъ по пенни за строчку...

— Вооруженный правдой!—съ саркастическимъ смѣхомъ перебилъ его Сидней.

Севилль съ досадою пожалъ плечами и замолчалъ, а внимательная хозяйка дома тономъ дружескаго упрека замѣтила своему задорному гостю:

— Полноте, пожалуйста, м-ръ Грагамъ! Я увѣрена, что вы сказали это только ради краснаго словца. Согласитесь же хотя съ тѣмъ, что это до нельзя одностороннее произведеніе, авторъ котораго ни однимъ словомъ не обмолвился ни о нашемъ великодушіи, ни о гостепримствѣ, ни о семейныхъ добродѣтеляхъ и ни объ одномъ изъ тѣхъ высокихъ качествъ, которыя признаются за нами даже иновѣрцами.

— Но зачѣмъ же сталъ бы онъ распространяться о томъ, что и безъ него извѣстно всѣмъ и каждому!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— По настоящему, нашему главному равнину не мѣшало бы принять свои мѣры и наложить запрещеніе на эту безнравственную книгу,—строго проговорила либеральная м-съ Монтегю Сампелъ.

— Но, душа моя, — возражалъ ей мужъ, — главный раввинъ тутъ ровно ничего не можетъ сдѣлать, потому что онъ не имѣетъ никакого права вѣдѣваться въ дѣла недателей и книгопродавцовъ.

— Все таки ему слѣдовало бы серьезно поговорить съ этимъ господиномъ, — настойчиво повторила мисси.

— Да, вѣдь, мы и понятія не имѣемъ о томъ, кѣмъ написана эта книга, — замѣтилъ ей Перси Севилль: — „Эдуардъ Аринтеджъ“ разумеется не настоящая фамилія, а псевдонимъ автора. Вы очень удивились бы, если бы узнали настоящія фамиліи нѣкоторыхъ литературныхъ свѣтилъ, съ которыми я встрѣчаюсь иногда въ ихъ кружкахъ.

— Ужъ, конечно, это не настоящая фамилія автора, если только онъ еврей, съ жеманствомъ вскричалъ Сидней. — Надо, однако, отдать ему справедливость въ томъ, что онъ, нанося удары другимъ, не прачется за уголъ и не старается выгородить самого себя, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ доморощенныхъ патриотовъ.

Перси слегка покраснѣлъ, принявъ, очевидно, послѣднія слова за камушекъ, направленный въ его особу.

— Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать имени этого Аринтеджа на подписныхъ листахъ, — сказала м-съ Генри Гольдсмитъ, снѣжна устранить возможность столкновѣнія между ея гостями.

— Я знаю, что есть какой то Аринтеджъ, ежегодно вносящій по двѣ гиней въ Общество попечительства о бѣдныхъ, — замѣтилъ м-ръ Монтегю Самуэльсъ; но того зовутъ не Эдуардомъ, а Джорджемъ.

— И я тоже помню, что какой то Аринтеджъ подписалъ значительную сумму въ пользу фонда русскихъ евреевъ, — прибавилъ, съ своей стороны, м-ръ Генри Гольдсмитъ. — Но тотъ Аринтеджъ ужъ никакъ не могъ быть изъ числа литераторовъ, потому что онъ пожертвовалъ очень крупный кушъ.

— А я встрѣчала эту фамилію между объявленіями о рожденіяхъ, свадьбахъ и похоронахъ, — вставила Сиззи Левинъ.

— Юдизъ внимательно они слѣдятъ за своей національной литературой,—шепнула Сидней своей сосѣдкѣ, Адди.

Эти объявленія, составлявшія своего рода литературу разрозненныхъ вѣстей, служили соединительнымъ звѣномъ для еврейской націи, противодействуя, съ одной стороны, процессу разобщенія ея въ силу медленнаго вѣднія, а съ другой—образу между ея новыми узниками тѣхъ того, какъ старыя—традиціонныя поверья и красивыя слова, вѣчные обряды, нарочитыя игры, народныя предрассудки и вѣрныя, связывавшія ее между собой вѣрныя даже, чѣмъ предписанія ея закона и общественныя идеалы—обрывались влѣдствіе стремленія къ перенятію новѣйшей культуры, не установившейся еще и не усвоенной окончательно. Англо-саксонская путаница, закрѣпчавшаяся въ отиравленіи богослуженія въ вѣсть-ангской синагогѣ, предоставлявшемся въ простыя дни насильнымъ молебничествамъ, служила нагляднымъ доказательствомъ всеобщаго стремленія забыть первоначальную картинность восточныхъ церемоніаловъ на упрощенно-обычную модную цивилизаціи.

Вообще, когда англійскій „Іешурумъ“ чувствовалъ себя достаточно сытымъ и обросшимъ жиромъ, то онъ не всегда начиналъ брыкаться, но у него являлось страстное желаніе какъ можно больше походить на „Джонъ-Булла“, но, однако, не исчезнуть въ немъ безслѣдно; онъ жаждалъ погрузиться въ его бѣгъ, но такъ, чтобы не утонуть въ немъ; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ слиться съ нимъ и въ то же время остаться самимъ собой. Но попытка реализовать асимптозъ въ человѣческой математикѣ оказалась безуспѣшной, и стремленію „Іешурума“ перейти какъ можно ближе къ „Джонъ-Буллу“ сопровождалось обыкновенно реакціей. Такова ужъ натура „Іешурума“: дайте ему права свободнаго гражданина и предоставьте самому себѣ, и онъ сдѣлается совершенно новымъ человекомъ; но стоитъ только начать преслѣдовать его—и онъ становится опять такимъ же, какъ прежде былъ.

— Но если никто изъ насъ не читалъ произведенія этого Эдуарда Армитаджа, то за что жѣ въ сущности мы нападаемъ

и на него самого, и на его книгу!—съ недоумѣніемъ спросилъ Рафаэль Леонъ.

Миниатюрная и нѣсколько застѣнчивая брюнетка, которую онъ велъ подъ руку къ обѣду, бросила одобрителный взглядъ на своего сосѣда. Отличительной чертой характера Рафаэля Леона было глубоко укоренившееся въ немъ чувство справедливости, въ силу котораго онъ не рѣшился бы осудить безъ оправданія не только автора антиквентовой повѣсти, но даже юварнаго художника рода человѣческаго. Впрочемъ, онъ обнаруживалъ и нѣкоторыя другія странныя свойства, въ томъ же родѣ, вълѣдствіе чего большая часть его родственниковъ смотрѣла на него какъ на полупомѣшаннаго. Всѣ они искренне жалѣли его и не стѣснялись высказывать свои соболѣзнованія почти у него за спиной. Даже Ондией находилъ, что его кузень Рафаэль заводитъ слишкомъ далеко свою добродѣтельную терпимость и гуманность, относясь къ предрасудкамъ своихъ ближнихъ съ тѣмъ уваженіемъ, какого могли заслуживать только сознательныя и здравыя мнѣнія.

— Мы достаточно знаемъ съ этихъ производеніемъ, чтобы имѣть право жаловаться на то, что къ намъ отнеслись недобросовѣстно,—возразила хозяйка дома на замѣчаніе молодого чело-вѣка.

— Литература никогда не относилась къ намъ вполне безпристрастно,—продолжалъ Рафаэль.—Насъ изображали обыкновенно или несемными созданіями, или какими то выродками между людьми. Съ одной стороны, мы видимъ идеализированныя типы Лессинга и Джорджъ Эллиота, а съ другой—плутовъ и каррикатурныхъ шутовъ, воспроизведенныхъ разными романистами и драматургами.

— Но развѣ вы находите, что Джорджъ Эллиотъ и Лессингъ нѣвѣрно изображали еврейскіе типы?—съ озадаченнымъ видомъ проговорила м-съ Генри Гольдсмитъ и такъ пристально взглянула на молодого чело-вѣка, точно спрашивала себя—ужъ не заразился ли онъ отъ своего кузена страстью къ парадоксамъ?

— А я нахожу, что только они и понимали, как слѣдуетъ, постоянный характеръ еврея, — съ жаромъ замѣтила миссъ Сивен Левинъ.

На губахъ миниатюрной бриветты мелькнула почти неуловимая, презрительная усмѣшка.

— Пойдите, пойдите, господа! — вскричалъ Сидней. — Я такъ занялся этой вкусной спаржей, что пропустилъ мимо ушей замѣчаніе Рафаэля на счетъ того, будто никто изъ насъ не читалъ этого злополучнаго *Мордохея Джозефса*. Но теперь, удовлетворивъ свой аппетитъ, считаю своимъ долгомъ заявить, что я читалъ его, и нахожу, что въ немъ больше жизненной правды, чѣмъ въ *Даніэль Дерондъ* и *Натанъ Мудромъ*, взятыхъ даже вмѣстѣ. Конечно, это недозрѣлое и необработанное произведеніе. По всему видно, что художественный даръ автора не освободился еще отъ связывающихъ его нутъ прописной морали, скучныхъ тенденцій и даже какихъ то мистическихъ теорій. Онъ не ограничивается простымъ воспроизведеніемъ характеровъ, но считаетъ своимъ долгомъ неучать читателя, скорѣе душой за своихъ героев и страстно мечтаетъ о недостижимыхъ идеалахъ. Однимъ словомъ, это долженъ быть еще очень и очень юный писатель, который, не довольствуясь тѣмъ, что еврейское общество представляетъ весьма интересныя типы для его пера, малодушно жалуется на то, что оно недостаточно культурно. Но несмотря на все это, произведеніе его настолько удовлетворительно, что его природный талантъ, вѣроятно, въ концѣ концовъ, пробьется на настоящую дорогу.

— Полно, Сидней, — робко сказала Адди, — ну ждали ты серьезно говоришь это?

— Какъ нельзя серьезно, дѣтя мое, — шуточно отвѣтилъ ей кузенъ. — Но, вѣдь, ты не можешь судить объ этомъ, потому что не понимаешь по гречески.

— Ты говоришь же по гречески, а по французски, — возразилъ Рафаэль. — Греческое искусство провѣдываетъ, что между духовной

и тѣлесной красотой должна существовать гармонія, а ты высказываешь взгляды, вынесенные тобой изъ студій новѣжественныхъ французскихъ мастеровъ, воображающихъ только, что они руководствуются греческими образцами.

— Для Ады, какъ греческія, такъ и всякія другія теоріи объ искусствѣ составляютъ пустой звукъ, — со смѣхомъ отозвался Сидней. — Но произведеніе Армитаджа погрѣшаетъ главнымъ образомъ точки зрѣнія греческаго искусства.

— Будьте увѣрены, что и мы тоже подиѣтели бы эти погрѣшности, хотя, быть можетъ, и не стѣнгли бы высказать этого съ такою убѣдительностью, какъ вы, — замѣтила хозяйка дома.

— Конечно, подиѣтели бы, — съ увѣренностью повторила м-съ Монтегю Самуэльсъ.

— Да, это произведеніе не совсѣмъ удовлетворительно со стороны эстетики, — продолжалъ Сидней. — Но если бы картина нашихъ нравовъ, воспроизведенная авторомъ, выполнена была съ большей безупоризненностью въ художественномъ отношеніи, то я охотно извинилъ бы ему, что онъ нѣсколько идеализировалъ наше общество.

— И вы находите еще, что онъ идеализировалъ наше общество! — вскричала до нельзя изумленная м-съ Генри Гольдсмитъ.

— Ну, ужъ такого заключенія мы никакъ не ожидали — хоромъ повторили и всѣ гости.

Вѣдное еврейское общество! Высшіе слои среднихъ его классовъ на этотъ разъ имѣли полное право негодовать и считать себя несправедливо обиженными. Представители этихъ классовъ были такъ увѣрены въ томъ, что они — прекраснѣйшіе люди, отлично образованные, бывавшіе за границей и интересовавшіеся всѣмъ на свѣтѣ: и филантропическими учрежденіями (не только еврейскими, но даже и христіанскими), и народными концертами, и новыми романами, и журналами, и литературными вечерами, и оперой, и музыкальными симфоніями, и политивой, и воскресными

выставками, и корпоративными банкетами; сыновья ихъ получали блестящее образованіе въ оксфордскомъ университетѣ, а дочери учились и музыкѣ, и рисованію, и пѣнію; дома ихъ казались настоящими оазисами оптимизма посреди окружающей ихъ „мерзости запустѣнія“; они были надежными либералами и не менѣе надежными торіями, и вынолняя свои обязанности англійскихъ гражданъ, ни на минуту не выпускали изъ вида интересовъ еврейства; однимъ словомъ, они употребляли всё мѣры къ тому, чтобы страхнуть съ себя цѣпи вѣковыхъ предрассудковъ. Но ихъ похвальныя усилія—поднять какъ можно выше свое національное знамя—пропадали совершенно даромъ, и ихъ же собственные романисты, вмѣсто того, чтобы воспроизводить типъ культурнаго и добродѣтельнаго еврея, съ облагороженными стремленіями, продолжали описывать въ своихъ произведеніяхъ захолустную жизнь вульгарнаго и темнаго люда.

Сидней, всегда снѣло и горячо отстаивавшій свои мнѣнія и не смущавшійся даже и тогда, когда его сарказмы задѣвали и его самого, продолжалъ доказывать, что авторъ *Мордохея Дожезефса* скорѣе идеализировалъ еврейское общество, чѣмъ набросилъ на него тѣнь. Онъ утверждалъ, что современныи англійскии еврейи совершенно чужды религіозныи чувства; что все ихъ благочестіе состоитъ только въ выполненіи обрядовъ своей вѣры въ публичныи собраніяхъ, но, какъ люди мыслящіе и проникательныи, они не придають ровно никакого значенія этимъ обрядамъ и считаютъ излишнимъ соблюдать ихъ въ домашнемъ обиходѣ, что, однако, не мѣшаетъ имъ прикидываться другъ передъ другомъ, будто они свято чтутъ ихъ и въ частной жизни; что, по сведеніи своихъ денежныхъ счетовъ съ синагогой, они думаютъ, что выполнили всё свои обязательства передъ небомъ; что даже сами проповѣдники презираютъ въ думѣ старыи формулы, и что раввины изъявляютъ готовность умереть за еврейство только потому, что оно даетъ имъ возможность эксплуатировать себя и обезпечиваетъ ихъ существованіе; что политическіи основныи обще-

ства давно рухнули, подточенныя лицемеріемъ, хотя еврейскіе ангурь и увѣряютъ, что онѣ цѣлы и невреданы.—Конечно,—прибавилъ молодой человѣкъ въ заключеніе,—такое же растлѣніе нравовъ замѣчается и въ христіанскомъ мірѣ.

Рафаэль счелъ долгомъ замѣтить ему, что между евреями есть не мало людей, которые совершенно открыто отказываются отъ выполненія традиціонныхъ догматовъ своей вѣры; но есть и тысячи глубоко религіозныхъ семей, находящихъ нравственное утѣшеніе въ строгомъ соблюденіи ихъ.

— Разумѣется,—говорилъ онъ,—между нами сплошь и рядомъ встрѣчаются люди, утратившіе вѣру въ святость своей религіи и все таки продолжающіе выполнять вѣршіе ея обряды; по причинѣ, побуждающія ихъ къ этому, такъ сложны, что ихъ несправедливо было бы называть лицемерами. Такъ, недавно одинъ мой знакомый сказалъ мнѣ: „хоть я и не вѣрующій человѣкъ, но чту мою религію сердцемъ моего отца“. Признаюсь, эти слова глубоко тронули меня.

— Это, однако, недурной афоризмъ, — въ раздумьи проговорилъ Сидней. — А что вы скажете, господа, о дѣйствіяхъ нашей богатой общины, вербующей членовъ духовенства между низшими классами? Избирательный методъ, основанный на конкуренціи и представляющій самое обычное явленіе у бѣдныхъ диссидентовъ, неизбѣжно влечетъ за собой подчиненіе пастыря его паствѣ. Наши священнослужители выбираютъ между неоперившейся еще молодежью, пропитанной уже въ глубинѣ души скептицизмомъ и жадно набрасывающейся на подставляемую ей удочку, съ приманкой небольшого жалованья, которое кажется сыновьямъ бѣдныхъ эмигрантовъ блестящимъ вознагражденіемъ. Очевиднымъ же доказательствомъ тому, что профессія священнослужителя не считается у насъ почетной, служитъ тотъ фактъ, что наши священнослужители употребляютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы открыть своимъ дѣтямъ доступъ къ какойнибудь другой карьерѣ.

— Да, къ сожалѣнію, это правда,—съ сочувствіемъ отозвался

Рафаэль.—По настоящему, наши богатые семьи должны были бы вѣнчать себя въ обязанность посвящать по одному изъ своихъ сыновей на служеніе синагогѣ.

— Это, дѣйствительно, была бы прекрасная мѣра,—продолжала Сидней.—Я вѣдожу, что у насъ ужъ слишкомъ много развелось законовѣдцовъ, и намъ не мѣшало бы имѣть побольше докторовъ и людей, умѣющихъ владѣть оружіемъ. Я хотя и мирный гражданинъ, но горжусь моими предками, побывавшими когда то филистимлянъ. Для націи вредно жить исключительно на счетъ своихъ умственныхъ способностей; хотя, съ другой стороны, намъ необходимо изощрять также и эти способности, чтобы успѣшнѣе вести борьбу за существованіе. Я зналъ когда то одного замѣчательно умнаго и образованнаго священнослужителя, съ которымъ я охотѣе любилъ поговорить, и проводилъ у него почти всѣ вечера съ шутки на субботу, — вы, вѣроятно, догадываетесь, на кого я намекаю. И чтожь? Одинъ изъ его сыновей сдѣлался стряпчимъ, а другой маеклеромъ. Вѣзельные богачи, которымъ онъ говорилъ проповѣди, помогли ему пристроить его сыновей. Это былъ милѣйшій человѣкъ, но — какъ вы думаете, господа, — удалось ли бы ему расположить къ себѣ свою духовную цаству, если бы онъ вздумалъ высказывать ей хотя бы такія истины, какія авторъ *Джозефса* высказываетъ своимъ читателямъ?

— Ну, нашъ проповѣдникъ не слишкомъ церемонится съ нами и задаетъ намъ порядочныя головоломки, — со смѣхомъ вскричалъ м-ръ Генри Гольдсмитъ.

Благовоспитанная хозяйка дома слегка поморщилась и поспѣшила смягчить вульгарное выраженіе своего супруга.

— М-ръ Стрелицкій, дѣйствительно, надѣленъ увлекательнымъ даромъ слова, — съ живостью проговорила она. — И замѣчательно, что въ обществѣ онъ держится какъ самый скромный молодой человѣкъ; но за то на каедрѣ проповѣдника онъ превращается въ настоящаго древняго пророка.

— Да, мы были очень довольны, что намъ удалось залучить его въ нашу синагогу,—прибавилъ м-ръ Генри Гольдсмитъ.

Маленькая брижетка слегка вздрогнула при послѣднихъ словахъ.

— Что съ вами?—тревожно спросилъ ее Рафаэль.

— Ничего особеннаго,—отвѣтила молодая дѣвушка.—Знаете, довѣрчиво продолжала она,—несмотря на весь ораторскій талантъ м-ра Стрелицкаго, его догматизмъ производитъ на меня просто удручающее дѣйствіе. Я почему то не довѣряю его искренности и не долбилываю его, и чувствую, что онъ платитъ мнѣ тѣмъ же самымъ.

— Какъ это жаль! Я увѣренъ, что вы оба несправедливы другъ къ другу, — горячо возразилъ Рафаэль.

— Вашъ Стрелицкій, дѣйствительно, созданъ для катедры проповѣдника,—замѣтилъ м-ръ Монтегю Самюэльсъ, бывшій председателемъ въ другой синагогѣ. — Но за то вашъ Розенбаумъ годится только для усиленія конгрегаціи.

М-ръ Генри Гольдсмитъ, вмѣсто отвѣта, только съ досадою пожалъ плечами. Община кенсингтонской синагоги считала просто позоромъ для себя, что ей приходилось ивириться съ такимъ духовнымъ пастыремъ, какимъ былъ второй ея проповѣдникъ, м-ръ Розенбаумъ, который никогда не думалъ, что ему придется провозносить проповѣди и совѣтъ не былъ подготовленъ къ своей профессіи.

— Я тоже слышалъ кое-что объ этомъ господинѣ,—съ умишкой прибавилъ Сидней,—и очень удивляюсь тому, что вы оставляете въ званіи священнослужителя человѣка, пользующагося репутациею отчаяннаго мота и картежника.

— Да какъ вамъ сказать?—въ раздумьи отвѣтилъ м-ръ Генри Гольдсмитъ.—Мы держимъ его отчасти потому, что у него прекрасный голосъ, благодаря которому у него имѣются свои приверженцы; отчасти же потому, что шадимъ его, какъ человѣка, обремененнаго семьей.

— А Стрелицкій еще не женатъ?—опять спросилъ Сидней.

— Нѣтъ еще, но конгрегація надѣется, что онъ не долго останется не жеватымъ. Я, впрочемъ, не рѣшаюсь дѣлать ему никакихъ намековъ на этотъ счетъ, потому что онъ такъ сдержанъ въ обращеніи, что съ нимъ не ловко вступить въ интимный разговоръ.

— Въ его положеніи и слѣдуетъ держаться съ подобающимъ достоинствомъ,—проговорила миссъ Сиззи Левинъ.

— Я совершенно согласна съ вами,—не торопливо отвѣтила красавица хозяйка, сопровождая свои слова величественнымъ наклоненіемъ головы.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы и въ нашей синагогѣ былъ такой же проповѣдникъ, какъ Стрелицкій,—сказалъ Рафаэль.— Нашъ Михаэльсъ, конечно, очень почтенный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человекъ, но, какъ проповѣдникъ, онъ нестерпимо скученъ.

— Другъ мой, ну ужаси ты хочешь извести въ конецъ традиціонный типъ нашего пастыря, долгъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы возводить на алтарь закланія своихъ овецъ?—со свѣхомъ вскричалъ Сидней.—Покорись лучше своей участи и не посягай на его священное право доводить до умопомраченія свое многострадальное стадо.

— Я ужъ и то пробовалъ намекать этому Михаэльсу, чтобы онъ утѣрилъ свое усердіе и говорилъ проповѣди не болѣе одного раза въ мѣсяцъ,—съ видомъ покорной жертвы замѣтилъ и-ръ Монтгоу Самуэльсъ.—Но онъ ни на что не обращаетъ вниманія и безжалостно мучаетъ насъ каждую субботу.

— Видишь, Ади, до какого жестокосердія можетъ довести человека суровое чувство долга,—съ иронической улыбкой продолжалъ Сидней.—М-ръ Михаэльсъ такъ ревностно защищаетъ еврейское правовѣріе, что и не замѣчаетъ того, что доводитъ почти до изступленія своихъ правовѣрныхъ слушателей, и договаривается, наконецъ, до того, что бессознательно и самъ впадаетъ въ ересь, а еретики только потираютъ руки отъ удовольствія, подводя итогъ его историческихъ промаховъ и грамматическимъ ошибкамъ.

— Мы все таки не можемъ отказывать ему въ уваженіи, какъ убѣжденному еврею и добросовѣстному труженику, — возразилъ Рафаэль.

За десертомъ опять возобновились разсужденія и предположенія о бракѣ Стрелицкаго, послужившемъ темой для дальнѣйшаго разговора о бракахъ вообще и о возростающемъ стремленіи молодежи вступать въ смѣшанные браки. Какъ ховлева, такъ и ихъ гости горячо высказывались противъ подобныхъ браковъ и утверждали, что они непременно приведутъ къ окончательному паденію еврейства.

— Но, господа, зачѣмъ же отсрочивать то, чего нельзя избѣжать? — спокойно говорилъ Сидней, обращаясь къ собранію. — Къ чему вы держитесь съ цѣпкостью какихъ то манназовъ излюбленнаго вами слова — еврейство? Неужели же мы должны коверкать свою жизнь ради этого слова, если еще не отжившаго, то уже отживающаго свой вѣкъ? По моему, вами иллюзіи — навѣки зажмнутесь въ самихъ себѣ — одни романтическія бредни, которыми вы только смущаете наивныхъ и ограниченныхъ людей, виѣняя имъ въ священную обязанность оставаться вѣрными традиціоннымъ идеаламъ. Что же касается до меня, то, по правдѣ сказать, я по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ забываю иногда о томъ, что принадлежу къ еврейской націи. Такое же затменіе нашло на меня и въ то время, когда я плавалъ по Нилу въ *dahabiga*, а вы молились здѣсь, въ вашихъ синагогахъ, ударяя себя кулаками въ грудь, благодаря чему я не повѣдалъ ни пальмамъ, ни пеликанамъ о томъ, что мои единовѣрны ежегодно переживаютъ священный кризисъ очищенія отъ грѣховъ, которому предшествуетъ не менѣе священная эпидемія поголовнаго покаянія.

Пораженные слушатели съ укоромъ смотрѣли на молодого челоуѣка, хотя и не вѣрили тому, что онъ дѣйствительно былъ такимъ отчаяннымъ безбожникомъ, какимъ прикидывался. Адди печально опустила голову внизъ.

— Мужъ и жена разныхъ религій не могутъ наслаждаться не-

тиннымъ счастьемъ, — съ убѣжденіемъ проговорила, наконецъ, м-съ Генри Гольдсмитъ.

— Можетъ быть, — возразилъ Сидней. — Но почему невѣрующимъ евреямъ не вступать въ браки съ невѣрующими христианами и наоборотъ? Не все ли равно — на еврейскіе ли, или на христианскіе будетъ жевать еврей, не стѣсняющійся нарушать предписанія своего закона?

— Мы ужь потому не должны допускать смѣшанныхъ браковъ, что не имѣемъ отечества, — отвѣтилъ Рафаэль. — Подобные браки не такъ шокировали бы насъ, если бы мы не были лишены этого естественнаго достоинства; теперь же намъ слѣдуетъ позаботиться хотя объ огражденіи нашихъ человѣческихъ границъ.

— Ты высказываешь иногда очень дѣльные замѣчанія. Но я все таки не понимаю, для чего намъ ограждать какія бы то ни было границы и стремиться къ существованію въ качествѣ отдѣльнаго народа?

— Для выношенія возложенной на насъ миссіи, — торжественнымъ тономъ замѣтилъ м-ръ Монтегю Самюэльсъ.

— Какой это миссія, — позвольте узнать. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе интересуетъ меня, что я никакъ не могу добиться удовлетворительнаго отвѣта на него.

— Миссія свидѣтелей Божіихъ, — съ внушительнымъ видомъ произнесла м-съ Генри Гольдсмитъ, ощипывая кисточку винограда и грациозно поднося ягоду къ своимъ морщинистымъ губкамъ.

— Свидѣтелей, превращающихся нерѣдко въ лжесвидѣтелей! — саркастически вскричалъ Сидней. — Былъ у меня пріятель между христианами, художникъ по профессіи, который долго ухаживалъ за одной молодой дѣвушкой и чуть не ежедневно посѣщалъ домъ ея родителей. Наконецъ, онъ сдѣлалъ предложеніе своей возлюбленной, которая, какъ водится, отправила его для переговоровъ къ своему отцу, и мой бѣдный пріятель тутъ только въ первый разъ узналъ, что онъ въ теченіе дѣльныхъ четырехъ лѣтъ посѣщалъ домъ еврея, который, разумѣется, на отрѣзъ отказалъ ему

въ рукѣ своей дочери. Право, ни одинъ сатирикъ не могъ бы придумать болѣе трагич-комической развязки! Можетъ быть, и этотъ еврей тоже считалъ себя свидѣтелемъ Вожинъ; но въ такомъ случаѣ, онъ довольно своеобразно понималъ сущность своей мисси, о которой онъ ни слова не проронилъ человѣку, посѣщавшему его почти каждый день. И замѣтите, это не исключительный случай, а одно изъ самыхъ обыкновенныхъ у насъ явленій. Заграницей благоразумный англійскій еврей всегда держитъ свое еврейство за ширмами, а дома отводитъ ему мѣстечко только на кухнѣ. Отправляясь путешествовать, онъ считаетъ за лучшее не обременять своихъ дорожныхъ чемодановъ неудобными грузомъ еврейства. Вообще онъ такъ скроменъ, что предпочитаетъ сохранять полное невѣжество относительно своей вѣры, такъ что даже его еврейскія газеты высылаются ему въ оберткахъ не съ газетными, а какими то другими ярлыками. Какъ же согласить все это съ его высокой миссией? Я говорю это, конечно, не въ осужденіе моихъ единовѣрцевъ, между которыми есть много весьма почтенныхъ, доброжелательныхъ и великодушныхъ людей. Но я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ мы вѣняемъ себя въ обязанность мучиться ради какой-то утопической идеи? Неужели жизнь недостаточно тяжела, что мы стараемся еще больше затормозить ее? Я нахожу, что идеалисты—самый ограниченный народъ на свѣтѣ. Они водружаютъ какое нибудь возлюбленное ими знамя и начинаютъ проклинать весь міръ, если онъ не слѣдуетъ за ними. Свидѣтели Вожин! Ловко придумано — нечего сказать! Но между этими свидѣтелями есть не только такіе субъекты, которые, подобно мнѣ, чужды всякихъ религіозныхъ убѣжденій, но даже такіе, которые заслуживаютъ скорѣе названія дьявольскихъ свидѣтелей. Мы ниѣмъ, пожалуй, не большее право на названіе свидѣтелей Вожинъ, чѣмъ испанскіе маранни, носившіе въ теченіе цѣлыхъ поволеній маску христіанства. Въ сущности, многіе изъ нашихъ собратьевъ и до сихъ поръ еще остались мараннами,— я говорю, разумѣется, не о тѣхъ, которые посвящаютъ себя литературной, или какой либо другой общественной дѣятельности, а

о такъ называемыхъ „религіозныхъ евреяхъ“. Однажды, гуляя по набережной въ День Очищенія, я цѣлое утро забавлялся тѣмъ, что читалъ объявленія на дверяхъ закрытыхъ еврейскихъ лавокъ: „Закрыта по случаю сведенія счетовъ“, гласило одно.—„По случаю семейнаго праздника“, значилось на другомъ.—„По случаю ремонта“, и т. д.

— Но все же эти люди считаютъ своимъ долгомъ постыться,—возразилъ и-ръ Генри Гольдсмитъ.—А это доказываетъ, что духовная сторона не умерла въ нихъ.

— Духовная сторона—какъ бы не такъ!—иронически вскричалъ Сидней.—Не вѣрнѣ ли будетъ сказать, что въ нихъ дѣйствуетъ просто суевѣріе и трусливый страхъ навлечь на себя громи небесныя. Кроме того, постъ дѣйствуетъ также возбуждающимъ образомъ на ихъ чувственную сторону. Повѣрьте, что если бы День Очищенія не сопровождался постомъ, то онъ давно уже утратилъ бы всякое значеніе въ глазахъ этихъ людей. Выкиньте хорошенько въ смыслъ этого объявленія—„лавка закрыта по случаю семейнаго праздника“.

— Чтожъ изъ этого, что между нами есть ижевидѣтели?—спокойно проговорилъ Рафаэль.—Это нисколько не измѣняетъ значенія нашей миссіи, состоящей въ распространеніи ученія Торы объ истинномъ Богѣ до тѣхъ поръ, пока ученіе это не сдѣлается достояніемъ всего міра.

— Но, вѣдь, мы же не распространяемъ этого ученія.

— Нѣтъ, распространяемъ. Какъ христіанская, такъ и магометанская религіи являются отголоскомъ еврейскаго вѣроученія, и при посредствѣ этихъ двухъ религій, мы избавили міръ отъ язычества и выяснили для него ту непреложную истину, что слова Богъ и нравственный законъ—составляютъ одно и то же понятіе.

— Значить, мы находимся въ положеніи замѣтнаго стараго учителя, праздно стоящаго въ классѣ, гдѣ дѣломъ преподаванія занимаются бывшіе его ученики?

— Все нѣтъ. Мы находимся скорѣе въ положеніи учителя,

протестующаго противъ уклоненія его бывшихъ учениковъ отъ преподаннаго имъ ученія.

— Но развѣ мы выражаемъ чѣмъ нибудь нашъ протестъ?

— Разумѣется. Мы выражаемъ его даже самымъ фактомъ своего существованія со времени нашего разсѣянія по землѣ, а подъ гнетомъ преслѣдованій возбуждаемыхъ противъ насъ, протестъ этотъ проявляется въ еще болѣе опредѣленной формѣ. Не даромъ же Провидѣнне дало намъ силу пережитьъ всѣ ужасы темныхъ временъ—и нашествіе готовъ и гуновъ, и крестовныя походы, и владѣтельство священной римской имперіи, и періодъ Торквемады. Не даромъ также сравнительно ничтожная горсть евреевъ заняла такое видное мѣсто въ исторіи человѣчества и оставила слѣды своего существованія на воѣхъ отрасляхъ его дѣятельности, начиная съ науки и литературы и кончая искусствомъ. Поэтому мы должны крѣпче, чѣмъ когда либо, держаться нашей древней вѣры, такъ долго соединявшей насъ вмѣстѣ и пережившей египетскую, ассирійскую, римскую, греческую и мавританскую культуры. Но если бы даже мы и начали замѣчать, что утратили ее, то намъ все таки не слѣдуетъ порывать связь, существующую между нами. Какъ знать—можетъ быть, утраченная вѣра снова возродится въ насъ. Рассовое сродство—великая сила, зачѣмъ же добровольно разрушать ее? Что же касается до жаранновъ, о которыхъ ты упоминалъ сейчасъ, то это были въ своемъ родѣ герои, — хотя, можетъ быть, и искалѣченные герои, — такъ какъ въ нихъ ни со-вмѣстная жизнь съ христіанами цѣлыми доболѣніями, ни даже смѣшанные браки не могли заглушить патріотическихъ чувствъ, которые заговорили въ нихъ, наконецъ, съ такой силой, что между ними нашлись настолько благородные и самоотверженные люди, что не задумались отказаться отъ своего привилегированнаго положенія въ обществѣ и отправились въ добровольное изгнаніе, чтобы посвятить себя служенію Богу своихъ протцевъ. Такой же феноменъ духовнаго возрожденія можетъ произойти и съ нашими

богатыми английскими евреями, отворачившими лицо свое от собственной плоти.

Маленькая брюнетка, не проронившая ни слова изъ того, что говорилъ молодой энтузіастъ, видимо была поражена его горячей рѣчью.

— Если ты кончилъ свою проповѣдь, то передай мнѣ, пожалуйста, бананъ,—небрежнымъ тономъ проговорилъ Сидней.

Рафаэль печально улыбнулся и молча исполнилъ просьбу кузена.

— А я не на шутку начинаю бояться, что Рафаэль обратитъ меня въ еврейство, если мнѣ придется часто бесѣдовать съ нимъ,—шутливо прибавилъ Сидней. — Я рассчитывалъ провести въ Лондонѣ все Рождество, а теперь ужъ думаю, что для меня, пожалуй, самое лучшее будетъ убраться поскорѣе на Ривьеру, потому что я никакъ не ожидалъ, что мнѣ придется выслушивать здѣсь богословскія лекціи.

— Напрасно. Рождество лучше всего проводить въ Лондонѣ,—замѣтила м-съ Генри Гольдсмитъ.

— А я нахожу, что въ Брайтонѣ,—возразилъ ей мужъ.

— И я тоже предпочитаю Брайтонъ,—вставилъ м-ръ Монтегю Самуэльсъ.

— Но туда съѣзжается такая масса евреевъ!—наивно вскричалъ еврейскій патриотъ, Перси Севилль.

— Да, это правда,—отозвалась м-съ Генри Гольдсмитъ.— Представьте себѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ посчастливилось найти прелестнѣйшую деревеньку, въ окрестностяхъ Девоншайра, гдѣ мы отлично провели все лѣто, и въ слѣдующемъ же году тамъ расположились ужъ два еврейскихъ семейства на лѣтній сезонъ. Ну, я, конечно, ужъ не заглядывала туда больше.

— Да, евреи точно лутѣмъ отгадываютъ, гдѣ должно быть хорошо въ лѣтнее время,—прибавила, съ своей стороны, м-съ Монтегю Самуэльсъ.—Лѣтъ пять тому назадъ, излюбленной ихъ

резиденціей былъ Рамсетъ, а теперь даже и въ Верхней Шотландіи нельзя отъ нихъ спрятаться.

Тутъ хозяйка дома встала изъ за стола и вибѣсть съ прочими люди удалась въ гостиную, предоставивъ джентльменамъ полную свободу наслаждаться сигарани, кофе и парадоксами Сиднея, который не замедлил перейти отъ религиозныхъ вопросовъ къ оживленному спору о драматической литературѣ.

На подносѣ, внесенномъ въ столовую, между стаканами съ кофе, стоялъ также и молочникъ со сливками, служившій вещественнымъ доказательствомъ побѣды, одержанной хозяйномъ дома надъ его экономкой. Дѣло въ томъ, что такъ какъ старшій Ааронъ Гольдсмитъ разрѣшалъ себѣ молочную пищу не иначе какъ по прошествіи шестичасового промежутка послѣ обѣда, то и сынъ его былъ подвергнутъ той же самой діетѣ, которую почтенному джентльмену пришлось бы соблюдать, вѣроятно, до конца дней благочестивой Мери Орейли, если бы онъ не отважился, наконецъ, потребовать, чтобъ ему подали сливокъ къ кофе. Но рѣшившись на такой смѣлнй поступокъ, онъ счелъ, однако, необходимымъ привести уважительную причину въ свое оправданіе, и съ виноватымъ видомъ объяснилъ своей домоправительницѣ, что такъ какъ джентльмены, посѣщающіе его домъ, далеко не все такъ богобоязненны, какъ онъ, то долгъ гостепріимства вынуждаетъ его относиться снисходительно къ чужимъ слабостямъ.

М-ръ Генри Гольдсмитъ не любилъ кофе безъ сливокъ, а такъ какъ за его обѣдомъ всегда присутствовалъ кто нибудь изъ его знакомыхъ, то онъ могъ совершенно свободно сваливать собственный грѣхъ на плечи своихъ ближнихъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ МОТИВОВЪ.

Не кивайте мнѣ, цвѣточки,
Пѣсни, пташка, мнѣ не пой;
Небо ясное, не смѣйся,
Мое горе, не развѣйся!
Одиною тропой
Черезъ ямы, черезъ кочки
Въ мѣрѣ грусти я хожу
И, грустя, на мѣрѣ гляжу.

* *
*

О, умолкни, шумъ прибрежный;
Звѣзды, погасите свѣтъ;
Вѣтеръ, удержи дыханье;
Жги меня, мое страданье,
Жги! мнѣ счастья здѣсь нѣтъ!..
Полонъ грусти братски-нѣжной,
Слышу бѣдный мой народъ:
Пѣсню рабства онъ поетъ...

Юлія Гессенъ.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

IV¹.

Акціонерныя компаніи, государство и коллективизмъ.

Мы старались выяснить, что концентрація экономическихъ силъ и капиталовъ далеко не всегда и не вездѣ приводитъ къ накопленію богатствъ въ рукахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Факторами этого сосредоточенія по большей части являются общества, компаніи, т. е. собирательныя лица. Въ общемъ говоря, акціонерныя компаніи представляютъ собою характеристическую черту современнаго экономического строя. Онѣ подчиняютъ себѣ промышленность, финансовыя обороты, торговлю, даже земледѣліе и колониальныя предприятия, овладѣваютъ сферами, которыя казались имъ совершенно чуждыми, и по всѣмъ направленіямъ распространяютъ свое вліяніе. Уже почти у всѣхъ народовъ механическое производство и эксплуатация силъ природы происходятъ обыкновенно при ихъ посредствѣ. Господство ихъ обезпечено въ настоящемъ, и, если всѣ признаки насъ не обманываютъ, имъ принадлежитъ будущее. Акціонерныя общества повидимому будутъ царствовать во всемъ мірѣ; они вступили въ наслѣдство свергнутыхъ съ престоловъ феодаловъ и старинной аристократіи. Они овладѣютъ міромъ, потому что близится часъ, когда все на свѣтѣ подчинится акціонерному началу.

Въ дѣловомъ мірѣ акціонерныя общества занимаютъ первое мѣсто. Враги капитализма указываютъ на нихъ, какъ на излюбленное орудіе капитала, отождествляя ихъ вліяніе съ властью денегъ, съ плутократіею съ «промышленнымъ и финансовымъ феодализмомъ». Мы уже выяснили, что такой взглядъ на дѣло

¹ См. „Восходъ“, кн. XI 1894 г.

представляетъ собою странное заблужденіе. Сильно ошибаются тѣ, кто усматриваетъ въ акціонерныхъ обществахъ отпрыскъ и факторъ плутократіи. Наоборотъ, они являются естественнымъ и вполне самостоятельнымъ порожденіемъ демократическаго строя. Не плутократія даетъ имъ жизнь: они возникаютъ и процвѣтаютъ только въ странахъ, гдѣ уже произошло сильное дробленіе капиталовъ. Они являются представителями мелкаго и средняго капитала, не способнаго дѣйствовать самостоятельно и вынужденнаго прибѣгнуть къ ассоціаціи, чтобы вести широкія дѣла, такъ что въ современныхъ обществахъ или по крайней мѣрѣ во Франціи, еще далеко не искусно пользующейся ассоціаціоннымъ началомъ, свободное соединеніе капиталовъ пока одно представляетъ собою привычное и умѣлое пользованіе этимъ началомъ. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ матерьяльные интересы привели къ достиженію результатовъ, пока еще по большей части недоступныхъ духовнымъ интересамъ. Правда, почти вездѣ государство, законъ, политика относились менѣе недоувѣрчиво къ первымъ, чѣмъ ко вторымъ, и хотя это не дѣлаетъ чести ни намъ, ни нашимъ правителямъ, но фактъ остается фактомъ. Такимъ образомъ акціонерное общество или ассоціація капиталовъ является единственною формою ассоціаціи, которая вполне у насъ акклиматизировалась, получила общее признаніе и проникла всюду. Объясняется это конечно тѣмъ, что изъ всѣхъ формъ ассоціаціи соединеніе капиталовъ было наиболѣе безотлагательно, настойчивѣе всего требовалось современной промышленною нашею цивилизаціею.

Однако въ то время, какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, акціонерныя общества являются излюбленнымъ орудіемъ плутократіи, другія, а часто тѣ же лица усматриваютъ въ нихъ безсознательныхъ предвѣстниковъ и какъ бы непроизвольныхъ пионеровъ грядущаго коллективизма. По этому взгляду, крупная промышленность и акціонерныя общества такъ-сказать противъ воли работаютъ на пользу дѣла, которое они не понимаютъ и которое гораздо шире ихъ задачъ, — работаютъ они на пользу этого дѣла, сокрушая на своемъ пути мелкія предпріятія, беспощадно уничтожая ремесленниковъ и мелкія мастерскія, лишая заработковъ мелкую промышленность и торговлю, приучая народы къ крупному производству и принуждая ихъ къ совмѣстной

дѣтельности. Намъ говорятъ, что акціонерныя общества тѣмъ вѣрнѣе исполняютъ въ современной экономической эволюціи свою задачу, что они ея не сознаютъ, а задача эта заключается въ проложеніи дороги коллективизму. Эти горделивыя компаніи служатъ-де вѣрнѣйшимъ средствомъ социальнаго переустройства, въ силу котораго современные народы перейдутъ отъ частной промышленности и собственности къ промышленности и собственности коллективной, общественной. Такимъ образомъ крупная промышленность, крупная торговля и крупное банковое хозяйство, — эти орудія нынѣшняго капитализма вызываютъ сосредоточеніе экономическихъ силъ на пользу коллективизма. Эти исполинскія общества съ ихъ бюрократическою организаціею, съ ихъ арміями чиновниковъ и рабочихъ, дисциплинированныхъ по военному, съ ихъ обширнымъ дѣлопроизводствомъ, напоминающимъ дѣлопроизводство казенное, представляютъ собою естественный переходъ отъ разъединеннаго общества, гдѣ производство раздѣяно по частнымъ мастерскимъ, къ будущему коллективному строю, гдѣ торговля, земледѣліе, промышленность, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ работать всѣ въ равной мѣрѣ для обезпеченія интересовъ общества. Ненавидный капитализмъ составляетъ только кратковременный фазисъ и неизбежно приведетъ къ коллективизму. Капитализмъ, на подобіе революціи, сожретъ собственныхъ дѣтей. Сосредоточивая богатство націи въ рукахъ акціонерныхъ обществъ, капиталъ самъ куетъ себѣ гибель или, вѣрнѣе говоря, подготавливаетъ свою націонализацію, ибо общество, организованное коллективно, будетъ представлять собою исполинскую компанію, сосредоточивающую въ себѣ всѣ капиталы и всѣ орудія производства, акціонерами и чиновниками которой будутъ всѣ граждане безъ исключенія. Не представляютъ-ли уже теперь акціонерныя общества до извѣстной степени коллективный строй? Правда, этотъ строй обнимаетъ пока только незначительное число гражданъ и устанавливается въ интересахъ извѣстныхъ группъ или классовъ населенія, но онъ воспитываетъ народъ въ духѣ коллективизма и, слѣдовательно, подготавливаетъ его къ осуществленію коллективнаго строя во всей его полнотѣ. Чтобы осуществить исконную мечту человѣчества, превратить утопію въ дѣйствительность, останется только соединить крупныя компаніи, слить

акціонерныя общества и возложить ихъ функціи на государство, какъ представителя всей націи.

Такого рода разсужденія то и дѣло провозглашаются социалистами: они стали общимъ мѣстомъ, и тѣмъ не менѣе сколько въ нихъ непониманія, какъ они софистичны! Соціалисты и ихъ легковѣрные ученики соблазняются чисто-внѣшнею аналогіею. Несомнѣнно, что акціонерныя общества являются собирательными лицами, насчитывающими тысячи и десятки тысячъ членовъ; но принужденіе не играетъ тутъ никакой роли: всякій становится или перестаетъ быть акціонеромъ по своему желанію, и въ отличіе отъ коллективнаго строя акціонерныя общества всецѣло основаны на принципѣ частной собственности. Эти ассоціаціи строго охраняютъ индивидуальный взносъ, и заслуга ихъ заключается въ томъ, что въ общемъ имуществѣ всякій участвуетъ только въ размѣрахъ своего взноса. И, если вы называете такое устройство коллективнымъ, то этотъ родъ коллективизма одинъ только можетъ быть признанъ справедливымъ, разумнымъ, практическимъ, плодотворнымъ и законнымъ, потому что онъ относится съ уваженіемъ къ индивиду, его собственности и правамъ. Но не будемъ злоупотреблять словами, не будемъ обманывать себя и другихъ призранными аналогіями. Да не прогнѣваются социалисты: акціонерныя общества не имѣютъ ничего общаго съ коллективизмомъ, — нѣтъ, они составляютъ и по своей организаціи прямую его противоположность. Они не только не готовятъ коллективнаго строя, какъ думаютъ нѣкоторые, а напротивъ преграждаютъ ему путь; они — мы сейчасъ это выяснимъ — совершаютъ то, что при теперешней промышленной нашей организаціи недоступно отдѣльному индивиду и вслѣдствіе отсутствія свободныхъ частныхъ обществъ могло бы быть совершено только совокупностью, государствомъ.

Итакъ, совершенно невѣрно, будто бы акціонерныя общества, каковы бы ни были ихъ недостатки или ихъ значеніе, являются предвѣстниками коллективизма, какъ ихъ нельзя считать и пособниками плутократіи. Если ближе присмотрѣться къ дѣлу, ихъ роль заключается скорѣе въ томъ, чтобы насъ въ равной мѣрѣ защитить противъ тираніи, исходящей отъ эгоизма плутократовъ или грубаго насилія коллективистовъ. Они одни, можетъ быть, могутъ съ успѣхомъ противодействовать

одновременно и поворному господству буржуазныхъ олигарховъ, и обезсиливающему ядру коллективизма, подводящаго всѣхъ подъ одну мѣрку. Если бы не было акціонерныхъ обществъ, возбуждающихъ къ себѣ теперь ненависть съ разныхъ сторонъ, намъ оставался бы только выборъ между этими двумя видами рабства.

1.

Какъ мы выяснили, акціонерныя общества являются естественнымъ послѣдствіемъ демократическаго строя и дробленія капитала. Они могутъ зарождаться и процвѣтать только въ странахъ, гдѣ богатство составляетъ достояніе многихъ. Чѣмъ сильнѣе дробятся состоянія, тѣмъ больше нарождается акціонерныхъ обществъ, потому что дробленіе капиталовъ неизбежно приводитъ къ ассоціаціи для осуществленія общими силами того, что недоступно отдѣльному капиталисту. Вотъ почему у народовъ, гдѣ территоріальныя условія способствовали расцвѣту огромныхъ частныхъ состояній, на родинѣ плутократовъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, акціонерныя общества были недавно еще сравнительно менѣе многочисленны и вліятельны, чѣмъ въ Европѣ ¹.

Если не всегда по своей организаціи, то по своему составу акціонерныя общества представляютъ собою буржуазный или, вѣрнѣе, демократическій элементъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій ². Они являются представителемъ особенно почтеннаго начала, всюду сильно содѣйствовавшаго социальному

¹ Таково было, кажется, безспорно до сихъ поръ положеніе дѣлъ въ Америкѣ. Не надо однако смѣшивать временныя или постоянныя синдкаты банкировъ или заводчиковъ, стремящихся господствовать на рынкѣ или сосредѣливать въ своихъ рукахъ данный товаръ, всѣ эти trusts, pools, rings и cогners съ акціонерными обществами. Но и въ Америкѣ съ каждымъ днемъ акціонерное начало развивается все полнѣе, и это служитъ доказательствомъ, что и тамъ плутократическое сосредоточеніе капиталовъ становится исключеніемъ.

² Напомню для примѣра, что даже Французскій Банкъ насчитывалъ въ 1894 г. 28,000 акціонеровъ, а Общество Поземельнаго Кредита 36,000. Кромѣ того, какъ кредитныя общества, такъ и желѣзнодорожныя, располагаютъ все большимъ числомъ акціонеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается среднее количество акцій, приходящихся на каждого изъ нихъ. Это еще полнѣе оправдывается понятію на владѣльцахъ облигацій. См. отчеты 1894 г.

прогрессу, но, къ прискорбію, подавленнаго и обезсиленнаго правительствомъ у насъ, во Франціи,—именно начала ассоціаціоннаго.

По примѣру невѣжественной публики, французское законодательство слишкомъ часто заблуждалось въ этомъ отношеніи. Если законъ допускаетъ разнаго рода ассоціаціи для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, то казна особенно охотно облагаетъ ихъ всевозможными налогами и сборами, повидимому не подозрѣвая, что, облагая налогами эти ассоціаціи, она по большей части поражаетъ ими средній или мелкій капиталъ. Дѣйствительно, какое внутреннее противорѣчіе представляетъ тотъ фактъ, что при демократическомъ строѣ разнаго рода финансовыя, промышленныя и торговыя общества облагаются чрезвычайными спеціальными налогами, а между тѣмъ финансовыя тузы, крупные коммерсанты и промышленники освобождаются отъ нихъ, потому что располагаютъ достаточными капиталами, чтобы учреждать банки, магазины или фабрики безъ посторонняго содѣйствія! Очевидно, тутъ упускается изъ виду, что, облагая тяжелыми налогами акціонерныя общества, правительство косвенно создаетъ своего рода привиллегію для крупнаго капитала и плутократовъ. Такимъ образомъ равноправность нарушается въ ущербъ маленькимъ людямъ законодателями, слишкомъ невѣжественными или легкомысленными, чтобы уяснить себѣ послѣдствія вотируемыхъ ими законовъ. Эти самоувѣренные законодатели съ ихъ финансовыми мѣропріятіями и мнимыми реформами напоминаютъ намъ истукановъ псалмопѣвца, которые, имѣя уши, не слышать и, имѣя глаза, не видятъ.

У насъ, во Франціи, существуетъ налогъ на доходъ съ движимой собственности, недавно еще усиленный французскимъ республиканскимъ правительствомъ въ эпоху полнаго мира ¹. Истинное значеніе этого спеціальнаго налога мало кѣмъ по достоинству оцѣнивается и въ палатахъ, и въ печати. Вѣдь этотъ налогъ, чрезвычайный характеръ котораго очевиденъ, въ сущности вѣдь поражаетъ только ассоціаціи, такъ какъ всякаго рода ассоціаціи: промышленныя, торговыя, финансовыя, земле-

¹ Налогъ этотъ былъ установленъ въ 1872 г. вслѣдствіе страшныхъ расходовъ, вызванныхъ войною 1870 г. и 20 лѣтъ спустя былъ повышенъ съ 3 до 4%.

дѣльческія, обложенныя этимъ сверхкомплектнымъ налогомъ. несутъ и всѣ другіе налоги или сборы, установленныя для однородныхъ частныхъ предпріятій ¹. Стоитъ только превратить данное предпріятіе: горнозаводское, банковое, торговое или земледѣльческое въ товарищество на паяхъ, чтобы оно подлежало этому новому налогу.

И невѣжество или предубѣжденія публики такъ велики, что находится не мало мнимыхъ реформаторовъ, такъ называемыхъ защитниковъ маленькихъ людей, которые, не довольствуясь этимъ налогомъ на дозволенный закономъ ассоціаціи, требуютъ его усиленія, потому что думаютъ, что они имъ поразятъ ненавистный капитализмъ ². Какъ бы то ни было, получилось слѣдующее явленіе: въ области промышленнаго или торговаго соперничества, замѣнившаго у цивилизованныхъ народовъ вооруженную борьбу первичныхъ племенъ, сообщества людей слабыхъ, вступающихъ въ союзъ, чтобы соединенными силами достигнуть того, что недоступно отдѣльному индивиду, подвергаются демократическимъ государствомъ своего рода штрафу въ формѣ налога ³. Представьте себѣ ипподромъ, на которомъ мелкіе коннозаводчики, вступая въ союзъ, оспаривали бы призъ у знаменитыхъ крупныхъ коннозаводчиковъ, и предположите, что лошади,

¹ Чтобы уяснить себѣ сущность этого налога на доходъ съ движимой собственности, надо помнить, что акціи или облигаціи не составляютъ цѣнности сами по себѣ, а представляютъ собою только цѣнности, которыя несутъ всѣ налоги, общегосударственные или мѣстные. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые предпріятія, въ родѣ Парижскаго Общества Омнибусовъ, уплачивали государству въ городѣ не 4 % съ дохода, а 200 или 300 (въ 1892 г. 121 фр., въ 1893 г.—131 фр. на акцію при дивидендѣ въ 40 фр.). Другое общество этого рода уплачивало ежедневно съ каждаго экипажа 2 фр. 44 сент., между тѣмъ какъ доходъ на капиталъ составлялъ всего 11 сент. (см. Отчетъ правленія за апрѣль 1894 г., стр. 38, рубрику разныхъ налоговъ). Пусть самъ читатель высчитаетъ процентъ, взимаемый казною.

² Нѣкоторые изъ представителей „христіанскаго социализма“ прямо требуютъ у насъ въ своихъ программахъ увеличенія налога съ движимой собственности.

³ Еще въ концѣ прошлаго года въпарламентская подоходная коммиссія не задумалась одобрить слѣдующую статью: „Торговныя и промышленныя предпріятія должны подлежать болѣе высокому налогу, когда они эксплуатируются акціонерными обществами, чѣмъ когда они находятся въ рукахъ частныхъ лицъ“.

купленные сообща крестьянами или скромными фермерами, допускались бы къ состязанію только съ излишнимъ привѣскомъ въ нѣсколько килограммъ,—и вы составите себѣ ясное понятіе о нашемъ республиканскомъ законодательствѣ, касающемся ассоціацій.

2.

Такъ какъ ассоціаціи представляютъ собою соединеніе капиталовъ для финансовыхъ, промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, то ихъ назначеніе повидимому заключается въ томъ, чтобы освободить мелкихъ капиталистовъ отъ гнета крупныхъ. Трудно конечно допустить, чтобы онѣ могли совершенно устранить крупныя фирмы, но тѣмъ не менѣе казалось бы, что онѣ могутъ ограничить ихъ власть и противодѣйствовать ей. И дѣйствительно, онѣ достигли этой цѣли въ промышленной сферѣ и даже, хотя и въ меньшей степени, въ банковской. Такъ, въ Парижѣ, если исключить одну фирму, правда занимающую первое мѣсто, кредитныя общества опередили всѣ частныя фирмы, а въ провинціи ихъ побѣда можетъ считаться полною¹.

Многія общества увлеклись биржевыми операціями и застряли въ сыпучихъ пескахъ биржевого ажіотажа. Неоднократно во Франціи и въ другихъ странахъ акціонерныя общества подъ предводительствомъ черезъ-чуръ смѣлыхъ вождей вступали въ открытую борьбу съ финансовыми тузами и старались свергнуть ихъ съ престола. Мы не станемъ напоминать здѣсь громкую и злополучную кампанію, предпринятую «Union générale». Намъ еще представится случай вернуться къ этимъ не особенно лестнымъ биржевымъ сраженіямъ. Читатели знаютъ, что побѣда осталась не за безыменными акціонерами. Многое соединилось, чтобы вызвать пораженіе смѣльчаковъ, мечтавшихъ о томъ, чтобы штурмомъ вять биржевую твердыню. Пораженіе объясняется и самоувѣренностью вождей, и рискованнымъ характеромъ ихъ операцій, и необузданностью спекуляціи. Но надо признать, что этотъ примѣръ обезкураживалъ. Во всякомъ случаѣ дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ многихъ

---

¹ О быстромъ развитіи кредитныхъ обществъ см. эту же виконта Авеноса въ „Revue des deux mondes“ (отъ 1-го января 1895 г.).

оживленныхъ стычекъ и чувствительныхъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами, на большинствѣ денежныхъ рынковъ между акціонерными обществами и частными фирмами установился миръ. Они перестали поѣдать другъ друга и поняли, что имъ приходится оперировать совмѣстно. Поэтому они рѣшили соблюдать правила добраго сосѣдства и при случаѣ заключать союзы, вмѣсто того, чтобы вести гибельную для обѣихъ сторонъ борьбу. Между ними установился своего рода *modus vivendi*: представители или товарищи крупныхъ банковыхъ фирмъ стали сами вступать въ акціонерныя общества, занимая должности директоровъ или предсѣдателей правленій ¹.

Съ этимъ фактомъ находится въ связи другой: образовался своего рода финансовый главный штабъ, руководящій дѣлами большинства акціонерныхъ обществъ. Правда, акціонеры выбираютъ предсѣдателей, директоровъ, членовъ правленія и ревизионныхъ комиссій, но обыкновенно по указаніямъ учредителей обществъ или правленій. Такъ какъ акціонеры по большей части другъ друга не знаютъ и встрѣчаются только мимолетно или случайно, то, являясь на общія собранія, они обыкновенно безъ всякой оппозиціи одобряютъ лицъ, имъ предложенныхъ. Составъ правленій, правда, образуется путемъ выборовъ, но эти выборы напоминаютъ тѣ, которые происходятъ въ академіяхъ наукъ. Директора и члены правленій по большей части одни являются компетентными судьями относительно пригодности того или другого кандидата, и взоры ихъ обращаются преимущественно на друзей или родственниковъ. Такимъ образомъ во главѣ акціонерныхъ обществъ образовался своего рода тайный комитетъ, правда, раздѣленный иногда на враждебныя партіи, но фигурирующій почти во всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ. Если хотите, мы тутъ имѣемъ дѣло съ новымъ финансовымъ феодализмомъ, который окольнымъ путемъ добился наслѣдственности должностей.

Однако, не слѣдуетъ думать, что эти дѣятели вербуются

---

¹ Въ отдѣльномъ этюдѣ, специально посвященномъ банковому міру, мы постараемся рассмотреть вопросъ, почему побѣда нерѣдко оставалась за частными фирмами.

исключительно въ средѣ промышленной или финансовой, въ такихъ семействахъ, члены которыхъ вслѣдствіе воспитанія или по наслѣдству какъ бы особенно подготовлены къ дѣламъ. Нѣтъ, это правило допускаетъ исключенія. Хотя, дѣйствительно, отчеты многихъ акціонерныхъ обществъ подписываются все одними и тѣми же именами, но тѣмъ не менѣе директоры и члены правленій, по большей части вербуемые все въ тѣхъ же кружкахъ, представляютъ большое разнообразіе. Такъ, вы встрѣтите между ними лицъ весьма различнаго происхожденія или социальнаго положенія, начиная съ коммерсантовъ и предпринимателей, проложившихъ себѣ самостоятельную дорогу въ жизни и кончая титулованными потомками прежней аристократіи; на ряду съ ними насчитывается не мало политиковъ въ отставкѣ, представителей всѣхъ партій, вырывавшихъ другъ у друга изъ рукъ политическое вліяніе. Свѣтскіе люди встрѣчаются бокъ-о-бокъ съ дѣловыми; вмѣстѣ съ тяжеловѣсными милліонерами засѣдаютъ элегантные представители аристократическихъ клубовъ, у которыхъ вѣтеръ ходитъ и въ карманѣ, и въ головѣ. Одни служатъ обществамъ своимъ опытомъ или знаніями, другіе—своимъ элегантнымъ видомъ и блескомъ своихъ фамилій и титуловъ; есть и такіе, которые отличаются только большимъ аппетитомъ и небольшою угодливостью.

Быть можетъ, самымъ существеннымъ недостаткомъ этой организаціи служить то обстоятельство, что эти дѣятели посвящаютъ себя слишкомъ большому количеству дѣлъ, и поэтому часто оказывается, что они не въ состояніи съ ними справиться и, вслѣдствіе недостатка времени, подготовки или самостоятельности, вынуждены положиться на предсѣдателя правленія или директора, который въ сущности одинъ распоряжается всѣми дѣлами. Членовъ правленій и вообще должностныхъ лицъ слишкомъ много и, вопреки установившемуся мнѣнію, ихъ труды слишкомъ плохо оплачиваются. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ публика сильно заблуждается: чтобы правленія дѣйствовали успѣшно, надо было бы сократить ихъ составъ, довольствоваться меньшимъ числомъ членовъ, но лучше ихъ вознаграждать.

Изъ всѣхъ реформъ это была бы самая простая и, несо-

миѣнно, самая дѣйствительная. По большей части должность члена правленія или ревизионной комиссиі признается только выгодною синекурою. Нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей являются на службу только для того, чтобы подписывать бумаги, и вознаграждаютъ себя за скудное жалованье разными побочными доходами. Такимъ образомъ развилось особаго рода финансовое дармоѣдство. Но дармоѣдомъ является тутъ не банкиръ или предприниматель, а всѣ эти свѣтскіе люди или политики, которые увиваются около акціонерныхъ обществъ, оспаривая другъ у друга крохи и объѣдки.

Самыми жадными и подозрительными изъ этихъ дѣятелей являются политики, народные представители, бывшіе министры или должностныя лица, извлекающія денежные выгоды изъ своихъ депутатскихъ полномочій или официальныхъ связей и, вмѣсто знаній или трудолюбія, предоставляющихъ обществамъ свое вліяніе въ разныхъ канцеляріяхъ. Многимъ депутатамъ, всей этой фалангѣ голодныхъ политиковъ, наполняющихъ собою избирательныя собранія, участіе въ государственныхъ дѣлахъ, какъ извѣстно, служить только средствомъ поправить свои денежные дѣла и пробить брешь въ царство богатства и удовольствій. Депутатскія полномочія представляются имъ своего рода векселями, выданными на банки и акціонерныя общества въ виду невозможности предоставить всѣмъ мѣста министровъ или высокопоставленныхъ лицъ. Вѣдные депутаты или эскъ-депутаты... На нихъ нельзя слишкомъ претендовать; они заслуживаютъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Вѣдь надо жить, а политика не всегда кормитъ тѣхъ, кто на нее работаетъ. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, хорошо жить въ Парижѣ на 9,000 франковъ, предоставляемыхъ провинціальнымъ депутатамъ, заручившимся довѣріемъ своихъ согражданъ. Тѣ изъ нихъ, которые лишены другихъ ресурсовъ, стараются ихъ создать, и имъ кажется вполне законнымъ, чтобы предъявленіе депутатскихъ полномочій раскрывало передъ ними всѣ двери.

«Сенаторы и депутаты всѣхъ партій, — писалъ уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ одинъ независимый журналъ ¹, —

¹ Economiste français, отъ 8 ноября 1879 г.

кидаются на акціонерныя общества, какъ на свою добычу; званіе министра въ отставку (за послѣднее время курсъ этого званія сильно понизился) давало право на мѣсто предсѣдателя правленія; сенаторы и депутаты должны были довольствоваться мѣстами членовъ правленія». Уже тогда, по расчету этого журнала, насчитывалось отъ 200—300 парламентскихъ дѣятелей, находившихся въ погонѣ за подобнаго рода «синекурами», правда, оплачиваемыми непосредственно довольно скудно, но предоставляющими другіе побочные доходы ¹. Мнѣ лично извѣстны политическіе дѣятели, которые, не располагая средствами для приобрѣтенія бумагъ акціонерныхъ обществъ, дѣлами которыхъ они хотятъ завѣдывать, добиваются, хотя не всегда успѣшно, ссудъ изъ разныхъ кредитныхъ обществъ.

Это зло наблюдается преимущественно въ городскихъ думахъ и въ тѣхъ акціонерныхъ обществахъ, которыя по роду своихъ дѣлъ вынуждены поддерживать постоянныя сношенія съ правительствомъ. Промышленныя общества, транспортныя конторы, газовыя общества подвергаются своего рода насилію: они вынуждены предоставлять мѣста членовъ правленія политическимъ дѣтелямъ, депутатамъ или городскимъ гласнымъ, которые служатъ имъ громомъ, устранивающимъ отъ нихъ удары демократическаго соперничества.

Соціалисты неоднократно возвѣщали съ высоты трибуны объ этомъ общественномъ недугѣ. Одинъ изъ нихъ окрестилъ его названіемъ «взаимодѣйствія между политикою и финансами» ². Соціалисты правы: это — язва нашихъ дней. Она развращаетъ общественную и частную нравственность. Но это взаимодѣйствіе, вопреки распространеннымъ предубѣжденіямъ, совершается скорѣе во вредъ дѣловому міру, чѣмъ государству: не финансовыя дѣятели проникаютъ въ политическую среду, — наоборотъ, политическіе дѣятели проникаютъ въ дѣловую міръ. Однако, эта близкая связь между дѣловыми людьми и государственными дѣтелями приноситъ не малый вредъ: они развращаютъ другъ друга. Ихъ союзъ или ихъ сосѣдство окружаютъ насъ самыми зловредными испареніями. Такъ, въ при-

¹ *Economiste français*, тамъ-же.

² Рѣчь, произнесенная 21 іюля 1894 г.

брежныхъ частяхъ маремъ, гдѣ сливаются соленыя и прѣсныя воды, эта смѣсь особенно сильно заражаетъ воздухъ и распространяетъ далеко вокругъ злокачественныя лихорадки.

И тутъ вѣроисповѣданіе ровно ни при чемъ.

Пер. Р. Сементковскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ИСАИИ.

Гл. 58.

Взывай къ народу Моему
И объяви, пророкъ, ему,
Что всѣ дѣла его преступны.
Напрасно ищетъ онъ Меня,
Напрасно горькими слезами
Рыдаетъ онъ, свой рокъ кляня,—
Онъ жаждетъ грѣшными устами
Смягчить Мой гнѣвъ... Онъ говоритъ:
«Я изнемогъ, душа скорбитъ;
Узришь-ли Ты мои мученья,
Что надъ собою въ день поста
Творю я самъ? Мои уста
Шлютъ каждый день Тебѣ моленья,
Но тщетно—Ты не слышишь ихъ...
Ужель ты жаждешь мукъ моихъ?»..

. . . . .

Почто, скажи мнѣ, подъ собою

Ты стелешь рубище скорбя?
 Почто бичуешь ты себя?
 Я не хочу, чтобъ головою,
 Рыдая, ты къ землѣ приникъ,
 Какъ бурей сломленный тростникъ, —
 Подобный постъ противень Богу.
 Мнѣ нуженъ постъ, но постъ иной:
 Вы заключите межъ собой
 Союзъ любви, союзъ святой,
 Лишь онъ вамъ, смертные, дорогу,
 Проложить къ райскому чертогу.
 Вы сокрушите идолъ зла,
 Сорвите вы съ рабовъ оковы,
 А съ обагренаго чела
 Пророковъ вашихъ — тернъ суровый.

Не въ томъ-ли постъ, угодный мнѣ,
 Чтобъ вы дѣлились кровомъ, пищей,
 Когда въ слезахъ взываетъ нищій?
 Чтобъ вы въ душевной глубинѣ
 Мои завѣты свято чтили,
 Чтобъ вы кощунственной рукой
 Моихъ скрижалей не разбили?
 Вотъ постъ, что жажду всей душой!..

И разверну Я надъ тобою
 Тогда, народъ мой, міръ чудесь,

И Я тогда Свой ликъ открою,
И ты узришь Царя небесъ.
И если Мнѣ поплешь моленья,
Услышу Я мольбу твою, —
Разсѣю скорбныя сомнѣнья
И въ вѣрѣ духъ твой укрѣплю.

Клянусь — обѣта не нарушу —
Твою съ небесной высоты
Я насыщу въ бездожде душу.
Тогда, Израиль, будешь ты,
Какъ садъ, водою напоенный.
И если, Богу обреченный,
Субботній день почтишь любя, —
Творить не будешь дѣлъ обычныхъ
И прихотей своихъ привычныхъ,
Я возвеличу вновь тебя.
Твой край родной опустошенный,
Сіонъ врагами оскверненный,
Мной будетъ вновь возстановленъ;
Придетъ конецъ твоимъ невздамъ,
И будешь снова нареченъ
Моимъ возлюбленнымъ народомъ!

Х. Зингеръ.

ИЗЪ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Гл. 25, ст. 11.

Звонкаго, чистаго золота
Мастерь беретъ и куеть;
Быстро ударами молота
Яблоко онъ создаетъ.

Сковано яблоко,—мастеръ влагаетъ
Въ кубокъ серебряный плодъ золотой.
Какъ это яблоко въ кубкѣ сверкаетъ,—
Мудрое слово блеститъ предъ толпой.

Федоръ Сологубъ.

ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ ВОЛОЖИНСКАГО ЕШИБОТА.

(ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ).

IV¹.

Время праздниковъ прошло безслѣдно, уступивъ свое мѣсто самымъ обыкновеннымъ пасмурнымъ буднямъ. Наступили тяжелые, мрачные осенніе дни и, вмѣстѣ съ ними, тяжела и мрачна стала самая жизнь бѣдныхъ мѣстечковыхъ обывателей. Вопросы о хлѣбѣ насущномъ и о тепломъ пріютѣ для себя и семейства стали такими неотступными, что бѣдные обыватели просто головы терли въ щогадкахъ, откуда добыть себѣ кой какія средства къ поддержанію своего жалкаго существованія. Тяжела и мрачна стала также и жизнь бѣдныхъ ешиботниковъ. Выбившаяся было изъ своей колеи, по случаю осеннихъ праздниковъ и каникулъ, обыкновенная ешиботская жизнь теперь снова потекла по своему старому, десятками лѣтъ проторенному, пути. Съѣхавшіеся изъ разныхъ сторонъ старыя и новыя ешиботники, какъ «вписанные» въ ешиботскій журналъ, такъ и «невписанные», снова послѣ кратковременнаго отдыха принялись за работу. И самымъ раннимъ утромъ, и самой поздней ночью, то и дѣло можно было встрѣтить какого нибудь спѣшащаго въ ешиботъ или возвращающагося оттуда ешиботника, съезжившагося и сгорбленнаго въ своемъ, еле защищающемъ его отъ жестокой стужи пальто, въ дрянныхъ сапогахъ и съ тяжелымъ фоліантомъ подъ мышкою. Въ ешиботѣ, по крайней мѣрѣ, всегда бывало тепло и свѣтло. Огни въ немъ никогда не потухали, и смѣна въ нѣсколько десятковъ человекъ всегда, и въ самую глухую полночь, остава-

---

¹ См. „Восходъ“, кн. I. 1895 г.
Восходъ, кн. 3.

лась въ его стѣнахъ. Грустнымъ, надтреснутымъ голосомъ каждый изъ нихъ повторялъ свое и какимъ то замогильнымъ стономъ отдавались среди глубокой тишины безконечныхъ осеннихъ ночей ихъ глухія, заунывные причитанія. Жутко становилось иногда смотрѣть на ихъ пожелтѣвшія лица съ помутнѣвшими, жадно устремленными въ раскрытыя фоліанты глазами, только изрѣдка зажигающимися какимъ-нибудь живейшимъ блескомъ, свидѣтельствовавшимъ о какой нибудь новой мысли или находкѣ, открытой кѣмъ нибудь въ неисчерпаемомъ морѣ Талмуда. Но торопиться домой на «станцію» никому не хочется. Въ холодной, сырой и вмѣстѣ съ тѣмъ душной комнатѣ ничего хорошаго нельзя было ожидать. Въ нетопленной конурѣ съ одной дѣрой вмѣсто окна лежитъ до пяти ешиботниковъ. Всѣ мѣста даже на полу уже заняты,—и тебѣ даже не на что опереть свою отяжелѣвшую отъ напряженія и усталости голову. На столѣ ты найдешь нѣсколько необлупленныхъ картошекъ, немножко соли и корку черстваго хлѣба, которую заботливая «хозяйка» оставила тебѣ на ужинъ. Проснешься—и опять летишь въ ешиботъ, снова надрываешь себѣ грудь, ищешь утѣшенія въ разрѣшеніи неразгаданныхъ истинъ и въ нахожденіи отвѣтовъ на неразрѣшенные вопросы. А тамъ—опять непосильный умственный трудъ, холодъ, голодъ и лишенія....

Одинъ только человѣкъ иногда невольно вносилъ какое нибудь живое разнообразіе въ монотонную и забитую жизнь ешиботниковъ, принося каждому изъ нихъ своимъ появленіемъ или какую нибудь свѣтлую радость, или, наоборотъ, какую нибудь тяжелую скорбь. Это былъ ешиботскій письмоносецъ Лейзеръ. Его сгорбленная, сутуловатая фигура, толстый, красный носъ, маленькіе, заплаканные глаза, рыжая съ просѣдью борода и коротенькая деревянная трубка въ зубахъ—производили какое-то особенное дѣйствіе на каждого ешиботника, еще издали заставляя его волноваться какимъ нибудь томительнымъ ожиданіемъ. Медленно и чинно отправлялся ежедневно Лейзеръ на почту, бережно неся въ одной рукѣ толстую пачку писемъ, испещренныхъ различными помарками, каракульками и еле разборчивыми адресами, а въ другой—толстую палку. Тщательно, съ озабоченнымъ видомъ и жадно всматриваясь черезъ большія круглыя стекла очковъ въ каждый конвертъ, онъ бережно опускалъ въ ящикъ

каждое письмо отдѣльно. Ни одно письмо не уходило по своему назначенію прежде, чѣмъ онъ не продержалъ-бы его въ своихъ рукахъ, и при этомъ ни одинъ конвертъ, какъ-бы плотно онъ бы ни былъ задѣланъ, не могъ скрыть отъ него содержанія спрятаннаго въ немъ письма. Лейзеръ такъ хорошо зналъ душу каждого ешиботника, его горе и радости, надежды и ожиданія, что всегда могъ точно опредѣлить по одному только адресу и внѣшнему виду писемъ—о чемъ каждый пишетъ, на что онъ жалуется, чего просить, что онъ сообщаетъ и о чемъ спрашиваетъ. Чинно и важно возвращался Лейзеръ съ почты со своей неизмѣнной трубкой въ зубахъ и круглыми очками на носу, постукивая палкой, шествуя, несмотря на непролазную грязь, по самой серединѣ улицы и съ чувствомъ собственнаго достоинства неся въ рукахъ только что полученныя письма. Отъ него не могло скрыться и то, что нѣкоторые неполнѣ благонамѣренныя ешиботники позволяютъ себѣ получать письма безъ его вѣдома прямо съ почты,—и онъ, не безъ основанія, поспѣшилъ мысленно внести ихъ въ списокъ «неблагонадежныхъ».

— О-о-хъ!—пригрозилъ онъ однажды одному ешиботнику, прямо мимо него прошмыгнувшему подъ прикрытіемъ сумерекъ по направленію къ почтѣ:—о-охъ, Бирскеръ, ты тоже что-то началъ въ послѣднее время часто на почту бѣгать: смотри, не собираешься-ли ты набѣдокурить!...

И онъ энергично засосалъ свою трубку и сердито сплюнулъ въ сторону.

Лейзеръ не ошибся. Черезъ нѣсколько дней ко миѣ въ комнату тихо пробрался какой-то молодой человекъ, съ полнымъ одутловатымъ лицомъ, окаймленнымъ маленькой курчавой бородкой, въ темномъ пальто, коротенькихъ панталонахъ и коричневой помятой шляпѣ на самомъ затылкѣ—и, неловко поклонившись, прямо протянулъ миѣ свою потную холодную руку. Это былъ Бирскеръ. Онъ съ беспокойствомъ оглядывался по сторонамъ, какъ-бы боясь засады, и тревожно засовывалъ дальше подъ пальто какую-то книжку. Я насторожился и началъ внимательно разглядывать его фигуру.

— Я хочу учиться... по русски,—какимъ-то ломаннымъ еле внятнымъ языкомъ вымолвилъ онъ и тотчасъ-же обернулся назадъ, чтобы убѣдиться плотно-ли затворена за нимъ дверь.—Я

получилъ письмо отъ отца — о, онъ большой рабинъ!—продолжалъ онъ по русски, немилосердно ломая и коверкая каждое слово:— и онъ мнѣ разрѣшилъ заниматься два часа въ сутки изученіемъ языковъ; онъ даже обѣщалъ прислать мнѣ денегъ, чтобы нанять учителя; вы, говорятъ, знаете по русски, и я поэтому рѣшилъ попросить васъ быть моимъ учителемъ.

— Вы уже немного учились по русски?

— О, я уже много занимался; я даже и грамматику всю знаю наизусть.

— Такъ что вы уже читать навѣрное умѣете?

— Гм!—улыбнулся онъ и вмѣсто отвѣта вытащилъ изъ за пазухи хрестоматію Галахова въ старомъ истрепанномъ переплетѣ, испещренномъ со всѣхъ сторонъ различными еврейскими и русскими надписями, свидѣтельствующими о «принадлежности этой книги къ мѣщанину» такому то,—и положилъ ее предо мною на столъ.

— По какой книгѣ вы начали учиться читать?

— По этой.

— Какъ по этой? Другихъ у васъ не было?

— Другихъ у меня нѣтъ. У меня еще была книжка Паульсона, но я ее бросилъ.

— Почему?

— Что я тамъ буду учить? Что я тамъ найду для себя интереснаго? Что у лошади четыре ноги, а у зайца длинныя уши? Я этого не понимаю и никакъ не могу догадаться, что «онъ» этимъ хочетъ мнѣ сказать...

— А въ этой книгѣ что вы прочли?

— Всю книгу отъ начала до конца.

— Позвольте полюбопытствовать, какъ вы читаете?

Онъ раскрылъ книгу на первой страницѣ, гдѣ изъ цѣлаго хаоса хитро сплетенныхъ, вычурныхъ завитушекъ, каракуль и множества клякъ скромно выглядывали два слова: «Рейнскій водопадъ». Упершись обѣими ладонями въ край стола, онъ усердно закачался впередъ и назадъ и началъ читать, то и дѣло сбиваясь, шепелявя, сливая и недоканчивая словъ:

— Предшставте шебѣ болсую рѣку..

Я его остановилъ.

— О, намъ будетъ много работы съ вами: намъ придется начать чуть ли не съ азбуки.

— Зачѣмъ? Я уже всю эту книгу выучилъ. Я и еще много книгъ читалъ: Спенсера, Богрова...—тутъ у ешиботниковъ есть.

— Когда же вы можете ко мнѣ приходить заниматься?

— Отъ половинны второго до трехъ часовъ пополудни...

— Господь съ вами! Зачѣмъ такъ поздно?

— Раньше нельзя: еще могутъ узнать.

— Кто можетъ узнать? Вѣдь отецъ вашъ уже знаетъ объ этомъ и, какъ вы сами говорите, даже совѣтовалъ вамъ учиться языкамъ.

— Они могутъ узнать, что я трачу время на постороннія дѣла и тотчасъ же лишать меня «вожера».

— Ну, хорошо, приходите завтра, только пораньше, и принесите съ собою не эту книгу, а непременно ту, первую, которую вы бросили.

Онъ пожалъ плечами, какъ бы недоумѣвая къ чему я это такъ наставляю, уныло опустилъ голову и, тяжело вздохнувъ, вышелъ.

V.

Давидъ-Хаимъ Бирскій не принадлежалъ собственно ни къ одному изъ тѣхъ кружковъ, на которые распадалось большинство ешиботскихъ воспитанниковъ. Одинъ его виѣшній видъ уже доказывалъ, что въ немъ не было никакихъ рѣзко характеризующихъ чертъ, по которымъ его можно было бы отнести къ той или другой группѣ ешиботниковъ. Въ его глазахъ, выпуклыхъ, немного влажныхъ и безцвѣтныхъ, нельзя было видѣть ни той глубины, вдумчивости и сосредоточенности, которыя характеризуютъ любого изъ ешиботскихъ ревнителей «машмидимъ», ни той подозрительности и скрытой злобы, которыя такъ рѣзко отличали размножившихся въ послѣднее время, съ легкой руки Поплавера, среди ешиботниковъ — недовольныхъ, мятежниковъ и «подрывателей основъ». Въ немъ видно было какое-то броженіе, какое-то безпокойное исцаніе чего-то, но онъ, очевидно, не успѣлъ еще всецѣло предаться ни одному изъ теченій ешиботской жизни. Первые проблески только что зарождавшейся «палестинфильской» идеи также благополучно миновали Бирскаго и нашли себѣ благодар-

ную почву въ средѣ другихъ, болѣе горячихъ годовъ и болѣе поэтическихъ душъ, центромъ которыхъ сдѣлался популярный Рѣждеръ. Бирскій не франтиль, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался не казаться «клаузникомъ»: его коричневаго цвѣта шляпа, хотя помятая и поломанная, все-таки неизмѣнно прикрывала ему голову, преимущественно затылокъ, ни разу не уступивъ своего мѣста какому нибудь будничному картузу; его панталоны, хотя испачканныя и сильно потертыя внизу, все-таки оставались «панталонами». Это былъ полнолицый, улыбающійся, добродушный молодой человекъ. Онъ зналъ почти всѣхъ своихъ товарищей, со всѣми дружилъ, былъ отзывчивъ на всякія нужды, одному помогая своими послѣдними грошами, другому отдавая свою рубашку, возился и бѣгалъ около больныхъ. Старшіе по возрасту и познавѣямъ относились къ нему снисходительно и прощали ему его нѣкоторую наивность и ограниченность, младшіе—считались ему равными. Онъ уже третій годъ состоялъ воспитанникомъ ешибота. Въ первый годъ онъ былъ замѣчательнымъ ревнителемъ, машидомъ. По цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ не разставался съ Талмудомъ, но мало-по-малу онъ началъ отставать, сталъ уклоняться въ сторону болѣе доступной и интересовавшей его внутренней хозяйственно-общественной жизни ешибота и все рѣже и рѣже заглядывалъ въ туманную и таинственную область Талмуда. Рошъ-ешива, возлагавшій на него вначалѣ большія надежды, теперь махнулъ на него рукой, и только уваженіе къ его отцу, популярному раввину, еще заставляло прощать Бирскеру его все болѣе возраставшій индифферентизмъ къ святому ученію.

Изъ ешиботскихъ кружковъ одинъ оказался наиболѣе замкнутымъ, изолированнымъ и совершенно недоступнымъ для Бирскаго. Это былъ тѣсный кружокъ нѣсколькихъ лицъ, успѣвшихъ уже вкусить не только отъ древа познанія, но и отъ «древа жизни». Это были люди, которые уже, очевидно, сыграли свои роли на жизненной аренѣ и теперь, поломанные и помятые жизнью, удалились сюда единственно для того, чтобы всецѣло окунуться въ неисчерпаемое море Талмуда и на самомъ дѣлѣ его искать забвенія и утѣшенія. Центромъ и душою этого маленького кружка былъ странный и загадочный для всѣхъ ешиботниковъ — Хельмеръ. Высокаго роста, широкочечей и сутуловатый, въ легкомъ осеннемъ пальто, плотно надвинутой на глаза шляпѣ и съ тол-

стоя суковатю палкою въ рукавъ,—онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды прочихъ воспитанниковъ ешибота, всегда гулялъ одинъ, держался особнякомъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Уже при одномъ взглядѣ на его коротко подстриженную физиономію, сѣрые выпуклые глаза и изборожденный одною рѣзкою морщиной широкій лобъ, — можно было сдѣлать предположеніе, что это какой нибудь отрицатель, нигилистъ. О немъ ходили самыя разнообразныя слухи; ешиботники съ благоговѣніемъ передавали другъ другу, что это бывшій студентъ, литераторъ и философъ, свѣтло европейской науки. Извѣстно было только, что онъ ежедневно въ опредѣленный часъ приходилъ въ ешиботъ, молча направлялся къ своему мѣсту, раскрывалъ свой фоліантъ, и, упершись обоими локтями въ столікъ, глубокомысленно впиралъ свой взоръ въ книгу и въ такомъ положеніи оставался нѣсколько часовъ. Вокругъ него раздавались самыя разнообразныя голоса: каждый ешиботникъ по своему боролся съ представлявшимися ему затрудненіями въ дѣлѣ пониманія и уясненія себѣ наиболѣе занутанныхъ и затуманенныхъ въ лабиринтѣ талмудической казуистики мѣслей. Одни неистово кричали, другіе чуть ли не плакали, третьи—яроство покачивались изъ стороны въ сторону, четвертые — съ остервенѣніемъ ударили указательнымъ пальцемъ все въ одно и то же, очевидно, роковое и непроходимое для нихъ мѣсто въ Талмудѣ. Одинъ только Хельмеръ оставался неподвиженъ. Близко нагнувшись надъ фоліантомъ, онъ безмолвно углублялся въ смыслъ нестрѣвшихъ передъ нимъ словъ, угадывалъ недомолвки, восстанавливалъ пропуски, схватывалъ намеки, — и только рѣзкая морщина на лбу его то напряженно углублялась, то на мгновеніе совершенно сглаживалась. Проходившіе мимо почтительно обходили его столікъ на значительномъ разстояніи; только нѣкоторые, наиболѣе смѣлые и любопытные, иногда позволяли себѣ останавливаться за его спиной и, притаивъ дыханіе, подняться на цыпочки, чтобы заглянуть черезъ его плечо въ изучаемый имъ трактатъ. Другіе и этого даже не позволяли себѣ и только ограничивались тѣмъ, что уходили въ уголъ и тамъ внимательно и подобострастно осматривали его толстую суковатую палку. По ночамъ — и это было доподлинно извѣстно—Хельмеръ читалъ русскія газеты и различныя философскія сочиненія.

Бирскеру, со свойственнымъ ему любопытствомъ и вѣчнымъ исканіемъ чего-то, ужасно хотѣлось заглянуть во внутреннюю домашнюю жизнь этого страннаго субъекта и проникнуть въ его тѣсный кружокъ. Но онъ чувствовалъ, что еще къ этому совершенно неподготовленъ, не имѣетъ чѣмъ выступить передъ нимъ и чѣмъ привлечь на себя его вниманіе. Это главнымъ образомъ и руководило Бирскеромъ въ его желаніи непрямѣнно, во что бы то ни стало, научиться по русски. Первоначальныя попытки его изучить этотъ языкъ самостоятельно, очевидно, несмотря на всю его ревность, не привели его къ желаннымъ результатамъ. Какъ-какъ урывками и тщательно скрываясь отъ нескромныхъ глазъ какого нибудь «ревнителя», въ особенности же отъ ненавистнаго всѣмъ ешиботникамъ «шпіона» Шайки, имѣвшаго обыкновеніе, въ качествѣ ешиботскаго служителя, отъ времени до времени заглядывать въ окна ешиботниковъ и о результатахъ видѣннаго доносить кому слѣдуетъ,—Бирскій успѣлъ научиться читать. Онъ началъ безъ всякаго разбору выучивать наизусть цѣлыя статьи изъ попадавшихся ему подъ руку книгъ и даже выучилъ наизусть всю грамматику Антонова со всѣми примѣрами, примѣчаніями и выносками, но, къ величайшему своему сожалѣнію, чувствовалъ въ себѣ еще очень мало силъ для того, чтобы смѣло показаться на глаза Хельмеру, рисовавшемуся въ воображеніи Бирскера на недосыгаемомъ пьедесталѣ.

Тяжелѣе всего было, однако, то, что онъ во всѣхъ этихъ русскихъ книжкахъ, надъ которыми онъ терялъ столько времени и силъ, не находилъ для себя никакого интереса и никакого смысла, и только недоумѣвалъ, чѣмъ «они» тамъ увлекаются и что они находятъ тамъ такого особенно возвышеннаго и душеспасительнаго, передъ чѣмъ слѣдуетъ такъ благоговѣть и преклоняться?

Но дѣлать было нечего: надо было подчиняться обстоятельствамъ,—и онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ началъ читать и перечитывать о томъ, что «жилъ-былъ у бабушки сѣренскій козликъ—вотъ какъ и вотъ какъ—сѣренскій козликъ»... «Вѣроятно, такъ обязательно нужно,—успокаивалъ онъ себя,—и безъ этого никакъ нельзя, если это учать въ гимназіяхъ и университетахъ; но тутъ, повидимому, скрыта какая нибудь глубокая и сложная мысль, которой я еще пока не въ состояніи понять и развить, подобно тому, какъ у насъ на одномъ только словѣ *Ойр* по-

строена цѣлая сложная система по вопросу, о времени уничтоженія наканунѣ Паски всего краснаго... Вотъ Хельмеру это все ясно!.. И онъ еще разъ пробовалъ пречитать то же самое, по-пробовалъ даже прогнѣть весь этотъ отрывокъ точно такимъ же манеромъ, какъ онъ, бываю, напѣваетъ себѣ наиболѣе затруднительныя посмысли въ Талмудѣ, нѣсколько разъ даже поводитъ указательнымъ пальцемъ по воздуху и умоляюще уставился глазами въ потолокъ,—и все-таки *тайный* смыслъ всего этого оставался для него скрытымъ: для него все-таки козликъ оставался простымъ козликомъ, а бабушка — не богѣе, чѣмъ бабушкой!.. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что самъ, собственными своими силами, ни до чего не доберется, что нужно обратиться къ кому нибудь за помощью,—и онъ обратился ко мнѣ.

Первые шаги Бирскера по пути усвоенія русской грамоты были чрезвычайно малы и незначительны. Приходилось снова начинать сначала и даже, по возможности, заставлялъ его забыть то, что досталось ему цѣною столькихъ усилій и трудовъ. Когда онъ явился ко мнѣ въ первый разъ, онъ думалъ, что уже навсегда покончилъ свои счеты съ несносными «сѣренькими козликами» и прочими четвероногими животными,—и прямо приступилъ къ высшей наукѣ. Каково же было его удивленіе, когда я ему объявилъ, что намъ придется снова, какъ ни въ чемъ не бывало, начать именно съ сѣренькихъ козликовъ и такъ, постепенно, шагъ за шагомъ, добраться, наконецъ, до тѣхъ непостижимыхъ высотъ, на которыхъ, по понятіямъ Бирскаго, господствовалъ пока одинъ только Хельмеръ.

Было довольно поздній часъ ночи. Бирскеръ только что окончилъ чтеніе заданной ему статьи, але превозмогая всѣ трудности произношенія. Онъ слегка выпрямился, потянулся и слезно зѣвнулъ.

— Что, мы долго еще будемъ заниматься чтеніемъ этихъ глупостей?—спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что если вы будете стараться, мы скоро это бросимъ и пойдемъ дальше.

— Ну, а «настояція» книжки мнѣ можно будетъ читать?

— Смотря какія. Я вамъ буду рекомендовать тѣ, которыя вамъ будутъ наиболѣе доступны и интересны.

— А развѣ и у «нихъ» бываютъ хорошія, интересныя книги, такія же, какъ и у насъ?

— Случаются иногда.

— Не думаю. Я недавно прочелъ Смоленкина: «Блуждающій на жизненномъ пути»,—и не могу вамъ представить, что со мною стало послѣ чтенія этой книги! Я нѣсколько дней ходилъ, какъ помѣшанный. Она такъ меня поразила и такъ глубоко врѣзалась въ мою душу, что совершила въ ней цѣлый переворотъ. Мнѣ кажется, что это—единственная книга, что такъ и совсѣмъ нѣтъ!

— Вотъ вы современемъ познакомитесь съ русской литературой и увидите тамъ нѣчто подобное.

— Какъ это можетъ быть? Это не можетъ быть! Развѣ у нихъ бывають *такіе*? А у насъ, вѣдь, всѣ почти таковы: съ пяти лѣтъ насъ уже усаживаютъ за книгу, развиваютъ въ насъ мысль, будятъ чувство, а съ 15-ти лѣтняго возраста мы уже начинаемъ блуждать, искать дорогъ, спотыкаемся и нерѣдко падаемъ безвозвратно и погибаемъ. Вы еще не знаете, вы еще не успѣли такъ хорошо присмотрѣться къ нашей ениботской жизни,—а сколько есть среди насъ молодыхъ и несчастныхъ искателей свѣта, которые все свое здоровье кладутъ на то, чтобы донестись до чего нибудь. Есть у меня одинъ товарищъ—Сконимеръ; ему не болѣе какихъ нибудь 18—19 лѣтъ. Въ 12 лѣтъ онъ зналъ уже половину Талмуда наизусть, а въ послѣднее время такъ предался ученію, сдѣлался такимъ отчаяннымъ «машиндомъ», что рѣшительно не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, — и, такимъ образомъ, окончательно надорвался, началъ харкать кровью и теперь находится при смерти. Ужъ я и самъ не знаю, что съ нимъ дѣлать.

— Принимаетъ ли онъ какія нибудь лекарства?

— Принимать-то принимаетъ,—да они ему совсѣмъ не помогаютъ. Хуже всего-то, что онъ совершенно одинокъ,—и никому за него присматривать. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ насъ сговорились по очереди оставаться при немъ по ночамъ. Сегодня очередь за мною — и мнѣ, поэтому, слѣдуетъ поторопиться.

Онъ всталъ и взялся за ручку двери.

— Кстати, у меня къ вамъ просьба,—обратился онъ ко мнѣ послѣ нѣкотораго раздумья:—я сегодня два раза ходилъ къ доктору Красовицкому и просилъ его зайти къ больному, но онъ

все отказывался; потрудитесь вы къ нему сходить: вы съ нимъ скорѣе сговоритесь и, можетъ быть, упрсите его.

— Постараюсь!

VI.

Суровый зимній день клонился къ вечеру. Выпавшій утромъ свѣжій снѣгъ, впервые покрывшій бѣлою пеленою мерзлую землю, еще чувствовалъ себя какъ будто не на мѣстѣ, и, уступая наприказъ прихотливаго вѣтра, переносился съ одного мѣста на другое, собираясь кѣлыми сугробами около заборовъ, забиваясь въ подворотни и подъ стрехи крышъ, какъ бы ища тамъ убѣжища и пріюта. Но вотъ вышелъ степенный, ровный и не любящій шутокъ морозъ. Шаловливый вѣтеръ, покружившись и повертѣвшись въ послѣдній разъ, прогудѣлъ что-то на прощанье обывателямъ черезъ дымовыя трубы, — дескать, топите пожарче: морозъ идетъ!—и унесся далеко-далеко. Морозъ сердито посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Ему сильно не понравилось, какъ безпутный шалунъ вѣтеръ тутъ безъ него похозяйничалъ,—и онъ тотчасъ же принялся за исправленіе его проказъ: сравнялъ неровности, прикрылъ прорѣхи—и уже въ такомъ видѣ прочно приковалъ новый снѣжный коверъ къ землѣ и только сверку усѣялъ его маленькими блестящими алмазами. А блѣдная луна, не дожидаясь сумерекъ, уже стыдливо выглядывала изъ-за тучекъ и какъ бы прिवѣтствовала землю въ ея новомъ бѣломъ одѣяніи.

Пока я возился около печки, подталкивая и переставляя туго разгоравшіяся дрова, кто-то вошелъ въ переднюю, небрежно бросилъ пальто на первую попавшуюся скамейку и началъ заботливо размыскивать надежный уголокъ, гдѣ бы можно было поставить свою палку. Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой человекъ съ коротко подстриженной бородкою, въ старой потертой визиткѣ, изъ-подъ которой видѣлась жилетка съ недостающей внизу пуговкой, и туго стянутые на животѣ ремнемъ или веревочкой брюки. Онъ поклонился и драмо вручилъ мнѣ небольшую засаленную визитную карточку, на которой значилось: «Абрамъ Давидовичъ Чаркунъ. Хельмы».

— А, здравствуйте, здравствуйте! Я уже слыхалъ про васъ и очень разъ васъ видѣлъ,—привѣтствовалъ я его и пошелъ распорядиться о самоварѣ.

Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежало недоконченное мною дѣловое письмо—и близорукими глазами началъ внимательно его разсматривать. Затѣмъ онъ перерылъ всѣ лежавшія на столѣ книги и, выбравъ книжку Спенсера: «Воспитаніе», раскрылъ ее гдѣ-то въ серединѣ и безмолвно углубился въ чтеніе, не обращая на меня никакого вниманія. Чтобы прервать неловкое молчаніе, я придвинулъ къ нему папюросы и зажегъ спичку; онъ закрылъ книгу и закурилъ.

— Я хотѣлъ вамъ показать свое послѣднее стихотвореніе,— вдругъ обратился онъ ко мнѣ, вынувъ изъ кармана какой-то сконканный доскутокъ бумаги, исцещренный мелкимъ еле разборчивымъ почеркомъ, и началъ декламировать какимъ-то особенно напыщеннымъ тономъ, дѣлая необыкновенныя ударенія и повышенія голоса:

„Попробовали-ль вы подъ бременемъ испытаній
Желать все высказать, но словъ не находить?“

Онъ уставился на меня и дрожащимъ отъ волненія голосомъ продолжалъ:

Искать словъ для плача и рыданій,
Чтобы горе души своей излить?—

Онъ перевелъ духъ—

Такъ мнѣ я желаю бы огненнымъ словомъ
Себя раскрыть, но холоденъ мой стихъ:
Такъ и ручей бурлитъ подъ ледянымъ покровомъ,
А сверху—онъ холоденъ и тихъ!..

Онъ нервно сконкалъ свою бумажку и какъ-то въ упоръ посмотрѣлъ на меня, наблюдая, какое дѣйствіе произвели его стихи.

Я спокойно обдумывалъ, въ какой формѣ высказать ему свое мнѣніе.

— Тутъ, можетъ быть, есть идея,—какъ можно мягче замѣтить я,—но въ стихахъ—видите ли—нѣтъ размѣра.

Его обдало холодомъ.

— То есть, какъ это нѣтъ размѣра?

— Не соблюдены извѣстныя правила стихосложенія, въ нихъ нѣтъ музыкальнаго такта.

— Какія же тутъ нужны правила, когда есть идея? Неужели идея должна подчиняться условнымъ правиламъ?—горячо возмущался онъ.—Я не музыкантъ, но эти стихи у меня вырвались изъ глубины души: я ихъ пережилъ и перестрадалъ!

Я постарался разъяснить ему, какъ могъ, что у истинныхъ поэтовъ соблюденіе формъ нисколько не стѣсняетъ мысли, а наоборотъ, придаетъ ей гораздо больше силы и блеска.

— Ну, хорошо, положимъ,—снисходительно уступилъ онъ,— а вотъ въ этой мысли вы тоже будете искать правилъ?

И онъ указалъ мнѣ на другой лоскутокъ бумаги съ написаннымъ на немъ четверостишіемъ:

„О мои страдающіе братья,
 Какія надъ вами тяготы прокляты!
 Сколько есть у васъ невыплаканныхъ слезъ,
 Неудавшихся, обманутыхъ грезъ!..“

— И въ этихъ стихахъ нѣтъ того, о чемъ я вамъ говорилъ. Да и вообще я бы вамъ совѣтовалъ, если вы не хотите себя стѣснять никакими оковами и правилами,—выражайте лучше свои мысли и чувства въ другой, болѣе доступной формѣ—прозаической, гдѣ никакія особня правила и размѣры не будутъ васъ стѣснять и гдѣ вамъ представится полнѣйшій просторъ высказывать все, что только васъ волнуетъ и вдохновляетъ.

Онъ низко опустилъ голову и, тяжело вздохнувъ, задумался.

— Да!—вымолвилъ онъ, наконецъ, подавляя вздохъ:— если вы хотите знать, что у меня на душѣ, вамъ слѣдовало бы заглянуть въ мои письма, которыя я пишу немногимъ изъ своихъ друзей: тамъ я изливаю все, что давитъ и жметъ мою душу, тамъ—я тотъ, какимъ меня тутъ никто не видитъ и не можетъ видѣть!

— Да, это было бы въ самомъ дѣлѣ очень интересно. А давно вы уже тутъ посѣщаете ешиботь?

— Второй годъ, и представьте себѣ—это время—это лучшіе дни въ моей жизни! Только здѣсь я нашелъ пріютъ и успокоеніе отъ угнетавшихъ меня чувствъ и мыслей. Только въ Талмудѣ—въ этомъ вѣковомъ хранилищѣ умственныхъ сокровищъ нашего народа,—увлекался онъ все болѣе и болѣе,—я нашелъ себѣ окончательное исцѣленіе отъ всѣхъ терзавшихъ меня недуговъ, какъ

физическихъ, такъ и душевныхъ! Кажется, я бы вѣчно желалъ бродить въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ съ его запутанными, перекрещивающимися ходами, освѣщенными однимъ только гдѣ-то въ глубинѣ спрятаннымъ свѣтильникомъ, вѣчно искалъ бы этого свѣтильника—и лучше согласился бы умереть, не достигнувъ до него, чѣмъ выйти наружу въ этотъ холодный, бездушный мѣръ!

Онъ провелъ рукой по лбу и коротко остриженнымъ волосамъ головы и продолжалъ:

— Въ своей жизни я уже второй разъ вступаю въ эту чудную атмосферу чистаго мышления. Въ первый разъ я посвятилъ себя изученію Талмуда, когда мнѣ было лѣтъ 12. Я также учился тутъ, въ этомъ же самомъ ешиботѣ. Но тогда были совсѣмъ другія времена! 18 лѣтъ тому назадъ ешиботъ далеко не представлялъ собою того, чѣмъ онъ является теперь. Рошъ-ешива былъ еще не такъ старъ; его желѣзная воля и необычайная энергія, которыя помогали ему пережить всякіе перевороты, дали ему возможность одному стать во главѣ цѣлаго учрежденія. Онъ весь ешиботъ держалъ въ своей ладони, зналъ думу каждаго воспитанника и открывалъ двери своего храма только для однихъ преданныхъ, ревностныхъ наперсниковъ святаго ученія; никому другому не было мѣста въ стѣнахъ ешибота. Я дѣлалъ хорошіе успѣхи; рошъ-ешива меня любилъ... Какъ вдругъ, мнѣ попадаетъ подъ руку какая-то книжка; не помню — Смоленскія или какого-то другого автора,—только книга эта сильно подѣйствовала на мою впечатлительную, еще почти дѣтскую душу,—и мнѣ вдругъ захотѣлось на свободу, на просторъ! Я отбился отъ ученья и вскорѣ былъ изгнанъ изъ ешибота... Съ этого-то времени и начались мои мятарства; меня перебрасывало съ одной волны на другую, пока, наконецъ, не привнесло назадъ къ моему старой тихой пристани!

На столѣ появился самоваръ. Я налилъ ему чаю. Онъ опустилъ въ стаканъ нѣсколько кусочковъ сахара и долго мѣшалъ ложечкой, какъ бы прислушиваясь къ производимому ею звону и видимо продолжая въ умѣ нить своихъ воспоминаній.

— Да! дорого-же я поплатился за свою экскурсію «въ нашъ мѣръ холодный и пустой», — продолжалъ онъ съ горестной улыбкою.—Появились, какъ это всегда бываетъ, непрощенные «просвѣтители», которые начали печалиться о моей будущности. Я

нитался «днями», какіе-то гимназисты давали мнѣ даровые уроки и готовили меня въ гимназію. Я вызубривалъ латынь и русскія вокабулы съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ годомъ раньше разрабатывалъ какойнибудь головоломный «тосфесъ» — прибавочный комментарий къ Талмуду. Я экзаменовался къ третьему классу гимназіи, — но я тутъ же лишился своихъ «дней», которыми я раньше пользовался подъ благовиднымъ предлогомъ, что изучаю не какіянибудь «вѣшнія науки», — а святую Тору. Тогда я началъ систематически голодать. Экзамена я не выдержалъ, мои просвѣтителы бросили меня — и я очутился въ самомъ безвыходномъ положеніи. Домой я не смѣлъ явиться: отецъ, узнавъ о моемъ «отступничествѣ», проклялъ меня и ничего знать не хотѣлъ о моемъ существованіи. Мнѣ некуда было дѣваться; я былъ въ отчаяніи!

Онъ остановился, чтобы перевести духъ. Я придвинулъ къ нему ставанъ.

— Пейте: вашъ чай остываетъ, — сказалъ я ему, — хотите, я вамъ немножко подолью горячаго?

— Нѣтъ, ничего, благодарю васъ, не беспокойтесь; я хочу уже довести свой разговоръ до конца. Нѣсколько лѣтъ я промаялся уроками; между тѣмъ, приближалось время призыва, и мнѣ уже нужно было подумать о томъ, какъ воспользоваться своею льготою и гдѣнибудь укрыться до поры до времени. Я поѣхалъ въ деревню къ какому-то корчмарю и сдѣлался у него домашнимъ меламедомъ. Сколько я пережилъ въ теченіе пяти лѣтъ моего служенія въ меламедахъ и нянькахъ около его шестерыхъ оборванцевъ — трудно себѣ представить! Ни одной живой души, ни одной свѣжей мысли! Кругомъ — грязь, одна только грязь физическая и нравственная!. Оттуда я уѣхалъ въ городъ и досталъ себѣ какое-то мѣсто въ конторѣ, но и тутъ нашлись добрые пріятели, которые оклеветали меня передъ хозяиномъ, — и я лишился должности. Я попалъ въ Ригу и тутъ познакомился съ нѣкоторыми студентами политехникума; я имъ давалъ уроки по еврейскому языку; они меня учили по нѣмецки. Но и среди нихъ я не могъ себѣ найти никакой поддержки: ни матеріальной, ни нравственной. Это, по большей части, были барчуки, бездѣльники и кутилы, только щеголявшіе вновь народившимся въ еврейскомъ обществѣ народничествомъ и палестинофильствомъ. Ихъ кружокъ, въ которомъ мнѣ удалось прочесть только одну

рѣчь на древне-еврейскомъ языкѣ, вскорѣ распался. Я убѣдился въ бессодержательности и внутренней пустотѣ этихъ модныхъ патриотовъ и уже опять подумывалъ о томъ, что дѣлать. Куда идти?.. Разбитому и поломанному въ бушующихъ волнахъ житейскаго моря,—мнѣ уже другого не оставалось, какъ только снова пробраться къ той пристани, отъ которой меня 16 лѣтъ назадъ, противъ моей воли, оторвало быстрымъ неумолимымъ теченіемъ!

Онъ всталъ и раза два прошелся по комнатѣ. Я слѣдилъ за нимъ возбужденнымъ любопытнымъ взглядомъ. Онъ подошелъ къ окну, прижался лбомъ къ росписанному морозомъ стеклу и въ такомъ положеніи оставался нѣсколько минутъ.

— И что же вы думаете,—обратился онъ ко мнѣ снова, отирая платкомъ свой влажный лобъ, — эти 16 лѣтъ не пролетѣли безслѣдно и для ешибота! Я вступилъ въ него послѣ долгого пути—и съ ужасомъ замѣтилъ, что это уже не тотъ чистый храмъ, въ которомъ возносился одинъ только энміамъ свободному, частому мишленію, что въ немъ чувствуются какія-то новыя вѣянія, раздаются какія-то новыя, чуждыя ему, пѣсни, слышны какіе-то новыя, грубые голоса и скрежетъ зубовой!.. Раньше, бывало, все въ ешиботѣ олицетворялось въ образѣ одного только рошъ-ешивы, все зиждилось на его рукахъ, руководилось его желѣзной, крѣпкой волей и одухотворялось его чистой, свѣтлой думой. По его библейскому призыву: «кто изъ васъ пугливъ и обладаетъ слабымъ духомъ—тотъ да возвратится домой!»—въ его храмъ собирались только тѣ, которые обладали именно крѣпкимъ духомъ и достаточно сильной волей для того, чтобы совершенно отказаться отъ всего мірскаго и всецѣло, подобно своему великому учителю, предаться одному только святому ученію; всякимъ же слабохарактернымъ дѣтямъ и малодумнымъ старикамъ—не было мѣста въ его избранномъ воинствѣ. А теперь — что дѣлается? Среди пятисотъ воспитанниковъ только самая меньшая часть—это истинно преданные ученію люди: всѣ же остальные—это толпа бунтующихъ и не понимающихъ другъ друга юношей, пользующихся отсутствіемъ хозяина, его слабостью и старческой дряхлостью, чтобы по своему распорядиться и безчинствовать въ выстроенномъ имъ храмѣ и вносить смуту въ его святая-святыхъ... Есть ли какой нибудь смыслъ въ томъ, что эти дѣти,

собравшіеся сюда только единственно для того, чтобы поучиться Талмуду, хотятъ тутъ заводить какіе-то новыя порядки: одни кричатъ, чтобы имъ въ ешиботѣ преподавали языки и общіе предметы, другіе требуютъ чтобы имъ самимъ предоставили въ полное ихъ распоряженіе всё собираемна на содержаніе ешибота сумми, третьи—просто безчинствуютъ и пользуются горячей минутой, чтобы пошалить, пошумѣть и понатѣшиться вдоволь... Явились Поплавскіе и тому подобныя изувѣри... А между тѣмъ, глаза всего еврейства обращены на этотъ единственный, въ своемъ родѣ, ешиботъ, на его питомцевъ возлагаются большія надежды!.. И,—дай Богъ, чтобы я лучше ошибся,—думается мнѣ, что *они-то*, эти питомцы, уничтожатъ это великое зданіе, они-то собственными своими руками разрушатъ этотъ чудный храмъ, столько глѣтъ сіявшій маякомъ еврейскому народу, — и сбудутся тогда слова пророка нашего: «Твои разрушители и твои сокрушители—изъ тебя же изыдутъ»!..

Вдругъ, кто-то сильно рванулъ наружную дверь и, оставивъ ее раскрытою настежь, вбѣжалъ въ домъ. Въ комнату вмѣстѣ съ сильной струей холода ворвался Бирскій. Онъ былъ блѣденъ.

— Идите, идите!—растерянно кричалъ онъ, обращаясь то ко мнѣ, то къ Чаркуну:—Рѣжницеръ арестованъ! Сейчасъ его взяли въ полицію, а на квартирѣ производятъ обыскъ... Идите, можетъ быть можно ему чѣмъ нибудь помочь!..

Мы оба поспѣшно одѣли пальто.

— Кстати, какъ здоровье Слонимера? Былъ сегодня докторъ?—спросилъ я. Но Бирскій уже не отвѣчалъ. Онъ выбѣжалъ на улицу и стремглавъ бросился къ дому пристава, около котораго толпилась огромная масса ешиботниковъ.

М. РЫВКИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(КЪ ИСТОРИИ ИСПАНСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ).

Два года тому назадъ исполнилось ровно 400 лѣтъ съ момента трагическаго исхода евреевъ изъ Испаніи. Эта печальная годовщина была ознаменована въ западной литературѣ [рядомъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ испанскому періоду нашей исторіи. Еврейскіе изслѣдователи всегда останавливались съ особенною любовью на этомъ знаменательномъ періодѣ; работы проф. Гретца д-ра М. Кайзерлинга и др. достаточно выяснили всѣ относящіяся къ нему важнѣйшія событія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя стороны жизни испанскихъ евреевъ остаются мало обслѣдованными по настоящее время. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно ихъ общинной жизни. Мы хорошо знакомы съ тою блестящею ролью, какую играли евреи при халифахъ и короляхъ въ области торговли и промышленности, въ области наукъ и искусствъ и даже въ государственномъ управленіи; мы знакомы съ безпримѣрною исторією ихъ героическаго мученичества и съ ужасами инквизиціи. Но у насъ почти вовсе нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ протекала ихъ религіозно-общинная жизнь, какова была внутренняя организація общины, какъ велика была ихъ автономія и т. п. Большой интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи работа М. Розенмана, поставившаго себѣ задачею выяснить именно *внутренній* бытъ испанскихъ евреевъ ¹.

Еще задолго до появленія въ Испаніи вестготовъ евреи населяли Иберійскій полуостровъ: они тамъ жили со временъ римскаго владѣнства. На первыхъ порахъ появленіе вестготовъ никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствій для евреевъ не имѣло. На-

¹ Darstellungen aus dem innerem Leben der spanischen Juden in XV Jahrhundert von M. Rosenmann (Magaz. f. d. Wiss. des Jud. 1892 № 3—4 и 1893 № 3—4.

противъ, они продолжали по прежнему пользоваться полною свободою и гражданскимъ равноправіемъ. Но въ VI в. (въ 586 г.) вестготы принимаютъ христіанство, и съ тѣхъ поръ положеніе евреевъ измѣняется. Реккаредъ—первый христіанскій король вестготовъ—надѣлъ рядъ законовъ противъ евреевъ, за что удостоился похвалъ отъ папы Георга I. Преемники Реккареда пошли по его стопамъ. Въ 694 г. на 17 церковномъ соборѣ въ Толедо евреи были объявлены рабами... Въ это критическое время въ Испаніи произошелъ переворотъ. Сраженіе при Хересь-де-ла-Фронтера отдало страну въ руки единоплеменныхъ намъ арабовъ, которые вскорѣ на развалинахъ полудикаго вестготскаго королевства воздвигли пышное и высоко-культурное царство халифовъ. Въ новомъ царствѣ еврейскіе пришлось играть весьма почетную и даже блестящую роль. Еврейскіе ученые вѣстѣ съ арабскими мыслителями были главными двигателями просвѣщенія въ темную ночь среднихъ вѣковъ. Въ Кордовѣ, Барцелонѣ, Толедо, Гранадѣ возникли высшія еврейскія школы... Маймонидъ, Авраамъ ибнъ-Давидъ, Соломонъ ибнъ-Габирель царили въ области мысли; Моисей ибнъ-Эзра, Іегуда Галеви—въ поэзіи... Олишкомъ 6 вѣковъ евреи наслаждались спокойствіемъ. Но къ XIV столѣтію усиливается Кастилія и Арагонія. Между маврами и христіанами начинается борьба не на жизнь, а на смерть. Мавританскія владѣнія переходятъ одно за другимъ въ руки испанцевъ. Вѣстѣ съ тѣмъ начинается ухудшаться и положеніе евреевъ. Предвѣстникомъ грядущихъ дней явился, какъ и слѣдовало ожидать, католическій монахъ Фердинандъ Мартинецъ, подвизавшійся въ Севильѣ, гдѣ онъ посредствомъ зажигательныхъ рѣчей натравлялъ толпу на евреевъ; предводительствуемая благочестивнымъ монахомъ, севильская чернь въ 1391 г. подожгла еврейскій кварталъ; тысячи евреевъ погибли тогда въ огнѣ; тысячи были насильно крещены. Примѣръ Севильи нашелъ себѣ подражаніе въ Барцелонѣ и въ другихъ городахъ.

Цвѣтущая некогда барцелонская община стала клониться къ упадку уже въ началѣ XIV вѣка подъ тяжестью ограничительныхъ законовъ и непосильныхъ поборовъ¹. Между послѣдними

¹ О барцелонской общинѣ см. Kayserling: „Notes sur l'histoire des juifs d'Espagne“. Revue des études juives, 1894, № 55.

особенно давала себя чувствовать оригинальная «постельная повинность», т. е. обязанность доставлять постали для всего королевскаго двора, обязанность, сдѣлывшаяся источникомъ многочисленныхъ злоупотребленій со стороны администраціи. Евреямъ воспрещалось въ Барселонѣ продавать предметы христіанскаго богочитанія, продавать внѣ еврейскаго квартала кошерное мясо. По постановленію барселонскаго муниципалитета отъ 1302 года при встрѣчѣ съ духовнымъ лицомъ, несущимъ святые дары, евреи должны были падать на колѣна; въ страстную пятницу имъ не дозволялось выходить изъ домовъ; крещенный еврей, равно какъ и всякая христіанка, не могли переступать порога еврейскаго дома. Внѣ еврейскаго квартала (Juderia) евреямъ воспрещалось жить, а христіанамъ отдавать имъ въ наемъ номѣщенія. Воспрещалось также въ случаѣ опасности искать спасенія въ христіанскихъ домахъ. Это послѣднее запрещеніе состоялось незадолго до катастрофы, разразившейся надъ барселонскою общиною. 9-го іюля 1391 года была разгромлена еврейская община въ Валенціи, 2-го августа та же судьба постигла Пальмскую общину. 5 августа слухъ о послѣдней катастрофѣ достигъ Барселоны. Съ вечера стали собираться на улицахъ толпы, направлявшіяся къ еврейскому кварталу. Вскорѣ онѣ завладѣли частными домами и стали расхищать все попадавшееся подъ руку. Болѣе ста евреевъ потеряло при этомъ жизнь. Грабежи продолжались всю ночь. На слѣдующій день городскія власти вмѣстѣ съ именитѣйшими горожанами собрались на совѣщаніе и рѣшили строго наказать виновныхъ; между прочимъ, были приговорены къ смертной казни 10 человекъ, которые уже раньше участвовали въ разграбленіи севильскаго и валенскаго гетто. Но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Толпа разогнала отцовъ города и освободила своихъ вожakovъ. Судьба евреевъ была рѣшена. При звонѣ колоколовъ толпа бросилась на занимаемыя ими улицы и снова принялась за убійства и грабежи, непрекращавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ дней. По разсказу очевидца, евреи умирали на улицахъ и площадяхъ, «благословляя имя Предвѣчнаго». Король Донъ-Жуанъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, издалъ законъ, коимъ еврейскій кварталъ въ Барселонѣ упразднился навсегда. Но чрезъ три недѣли онъ отмѣняетъ этотъ законъ и издаетъ эдиктъ, которымъ приглашаетъ евреевъ вновь

селиться въ Барселонѣ и гарантируетъ имъ необычайныя права и привилегіи, освобождаетъ отъ налоговъ, даруетъ широкое общинное самоуправленіе и т. д. Но королевскій эдиктъ не возымѣлъ никакого дѣйствія. Евреи въ Барселонѣ больше не селились, и съ 1391 г. барселонская община, славившаяся нѣкогда своимъ богатствомъ, прекращаетъ свое существованіе навсегда. На мѣстѣ синагоги была воздвигнута церковь Св. Троицы.

Судьба барселонской общины—типичный образецъ того, что происходило во всѣхъ почти городахъ Испаніи. Повсюду та же религиозная травля, то же насильное обращеніе евреевъ въ христіанство — во время народныхъ волненій и т. д. Католическіе священники, не довольствуясь этимъ, врываются даже въ синагоги, дабы тутъ, на мѣстѣ, «пламенною рѣчью» обратить невѣрныхъ. Свѣтская власть также не дремала.

Повсемѣстно были восстановлены старыя, давно уже позабытыя законы противъ евреевъ, были изобрѣтены и новыя. Евреямъ было предписано носить на верхнемъ платѣи желтыя суконныя кружки, съ изображеніемъ заходящаго мѣсяца посерединѣ; имъ было воспрещено именоваться «донъ», носить оружіе; на всѣ предметы ихъ потребленія были наложены огромныя подати; то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ имъ воспрещали заниматься ремеслами, торговлею, винодѣліемъ, или приобретать недвижимость. Евреевъ стали обвинять въ умерщвленіи христіанскихъ младенцевъ. Въ 1480 году открываетъ свое дѣйствіе Sanctum Officium, какъ себя скромно назвала инквизиція. За 18 лѣтъ господства Торквемады было сожжено 10220 еретиковъ, а 97321 былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію и конфискаціи имущества. 2 января 1492 г. пала Гренада—последній оплотъ мавровъ, а 30 марта того же года былъ изданъ эдиктъ, предоставлявшій евреямъ Кастиліи, Арагоніи, Сициліи и Сардиніи выборъ между крещеніемъ и изгнаніемъ. «Изувѣрство Торквемады, корыстолюбіе и суевѣріе короля—говоритъ одинъ современникъ—и ложныя представленія о благочестіи, внушенныя королевѣ, породили этотъ жестокій эдиктъ». Евреи, какъ извѣстно, предпочли оставить родину, чѣмъ вѣру, и отправлялись въ изгнаніе...

Свѣдѣнія о внутренней жизни испанскихъ евреевъ въ общемъ весьма скудны и относятся преимущественно къ послѣднимъ вѣкамъ ихъ пребыванія на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Еврейство въ Испаніи составляло особую, признанную государствомъ, корпорацію. Во всѣхъ почти городахъ существовали особые еврейскіе кварталы (juderías)—впрочемъ больше по обычаю, чѣмъ по закону. Во время владычества мавровъ еврейскія общины (точно такъ же, какъ и христіанскія) пользовались широкимъ самоуправленіемъ: у нихъ была своя полиція, свои финансы и почти вплоть до XV в. свои особыя судилища, гражданскія и уголовныя, членами которыхъ были только евреи, и въ которыхъ применялось исключительно моисеево-талмудическое право. Только кортесы 1380 г. лишили евреевъ (кастильскихъ) права уголовного суда, а въ 1406 г.—и гражданского. Впрочемъ, король Іоаннъ II вновь предоставилъ еврейскимъ общинамъ (1432 г.) право рѣшать гражданскія дѣла. Тамъ, гдѣ у евреевъ не было своихъ судовъ, христіанскіе алькады рѣшали дѣла евреевъ по еврейскому праву. Общины ревниво оберегали свою автономію и налагали суровыя кары (преимущественно отлученіе и штрафъ) на тѣхъ, которые прибѣгали къ постороннему содѣйствію для того, чтобы освободить себя отъ уплаты общинныхъ налоговъ, чтобы занять какую либо почетную должность въ общинѣ и т. п. Наказанію подлежали и тѣ, которые не обращались къ общинному суду. Измѣнники, подвергавшіе опасности всю общину или отдѣльных членовъ ея, могли подлежать даже смертной казни, но не иначе, какъ съ разрѣшенія короля. Особенно много боролись общины противъ доносчиковъ. Такъ, сохранилось извѣстіе, что въ Туделѣ въ 1400 г. было рѣшено по постановленію общины (tekanot, факата) возобновить еще на 50 лѣтъ весьма суровыя правила о доносчикахъ, установленныя въ 1363 году. Подобное же постановленіе состоялось и въ Валадолидѣ на собраніи представителей всѣхъ кастильскихъ общинъ. Эти мѣры вынуждены были необходимостью: всякій ложный доносчикъ могъ погубить цѣлую общину; всякое ложное заявленіе о богатствѣ общины могло повлечь—при тогдашнемъ корыстолюбіи властей—значительное увеличеніе поборовъ и т. д. Нерѣдко приходилось бороться и противъ сильныхъ евреевъ куртизадовъ, пользовавшихся своими связями для того, чтобы оказывать незаконное давленіе на общину, принуждать къ совершенію незаконныхъ браковъ и т. п. Изъ опасенія, чтобы доносчики или измѣнники не комѣшались суду надъ ними, послѣдній носилъ характеръ строго инкви-

эпизодический и приговору постановлялись заочно, что въ свою очередь было причиною многих злоупотреблений. Самая организація общинъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Всѣ общины данной мѣстности подчинялись одному главному равнину. Въ Кастиліи онъ назывался «придворнымъ равниномъ»—*Rab. de la Corte*; въ Сициліи (находившейся подъ арагонскимъ владѣтельствомъ)—«главнымъ судьей» (1772 г.). Въ самой Арагоніи главнаго равнина не было, но арагонскія общины въ случаѣ необходимости соединялись и отправляли общую депутацію ко двору. Въ Португаліи верховный равнинъ играетъ видную роль уже въ XIII в. Онъ назначался отъ короля; при немъ состояли: главный судья, эскекторъ, секретарь. Верховному равнину были непосредственно подчинены главные равнины «союзныхъ общинъ», которыхъ въ Португаліи было семь. Союзныхъ равнинамъ, наконецъ, подчинялись мѣстные, избравшіеся отдѣльными общинами.

Для всѣхъ евреевъ назначалась общая сумма причитавшихся податей, подлежащая разверсткѣ между общинами. Кромѣ равнинскихъ мѣстныхъ оборотовъ, евреи платили два главныхъ налога: поголовный (*лпѣлѣ рѣс*) и «служебный» (*лпѣлѣ рѣс за служба*), а въ Португаліи, кромѣ того, еще «морской» (за содержаніе флота) и «равнинскій». Всю сумму налоговъ разверстывали между общинами главный равнинъ. Въ каждой же отдѣльной общинѣ налогъ распределяла особая оцѣночная коммиссія, избравшаяся налогоплательщиками. Иногда въ составъ оцѣночной коммиссіи входили сами представители общины или лица, назначенныя отъ правительства. Основаніемъ обложенія служили присланныя показанія самихъ налогоплательщиковъ, провѣряемыя коммиссіею. Кромѣ этихъ прямыхъ налоговъ, нередко прибѣгали и къ косвенному обложенію; особенно часто облагалось вино и мясо. «Этихъ обложеніемъ», замѣчаетъ валадолидскій статутъ, «устранялись раздоры, споры и ложныя показанія». Въ видахъ полученія возможно большаго дохода отъ обложенія вина, евреямъ воспрещалось посѣщать христіанскія питейныя заведенія тамъ, гдѣ имѣлись еврейскія; на общинахъ возлагалась обязанность повсемѣстно открывать торговлю виномъ. Мѣстные расходы (по содержанію школъ, призрѣнію бѣдныхъ и т. п.) покрывались сборомъ «*Ne dava*» (жертвованій), взимавшимся со свадебъ, похоронъ, обрѣзаній.

Особенность быта испанскихъ евреевъ представляетъ крайне

слабый авторитетъ, какииъ пользовались тамъ раввини, несмотря на существованіе верховнаго раввина и правильно организованной іерархіи.

Даже самый титулъ «равъ» рѣдко прилагался къ духовнымъ вождямъ общинъ: они обыкновенно назывались «Talmid schaschim» или просто «schaschim», и дѣятельность ихъ сводилась преимущественно къ обученію дѣтей Торъ.

Только главные раввини играли важную общественную и политическую роль. Мѣстные же «хахами» были больше раввинами по званію; они обыкновенно имѣли постороннія занятія; многіе изъ нихъ занимались врачевнымъ искусствомъ, и только наиболѣе бѣдные получали жалованье отъ общинъ за обученіе юношества. Дѣйствительными вождями общинъ были выборные представители «mikdamim», принадлежавшіе обыкновенно къ числу самыхъ богатыхъ обывателей. Имъ принадлежала вся исполнительная власть, а также и судебная, поскольку она признавалась за общинами. Впрочемъ, наказанія за религіозныя нарушенія могли быть ими налагаемы не иначе, какъ по рѣшенію хахама. Представители общины имѣли совѣщательной органъ въ лицѣ коллегіи, называвшейся «gedole halg». Наиболѣе важные вопросы представлялись на разрѣшеніе всей общины. Въ нѣкоторой части Испаніи и въ Сициліи существовалъ институтъ, вообще у евреевъ совершенно неизвѣстный, — въ лицѣ такъ называемыхъ «Bogere Aberoth», напоминавшихъ римскихъ seniores погуби и имѣвшихъ своею спеціальною задачею — слѣдить за доброю нравственностью и религіозностью своихъ согражданъ. Такъ какъ мы этотъ институтъ находимъ только въ Арагоніи и въ Сициліи, находившейся тогда подъ арагонскимъ владычествомъ, то представляется весьма вѣроятнымъ, что онъ выработался у евреевъ подъ вліяніемъ инквизиціи, которая существовала въ Арагоніи уже съ начала XIV вѣка. О какихъ либо злоупотребленіяхъ этихъ «судей совѣсти», впрочемъ, ничего неизвѣстно.

Въ каждой общинѣ существовала школа, но преподаваніе велось довольно плохо; учителя, получавшіе весьма недостаточное жалованье изъ общинныхъ средствъ, были не подготовлены къ своему дѣлу, и дѣти выносили изъ школы самыя скудныя свѣдѣнія.

Нужно вообще сказать, что изученіе Торы и Талмуда въ

Исмаилъ—особенно въ послѣдніе вѣка—шло весьма мало. Нѣкоторое оживленіе замѣчается лишь въ концѣ XIV вѣка и вѣдѣтъ, послѣ долгаго перерыва,—въ послѣднюю четверть XV в., послѣ долгаго начатія: Талмудисты первой изъ этихъ эпохъ повѣстны подъ именемъ "шму", (стариникъ), а послѣдней—подъ именемъ "шети", (т. е. позднѣйшій, младшій). Рубъ Ниссимъ бенъ Рубенъ Герунди (ум. въ 1380 г.)—наиболѣе яркій представитель комментаторовъ старшаго поколѣнія, а Исааъ Кампантоъ—младшаго. Старшіе комментаторы самостоятельно разрабатывали талмудическую науку и относились критически даже къ таковымъ авторитетамъ, какъ Маймонидъ. Хасдай Крескасъ, одинъ изъ ученыхъ р. Ниссима Герунди, замышлялъ даже противопоставить сочиненію Маймонида, «Mishne Тора», новый сводъ галахическихъ постановленій. Вообще обращеніе къ первоисточникамъ было девизомъ этой школы. Отрицательной стороной ея направленія было непомерное увеличеніе контroversь; это было прямымъ послѣдствіемъ непосредственнаго обращенія къ талмудическимъ первоисточникамъ, наполненнымъ расходящимися между собою мнѣніями различныхъ авторитетовъ. Одновременно съ этимъ громкой талмудизмъ становится все болѣе и болѣе чуждымъ массѣ. Библия же, подъ вліяніемъ талмудистовъ, давно уже потеряла свое нервенствующее значеніе въ воспитаніи юности. Такимъ образомъ въ народѣ исчезаетъ постепенно знаніе какъ Талмуда, такъ и Библии. Дѣло дошло до того, что въ общинахъ Арагоніи и Кастиліи лишь немногіе понимали древне-еврейскій языкъ. Правда, этому духовному оскуднѣнію не мало способствовало и внѣшній гнѣтъ, усилившійся съ 1391 г. и достигшій своего апогея въ гоненіяхъ Ферреры Винцента. Какъ бы то ни было послѣ смерти послѣднихъ ученыхъ р. Ниссима Герунди «сшибети опустѣли и свѣтъ Торы, казался, погасъ». И только около половины XV вѣка замѣчается возрожденіе талмудической науки—подъ вліяніемъ духовнаго раввина Кастиліи Авраама Беневиста и особенно Исаака Кампантона, прозваннаго «кастильскимъ гаономъ». Авторитетъ этого послѣдняго былъ такъ великъ, что ему воздавались уже при жизни почти божескія почести.

Нѣкоторые приписываютъ ему совершеніе фанатическаго дѣянія: преданія въ руки инквизиціи философа Оамуила Царца за отрицаніе ученія о сотвореніи міра. Но историческія даты убѣж-

давать, что дѣлѣніе это во-всѣмъ случаѣ не могло быть совершено Исаакомъ Кампантономъ, и если оно вообще имѣло мѣсто (что весьма сомнительно), то должно было совершиться отъ отца послѣднего—Якова Кампантона. Впрочемъ, то обстоятельство, что уже въ XIV вѣкѣ споры предавались суду инквизиціи за нарушеніе началъ, общахъ иудейскому и христіанству, не подлежитъ сомнѣнію: оно достаточно подтверждается статутомъ Аррагонскихъ общинъ отъ 1369 г.—Достоинствъ біографическихъ свѣдѣній о Кампантонѣ имѣется вообще мало. Известно только, что подъ конецъ жизни онъ подвергся преслѣдованію со стороны правительства и умеръ въ тюрьмѣ въ 1463 г. Дѣятельность Кампантона была по преимуществу практическая, а не теоретическая. Онъ написалъ всего одну небольшую сочиненію—для начинающихъ изучать Талмудъ—подъ названіемъ *תורת משה*, т. е. «Пути Талмуда» (Методика Талмуда). Вся жизнь Кампантона ушла на созданіе талмудическихъ *швоалъ*—всинахъ и *мивнихъ*. Насколько онъ преуспѣлъ въ этомъ отношеніи въ теченіе своей 20-лѣтней дѣятельности, можно судить по тому, что—по отзыву одного современника—въ талмудическихъ *швоалахъ* никогда не было такъ много ученыхъ, какъ ко времени написанія. Въ числѣ ученыхъ Кампантона былъ и знаменитый Исаакъ Абрахамель.

Дѣятельность возникшаго такимъ образомъ «младшаго поколѣнія» талмудистовъ отличалась однако коммемлятивнымъ характеромъ. Это не были смѣлые новаторы въ своей области подобно «старшему поколѣнію»,—это были только собиратели того нечѣгого необъятнаго матеріала, который создали предшественники. Авторитетъ прежнихъ комментаторовъ былъ такъ великъ въ глазахъ «младшихъ», что они не пытались даже примирять ихъ мнѣнія въ случаяхъ разногласія и рѣшали спорные вопросы сообразно съ мнѣніемъ большинства. «Кто рѣшится», писалъ воспитанный въ духѣ этой школы Иосифъ Каро (1488 — 1575), «прибавить что либо къ доводамъ и соображеніямъ, которые содержатся въ Торахот и въ писаніяхъ Накманна, Адерета и Герунди? Кто осмѣлится посредствомъ новыхъ доводовъ и соображеній перерѣшать вопросы, ими разрѣшенные, или самостоятельно рѣшать оставленные ими безъ разрѣшенія?»

Эта те школа и создала законодательные сборники, въ которыхъ кристаллизовалась вся талмудическая премудрость, и которые

надолго сдѣлалась основой іудаизма для всего западнаго и восточнаго еврейства. Якобъ Ашурн составилъ свое четырехтомное «Compendium», а Іосифъ Каро создалъ знаменитый «Шулханъ Арухъ» — этотъ концентрированный кодексъ талмудическаго вѣроченія. Въ то же время былъ составленъ Яковомъ бенъ Хабибъ извѣстный агадическій сборникъ «Ер Яacob».

Такимъ образомъ, уходя изъ Испаніи, евреи уносили съ собою вполнѣ выработанные кодексы талмудическаго законодательства, дѣлавшіе послѣднее доступнымъ широкимъ народнымъ слоямъ и обеспечивавшіе ему продолжительное господство въ еврейскомъ мірѣ. Куда ни являлись «сефарды» (такъ называли испанскихъ и португальскихъ евреевъ), они повсюду обнаруживали свое умственное превосходство какъ въ области общаго просвѣщенія, такъ и специально талмудическаго; повсюду они поэтому оказали вліяніе на религіозную жизнь и сообщили произведеніямъ Іосифа Каро и другихъ своихъ авторитетовъ преобладающее значеніе.

Испанскіе и португальскіе выходцы разсѣлились по разнымъ странамъ Европы и даже Африки. Особенно многочисленныя общины «сефардовъ» возникли въ Голландіи, второй вольницѣ среднихъ вѣковъ, дававшей пріютъ жертвамъ религіознаго и политическаго фанатизма. Много сефардскихъ общинъ возникло также въ Турціи и въ Юго-Западной Франціи. Есть извѣстіе, что въ XVI в. существовала такая община и въ Краковѣ.

Весьма цѣнныя свѣдѣнія о французскихъ сефардахъ содержитъ обширная работа Кардосо де Ветенкуртъ: «Le trésor des Juifs Sephardim»¹. Во Франціи «сефарды» проникли подъ видомъ христіанъ, «ново-католиковъ», и въ качествѣ таковыхъ пользовались многочисленными привилегіями. Они называли себя «португальскою націею» и имѣли свои автономныя общины въ Бордо и въ другихъ мѣстахъ. Втайнѣ они большею частью исповѣдывали іудейскую вѣру, но французское правительство, заботясь о привлеченіи въ страну богатыхъ иностранцевъ, отнеслось равнодушно къ вопросу объ искренности ихъ религіозныхъ убѣжденій.

Въ одномъ процессѣ, происходившемъ въ Бордо въ началѣ XVII вѣка, адвокатъ Ла Ромъ, выступавшій противъ мѣстныхъ

¹ Revue des études Juives тт. XX, XXV, XXVI, XXXVII.

«португальцевъ», прямо обвинялъ ихъ въ тайной приверженности къ іудейству. Они указывали, что португальцы живутъ въ Бордо своихъ раввиновъ и хахамовъ, соблюдаютъ субботу и предписанія относительно пищи. «Почему—спрашиваеъ Ла Рошъ—оставили португальцы свою родную страну, столь богатую, благословенную небомъ? Потому-что они боялись св. инквизиціи и искали спасенія во Франціи, незнавшей инквизиціи, притѣсненія и рабства». Далѣе, адвокатъ сослался на привѣръ Лакоста, проживавшаго долге въ Бордо подъ видомъ христіанина и открыто присоединившагося къ іудейству въ Венеціи. И нужно думать, что Ла Рошъ утверждалъ истину, потому что кровники XVII вѣка полны фактами подобнаго же рода. Такъ, въ 1672 году Анверскаго епископа жаловался, что въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ много богатыхъ португальцевъ оставило Фландрію и переселилось въ Амстердамъ для того, чтобы открыто примкнуть къ іудейству; между ними былъ маршалъ Комаръ, занимавшій въ 1651 году должность декана юридическаго факультета въ Лувенскомъ университетѣ.

Въ Байоннѣ также существовала община «новокатоликовъ», исповѣдывавшихъ тайно еврейскую вѣру. Въ 1656 г. эти «католики» получили разныя привилегіи отъ Людовика XIV.

Въ 1656 же году относятся перья послѣ 1394 года¹ указанія на существованіе во Франціи (не считая, конечно восточныхъ провинцій) евреевъ, открыто соблюдавшихъ свою вѣру. Число ихъ быстро возрастаетъ къ концу XVII столѣтія. Къ 1730 году евреи Бордо и Байонны уже официально признаются іудействующими, а въ 1777 г. официально же признается «еврейская португальская община» въ Парижѣ, колонія общинъ бордоской и байоннской.

Прежде чѣмъ получить однако полную свободу культа, португальскимъ евреямъ пришлось неоднократно бороться противъ вражды и фанатизма. Неоднократно, подъ вліяніемъ средняго купечества, видѣвшаго въ евреяхъ своихъ конкурентовъ, издавались противъ нихъ королевскіе ордонансы — подъ предлогомъ точнаго исполненія знаменитаго эдикта объ изгнаніи отъ 1394 года. Правда, ордонансы эти ниоткуда почти не исполнялись во всей ихъ строгости ни высшею администраціею, ни муниципали-

¹) Т. е. года изгнанія изъ Франціи.

тетами. Наибольше ранней изъ такихъ ординансовъ относится къ 1602 году и касается евреевъ Гвиенской области.

Мѣстными жителями было предписано изгнать изъ страны всѣхъ «новыхъ христіанъ». Но въ защиту евреевъ тогда выступилъ маршалъ д'Орнако, начальникъ провинціи. 2 апрѣля 1602 г. онъ написалъ королю писмо слѣдующаго содержанія: «Государы! Я надѣялся, конечно, что ваше величество не прикажете привести въ исполненіе приказъ, данный главному лейтенанту Байонны относительно изгнанія португальцевъ, живущихъ въ окрестностяхъ этого города, — безъ того, чтобы не сообщить мнѣ въ точности волю вашего величества.. Я въ этомъ ожиданіи не обманулся и получилъ ваше письмо какъ разъ въ то время, когда жители Байонны чрезъ посредство одного депутата торопили меня изгнать упомянутыхъ португальцевъ, которымъ лейтенантъ уже прочиталъ соответствующее предписаніе о выѣздѣ въ опредѣленный срокъ; и *благодаря настояніямъ некоторыхъ купцовъ Байонны*, они не были бы пощажены, если бы я не отсрочилъ преслѣдованія до 10 мая, дабы имѣть время на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ и сообразно съ этимъ исполнить волю вашего величества. Къ изслѣдованію этого дѣла побудили меня нѣкоторые противурѣчія, встрѣтившіяся въ немъ, и извѣстіе о томъ, что преслѣдованіе португальцевъ начато *только вследствие подстрекательства купцовъ и въ ихъ интересахъ*, и что число этихъ иностранцевъ далеко не такъ велико, какъ это было представлено вашему величеству».

Заступничество д'Орнако имѣло успѣхъ, и байонская община уцѣлѣла. Такъ же мало дурныхъ послѣдствій имѣлъ для евреевъ Гвиенны другой королевскій ординансъ отъ 28 апрѣля 1615 года.

На этотъ разъ за нихъ вступился магистратъ г. Бордо, находя, что евреи «стали совершенно необходимыми для торговли». Самый ординансъ отличался большою строгостью; онъ предписывалъ евреямъ оставить французскую территорію въ теченіе одного мѣсяца «подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества»; тѣмъ же наказаніемъ угрожалось всякому, кто «нихъ будетъ принимать къ себѣ, оказывать имъ содѣйствіе или имѣть съ ними общеніе по истеченіи упомянутаго срока».

Въ 1684 году было издано новое предписаніе объ изгнаніи 93 семействъ изъ Бордо, Байонны, Видаша и другихъ мѣстъ.

Изъ тавота ордонавса видно, что изгнанныя семейства были бѣдны и что это послужило причиною ихъ изгнанія.

«Узнавъ, — читаемъ мы въ этомъ ордонавсѣ, — что вопреки даннымъ адвкатамъ, воспрещающимъ евреямъ селиться въ предѣлахъ королевства, ихъ оказалось весьма много подъ именемъ португальцевъ въ городахъ Бордо, Байоннѣ, Бидашѣ, Давсѣ и Шейреордѣ, и между ними 93 семьи, которыя не только не полезны для коммерціи, но являются даже тягостью для упомянутыхъ городовъ вслѣдствіе своей бѣдности, — король приказываетъ 93 еврейскимъ семействамъ, поименованнымъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ... въ теченіе мѣсяца со дня опубликованія настоящаго закона оставить предѣлы государства... ведъ страхомъ тѣлеснаго наказанія»...

Повидному, и этотъ ордонавсъ не былъ приведенъ въ исполненіе: по крайней мѣрѣ, поименованнымъ въ немъ лицъ спустя нѣсколько лѣтъ мы опять находимъ во Франціи. Да и наудача было уходить имъ. Въ томъ же 1684 году въ Лисабонѣ былъ присужденъ въ уплатѣ значительнаго штрафа и въ позвоненному заключенію проживавшій во Франціи, въ Бордо, «новый христіанинъ» Гаспаръ Фернандесъ Маркецъ, уроженецъ Виллавиозы, за то только, что онъ въ качествѣ купца временно пріѣхалъ на свою старую родину!

Португальскіе евреи, поселившіеся во Франціи, всегда принимали дѣятельное участіе въ судьбахъ своей новой родины. Особенно отличалась въ этомъ отношеніи Бордосская община. Такъ, въ 1757 г. она присоединилась къ тѣмъ изъявленіямъ сочувствія, какія получала изъ разныхъ мѣстъ Франціи Людовикъ XV (тогда пользовавшійся еще популярностью) по поводу произведеннаго Даміеномъ покушенія на его жизнь. «Получивъ печальную вѣсть о покушеніи на личность короля», гласитъ состоявшееся по этому поводу опредѣленіе общины, «мы собрались у синдика нашего господина Мендеса Везги и постановили назначить на завтра постъ, молебствіе и раздачу милостыни, дабы призвать благословеніе Божье на короля и на домъ его». Въ 1766 году по поводу во Франціи производился сборъ для выкупа плѣнныхъ французъ въ Марокко. Бордосскіе евреи предоставили въ распоряженіе мѣстнаго епископа 1000 фунтовъ, «въ виду симпатичности цѣли, ради которой производится сборъ, и для того чтобы засвидѣтель-

ствовать усердіе наши въ отношеніи къ всему, что касается блага государства». Въ 1762 г. они пожертвовали значительную сумму въ 60,000 фунтовъ на постройку линейнаго корабля. Въ постановленіи общины объ этомъ предметѣ мы читаемъ: «Бордоскія нація, комиссія и нормальская, въ Бордо собралась, воодушевленная чувствомъ патриотизма, побудившими добрыхъ гражданъ открыть подписку на сооруженіе линейнаго корабля для королевскаго флота, и отдѣльные плательщики подносили слѣдующія суммы»... Бордоскіе евреи участвовали также въ городской милиціи. Когда послѣдняя была въ 1773 году призвана подъ оружіе для подавленія возникшаго въ Гвиеннѣ возстанія, главный раввинъ—въ виду серьезности положенія—разрѣшилъ еврейскимъ милиціонерамъ исполнять военныя обязанности также по субботамъ и праздникамъ.

Въ первое время, когда португальскіе евреи наружно еще исповѣдывали католицизмъ, они крестили своихъ дѣтей, совершали бракосочетанія и хоронили покойниковъ по католическому обряду. Метрическія записи, хранящіяся въ кафедральной и другихъ церквахъ города Бордо, представляютъ тому многочисленныя доказательства. Впослѣдствіи церковная регистрація «португальцевъ» замѣняется собственною общинною, сила которой признается парламентами (т. е. государственными судами). Въ этой регистраціи мы уже находимъ отмѣтки объ актахъ обрѣзанія, а также и объ обрядахъ бракосочетанія и погребенія, совершенныхъ согласно съ предписаніями еврейской религіи. Бракосочетанія совершались въ синагогахъ и сопровождались составленіемъ кетуби на древне-еврейскомъ и испанскомъ языкахъ. Парламенты, рѣшая браво-разводныя дѣла, нерѣдко отсылали тяжущихся къ мѣстному бетъ-дину, а иногда и сами примѣняли нормы еврейскаго права. Такъ, въ 1768 году бордоскій парламентъ рѣшеніемъ отъ 7 мая принудилъ Даниеля Теллеса Дакосту, по требованію вдовы его покойнаго брата, совершить обрядъ халицы. Любопытно, что въ метрическихъ записяхъ, касающихся обрѣзанія, есть много указаній на совершеніе этого обряда надъ лицами старшаго возраста, 35-ти, 40 и даже 65 лѣтъ! Большая часть ихъ — выходцы изъ Испаніи и Португаліи. Чѣмъ дольше португальскіе евреи проживали на своей новой родинѣ, тѣмъ болѣе они осваивались съ ея языкомъ и нравами. По историческимъ актамъ можно прослѣ-

днѣ, какъ ихъ испанскія и португальскія фамилии превращались въ французскія. Такъ, Перейра превращается въ Перейръ, Кардезо—въ Кардозъ, Дель-Валле—въ Дюваль и т. д. Ни подозрительность католическаго духовенства, ни суровые эдиктансы королей не могли воспрепятствовать сближенію сердецъ съ кореннымъ населеніемъ той страны, въ которой имъ пришлось немало выстрадать, но въ которой зато для нихъ впервые занялась свѣтлая заря гражданскаго равенства.

I. 3.

КРИТИКА.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ НА ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

«*Mimisrach Umimaarabh*», hebräische Monat(s)schrift für Lit(t)eratur und Wissenschaft. Herausgegeben von Ruben Brainin. Wien. Erster Jahrgang, Heft II (Мимизрахъ у жимааривъ. Ежемесячный литературно-научный журналъ на еврейскомъ языкѣ. Годъ I кн. 2. Вѣна).

Евреи уже такъ привыкли къ безцеремонному съ ними обращенію, что считаютъ это чуть ли не за законъ природы. Потому, видно, и г. Брайнинъ рѣшилъ, что «наши» не обидятся, если я имъ въѣсто того, чтобы ежемесячно присылать книжку, какъ это было обѣщано, пришлю черезъ четыре мѣсяца. И объясненія, на что читатели могли вполнѣ рассчитывать, г. Брайнинъ не далъ намъ никакого. Въ самомъ дѣлѣ, что съ «ними» церемониться: сказано-де—«евреи»! На обложкѣ первой книжки значится «Juli Heft», и по еврейски—חזק, на обложкѣ второй—должны же быть и мѣсяцы безъ названія, если бываютъ дни безъ числа, какъ блестяще доказалъ намъ одинъ изъ Гоголевскихъ героевъ. Кстати, и мѣсяць выхода первой книжки считается у евреевъ весьма неудачнымъ: кто не знаетъ, что חזק опасный мѣсяць! На второй книжкѣ продолжаетъ красоваться надпись «ежемесячный журналъ». Такъ и запишемъ. Пора однакожь, чтобы и евреи стали обижаться и не позволяли бы «даже» г. Брайнину водить себя за носъ. Перейдемъ къ разбору содержанія. Чего, чего вы тутъ не найдете: біографія Гельмгольца; философія гр. Л. Н. Толстого; рѣшеніе еврейскаго вопроса по Лероа-Волье и Лошбрюе; исторія развитія еврейской литературы въ XIX вѣкѣ; путевыя замѣтки какого то американскаго профессора, видѣвшаго Нилъ; ну а затѣмъ пошла «наука» въ разныхъ видахъ. Да, самое главное имъ и забыли: «повѣя» и «фельетонъ»! Заканчивается книжка «некрологомъ». И все это на 160 страницахъ! Начнемъ по порядку. Первая статья о Гельмгольтцѣ, повиднмому, редакціонная. Не менѣе какъ пять способовъ изображенія фамиліи покойнаго вѣицкаго ученаго даетъ намъ авторъ. На 8-й стр. читаемъ: זמלתיך

мѣсь, а на 9-й: תולדות-משה, при чемъ надо замѣтить, что по еврейски это нельзя перевести словами תולדות משה. Во всей статьѣ масса неточностей въ общемъ проглядываетъ страшная небрежность во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя имена ученыхъ переданы еврейскими литерами, другія—нѣтъ (стр. 6 и 7), что особенно неудобно для читателей, не знающихъ иностранныхъ языковъ. Что касается содержанія, то оно изложено безъ особо строгаго плана и оставляетъ желать многого. Со дня смерти Гельгольца до выхода въ свѣтъ 2-й книжки прошло столько времени, что можно было написать немножко лучше.—За тѣмъ слѣдуетъ статья о гр. Л. Н. Толстомъ. Отложитъ разборъ этой статьи до другого раза, ибо она еще не окончена. Какъ мы слышали, авторъ статьи—раввинъ маленькой еврейской общины въ Россіи (духовный разувѣтается, ибо «казенные» у насъ нѣблютъ свою «литературу»: метрическія свидѣтельства и проч.), и весьма отрадно, что онъ и гр. Толстому удѣлилъ свое вниманіе, но мы не можемъ не замѣтить, что еврейскіе писатели не нѣблютъ зацѣпиться скромностью и въ очень большой доѣ. Зачѣмъ, напр. прицѣпять Гегеля? Зачѣмъ тутъ Гейне? Вычитатъ гдѣ нибудь двѣ-три фразы изъ Гегеля не даетъ еще права шмыряться нѣтъ, а это «шмырянье» учеными фразами въ современной еврейской литературѣ прино тошноту наводить. На каждомъ шагу—Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Сениоза, Кантъ, и т. д. и т. д. Интересно было бы знать, изъ какого нумера «Гамелица» или «Гаммагид» черпаются подобныя знанія. Пора также отбросить всякаго сорта тривіальныя выраженія и фельетонныя манеры, если пишешь «серьезную» статью. Отъ первыхъ трехъ строкъ статьи о гр. Толстомъ въ первой книжкѣ (стр. 30-я) несетъ далеко не благоухающіе запахомъ ошибота, да и все предисловіе не нѣшало бы сдѣлать почище. Такую же тривіальность позволилъ себѣ и авторъ биографіи Гельгольца, тамъ гдѣ онъ говоритъ о его происхожденіи (стр. 5). Вообще было бы лучше нѣтъ поменьше оригинальныхъ, а побольше переводныхъ статей разувѣтается съ хорошими выборомъ. Дайте намъ, г. Брауннъ, Толстого въ переводѣ, а ужъ «философію» мы сами будемъ разводитъ, дайте, если это нужно, Гюи де Мопассана въ переводѣ и оставьте у себя ваши «à la» Гюи де Мопассанъ.—Во второй книжкѣ, слава Богу, нѣтъ продолженія статьи о Фр. Нитче и мы будемъ весьма обязаны г. редактору, если онъ остальное отложитъ печатаніемъ до пришествія Мессіи. Всѣ эти статьи на тему «Взглядъ и нѣтто» можно слѣкойно передать въ редакцію «Hamaqid»: тамъ они весьма кстати.—Хороша зато статья д-ра Ш. Ландау, «Еврейскій вопросъ и его рѣшеніе по Леро-Волье и Лонброзо»; она читается легко и съ большимъ интересомъ,

и показывать, что авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ.—Путевыя замѣтки «американскаго профессора» Зеликовича, сохранившіяся у него съ 1885 года, могли спокойно у него дольше «сохраниться». Мы узнаемъ отъ г. Зеликовича (стр. 68), что и подъ жгучимъ африканскимъ солнцемъ могутъ отлично красавицы расти. Ахъ, какъ это трогательно!—Статья № 9 есть фельетонъ и занимаетъ пять страницъ, но вотъ бѣда, это лишь предисловіе, а самую мудрость мы еще услышимъ. Пока узнаемъ, что авторъ слишкомъ четыре года тому назадъ впервые выступилъ на «литературную сцену» въ *Гамеллицъ* и съ большимъ успѣхомъ (какъ это намъ пріятно знать!), но потомъ сразу замолчалъ, но причинъ, которую онъ намъ сейчасъ изложитъ; теперь же онъ выступилъ на *новую* сцену и передъ *новой* публикой. А намъ думается, что было бы очень хорошо, если бы авторъ замолчалъ еще на четыре года! Въ 1890 г., побѣдуетъ намъ авторъ, послѣ того, какъ я написалъ послѣднюю статью, я сидѣлъ разъ съ перомъ въ (правой) рукѣ, нагнувши голову и приложивъ лѣвую руку ко лбу; душа устала, сердце стучить, а (въ головѣ) ни одной «новой мысли». О, бѣдный, бѣдный! И вотъ авторъ, какъ видите, четыре года слишкомъ сидѣлъ, сидѣлъ, думалъ, думалъ и, наконецъ, выдумалъ. «Вотъ гдѣ надобно учиться вѣрить и терпѣть», скажемъ мы словами поэта Никитина. Но новыя «мысли» автора, которыя онъ *высидѣлъ*, предстали предъ нами въ видѣ глупѣйшаго фельетона на весьма избитую тему. Въ концѣ своего «произведенія» авторъ обѣщаетъ намъ «товару» всякаго сорта: ему-де все нишеченъ—и о внутреннихъ дѣлахъ, и «вообще» готовъ онъ покаяваться, стихи у него въ занасѣ, одинъ изъ словъ «товару», что у Некрасовскихъ «коробейниковъ». И какъ бы хорошо было, если бы онъ у себя дома жилъ, да поживалъ, да деньги важнвалъ, и оставилъ бы насъ въ покоѣ съ своими «произведеніями». Ахъ, г. Врайинитъ, г. Врайинитъ! И не стыдно вамъ такой вздоръ печатать?

Перейдемъ къ научному отдѣлу. Первая статья проф. Вѣнской евр. семинаріи, д-ра Шварца. Для *кого* это писано, мы не знаемъ; *зачѣмъ* она *сюда* попала, еще менѣе понятно. *Гдѣ* текстъ вѣрише, въ Тосефтѣ или въ Мишиѣ, въ вопросѣ, касающемся закона, который для насъ потерялъ всякое значеніе—это можетъ интересовать очень немногихъ, и такіе вопросы не должны быть мѣста здѣсь. На стр. 92 читаемъ:

לכן כל מי שאוכר שרביעית כים לכחודע היינו רביעית הלת, להית שוה הוראתה של רביעית סלם, אינו אלא טועה.

Ахъ, какъ это важно!

Вторая научная статья вышла изъ подъ пера доцента берлинской еврейской семинаріи (известной подъ названіемъ: «Lehranstalt für die Wissenschaft des Judenthums») д-ра Мартина Шрейнера. Произведеніе арабскаго философа Абубекръ-бень Махметъ и т. д., жившаго въ XII стол., дается намъ въ переводѣ, принадлежащемъ еврейскому ученому, рабби Ханшъ бень Іегуда. Мы не станемъ отрицать того, что подобныя работы очень цѣнны, тѣмъ болѣе, что г. Шрейнеръ уже успѣлъ заявить себя въ качествѣ знатока арабскаго языка вообще и арабско-испанской эпохи въ особенности, однако надо же принять во вниманіе и интересы большинства читателей, для которыхъ еврейско-испанская философія—книга за семью печатями, и которые вправѣ требуютъ отъ г. Брайнна болѣе удобоварнаго матеріалу. И это тѣмъ болѣе жаль, что у насъ мало такихъ ученыхъ, которые могли бы дать намъ полную картину религіозно-философскаго движенія въ еврейско-испанскій періодъ на основаніи научныхъ данныхъ, какъ это можетъ г. Шрейнеръ. Небрежность, которую мы должны отнести на счетъ редакціи, и тутъ замѣтна. Въ оглавленіи ны читаемъ: פּוֹדֵל въ заглавіи статьи (стр. 96) פּוֹדֵל; въ предисловіи (первое слово) פּוֹדֵל. Что нибудь одно вѣрно, читатель. Въ этой книжкѣ лишь начало статьи. Далѣе слѣдуетъ статья № 12: «Послѣдніе (еврейско) испанскіе поэты». Отдѣлъ первый «Der Divān des Salomo Bonfed, zum ersten Male nach einer Oxforder Handschrift edirt und mit Anmerkungen versehen von Rabb. Dr A. Kaminka». О томъ, что г. Каминка докторъ, и въ тому-же—раввинъ, сообщается намъ обязательно не меньше *трехъ* разъ...

Въ предисловіи г. Каминка превозноситъ Бонфедата и старается доказать, какъ *важно* знать его произведенія. Къ сожалѣнію, мы и тутъ должны сказать то же, что сказали выше по поводу статьи г. Шрейнера. Стихи Бонфедата очень важны какъ историческій документъ и какъ свидѣтельство того, на какомъ уровнѣ развитія стояли тогда евреи, они имѣютъ значеніе для еврейскаго историка вообще и для историка еврейской литературы въ частности, но какъ *поэтическое* произведеніе они *никакой* цѣнности не имѣютъ. За *одну* страничку стиховъ покойнаго Л. О. Гордона мы подаримъ г. Каминкѣ *цѣлую* книгу стихотвореній Бонфедата и въ придачу еще стихи г. Вьялика, которые г. Брайннъ поимѣстилъ, какъ въ первой, такъ и во второй книжкѣ журнала. Если г. Каминка въ состояніи восхищаться стихами Бонфедата, то мы можемъ только завидовать его счастью но ничуть не поэтическому чутью.

Статья № 14 принадлежитъ еще къ научному отдѣлу. Авторъ ея

известный французский ученый, ориенталист г. Галеви. Трактуетъ она.. вы задумаете о языковеденіи? нѣтъ—совсѣмъ не о томъ: о земледѣліи. Профессоръ Галеви задался прекрасной цѣлью, именно—выработать терминологию, дабы можно было писать книги по сельскому хозяйству. Мысль превосходная, и намъ думается, что задача г. Галеви состоитъ въ томъ, чтобы составить техническій словарь, если хотите съ приложеніемъ необходимыхъ рисунковъ, оставивъ остальное тѣмъ, что знаютъ толкъ въ агрономіи. Какъ могла г. Галеви придти странная мысль писать о метеорологіи, о значеніи количества дождевыхъ осадковъ для земледѣлія и т. д.—мы не знаемъ, но несомнѣнно, что никому нельзя совѣтовать учиться естественнымъ наукамъ вообще и сельскому хозяйству въ особенности у ученаго, мостѣйшаго на грамматикахъ и словаряхъ. Между тѣмъ, для составленія технического словаря имъ врядъ ли найдется кого либо болѣе подходящаго. Г. Брайнинъ, повидному, чувствовалъ, что тутъ что-то не ладно, и считъ нужнымъ предпослать труду г. Галеви предисловіе. Г. Брайнинъ «уѣрываетъ» насъ, что Галеви хорошій семитологъ и пишетъ правильно по еврейски. Какъ вамъ нравится это, читатель? Мы позволимъ себѣ думать, что такая рекомендація совершенно неуѣстна. Въ концѣ своего предисловія г. Брайнинъ общаетъ намъ дать переводъ новыѣ, составленныхъ г. Галеви словъ на нѣмецк. яз. Этого то намъ собственно и требуется, и если бы г. Галеви тѣмъ и ограничился, то было бы очень хорошо. Благодаря словарю, намъ бы напр. г. Марголисъ-Кальварійскій, которому удѣлено въ этой книжкѣ журнала три страницы для «разсужденій» о націонализмѣ, могъ что нибудь написать по земледѣлію. Г. Марголисъ-К. воспитанникъ монпельевской земледѣльческой школы, владѣеть хорошо древнееврейскимъ языкомъ и понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ безъ всякаго сомнѣнія больше, чѣмъ проф. Галеви. А разговоры о націонализмѣ не нѣшало бы редактору запрятать подъ сукно. А г. Галеви продолжалъ бы писать словарь и оставилъ бы въ покоѣ сельское хозяйство. На что ужъ графъ Л. Н. Толстой: давно намѣтъ и скородитъ, а все таки, какъ злые языки говорятъ, не вспахать ему такъ, какъ онъ пишетъ...

О содержаніи статьи говорить не будемъ. Укажемъ лишь опять на небрежное отношеніи редакціи къ своему дѣлу. Г. Галеви, очевидно, не очень хорошо уяснилъ себѣ для кого онъ пишетъ. Еврей-крестьянинъ въ Палестинѣ не пойметъ его, ибо новые термины онъ преводитъ на французскій языкъ. Намъ лично не приходилось встрѣчать между взрослыми колонистами такихъ, что знали бы франц. языкъ; ученики же школы «Микве-Израиль» не понимаютъ по древнееврейски. Да и огромное большинство

читателей журнала г. Врайнина тоже не понимаютъ французскаго языка. Г. Галеви ногъ не знать съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и потому онъ сыплетъ переводомъ словъ и исписываетъ свою статью цифрами такъ, что ее совсѣмъ читать нельзя, но г. Врайнинъ, который приноноситъ своимъ читателямъ даже стихи (напр. въ статьѣ г. Каминки) безъ объясненій и вдобавокъ безъ пунктуаци, долженъ былъ знать, что если онъ своимъ читателямъ считаетъ способными понять все, что напечатано въ первой книжкѣ журнала и на 128 страницахъ второй, они также поймутъ безъ всякихъ объясненій такія слова, какъ *הַמַּלְאָכִים* (ЖМ 7 и 8), *הַמַּלְאָכִים* (3), *בְּכֹחַ* (14), *חָמֵן* (15) и т. д., и т. д., или скажетъ словамъ Галеви *לְכֹחַ* *תּוּר*, что онъ, какъ вѣжливый французъ, тутъ же и поясняетъ: «*etc.*». Тутъ не г. Галеви виновать, а г. Врайнинъ, который долженъ знать, что всѣ эти *страшно-трудныя* слова извѣстны каждому мальчику, прожившему годъ въ хедерѣ. Притомъ, переводъ не вездѣ вѣренъ, напр. слово *בְּכֹחַ* вовсе не значить «*grorge*» (прик. 107). Слогъ въ общемъ тяжелый, мѣстами даютъ себя чувствовать галлицизмы... Вдобавокъ примѣчанія перепутаны и масса корректурныхъ ошибокъ...— Статью г. профессора Шаapiro обойдетъ молчаніемъ. Его маленькая замѣтка—отповѣдь автору статьи, помѣщенной въ первой книжкѣ подъ заглавіемъ «*Быть или не быть?*»—явилась весьма кстати, но нельзя не оставить безъ порицанія тотъ ультра-шоввинизмъ, который проявляется въ маленькой замѣткѣ г. Шаapiro. И что за стиль! Можно думать, что это какой нибудь бахуръ состряпалъ свою первую корреспонденцію о нивкѣ. Странная вещь: пока нашъ интеллигентъ имѣетъ дѣло съ не-евреями, онъ держитъ себя очень прилично, даже съ извѣстными достоинствами; но разъ не-евреи ушли и позвонилъ еврей, картина сейчасъ же мѣняется. Послѣшно сбрасываетъ съ себя интеллигентъ фракъ и бѣлый галстукъ и напяливаетъ лейбсердакъ, даже бѣлый платокъ закрываетъ онъ «*шмаркательными*». Зачѣмъ это, г. Шаapiro? Стыдно вамъ идти въ науку къ бѣдному бахуру, который уже настолько выросъ, что лейбсердакъ и его уже душить. Нѣтъ, ужъ вы оставьтесь «*при*» фракъ и бѣломъ галстукъ; не бойтесь, мы всѣ васъ поймемъ; пишете такъ, какъ вы это дѣлаете, когда передъ вами нѣмецкая публика, а то вы и бахуру кажетесь смѣшными...

Маленькій рассказъ М. Каминскаго полонъ жизненной правды и весьма симпатиченъ по замыслу; недуренъ также и слогъ. Пожелаемъ ему дальнѣйшаго успѣха и будемъ надѣяться, что онъ постарается работать въ этомъ направленіи.

Оставимъ прозу и перейдемъ къ «*позіи*» или, скромно выражаясь,

къ «решованной» прозѣ. Въ нашъ положительный вѣкъ быть можетъ и стыдно стѣснвани пробавляться, но что дѣлать? Чистосердечно каюсь, читатель: какъ только попадаетъ мнѣ въ руки книжка какого либо журнала, я прежде всего ищу стихотворенія. Меня уже сами поэты отъ такой непростительной слабости отбучивали, но все напрасно. На сей разъ, однако, наука ихъ мнѣ впродъ пошла. Пробѣжавъ оглавленіе журнала г. Врайнина, я было несказанно обрадовался: цѣлыхъ три стихотворенія одного г. Вялика, изъ коихъ одно занимаетъ шесть страницъ (это, правда, плохой признакъ), одно г. Каплана и одно, посмертное, Л. О. Гордова. Последнее ничего не прибавитъ къ славѣ поэта. Капланъ перевелъ одно стихотвореніе Фруга и не очень плохо. Однако, пока г. Капланъ выучится хорошо переводить, мы останемся при «оригинальныхъ» стихотвореніяхъ самого Фруга. Но ва то г. Вяликъ положительно безподобенъ! Уже въ первой книжкѣ журнала (стр. 56) г. Вяликъ помѣстилъ маленькое стихотвореніе, въ которомъ говорить, что въ выборѣ между нечемъ и арфой онъ предпочелъ послѣднюю, ибо войны онъ страшно боится даже падаетъ въ обморокъ, когда слышитъ звукъ барабана.. Мы и думали, что г. Врайнинъ закажетъ въ Вѣнѣ палку, которая не стрѣляетъ (загранницей можно все достать) и перешлетъ ее г. Вялику, ибо послѣдній, очевидно, ошибся въ выборѣ, попалъ не въ ту дверь, какъ говорится. Г. Врайнинъ, однако, пожалѣлъ Вялика, ибо въ рукахъ послѣдняго всякая палка можетъ начать стрѣлять и рѣшилъ, что лучше быть плохимъ поэтомъ, чѣмъ плохимъ солдатомъ. И пошелъ соловей пѣть! Простинъ и мы г. Вялику его бездарность, ибо на нѣтъ—и суда нѣтъ, простинъ ему и его безграмотность—будемъ то считать «поэтической» вольностью, но чего мы ему простить не можемъ, такъ это то, что онъ себѣ представляетъ поэзію складомъ всевозможныхъ нечистотъ. На шести страницахъ г. Вяликъ излагаетъ съ особую любовью отчетъ какого-то общества ассенизаціи. Такія слова, какъ: באשים, נתעבים, כועת הכרחץ, וטרודים, חזנתה, וטרודים, и т. д., и такія фразы, какъ

קירותיו עד הצים עבשים ומכים
כצרכי העברים ושנים הכרבים

или

גל אשפה כי יבאש—ירם תולעים,
ואת תורת בנינו כבתי הכלאים.

г. Вяликъ считаетъ поэзіей! Мы не станемъ переводить это на русскій языкъ въ интересахъ нашихъ читателей и въ особенности читательницъ. Мы хотѣли бы знать, въ какомъ грязномъ болотѣ купается г. Вяликъ? Оставьте

ваши впечатлѣнія, которыя вы при этомъ успѣли получить, въ собственномъ владѣніи, не выносите ихъ на свѣтъ Божій. Нѣтъ, г. Вяликъ, о поэзіи вы и понятія не имѣете и первое, что мы вамъ посоветовать можемъ, такъ это слѣдующее: купите себѣ побольше карболоваго мыла и мойте свой Парнасъ до тѣхъ поръ, пока онъ приметъ приличный видъ, а потомъ приглядитесь къ тому, какъ нозы пишутъ, а потомъ... потомъ возьмите свою арфу и разбейте ее въ дребезги: потомъ вамъ, г. Вяликъ, не суждено быть! Остальныя два «стихотворенія» г. Вялика (стр. 148—151) значительно чище, но бездарность и тутъ господствуетъ...

А въ первой книжкѣ журнала стр. 8 и 9 г. Браинниъ даетъ намъ *краткій* перечень того, что намъhrenъ преподнести своимъ читателямъ. Въ эту программу входятъ всѣ науки, всѣ искусства, а пунктъ четвертый гласитъ, что въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщено только самое изящное, самое лучшее! Да-съ, г. Браинниъ, на вкусъ и на цвѣтъ товарищей нѣтъ...

Прощайте, читатель, до выхода въ свѣтъ третьей книжки журнала г. Браиннина. Неудача предпріятія г. Браиннина не должна обезкуражить любителей древнееврейскаго языка. Напротивъ, г. Браинниъ доказалъ, что при извѣстной энергіи можно много сдѣлать. На зовъ г. Браиннина откликнулись наши лучшія силы и со всѣхъ сторонъ ему оказано и обѣщано самое горячее содѣйствіе. Но г. Браинниъ на это израсходовалъ всю свою энергію и теперь онъ сидитъ какъ ракъ на мели. Не хватило у г. Браиннина умѣнья редактировать, не хватило у него также присутствія духа предать пламени все то, что не достойно названія «литературы». Заслуга г. Браиннина состоитъ въ томъ, что онъ показалъ, что журналъ у насъ можетъ существовать, если во главѣ предпріятія будетъ стоять человекъ знающій свое дѣло. А между тѣмъ широковыщательная программа г. Браиннина испугала другого нашего писателя, сдѣлавшаго уже всѣ приготовления къ изданію еврейскаго журнала. Мы не имѣемъ права его здѣсь называть, но надѣемся, что первый страхъ его прошелъ, и онъ отъ слова перейдетъ къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ нашихъ современныхъ писателей онъ почти единственный человекъ, которому эта задача по плечу. Мы обратимся къ нему словами Шиллера:

„Ein Mann ist viel werth in so theurer Zeit;
Ich möcht'ihn nicht mit leichtem Sinn verlieren!“

.....

За дѣло! Съ Богомъ!

Искандеръ Нигарбъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Entwicklungsgeschichte der israelitischen Gemeindeschule zu Riga. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte von Dr. Adolf Ehrlich. St. Petersburg 1894. (Адольф Эрлихъ, д-ръ. Исторія развитія общественной еврейской школы въ Ригѣ. Матеріалы для исторіи культуры. Спб., 1894).

Рижская еврейская школа — одна изъ первыхъ въ Россіи по времени своего возникновенія. Исторія ея учрежденія и дальнѣйшаго развитія, дѣятельность ея первыхъ руководителей, на долю которыхъ, какъ извѣстно, выпали впоследствии еще болѣе сложныя отвѣтственность и обязанности, вліяніе рижской школы на судьбы образованія въ Россіи вообще и въ прибалтійскомъ краѣ въ частности, — все это несомнѣнно представляетъ глубокий интересъ и заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, книжка д-ра Эрлиха даетъ гораздо менѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ, повидному, отнесся къ своей задачѣ старательно и добросовѣстно, рылся въ училищномъ архивѣ, просмотрѣлъ официальные наданія, почтительно кое-что изъ литературы вопроса, но совершенно не ориентировался въ этомъ матеріалѣ: онъ не извлекъ, въ сущности, того, что могло бы дѣйствительно дать понятіе объ «исторіи развитія» названной школы и составить матеріалъ для «исторіи культуры» евреевъ въ Россіи. Вы найдете въ этой книжкѣ выписки изъ протоколовъ учительскихъ совѣщаній конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, найдете копіи официальной переписки между рижскимъ кагаломъ и учебнымъ вѣдомствомъ въ среднѣ 30-хъ годовъ, таблицу числа учащихся за время 50-лѣтняго существованія школы, — но не найдете ни общей характеристики тѣхъ условій жизни и теченій въ общественной мысли, подъ вліяніемъ которыхъ создавалась эта школа, не получите представленія о томъ, что изъ этой школы выносили учащіеся, и не выясните себѣ значенія школы для того времени. Личность перваго директора школы — д-ра Лиліентала — обрисована бѣгло, сухо, и въ сущности не воспроизведено даже, что именно этотъ незабвенный организаторъ русско-еврейскаго образованія сдѣлалъ для школы. Все изложеніе, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, представляетъ собственно рядъ вы-

писокъ въ хронологическомъ порядкѣ или изложеніе фактовъ, заимствованныхъ изъ архива училища. Не отдѣльно даже болѣе существенное отъ менѣе существеннаго. Напр. на стр. 15-й, подъ 1845 годомъ, вы наталкиваетесь на сообщеніе, что тогдашній директоръ школы—д-ръ Нейманъ (впоследствии с.-петербургскій развиль)—«совершилъ поѣздки на свою родину, чтобъ жениться», на стр. 16—17 приводятся подробныя свѣдѣнія о числѣ зарѣзанныхъ на бѣлыхъ воловъ въ періодъ 1840—1848 гг. (доходы училища находились тогда въ нѣкоторой зависимости отъ этого обстоятельства), въ разныхъ мѣстахъ точно указывается, какія въ разное время были преподаватели въ школѣ, приводятся даты и №№ тѣхъ официальныхъ бумагъ, концы они утверждались въ сей должности,—но вмѣстѣ съ тѣмъ читатель не выноситъ никакого представленія о томъ, что вносили въ школу если не всѣ учителя, то по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающіеся изъ нихъ (Лиліенталь, Нейманъ, Вундербауъ). Даже глава, специально посвященная «характеру школы» (стр. 37—42), представляетъ только рядъ выписокъ по вопросу о томъ, можно ли рижскую школу считать частной или общественной? Правда, характерно, что учебная и общая губернская администрація въ теченіе долгаго времени высказывали по упомянутому поводу совершенно разнообразныя мнѣнія; любопытенъ и финалъ этихъ долгихъ перипетій: въ концѣ концовъ, эту, учрежденную въ свое время съ Высочайшаго разрѣшенія, школу признали «частнымъ учебнымъ заведеніемъ!» (стр. 41). Но думается, что на тему о «характерѣ школы» можно было бы рассказать и нѣчто болѣе назидательное. Интересъ новизны въ разсматриваемой книжкѣ составляютъ, главнымъ образомъ, данныя о позднѣйшей судьбѣ школы, любопытныя сопоставленія относительно тенденціонныхъ измѣненій въ переводѣ первоначальныхъ правилъ о школѣ на русскій языкъ, нѣкоторые выписки изъ рукописныхъ матеріаловъ. Исторія школы доведена до начала 90-хъ годовъ и содержитъ даже указанія относительно того, какъ отразились на школѣ обручительныя тенденціи послѣдняго времени, происходившія въ Ригѣ ограниченія въ правѣ жительства и стоящія въ связи съ послѣдними выселенія.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I. ЖЕНИТЬБА МЕЙЕРОВИЧА. Повѣсть (Окончаніе). С. О. Ярошевскаго.	3
II. ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ. Записки эмигранта. (Окончаніе). М. Эттингера.	17
III. НЕВЕСНАЯ ТРАВА. Южнорусское преданіе. Я. С.	36
IV. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ СААДИИ ГАОНА. Г. Г.	51
V. ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника (на основаніи источниковъ). Проф. С. А. Бершадскаго. .	69
VI. О «ПОРО АДУМО» ИЛИ ДЕЗИНФЕКЦІЯ ПО МОИСЕЮ. Л. Эйника.	97
VII. ПѢВЦУ СІОНА. Стихотвореніе. Константина Льдова	108
VIII. ВНУКИ ГЕТТО. Романъ И. Зангвиля. Пер. С. Л. Федоровичъ.	109
IX. ИЗЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ МОТИВОВЪ. Стихотвореніе. Юлія Гессена.	143
X. ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ. Статья Леруа-Волие, члена французскаго института. Пер. Р. И. Сементковскаго.	144
XI. ИЗЪ ИСАИИ. Стихотвореніе. Х. Зингера.	157
XII. ИЗЪ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ. Стихотвореніе. Федора Солмогуба.	160
XIII. О ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПОНА. Сочиненіе Флавія Іосифа, переводъ съ греческаго маг. евр. словесности Я. И. Израэльсона. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. Введеніе, стр. XXXIII—12). (<i>Bound & separate</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIV. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВОЛОЖИНСКАГО ЕШИБОТА. Очерки съ натуры. М. Рыженна.	1
---	---

XV. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Къ исторіи испанскихъ евреевъ.
Л. З. . . . . 18'

XVI. КРИТИКА. НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ НА ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.
«*Mimisrach Umimaarabh*», *hebräische Monat(s)schrift für Li-
t(t)eratur und Wissenschaft. Herausgegeben von Ruben Brai-
nin. Wien. Erster Jahrgang, Heft II (Мимисрахъ у мимаа-
ришъ. Ежемесячный литературно-научный журналъ на
еврейскомъ языкъ. Годъ I кн. 2. Вѣна). Искандеръ Ни-
гарба. 33*

XVII. БИБЛИОГРАФІЯ.

*Entwicklungsgeschichte der israelitischen Gemeindeschule
zu Riga. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte von Dr. Adolf
Ehrlich. St. Petersburg 1894 (Адольфъ Эрлихъ, д-ръ. Исто-
рія развитія общественной еврейской школы въ Ригѣ. Ма-
теріалы для исторіи культуры. Спб., 1894). З. 41*

3-11

5-

3 2044 024 244 048

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

54172
CANCELLED
SEP 4 1984
7 '77 H

DEC 5 1994
DEC 0 1994
CANCELLED

